

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Школа государственного управления и предпринимательства

Российское общество социологов (Уральское отделение)

XXII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.

*Под общей редакцией доктора философских наук Ю. Р. Вишневого,
доктора социологических наук М. В. Певной*

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2020

УДК 316.4
ББК 60.5
Д22

Председатель оргкомитета: ректор УрФУ В. А. Кокшаров

Заместители председателя оргкомитета: проф. Ю. Р. Вишневский; проф. А. П. Багирова; доц. А. К. Ключев; проф. В. А. Мансуров; проф. А. В. Меренков

Члены оргкомитета: проф. Н. Л. Антонова; проф. Л. Н. Банникова; доц. Л. Н. Боронина; проф. Я. В. Дидковская; доц. С. Н. Костина; доц. А. А. Кузьминчук; доц. А. В. Кульминская; доц. С. В. Кульпин; доц. Д. Ю. Нархов; ст. преп. Е. О. Нидергаус; доц. Т. А. Орешкина; доц. М. В. Певная; доц. Г. А. Савчук; проф. А. В. Старшинова; проф. Э. Э. Сыманюк; доц. А. Н. Тарасова; ст. преп. Д. В. Трынов; доц. А. А. Яшин

XXII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : Д22 материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.) / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной] ; Мин-во науки и высш. образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-7996-2992-2

В материалах XXII Уральских социологических чтений отражены результаты социологического анализа актуальных проблем реализации национальных проектов в Уральском макрорегионе и других регионах России. Тематика докладов всероссийской научно-практической конференции обусловлена их ключевым значением для социально-экономического развития России и отдельных регионов и связана с проблематикой человеческих ресурсов, человеческого и социального капитала, инновационного потенциала, социального и политического участия, цифрового образования и цифровой экономики и т. д.

УДК 316.4
ББК 60.5

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-20026

*Ответственность за содержание и оформление материалов несут авторы статей.
Распространение материалов в любой форме может производиться только с разрешения правообладателя.*

ISBN 978-5-7996-2992-2

© Уральский федеральный университет, 2020

Содержание

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В. А. КОКШАРОВА.....	9
Вишневецкий Ю. Р., Певная М. В. XXII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ: В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ).....	11
СЕКЦИЯ 1. ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАХ	17
Никовская Л. И. ОСБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И НЕКОММЕРЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (ПО РЕЗУЛЬТАТМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	17
Антипьев К. А. МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И ВЗАИМНЫЕ ОЖИДАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	22
Балахнина А. Г. ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ СТАЛА ЦЕНТРОМ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА? ВЗГЛЯД ИНСАЙДЕРА.....	27
Луночкин А. В. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КРИЗИСЫ В Г. СТАЛИНГРАДЕ 1926–1927 ГГ. И ГОРОДСКАЯ ВЛАСТЬ	32
Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ РЕГИОНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ.....	36
Орлов П. А. ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ НКО В КОНКУРСАХ ФОНДА ПРЕЗИДЕНСКИХ ГРАНТОВ.....	39
Кульминская А. В., Бакшеева Д. И. РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РЕГИОНА	44
Старшинова А. В., Архипова Е. Б., Новожилов А. Б. РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО.....	48
Масоров С. Д., Кузьминчук А. А. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	53
Чикова Е. В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ПОСТАВЩИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ	56
Южакова А. И., Боронина Л. Н. ПОТЕНЦИАЛ НЕКОММЕРЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	61
Шепеленко А. Ю. ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: ВЛИЯНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕКЛАМОЙ СО НКО, НА ОБЪЕМ ДОНОРСКИХ ПОЖЕРТВОВАНИЙ.....	67
Якубова Э. Р. БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	70

СЕКЦИЯ 2. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ	76
Стегний В. Н., Курбатова Л. Н. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИСФУНКЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ ОБЩЕСТВА	76
Валиахметов Р. М. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ	82
Качанова Е. А., Катвицкая Ю. С. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ».....	85
Кох И. А. РИСКИ И КОНФЛИКТЫ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	89
Штомпель О. М. ЧЕЛОВЕК В ГОРОДЕ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РЕСУРСАМ.....	94
Одяков С. В. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	98
Колесник Е. А. ЭФФЕКТИВНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	103
Тужиков Е. Н., Талалаева Г. В. МОБИЛЬНЫЙ ПУНКТ ЗОЖ — ПРОЕКТ УКРЕПЛЕНИЯ НАВЫКОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У ВОЛОНТЕРОВ В СФЕРЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	107
Банникова Л. Н., Плетнев Д. Ю. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ.....	111
Файзуллин Ф. С. ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	115
Головина С. Г., Миколайчик И. Н., Смирнова Л. Н. ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ	120
Горин Н. В., Головихина О. С., Екидин А. А., Нечаева С. В. АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ	125
Гордеев С. С., Зырянов С. Г. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НЕОДНОРОДНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИСТЕМ: НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИЙ УРАЛА И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА	130
Зырянов С. Г., Иванов О. П. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ	135
СЕКЦИЯ 3. МОЛОДЕЖЬ КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ	139
Антропов И. Д., Медведев И. Е., Каташинских В. С. РОЛЬ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» В ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ.....	139
Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. РОЛЬ СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	143
Боронина Л. Н., Балясов А. А. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	147
Власова О. В., Казакова Е. Ф. АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	151
Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И. РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ.....	156

Гурарий А. Д. СТУДЕНЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК МАРКЕР ПРИСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	160
Ильина И. В., Литвиненко П. А. ЦЕННОСТЬ ТРУДА: МЕЖПОКОЛЕННЫЙ АНАЛИЗ.....	163
Петухов М. И., Певная М. В. МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО: ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ В ИДЕОЛОГИИ РАЗВИТИЯ.....	167
Печеркина И. Ф. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	171
Бурнашева А. А., Тарасова А. Н. УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА.....	176
Шаповалова И. С. САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО?.....	181
Армянинова Д. А., Певная М. В. СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ В ПОВЕСТКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ.....	188
Фаткуллина Г. Р. АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ	193
Федорова Е. Н. МОТИВАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ПЕРВЫЕ ШТРИХИ К ИССЛЕДОВАНИЮ.....	197
СЕКЦИЯ 4. СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ. ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ».....	202
Антонова Н. Л. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛА.....	202
Егоров И. А., Кульминская А. В. ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ» И «ДЕМОГРАФИЯ» В РЕГИОНЕ: ОПЫТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	205
Зайцева Е. В., Воронина Л. И. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ С ОРФАННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ.....	210
Елисеева С. Ю., Лебедева-Несебря Н. А. АНАЛИЗ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗДОРОВЬЕМ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ПОКАЗАТЕЛЕМ ДОВЕРИЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ.....	215
Немтина М. А. РЕФЛЕКСИВНЫЕ ТЕХНИКИ ТЕЛА БОЛЬНЫХ АНОРЕКСИЕЙ В ПОСТРЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД.....	219
Абрамова С. Б. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК МАРКЕР РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ГОРОД МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ.....	222
Шлыков В. П., Спирина М. П., Кульминская А. В. РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА О ЗДОРОВЬЕ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ.....	227
Шестакова Е. В. ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МОБИЛЬНОСТИ ИНВАЛИДОВ.....	232
СЕКЦИЯ 5. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»: КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ, ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	237
Архипова В. А. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ» И ПРОБЛЕМЫ КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ.....	237
Берзин А. Б. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА» В Г. ЕКАТЕРИНБУРГЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	241
Дудина М. Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ВУЗА.....	245

Нархов Д. Ю. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	250
Плешакова А. Ю. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ НЕМЕЦКОЙ ДУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....	255
Филипповская Т. В., Румянцова О. В. ПОЛОЖЕНИЕ О КОДЕКСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПЕДАГОГОВ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТИКА?	259
Харисова А. А. МОДЕЛЬ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РЕБЕНКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	265
Шапко И. В., Кислов А. Г. О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ.....	269

СЕКЦИЯ 6. ТРЕНДЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНДУСТРИИ 4.0 И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА.....

Апахова В. М. ОСОБЕННОСТИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....	275
Банникова Л. Н., Малютин И. М. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЛАНОВ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ	278
Гаврилюк В. В. ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА	282
Гавва Д. С., Нидергаус Е. О. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА.....	286
Шибанова Е. К. ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ СТРАН-ПАРТНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ БРИКС)	289
Бушуева Т. Н. СОЦИАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	294
Муртазина А. В., Нидергаус Е. О. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ	300
Рыбакова М. В., Пивоварова М. Б. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 4.0	305
Дуран Т. В., Костина Н. Б. «ТРЕТЬЯ МИССИЯ» ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКЕ	308
Селедко М. С., Тихонова А. О. Каташинских В. С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»).....	311
Франц В. А. ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА РОССИЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ УЧАЩИХСЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ	315
Яковлева А. А., Нидергаус Е. О. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	322

СЕКЦИЯ 7. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ДЕМОГРАФИЯ»: ВЫЗОВЫ, СТРАТЕГИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ .....

Николенко Н. А., Ситникова Я. И. ПРЕДПЕНСИОНЕРЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ О ВЛИЯНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ.....	327
Бледнова Н. Д. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВМЕЩЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ	332

Бритвина И. Б. КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И РОССИЯН	336
Судьин С. А. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	341
Каримова Р. М., Яппарова Р. Р. ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	346
Костина С. Н., Банных Г. А. МОТИВАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ	351
Могильчак Е. Л. РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРЖЦЕВ И МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КУЛЬТУРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	355
Багирова А. П., Южакова Э. В. ПРАРОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК МЕХАНИЗМ МЕЖПОКОЛЕННОГО ТРАНСФЕРТА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА.....	359
Гараева Э. И. ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ МЕГАПОЛИСА ФЕНОМЕНА ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА).....	364
Шубат О. М. ПРАРОДИТЕЛЬСТВО КАК РЕСУРС РОЖДАЕМОСТИ: СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ.....	368
Савчук Г. А., Юферева А. С., Кухаренко Ю. С., Баклагина Д. И. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ИНТЕГРАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО	373
Черешова С. В. РАСШИРЕНИЕ КРУГА СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	377
Ворошилова А. И. МОТИВЫ ПРАРОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ОТ НЕОБХОДИМОСТИ К ВЫБОРУ	381
СЕКЦИЯ 8. ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: КУЛЬТУРА ГОРОЖАН И КУЛЬТУРНЫЙ ГОРОД	386
Ануфриева Е. В. ЖЕНЩИНЫ СОВРЕМЕННОГО КРУПНОГО ГОРОДА. ГОРОЖАНКИ ЛИ? ...	386
Бирюкова Т. С. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА	390
Гаврилук Т. В. КУЛЬТУРНАЯ АГЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА: ПРАКТИКИ, НОРМЫ, ПРОСТРАНСТВА.....	394
Голубкова Е. А. ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ АМБИЕНТ МЕДИА В ОЦЕНКАХ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕСТВА ЕКАТЕРИНБУРГА.....	400
Дулина Н. В. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК МЕХАНИЗМ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛГОГРАДА).....	404
Заборова Е. Н. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	409
Хафизова В. Р. ГОРОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИА (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПРОТЕСТНЫХ СОБЫТИЙ)	413
Киенко Т. С. ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ГОРОЖАНАМИ СВОИХ ГОРОДОВ И ПРОБЛЕМА «ВОЗРАСТ-ДРУЖЕСТВЕННОЙ» СРЕДЫ: ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ КЕЙС.....	418
Клевакин Г. А., Нидергаус Е. О. ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОЖАН НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	422
Нотман О. В. МЕГАПОЛИС КАК СИСТЕМА ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ МИКРОТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ	426

Фурман Е. Л. СТАЛИНГРАД НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЫ И БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДА.....	430
Прямикова Е. В., Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. СОЗДАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: РОЛЬ И ПРЕДПОЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН	435
Шумилова П. А. РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА, И ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СПОСОБ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ.....	439
Яновская Е. А., Беликова Е. О. РЕЛИГИОЗНАЯ ПАЛИТРА ЛАНДАШФТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	443
СЕКЦИЯ 9. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	448
Андрианова Е. В., Худякова М. В. ОЦЕНКА РОЛИ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ, РОДИТЕЛЕЙ В СНИЖЕНИИ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТА НА ДЕТЕЙ	448
Ромашкина Г. Ф., Данилова Е. П. ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ УСЛУГ В «ИНТУСТРИИ 4.0».....	452
Давыденко В. А., Хузяхметов Р. Р. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ОЦЕНКАХ РИСКОВ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ?	456
Кульбин С. В. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	461
Листопад Ю. С., Дидковская Я. В. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННЫХ К ИННОВАЦИОННЫМ СПОСОБАМ.....	466
Ваторопин А. С., Четваева Н. Г., Ваторопин С. А. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА РФ».....	470
Гилева И. С., Кузнецова Е. В. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	475
Симонова Л. М., Дорохова А. О. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА НА ЭКСПОРТ: РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ.....	480
Худякова М. В., Андрианова Е. В., Овчинникова Д. С. ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕНСИОНЕРОВ ...	485
СЕКЦИЯ 10. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЭКОЛОГИЯ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	490
Орешкина Т. А., Адюкова О. А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	490
Селезнев А. А. ГОРОДСКАЯ ГРЯЗЬ КАК ОТХОДЫ КОММУНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ЭКОЛОГИЯ» И «ЖИЛЬЕ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА».....	494
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	497
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	505

Приветственное слово ректора Уральского федерального университета В. А. Кокшарова

XXII Уральские социологические чтения в Уральском федеральном университете — одно из первых научных мероприятий в нынешнем — юбилейном для нашего вуза — году. 100 лет назад, в 1920 году, университет был создан как единый вуз, затем, в годы индустриализации, произошло разделение университетов на классический и технический. И вот уже более 10 лет Уральский федеральный является объединенным университетом.

При всех сложностях этого объединения, пользуясь традиционной терминологией — «физиков» и «лириков», — сегодня все более заметен его синергетический эффект. УрФУ является одним из крупнейших научно-исследовательских центров Российской Федерации. Университет располагает высококвалифицированными кадрами, современным парком уникального научного оборудования и приборов. Фундаментальные и прикладные исследования ведутся по важнейшим направлениям науки и техники.

Мы гордимся, что в рейтинге *QS World University Ranking*, оценивающем университеты по общим показателям исследовательской деятельности, преподавания, мнения работодателей, карьерного потенциала, академической репутации, количества иностранных студентов и преподавателей продвинулись за последние три года на 286 позиций и занимаем 364-е место в мире, а в Шанхайском рейтинге — 5–6 место среди российских вузов. Не менее значимо и наше вхождение в рейтинг *Times Higher Education* в 400 лучших вузов мира по гуманитарным наукам и искусствам, в 500 лучших вузов мира — по экономике и менеджменту.

Понятно, что за этими достижениями — творческие усилия и активная научно-педагогическая деятельность всего коллектива. Конечно, эффективность науки (особенно гуманитарной) не может быть ограничена скудными цифрами объема финансирования НИОКР (а он в 2019 г. превысил 2 млрд руб.) или публикационной активности (только в международных базах *WOS* и *SCOPUS* в 2019 г. — 5700 статей). И все-таки эти цифры весьма показательны. Отмечу и заметную активизацию студенческой науки. Одно из последних достижений — наши студенты заняли четвертое место среди вузов, получивших потанинских стипендиатов.

И все-таки главный результат, с которым Уральский федеральный подходит к своему столетнему юбилею, — это более 370 тыс. специалистов, вы-

пущенных за эти годы и работающих по всему миру. Это ведь сопоставимо с населением такого крупного индустриального города, как Нижний Тагил. И эта цифра будет очень быстро расти, ведь в 2019 г. мы приняли 6200 человек на бюджетные места и почти 5000 на контрактное обучение, а в 2020 году прием на бюджетные места увеличен на 3% — до 6380 мест.

Чтения посвящены социальным аспектам важнейшего направления стратегии социально-экономического развития страны — национальным проектам. И в этой связи отмечу роль Уральского федерального университета как инициатора создания научно-образовательного центра мирового уровня для координации усилий вузовской и академической науки трех субъектов Российской Федерации — Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Уральские социологические чтения вышли из «молодежного возраста» — им 44 года. За эти годы сложилась Уральская социологическая школа, внесшая значительный вклад в развитие отечественной социологии. Последнее десятилетие чтения проходят на базе УрФУ и при его поддержке. Мы гордимся тем, что один из основателей этой школы — Лев Наумович Коган — учился и работал в нашем университете. На V Всероссийском конгрессе социологов, который, несмотря на экономические трудности 2016 г., Российское общество социологов во взаимодействии с УрФУ успешно провело на нашей базе, была открыта мемориальная аудитория имени профессора Когана. И сегодня его традиции успешно развивают две школы из 27 ведущих научных школ УрФУ: «Социология культуры и личности» (руководители Ю. Р. Вишняковский, А. В. Меренков) и «Социологическая школа исследований социальных общностей» (руководитель Г. Е. Зборовский).

Успешная работа XXII Уральских социологических чтений свидетельствует о сохранении уникальной научной традиции за счет активного обмена научной информацией, подготовки реальных практических рекомендаций для управленцев, сохранения роли социологов в воспроизводстве научных кадров.

УДК 316.334

**Вишневский Ю. Р.,
Певная М. В.**

XXII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ: В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Аннотация: в публикации отражены ключевые результаты работы научных секций конференции, выделен круг наиболее важных социальных проблем, определяющих общественно-политический ландшафт публичного управления в Уральском регионе и сопрягающихся с трудностями и перспективами реализации национальных проектов на региональном и муниципальном уровнях управления. Эти материалы позволяют сформулировать предложения ученых Уральской социологической школы по повышению эффективности реализации национальных проектов в субъектах РФ с учетом тесного взаимодействия власти, бизнеса и научного социологического сообщества.

Ключевые слова: публичная политика, национальные проекты, социологический анализ, публичное взаимодействие.

**Vishnevsky Y. R.,
Pevnaya M. V.**

XXII URAL SOCIOLOGICAL CONFERENCE: FOCUS ON NATIONAL PROJECTS (INSTEAD OF INTRODUCTION)

Abstract: the paper included the most important results of the sections' discussions. The most crucial social problems are highlighted because they influence the socio-political landscape of the Ural region. These scientific results are associated with the difficulties and prospects of implementing national projects into mechanisms of the regional and municipal governance. These materials allow us to formulate proposals of the Ural sociological school scientists to improve the effectiveness of national projects in the Russian Federation.

Keywords: public policy, national projects, sociological analysis, public interaction.

Концептуальной основой национальных проектов является идея человеческого развития, в которой сфокусированы основополагающие цели, составляющие суть и содержание современной социально-экономической политики: повышение уровня и качества жизни, сбережение нации и укрепление ее здоровья, развитие образовательного и культурного потенциала населения и т. д. Сформулированные национальные цели и стратегические задачи свидетельствуют о том, что существенно меняются приоритеты развития. Последнее перестает рассматриваться только как экономическое развитие. При этом реализация достаточно выверенных, можно сказать, прорывных идей, закрепленных в программных документах, сталкивается с несовершенством управления (его бюрократизацией) и человеческим фактором, не всегда способным быстро перестраиваться на новые рельсы. Экономический рост является не только условием, но и следствием решения целого ряда социаль-

ных задач, демографических стратегий, образовательных и социокультурных программ при кардинальном изменении управленческой системы, тех подходов, механизмов и инструментов, которые для этого требуются, трансформации традиционной деятельности управленцев и их сознания.

На повестке общественного развития стоит необходимость скорейшего внесения в разные сферы жизнедеятельности людей необходимой коррекции, что кажется вполне разумным в условиях перманентных технологических инноваций, которые часто радикально трансформируют современные представления о том, как будет выглядеть российское общество и его экономика уже в ближайшем будущем. Президент В. Путин осенью 2019 года предложил включить в национальный проект «Цифровая экономика РФ» еще один федеральный проект «Искусственный интеллект». Новое правительство М. Мишустина также собирается внести свои уточнения в национальные проекты. Другими словами, национальные проекты — это «живое» планирование настоящего и ближайшего будущего, что позволяет надеяться на то, что все заявленные идеи будут реализованы.

Важно, чтобы все россияне в той или иной степени осознавали это и по мере своих возможностей включались в созидательные процессы. Пока же мы фиксируем явные проблемы не только с соучастием, но и с информированностью населения о национальных проектах, их целях и задачах. Лучше всего, по данным социологов, россиянам известны национальные проекты «Здравоохранение» (26 %) и «Образование» (20 %). Хуже дело обстоит с программами «Жилье и городская среда» (16 %), «Демография» (16 %), «Экология» (14 %), «Культура» (12 %), «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (11 %), «Наука» (11 %). Меньше всего россияне осведомлены о нацпроектах «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (10 %), «Цифровая экономика» (8 %), «Производительность труда и поддержка занятости» (5 %). Самыми важными проектами россияне (даже те, кто до опроса ничего о них не слышал) назвали все те же «Здравоохранение» (64 %), «Образование» (46 %) и «Жилье и городская среда» (30 %).

Обозначим ключевые проблемные аспекты заявленной тематики нашего научного мероприятия, выделенные на основе научной дискуссии социологов, ключевые фокусы которой представлены в данном сборнике трудов.

УПРАВЛЕНИЕ. Проблемное напряжение обусловлено противоречиями, складывающимися во взаимодействиях власти и местных сообществ, что снижает возможность совместных действий, усиливает взаимное недоверие этих двух субъектов друг к другу. Существующие на данный момент модели местного самоуправления встроены в «вертикаль власти», довольно жестко регулируются на региональном уровне государственной власти. Факторами выстраивания баланса интересов всех трех секторов (бизнеса, некоммерческих организаций, НКО, и государства в лице чиновников) при решении социаль-

но значимых задач устойчивого развития являются экономическая устойчивость территории, развитость третьего сектора, конструктивная активность населения и компетентность чиновников, способных стратегически мыслить, видеть потенциал развития своей территории, в том числе и в людях, их предложениях и действиях. Публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти в публичной сфере при том, что не только признается и декларируется, но и совершается на практике совместная разработка решений по актуальным проблемам.

В последние годы популярной становится и дискуссия о планировании развития в пространственных границах отдельных регионов. В ходе разработки современных программ регионального развития актуализируются проблемы определения факторов наращивания региональной конкурентоспособности с учетом социально-политических и институциональных особенностей территорий. Важно понимать в связи с этим целесообразность перехода от программ, основанных на решениях «сверху» и централизованном государственном субсидировании, к инициативным стратегиям, выработанным «снизу» и базирующимся на местных активах и частных инвестициях. Создание социальных сообществ, организаций социального согласия, использование общественных ресурсов экономического развития способствует снижению нагрузки на бюджет за счет таких инструментов, например, как краудсорсинг, инициативное бюджетирование и т. д. Категорически нельзя не учитывать на уровне государственного управления факт увеличивающегося разрыва между уровнем жизни различных слоев населения, что является серьезным симптомом стагнации, социальной деформации (доходы самых богатых превышают доходы самых бедных по различным оценкам в 24—45 раз).

Важный политический вектор развития России ориентирован на формирование демократического общества благодаря развитию некоммерческих организаций как активных субъектов публичной политики и новых «игроков» на рынке социальных услуг. Взаимодействие государства и общественных организаций на основе партнерских отношений — необходимое условие конструктивной трансформации. Государство показательно отходит от традиционной патерналистской модели управления социальной сферой, но остается ключевым ее регулятором и производителем общественных благ при сопротивлении социальным инновациям со стороны традиционных акторов государственного сектора. При переходе к концепции непрямого государственного управления в социальном секторе чиновники делегируют часть своих функций и ресурсов некоммерческим организациям, одновременно приобретая эксклюзивный и быстро адаптирующийся инструмент управления и осуществления фискальных функций.

ДЕМОГРАФИЯ. Целесообразно сегодня говорить не только о проблеме увеличения рождаемости и сокращения смертности, но и о роли, трудностях

и возможностях молодых родителей, а также о прародительском труде — труде бабушек и дедушек, который они реализуют в отношении своих внуков. Прародителям передается целый ряд родительских функций, которые они выполняют совершенно особым, не похожим на других субъектов родительского труда, образом. Еще один проблемный срез связан с усилением демографических проблем в ряде российских регионов (прежде всего Сибири и Дальнего Востока) и сменой внешнеполитической парадигмы с приходом В. Путина в 2000-е гг., что обусловило смену роли соотечественников в российской политике. Последние стали рассматриваться в качестве дополнительного ресурса для частичного решения указанных проблем. Анализ программ переселения показывает, что недостаточное внимание уделяется привлечению переселенцев в сельскую местность. Отсутствует система согласования учета интересов государства, регионов, местного населения и соотечественников. Фактически местное население исключено из области действия данной программы, что влечет за собой ряд серьезных сложностей, связанных не только с отношением принимающего общества к переселенцам, но и обустройством их в регионе вселения.

ЭКОЛОГИЯ. Актуальными сегодня видятся решения, направленные на формирование экологически ориентированного сознания населения. Еще один важный аспект — экологическая безопасность, которая в настоящее время становится одним из значимых факторов развития регионов и страны в целом. При этом одной из наиболее острых проблем ее обеспечения является значительный объем образующихся и накопленных твердых коммунальных отходов (далее — ТКО). Размещение ТКО на полигонах и несанкционированных свалках выводит из хозяйственного оборота значительные площади земель, загрязняет их и оказывает существенное негативное влияние на почвы, водные объекты и атмосферный воздух и, следовательно, на здоровье населения. Актуальным является рассмотрение вопроса обращения с ТКО с позиций развития практик взаимодействия субъектов экологической политики в сфере обращения с отходами, предусматривающее взаимодействие как систему коммуникации, ориентируемое на взаимный учет интересов всех акторов взаимодействия. Промежуточные итоги реализации национального проекта «Экология» показали отсутствие эффективной коммуникации субъектов экологической политики. Это позволяет прогнозировать эскалацию конфликта в ближайшем будущем. Складывающаяся ситуация повсеместно способствует снижению уровня доверия к органам власти и лицам, принимающим решения в этой сфере. Наблюдаются противоречия между заявленными проблемами, глобальными мерами, направленными на их решение, и конкретными действиями представительств власти и бизнеса. Противоречиво формируется и нормативно-правовая база, регламентирующая новые подходы на уровне региональной политики.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ. В центре внимания участников Чтений информационный аспект взаимодействия органов власти и населения. Выявлен ряд про-

блем, сдерживающих реализацию инновационных способов такого взаимодействия: отсутствие желания и инициативы проявлять какую-либо активность среди населения и недостаточная информационная и цифровая грамотность граждан, особенно среди пожилых слоев населения. Отмечены неравномерность уровня цифровой грамотности по регионам, разрыв между органами власти и НКО в уровне использования информационных технологий. Подчеркивается необходимость прогноза социальных последствий развития цифровой экономики в России, в частности, оценка масштабов технологической безработицы в связи с внедрением искусственного интеллекта как системообразующего фактора цифровой экономики. Социологами остро ставится вопрос: насколько обоснованы конкретные задания федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» с точки зрения потребностей новой экономики и возможностей российской системы высшего и дополнительного образования.

ОБРАЗОВАНИЕ. В рамках национального проекта «Образование» особое внимание социологи уделяют проекту «Молодые профессионалы», рассматривая сложные проблемы сочетания в организациях подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, обобщая опыт реализации дуального обучения. Исследуется процесс реализации федерального проекта «Современная школа», нацеленного на создание и распространение новых технологий и методов обучения и воспитания, коренную модернизацию образовательного и воспитательного процессов в сложных условиях резкого роста числа обучающихся (в Екатеринбурге, например, за последние годы — в 1,5 раза). Среди проблем, привлечших внимание социологов, — трудности в реализации государственно-частного партнерства в сфере образования, особенно в связи с несовершенством нормативно-правовой базы.

НАУКА. В связи с воспроизводством кадров высшей квалификации уральские социологи высказывают тревогу в связи с растущим оттоком студентов в другие крупные города России и за рубеж. Среди причин этого выделяются: внедрение единого государственного экзамена, неудовлетворенность населения качеством образования, предоставляемого многими региональными учебными заведениями; негативные последствия «оптимизации» системы высшего образования региона. Анализ совершенствования системы высшего образования в соответствии с требованиями «цифровой экономики» выявил отставание внедрения проблемных, поисковых и исследовательских методов обучения вместо традиционных объяснительно-иллюстративных и репродуктивных методов. Особое внимание уделено проблематике взаимодействия вузовской и академической науки, внедрению результатов научных исследований в социальную и производственную практику, развитию научно-образовательных центров мирового уровня.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ. С учетом специфики региона эти проблемы рассматриваются конкретно

на примере металлургической отрасли и моногородов. Среди выявленных причин медленного роста производительности труда в отрасли не только технологические (наличие физически и морально устаревших основных производственных фондов и технологий, неэффективное использование оборудования), но и недостаточный уровень социальной ответственности организаций, особенно в моногородах.

Проблематика формирования динамичного рынка труда соотносится исследователями с эффективностью профессиональной социализации будущих молодых специалистов. С учетом феминизации высшего образования особое внимание уделяется повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда. Соответственно, обосновывается создание институционально-целевого коридора организации процесса перманентного воспроизводства инженерных кадров для нужд региональной экономики с учетом гендерной компоненты. В материалах Чтений обоснована ориентация на эффективность занятости во взаимосвязи экономической отдачи и достигнутых социальных результатов, их соответствию рыночным ожиданиям и предъявляемым к ним требованиям работников и трудовых коллективов. Особое внимание уделено смещению акцентов (пока, по данным исследований, очень медленному) в непрерывном профессиональном обучении на работников предприятий базовых несырьевых отраслей экономики (обрабатывающее производство, сельское хозяйство, транспорт, строительство, ЖКХ).

ЖИЛЬЕ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА. Основной ориентир исследований участников Чтений в рамках этого нацпроекта — проект «Формирование комфортной городской среды», изучение отношения населения (особенно молодежи) к пространству своего города, выявление факторов, формирующих позитивное отношение. Не менее важный аспект проблемы, привлечший внимание социологов, — углубляющаяся социально-экономическая дифференциация населения и ее отражение в социально-пространственной среде: в подходах к планировке и перестройке городов и оформлению публичных пространств. Она находит свое отражение в специфике рынка недвижимости и трансформации представлений горожан о привлекательности, значимости, престижности или культурных, исторических, социальных смыслах объектов городского пространства. Проблема социального равенства/неравенства рассматривается и в такой пространственной проекции, как доступ к публичным пространствам.

Понятно, что краткий обзор не может охватить всего многообразия мнений, представленных в материалах Чтений. Эта короткая статья не может отразить всю сложность и многогранность процесса реализации национальных проектов. Но и материалы, и особенно социологические исследования, результаты которых в них обобщены, могут оказать существенный вклад в понимание тех условий, при которых возможно эффективно, в первую очередь непосредственно для обычных людей, реализовать все национальные проекты.

Секция 1. Гражданские инициативы и взаимодействие власти, бизнеса и общества в регионах

УДК 323.326/323.329

Никовская Л. И.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И НЕКОММЕРЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация: в статье приводятся результаты социологического исследования, посвященного особенностям муниципальной публичной политики (далее МПП) как фактора выстраивания баланса интересов всех трех секторов местного сообщества (бизнеса, НКО-сектора, муниципальной власти) при решении социально-значимых задач устойчивого развития четырех муниципальных образований (далее МО) двух областей ЦФО — Костромской и Ярославской. На основе разработанного оригинального субрегионального индекса МПП — СИПП была проведена типологизация муниципальной публичной политики, а также выявлены особенности состояния диалога всех ведущих сторон публичного взаимодействия на местном уровне, замерены состоятельность институтов и механизмов муниципальной публичной политики, рассчитанных на основе массива собранных оценок респондентов от всех трех целевых групп по специально разработанной анкете.

Ключевые слова: муниципальная публичная политика, местное самоуправление, гражданское общество, общественное участие, некоммерческое сообщество, публичное взаимодействие, интервальная оценка.

Nikovskaya L. I.

FEATURES OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT, BUSINESS AND NON-PROFIT COMMUNITY AT THE LEVEL OF MUNICIPAL PUBLIC POLICY (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)

Abstract: the report describes the results of sociological research devoted to the peculiarities of municipal public policy (hereinafter MPP) as a factor of forming of balance of interests of all three sectors of the local community (business, NGO sector, municipal authorities) in the decision socially-significant problems of sustainable development 4 municipalities (hereinafter MO) two regions of the Central Federal district — Kostroma and Yaroslavl regions. Based on the original subregional index MPP — SIPP was held typology of municipal public policies, as well as peculiarities of the status of dialogue between all key stakeholders public interaction at the local level, the measured viability of the institutions and instruments of municipal public policies, based on the array of collected assessments of the respondents from all three target groups on a specially designed questionnaire

---

© Никовская Л. И., 2020

Keywords: municipal public policy, local self-government, civil society, public participation, non-profit community, public interaction, integrated assessment.

Местное самоуправление относят к важнейшим институтам гражданского общества, занимающим пограничное положение между органами государственной власти и общественной самодеятельности. Сочетание в работе органов местного самоуправления властных полномочий и общественной инициативы — явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия граждан и власти, публичного и политического. В ходе реализации проекта было проведено исследование особенностей муниципальной публичной политики (далее МПП) как фактора выстраивания баланса интересов трех секторов местного сообщества (бизнеса, НКО-сектора, муниципальной власти) при решении социально-значимых задач устойчивого развития четырех муниципальных образований (далее МО) двух областей ЦФО — Костромской и Ярославской. При этом оценивалась состоятельность публичных институтов и механизмов взаимно ответственного взаимодействия муниципальной власти, некоммерческого сообщества, малого и среднего бизнеса на местном уровне. Был разработан и применен особый инструмент — субрегиональный индекс ПП (СИПП) — для замера состояния диалога ведущих сторон публичного взаимодействия посредством оценки качества деятельности субъектов и акторов МПП и оценки развитости институтов и механизмов МПП. Были предложены два оригинальных показателя — *состоятельность институтов и механизмов муниципальной публичной политики, а также степень функциональности деятельности субъектов и акторов МПП*, рассчитываемых на основе массива собранных оценок респондентов от трех целевых групп по специально разработанной анкете. Значения этих критериев были рассчитаны для 2 муниципальных образований (далее МО) в Костромской области — *Кострома* (городской округ) и *Красном-на-Волге* (городское поселение). В опросах участвовало всего 149 респондентов, представляющих активных и компетентных представителей трех сегментов местных сообществ: муниципальной власти (61 респондент), малого и среднего бизнеса (47 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (41 респондент). Аналогичные замеры и расчеты были выполнены в двух МО Ярославской области: *Ярославле* (городском округе) и *Ростове Великом* (городском поселении). Всего было опрошено 210 респондентов — представителей муниципальной власти (92 респондента), малого и среднего бизнеса (61 респондент), руководителей и членов некоммерческих организаций (57 респондент). В двух областях всего было опрошено 359 респондентов в четырех МО. На основе собранной эмпирической информации были рассчитаны значения СИПП для каждого из четырех МО. Полученные расчетные значения СИПП и критерии состоятель-

ности институтов и механизмов МПП, а также критерии функциональности деятельности субъектов и акторов МПП были обсуждены на фокус-группах в каждом из четырех МО на предмет их соответствия реальному положению дел в публичной сфере. В работе фокус-групп участвовали представители муниципальной власти, местного бизнеса и НКО-сообщества. Полученная качественная информация о состоянии институтов и субъектов МПП была выборочно дополнена рядом глубинных интервью с наиболее значимыми представителями от каждого сектора. С целью верификации полученных результатов состояния публичной сферы (состоятельности институтов и функциональности субъектов МПП) были проведены экспертные сессии в Ярославле и Костроме.

На основе анализа полученных результатов можно сделать вывод: степень и качество публичной политики на местном уровне является важным фактором, определяющим социальное равновесие и стабильность. Ядром трактовки публичной политики для нас являлась следующая дефиниция: ПП — это программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — бизнеса и некоммерческих организаций через их представителей [1, с. 224–232]. Главный акцент при изучении ПП ставится на гражданское и деловое участие во взаимодействии с властью при решении социально-значимых проблем общества. Проведенное исследование подтвердило вывод, что публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти, что выдвигает на первый план вопросы о характере взаимоотношений государства и гражданского общества, которые могут существовать в публичной сфере, в рамках которой и совершается процесс совместной выработки решений по общезначимым социальным проблемам. В исследовании мы вводим в оборот российского дискурса *концепт муниципальной публичной политики*, связывая его прежде всего с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного общества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории [2, с. 36–54]. Исследование состояния и институтов и механизмов МПП в двух регионах показало, что МПП имеет свои особенности как социально-политическое явление. Именно на муниципальном уровне публичная политика получает свое выражение в утверждении определенного «местного порядка». Было выявлено, что в МО двух областей ЦФО наблюдаются тенденции отрыва оценок муниципальной власти от оценок двух публичных акторов — НКО-сообщества и малого бизнеса (причем в Костромской области этот тренд был выражен более ярко). Муниципальная власть испытывает достаточно сильное влияние регионального уровня государственной власти. Это не могло не сказаться на сни-

жении качества функционирования гражданского общества: его институты и акторы (профсоюзы и общественные объединения бизнеса, партии, СМИ и пр.), а также механизмы и институты межсекторного партнерства встраиваются в «вертикаль власти», что на местном уровне, который наиболее приближен к чувствительным проблемам населения, может приводить к появлению *разрывных факторов* разбалансированности МПП.

Установлено, что городской округ Ярославль характеризуется *центрированным типом* МПП, когда индексные значения трех групп консолидированы вокруг координат 0,5; 0,5, хотя оценки представителей НКО-сообщества и малого и среднего бизнеса расположились в некотором отрыве от оценок власти. Оценки МПП, полученные при исследовании Ростова Великого, подтвердили гипотезу, что чем слабее выражен уровень социально-экономического развития МО, тем ниже качество публичного взаимодействия между тремя секторами местного сообщества. Мы наблюдаем, что *центрированный тип МПП*, характерный для Ярославля, здесь сдвинулся в направлении усиления *разрывного типа*: индексные оценки представителей муниципальной власти ушли в отрыв от двух других групп — НКО-сектора и представителей МСБ. Наблюдается завышение оценок со стороны власти и некоторая неудовлетворенность в оценках бизнеса и НКО. Самые критичные оценки дали представители малого и среднего бизнеса Ростова. Состояние публичной политики в Ростове характеризуется «разрывными» моментами. Оценки муниципальной власти доминируют над оценками двух других секторов.

В городском округе Костроме сложился *центрированный тип* МПП, но с некоторой тенденцией к разрыву. Индексные оценки власти явно завышены, а оценки бизнеса и НКО консолидированы, но располагаются в квадрате с низкими оценками. Критичнее всего дали оценки представители малого и среднего бизнеса: например, они чувствуют обделенность в реализации своих публичных интересов на местном уровне, поскольку не защищены от экспансии федеральных сетевых бизнес-структур. Более оптимистичные оценки НКО-сектора в городе объясняются просто: его позитивный градус определяли т. н., старые организации (ветеранов, инвалидов, пенсионеров и пр.), социально поддержанные местной властью, а типичные «инициативные» НКО, конкурирующие за субсидии, чувствуют себя в публичном пространстве не совсем комфортно. МПП в городском поселении Красное-на-Волге отличается *разрывным типом*, но с той спецификой, что оценки муниципальной власти и НКО-сообщества практически солидарны, а позиции бизнеса значительно отрываются от них. Как выяснилось, местный бизнес здесь работает т. н. «вахтовым методом», его основные «экономические штабы» располагаются за пределами муниципальной территории, налоги также поступают не в местный бюджет, и практически представители бизнеса в Красном-на-Волге отчуждены от реальных проблем общественного разви-

тия территории пребывания и мало посвящены в его проблемы. Эта ситуация подтвердила гипотезу о том, что особенности общего поля МПП во многом зависят от специфики социально-экономического развития муниципальной территории и культурных условий функционирования основных акторов поля МПП. В Костроме наблюдается сильный разрыв в оценках представителями муниципальной власти, НКО-сектором и МСБ механизма рассмотрения жалоб и запросов, что свидетельствует о назревшей потребности в упорядочении деятельности соответствующих отделов муниципальной власти. Она либо слабо отзывчива на общественные запросы, либо мало популяризирует и доводит до населения свои решения. Аналогичный разрыв проявлен и при оценке механизма противодействия коррупции. Три института МПП получили практически консолидированно положительные оценки: деятельность муниципальной системы образования, избирательная система, действенность принципа национального согласия и веротерпимости. Самые консолидированно низкие оценки получил институт работы первичного звена системы здравоохранения. Наибольший пессимизм в оценках состояния институтов МПП продемонстрировали представители малого и среднего бизнеса.

В целом по двум областям анализ институционального дизайна МПП по критерию состоятельности показал, что институты и механизмы, посредством которых *общество может влиять на местную власть*, не отличаются высокой дееспособностью, а инструменты, с помощью которых власть может управлять местным сообществом, напротив, доминируют. Качественный анализ выявил, что запрос на улучшение функционирования институтов и механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества должен развиваться в направлении нарастания интенсивности и действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, усиления респонсивности муниципальной власти. В обследованных нами МО гражданское общество и деловая инициатива продемонстрировали готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой, формирования местной «повестки дня», артикуляции интересов своих целевых групп. Власть этот гражданский и деловой потенциал пока существенно недоиспользует.

Во всех четырех МО мы наблюдаем снижение качества межсекторного социального партнерства, его ослабление в силу большей «заточенности» органов МСУ не на гражданскую составляющую своего функционирования, а на административную. Именно позитивные оценки муниципальных чиновников преобладают по сравнению со всеми остальными участниками публичного поля на местном уровне. Ослабление действия принцип межсекторного партнерства, снижения значимости гражданской составляющей в функционировании органов МСУ связано с существенными изменениями в механизмах их формирования и соподчинения.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-31282.

Литература

1. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 224–232.

2. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Введение в предметное поле муниципальной публичной политики // Социально-политические исследования. 2019. № 4. С. 36–54.

УДК 316.344.4

Антипов К. А.

**МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И ВЗАИМНЫЕ ОЖИДАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация: актуальность исследования обусловлена противоречиями, складывающимися во взаимодействиях власти и местных сообществ, что снижает возможность совместных действий, усиливает взаимное недоверие этих двух субъектов друг к другу. В результате проведенного исследования выяснилось, что муниципальные служащие не противопоставляют себя местному сообществу, выделяя такие же актуальные проблемы, что и обычные жители. При этом как муниципальные служащие, так и горожане имеют устойчивые патерналистские ожидания, мешающие активной деятельности и совместным действиям. Сходства в характеристиках муниципальных служащих и представителей местного сообщества могут стать базой для их сотрудничества.

Ключевые слова: местное самоуправление, местные сообщества, муниципальная власть, муниципальные служащие, социальные ожидания.

Antipov K. A.

**MUNICIPAL AUTHORITY AND LOCAL COMMUNITIES:
POINTS OF INTERACTION AND MUTUAL EXPECTATIONS
(BY MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Abstract: the relevance of the study is due to the contradictions that develop in the interactions between the authorities and local communities, which reduces the possibility of joint actions and strengthens the mutual distrust of these two entities to each other. As a result of the study, it turned out that municipal employees do not oppose the local community, highlighting the same pressing problems as ordinary residents. At the same time, both municipal employees and citizens have stable paternalistic expectations that impede vigorous activity and joint actions. Similarities in the characteristics of municipal employees and representatives of the local community can become the basis for their cooperation.

Keywords: local government, local communities, municipal authority, municipal employees, social expectations.

Россия находится в постоянном реформировании структур управления, подстраивающихся под ту повестку, которую задает верховная власть. Вопреки декларированию, меньшим образом эта повестка зависит от самих граждан. Существующие на данный момент модели местного самоуправления так или иначе встроены в «вертикаль власти», т. е. довольно жестко регулируется со стороны регионального уровня государственной власти. Например, при укрупнении муниципальных образований, изменении их статуса местное население исключено из обсуждения. Так, к примеру, происходило в Пермском крае.

Вместе с тем в самих муниципальных образованиях происходят сложные социальные и экономические процессы, которые изменяют ситуацию в местных сообществах. Снижение количества населения в муниципальных образованиях ведет к их укрупнению, снижение доходов муниципалитетов ставит их в финансовую зависимость от дотаций региональных и федеральных властей. Такая картина типична для многих реформирующихся постсоветских стран [1, с. 251]. При этом местным сообществам отводится пассивная роль, а потенциал гражданских организаций, граждан, субъектов малого и среднего бизнеса сдерживается большим количеством ограничений. Федеральные власти постоянно публично декларируют необходимость повышения открытости местного самоуправления, увеличения гражданской активности местных сообществ, усиления общественного контроля над решениями властей, однако реальные процессы на местном уровне нуждаются в более глубоком изучении с тем, чтобы понять, где можно найти ресурсы для усиления взаимодействия местных властей и местных сообществ.

Особый интерес представляет то, как местные сообщества и муниципальная власть видят решение местных проблем, насколько расходятся и сходятся их мнения, а в последующем и предпринимаемые усилия. Действия местной власти являются более видимыми местным сообществам, так как они касаются повседневности, в которой проходит жизнь этих сообществ [2, с. 272]. В идеальной конструкции «местные сообщества — муниципальная власть» местные жители сами формируют местную власть, направляют ее деятельность, в свою очередь местная власть прислушивается к мнению граждан, стимулирует гражданскую активность сообществ. Однако из-за, в первую очередь, существенной финансовой и политической зависимости от региональных властей органы местного самоуправления не могут проводить политику, ориентирующуюся на мнение граждан.

Городские сообщества являются сложносоставными, интересы их составных частей артикулируются различными группами интересов, что создает сложное поле политических и социальных взаимодействий. В силу этих обстоятельств между городской властью и местным сообществом находится слой социально активных граждан, объединенных в политические партии,

гражданские организации, добровольные ассоциации и т. д., которые ведут сложную борьбу за доминирующее влияние на городскую власть.

В работе мы используем данные двух социологических опросов, проведенных в 2017 году в рамках реализации исследовательского проекта, посвященного изучению взаимоотношений власти и горожан в крупном индустриальном городе России — Перми. Исследование носило комплексный характер, поэтому респондентами стали как муниципальные служащие администраций, так и представители местных сообществ. Муниципальные служащие опрашивались по анкете «Местная власть и горожане: оппоненты или партнеры». Во всех семи районных администрациях г. Перми было опрошено 354 муниципальных служащих. Параллельно был проведен опрос жителей города по анкете «Горожане и местная власть: оппоненты или партнеры» ($N = 640$). Исследование охватило жителей разных районов города с различными социально-демографическими характеристиками.

Роль муниципальных служащих несколько отличается от роли государственных служащих. С одной стороны, они являются частью аппарата публичной власти, чей функционал типологически схож с функционалом служащих государства. С другой стороны, муниципальные служащие по своей природе являются частью местного сообщества, участвуя в тех же социальных отношениях, которые свойственны всему сообществу. Отличается ли самоощущение муниципальных служащих от самоощущения местных сообществ в материальном плане? Интересно, что горожане более высоко оценивают свой заработок, в то же время почти 2/3 муниципальных служащих оценивают себя как низкооплачиваемых специалистов (табл. 1).

Муниципальные служащие считают себя беднее населения, и действительно, средняя заработная плата респондентов-чиновников составила 20663 рубля, а респондентов из числа граждан — 27004 рубля. В то же время население уверено, что заработки местных чиновников высоки. Традиционно гражданаме уверены, что все те, кто работает во власти, весьма обеспеченные люди.

Таблица 1

Оценка величины заработной платы (в % от числа опрошенных)

Оценка заработной платы	Население	Муниципальные служащие
высокооплачиваемая	4,4	—
среднеоплачиваемая	49,4	29,4
низкооплачиваемая	41,9	70,6
Коэффициент самооценки величины заработка	1,61	1,71

Общепринятое предположение, что принадлежность к государственным или муниципальным служащим обеспечивает меньшую критичность, не нашло своего подтверждения. Так, по основным замерам материального по-

ложения, поведенческой адаптации к рыночным отношениям, потребности в социальной поддержке и помощи, в готовности к миграции за пределы региона, уровню удовлетворенности своей профессией и должностью и оценке перспектив к продвижению муниципальные служащие настроены более критично, нежели жители города (табл. 2).

Таблица 2

Удовлетворенность профессиональной деятельностью (в % от числа опрошенных)

Степень удовлетворенности	Население	Муниципальные служащие
Вполне удовлетворены	38,6	32,8
Скорее удовлетворены, чем не удовлетворены	35,2	40,1
Относятся к ней безразлично	5,9	2,3
Скорее не удовлетворены, чем удовлетворены	14,4	20,3
Совсем не удовлетворены	3,0	4,0

Если со стороны городского социума наблюдается одновременно пиетет и неприязнь к муниципальным служащим, то у последних мы встречаем различное отношение к проблемам местного сообщества. «Оторванность» власти от нужд и забот населения представляет собой социальную проблему, детерминирующую отношения между муниципальными служащими и местным сообществом. Такая отстраненность у части чиновников присутствует. Среди пермских муниципальных служащих, работа которых подразумевает общение с населением, примерно 15 % равнодушно настроены по отношению к жизни своего города [3, с. 78]. В ходе исследования мы выяснили, с какими качествами ассоциируется у граждан местная власть и с какими у самих муниципальных служащих. Были получены следующие распределения.

Из табл. 3 видно, что, несмотря на более положительную оценку качеств муниципальной власти местными чиновниками, многие позиции имеют больше сходств, чем различий. Это можно связать с тем, что муниципальный служащий может оценивать себя и свою работу положительно, но в целом системе оценивает критически.

Таблица 3

Качества муниципальной власти в оценках жителей и самих муниципальных служащих (в % от числа опрошенных)

Качества	Жители города/ранг	Муниципальные служащие/ранг
Самостоятельная	20,3/7	27,1/2
Нерешительная	16,9/8	13,6/7
Заботливая	1,3/13–14	4,5/12
Безответственная	24,1/4	7,3/9
Правдивая	1,3/13–14	3,4/14
Зависимая	31,6/3	40,1/1

Окончание табл. 3

Качества	Жители города/ранг	Муниципальные служащие/ранг
Компетентная	5,6/9	23,2/3
Равнодушная к проблемам людей	45,6/1	16,4/5
Ответственная	2,5/11	14,1/6
Лживая	20,9/6	6,2/10
Решительная	3,8/10	5,1/11
Некомпетентная	21,6/5	11,2/8
Честная	1,6/12	4,0/13
Коррупцированная	44,1/2	17,5/4
Положительные характеристики	36,4	81,4
Негативные характеристики	204,8	112,3
Индекс соотношения негативных и позитивных характеристик	-5,63	-1,38

У граждан же доминируют негативные характеристики муниципальной власти. Современная местная власть в России существует в условиях низкого доверия граждан. Граждане наделяют власть отрицательными характеристиками, видят в ее действиях лишь собственную выгоду, не направленную на решение местных проблем. Обсуждение данной проблемы занимает большое место не только среди ученых, но и среди политиков и общественных деятелей. Увеличение отрыва местной власти от общества приводит к негативным последствиям: увеличению оттока населения, низкой явке на местные выборы, низком участии граждан в деятельности общественных организаций. Также это может приводить и к протестным действиям, когда интересы власти и местных сообществ вступают в конфликт. С одной стороны, формально, в рамках законодательства, расширяются возможности населения влиять на власть. Появились публичные слушания, разрастается сеть общественных палат при органах власти, сокращаются сроки работы с обращениями граждан. С другой стороны, граждане испытывают невысокий интерес к местным событиям, концентрируясь на личных и семейных проблемах. Исследование показало, что первоначальные предположения о большой дистанции между местными сообществами и муниципальными служащими по оценке жизни в городе, решений городских проблем и оценке перспектив не подтвердились. Муниципальные чиновники на уровне крупного города ощущают свою принадлежность к городскому социуму, не противопоставляя себя горожанам. Более того, критичность муниципальных служащих по отдельным сторонам местной жизни даже выше, чем простых граждан. В то же время горожане в существенной степени не осознают свою принадлежность к тому или иному сообществу.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 17-13-59001/17-ОГОН.

Литература

1. Wollmann H. Territorial local level reforms in the east German regional states (Lander): Phases, patterns, and dynamics // Local Government Studies. 2010. Vol. 36 (2), P. 251–270. URL: https://www.researchgate.net/publication/233646563_Territorial_Local_Level_Reforms_in_the_East_German_Regional_States_Lander_Phases_Patterns_and_Dynamics (дата обращения: 13.01.2020).
2. Губина Н. В., Мисбахова Ч. А. Доверие населения как социологический индикатор качества муниципального управления // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 270–274.
3. Лазукова Е. А. Оценка государственной службы чиновниками и населением // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 22. С. 77–84.

УДК 316.013

Балахнина А. Г.

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ СТАЛА ЦЕНТРОМ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА? ВЗГЛЯД ИНСАЙДЕРА

Аннотация: в работе обсуждаются актуальные социально-экономические проблемы сельского хозяйства. Проведен анализ кейсов, показаны типичные ошибки взаимодействия между властью, бизнесом и людьми на примере развития АПК в Тюменской области. Сделан вывод о существенных ошибках развития системы образования специалистов всех уровней для сельского хозяйства, приводящих к деградации человеческого капитала на селе.

Ключевые слова: социально-экономические проблемы, сельское хозяйство, государственная поддержка.

Balakhnina A. G.

WHY DIDN'T RUSSIA BECOME A CENTER OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT? INSIDER'S VIEW

Abstract: this article discusses current socio-economic problems of agriculture. The analysis of cases is carried out, typical errors of interaction between the government, business and people are shown on the example of the development of agriculture in the Tyumen region. The conclusion is made about significant errors in the development of the education system of specialists at all levels for agriculture, which lead to the degradation of human capital in rural areas.

Keywords: socio-economic problems, agricultural industry, state support.

За последние 20 лет, несмотря на существование множества стимулирующих программ, интенсивного роста предприятий аграрной направленности так и не удалось добиться. Опыт стран с развитой экономикой показал, что развитие агропромышленного комплекса сопряжено с эффективными мерами

государственной поддержки. Однако подходы к государственной поддержке в развитых странах отличаются от такого рода стимулирования данной сферы бизнеса в России [1, с. 245–247; 2, с. 1907–1909]. В США с 2014 года действует Закон о сельском хозяйстве, который запустил целый ряд различных программ, направленных на торговлю, восстановление земель, сельскохозяйственных исследований, продовольственной помощи и восполнения части затрат предприятиям аграрного сектора. Основные положения, представленные в законе, в первую очередь направлены на страхование фермера в отношении факторов, не зависящих от его управленческой деятельности, то есть власти США стимулируют непосредственно те предприятия, чья работа эффективна и без участия государственной поддержки, однако в случае неурожая или, например, значительного снижения цен на произведенный товар, власти готовы поддержать фермеров, компенсируя им убыток. Также немаловажное место в государственной поддержке сельского хозяйства США отводится инновационным научным исследованиям, которые отвечают современным запросам реалий фермерских проблем. В том числе отдельную роль играет улучшение дорожной инфраструктуры, связывающей фермы с основными дорогами. Фермерам доступны также льготные кредиты, как правило, выдающиеся крупными кооперативными банками, чья система максимально проста для получения кредита [3, с. 79–80; 4, с. 87–89].

Агропромышленный комплекс (АПК) в России развивается при совершенно иных условиях. В АПК особенно заметен недостаток эффективного взаимодействия между властью и бизнесом, несовершенство подходов к решению проблем продовольственной безопасности и деградация человеческого капитала. В статье применяется метод анализа кейсов, привлекаются данные статистики (<https://gks.ru>). Источниками материалов выступают кейсы, полученные на основе серии интервью с руководителями и владельцами бизнеса в АПК, работающими в Тюменской области, всего 60 интервью. Также автор сам является владельцем бизнеса овцеводческого хозяйства ООО «Эко-Ферма Серебряное Руно», и большинство изложенных ниже проблем испытал на себе (метод включенного наблюдения).

В качестве основных проблем *все* интервьюируемые отметили слабость инвестиций, трудность получения поддержки и кадровый голод. *Малые формы хозяйствования* в АПК в основном представлены небольшими семейными фермами. Мелкие фермеры, как правило, не имеют достаточного капитала, проигрывая в этом вопросе крупным агрохолдингам. Мелкие сельхозтоваропроизводители ограничены в финансах и кредитных средствах (для малых форм хозяйствования действует ограничение в льготном кредите — до 600 тыс. руб.) и получают довольно большие кассовые разрывы, балансируя на грани рентабельности. Получение государственной поддержки затруднено по причине отсутствия прямого диалога между исполнительной властью в регионе

и мелкими хозяйственниками. Посредниками в таком диалоге выступают главы районов, зачастую не умеющие выстроить эффективное общение, не всегда способные донести обеим сторонам необходимость взаимодействия. К тому же малые сельхозпроизводители, как правило, не могут самостоятельно решить для себя проблему сбыта. По этой причине в Тюменской области начали появляться кооперативы, призванные решить этот вопрос. Однако, по мнению властей, система таких кооперативов хаотична и непопулярна на данный момент. Тем не менее в настоящее время услугами кооперативов охвачено около 72 % сельских территорий региона. В целом за 2018 год суммарная выручка кооперативов составила 1 1351,5 млн руб. [5].

Слабость квалификационного уровня персонала и самих собственников (кадровый голод). Поскольку малые формы хозяйствования, как правило, мало доходны, нет возможности нанять высококвалифицированных специалистов. Крупные сельскохозяйственные предприятия Тюменской области частично решают эту проблему, сотрудничая с местными институтами, и предлагают лучшим выпускникам вузов жилье, благоприятные условия проживания и зарплату выше средней по селу. Крупные предприятия также стараются повысить профессиональный уровень своих специалистов, отправляя их на обучение по профилю в зарубежные страны. Часто инициатором в таких мероприятиях является департамент АПК или департамент инвестиционной политики Тюменской области.

В приоритете районных муниципалитетов находится предоставление высокоэффективных участков земли крупным агрохолдингам, а не мелким фермерам. Причина тому — недоверие к небольшим семейным фермам. К тому же агрохолдинги производят мелиорацию земель, используют современные и даже инновационные технологии, которые позволяют более экономно использовать возможности различных почв. Кроме того, крупные агрофирмы приносят большее количество поступлений в бюджет района.

Проблемы развития *крупных форм хозяйствования* в первую очередь связаны с нехваткой грамотных управленцев и инвесторов, которые не готовы «заходить» в отрасль, потому что сфера сельского хозяйства требует больших вложений, а прибыльность во временном эквиваленте и процентном соотношении выглядит менее привлекательно, чем в других отраслях.

Автором статьи детально рассмотрены проблемы в крупных и малых формах хозяйствования в различных направлениях мясного и молочного производства на примере АПК Тюменской области: кролиководства, овцеводства, крупный рогатый скот, свиноводство и птицеводство.

Кролиководство. Достоинства: быстрые темпы развития бизнеса, стоимость мяса за кг достаточно высока. Недостатки: высокие риски, не развита специальная инфраструктура обслуживания бизнеса, мал рынок сбыта, отсутствие государственной поддержки, низкая культура потребления мяса.

Овцеводство. Достоинства: высокоэффективный бизнес, наличие государственной поддержки (субсидия 50 % на покупку племенных животных) [6], спрос превышает предложение, стоимость мяса за кг достаточно высока. Недостатки: отсутствие специалистов, малое количество племенных предприятий в стране, где можно было бы приобрести высокопродуктивных особей, менее интенсивные темпы развития предприятия, чем в других направлениях, связанные с немногочисленностью овец.

Крупный рогатый скот (КРС, мясное и молочное направление). Управленческие структуры региона ориентированы на поддержку молочного производства. Производство мяса КРС в регионе развивается слабо, говядина невысокого качества. Молочная продукция местных производителей, напротив, представлена на рынке в самом широком ассортименте. Но здесь обостряется асимметричность конкуренции. Крупные производители получают субсидии как на покупку высокоэффективных племенных коров, заготовку кормов и оснащение своей материальной базы, так и на само молоко [6]. Все это не в полной мере доступно мелким предприятиям. В надежде решить данную проблему в 2016 году в Тюменской области была запущена программа «5 плюс». Идея в том, что крупные предприятия, заинтересованные в большем количестве молока, предоставляют аванс кооперативам, которые способствуют покупке личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) племенных коров, а ЛПХ уже рассчитываются поставкой молока в кооператив. Однако в процессе исполнения этой программы возникли по сей день нерешенные проблемы. ЛПХ, не выдерживая технологию производства, предоставляют сырье плохого качества. Кооперативы, будучи посредниками в данной системе, не способны контролировать технологию производства, но и не готовы платить полную стоимость за некачественный товар, а крупным агропредприятиям проще самостоятельно контролировать все промежуточные процессы производства.

Свиноводство. Это направление является потенциально высокомаржинальным, рынок сбыта велик. Высоки эпидемиологические риски, слабо развита инфраструктура поддержки бизнеса [7].

Птицеводство. Самое благополучное направление в АПК региона. Куриное мясо и яйца представлены на прилавках в большом ассортименте и качество продукции по области на достаточно высоком уровне, но имеется существенная проблема недобросовестности продавцов и невысокого качества продукции. Птицеводство в регионе практически полностью обеспечено специалистами, а заработная плата вполне конкурентоспособна.

Таким образом, на наш взгляд, основными проблемами АПК в настоящее время выступает недостаточный уровень квалификации управленческих кадров, которые не умеют или не заинтересованы в выстраивании эффективного диалога между мелкими сельхозпроизводителями и региональными

ми управленческими структурами, недостаточный уровень знаний самих мелких фермеров и неправильная организация схемы реализации программ поддержки сельхозпроизводителей в России. Как следствие, достаточно серьезные финансовые и организационные усилия государства, региональных властей не достигают своего результата. Отметим, что подавляющее большинство интервьюированных указали эти три проблемы.

Для примера приведем отрывки из некоторых интервью. *Вопрос:* с какими трудностями вы встречаетесь? *Эксперты:* «Кадры. Кадры. Кадры. Все, больше ничего». «Для кадров нужно образование. Новые программы какие-то ... детей нужно настраивать на то, что нужно трудиться. ...Нужны педагоги. Предприниматели этому не обучены». «Никто ни предпринимательство, ни сельское хозяйство не преподает. Это начинается в лучшем случае в техникуме, после 11 класса, когда у человека уже сложилось мнение свое о дальнейшем развитии». «В сельском хозяйстве нет именно специалистов, которые хотя бы имеют сельскохозяйственное образование и хотят работать на селе». «Короче, нужны руки рабочие. Ну, и управленцев, тех же ИТР и экономистов». «Даже если я и могу, допустим, позволить себе выделить время на развитие бренда какого-нибудь, упаковки, чтобы потом подать это в сети можно было. Но мне-то все это не надо, я не такой крупный. У меня не столько много мяса, чтобы на системной основе поставлять. А то, что крупные предприятия имеют проблемы с сетями, так это, скорее всего, недостатки ручного режима руководства».

Проблема поддержки АПК. «... государство именно на уровне руководителей области ставит задачу отдачи от предоставляемой поддержки. Допустим, дают какие-то деньги на поддержку, например, грант безвозмездный от 1,5 до 3 млн руб. начинающим фермерам. И когда вопрос стоит, что он получил грант 3 млн руб., купил молочный или мясной скот, а потом говорит, что мне некуда сбывать, то это уже переходит в личную ответственность первого руководителя области по сельскому хозяйству, т. е. почему человеку дают грант? Деньги государственные, именно государственные, а он потом говорит, что ему сбывать никуда. Видимо, этот человек не готов, видимо, этот человек не может заниматься сельским хозяйством. Это необходимо анализировать и предупреждать».

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00087.

Литература

1. Селезнев А. Г. Зарубежный опыт развития фермерских хозяйств и перспективы его применения в России // Экономические отношения, № 1. 2019. С. 245–257.

2. Кабаненко М. Н. Зарубежный и отечественный опыт и перспективы развития форм хозяйствования в сельском хозяйстве // Экономические отношения, № 3. 2019. С. 1905–1923.

3. Родионова И. А., Дудникова Е. Б., Павлов В. Н. Современные тенденции развития малых форм хозяйствования в зарубежных странах // Аграрный научный журнал, № 9. 2018. С. 87–91.

4. Вахитова З. Т. Вопросы государственной поддержки фермерских хозяйств в зарубежных странах // Инновационная наука, № 4. 2016. С. 79–80.

5. Россия в цифрах 2019 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://gks.ru> (дата обращения: 12.12.2019).

6. Государственные программы. URL: <http://mcx.ru/activity/state-support/programs> (дата обращения 16.12.2019).

7. Постановления о государственной поддержке в сельском хозяйстве URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 13.12.2019).

УДК 94(470.45):338.439

Луночкин А. В.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КРИЗИСЫ В Г. СТАЛИНГРАДЕ 1926–1927 ГГ. И ГОРОДСКАЯ ВЛАСТЬ

Аннотация: в настоящей статье на примере крупного промышленного центра — г. Сталинграда — рассматривается вопрос первых сбоев в работе механизма новой экономической политики, возникших в 1926–1927 гг. Проблему дефицита продовольствия и роста цен городские власти смогли решить экономическими методами, не прибегая к нормированию торговли, однако для этого пришлось использовать помощь центральной власти. Собственных финансовых и материальных ресурсов в Сталинграде было недостаточно.

Ключевые слова: НЭП, Сталинград, продовольственный кризис, городской Совет.

Lunochkin A. V.

FOOD CRISES IN STALINGRAD IN 1926–1927 AND CITY AUTHORITY

Abstract: this article describes the issue of the first failures in the mechanism of the new economic policy that arose in 1926–1927 using the example of a large industrial center — the city of Stalingrad. The city authorities were able to solve the problem of food shortages and rising prices by economic methods, without resorting to rationing trade. However, for this it was necessary to resort to the help of the central government. Own financial and material resources in Stalingrad were not enough.

Keywords: NEP (New Economical Policy), Stalingrad, food crisis, city Soviet.

Новая экономическая политика, использовавшая рыночные методы, позволила к середине 1920-х гг. в основном насытить рынок страны товарами. Государственная, кооперативная и особенно частная торговля, крестьянские рынки в целом удовлетворяли спрос городского населения на продовольствие.

По сравнению с голодом начала 1920-х гг. нэповские времена выглядели как настоящее изобилие. Однако, как показывают данные по г. Сталинграду, рыночные механизмы не всегда работали безупречно.

Сталинград (до 1925 г. — Царицын) был одним из крупнейших и быстро растущих промышленных центров не только Нижней Волги, но и всего юга СССР. Так, в 1923 г. в Царицыне проживало 107 897 жителей, а в начале 1925 г. население города составило уже 122 382 чел. [1, л. 448]. В основном этот рост происходил благодаря постоянному притоку сезонных и постоянных рабочих. Особенно быстро население стало увеличиваться во второй половине 1920-х гг. в связи с началом строительства Сталинградского тракторного завода и Сталинградской электростанции (СталГРЭС). Надо отметить, что ближайшие к городу сельские районы вследствие засушливого климата и малопродуктивных земель никогда не могли полностью обеспечивать Царицын — Сталинград продовольствием собственного производства. Город традиционно в значительной степени зависел от поставок хлеба и мяса из отдаленных местностей. С ростом населения эта зависимость только увеличивалась. Сбои в снабжении моментально отзывались на состоянии потребительского рынка.

Первые проблемы со снабжением горожан хлебом начались в марте 1926 г. Начало весенней распутицы препятствовало подвозу хлеба крестьянами, поставки зерна и муки железнодорожным транспортом были затруднены из-за возникшей нехватки подвижного состава. Сыграла свою роль и политика. Весной 1926 г. местные власти усилили активность по сбору единого сельскохозяйственного налога, применяя против неплательщиков жесткие репрессивные меры, вплоть до описывания имущества, скота и зерна. В этой нервной обстановке поступление зерна и муки на рынок значительно сократилось. У лавазов Хлебопродукта и лавок кооперации возникли длинные очереди. Возникший ажиотажный спрос еще более увеличивал дефицит хлеба, поскольку граждане на фоне тревожных слухов стремились закупить его впрок в большом количестве. Недовольство населения вызывал и неравномерный график подвоза хлеба в лавки, из-за чего люди проводили в очередях по несколько часов в ожидании поступления очередной партии хлеба. Сталинградский горсовет признавал: «Были случаи, когда в городе не имелось почти никаких хлебных запасов. Создавалось опасение, что рабочий и служащий будет не в состоянии получить необходимое количество хлеба. Отсутствие достаточного количества хлеба в кооперативах и государственных организациях создавало возможность быстрого повышения цен, спекуляции и нервировало рабочих» [2, л. 2].

В самый разгар хлебного кризиса прибавились новые многочисленные потребители. В сводке ОГПУ отмечалось, что 7 апреля на ст. Сталинград прибыл эшелон с 1000 безработными, следовавшими из Грозного к месту житель-

ства — в Саратовскую, Пензенскую и Воронежскую губернии. Его прибытие оказалось полной неожиданностью для местных властей. Выданного транзитным пассажирам продовольствия оказалось недостаточно. Голодные люди разбрелись шайками по городу и «силой отбирали хлеб как у рыночных торговцев, так и в кооперативах, что на время лишило население продуктов». Не успел этот поезд отбыть из города, как за ним пришел еще один с 700 безработными [3].

Сложившаяся благодаря новой экономической политике структура торговли давала органам власти мало возможностей влиять на ситуацию на рынке путем конкуренции государственной торговли. В розничной торговле Сталинграда полностью господствовал частник. Так, во втором полугодии 1925 г. на частную торговлю пришлось 73,8 % оборотов всей розницы. Кооперативная сеть обеспечила 23,2 %, а государственная торговля дала лишь 3 % торговых оборотов [4, л. 25]. У частных торговцев хлеб был, но цены взлетели.

Городские власти предпринимали отчаянные усилия, чтобы сбить ажиотаж и сократить гигантские очереди. Было принято решение довести ежемесячную «выброску» на рынок хлеба «в размере 150 тыс. пудов пшеницы в зерне или 115 тыс. пудов в муке». Хлебопекарные предприятия перешли на удлиненный график работы, к хлебопечению были привлечены артели инвалидной кооперации и структуры Юго-Восточных железных дорог. Хлебопродукт открыл несколько новых лабазов на рабочих окраинах, чтобы избежать массового скопления людей в очередях. [5, л. 3].

Благодаря предпринятым городскими властями мерам удалось несколько стабилизировать ситуацию с хлебом. Был даже создан некоторый резерв для «маневрирования» в случае новых провалов рынка. Поднявшиеся цены даже немного опустились. Так, пшеничная мука I сорта подешевела с 3–40 руб. за пуд до 3–30 по оптовой цене и с 3–92 руб. до 3–68 по розничной [2, л. 2, об.].

Не менее острым оказалось положение и со снабжением Сталинграда мясом. Из-за сокращения привоза скота цены на рынке с марта 1926 г. стали быстро ползти вверх и достигли 30 коп. за фунт. Государственные и кооперативные мясоторговые организации не могли составить конкуренции частнику, поскольку не могли так же быстро поднимать закупочные цены. В результате их прилавки опустели, мясо можно было купить только на рынке, но его цена больно била по карману массового покупателя. Для организации закупок мяса государственной торговлей горсовет был вынужден просить у центра кредит в 60 000 руб. Кооперативные организации получили кредитов на 85 000 руб., что позволило несколько оживить заготовку мяса, однако цены оставались довольно высокими [2, л. 2, об.]. На 1 мая 1926 г. фунт мяса на рынке по-прежнему стоил 30 коп., а в кооперативах — 28 коп. [4, л. 19]. Лишь к концу года благодаря наступлению сезона забоя скота цены несколько снизились.

Стабилизация ситуации с продовольствием не означала ее полного решения. Тяжелое положение с обеспечением населения хлебом сохранялось и летом 1927 г. В служебной записке «О снабжении г. Сталинграда хлебом» от 9 июля губернский отдел внутренней торговли отмечал: «Положение местного рынка остается напряженным. Несмотря на расширение хлебопечения, на которое перенесен центр тяжести по снабжению городского населения, у лавок с самого раннего утра создаются огромные очереди за печеным хлебом» [6, л. 465]. В итоге дневная продажа хлеба в 36 лавках Центрального рабочего кооператива достигла рекордных 1975 пудов. Для экономии оказавшейся в дефиците пшеничной муки была увеличена доля ржаного и пеклеванного хлеба, поскольку ржи и ржаной муки в городе имелось достаточно. Решением Горсовета была введена предельная норма продажи печеного хлеба в одни руки — не более трех килограммов [6, л. 465].

Эти меры позволили опять стабилизировать положение, но будущее не сулило улучшения. Город, израсходовавший на борьбу с дефицитом все запасы, нуждался в новых поставках. Губернский отдел торговли сообщал в Сталинградский горсовет, что Наркомторг обещал поставить в августе 50 тыс. пудов пшеницы из Саратова. Это позволило бы городу не только удовлетворить месячные потребности, но и создать переходный фонд на следующий месяц в размере 20–25 тыс. пудов, однако затем эта разрядка была сокращена до 25 тыс. пудов. По признанию Губторготдела, «мы вынуждены будем в июле израсходовать все ресурсы, а к августу окажемся совсем без хлеба». Заканчивалось письмо пессимистическим выводом: «Принимая во внимание, что напряженность хлебного рынка в настоящее время наблюдается почти повсюду, трудно надеяться, что даже при самой энергичной настойчивости нам удастся получить извне потребное количество хлеба» [6, л. 466].

Первые кризисы с продовольствием с огромным трудом удалось притушить экономическими методами, однако взятый партией курс на коллективизацию деревни привел к резкому ухудшению продовольственной ситуации. В 1929 г. властям Сталинграда пришлось прибегнуть к нормированию продажи хлеба и других продуктов, что фактически стало концом новой экономической политики.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-49-340003 p_a.

Литература

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) // Фонд Р-37. Оп. 1. Д. 427.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) // Фонд Р-71. Оп. 1. Д. 365.
3. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934) // Сб. документов в 10 т. Т. 4. М.: ИРИ РАН, 2001. 710 с.

4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) // Фонд Р-37. Оп. 1. Д. 519.
5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) // Фонд Р-71. Оп. 1. Д. 310.
6. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) // Фонд Р-71. Оп. 1. Д. 472.

УДК 35.076

**Васильева Е. И.,
Зерчанинова Т. Е.**

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ РЕГИОНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация: авторы рассматривают трансформацию государственной политики поддержки соотечественников в Российской Федерации на региональном уровне. Исходя из проведенного исследования определены актуальные проблемы реализации государственной политики поддержки соотечественников, в том числе: недостаточное информирование о потребностях соотечественников и возможностях регионов; недостаточное вовлечение в работу представителей общественности, государственных и муниципальных учреждений (работа ограничена реализацией инициатив только органов государственной власти); отсутствие системы взаимодействия по обмену опытом между регионами, отсутствие координации.

Ключевые слова: соотечественники, государственная поддержка соотечественников.

**Vasileva E. I.,
Zerchaninova T. E.**

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF REGIONS IN THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC SUPPORT TO THE COMPETITIVES ABROAD

Abstract: the authors consider the transformation of the state policy of supporting compatriots in the Russian Federation at the regional level. Based on the study, the authors identified actual problems of implementing the state policy of supporting compatriots, including: insufficient information about the needs of compatriots and the capabilities of the regions; insufficient involvement of representatives of the public, state and municipal institutions in the work (work is limited to the implementation of initiatives of only public authorities); lack of a system of interaction for the exchange of experience between regions, lack of coordination.

Keywords: compatriots, state support of compatriots.

В настоящее время в мире проживают около 30 млн соотечественников [1, с. 618], оказавшихся по разным причинам за пределами России. Русская диаспора является одной из самых многочисленных в мире. Находясь за ру-

бежом и будучи включенными в иную систему ценностей, соотечественники не теряют связи с Россией: не только они сами, но и их дети разговаривают на русском языке, знают и любят русскую культуру и традиции.

Распад СССР и образование новых независимых государств привели к тому, что миллионы русских людей оказались отделенными от России границами, подверглись дискриминации на основе языка и иным формам давления, что вызвало рост миграционной активности русского населения на постсоветском пространстве. Такая ситуация потребовала пересмотра принципов и направлений деятельности органов государственной власти в миграционной сфере, определения необходимых нормативных правовых основ для регулирования процессов притока мигрантов из бывших союзных республик в Россию.

Несмотря на то, что Россия выстраивала внешнеполитические отношения со всеми государствами, образовавшимися после распада СССР, вопрос положения соотечественников в этих странах не являлся национальным приоритетом в данный период. Усиление демографических проблем в ряде российских регионов (прежде всего, Сибири и Дальнего Востока) и смена внешнеполитической парадигмы с приходом В. В. Путина в 2000-е гг. обусловили смену роли соотечественников в российской политике, которые стали рассматриваться в качестве дополнительного ресурса для частичного решения указанных проблем [2, с. 127]. В 2006 г. была разработана Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников на территорию России, участие в которой стало основным направлением для российских регионов в реализации политики поддержки зарубежных соотечественников.

На примере ряда проанализированных регионов было выявлено, что в региональных программах отмечается недостаток учета специфики субъектов (удаленности от центра, транспортной доступности, климатических условий), а также не отработан механизм информирования местного населения о реализации программы (в том числе работодателей). Анализ программ переселения показывает, что недостаточное внимание уделяется привлечению переселенцев в сельскую местность, несмотря на острый дефицит квалифицированных кадров и большой приток иностранных граждан прежде всего из азиатских стран в крупные города.

В региональных программах, нормативно-правовых актах и информационных материалах содержится информация о компенсациях для переселенцев как гарантированных Государственной программой, так и специфических для конкретного региона. Основным пунктом поддержки соотечественников на региональном уровне является жилищный вопрос. Госпрограмма не предполагает предоставления жилья переселенцам. Со стороны региональных органов власти осуществляется информационная поддержка (предоставление информации о возможностях найма жилья, временного размещения в го-

стиницах, льготном кредитовании и ипотеке), а также большинство региональных программ предусматривает частичную компенсацию найма жилья (как правило, до получения гражданства). Также региональные программы подразумевают ряд иных стимулирующих и компенсационных выплат, среди которых — оплата пошлины за установление эквивалентности документов об образовании/квалификации, пособия при отсутствии дохода, возмещение расходов за услуги перевода документов с иностранного языка, затрат на переквалификацию и т. д. Между тем, существует ряд компенсаций, распространяемых не на весь субъект, а на определенный муниципалитет, например, льгота в 50 % на покупку теленка, выделение на безвозмездной основе 2 т сена для тех, кто держит крупный рогатый скот. Анализ региональных программ показывает, что в последних недостаточно представлена информация о такого рода выплатах.

Еще одной проблемой является информационное обеспечение реализации программы. Несмотря на то, что с 2006 г. наблюдается усиление информационной составляющей, как на федеральном (создание информационных Интернет-порталов переселенцев, периодические издания в электронном и бумажном вариантах и др.), так и на региональном уровнях (проведение выездных и онлайн-презентаций региональных программ, размещение информации на сайтах компетентных органов, рассылка информационных материалов в представительства за рубежом, консульства и т. п.) нельзя говорить о полноте и доступности получаемой информации. В связи с этим необходимо расширение информативной стороны как самой Государственной программы, так и региональных программ на основе проактивных сервисов. Для последних наиболее актуальным представляется включение информации о компенсациях в отдельных районах субъекта РФ (например, в форме приложения к программе) и максимизация сведений о реализуемых в регионе программах для переселенцев.

В настоящее время отсутствует система согласования учета интересов государства, регионов, местного населения и соотечественников. Фактически местное население исключено из области действия данной программы, что влечет за собой ряд проблем, связанных не только с отношением принимающего общества к переселенцам, но и обустройством их в регионе вселения. Наиболее распространенная проблема связана с трудоустройством, поскольку работодатель предпочитает нанять гражданина России, а не переселенца. Более того, нередки конфликты с местным населением, поскольку переселенцы и их дети получают первоочередное право на устройство в детский сад при наличии очереди. В этой связи следует говорить о том, что перед государством стоит приоритетная задача создания открытого информационного пространства в пределах России, прежде всего в регионах — участниках программы переселения, объектами которого должны стать как непосредствен-

но возможные работодатели, так и принимающее общество в целом. Кроме того, важным представляется приведение в соответствие интересов государства в сфере переселенческой политики и представлений местного населения об ее объекте. Речь идет о разграничении реализации программы переселения соотечественников с деятельностью по привлечению трудовых мигрантов, с которыми ассоциируются соотечественники, с одной стороны, по причине малой информированности общества, с другой — широкими рамками законодательно установленной категории соотечественника.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00760.

Литература

1. Мкртчян Н. Политика России в отношении соотечественников // Миграция в России. 2000–2013. М. : Рос. совет по междунар. делам. 2013. С. 618–619.
2. Молодикова И. Н. Российская политика в отношении соотечественников за рубежом: роль государственных и общественных институтов // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 123–132.

УДК 323.212+364.052.2

Орлов П. А.

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ НКО В КОНКУРСАХ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Аннотация: исследована результативность некоммерческих организаций Челябинской области в конкурсах Фонда президентских грантов 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. Использованы открытые данные отчетности Фонда. Определена значимость усилий по привлечению средств Фонда для целей деятельности НКО, работающих в интересах южноуральцев.

Ключевые слова: гражданское общество, Фонд президентских грантов, некоммерческие организации Челябинской области.

Orlov P. A.

NON-PROFIT ORGANIZATIONS OF THE SOUTH URAL AS WINNERS OF PRESIDENTIAL GRANTS FUND COMPETITIONS

Abstract: the article presents an analysis of the success of non-profit organizations of the Chelyabinsk region in the contests of the Presidential Grants Fund in 2017, 2018, 2019 and 2020. The open reporting data of the Fund were used. The significance of efforts to raise Fund's money for the activities of the South Ural non-profit organizations that work in the interests of people.

Keywords: civil society, the Presidential Grants Fund, non-profit organizations of the Chelyabinsk region.

Действующий с 2017 г. Фонд президентских грантов (ФПГ) — российская некоммерческая организация, выполняющая функции единого оператора грантов Президента, «предоставляемых российским некоммерческим неправительственным организациям на реализацию социально значимых проектов и проектов в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина». За три полных года Фондом было проведено шесть конкурсов по тринадцати (до 2018 г. — по двенадцати) грантовым направлениям. В них приняли участие в общей сложности 21 714 некоммерческих организаций со всей России, подготовивших и подавших 53 268 проектных заявок, 10 558 из числа которых были поддержаны грантами на общую сумму, превысившую 22 млрд рублей. По результатам двух конкурсов 2017 г. Фонд распределил 6 653,8 млн рублей на реализацию 3 213 социально значимых проектов. В 2018 г. при общем бюджете конкурсов в 8 016,8 млн рублей непосредственно сумма грантов, переданных 3 573 организациям-победителям, составила 7 836,2 млн рублей. По закону «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» от 29 ноября 2018 г. № 459-ФЗ размер бюджетных ассигнований Фонду на 2019 г. предусматривался в размере 8 007,9 млн рублей. И если в первом конкурсе 2019 г. победителями были признаны 1 644 организации, получившие в общей сложности 3,3 млрд рублей, то по итогам второго грантовую поддержку в объеме 4,35 млрд рублей нашли 2 128 проектов. На первый (в общем счете — седьмой) конкурс 2020 г. поступило 9 308 проектов от 7 946 некоммерческих организаций, а гранты на общую сумму 4 092 млн рублей «прошли» у 2 017 организаций.

Работа ФПГ представляется примером обеспечения равенства, состязательности, открытости и однозначности решений по условиям и объемам предоставления бюджетных средств некоммерческим организациям, не только убедительно выполнившим условия подачи своих конкурсных заявок, но подлинно способным менять и меняющим региональную социальную повестку. Полагаем, что прошедшее с момента старта деятельности ФПГ время дает основания считать любопытной и заслуживающей специального исследовательского внимания активность южноуральских НКО в их опытах соискания грантов Президента Российской Федерации. Круг нормативных правовых источников в занятиях по теме составили актуальные редакции федеральных законов «О некоммерческих организациях» и «Об общественных объединениях», а также регламентирующие деятельность Фонда указы: «О Координационном комитете по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества» [1] и «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества» [2].

В аналитической работе по исследованию были учтены представленные на официальном сайте ФПГ [3] избранные данные о семи конкурсных ком-

паниях, проведенных в 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. (в частности — из разделов «Документы» и «Проекты»), а также информация, размещенная в специально сформированном весной прошлого года разделе «Оценка результатов реализации проектов, получивших президентские гранты в 2017 году». Собственную значимость имели также и открытые материалы главного «профильного» органа исполнительной власти — областного Министерства социальных отношений [4] о взаимодействии с социально ориентированными НКО по тематике развития отраслей социальной сферы региона [5].

В свою очередь, представления об «энкэошной» географии области и характеристики включенных в выборку южноуральских организаций третьего сектора были составлены по информации в печатных и электронных СМИ и в сети *Internet*, а также по данным Общественной палаты и Челябинского регионального ресурсного центра для СОНКО [6; 7]. Наконец, принципиальный смысл мы вкладывали в ознакомление с предметно близкими нам трудами авторитетнейших российских экспертов — уважаемых Е. А. Абросимовой, А. А. Аузана, П. Ю. Гомольского, А. А. Клещиной и А. В. Орловой, И. В. Мерсияновой, Л. И. Никовской и В. Н. Якимца. Что же получилось в итоге? Общие за три года показатели результативности челябинских некоммерческих организаций в их претендентствах на гранты Фонда выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Результативность некоммерческих организаций Челябинской области в семи конкурсах Фонда президентских грантов (рассчитано автором)

Номер и год конкурса	Подано/поддержано заявок, всего	Поддержанные заявки, %
первый 2017 г.	85/16	18,8
второй 2017 г.	150/42	28
первый 2018 г.	146/34	23,3
второй 2018 г.	147/36	24,9
первый 2019 г.	144/41	28,5
второй 2019 г.	137/55	40,1
первый 2020 г.	128/39	30,5

Как видно по цифрам табл. 1, в периоде как минимум каждая четвертая проектная инициатива находила поддержку грантодателя. При этом наиболее успешными в смысле соотношения поданных и поддержанных заявок оказались три конкурсных направления: «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства» и «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» (табл. 2).

Таблица 2

**Результативность некоммерческих организаций Челябинской области
по грантовым направлениям в семи конкурсах Фонда президентских грантов**

Грантовое направление конкурса	Подано/поддержано заявок, всего	Поддержанные заявки, %
Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства (с 2018 г.)	0	0
Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства — долгосрочный проект (с 2018 г.)	1/0	0
Защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных	39/7	17,9
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	159/46	28,9
Охрана окружающей среды и защита животных	42/11	26,2
Поддержка молодежных проектов, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ	77/16	20,8
Поддержка проектов в области культуры и искусства	57/11	19,3
Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения	129/39	30,2
Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения — долгосрочный проект	7/0	0
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	108/37	34,3
Развитие институтов гражданского общества	48/6	12,5
Развитие институтов гражданского общества — долгосрочный проект	5/0	0
Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников	11/4	36,6
Сохранение исторической памяти	95/31	32,6
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	135/49	36,3
Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия	24/6	25

Соответственно, в таких направлениях конкурсов, как «Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства», «Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства — долгосрочный проект», «Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения — долгосрочный проект» и «Развитие институтов гражданского общества — долгосрочный проект» в победители никто не вышел ни разу. Учитывая, что общее число зарегистрированных в Челябинской области НКО в это время

по данным областного Управления Министерства юстиции Российской Федерации составляло порядка 3,5 тыс. [6, с. 16–17; 7, с. 32], назвать такую активность «массовой» вряд ли возможно.

С другой стороны, как таковые успехи или неудачи южноуральских НКО в конкурсах Фонда президентских грантов за четырехлетие не вполне полезно рассматривать в проекции какого бы то ни было «командного» зачета, «как бы» предшествующего грядущему триумфальному «чемпионству» среди, например, регионов УрФО. Да и ожидание положительного результата подачи заявки лишь из-за ее соответствия некому «актуальному» и даже «чувствительному» для области «материалу» так же бесперспективно. Ее (заявки) качество и есть почти единственное условие получения грантовой поддержки. Но именно показатели «мощности» Фонда президентских грантов и повсеместная «финансовая стесненность» НКО удостоверяют необходимость постановки грантрайтинга (англ. *grantwriting*) как штатной, хотя и обременительной, функции в рамках кадровой структуры любой некоммерческой организации.

Литература

1. О Координационном комитете по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества : указ Президента Российской Федерации от 3.04.2017 г. № 137 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71545128/>(дата обращения: 03.03.2020).
2. О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества : указ Президента Российской Федерации от 30.01.2019 г. № 30 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72060894/>(дата обращения: 03.03.2020).
3. Фонд президентских грантов. Официальный сайт. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about> (дата обращения: 03.03.2020).
4. Информационно-аналитический бюллетень / Министерство социальных отношений Челябинской области. Официальный сайт. URL: <http://minsoc74.ru/informacionno-analiticheskiy-byulleten> (дата обращения: 03.03.2020).
5. Мониторинг реализации мероприятий по поддержке СО НКО / Министерство социальных отношений Челябинской области. Официальный сайт. URL: <http://minsoc74.ru/monitoring> (дата обращения: 03.03.2020).
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Челябинской области в 2017 году / под ред. О. В. Дубровина, Е. В. Титовой, А. И. Ковалева [и др.]. Челябинск: Общественная палата Челябинской области, 2018. 74 с.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Челябинской области в 2018 году / под ред. О. В. Дубровина, А. И. Ковалева, А. В. Поминова [и др.]. Челябинск: Общественная палата Челябинской области, 2019. 62 с.

УДК 329.316.354

**Кульминская А. В.,
Бакшеева Д. И.**

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РЕГИОНА

Аннотация: в статье определена роль Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия единой России» Свердловской области в публичной политике региона, рассмотрены особенности и механизмы реализации деятельности некоммерческой организации (НКО), выявлены способы участия организации в политической повестке партии «Единая Россия», проанализированы основные проблемы реализации публичной деятельности «Молодой Гвардии Единой России», предложены способы решения выявленных противоречий.

Ключевые слова: «Молодая Гвардия Единой России», «Единая Россия», публичная политика, некоммерческие организации, гражданское общество.

**Kulminskaia A. V.,
Baksheeva D. I.**

ROLE OF SOCIAL AND POLITICAL ORGANIZATIONS IN THE PUBLIC POLICY OF THE REGION

Abstract: this article defines the role of the All-Russian Public Organization Young Guard of the United Russia party of the Sverdlovsk Region in the region's public policy, considers the features and mechanisms for implementing the activities of this NGO, identifies ways to participate in the political agenda of the United Russia party, analyzes the main problems of implementing the public activities of the Young Guard, and suggests methods resolving identified contradictions.

Keywords: Young guard of the United Russia party, Young Guard, United Russia, public policy, non-profit organizations, civil society.

Публичная политика — один из основных элементов демократического общества, который представляет собой согласование общественных интересов, сотрудничество членов общественных организаций, органов власти, бизнеса для совместного решения наиболее значимых проблем в обществе [1]. Успех реализации данной политики будет достигнут при условии существования прочной опоры на гражданское общество, которое представляет собой социально ориентированную площадку, совокупность общественных организаций, реализующих разные направления своей деятельности, существующих независимо от государства, отстаивая при этом перед ним интересы своих членов. Исходя из этого, важный политический вектор развития России ориентирован на формирование демократического общества благодаря развитым некоммерческим организациям (НКО) [2]. Общественные организа-

ции представляют собой добровольные объединения членов, осуществляющие совместную некоммерческую деятельность на основе общих интересов для защиты уставной цели, заключающейся в удовлетворении нематериальных и духовных потребностей ее членов.

Публичная политика подразумевает взаимодействие государства и общественных организаций на основе партнерских отношений. Основными принципами такого сотрудничества выступают: взаимный контроль деятельности, совместное решение социально-значимых проблем, законотворчество: через партийные фракции и объединения НКО воздействуют на данный процесс посредством изучения общественного мнения, проведения благотворительных акций [1]. Для России, как страны с демократическим строем, характерно, что реализация таких принципов в полной мере осуществляется за счет общественно-политических организаций, которые непосредственно включены в политическую повестку, что предполагается их уставными документами. Организации подобного профиля предоставляют социальную защиту общества, обладающую чертами саморазвития, самовыдвижения и самоорганизации. Данные организации участвуют в воспитании гражданского самосознания, в решении социально-значимых проблем, а также выступают в роли критиков, которые аккумулируют недостатки существующей государственной системы и в то же время являются звеном, обеспечивающим связь государства и общества.

С целью изучения роли общественно-политических организаций в публичной политике региона в январе 2020 года было проведено исследование. В качестве методов были выбраны традиционный анализ документов, включенное наблюдение за деятельностью организации, экспертное интервью. Объектом исследования выступила Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР), которая реализует свою деятельность на протяжении 14 лет и имеет свои отделения во всех субъектах Российской Федерации, в том числе Свердловской области. Преимущество МГЕР как объекта исследования заключается в принадлежности к политической партии, что предполагает включение в политическую повестку.

В результате исследования были выявлены особенности и механизмы реализации публичной деятельности общественно-политических организаций на примере Свердловского регионального отделения МГЕР. Для анализа документов был выбран Устав «Молодой Гвардии Единой России», согласно которому организация способствует воспитанию у молодежи чувства патриотизма; занимается реализацией проектов, направленных на вовлечение молодежи в процессы построения демократического, социально справедливого общества, а также оказывает поддержку инициатив, направленных на распространение идей гражданского общества. Таким образом,

«Молодая Гвардия Единой России» является платформой для всестороннего роста и развития молодежи. Организация содействует защите прав и свобод граждан РФ, развитию правовой культуры у молодежи, а также физическому, интеллектуальному, психологическому, духовному и нравственному развитию данной демографической группы. «Молодая Гвардия Единой России» вносит свой вклад в формирование гражданского общества, а также кадрового резерва молодых политиков региона, о чем свидетельствуют представители организации, реализующие себя на должностях в органах власти.

В ходе исследования было проведено два экспертных интервью. Экспертами выступили член и руководитель регионального штаба СРО МГЕР. Было выявлено, что «Молодая Гвардия Единой России» как субъект публичной деятельности региона характеризуется информационной открытостью в сети Интернет. По мнению экспертов, можно без труда найти информацию о деятельности МГЕР и вступить в ее ряды, пройдя простую процедуру: *«Контакты в интернете легко найти, люди просто пишут, звонят, оставляют свои заявки. Потом приглашаются на встречу. После этого человек становится членом организации и начинает активно участвовать в мероприятиях»*, — отметил член регионального штаба Свердловского регионального отделения «Молодой гвардии Единой России». Можно сделать вывод, что система приема новых членов и оповещения о деятельности организации доступна в сети интернет, что также дает позитивную оценку организации как субъекту реализации публичной деятельности в регионе.

Согласно уставному документу «Молодой Гвардии Единой России», одна из ее целей — участие в выборах. Для достижения цели МГЕР реализует проекты и мероприятия, которые охватывают все сферы интересов и находят признание у будущих потенциальных избирателей: *«Как показывает практика, наиболее действенным способом привлечения сторонников является проведение интересных мероприятий и реализация хороших проектов»*, — считает руководитель Свердловского регионального отделения «Молодой гвардии». Следовательно, у МГЕР налажен механизм наращивания электората посредством реализации своей деятельности и вовлечения в нее различных групп интересов общества [3].

Однако исследование, проведенное с использованием метода включенного наблюдения за деятельностью организации на правах членства в ней на протяжении 2019 года, показало, что «Молодая Гвардия Единой России» имеет проблемы, препятствующие осуществлению публичной деятельности. Одна из них — противоречивость имиджа организации в обществе. Многие граждане не разделяют партию «Единая Россия» и «Молодую Гвардию Единой России» и считают их одной партией. По этой причине активисты МГЕР неоднократно подвергаются нелестным комментариям в адрес своей деятель-

ности, которые в свою очередь обращены к их старшим товарищам — членам партии. Для решения проблемы активисты регулярно работают с целью формирования своего личного имиджа и положительного отношения к организации в обществе. Например, во время проведения акций и мероприятий они используют атрибутику МГЕР: флаги, бронированную одежду, баннеры, а также стремятся акцентировать внимание горожан на идентичности своей организации через СМИ.

В ходе анализа документов организации и экспертного интервью была выявлена вторая проблема: зависимость «Молодой Гвардии Единой России» от «Единой России». Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод, что организация хоть и является молодежным общественным объединением, но поддерживает идеологию Всероссийской политической партии «Единая Россия». По результатам экспертного интервью с представителями аппарата и регионального штаба СРО МГЕР удалось сделать вывод, что данная проблема имеет свое отражение в деятельности МГЕР, которая включает взаимодействие с партией, а также активное участие в ее повестке. В ходе интервью каждый эксперт упомянул о реализации кампании в рамках партийного проекта «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: *«Недавно была кампания по запрету «наливаек», законопроект вносился в Государственную Думу депутатами «Единой России», и нужна была его поддержка в регионах. Мы работали по его продвижению, объясняли, интересовались мнением, как они к нему относятся. Нами было собрано около 20000 анкет»*, — рассказал член регионального штаба Свердловского регионального отделения «Молодой гвардии». Таким образом, «Молодая Гвардия Единой России» хоть и имеет право определять методы своей деятельности, но реализует партийные запросы, что ставит под сомнение независимость МГЕР как самостоятельной организации. Однако реализация принципов сотрудничества в формате содействия законотворческому процессу в данном случае все же происходит, но в большей степени под влиянием партии, нежели собственной инициативы активистов организации.

Таким образом, на примере СРО МГЕР можно продемонстрировать, как общественные организации способны открыто реализовывать свою деятельность в качестве активных субъектов публичной политики региона, используя все возможные каналы и механизмы для формирования своего имиджа, увеличения числа сторонников и наращивания электората. Помимо политической деятельности, подобные организации регулярно взаимодействуют с общественностью, способны решить социально-значимых проблем путем реализации проектов, занятием благотворительностью, предоставления и защиты интересов общества на уровне различных органов власти.

Большое внимание общественно-политические организации уделяют развитию кадрового потенциала своих членов и представителей данной демографической группы.

Общественно-политические организации имеют достаточный управленческий и кадровый потенциал, а также информационный, правовой и иные ресурсы для конструктивного выстраивания публичной деятельности. Они принимают непосредственное участие в формировании активного гражданского общества и решении социально-значимых проблем на территории Свердловской области. Однако приверженность к политическим партиям создает ряд проблем электорального характера, исходя из этого, подобным организациям следует самостоятельно задавать повестку и обеспечивать должную информированность общества о своей идентичности.

Литература

1. Борискова И. В. Государство и общественные объединения // Территория науки. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-obschestvennye-obedineniya> (дата обращения: 06.02.2020).

2. Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Социология. Политология. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-upravlenie-i-grazhdanskoe-obschestvo-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.02.2020).

3. Устав ВОО «Молодая Гвардия». URL: <https://mger.ru/> (дата обращения: 03.02.2020).

УДК 364.62

**Старшинова А. В.,
Архипова Е. Б.,
Новожилов А. Б.**

РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО

Аннотация: в статье проведен анализ деятельности ресурсных центров как способа государственной поддержки социально-ориентированных НКО (СО НКО) в качестве исполнителей социальных услуг. Эмпирическую базу исследования составили данные сайтов негосударственных и государственных организаций Уральского федерального округа, проанализировано 60 ресурсных центров. Использованы материалы интервью с представителями региональных СОНКО ($n = 16$).

Ключевые слова: инфраструктура поддержки, ресурсные центры, социально-ориентированные НКО, социальные услуги.

Starshinova A. V.,
Arkhipova E. B.,
Novozhilov A. B.

RESOURCE CENTERS AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIALLY ORIENTED NGOs

Abstract: the article analyzes the activities of resource centers as a way of state support of socially oriented NPOs (hereinafter — SB NPOs) as providers of social services. The empirical base of the study was data from websites of non-governmental and state organizations of the Ural Federal District, 60 resource centers were analyzed. We used materials from interviews with representatives of regional SONCO ($n = 16$).

Keywords: support infrastructure, resource centers, socially-oriented NGOs, social services.

Ресурсные центры возникают и формируются как компонент государственной инфраструктурной поддержки социально-ориентированной деятельности НКО, позволяющей развивать необходимые им компетенции для исполнения роли поставщиков социальных услуг [1; 2]. Представляя собой организацию или инициативную группу, они выполняют функции информационной, консультационной, образовательной, организационной и иной ресурсной помощи активным гражданам, инициативным группам, НКО и социальным учреждениям, содействуя межсекторному взаимодействию, внедрению новых социальных технологий, в целом формированию среды, способствующей снижению объективных рисков развития негосударственного сектора социального обслуживания [3, с. 69]. Целевое предназначение ресурсных центров заключается в комплексном сопровождении деятельности негосударственных/неприбыльных организаций, снижении их издержек в доступе к консультационным, информационным и иным услугам, которые они не могут получить по рыночной цене.

Отличительной особенностью функционирования ресурсных центров в инфраструктуре поддержки социально-ориентированных организаций является постоянное аккумулирование опыта и информации о лучших социальных практиках, привлечение высококвалифицированных специалистов из разных областей знаний, социальное партнерство с некоммерческими, коммерческими организациями, органами исполнительной власти и местного самоуправления по всей территории РФ. Выделенные характеристики позволяют им развивать качественную, комплексную поддержку всех участников формирующейся в современных условиях системы социальных услуг [4].

На практике существуют многообразные организационные формы ресурсных центров: АНО, НКО, фонды, учреждения, ассоциации или союзы, общественные объединения и т. д. В процессе анализа развития ресурсных центров были выделены типы организаций, для которых создаются ресурсные центры в социальной сфере, и три типа ресурсных центров по данному основанию:

1) ресурсные центры для НКО и СОНКО, которые оказывают образовательную и финансовую поддержку организациям и всем желающим гражданам, имеющим намерение зарегистрировать НКО, СОНКО;

2) специализированные ресурсные центры (социальные, молодежные, образовательные, РЦ в области здравоохранения и т. д.);

3) ресурсные центры, которые оказывают консультативную помощь в области социального предпринимательства.

С целью анализа специфики деятельности нами было проанализировано 60 ресурсных центров УрФО. На рис. представлено статистическое распределение ресурсных центров на территории УрФО.

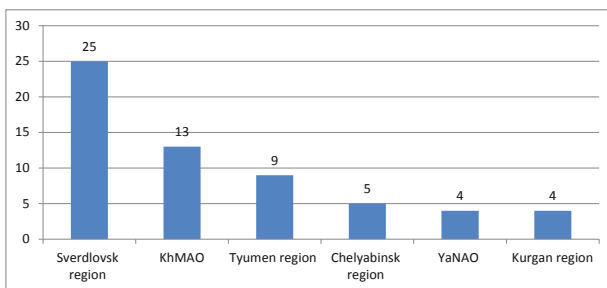

Рис. Ресурсные центры на территории УрФО

Во всех регионах статистически преобладают специализированные ресурсные центры. В рамках проведенного исследования более подробно были проанализированы ресурсные центры для социального предпринимательства и СО НКО, табл.

Таблица

Доля ресурсных центров для СО НКО и социального предпринимательства (от общего числа ресурсных центров каждого региона)

Регион	Доля ресурсных центров для СО НКО, %	Доля ресурсных центров для социального предпринимательства, %
Свердловская область	13	6
ХМАО	14	14
Тюменская область	20	20
Челябинская область	16	17
ЯНАО	40	40
Курганская область	25	0

Особое место в развитии ресурсных центров, как следует из табл. 1, занимает Тюменская область. В Тюмени функционирует Межрегиональный ре-

сурсный центр для развития и поддержки СО НКО УрФО, в который входит шесть ресурсных центров на территории УрФО. Их деятельность осуществляется при поддержке Министерства экономического развития и Фонда президентских грантов с 2012 г. В ЯНАО также высока доля ресурсных центров для НКО и социального предпринимательства, но в отличие от РЦ Тюменской области они функционируют только на территории своего округа. В Свердловской области большинство ресурсных центров в поддержку НКО и социальных предпринимателей были созданы в 2016 г., что свидетельствует о том, что данное направление деятельности ресурсных центров еще только формируется.

Из проведенного анализа следует, что ресурсные центры для СО НКО/НКО и социального предпринимательства обладают отличительными особенностями. Специализированные центры для социальных предпринимателей слабо представлены в общем количестве ресурсных центров. Их развитию препятствует сложность и полипарадигмальность в понимании сущности социального предпринимательства. Поэтому существует распространенная практика массового открытия ресурсных центров для СО НКО, но которые частично оказывают помощь и социальным предпринимателям, консультируя их об особенностях коммерческой деятельности.

Один из исследовательских вопросов предполагал конкретизацию представления, как на практике формируются источники финансирования ресурсных центров. *«А вообще деятельность ресурсных центров, она финансируется тремя видами. Первый — это на взносы и пожертвования, взносы от НКО, допустим, создается ассоциация, то они платят взносы. Плюс пожертвования частных доноров или организаций, которые хотят вкладывать в систему, но таких пока нет. ... Или же субсидия, как Архангельск получил. Четко техзадание: сколько НКО обучить, сколько провести мероприятий, сколько сделать. Или, допустим, это грантовая деятельность»* (руководитель ресурсного центра, муж.).

Четкого регулирования деятельности ресурсных центров нет, поэтому их повседневную практику при взаимодействии с НКО отличает креативный подход, быстрое реагирование на нужды формирующихся организаций. Участники исследования в ходе интервью, подчеркивая комплексный характер поддержки СО НКО, выделяли непосредственные задачи, на решение которых направлена деятельность ресурсных центров. К ним относятся предоставление помещений для полноценной работы НКО юридическая помощь, поддержка проектной деятельности, их информационное продвижение, поддержка руководителей организаций при установлении контактов с представителями органов управления и потенциальными партнерами: *«Требуется коворкинг. ... У них нет помещения, нет компьютеров и всего прочего, элементарно там отскерить, напечатать, полистать, почитать»*.

Если же встретиться с каким-то благотворителем или партнером, и очень нужна, вот именно у наших НКО вообще везде, и одна из основных работ ресурсного центра — предоставить площадку для работы» (руководитель ресурсного центра, муж.).

Одновременно были сформулированы стратегические цели, затрагивающие интересы некоммерческого сектора в целом, на которые ориентируются ресурсные центры сегодня: *«Работа ресурсного центра — это именно продвижение всей этой сферы некоммерческой организации. Ресурсный центр может выступать организатором, а может быть участником разных круглых столов, мероприятий, семинаров, форумов и всех прочих. ...Да, автономную некоммерческую организацию я открыл именно для того, чтобы заниматься всей сферой НКО»* (руководитель ресурсного центра, муж.).

Наконец, следует отметить наблюдающуюся своеобразную специализацию ресурсных центров, вызванную необходимостью более профессионального подхода к исполнению социальных услуг и повышению их качества. *«Профессионализация... ну, вы все очень хорошо знаете, что делаем, как бы... специализуемся. Уже никто не делает 50 дел, у меня, например, вот четыре направления... лучше меньше, но качественней... немножко разбрасываемся...»* (руководитель СО НКО, жен.).

Таким образом, деятельность ресурсных центров представляет собой механизм развития негосударственного сектора социальных услуг, прежде всего СО НКО, способный оперативно адаптироваться к потребностям его новых участников.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке РФФ по теме проекта № 19-18-00246.

Литература

1. Беневоленский В. Б., Шмулевич Е. О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 66–73.
2. Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ (действующая редакция, 2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения 05.03.2020).
3. Институциональные изменения в социальной сфере российских регионов: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук М. Ю. Шерешевой. М.: МГУ. 2017. С. 65–70.
4. Тиховодова А. В. Социальное партнерство: сущность, функции, особенности развития в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 58. С. 297–301.

УДК 316.334.3

**Масоров С. Д.,
Кузьминчук А. А.**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: в рамках статьи предпринята попытка оценить влияние политического волонтерства на политическую социализацию молодежи, а также оценить политическое волонтерство как инструмент достижения политической власти субъектами политической борьбы и карьерных перспектив самими политическими волонтерами. Основными объектами анализа становятся уровень политической социализации политических волонтеров и эффективность самого политического волонтерства в процессе политической социализации молодежи, эффективность политического волонтерства как социального лифта для самих волонтеров, а также влияние, которое политические волонтеры оказывают на ход избирательных кампаний и процесс принятия политических решений.

Ключевые слова: политическое волонтерство, добровольчество, молодежь.

**Masorov S. D.,
Kuz'minchuk A. A.**

POLITICAL VOLUNTEERING AS A TOOL OF POLITICAL SOCIALIZATION AND A WAY TO ACHIEVE POLITICAL POWER

Abstract: in the framework of this article, the authors seeks to assess the influence of volunteers on the political socialization of youth, as well as to assess that political volunteering as a tool to achieve power. The article attempts to interpret the data obtained in the course of surveys and expert interviews. The main objects of analysis are volunteers and the effectiveness of volunteers, as well as the influence of volunteers, which also affect the course of volunteer campaigns and the decision-making process.

Keywords: volunteering, political volunteering, youth.

Волонтерство как социальный феномен представлен крайне разнообразными практиками, среди них помощь в поисковых мероприятиях, культурные массовые акции, адресная социальная помощь нуждающимся гражданам, помощь социально ориентированным организациям и движениям. Разнообразие видов волонтерской деятельности обусловлено большим множеством сфер жизнедеятельности общества, а также невозможностью государства одинаково эффективно решать проблемы, возникающие во всех этих сферах. Политическое волонтерство, как один из видов волонтерской деятельности, также активно расширяется, вовлекая большое количество, в основном, молодых людей с различными политическими взглядами. Политическое волонтерство может являться важным элементом политической жизни общества, создавая условия для развития различных политических сил. Важность темы обусловлена тем, что политические волонтеры, являясь серьезным ресурсом различ-

ных политических сил, способны своей работой изменять политическую ситуацию как в отдельных регионах, так и в целых странах. Идейные, готовые работать для достижения высшей политической и идеологической цели, молодые люди могут оказаться мощным инструментом для достижения политической власти. При недооценке этого потенциала в обществе могут возникнуть негативные явления, такие как радикализм, экстремизм и революционные движения. Молодые люди, привыкшие быть частью организованной общности, но потерявшие позитивные политические ориентиры, могут представлять опасность даже для стабильности политической системы в целом.

Политическое волонтерство как вид волонтерства и социальное явление преследуют важные цели. Цели политического волонтерства могут быть условно разделены на общественные и личные. Общественной целью политического волонтерства является политическая социализация молодежи, то есть включение молодежи в традиционное для данного общества политическое пространство, сведение к минимуму проявлений нетрадиционного политического активизма среди молодежи [1, с. 516]. Личные цели заключаются в достижении политической власти субъектами политической борьбы с использованием ресурса политических волонтеров. В данном случае под субъектами политической борьбы понимаются политические партии, незарегистрированные политические движения, а также самостоятельные кандидаты и политические деятели. Также к личным целям относятся стремления самих политических волонтеров получить перспективы профессионального развития в политической среде [2, с. 28–31].

Стараясь оценить влияние политического волонтерства на политическую социализацию молодежи, а также оценить политическое волонтерство как инструмент достижения политической власти и карьерных перспектив, были проведены опросы и интервью с непосредственными участниками общественно-политических движений, являющихся операторами политического волонтерства. В количественном опросе респондентам и в интервью экспертам задавались вопросы, ответы на которые характеризуют политическое волонтерство с точки зрения перечисленных выше аспектов. Участниками опроса были молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, занимающиеся деятельностью, которую можно характеризовать как политическое волонтерство. Объем выборки — 200 человек. В интервью участвовали лидеры молодежных общественно-политических движений, являющихся операторами политического волонтерства.

На основе анализа качественных и количественных данных можно сделать следующие выводы.

1. Политическое волонтерство успешно выполняет функцию политической социализации молодежи, задействованной в деятельности общественно-политических объединений, являющихся операторами волонтерской

деятельности. В то же время наблюдается зависимость между нежеланием у респондентов кардинальных и революционных изменений в стране и их принадлежностью к системным общественно-политическим объединениям. Такая корреляция — показатель политической социализации. Таким образом, 95 % молодых людей, являющихся политическими волонтерами в рамках системных общественно-политических объединений, считают неприемлемым резкие смены политического курса страны, не придерживаются революционных взглядов, в то время как в несистемных общественно-политических объединениях такой молодежи около 60 %. Следовательно, можно говорить о высокой эффективности политической социализации именно в рамках работы системных общественно-политических объединений.

2. Политическое волонтерство оценивается самими волонтерами как эффективный социальный лифт для молодых людей, желающих заниматься государственной и политической работой. Так, 86 % политических волонтеров ответили, что политическое волонтерство дает активистам реальную возможность развиваться в политике в будущем. А также почти половина (47 %) твердо уверена, что будет участвовать в выборах в качестве кандидата в будущем, а еще 29 % пока не определились наверняка. В то же время, как заверяют лидеры молодежных общественно-политических объединений, эффективность развития каждого волонтера в большей степени зависит не от самого факта выполнения общественно-политической деятельности, а от персональных умений и навыков и принадлежности к определенным политическим силам каждого конкретного волонтера. Все эксперты абсолютно уверены, что, являясь членом системных общественно-политических объединений, молодой человек имеет больше шансов на карьерные перспективы в политической сфере. При этом не имеет значения, являются эти системные общественно-политические объединения провластными или оппозиционными.

3. Сами политические волонтеры оценивают свое влияние на результаты избирательных кампаний несколько оптимистичней, чем лидеры общественно-политических объединений, являющихся операторами волонтерской деятельности. Так, 62 % всех активистов уверены, что политические волонтеры оказывают достаточно сильное влияние на принимаемые политические решения и ходы избирательных кампаний. В то же время лидеры молодежных общественно-политических объединений характеризуют влияние политических волонтеров как «достаточное, но не ключевое, сильно ниже среднего». Это может быть связано с тем, что лидеры и руководители учитывают соотношение различных ресурсов, используемых их объединениями в процессе политической борьбы. Политическим волонтерам с их позиции может казаться, что ими выполняется большая часть предвыборной работы, но «помимо работы в полях существует еще куча обязанностей, которые волонтеры выполнять не в состоянии», — подчеркнул один из опрошенных операторов

общественно-политического волонтерства. В итоге политическое волонтерство оказывает действенное, но далеко не критическое влияние на ход политических противостояний.

Обобщенные результаты исследования говорят об этапе становления политического волонтерства в России. Данный вид волонтерства уже привлек к себе внимание многих молодых людей и политических сил, но в то же время политическое волонтерство еще не до конца сформировано как серьезная сила, способная оказывать большое влияние на общественно-политические процессы. Постепенное развитие этого вида волонтерства в контексте работы системных общественно-политических сил позволит в будущем формировать устойчивую политическую культуру среди молодых людей, обеспечивая стабильность общественно-политического поля.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 16–03–00016.

Литература

1. Zimmer A., Smith D. H., Alijla A. Political Parties and Political Volunteering // The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. Pp. 495–515. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-137-26317-9> (дата обращения 7.09.2019).

2. Масоров С. Д., Кузминчук А. А. Политическое волонтерство как объект исследования // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы V Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 22–23 апреля 2019 г. : в 2-х т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. Т. 1. С. 28–31.

УДК 364.62

Чикова Е. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ПОСТАВЩИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация: социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) становятся активным игроком рынка социальных услуг, доминирующими акторами которого ранее были государственные учреждения. В статье рассматриваются общие тенденции развития СО НКО как поставщиков социальных услуг с учетом неоднородности развития некоммерческого сектора в российских регионах. Эмпирическую базу проведенного в статье анализа составили статистические данные портала АИС НКО, материалы специального доклада Общественной палаты Российской Федерации и данные из других открытых источников.

Ключевые слова: СО НКО, социальная услуга, поставщики социальных услуг, цифровизация, межсекторное партнерство, бенчмаркинг.

Chikova E. V.

DEVELOPMENT TRENDS IN SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS SOCIAL SERVICES PROVIDERS

Abstract: socially oriented non-profit organizations are becoming an active player in the social services market, which was previously dominated by state institutions. This article discusses the general development trends of socially oriented non-profit organizations as providers of social services, taking into account the heterogeneous development of the non-profit sector in the Russian regions. The empirical basis of the analysis carried out in the article is the statistical data on the AIS NGO portal, materials of the special report of the Civic Chamber of Russian Federation and data from other open sources.

Keywords: SO NGO, social service, social service providers, digitalization, intersectoral partnership, benchmarking.

Регламентация деятельности некоммерческих организаций как потенциальных поставщиков социальных услуг началась еще в 1996 году вместе с принятием закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», в котором декларировалось их право осуществлять «предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность» с условием того, что это будет отвечать целям создания некоммерческой организации, указанным в учредительных документах. В том же законе было введено понятие социально ориентированной некоммерческой организации (СО НКО), которая определялась как некоммерческая организация, созданная в предусмотренных законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющая деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации [1]. В свою очередь термин «социальная услуга» впервые получил трактовку годом ранее в федеральном законе № 122-ФЗ как «действие по оказанию отдельным категориям граждан в соответствии с законодательством Российской Федерации, клиенту социальной службы помощи, предусмотренной настоящим Федеральным законом» [2].

Таким образом, все вышеупомянутые трактовки опосредовано делали СО НКО дополнительной ветвью социальных служб, предоставляя им возможность оказывать социальные услуги как на безвозмездной, так и на платной основе. Однако спустя почти два десятилетия вместе с повышением спроса на подключение некоммерческого сектора к решению задач социальной политики и повышению качества социальной сферы произошла трансформация нормативно-правовой базы, регулирующей оказание социальных услуг населению. Это выразилось в принятии закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации». Появилось понятие «поставщик социальных услуг» — юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель,

осуществляющие социальное обслуживание. Было уточнено понятие «социальная услуга», определяемое теперь как «действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности» [3].

Иными словами, государство показательно отходит от традиционной патерналистской модели управления социальной сферой. Оставаясь ключевым ее регулятором и производителем общественных благ, оно переходит к концепции непрямого государственного управления в социальном секторе, делегируя часть своих функций и ресурсов некоммерческим организациям, одновременно приобретая эксклюзивный и быстро адаптирующийся инструмент управления и осуществляя фискальные функции в области оценки качества работы некоммерческого сектора.

С другой стороны, СО НКО, приобретая статус составной части системы социального обслуживания, массово реагируют на изменяющуюся конъюнктуру и с разной скоростью, зависящей как от уровня развития самого СО НКО, так и от социально-экономической обстановки в регионе локализации, выбирают определенные направления для своей эволюции. Прежде всего, СО НКО активно используют цифровые технологии и цифровое пространство для решения внутренних и внешних задач. Например, создают и продвигают сайты и страницы в социальных с уникальным присущим только им дизайном и символикой. Это делает некоммерческую организацию узнаваемой и привлекает к ней внимание потенциальных доноров, волонтеров, представителей муниципальных властей, СМИ и, самое важное, благополучателей. Другая причина «цифровизации» кроется в том, что государственные учреждения социального обслуживания обязаны иметь сайт и размещать на нем всю необходимую потребителям социальных услуг информацию. Изменение статуса СО НКО на рынке социальных услуг побуждает их к «подражанию» государственным учреждениям.

Другое направление в рамках цифровизации СО НКО заключается в использовании социальных сетей для создания сообществ по интересам или групп профессиональных коопераций, где участники некоммерческого сектора обмениваются информацией: размещают актуальные новости, анонсируют важные мероприятия, делятся успехами, обмениваются мнениями и ищут партнеров для реализации совместных проектов. Достаточно часто подобные «профессиональные» страницы в социальных сетях служат орудием критики действий муниципальных и региональных властей в сторону СО НКО и/или привлекают внимание широкой общественности к возникшей проблеме. Наконец, группы и страницы СО НКО в социальных сетях периодически выступают площадкой для предварительных неформальных контактов всех ак-

торов социальной сферы, что в последующем позволяет им выстроить более доверительный диалог.

Еще одна составляющая цифровизации СО НКО — это использование продукции, создаваемой ИТ-сектором: программ для конструирования сайтов и интерактивных презентаций, фото-редакторов, инструментов электронной рассылки, плагинов для добавления функций сайтам и приложениям, электронной подписи, систем онлайн-оплаты, краудфандинговых платформ, QR-кодов и т. д. [4]. В основном весь перечисленный инструментарий используется для привлечения потенциальных доноров, вербовки медиаволонтеров, позиционирования организации при подаче заявки на грантовые конкурсы и для получения государственных субсидий, а также для размещения отчетности о деятельности СО НКО, словом, для привлечения дополнительных ресурсов и создания привлекательного имиджа современной организации.

Следующая тенденция развития СО НКО — участие в процессах межсекторного взаимодействия с органами власти для достижения условий, облегчающих работу СО НКО как поставщиков социальных услуг [5]. Некоммерческие организации готовы активно включаться в систему оказания социальных услуг населению, однако рассчитывают на то, что государственные преференции, декларируемые в нормативно-правовой документации, сопровождающей реестр поставщиков социальных услуг, позволят им укрепить собственную финансово-экономическую базу и, тем самым, расширить свои возможности. На деле же камнем преткновения в расширении доступа СО НКО к бюджетным средствам становятся низкие компенсационные тарифы на предоставляемые услуги и механизм выделения государственных средств [6, с. 87].

Другими дискуссионными темами для обсуждения в рамках межсекторного взаимодействия становятся излишняя формализация требований к квалификации кадров, получение имущественной, финансовой, методической поддержки от органов государственной власти и т. д. Отдельным вопросом для обсуждения обозначается потребность в продвижении государственными органами СО НКО в качестве поставщиков некоммерческих услуг, а именно информационная поддержка последних для повышения осведомленности населения о статусе и услугах, оказываемых ими. В любом случае целью участников межсекторного взаимодействия остается поиск баланса интересов, новых вариантов взаимодействия и контроля, что достигается за счет консенсуса в рамках таких диалоговых форм, как общественные и общественно-экспертные советы, селекторные совещания, конфликтные комиссии, рабочие группы, круглые столы, форумные встречи и иные совместные мероприятия.

СО НКО продолжают эволюционировать и в рамках следующих тенденций:

- 1) повышение уровня профессиональной подготовки административного и задействованного в оказании социальных услуг персонала СО НКО;

2) готовность встраиваться в региональную модель социального обслуживания при наличии информационно-методической поддержки со стороны органов власти;

3) использование в работе СО НКО практик бенчмаркинга, то есть заимствование успешного опыта при реализации работы с получателями социальных услуг у других акторов рынка социальных услуг;

4) сохранение индивидуального комплексного подхода к решению проблем получателей социальных услуг за счет знания особенностей их повседневной жизни, а также готовность расширять спектр социальных услуг и адаптировать процесс оказания социальной услуги под потребности получателя [7, с. 16];

5) активное привлечение к работе СО НКО добровольцев и специалистов смежных отраслей для обеспечения эффективной и качественной работы организации с получателями социальных услуг [6, с. 92];

6) осуществление деятельности СО НКО при сохранении нескольких источников финансирования [7, с. 14];

7) готовность СО НКО работать с получателями социальных услуг на отдаленных от краевого центра территориях;

8) усиление партнерских связей с представителями бизнес-структур через осуществление совместных проектов;

9) практическое отсутствие стимулирования конкуренции на рынке социальных услуг между СО НКО при наличии конкуренции СО НКО и государственных учреждений социального обслуживания;

10) выстраивание административной работы СО НКО с позиции долгосрочного стратегического планирования [8].

Материалы статьи подготовлены автором при финансовой поддержке РНФ. Грант № 19-18-00246.

Литература

1. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» URL: <http://base.garant.ru/10105879/#ixzz6Fq44qmG2> (дата обращения: 24.02.2019).

2. Федеральный закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» URL: <http://base.garant.ru/10103878/#ixzz6Fq5h> (дата обращения: 24.02.2019).

3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 24.02.2019).

4. Как российские НКО используют ИТ в своей работе // Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2019/11/15/nko-it/> (дата обращения: 25.02.2019).

5. Ежегодный доклад о деятельности и развитии СОНКО-2019 Минэкономразвития России. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/5042> (дата обращения: 25.02.2019).

6. Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83–104.

7. Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. Преимущество НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 7–26.

8. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере (Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации). URL: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/51385> (дата обращения: 20.02.2019).

УДК 334.7, 338.28

**Южакова А. И.,
Боронина Л. Н.**

ПОТЕНЦИАЛ НЕКОММЕРЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: новые тенденции на муниципальном рынке продовольственных товаров обуславливают поиск новых форм организации субъектов рынка, одной из которой может выступать некоммерческое партнерство местных субъектов муниципального продовольственного рынка. В статье осуществляется оценка потенциала стратегического некоммерческого партнерства как механизма интеграции местных субъектов продовольственного рынка муниципального образования «город Екатеринбург». Выводы и рекомендации авторов основаны на анализе данных опроса потребителей продукции локальных товарных сетей и местных хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: муниципальный продовольственный рынок, потенциал, некоммерческое партнерство.

**Yuzhakova A. I.,
Boronina L. N.**

POTENTIAL OF A NON-PROFIT PARTNERSHIP IN THE DEVELOPMENT OF THE MUNICIPAL FOOD MARKET

Abstract: new trends in the municipal food market are determined by the search for new forms of organization of market entities, one of which may be a non-profit partnership of local entities of the municipal food market. The article assesses the potential of strategic non-commercial partnerships as a mechanism for

the integration of local food market entities of the city of Yekaterinburg. The conclusions and recommendations of the authors are based on the analysis of data from a survey of consumers of products of local commodity networks and local economic entities.

Keywords: municipal food market, potential, non-profit partnership.

Одной из стратегических задач в развитии продовольственного рынка муниципального образования «город Екатеринбург» является создание равных условий конкуренции на городском продовольственном рынке для всех хозяйствующих субъектов [1]. Однако динамика развития муниципального продовольственного рынка демонстрирует обратное: быстрое и существенное снижение количества малых предприятий местной пищевой промышленности и локальных торговых сетей. В 2019 году прекратили свое существование 10 малых производств по выпуску пищевой продукции.

В отличие от стабильного положения на продовольственном рынке международных и федеральных сетей, а также устойчивого роста сетей региональных, динамика местных/локальных сетей довольно неустойчива и в целом отрицательна. На продовольственном рынке Екатеринбурга наблюдается тенденция вытеснения местных торговых сетей федеральными и региональными ритейлерами (рис.).

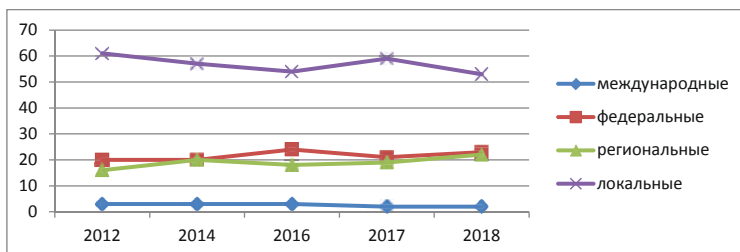

Рис. Динамика развития продовольственных сетей в соответствии с их структурой, % [2, с. 5]

За организацию и внедрение мер поддержки развития продовольственного рынка в муниципальном образовании «город Екатеринбург» ответственно структурное подразделение Администрации города Екатеринбурга «Комитет по товарному рынку Администрации города Екатеринбурга». Одной из стратегических задач Комитета является повышение самообеспеченности города продукцией местного производства на основе координации деятельности всех субъектов предпринимательской деятельности по обеспечению населения города продуктами питания. Однако меры поддержки в основном ориентированы на местных производителей — фермеров и представителей агро-

промышленного комплекса. Поддержка местных/локальных торговых сетей не производится.

Объекты локальных торговых сетей (ЛТС) функционируют в условиях жесткой конкуренции с федеральными и региональными продуктовыми сетями. Все магазины-конкуренты находятся в шаговой доступности от потребителей и также, как локальные торговые сети, позиционируются как «магазины у дома». Этот факт практически нивелирует изначальную общую специфику объектов ЛТС как «домашних магазинов». В условиях конкуренции «дверь в дверь» риск закрытия или поглощения местных продуктовых сетей крупнейшими федеральными и региональными сетями чрезвычайно возрастает. Усиление конкурентной борьбы на рынке продуктового ритейла перед многими владельцами локальных сетей ставит серьезную задачу изменения собственной стратегии. Один способ выживания на высоко конкурентном рынке — самоорганизация и объединение локальных сетей с местными производителями, позволяющее сетям снизить собственные издержки и получить доступ к более низкой закупочной цене [3].

Попытки сетевого объединения на продовольственном рынке муниципального образования «город Екатеринбург» предпринимались неоднократно (2011 г. — «Союз ритейл»; 2015 — торговая ассоциация «Е-де»; 2018 — «Союз фермеров Свердловской области»). Однако созданные партнерства очень скоро сталкивались с возникновением внутренних противоречий вследствие разности организационных характеристик его участников (масштабом организаций, гетерогенным составом целевых аудиторий, разностью ценовой и ассортиментной политики) либо вмешательством федеральных и «чужих» региональных закупочных сетей [4; 5]. Иначе говоря, стратегическая ориентация на уникальность каждой сети может расширять институциональные возможности наращивания потенциала сети, но порождать институциональные риски формирования некоммерческого партнерства местных субъектов муниципального продовольственного рынка.

Преодоление этих противоречий, на наш взгляд, возможно на основе: а) расширения функций некоммерческого партнерства: от закупочной деятельности к полной структуре достигнутого потенциала; б) применения проектных технологий, оптимизирующих процесс создания и функционирования на продовольственном рынке муниципального образования «город Екатеринбург» некоммерческого партнерства местных производителей и локальных торговых сетей; в) оценки потенциала будущего некоммерческого партнерства — наличия возможностей и готовности местных субъектов к кооперации и созданию *межсетевого* некоммерческого партнерства.

Методологической основой оценки потенциала некоммерческого партнерства местных субъектов муниципального продовольственного рынка явилась методология социального маркетинга и социального управления. Процесс-

ный подход позволил авторам исследования рассмотреть структуру потенциала некоммерческого партнерства в темпоральной динамике: в преддверии его создания (перспективный потенциал) и уже действующего некоммерческого партнерства (достигнутый потенциал). В соответствии с двумя группами процессов в структуре потенциала выделялись две составляющие: потенциал как готовность субъектов к внедрению новшеств и потенциал как объективные потенциальные возможности, внутренние ресурсы системы, не используемые, но предвидимые в настоящем времени и принимаемые в расчет в будущем [6, с. 20]. Структура перспективного (прогнозного) потенциала некоммерческого партнерства включает интенциональный и организационный потенциалы, выделенные на основе субъект-объектной парадигмы (табл. 1).

Таблица 1

Структура перспективного потенциала некоммерческого партнерства

Подход	Виды потенциалов	Характеристики
Субъектный	Интенциональный	Готовность стейкхолдеров к объединению и созданию некоммерческого партнерства
Объектный	Организационный	Востребованность объектов ЛТС, лояльность потребителей, конкурентоспособность, общие потребности и интересы

Структура потенциала действующего некоммерческого партнерства местных производителей и ЛТС на продовольственном рынке муниципального образования представляет собой совокупность его подпотенциалов (правового, экономического, социального, ресурсного, управленческого, образовательного, информационного), сформированных на основе группировки целевых и функциональных задач некоммерческого партнерства. Необходимость оценки перспективного потенциала в совокупности с анализом институциональных факторов, обуславливающих создание некоммерческого партнерства, отразилось в логике эмпирического исследования. На первом этапе была осуществлена оценка интенциональных характеристик перспективного потенциала некоммерческого партнерства. В экспертном опросе участвовали местные производители пищевой продукции и представители ЛТС. При общей положительной оценке состояния продовольственного рынка г. Екатеринбурга эксперты отмечают нарастающую тенденцию монополизации рынка федеральными и региональными сетями, что *«резко снижает уровень конкурентоспособности и возможности развития как местных производителей, так и локальные торговые сети»*. Меры поддержки развития местных субъектов продовольственного рынка со стороны органов местного самоуправления, по мнению экспертов, *«практически отсутствуют, за исключением обучающих семинаров по ведению бизнеса, которые никак не способствуют закреплению сетей на рынке»*. Местные производители заявили о целесообразности

ности проекта создания межсетевое некоммерческого партнерства, но одним из негативных факторов, который, по их мнению, может отрицательно сказываться на потенциальном взаимодействии и объединении местных производителей и ЛТС отметили существующий «информационный вакуум относительно состояния ЛТС». Представители ЛТС, артикулируя свои пессимистические настроения («сейчас собственники продуктовых сетей уже ни на что не надеется и практически смирились со скорейшим закрытием»), осторожно оценивали потенциал как собственного развития, так и партнерства с местными производителями.

Учитывая мнения экспертов, на втором этапе исследования было решено провести выборочное, пообъектное исследование локальных торговых сетей, присутствующих на продовольственном рынке муниципального образования «город Екатеринбург». Объект исследования — потребители шести продуктовых магазинов, представляющих локальные торговые сети. Выборочная совокупность составила 926 человек. Выборка одноступенчатая и целевая. Главный критерий отбора респондентов — частота посещения магазина. Выборочную совокупность составляли постоянные покупатели (посещение магазина более двух раз в неделю).

Метод опроса — анкетирование. Цель опроса — оценка организационных характеристик перспективного потенциала некоммерческого партнерства. Результаты опроса показывают, что респонденты при равных условиях месторасположения торговых точек в большей степени удовлетворены посещением небольших продуктовых магазинов, принадлежащих местным торговым сетям, нежели крупных объектов сетей федеральных и региональных. Небольшие магазины местных торговых сетей сохраняют свою востребованность, необходимый уровень конкурентоспособности, высокую лояльность со стороны целевых аудиторий. Главная особенность ЛТС — клиентоориентированность. Вторичный анализ данных опроса на основе применения комплекса маркетинга позволил оценить конкурентную среду объектов ЛТС. Рейтинг магазинов-конкурентов представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Рейтинг торговых сетей в МО г. Екатеринбург
(на основе оценок потребителей локальных торговых сетей)***

Объекты	Тип сети	Абс.	%	Рейтинг
Магнит	российская	220	24	1
Верный	российская	17	2	7
Пятерочка	российская	63	7	5
Кировский	региональная	211	23	2
Яблоко	локальная	140	15	4
Монетка	российская	141	15	4

Окончание табл. 2

Объекты	Тип сети	Абс.	%	Рейтинг
Райт	российская	184	20	3
Семь ключей	локальная	21	2	7
Пикник	локальная	52	6	6
Мегамарт	региональная	5	0,01	8
Ларец	локальная	5	0,01	8

*Сумма ответов превышает 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Расчет средневзвешенной по каждому переменному фактору Р показал, что обобщенный уровень конкурентоспособности объектов ЛТС высокий (табл. 3).

Таблица 3

Оценка конкурентных преимуществ ЛТС и их конкурентов (в % к числу опрошенных)

Параметры	Локальные ТС	Конкуренты
Цена	52	25
Качество товаров*	32	0
Ассортимент	63	37
Качество обслуживания	39	17
Удобство расположения	0	43

* В соответствии с методикой опроса удобство расположения объектов ЛТС не измерялось, предполагалось по умолчанию.

По результатам исследования и в целях повышения эффективности взаимодействия местных производителей и продавцов на муниципальном продовольственном рынке Екатеринбурга, создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов был разработан проект по созданию и проектированию деятельности некоммерческого партнерства местных производителей и локальных сетей «Стратегический Альянс «Локал Екатеринбург». Пакет проектных мероприятий представляет собой мотивационную программу, стимулирующую представителей ЛТС к объединению с местными производителями пищевой продукции.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00907.

Литература

1. Стратегический план развития МО «город Екатеринбург» до 2020 года. URL: <http://www.ekburg.ru/> (дата обращения: 20.12.2019).

2. Отчет «Итоги развития товарного рынка 2018 год». Комитет по товарному рынку Администрация города Екатеринбург. Екатеринбург, 2018. 20 с.

3. Леонов Д. В. Как локальным и региональным сетям не проиграть в конкурентной борьбе федеральным сетям? URL: https://new-retail.ru/business/kak_lokalnym_i_regionalnym_setyam_ne_proigrat_v_konkurentnoy_borbe_federalnym_setyam2448/ (дата обращения: 05.12.2019).

4. Киоскеры и фермеры Урала объединяются против сетей-гигантов // Электронный журнал Деловой квартал. Екатеринбург. 2015. URL: <https://ekb.dk.ru/news/kioskery-i-fermery-urala-ob-edinyayutsya-protiv-setey-gigantov-236961199> (дата обращения: 20.12.2019).

5. Молочный апокалипсис. Местных фермеров выдавливают конкуренты из соседних регионов. Екатеринбург. 2018. URL: <https://ekb.dk.ru/news/apokalipsis-kakoy-to-mestnyh-molochnyh-fermerov-vydvliyayut-konkurenty-iz-sosednego-regiona-2371011376> (дата обращения: 05.12.2019).

6. Boronina, L. N., Baliyov A. A., Sholina I. I. Professional potential of future engineers in Russia's Old-Industrial Region: Institutional challenges and risks // 10th Annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI). Seville, SPAIN, 2017. P. 4827.

УДК 159.99

Шепеленко А. Ю.

ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: ВЛИЯНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕКЛАМОЙ СО НКО, НА ОБЪЕМ ДОНОРСКИХ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Аннотация: в условиях растущей потребности населения в социальных услугах, постоянной конкуренции на рынке некоммерческих организаций, сокращения финансирования со стороны крупного бизнеса и крайне ограниченной государственной поддержки СО НКО могут укрепить свои позиции за счет разработки эффективных рекламных кампаний, направленных на привлечение частных пожертвований. Одним из главных вопросов для создателей фандрайзинговой рекламы является актуальность эмоциональной валентности изображения, используемого в качестве рекламного материала. В статье изучается вопрос, как изображения, вызывающие негативные и позитивные эмоции разной интенсивности, влияют на объем пожертвований.

Ключевые слова: благотворительность, пожертвования, некоммерческие организации, валентность эмоций, интенсивность эмоций, эффективность рекламы.

Shepelenko A. Yu.

PRIVATE CHARITY: INFLUENCE OF VALENCY AND INTENSITY OF EMOTIONS CAUSED BY THE ADVERTISING OF SO NPO ON THE VOLUME OF DONOR DONATIONS

Abstract: given the growing demand for social services, constant competition in the market of non-profit organizations, reduced funding from large businesses and extremely limited state support, SO NPOs can strengthen their position by developing effective advertising campaigns aimed at attracting private donations.

One of the main questions for the creators of fundraising advertising is the relevance of emotional valence of the image used as advertising material. This article explores the issue of how images that evoke negative and positive emotions of varying intensity affect donations.

Keywords: charity, donations, non-profit organizations, valence of emotions, intensity of emotions, advertising effectiveness.

Национальные проекты, установленные указом президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года, направлены на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, повышение уровня жизни и создание условий для самореализации каждого гражданина. Целевые показатели и основные результаты, сформированные на основе паспортов национальных проектов, предполагают, что к концу 2024 года в России будет больше доступного жилья и хороших дорог, вода и воздух станут чище, продолжительность жизни увеличится, а доходы значимой части бедных должны увеличиться, что позволит им перейти в средний класс [1]. Вместе с тем на данный момент сложно представить, как путем лишь административного регулирования и государственного финансирования в условиях экономической нестабильности можно достичь столь амбициозных целей.

Одним из способов повышения эффективности реализации национальных проектов является привлечение к этому процессу усилий социально ориентированных некоммерческих организаций, влияние которых на социально-экономические процессы в России существенно увеличилось за последние годы. Подтверждением этому может являться деятельность Фонда «Нужна Помощь», который поддерживает работу 215 благотворительных организаций по всей России. По итогам 2019 года фонд собрал более 318 млн рублей на решение различных социально-значимых проблем, что на 53 % больше показателей 2018 года и на 91 % 2017 года. Также важно отметить, что 94,24 % из этих средств было привлечено от частных доноров [2]. Анализ благотворительной деятельности в целом по России показывает, что пока ситуация выглядит не лучшим образом: по оценкам *CAF* в 2019 году Россия находится на 117 месте из 126 стран мира в рейтинге благотворительности [3]. Российские НКО остро нуждаются в финансировании, особенно в условиях ограниченной поддержки со стороны государства.

Учитывая долю частных пожертвований в бюджетах НКО, благотворительные организации стремятся улучшить свои фандрайзинговые коммуникации, таким образом увеличив размер пожертвований и уменьшив расход на их привлечение. Важным фактором, влияющим на размер пожертвования, являются эмоции, которые испытывает донор. Эмоции определяются как неконтролируемые и неосознанные реакции на внешние объекты и события. Это могут быть изображения, звуки, запахи или раздражители органов восприятия. Реакции на мысли и другие когнитивные процессы также можно отнести к эмоциям [4].

Одним из способов измерения эмоций является валентность, которая обычно рассматривается как колебания от привлекательности (позитивная валентность) к антипатии (негативная валентность) [5, с. 216–17]. Отрицательные эмоции, например, гнев и страх, имеют «отрицательную валентность», а положительные эмоции, такие как радость и восхищение, имеют «положительную валентность» и могут быть вызваны объектами или событиями с положительной валентностью [6, с. 316–318]. Интенсивность (сила) также является способом оценки эмоций. В отличие от валентности, которая показывает степень эмоциональной окраски, возбуждение показывает уровень интенсивности эмоции, то есть силу ассоциированного эмоционального состояния [7, с. 10–14].

В контексте рекламы, направленной на сбор пожертвований, исследователи показали, что образы, вызывающие позитивно заряженные эмоции, слабее мотивируют людей отдавать свое время, деньги или другие ресурсы, чем негативно заряженные изображения [8, с. 577–578]. В рамках опроса исследователи демонстрировали респондентам пять видов рекламных материалов, один из которых был без изображения и четыре с изображениями разной валентности: очень негативной, среднегативной, среднепозитивной и очень позитивной. Результаты опроса показали, что чем сильнее отрицательная эмоция, представленная на изображении, тем выше был уровень заявленного потенциального пожертвования. Интересно отметить, что при отсутствии изображения респонденты менее охотно готовы были жертвовать деньги и вещи, чем при наличии изображения с позитивной или негативной эмоциональной валентностью. В то же время очень позитивные образы были менее эффективны по сравнению даже с умеренно негативными [8, с. 577–578].

Еще одно исследование рекламы по сбору пожертвований для детей, больных раком, показало, что изображение печальных лиц в рекламных материалах вызывает большее желание пожертвовать деньги, чем изображение счастливых лиц [9, с. 779–781]. В рамках поведенческого эксперимента исследователи выяснили, что 77,4% людей, которые видели рекламу с грустным ребенком, готовы были пожертвовать деньги. В случаях, когда рекламный материал был представлен с изображением счастливого ребенка или ребенка с нейтральным выражением лица, готовность пожертвовать составляла 52,1% и 52,0% соответственно. Изучая психологические механизмы, лежащие в основе этого эффекта, Д. Смол и Н. Вероччи по результатам эксперимента с использованием шкалы, измеряющей симпатию, показали, что во время просмотра печальных лиц человек сопереживает эмоциональному состоянию жертвы, что вызывает большее сочувствие и приводит к просоциальному поведению.

Исследуя в отдельных экспериментах влияние интенсивности эмоций на принятие решения о пожертвовании, было показано, что реклама благотворительности, вызывающая наиболее сильные эмоции, с наибольшей вероятностью вызовет желание людей жертвовать деньги [8, с. 572–574]. Таким

образом, на основании данных исследований можно сделать вывод, что реклама, вызывающая интенсивные эмоции, с негативной валентностью наиболее эффективна для сбора пожертвований. При подготовке фандрайзинговых коммуникаций благотворительным организациям следует опираться на результаты описанных исследований и учитывать, какую эмоциональную валентность и интенсивность вызывает визуальный образ, используемый в рекламе.

Литература

1. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. Правительство РФ. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/Ajyl> (дата обращения: 05.03.2020).
2. Отчеты Фонда Нужна Помощь. URL: <https://nuzhnapomosh.ru/reports/> (дата обращения 05.03.2020).
3. Мировой рейтинг благотворительности КАФ. URL: http://www.cafussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (дата обращения 05.03.2020).
4. Hansen F., Christensen S. Emotions, Advertising and Consumer Choice // Journal of Business Research. Copenhagen Business School Press. 2008. № 61 (9). P. 982–985. URL: https://www.researchgate.net/publication/4967629_Book_essay_on_Flemming_Hansen_and_Sverre_Riis_Christensen_2007_Emotions_advertising_and_consumer_choice (дата обращения 05.03.2020).
5. Frijda N. The Structure of Emotion // Biological Psychology. 1997. № 44 (3). P. 216–217.
6. Lang A., Dhillon K., Don Q. The effects of emotional arousal and valence on television viewers' cognitive capacity and memory // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 1995. № 39 (3). P. 313–328.
7. Feldman B. L., Russell J. A. The structure of current affect: Controversies and emerging consensus // Current Directions in Psychological Science. 1999. № 8. P. 10–14.
8. Burt C., Strongman K. Use of images in charity advertising: Improving donations and compliance rates // International Journal of Organisational Behaviour. 2016. № 8 (8). P. 571–580.
9. Small D., Verrochi N. The Face of Need: Facial Emotion Expression on Charity Advertisements // Journal of Marketing Research. 2009. № 46 (6). P. 777–787.

УДК 351.84, 334.7

Якубова Э. Р.

БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: статья посвящена исследованию барьеров развития государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере образования. В статье доказывается, что применение принципов ГЧП при строительстве образовательных учреждений является инструментом эффективного развития регионов, на территории которых реализуются ГЧП-проекты, а также национальной экономики.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; частный сектор; публичное партнерство; инвестиционная политика; сфера образования.

© Якубова Э. Р., 2020

Yakubova E. R.

BARRIERS TO DEVELOPING PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN EDUCATION

Abstract: the article is devoted to the study of existing barriers to the development of public-private partnerships in the field of education. The article proves that the application of the principles of public-private partnership in the construction of educational institutions is an instrument for the effective development of the regions on the territory of which PPP projects are implemented, as well as the national economy. In the field of education, which in turn needs support and co-financing, the involvement of the private sector will improve the quality of infrastructure and education. It is concluded that the existing dysfunctions in this area do not allow creating a platform for cooperation between government and business, and also hamper the development of regions.

Keywords: public-private partnership; private sector; public partnership; investment policy; the sphere of education.

Государственно-частное партнерство является относительно новым явлением для России, однако последнее десятилетие характеризуется значительным сдвигом и развитием различных сфер экономики благодаря применению данного механизма. В ряде зарубежных стран механизм ГЧП уже доказал свою эффективность и необходимость существования в современном государстве. Современная экономическая обстановка характеризуется нестабильностью, кризисными явлениями и сокращением бюджетных средств, поэтому такой помощник в виде частного сектора видится наиболее рациональным выходом для решения ряда проблем.

Федеральный закон № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» определяет государственно-частное партнерство (ГЧП) как юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, заключенного в соответствии с настоящим федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [1].

В качестве примера использования механизмов государственно-частного партнерства в сфере образования рассмотрим вопрос строительства общеобразовательных учреждений. На сегодняшний день сфера образования испытывает ряд проблем. Бюджетные организации с каждым годом все больше и больше ограничивают в финансировании, а привлекать деньги путем сбора на «школьные нужды» с родителей законодательно запрещено. Механизмы государственно-частного партнерства могут значительно снять нагрузку с государственного бюджета. Согласно указу Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» учебный процесс в школах должен быть организован в одну

смену. Первая часть задачи — перевод на одну смену всей начальной школы — должна быть решена уже к 2021 году [2].

Проблема строительства новых зданий для образовательных учреждений стоит и в Екатеринбурге. На текущий момент в Екатеринбурге проживает около 150 тыс. детей школьного возраста, обучение которых в большинстве школ организовано в две смены. Ежегодно в Свердловской области прибавляется около 15 тыс. детей, а к 2030 году этот показатель, согласно прогнозам, увеличится до 250 тыс. Демографический бум затрагивает не только Екатеринбург, но и Нижний Тагил, Березовский, Среднеуральск, Верхнюю Пышму, что распространяет проблему и на агломерацию [3].

Помимо количественной стороны проблемы есть качественная — неравномерное распределение объектов социальной сферы на городской территории. В настоящее время Свердловская область набирает обороты в сфере расширения городской инфраструктуры. Идет строительство новых жилых комплексов и микрорайонов. К примеру, на 2020 год запланировано строительство около 20 новых жилых комплексов в Екатеринбурге. ЖК «Меридиан» в Академическом районе, Жилой район «Изумрудный бор», два ЖК «Самоцветы» и «Хрустальные ключи» в Компрессорном районе. В Верхней Пышме на 2021 год запланирована сдача таких жилых комплексов, как «Демидов», «Тихий Центр», «Чехов». Строительство бюджетных новостроек, которые позиционируются как жилье для молодых семей, ведется без учета необходимости развития социальной инфраструктуры.

Необходимость в данной ситуации прибегнуть к механизмам ГЧП очевидна, так как она обусловлена острой нехваткой мест, растущим прогнозируемым ростом числа школьников, необходимостью переводить процесс обучения в одну смену, а также техническим состоянием школ. Это порождает такие проблемы, как замедление развития детей, невозможность получения качественного образования. Как правило, действующими акторами политики в сфере ГЧП выступают публичный и частный партнеры. В роли органов государственной власти действуют предприятия, общественные организации, образовательные организации как равноправные партнеры. Частными партнерами являются физические лица: коммерческие и некоммерческие организации.

Главными достоинствами применения такого инструмента, как ГЧП, при строительстве общеобразовательных учреждений являются значительно укороченные сроки реализации проекта, возможность для государства разделить риски для их дальнейшего эффективного управления, снятие с государства имущественной и организаторской нагрузки, а также повышение качества услуг. Говоря о преимуществах для частного партнера, необходимо упомянуть о возможности получения долгосрочных проектов и гарантии по обеспечению минимального уровня рентабельности, и соответственно, повышению имиджа компании.

Для того чтобы обозначить существующие в сфере государственно-частного партнерства проблемы, обратимся к законодательству. Несовершенство законодательной базы относительно государственно-частного партнерства значительно тормозит развитие сотрудничества. Нормативно правовое регулирование ГЧП до недавнего времени характеризовалось разобщенностью. Однако теперь государственно-частное партнерство комплексно регулируется тремя группами нормативно-правовых актов (НПА). Первый — это Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115 «О концессионных соглашениях», второй — Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон о ГЧП), а также законы субъектов Российской Федерации, не противоречащие ФЗ о ГЧП [4; 1].

Закон о ГЧП закрепил в себе четкие положения относительно регулирования последовательности выстраивания отношений между частным сектором и публичным партнером, выявлен предмет отношений. Впервые дается точная формулировка, что представляет собой государственно-частное партнерство, соглашение о государственно-частном партнерстве, муниципально-частное партнерство, соглашение о муниципально-частном партнерстве и др. Обозначено, кто есть его субъекты, сроки гражданско-правового договора. Несмотря на это, остаются проблемы, которые тормозят развитие и функционирование ГЧП в стране.

В ходе анализа вышеупомянутой нормативно-правовой базы было выявлено несколько проблем. Во-первых, распределение рисков между участниками ГЧП-проекта носят нерациональный характер. В случае наступления этих рисков каждая сторона зачастую пытается переложить ответственность на другую. К примеру, риски в сфере строительства связаны с контролем качества, соответствием срокам и требованиям, убытками, соответствием проектной стоимости и т. д. Долгосрочный проект с относительно не высокой прибылью и постоянным контролем со стороны государственных институтов не видится заманчивым предложением для бизнеса. Во-вторых, следует отметить необходимость расширения перечня объектов соглашения и развития форм ГЧП. Необходимы более эффективные механизмы, которые позволят реорганизовать порядок сотрудничества.

В Свердловской области установлены две формы государственно-частного партнерства: во-первых, в форме участия в соглашениях о государственно-частном партнерстве; во-вторых, в форме участия в концессионных соглашениях. В социальной сфере проекты ГЧП по большей степени реализуются там, где можно построить стандартную модель бизнеса. Сфера образования на данный момент является непонятным и не доходным бизнесом. Инвестор, вкладывая деньги в строительство, должен будет принять на себя несвойственную

роль эксплуатанта, а по истечении определенного срока объект переходит вновь к публичному партнеру. Ключевая проблема заключается в том, что застройщик не готов управлять конкретно таким объектом, как общеобразовательное учреждение, поскольку это дополнительные риски. В этом случае целесообразным считается привлечение третьего участника (частной управляющей компанией), однако отсюда вытекает следующая проблема, а именно не востребованность существующих инструментов ГЧП и, вследствие этого, отсутствие таких форм взаимодействия, которые предполагали бы участие третьего субъекта.

Согласно данным Центрального Банка России, строительство является одной из самых коррумпированных сфер. Основная часть сомнительных операций в теневой экономике приходится на строительный сектор (29%). В условиях непрозрачности информационной базы по проектам ГЧП, недостаточным регулированием этой деятельности специальными институтами возникают угрозы коррупционных рисков. Поэтому необходимо развивать информационную базу и освещать проекты ГЧП в СМИ [5].

Специалисты в сфере ГЧП утверждают, что существует проблема нехватки человеческих ресурсов. Председатель правления Национального центра ГЧП Павел Селезнев на ежегодном мероприятии «Неделя ГЧП» отметил, что каждый год около 500 проектов ГЧП не доходит до коммерческого закрытия: «Инициатив появляется очень много, но до закрытия доходят единицы, хотя мы постоянно слышим, что будет заключено то или иное соглашение. Мы пришли к выводу, что рынок ГЧП стагнирует. У нас нет специалистов, которые могут быстро и качественно подготовить инвестиционный проект» [6]. Директор Центра государственно-частного партнерства Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ Л. Ильичева сообщает, что по закону о ГЧП заключение соглашения о строительстве в сфере образования возможно только в отношении объектов недвижимого имущества или движимого в составе недвижимого. «Это препятствует реализации отношений ГЧП в сфере объектов интеллектуальной собственности, что в условиях цифровой экономики также не способствует стимулированию частной инициативы» [7]. Также специалист замечает, что существует непроработанность в налоговом законодательстве. Это проявляется в том, что когда имущество в рамках реализации проекта передается частному партнеру, то и обязательства по выплате налогов тоже ложатся на него, при этом ни о каких дополнительных доходах речи не идет.

А. Е. Чунина в своем исследовании взаимодействия бизнеса и власти отмечает ряд барьеров, препятствующих союзу бизнеса и органов власти. Частным партнерам сотрудничество на тех условиях, которые существуют в настоящее время, кажется невыгодным, особенно в финансовом плане. Юридическая модель партнерских отношений, которая определяет формы и размер участия партнеров, требует значительной проработки [8, с. 37]. Большой про-

блемой остается вопрос мотивации сторон ГЧП. К примеру, Е. В. Фролова и Н. В. Медведева сделали вывод, что у бизнес-сообществ отсутствует мотивация точно так же, как и у муниципальной власти отсутствуют возможности обеспечения мотивации для частных инвестиций [9, с. 186].

Таким образом, ГЧП на настоящий день является эффективным инструментом развития и решения проблем в социально-экономической сфере. На основе анализа нормативно-правовой базы, регулирующей государственно-частное партнерство, мониторинга практической реализации ГЧП-проектов, а также ознакомления с прогнозами специалистов мы пришли к следующим выводам. К основным барьерам реализации и развития государственно-частного партнерства в сфере образования можно отнести невыгодные условия, предполагающие выплату денежных средств в долгосрочном порядке, непроработанность финансовых аспектов, затрагивающих размеры участия партнеров, а также возлагающиеся на частный сектор налоговые обязательства по эксплуатации объекта. Отсюда вытекают следующие проблемы, а именно отсутствие возможностей обеспечения государством мотивации для частных инвестиций и незаинтересованность бизнеса. Для качественной подготовки и проработки проектов не хватает специалистов, поэтому чаще всего до закрытия большинство из них не доходят.

Литература

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/(дата обращения: 10.02.2020).
2. Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 14.02.2020).
3. Официальный портал екатеринбург. рф. URL: <https://екатеринбург. рф> (дата обращения: 14.02.2020).
4. Федеральный закон от 21.07.2005 «115-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О концессионных соглашениях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/(дата обращения: 12.03.2020).
5. Официальный сайт Центрального Банка РФ. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=2501> (дата обращения: 17.02.2020).
6. Официальный сайт Российской недели ГЧП. URL: <https://p3week.ru/post-reliz-2019> (дата обращения: 17.02.2020).
7. Официальный сайт Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990383> (дата обращения: 17.02.2020).
8. Чунина А. Е. Проблемы и перспективы развития государственно-частного партнерства в России // Развитие российской системы государственного управления: реалии современности, тенденции, перспективы. 2017. № 2. С. 36–38.
9. Фролова Е. В. Сотрудничество бизнеса и местной власти: проблемы и новые возможности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018 № 1. С. 181–196.

Секция 2. Пространственное развитие и национальные проекты

УДК 316.758

Стегний В. Н.,
Курбатова Л. Н.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИСФУНКЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация: социальная anomia является парадоксальным явлением, которое очень сложно измерить эмпирико-статистическим методом. В нашем исследовании ориентируемся на мертоновскую концепцию anomии. Целью исследования является определение характера и уровня распространенности институционально-информационной дисфункциональности в условиях современной России. Для расчета дисфункциональности информационного поля институтов политики, экономики, культуры применен социально-флуктуационный подход. В исследовании приняли участие пермская молодежь в период 2016–2019 гг.

Ключевые слова: информация, институт, дисфункция, социальная anomia.

Stegniy V. N.,
Kurbatova L. N.

INSTITUTIONAL–INFORMATION DYSFUNCTION AS A REFLECTION OF SOCIAL ANOMY

Abstract: social anomie is a paradoxical phenomenon that is very difficult to measure using the empirical-statistical method. In our study, we focus on the Merton concept of anomie. The purpose of the study is to determine the nature and prevalence of institutional–informational dysfunctionality in modern Russia. To calculate the dysfunctionality of the information field of the institutes of politics, economics, and culture, the socio-fluctuation method is used. The study involved Perm youth in the period 2016–2019.

Keywords: information, institute, dysfunction, social anomie.

На протяжении всего нового времени (постсоветский период) в России наблюдается устойчивый институционально-структурный кризис. Он проявляется во всех сферах общественной жизни. Объектом нашего внимания становится не столько политический или экономический кризис с культурно-духовной «прослойкой», сколько понимание существования социальной anomии как основы любого социального кризиса [1, с. 13]. При этом для нас

© Стегний В. Н., Курбатова Л. Н., 2020

является важным определить с тем, какая предметная область будет исследоваться относительно социально-институциональной реальности России. Остановимся на исследовании информационной функции основных социальных институтов: политики, экономики, культуры. Проблемным полем «социальной аномии» как объекта научного познания мы считаем неопределенность, с одной стороны, самого понятия «социальная аномия», на этот же факт обращают внимания и другие исследователи [4, с. 93]. С другой — места данного социального явления в связке «причина-следствие» и «фактор-функция» [1, с. 11–12; 2, с. 49–53; 3, с. 224–228, 233–235]. Недаром «социальную аномию» относят к «парадоксальным» социальным явлениям [5, с. 117].

Мы будем исходить из понимания «социальной аномии» как социально-го явления и социального процесса, которые в совокупности дают нам представление об этом феномене как социальной системе. Социальная аномия есть следствие социальной дезорганизации, которая возникает как результат социально-формационных и институционально-структурных изменений в обществе, на уровне человека это внутренняя или внешняя дезинтеграция [2, с. 150]. По Мертону — как социальная дисфункциональность и как рассогласованность культурных целей и институциональных средств [3, с. 245]. При этом аномия может рассматриваться в контексте «бифуркационного состояния социума» [6, с. 7], которое становится индикатором социальных сдвигов (социальной флуктуации) в обществе. В то же время социальную аномию мы можем рассматривать не как абсолютно дезорганизованное состояние общества, а как сочетание дезорганизации с противостоянием и стремлением социальной системы к самосохранению, т. е. к социальному порядку и равновесию. Именно здесь возникают противоречия как антагонистического, так и позитивного характера. Следовательно, необходимо определить дисфункциональные процессы, которые в настоящее время формируются или уже сформировались в недрах социальной системы, выяснить их социальную природу.

Рассматривая предметную область исследования, мы будем исходить из того факта, что политика, экономика, культура как социально-институциональные понятия воспринимаются в чисто инструментальном плане как на уровне обыденного сознания, так и на уровне официально-бюрократического управления общественной жизнью. Исходя из этого принимаем их как институциональные средства, которые используются системой власти для организации, регулирования и контроля жизни людей в современном российском обществе.

В нашем исследовании мы сконцентрировали внимание на «дисфункциональности социальной аномии» как следствии политических, экономических и социокультурных процессов, которые возникли в ходе формационных изменений в Новой России.

Социально-политическая неопределенность, социально-экономический коллапс, «суррогатная культура» [7, с. 133] приводят к двум противоположным состояниям общества: социальной депрессии и социальной агрессии, которые показывают наличие в обществе социальных аномальных явлений. Причем это касается как правящего класса, так и гражданского общества.

Поэтому возникает необходимость понять, существуют ли предпосылки (дисфункции) для развития социальной аномии в российской реальности, какова ее флуктуация, какова ее социальная масса. При этом они должны быть соотнесены с тем характером и содержанием социальных институтов, которые сегодня выдвинуты на передний план общественной жизни в сфере политики, экономики, культуры.

Скрепом здесь выступает информация, именно через нее общественное сознание получает ту или иную концепцию общественной жизни, а следовательно, регулируется, контролируется, управляется. Поэтому наше исследование ориентировано на изучение информационной дисфункциональности основных социальных институтов. Для исследования и анализа результатов социологических исследований информационного поля основных социальных институтов мы ориентируемся на методологический подход Мертона: противоречие «культурных целей и институциональных средств», «дисфункциональность», «типология приспособления».

В исследовании мы исходим из понимания социальной аномии как социального явления, которое характеризует «социальное и культурное качество общества, а не качества личности» [3, с. 282]. При анализе результатов исследования используем социально-флуктуационный и сегментарный подходы. Объект исследования — российская (пермская) молодежь в возрасте 19–26 лет. Предметная область исследования — информационное поле институтов политики, экономики, культуры (как социального феномена) в восприятии современной молодежи, период исследования 2016–2018 гг. Цель нашего исследования — выявить через определение институциональной дисфункциональности проблемные социальные зоны (точки бифуркации), которые или предрасположены к возникновению социальной аномии, или уже наметились как признаки аномии, или социальная аномия уже имеет место быть. Поэтому мы постараемся увязать наш анализ с мертоновским подходом в определении уровня социального приспособления молодежи к российской социальной реальности.

Крылатое выражение «Кто владеет информацией, тот владеет миром!» имеет и свои подводные камни. Важно не просто владеть информацией, главное — уметь ею пользоваться. Если этого нет, то информация может оказаться бесполезной или неуправляемой, или саморазрушающей, так как обладает набором функций, влияющих на социальное качество общественной жизни. В исследовании были выделены социальные функции информа-

ции, которые мы сгруппировали по признаку, характеризующему социальные качества личности, т. к. именно они выступают культурными целями общества.

Образовательная (ОБР) — «дает ориентиры в окружающем мире», «повышает уровень образования», «дает знания, необходимые в учебе».

Ценностно-нормативная (ЦН) — «позволяет понять и оценить свое место в обществе, государстве», «позволяет понять: Кто “Я”? Зачем “Я”? Для чего “Я”?», «позволяет понять смысл жизни».

Социальное действие (СД), или социально-продуцирующее поведение — «позволяет вырабатывать определенный тип поведения в обществе», «позволяет принимать жизненно важные решения», «позволяет критически оценивать реальность, в которой мы живем».

Социально-адаптационная (САД) — «позволяет легче адаптироваться к новым условиям жизни», «позволяет быть более мобильным в современном обществе», «позволяет быть более конкурентоспособным на рынке труда».

Социальный коммуникатизм (СК) — «позволяет быть более коммуникабельным, общительным», «позволяет стать интересным собеседником».

В качестве институциональных средств мы ориентируемся на институты политики, экономики и культуры.

В табл. представлены результаты анализа, рассчитанные по показателям социальной массы объекта, социальной массы предметного поля и флуктуационному отклонению от средних данных предметного поля.

Таблица

Влияние информационно-институциональных средств на формирование социальных качеств личности (% от числа опрошенных, коэффициенты влияния*, N = 183)

Культурные цели: социальные качества личности	Институциональные средства								
	Политика			Экономика			Культура		
	СМ	$Kf_{\text{ПрПл}}$	$Kf_{\text{СФ}}$	СМ	$Kf_{\text{ПрПл}}$	$Kf_{\text{СФ}}$	СМ	$Kf_{\text{ПрПл}}$	$Kf_{\text{СФ}}$
Образовательная	25,9	2,11	2,11	31,3	2,09	2,00	59,7	2,52	2,21
Ценностно-нормативная	21,6	1,73	1,70	29,0	1,94	1,83	55,6	2,35	1,91
Социальное действие	56,0	2,38	2,37	48,3	2,21	2,09	51,0	2,30	1,88
Социально-адаптационная	24,8	1,84	1,81	36,4	2,03	1,90	63,6	2,51	2,15
Социальный коммуникатизм	20,5	1,98	1,96	32,4	2,26	2,16	55,1	2,35	1,94
Итого	29,8	2,01	1,99	35,5	2,11	2,00	57,0	2,41	2,02

*Примечание: СМ — социальная масса (% от числа опрошенных, отметивших положительное влияние институтов на социальные качества личности), $Kf_{\text{ПрПл}}$ — коэффициент социальной массы предметного поля (рассчитывается от числа ответивших), $Kf_{\text{СФ}}$ — коэффициент социальной флуктуации (рассчитывается от числа упоминаний).

Как мы можем судить по результатам исследования, институциональный маховик политической системы выполняет свою роль в соответствии с теми

целями, которые ему прописаны. Флуктуационные отклонения здесь слабо выражены. Это может говорить о том, что институт политики или достиг поставленных целей в формировании соответствующих социальных качеств личности, или это первый звоночек к тому, что здесь наблюдается возникновение дисфункциональности, или дисфункциональность достигла некоего критического уровня, за которым может последовать бурное развитие социальной аномии.

Если на первый взгляд кажется, что «отсутствие» дисфункциональности информационной функции института политики является позитивным показателем, то это только социальная иллюзия. На самом деле показатель СМ говорит о том, что большинство молодежи не рассматривает институт политики как фактор, активно влияющий на формирование тех или иных социальных качеств. Исключение составила такая функция, как функция социального действия, т. е. сам институт политики формирует социально-политическую активность молодежи. В этом аспекте он играет ведущую роль. Каким может быть социальный вектор этой активности? Созидающим или разрушающим? Исходя из того, что все остальные цели-качества отмечаются минимальным числом респондентов (по сравнению с другими институтами), можно предположить, что в своей основе информационная функция института политики является дисфункциональной. Именно на эту функцию более всего ориентирован институт экономики. Однако социальная масса здесь если и выше, чем у института политики (треть молодежи против одной пятой/одной четвертой части респондентов, отметивших эту роль института политики). Флуктуационная кривая здесь выражена достаточно четко. Следовательно, дисфункциональность, которая проявилась во всех информационных сегментах института экономики, говорит об отсутствии целенаправленного управления качеством информационного процесса в этой сфере общества. Это в определенной мере привело к рассогласованию культурных целей и институциональных средств в процессе формирования социальных качеств «человека экономического», на который ориентирован данный институт.

Институт культуры, по сравнению с институтами политики и экономики, играет более значимую информационную роль. Однако информация культурного предназначения имеет самый высокий уровень дисфункциональности. Флуктуационные отклонения показывают, что, при достаточно высоких функциональных значениях влияния культурной информации на формирование социальных качеств личности, противоречие между культурными целями и культурно-институциональными средствами носит, можно сказать, ярко выраженный аномальный характер. Но даже здесь при учете высокого уровня социальной флуктуации данный институт более активен во всех функциональных сферах, за исключением функции социального действия.

В связи с проведенным анализом информационной роли социальных институтов следует отметить высокий уровень отвержения молодежью таких источников информации, как «политики» и «священнослужители»: соответственно, по данным группам 60 и 90 % респондентов не обращаются к этим источникам для получения как политической и экономической, так и социокультурной информации.

Итак, точками бифуркации информационной функции институтов политики и экономики являются ценностно-нормативные и социально-адаптивные цели, института культуры — ценностно-нормативные цели и цели, связанные с формированием социально-продуцирующего поведения. Политическая комфортность присуща каждому третьему респонденту, примерно такому же числу респондентов присущ инновационно-экономический тип, большинству опрошенных свойственен культурно-инновационный тип. Институты политики и экономики создают предпосылку для развития ретритизма — ««бегство» от требований общества», т. е. отвержение как культурных целей, так и институциональных средств. Такой тип генерирует каждый третий респондент. Причем практически у каждого второго отмечается формирование ценностно-нормативного и социально-коммуникативного ретритизма под воздействием института политики. По Мертону — «проявляющие девиантное поведение этого типа, могут тяготеть к центрам, где они будут вступать в контакт с другими девиантами» [3, с. 273]. Именно этот тип является «массовкой» протестных выступлений, что и было продемонстрировано летом 2019 г. Основными институционально-информационными источниками остаются родители, близкий любимый человек, друзья.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. URL: http://www.ckp.ru/biblio/d/dur_labour.htm. (дата обращения: 22.02.2020).
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
4. Кривошеев В. В. Аномия современного общества: классические теории, современные концепции, российские реалии. М. : Изд-во СГУ, 2008. 213 с.
5. Равочкин Н. Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 2. С. 115–117.
6. Крупский М. А. Феномен социальной аномии в условиях современного общества : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2013. 158 с.
7. Курбатова Л. Н. Социальная функция высшего образования в современном российском обществе : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Пермь, 2004. 204 с.

УДК 316.012

Валиахметов Р. М.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ

Аннотация: в статье рассматривается развитие человеческого потенциала в республике Башкортостан, и выявляются факторы, влияющие на его изменение. Анализируя как данные официальной статистики, так и материалы массовых опросов автор отмечает, что, несмотря на растущий ИРЧП, позиции республики в рейтинге существенно ухудшились. Это, по мнению автора, объясняется неблагоприятной ситуацией в области экономики, здравоохранения и образования региона.

Ключевые слова: человеческий потенциал, национальные проекты, уровень жизни, качество жизни.

Valiakhmetov R. M.

DEVELOPMENT OF THE HUMAN POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL PROJECTS

Abstract: the article examines the development of human potential in the Republic of Bashkortostan, and identifies factors that affect its change. Analyzing both official statistics and mass surveys, the author notes that, despite the growing HDI, the Republic's position in the rating has significantly deteriorated. This, according to the author, is due to the unfavorable situation in the region's economy, health and education.

Keywords: human potential, national projects, standard of living, quality of life.

Социальную, демографическую и экономическую жизнь российских регионов в последние два года определяют в известном смысле приоритетные национальные проекты России, объявленные Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года [1].

Концептуальной основой национальных проектов является идея человеческого развития, в которой сфокусированы основополагающие цели, составляющие суть и содержание современной социально-экономической политики: повышение уровня и качества жизни, сбережение нации и укрепление ее здоровья, развитие образовательного и культурного потенциала населения и т. д.

Сформулированные национальные цели и стратегические задачи свидетельствуют о том, что существенно меняются приоритеты развития. Развитие перестает рассматриваться только как экономическое развитие. Экономический рост является не только условием, но и следствием решения целого ряда социальных задач, демографических стратегий, образовательных и социокультурных программ и т. д. И с теоретической, и с практической точки зрения интересно посмотреть и проанализировать, как происходила или идет смена вышеназванной парадигмы развития в отдельных субъектах РФ. С этой

целью мы обратились к анализу некоторых особенностей развития и реализации человеческого потенциала на примере Республики Башкортостан.

Анализ развития человеческого потенциала Республики Башкортостан за 1990–2015 гг. содержится в региональных докладах о человеческом развитии (2009, 2013, 2015) [2, 3, 4]. Они позволяют в комплексе и взаимосвязано рассматривать наиболее актуальные проблемы социального-экономического развития региона (уровень и качество жизни населения, здоровье, образование, занятость, демографические, в т. ч. миграционные процессы и т. д.). Все три доклада имеют единую теоретическую и научно-методическую основу, которой стали концепция человеческого развития и методика расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), предложенные Программой развития ООН (ПРООН) в первом мировом Докладе о развитии человека (1990). На этой же концептуальной и методической основе с 1995 г. издаются Доклады о развитии человеческого потенциала и в Российской Федерации. Начиная с 1998 г. в них рассчитываются и публикуются индексы развития человеческого потенциала для субъектов Российской Федерации, анализируется их региональная дифференциация, рассматриваются причины и факторы.

До 2005 г. Республика Башкортостан демонстрировала более высокие показатели индекса, чем среднероссийские его значения, и находилась в десятке регионов-лидеров по уровню развития человеческого потенциала. С 2006 г. образовательный индекс республики стал существенно снижаться, индекс доходов — отставать от среднего уровня по стране, а положительный отрыв индекса долголетия Башкортостана от среднероссийского показателя начал сокращаться. С 2007 г., несмотря на общий растущий тренд, республика стала уступать свои позиции другим быстро развивающимся регионам России. Замедление темпов роста индекса развития человеческого потенциала отразилось в его отставании от среднероссийских значений. По данным Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2012–2014 гг. Республика Башкортостан занимала 18-е место, за 2015 г. — 20-е место, а за 2018 г. — разделила 40–42 места с Ростовской и Волгоградской областями. Анализ индекса развития человеческого потенциала Республики Башкортостан на фоне остальных регионов России показал, что несмотря на растущий ИРЧП позиции республики в рейтинге существенно ухудшились. По валовому региональному продукту на душу населения в 2003 г. Республика была на 24-м месте, в 2008 г. — на 28-м, в 2010 — на 35-м, а в 2016 — на 43 месте. По индексу долголетия республика в 2018 году занимала 40–41 места (наравне с Тюменской областью), по индексу образования — 55–56 места (наравне с Костромской областью).

Согласно статистическим данным, неравенство в распределении доходов немного сократилось, но остается за пределами критической нормы. В Республике Башкортостан неравенство по доходам в 2007–2017 гг. было выше,

чем в целом по стране, в 2018 году стало ниже. В республике показатели бедности населения тоже ниже относительно среднероссийских. Однако в целом в посткризисные годы (2015–2018 гг.) доля бедного населения выросла. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума ухудшилось в посткризисные годы и оказалось ниже критических значений. На медленный рост индекса доходов оказывает влияние и структура населения республики. Так, в последние годы снижается численность экономически активных граждан, устойчиво растет доля населения старше трудоспособного возраста (с 20,8 до 26,8 % за 2005–2018 гг.). Проналистские меры позволили возобновить рост доли детского населения, которая начинала сокращаться, но удельный вес населения моложе трудоспособного возраста (20,5 % на 1 января 2019 г.) все же меньше, чем населения старше трудоспособного возраста. Данные процессы, как известно, отражают не только демографические процессы, но и социально-экономические условия жизни в регионе. Сегодня уже наблюдается сокращение численности трудовых ресурсов и колоссальный рост демографической нагрузки на экономически активное население, что может, в свою очередь, привести к дальнейшему снижению индекса доходов и даже производительности труда (как следствие, старения населения и миграционного оттока молодежи).

Среди других экономических факторов, оказавших значительное влияние на замедление роста доходов, индексов образования и долголетия, снижение доступа к достойной занятости, реального уровня заработных плат, рост цен на основные товары и услуги, в том числе ЖКХ, здравоохранение и образование. Значительное опережение республики по индексу развития человеческого потенциала всегда обеспечивали социальные индикаторы, и, главным образом, показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении является комплексным индикатором, отражающим качество жизни населения; фиксируя изменения в структуре заболеваемости и смертности населения, он показывает также успешность действий в области охраны и укрепления здоровья населения.

Ожидаемая продолжительность жизни населения в Башкортостане всегда (по крайней мере, с 1990-х гг.) превышала среднероссийский уровень, а сама республика в начале 1990-х гг. входила в десятку регионов-лидеров по данному показателю. Несмотря на постепенный рост, средняя ожидаемая продолжительность жизни населения Республики Башкортостан в 2010 г. впервые за 20 лет зафиксирована на уровне ниже среднероссийского, в 2011–2018 гг. ситуация не изменилась. На снижение индекса образования в определенной мере повлиял отток студентов в другие крупные города России и за рубеж, масштаб которого в последние годы растет. Это явилось не только результатом внедрения единого государственного экзамена, но и связано с расширением возможностей поступления в учебные заведения за рубежом. Кроме того, это

указывает на неудовлетворенность населения республики качеством образования, предоставляемого региональными учебными заведениями. Из этого следует, что в Республике Башкортостан недостаточными являются условия для получения качественного образования — основы креативного инновационного потенциала, без которых не представляется возможным модернизация и диверсификация экономики, переход к обществу знаний.

Развитие человеческого потенциала стало концептуальной основой и для разработки стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований. Социально-экономическая политика, основанная на приоритетах и ценностях развития человеческого потенциала, сегодня является не только отражением гуманистических целей развития, но и ответом на современные вызовы, одним из ключевых условий жизнеспособности и конкурентоспособности нации.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00934 А.

Литература

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения 04.03.2020).

2. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала. 2008 / [под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой] // Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в РФ. М. 2008. С. 352.

3. Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / [под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой]. Уфа : Восточная печать, 2013. 283 с.

4. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / [под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, Н. М. Лавренюк]. Уфа : Восточная печать, 2015. 360 с.

УДК 316.4

**Качанова Е. А.,
Катвицкая Ю. С.**

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ»

Аннотация: в настоящее время промышленное производство стоит на пороге четвертой промышленной революции, что способствует активной конкуренции как между государствами, так и между производственными организациями. В статье представлено обоснование авторского определения

конкурентоспособности, исследована структура валового внутреннего продукта по отраслям экономики России на основе официальных данных статического учета. Представлены основные проблемы в металлургической промышленности, которые снижают конкурентоспособность этой отрасли.

Ключевые слова: конкурентоспособность, производительность труда, мировая экономика, валовый внутренний продукт, инновации, модернизация.

**Kachanova E. A.,
Katvitskaya Y. S.**

COMPETITIVENESS OF THE METALLURGICAL INDUSTRY AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “LABOR PRODUCTIVITY AND EMPLOYMENT SUPPORT”

Abstract: currently, the industry is on the threshold of the fourth industrial revolution, which promotes active competition, both between States and between organizations. The article presents the rationale for the author's definition of competitiveness, and studies the structure of the gross domestic product by sectors of the Russian economy based on statistical data. The main problems in the metallurgical industry that reduce the competitiveness of this industry are presented.

Keywords: competitiveness, labor productivity, world economy, gross domestic product, innovation, modernization.

Конкурентоспособность видов экономической деятельности в современных условиях имеет наиважнейшее значение, поскольку это один из факторов, который задает ориентир для развития качества продукции или услуг, влияет на ценообразование, производительность труда, определяет вектор развития как для отдельных организаций, так и для отрасли, что в совокупности характеризует темпы развития национальной экономики.

Термин «конкурентоспособность» имеет множество трактовок в научных экономических школах. Это обусловлено несколькими причинами:

- 1) постепенным развитием мировой экономики как глобальной науки;
- 2) тем, что рассматриваемое понятие может относиться не только к национальной экономике, но также и к регионам, отраслям, предприятиям;
- 3) разнообразием научных подходов в связи с эволюцией развития уклада экономической жизни и времени.

Р. А. Фатхутдинов полагал, что конкурентоспособность определяет способность объекта выдерживать конкуренцию в сравнении с аналогичными объектами на данном рынке. М. Портер под конкурентоспособностью понимает «свойство товара, услуги, субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами, услугами или конкурирующими субъектами рыночных отношений». В. Е. Хруцкий и И. В. Корнеева считают, что конкурентоспособность характеризует способность успешно оперировать на определенном рынке в данный период времени путем выпуска и реализации конкурентоспособных изделий и услуг [1, с. 41–

42]. По мнению авторов, конкурентоспособность — это свойство объекта, которое позволяет успешно функционировать в современных экономических условиях, при этом характеризует высокий уровень развития и возможность конкурировать среди аналогичных объектов, увеличивать производительность труда на данном отраслевом и территориальном рынках. Это крайне актуально для локальных территорий Свердловской области [2, с. 49]. Конкурентоспособность — довольно специфичное понятие, которое может относиться как к государству, региону, отрасли, предприятию, так и к человеку. Необходимо отметить взаимосвязь всех перечисленных уровней: от конкурентоспособности личности зависит конкурентоспособность организации; в свою очередь конкурентоспособность государства зависит от успешного функционирования основных отраслей национальной экономики, а также от реализации национальных проектов, например, таких как «Производительность труда и поддержка занятости» [3]. Экономика России представлена широким спектром отраслей. Согласно данным статистики за 2018 год наибольшую роль в ВВП играют обрабатывающие производства — 25,7%, торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов — 12,5%; добыча полезных ископаемых — 9,7% (см. рис.).

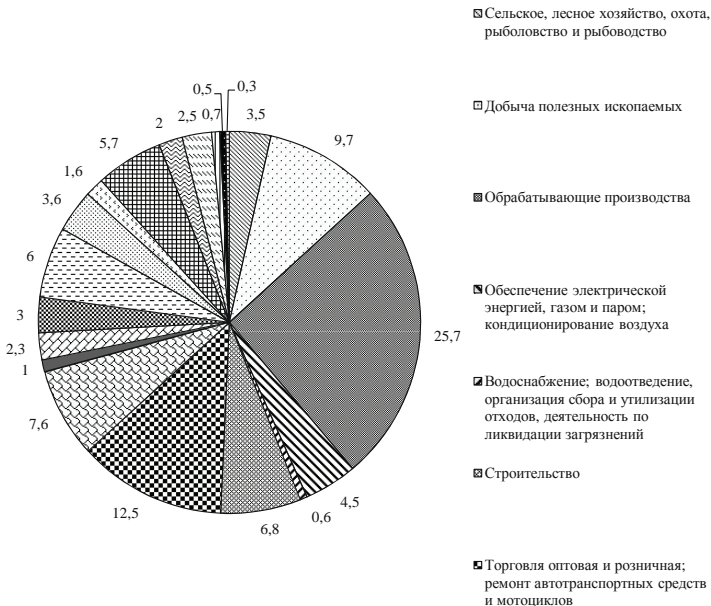

Рис. Структура ВВП по отраслям экономики за 2018 год [6]

Обрабатывающие производства содержат в своем составе разнообразные виды деятельности. При этом за 2018 год производство кокса и нефтепродуктов составляло 24,7 % от общего объема производства рассматриваемой промышленности, металлургия — 13,6 %, производство пищевых продуктов — 12,8 %. Перечисленные производства являются наиболее значимыми по объему продукции.

Спецификой России является то, что без развития металлургии в современных условиях трудно представить функционирование других отраслей, например, добычи полезных ископаемых, производства кокса и нефтепродуктов, машиностроения, медицины и т. д., поскольку именно металлургическая продукция служит основой для развития предметов труда, механизмов и деталей машин и оборудования [4, с. 53; 5, с. 84]. Совершенствование технологий в различных отраслях достигается с помощью научных разработок и автоматизации и повышения качества металлопродукции, улучшения ее свойств и технических характеристик, высокой точности получаемых изделий.

Тем не менее следует отметить наличие ряда проблем в данной промышленности, которые, по мнению авторов, сдерживают ее развитие.

1. Наличие физически и морально устаревших основных производственных фондов.

2. Применение устаревших производительных технологий.

3. Значительные простои оборудования по разным причинам: неэффективный технологический цикл, использование устаревшего оборудования, которое приводит к частым наладкам и ремонтам, что способствует увеличению времени на производство продукции, а также росту операций, поскольку качество изделий снижается и зачастую требуется применение дополнительных мер, например, доработка полуфабрикатов и корректировка технологического цикла.

4. Неэффективное использование оборудования. Современной особенностью действующих промышленных организаций является применение устаревших основных производственных фондов и уже модернизированного оборудования, что существенно снижает трудоемкость производственного процесса, поскольку зачастую устаревшие основные фонды не справляются с темпом, который задают модернизированные ОПФ. Также при создании технологического цикла не всегда просчитывается себестоимость продукции с учетом применения имеющегося альтернативного оборудования, что приводит к росту затрат на энергоносители.

5. Недостаточный уровень социальной ответственности организаций, что зачастую проявляется в моногородах.

Перечисленные выше проблемы снижают эффективность и рентабельность металлургического производства. Они способствуют падению конкурентоспособности российских предприятий на мировом рынке, что, без-

условно, отрицательно сказывается на качестве продукции и в перспективе может стать причиной снижения спроса. Таким образом, конкурентоспособность является крайне важным фактором для обеспечения развития любого объекта, роста производительности труда в конкретном производстве. С точки зрения экономики государства конкурентоспособность достигается путем эффективного функционирования ведущих отраслей национальной экономики, отдельных организаций, повышения квалификации персонала и улучшения социального климата.

Литература

1. Мокроносов А. Г. Конкуренция и конкурентоспособность : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та. 2014. 194 с.
2. Качанова Е. А., Маточкин Р. В. Эффективность организации бюджетно-налоговой политики муниципального образования в стратегическом планировании развития территории // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 3 (20). С. 47–56.
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения 20.02.20).
4. Бонченкова В. А., Детков А. А., Шпак А. С. Конкурентоспособность металлургических предприятий в условиях кризиса // Научный Альманах. 2016. № 10–1 (24). С. 52–55.
5. Масленникова А. Ю., Катвицкая Ю. С. Цифровая экономика как драйвер развития моногородов Свердловской области // Аграрный вестник Урала. 2019. № 9 (188). С. 81–90.

УДК 316.354

Кох И. А.

РИСКИ И КОНФЛИКТЫ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье проанализированы теоретические основы исследования предпринимательской деятельности, внутренних и внешних условий и факторов риска. Изучены особенности, которые сдерживают развитие малого предпринимательства, а также формы государственной поддержки бизнеса. Определены три группы причин возникновения рисков и конфликтов малого предпринимательства, раскрыты социальные факторы, сдерживающие развитие предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство, рыночное общество, предпринимательские риски, факторы риска, конфликты.

Koch I. A.

RISKS AND CONFLICTS IN BUSINESS ACTIVITIES

Abstract: the author analyzes a theoretical basis of the business research, internal and external conditions, and risk factors. The factors that complicate small businesses development, as well as the types of pub-

© Кох И. А., 2020

lic support for businesses, are studied. Three groups of problems of small business risks and conflicts occurrence are determined; social factors that restrain the development of entrepreneurial activities are revealed.

Keywords: market society, entrepreneurship, entrepreneurial risks, risk factors, conflicts.

Российское общество переживает радикальные перемены, обусловленные переходом от плановой экономики к рыночной. Процессы социально-экономических преобразований вызвали глубокие изменения экономической сферы, привели к кардинальным политическим и социокультурным трансформациям. Кроме того, эти преобразования совпали по времени и происходят на фоне информационно-технологической революции, роста сферы услуг, зарождения искусственного интеллекта и роботизации во всех сферах жизни с непредсказуемыми социальными последствиями [1, с. 10–13; 2].

Актуальность исследуемой темы обусловлена значимостью малого предпринимательства, которую оно имеет в экономической жизни современного общества. По статистике малое предпринимательство в некоторых европейских странах достигает до половины от общего количества всех предприятий. Из ряда европейской стран, по данным Института экономики роста, в этом плане выделяются Голландия — 63 %, Финляндия — 60 %, Германия — 53 %, Великобритания — 51 % [3]. В России — около 20 %. Сфера услуг фактически «монополизирована» малым предпринимательством, поскольку здесь важна присущая ему многопрофильность и гибкость. Таким образом, в сложившихся условиях предпринимательская деятельность приобретает большое значение, причем постоянно будет возрастать доля малого предпринимательства, поскольку рост сферы услуг будет обеспечиваться увеличением числа малых предприятий.

Проблемы предпринимательской деятельности изучали Г. А. Гершанок [4], В. В. Ладыгин [5], В. П. Позняков [6] и др. Роль молодежи в предпринимательстве отражена в работах В. И. Чупрова [3]. В зарубежной литературе также разработаны различные аспекты предпринимательской деятельности. Особый интерес для нас представляют работы Д. Альстрема, который проанализировал быстрые институциональные сдвиги и коэволюцию предпринимательских фирм в странах с переходной экономикой [7]. Д. В. Аудреч раскрыл особенности предпринимательской экономики в условиях капитализма и демократии в XXI веке [8; с. 22–32].

Предпринимательская деятельность всегда сопровождается различного рода разногласиями, спорами, конфликтами. Оперативное предупреждение и разрешение конфликтов требует изучения и учета факторов, которые приводят к конфликтам. Риски представляют собой постоянный и неотъемлемый компонент любой человеческой деятельности. В современном российском обществе наиболее рискогенной стала предпринимательская деятельность, так как значительная часть переходных процессов становления рынка до сих

пор остается незавершенной. Предприниматели в своих поступках и деятельности неизбежно сталкиваются с многочисленными рисками. Развитие предпринимательства, в том числе и в первую очередь малого бизнеса, в рыночном обществе всегда будет осуществляться в условиях неопределенности и риска. Помимо рисков, вторым особенным фактором, снижающим эффективность предпринимательской деятельности, является социальная аномия, которая обычно является следствием социальных трансформаций в обществе и спутником незавершенных реформ. Возникновение аномии связано с тем, какие сферы общественной жизни затрагивают реформы, как они воздействуют на социальные институты, регулирующие общественные отношения.

Крутая ломка сложившихся идеалов, системы ценностей, социальных институтов, образа жизни в условиях динамичных процессов вызывает крушение устоявшихся норм и правил, сложившихся ценностных ориентаций личности. В этом случае «... человек больше не знает, что возможно и что нет, что справедливо и что несправедливо, какие претензии и надежды легитимны и какие безмерны. В конце концов, не оказывается ничего, к чему нельзя стремиться» [1, с. 401]. Противоречивость и постоянная смена законодательства в экономике, изменения налоговой системы, коррупция и рейдерство, другие экономические преступления создают ситуацию неопределенности и рискованности для предпринимателя, особенно в сфере малого бизнеса. Наряду с этим в обществе всегда действуют традиционные причины конфликтов, которые можно объединить в три группы: 1) факторы внешней среды предпринимательской деятельности; 2) внутренняя среда — персонал и др. 3) ошибки менеджмента, стиль руководства, нарушение норм профессиональной этики и др.

Развитие малого бизнеса зависит от стратегии государства, в данном случае — насколько благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности оно создает. Государство влияет на предпринимательство различными средствами, прежде всего законодательством, налоговой политикой, а также может оказывать поддержку консультациями, различными льготами, оказывать помощь кредитами, арендой помещений, созданием инфраструктуры обслуживания предпринимательской деятельности, например, логистических центров. Во многих развитых странах с рыночной экономикой создаются благоприятные условия для развития малых предприятий. На них занята значительная доля экономически активных трудовых ресурсов. Так, в США около половины трудоспособного населения задействовано на предприятиях малого бизнеса. Неудивительно, что около 40 % ВВП приходится именно на малые предприятия. Статистические данные ассоциации европейского бизнеса подтверждают, что малое предпринимательство в странах ЕС развивается стремительно и составляет 50–60 % в структуре экономики [3], чем выгодно отличается от уровня развития малого и среднего бизнеса в России.

Результаты нашего массового опроса (опрошено 420 человек, 2018 г.) показали, что у предпринимателей зачастую нет четких представлений об эффективности различных мер государственной поддержки малого бизнеса (рис. 1). Судя по полученным данным, опрошенные явно недооценивают значимость образовательной поддержки предпринимателей (отметили всего 7% опрошенных) и явно переоценивают важность финансовой поддержки — 26% опрошенных, а информационно-консалтинговой поддержкой обеспечены только 9% опрошенных.

Рис. 1. Желаемые формы поддержки предпринимателей со стороны государства (опрошено 420 человек, 2018 г.)

Развитию предпринимательства в России, по мнению опрошенных, мешают в первую очередь высокие налоги — так считает одна треть опрошенных (рис. 2).

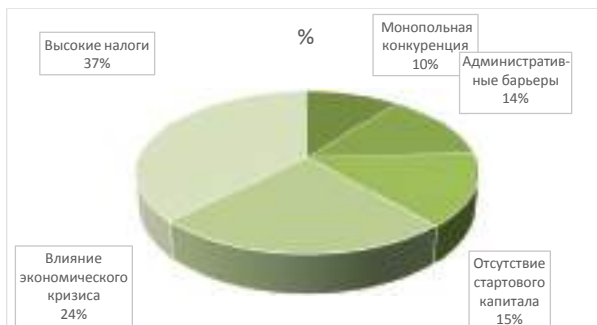

Рис. 2. Факторы, сдерживающие развитие малого предпринимательства в России (опрошено 420 человек, 2018 г.)

В России за последние 10 лет наблюдается уменьшение количества предприятий малого бизнеса. Доля малого бизнеса в экономике России, согласно данным, опубликованным Росстатом, составляет 21,9% по оценке за 2017 год. Это составляет более 20 трлн руб. за 2017 г. [3].

Таким образом, предпринимательская деятельность в современном российском обществе сталкивается со множеством проблем объективного и субъективного характера. Предпринимательство является сферой риска и изобилует множеством конфликтов. Всю совокупность причин конфликтов в предпринимательской деятельности можно разделить на а) традиционные, имеющие место в любом обществе и б) специфические для реформируемого общества. Знание рисков и их объективная оценка важны для успешной предпринимательской деятельности. В современном российском обществе необходимы дополнительные меры по развитию предпринимательства, активная государственная поддержка бизнеса. Предпринимательство будет успешно развиваться только при наличии благоприятных условий и сбалансированной государственной поддержки.

Литература

1. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2003. 568 с.
2. Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2002. 139 с.
3. Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М., 2005. 246 с.
4. Гершанок Г. А. Жизненный цикл в контексте процесса генерации предпринимателей // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 9. С. 13–22.
5. Ладыгин В. В. Поддержка малого бизнеса на муниципальном уровне в России: основные этапы и тенденции // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 4. С. 32–49.
6. Позняков В. П. Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / [Отв. ред. В. С. Степин]. М. : Наука, 2007. 522 с.
7. Ahlstrom D., Bruton G. D. Rapid Institutional Shifts and the Co-evolution of Entrepreneurial Firms in Transition Economies // Entrepreneurship: Theory and Practice. Baylor University, 2010. May. P. 531–554.
8. Audretsch D. B. Capitalism and Democracy in the 21st Century: From the Managed to the Entrepreneurial Economy // Journal of Evolutionary Economics. 2000. P. 17–34.

УДК 316.442

Штомпель О. М.

ЧЕЛОВЕК В ГОРОДЕ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РЕСУРСАМ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, проведенного на материале городов Южного федерального округа в 2018 году. Зафиксированы корреляции между типом города и наличием элитного жилья. Прослежена пространственная проекция социального равенства на основе оценок горожан возможности равного доступа к публичным пространствам. Отмечено, что определенная часть горожан готова ограничивать право других людей на равный доступ к территориальным ресурсам города в целях собственной безопасности.

Ключевые слова: город, элитные районы, трущобы, территориальные ресурсы, безопасность, ограживание.

Shtompel O. M.

A PERSON IN A CITY WITH RESTRICTED ACCESS TO TERRITORIAL RESOURCES

Abstract: the article presents the results of a study conducted on the material of the cities of the Southern Federal District in 2018. Correlation was recorded between the type of city and the availability of luxury housing. The spatial projection of social equality is traced based on assessments of citizens of the possibility of equal access to public spaces. It is noted that a certain part of the townspeople is ready to limit the right of other people to equal access to the territorial resources of the city for their own safety.

Keywords: city, elite areas, slums, territorial resources, security, enclosure.

Развитие предметно-пространственной среды городов теперешней России определяется различными положениями/статьями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, национального проекта «Жилье и городская среда», Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года. Сложность подготовки программ, реализующих эти стратегии, связана с тем, что городская среда современных городов представляет собой пеструю картину: в ней сочетаются разные типы пространств, реализуются всевозможные практики, репрезентируются смыслы различных культур. Сложноорганизованность среды позволяет сосуществовать и взаимодействовать субъектам с разнонаправленными интенциями и интересами, смешивать проявления социального равенства и расслоения, богатства и бедности, доступности и сегрегации. В условиях резкой социально-экономической дифференциации весь потенциал города (его территории, инфраструктура и т. д.) не могут распределяться справедливым образом: еще Д. Харви

зафиксировал заинтересованность большого бизнеса в максимальной прибыли в краткосрочной перспективе [1], что в тандеме с его монопольной властью зачастую трагическим образом влияет на принимаемые пространственные решения. Согласование интересов большого бизнеса и горожан происходит с помощью политических и финансовых институтов, которые в большей или меньшей мере, но учитывают мнения и оценки горожан. Выборка исследования — многоступенчатая: выделено 8 субъектов Южного федерального округа (Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Республика Крым и город федерального значения Севастополь); выбраны 5 типов городов (крупнейший, крупный, большой, средний, малый); внутри каждого типа сами города определялись случайным образом (путем жеребьевки). Общий объем выборочной совокупности составил 1532 человека. В качестве методов сбора первичной социальной информации — наряду с анкетированием — были использованы наблюдение, анализ документов, фотофиксация.

Французские социологи еще с 50-х годов XX в. приступили к изучению морфологии городского расселения, детерминированной экономическим и культурным расхождением общества. В нашей стране в доперестроечный период социально-территориальные различия изучались спорадически и не связывались (по понятным причинам) с социальным неравенством. Поэтому важнейшим этапом в исследовании социально-пространственной сегрегации на материале Москвы стали работы О. Е. Трущенко. Она показала, что социально-пространственная сегрегация может осуществляться двумя путями: социальные низы могут просто вытесняться за пределы символически ценных пространств или их представители физически могут жить по престижным адресам, однако оставаться лишенными «доступа ко всем локализованным здесь благам» [2, с. 121].

Мы не обращаемся в данном случае к проблеме престижного адреса: наше внимание сосредоточено на наличии разнородных районов в городе — элитных и трущобных. И. А. Вершинина отмечает, что «современные города по всему миру имеют и теневую сторону...», а «... Российская Федерация — страна с самым высоким темпом роста трущоб» [3]. Проявления социально-пространственной стратификации в российском городе сглажены в силу глубокого «советского наследия» с его уравнительными принципами жилищного строительства и городского планирования, с универсализацией и идеологизацией историко-культурной памяти и ее репрезентации в городских пространствах. Однако научный интерес к проблеме возрастает в силу все более отчетливой тенденции углубляющейся социально-экономической дифференциации населения, что неизбежно приводит к отражению неравенства в социально-пространственной среде: в подходах к планировке и перестройке городов и оформлению публичных пространств, в специфике рынка

недвижимости и трансформации представлений горожан о привлекательности, значимости, престижности или культурных, исторических, социальных смыслах объектов городского пространства.

Модели расселения в городах советской эпохи не имели ярко выраженного социально-поляризованного характера, хотя наличие «дворянских гнезд» (для партийной номенклатуры), добротных домов-«сталинок» и кооперативного жилья для более состоятельных граждан, спальных районов и рабочих поселков при заводах было очевидно. По мере разворачивания постперестроечных процессов экономическая дифференциация неизбежно сопровождалась пространственной дифференциацией, имеющей тенденцию к поляризации. В городах на Юге России еще не сложились те зоны, о которых писал Питер Маркузе («роскошные зоны», «джентрифицированные» кварталы, кварталы муниципального жилья). Исключение, пожалуй, составляют лишь пригороды для формирующейся буржуазии и «покинутый» город (причины этого исключения требуют особого рассмотрения). Обозначенные выше зоны не сложились по причине хаотичного захвата девелоперами относительно свободных для застройки участков городской территории. Однако тенденция к пространственной поляризации богатых и бедных слоев населения визуализируется достаточно отчетливо.

Для современного южно-российского города характерна социально-пространственная стратификация на элитные районы и районы трущоб, о чем свидетельствуют как ответы респондентов, так и корреляция анкетных данных с многочисленными визуальными материалами. Трущобы понимаются как неблагоустроенное жилье низкого качества с дефицитом социальной, коммунальной и иной инфраструктурой, к трущобам относятся как отдельные здания, так и целые районы. Согласно критериям ООН, к числу факторов жилищного неблагополучия относятся отсутствие чистой воды и канализации, незащищенность от погодных условий, перенаселенность, аварийность жилья, отсутствие у жильцов права на жилье и пр.

Жители Южного региона России не игнорируют наличие контрастов в жилье у бедных и богатых слоев населения: 78,8% опрошенных уверены в существовании элитного жилья в их городах. Прослеживается тенденция: чем крупнее город, тем заметнее наличие элитного жилья: 91,2% респондентов в крупнейших городах, 87,6% — в крупных, 68,7% — в больших, 63,4% — в малых — отмечают наличие кварталов элитного жилья. Эту линию нарушают лишь жители средних городов (72,7%), превосходя процент опрошенных в больших городах. Значителен процент опрошенных, отмечающих наличие трущоб в их городах: 80,4% опрошенных — в крупнейших городах, 82,4% — в крупных, 56,6% — в больших, 53,6% — в средних, 43,4% — в малых. Эти цифры говорят о том, что чем крупнее город, тем более разителен контраст между богатыми и бедными районами, что и фиксируется горожанами при

оценке визуального пространства города. Наличие подобного рода разрыва разрушает представление россиян о равенстве людей, о социальной справедливости и социальных гарантиях.

Проблема социального равенства имеет еще одну пространственную проекцию: равный доступ к публичным пространствам. Феномен огораживания становится все более частым явлением в наших городах: огораживаются не только режимные объекты, территории больниц и кампусов, но и дворы многоквартирных домов. Даже там, где видимых барьеров нет, ограничения фактически существуют. Так, если в Ростове 35,8 % опрошенных жителей утверждают, что «в городе есть места, которые они хотели бы посетить, но не могут туда проникнуть из-за негласного ограничения доступа «Только для своих» (или только для людей «с кошельком»)», то в Гуково (город Ростовской области) таковых насчитывается только 5,0 %, в Сальске (город Ростовской области) — 7,0 %. Это означает, что отсутствие богатых людей в городе и относительное равенство горожан (равенство в данном случае в бедности) отнюдь не свидетельствует о процветании города, что и не делает людей счастливыми. Недаром только 10,5 % гуковчан считают, что «жизнь в этом городе делает их счастливыми», в Ростове же таковых насчитывается 38,9 % респондентов. При этом в Гуково существует больший запрос на утверждение идей социальной справедливости и равенства. Так, при ответе на вопрос «Считаете ли вы, что огораживание многоквартирных домов и дворов является правильным?», только 10,0 % респондентов-гуковчан подтвердили, что это явление правомерно. С ними солидарны жители Новошахтинска (8,3 % респондентов), тогда как в Ростове-на-Дону таковых оказалось уже 35,0 % опрошенных жителей, в Краснодаре — 35,7 %, в Таганроге — 54,3 %, в Аксае — 80,0 %. Это достаточно большое количество людей, считающих подобное огораживание правильным, «хотя оно и ограничивает право ходить по городской территории», т. е. горожане готовы ограничивать права других людей. Безопасность ценится выше, чем право на равный доступ к территориальным ресурсам. Этот факт подтверждает начало эрозии ценности равенства.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00841.

Литература

1. Харви Д. Социальная справедливость и город / [пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой]. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
2. Трущенко О. Е. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 121.
3. Вершинина И. А. Город: различные измерения неравенства // Socioloska Luca. 2013. № 7 (2). С. 89–93.

УДК 316.334.22

Одяков С. В.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация: в статье рассматривается процесс трансформации социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях постсоветской России. Выявляются противоречия трансформации, связанные с тем, что формирование рынка в постсоветской России происходило на базе традиционной системы ценностей, в которой сильны установки на социальную солидарность, коллективизм и взаимопомощь. Автор приходит к выводу, что на современном этапе эти отношения эволюционировали в сторону патрон-клиентских отношений, в которых место актора в структуре социально-трудовых отношений определяется не только с учетом его рыночных позиций, но и других видов ресурсов.

Ключевые слова: трансформация, социально-трудовые отношения, культура труда, безработица, социальная защищенность, патрон-клиентские отношения.

Odiakov S. V.

SOCIAL AND LABOUR RELATIONS AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISES OF MODERN RUSSIA: GENESIS AND THE CURRENT STATE

Abstract: the article discusses the process of transformation of social and labor relations at industrial enterprises in post-Soviet Russia. Transformation contradictions are revealed that are associated with the fact that the formation of the market in post-Soviet Russia took place on the basis of the traditional value system, which has strong attitudes towards social solidarity, collectivism and mutual assistance. The author comes to the conclusion that at the present stage, these relations have evolved towards patron-client relations, which allowed to save everything valuable from the old system and at the same time to modernize the system of social and labor relations taking into account market transformations.

Keywords: transformation, social and labor relations, work culture, unemployment, social guarantees, patron-client relations.

Процесс трансформации социально-трудовых отношений складывается под влиянием как экономических, так и социокультурных факторов. Экономические преобразования 1990-х гг. проводились преимущественно на основе западных моделей и технологий ведения бизнеса. Ведущими ориентирами в экономической политике новых собственников являлись: получение максимальной прибыли, завоевание рынков сбыта, формирование у работников ценностей индивидуального интереса и рационального поведения. Заимствованные технологии сочетались с традиционно господствующим в России материалистическим подходом, заложенным в определенной социально-экономической модели труда. Предполагалось, что старые «советские» культурные

нормы будут неизбежно вытесняться новыми «рыночными» как более эффективными и что наиболее безболезненно эти процессы пройдут на новых частных предприятиях, где отсутствуют предпосылки для реставрации советской культуры труда [1, с. 67–68].

Основная проблема развития трудовых отношений виделась прежде всего в наследии советской системы; потенциале и качествах культуры труда, способствующих экономическому развитию страны или сдерживающих его; в культурных ценностях труда в рыночных условиях. Считалось и считается, что снижение эффективности и производительности труда и кризис трудовой активности лежали в основе причин, обусловивших необходимость смены курса развития, перестройки. Основной упор в трудовой сфере предлагалось сделать на искоренение советского наследия: уравниловки в оплате труда, его низкой мотивации и производительности. Реформаторы возлагали надежды в основном на американские модели рыночного развития, при этом Россию часто сравнивали со странами Латинской Америки и развивающимися рынками Юго-Восточной Азии и Китая. О европейских моделях с высокоразвитой системой социального обеспечения говорили немного, хотя исследования выявляли определенное культурное сходство нашей страны именно с европейскими соседями.

Предполагалось, что в процессе трансформации как следствие экономических реформ произойдет смена ориентиров и снятие ограничителей на путях приложения труда. В рыночной экономике коллективизм, социальность труда должны были уступить место экономическому индивидуализму, а с повышением рациональности хозяйствования патерналистские отношения должны были перейти в более эффективные партнерские. Гарантии занятости должны были смениться более эффективным инструментом повышения производительности труда: угрозой безработицы. На смену одномерной занятости (на одном предприятии) должна была прийти многомерная (на нескольких предприятиях или дополнительная занятость), рассматриваемая как форма социально-трудовой мобильности и как весомый фактор трансформации социально-экономической структуры российского общества [2, с. 17].

Следует отметить, что Трудовой кодекс был принят Государственной Думой РФ лишь в 2002 г., спустя более десяти лет после начала экономических реформ и установления многообразия форм собственности. И все это время значительную часть трудовых отношений регулировал советский кодекс (КЗоТ), во многом уже не соответствовавший социально-экономическим реалиям. Тогда же был принят закон о профсоюзах, коллективных трудовых спорах [3, с. 46]. В результате этого в социально-трудовой сфере сложилось противоречие между фактическими трудовыми отношениями и правоотношениями.

Речь идет о конфликте между советским трудовым законодательством и той свободой, которую хотели получить и получили рыночные структу-

ры. Свойственная частным структурам подвижность и приспособляемость подталкивала их к тому, чтобы игнорировать советские законы, гарантирующие работникам стабильность занятости. В одном из интервью, проведенных в то время, частный предприниматель так описывает практики увольнения на собственном предприятии: «Он мне сказал, что есть законодательство и больше восьми часов он работать не собирается. Тогда я достал его трудовую книжку и сказал ему, что он уволен. Просто так сказал: ты уволен. И все. Никаких профсоюзов, судов, никакого качания прав. Не хочешь, не работай». Разумеется, не все предприятия вели себя подобным образом. Многие из крупных предприятий, хотя и переходили на рыночные рельсы, продолжали по инерции соблюдать советское трудовое законодательство. Однако по мере вхождения в рынок все большее число их руководителей осознавало, что свободный рынок труда дает частным структурам неоспоримые преимущества, а его регулирование в советском стиле неэффективно, а в некоторых случаях и вовсе невозможно [4, с. 84–85].

Тем не менее, на деятельностном уровне в условиях роста безработицы, а также снижения реальной заработной платы люди готовы были работать даже за меньшую оплату, но при условии сохранения гарантий занятости. Именно поэтому безработица не приобрела массового характера, а, точнее сказать, мимикрировала в латентные (скрытые) формы, что выражалось в сохранении большого числа избыточных рабочих мест, когда работу одного человека выполняют несколько, ИТР выполняет работу техника, а вместо увольнения избыточной рабочей силы прибегают к сокращению рабочей недели или к неоплачиваемым отпускам, а сам уровень оплаты труда вследствие этого весьма низок. Со временем такая ситуация привела к консервации реального процесса оздоровления экономики в целом и затормозила процесс формирования адекватных рыночным отношениям социально-трудовых отношений в частности.

Это подтверждает мысль, высказанную Э. Дюркгеймом, что институты имеют более или менее постоянный характер, обусловленный наличием постоянных человеческих потребностей: «Старые институты никогда не исчезают с утверждением новых настолько, чтобы не оставить никаких следов своего существования. Они сохраняются не только как пережиток, но и потому, что сохраняется также нечто от потребностей, которым они отвечали» [5, с. 35]. При этом отчуждение работника от собственности, существовавшее в период государственного тоталитаризма, было справедливо осуждено, но оно было заменено отчуждением от социальных гарантий, что свойственно капитализму на его ранних стадиях, при резком отказе государства от системы регулирования основных социальных сфер [6, с. 62]. Характеризуя ситуацию, в которой оказался человек труда, исследователь российского рабочего движения замечал в одной из своих работ: «Разумеется, складыва-

ние позитивных элементов демократии и гражданского общества идет в нашей жизни гораздо медленнее, чем разрушение устоев прежнего государственно-социалистического порядка. В этом смысле, пожалуй, правильнее называть перемены, происшедшие у нас после поворотов конца 1980-х и начала 1990-х гг. не столько рыночно-демократическими, сколько антитоталитарными» [7, с. 1].

В современной России ситуация, связанная с социальной защищенностью работника, во многом определена следующими причинами. Во-первых, государство уходит из экономики, перестает выполнять регулирующую роль, фактически устранилось от решения социальных проблем труда. Во-вторых, «старые» профсоюзы потеряли авторитет (по данным социологических исследований, профсоюзам как защитникам интересов доверяют 4–6 % работающих) и не могут представлять в полном объеме интересы рабочих. В то же время «новые» профсоюзы не стали реальной силой, оказались в большинстве случаев беспомощными и в глазах работников производства стали такими же неэффективными организациями, как «старые» профсоюзы. В-третьих, работодатели в современной России не чувствуют ответственности за социальное положение работников, уповая только на материальное вознаграждение, откупаясь от работников отдельными подачками. А в условиях безработицы, снижения уровня жизни, без защиты государства и профсоюзов работники не могут противостоять нажиму нового русского капитала, соглашаясь или мирясь с создавшейся ситуацией [8, с. 269–272]. Со временем к этому комплексу проблем добавилась еще одна — неразвитость социально-профессиональной структуры современного российского общества, которая по-прежнему воспроизводит структуру экономики, характерную для второго и третьего технологических укладов, тогда как установки молодежи ориентированы на цифровое общество.

На современном этапе социально-трудовые отношения эволюционировали в сторону «патрон-клиентских» отношений. С одной стороны, эта форма отношений уходит своими корнями в старую патерналистскую модель трудовых отношений и в нынешних условиях означает все большую зависимость работников от воли и прихоти работодателя. Здесь в правовом отношении положение рядовых работников вряд ли становится более защищенным, чем на начальных этапах становления рынка в нашей стране. И в перспективе вряд ли стоит ожидать каких-либо улучшений социальной защищенности, поскольку в результате дерегулирования рынка труда и применения политики «гибкой фирмы» долгосрочные интересы наемных работников зачастую не учитываются, а текущая ситуация на работе выходит из-под контроля. Не случайно, что идеологи «гибкой фирмы» выдвигают многозадачность как одно из основных требований к современному наемному работнику.

С другой стороны, если посмотреть на ситуацию с точки зрения антропосоциетального подхода, то патрон-клиентские отношения — это длительные, часто договорные, отношения, при которых могущественный или влиятельный человек обеспечивает вознаграждение и услуги более скромным и более слабым людям в обмен на лояльность и поддержку. Иными словами, сильный и независимый актор, обладающий производственными силами постиндустриальной эпохи в виде знаний и креативности занимает центральную позицию в социуме и организации [9, с. 67]. Кроме того, учитывая специфику социальной структуры современной России, занятие актором доминирующей позиции в организации зачастую обусловлено объемом его властного ресурса. Таким образом, уже не один вид ресурсов (властных или экономических) оказывает влияние на структуру социально-трудовых отношений, как это было на начальных этапах становления рынка в России, но усиливается влияние так называемых композитных рент, в которых экономический, властный и культурный капитал стали идти рука об руку.

Литература

1. Слюсарянский М. А. Адаптационные процессы в сфере труда в условиях трансформации российского общества // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора З. И. Файнбурга и 40-летию создания лаборатории ПГТУ. Пермь, 2006. С. 65–70.
2. Слюсарянский М. А. Социально-трудовые отношения как предмет социологического исследования: региональный аспект // Бюллетень Пермской социологии. Пермь: Меркурий. 2010. С. 13–19.
3. Слюсарянский М. А. Методологические аспекты исследования трудовых отношений в процессе трансформации российского общества // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 2. 2006. С. 45–47.
4. Наемный работник в современной России / [отв. ред. З. Т. Голенкова]. М. : Новый хронограф, 2015. 368 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 572 с.
6. Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / [отв. ред. А. М. Кацва]. М. : ЛЕНАНД, 2006. 400 с.
7. Гордон Л. А. Область возможного. Варианты социально-политического развития России. Русско-американский фонд профсоюзных исследований и обучения. М., 1995. 192 с.
8. Тощенко Ж. Т. Социология труда. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 2009. 423 с.
9. Мартынова С. Э. Рациональность актора постиндустриального общества: истоки и следствия для конструирования социальных технологий управления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 66–77.

УДК 331.526

Колесник Е. А.

ЭФФЕКТИВНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация: в статье проведен анализ научных подходов и точек зрения на социально-экономическое содержание понятия «эффективная занятость», который послужил основой выделения наиболее значимых аспектов в формировании трудового потенциала. Был сделан вывод, что эффективность занятости определяется экономической отдачей и достигнутыми социальными результатами, которые соответствуют как рыночным ожиданиям, так и предъявляемым к ним требованиям и являются базой формирования трудового потенциала. Выделение показателей эффективной занятости позволило систематизировать их, вычленив общие и специальные показатели, характеризующие эффективность занятости на рынке труда и оказывающие влияние на количественно-качественные характеристики трудового потенциала.

Ключевые слова: занятость, эффективная занятость, рынок труда, регион, трудовой потенциал.

Kolesnik E. A.

EFFECTIVE EMPLOYMENT: SOCIO-ECONOMIC CONTENT AND IMPORTANCE IN THE FORMATION OF LABOR POTENTIAL

Abstract: the article is devoted the analysis of scientific approaches and points of view on the socio-economic content of the concept of effective employment served as the basis for identifying the most significant aspects in the formation of labor potential. It was concluded that the effectiveness of employment is determined by the economic impact and social results achieved, which meet both market expectations and the requirements imposed on them and are the basis for the formation of labor potential. The selection of indicators of effective employment made it possible to systematize them, identifying General and special indicators that characterize the effectiveness of employment in the labor market and have an impact on the quantitative and qualitative characteristics of labor potential.

Keywords: employment, effective employment, labor market, region, labor potential.

В рыночных условиях хозяйствования рынок труда объединяет все способное к труду население, как занятое, так и не занятое в наемном труде, а эффективность занятости, являясь одной из ее форм, приобретает существенную значимость. На рынке труда создаются условия для реализации трудового потенциала, рынком труда предъявляются требования к его качественным и количественным показателям в соотношении с уровнем развития производительных сил общества [1]. Вместе с тем не только недостаточный уровень качества жизни, низкий уровень доходов населения напрямую влияют на негативные изменения в параметрах трудового потенциала, причины которых кроются и в самой социально-трудовой сфере. Как утвержда-

ют Г. Р. Баймурзина и Ф. И. Мирзабалаева, «деструктивная трудовая среда может привести к растрате некогда высококачественного трудового потенциала» [2, с. 107], и с данной позицией трудно не согласиться. Безработица и неэффективная занятость, присущая российскому рынку труда, дестабилизирующе влияют не только на макроэкономические показатели развития экономики в целом, но и нивелируют количественно-качественные показатели трудового потенциала страны, региона, предприятия. В связи с вышеизложенным изучение социально-экономического содержания эффективной занятости в формировании трудового потенциала является актуальным. Рассмотрение различных трактовок понятия «эффективная занятость», предложенных российскими и зарубежными исследователями, дало нам возможность сгруппировать их, выделив значимые аспекты в формировании трудового потенциала в табличной форме:

№ п/п	Сущность понятия	Автор
1.	Эффективная занятость рассматривается с позиции возможности роста общественного производства, что является основой получения экономической выгоды, поддержания профессионального уровня и улучшения здоровья человеком	В. С. Буланов [3, с. 145], С. В. Андреев, Е. А. Морозова, О. И. Лузгарева [4]
2.	Эффективная занятость основывается на рациональном распределении ресурсов с целью максимального получения материальной выгоды и развития общества в целом	Э. Р. Саруханов [5, с. 25], Р. П. Колосова, Г. Г. Меликьян [6, с. 15]
3.	Эффективная занятость — достижение максимального экономического результата через использование рабочей силы без каких-либо потерь	Н. А. Иванова, Е. Г. Жулина [7], А. И. Рофе [8, с. 163]
4.	Эффективная занятость — это достижение полной и рациональной занятости через оптимальность в распределении трудоспособного населения и их максимальное вовлечение в сферы общественного производства	О. А. Колесникова [9, с. 43]
5.	Эффективная занятость — достижение баланса между спросом и предложением рабочей силы, результатом которого является социально-экономический прогресс с соблюдением интересов работников и работодателей, и общества в целом	О. В. Чернявская [10], И. О. Давыдова [11]

Несмотря на разность научных подходов, большинство авторов сходится на мысли о том, что эффективности занятости можно достичь: во-первых, при сокращении ручного тяжелого труда; во-вторых, при рациональном распределении трудовых ресурсов по территории страны и в ее отраслевом разрезе; в-третьих, при всестороннем развитии человека, роста его образовательного и профессионального уровня. В то же время при определении понятия «эффективная занятость» большинством авторов выделяется

его ключевое значение: «эффективная занятость — получение экономической выгоды». Рассмотрение же условий формирования эффективной занятости зависит от авторского видения. А. В. Сурин, рассматривая факторы рынка труда с позиции их сбалансированности, утверждает, что именно «сбалансированность рынка труда является важнейшей основой макроэкономического развития государства» [12, с. 126] и создания условий эффективной занятости и формирования трудового потенциала. Им предложена следующая классификация:

1) экономические факторы как соотношение совокупного спроса и совокупного предложения труда, выделяя при этом необходимые условия востребованной и эффективной трудовой реализации (профессионально-квалификационное соответствие ресурсов труда и рабочей силы требованиям производства; уровни оплаты труда, миграции рабочей силы, инфляции, безработицы);

2) социальные факторы как соотношение совокупности обязанностей, прав и гарантий субъектов рынка труда; при этом они включают и уровень развития трудовых отношений;

3) административные — с позиции государственного регулирования трудовых отношений и занятости на рынке труда, а также степени его воздействия на экономические факторы;

4) информационные факторы группируются вокруг динамики показателей рынка труда, получении, оценки и обработки информации, а также об информировании о сложившихся тенденциях и прогнозных данных.

Для эффективной занятости характерна максимизация, которая достигается путем создания соответствующих условий и зависит от развитости рынка труда и процессов, происходящих в нем. Эффективность занятости определяется экономической отдачей и достигнутыми социальными результатами [11; 13], которые соответствуют как рыночным ожиданиям, так и предъявляемым к ним требованиям.

Наличие различных подходов к выделению показателей эффективной занятости позволило нам систематизировать их, выделив общие и специальные показатели, характеризующие эффективность занятости на рынке труда и оказывающие влияние на количественно-качественные характеристики трудового потенциала. Выделенные в табличной форме показатели позволяют рассматривать и изучать эффективность занятости с учетом наиболее значимых характеризующих ее показателей как уже известных и зарекомендовавших себя (например, показателями эффективности использования рабочей силы на предприятии являются рентабельность персонала, коэффициенты по приему и выбытию рабочей силы, текучести кадров и др.), так и тех, которые еще предстоит уточнить или разработать:

Общие показатели, характеризующие эффективность занятости на рынке труда	Специальные показатели эффективности занятости на уровне предприятия
<p>Уровень занятости населения характеризует динамику изменений численности занятого населения в численности экономически активного населения и отражает потребность населения в оплачиваемом труде и их востребованность в общественном производстве</p>	<p>Производительность труда работников характеризующая результативность деятельности предприятия, которая измеряется выработкой определенного количества (объема) продукции (работ, услуг) за определенный период времени (единицу времени)</p>
<p>Распределение трудоспособного населения по отраслям и характеру их участия в общественно полезном труде характеризует соотношение занятых в общественном производстве и сфере услуг, занятых в домашнем хозяйстве, и видам выполняемой ими деятельности.</p>	<p>Эффективность использования рабочей силы на предприятии как через расчет показателей рентабельности персонала, коэффициентов текучести кадров, оборота рабочей силы, постоянства кадров и их замещения, так и через оптимизацию неэффективных операций, выявление простоев и «слабых» мест в технологическом процессе, анализ качества, ошибок, неточностей и оперативности выполнения операций и др.</p>
<p>Рациональная занятость населения характеризуется рациональным распределением экономически активного населения по отраслям экономики, видам и секторам занятости</p>	<p>Эффективность структуры кадров предприятия характеризующий развитость системы повышения квалификации и развития персонала</p>
<p>Производительность общественного труда характеризуется показателями эффективности труда на уровне страны в целом, регионе, отрасли</p>	<p>Уровень интеллектуализации и цифровизации труда характеризующий степень применения цифровых технологий в деятельности предприятия</p>

Создание условий, при которых занятость будет эффективной, является и приоритетом в долгосрочной перспективе развития Российской Федерации. В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» указывается, что в ближайшем будущем «модернизация российской экономики будет сопровождаться увеличением спроса на высококвалифицированные кадры» [14], что «предусматривает улучшение качества рабочей силы и развитие ее профессиональной мобильности» [14], создание высокопроизводительных рабочих мест позволит повысить производительность труда. Эффективная занятость указывает на вовлеченность населения в развитие экономики страны, региона и указывает на рост экономического потенциала и его возможность дальнейшего эффективного развития, т. к. именно эффективная занятость населения является основным элементом производственного процесса, который способствует результативному формированию трудового потенциала. Снижение же эффективности занятости свидетельствует о понижении экономического роста и снижении спроса на труд, что впоследствии негативно отражается на трудовом потенциале и уровне экономического развития.

Литература

1. Колесник О. А. Трудовой потенциал региона: влияние демографических изменений как фактора (на примере Луганской области) // *Вісник Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля*. 2012. № 11 (182). С. 122–125.
2. Баймурзина Г. Р., Мирзабалаева Ф. И. Индекс эффективности реализации трудового потенциала как показатель качества социально-трудовой среды (региональный аспект) // *Проблемы развития территории*, 2017. № 2. С. 106–123.
3. Буланов В. С. Рабочая сила в условиях формирующихся рыночных отношений. Рязань. 1994. 207 с.
4. Морозова Е. А., Лузгарева О. И. Виды и формы трудовой занятости коренных малочисленных народов в регионах юга западной Сибири // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 2. С. 406–410.
5. Саруханов Э. Р. Управление занятостью населения. СПб.: СПбУЭФ. 1993. 164 с.
6. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения: практикум / под ред. Р. П. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. М.: Экономический факультет МГУ. ТЕИС. 2008. 458 с.
7. Жулина Е. Г., Иванова Н. А. Экономика и социология труда. М.: Ай Пи Эр Медиа. 2009. 224 с.
8. Рофе А. И. Экономика труда. М.: КНОРУС, 2010. 400 с.
9. Колесникова О. А. Эффективная занятость как основа эффективной экономики // *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*, 2010. № 2. С. 42–44.
10. Чернявська О. В. Ринок праці / Навчальний посібник. Київ: ЦУЛ. 2013. 522 с.
11. Давыдова И. О. Эффективная занятость с позиций реализации интеллектуального капитала общества // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2013. № 2 (22).
12. Сурин А. В. Факторы сбалансированности рынка труда. URL: <http://feek.pt.ehu/data/2015/0630/358/15Ikulonsz.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
13. Kolesnik E. A., Stepanov V. G. Labor potential of engineering personnel in the Russian oil and gas region: problems of development in the system of secondary professional education // *Amazonia Investiga*, Vol. 9. № 27: 140–148.
14. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/25050603> (дата обращения: 05.02.2020).

УДК 304.3

**Тужиков Е. Н.,
Талалаева Г. В.**

**МОБИЛЬНЫЙ ПУНКТ ЗОЖ — ПРОЕКТ УКРЕПЛЕНИЯ НАВЫКОВ
ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У ВОЛОНТЕРОВ
В СФЕРЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация: представлен авторский проект подготовки волонтеров для работы в сфере комплексной безопасности. Данная деятельность сопряжена с риском развития синдрома выгорания. Цель проекта — укрепить навыки оздоровительных технологий у волонтеров и повысить их устой-

© Тужиков Е. Н., Талалаева Г. В., 2020

чивость к стрессовым нагрузкам в условиях чрезвычайных ситуаций. Проект предусматривает организацию мобильного пункта учебно-коррекционной помощи волонтерам — МП ЗОЖ. Проект принят к участию во Всероссийском конкурсе «Моя страна — мое здоровье».

Ключевые слова: волонтеры, комплексная безопасность, синдром выгорания, навыки ЗОЖ.

**Tuzhikov E. N.,
Talalaeva G. V.**

MOBILE POINT ZOZH — THE PROJECT OF STRENGTHENING SKILLS OF A HEALTHY LIFESTYLE FOR VOLUNTEERS IN THE FIELD OF INTEGRATED SAFETY

Abstract: the author's project of training volunteers for work in the field of integrated security is presented. This activity is associated with a risk of burnout syndrome. The goal of the project is to strengthen the skills of wellness technologies among volunteers and increase their resistance to stress loads in emergency situations. The project provides for the organization of a mobile training and correctional assistance point for volunteers — MP ZOZH. The project was accepted to participate in the All-Russian contest «My country is my health».

Keywords: volunteers, emergencies, burnout syndrome, healthy lifestyle skill.

Волонтерское движение весьма разнообразно по своим целям, задачам, мотивации участников, их социальному и возрастному составу [1–3]. В Свердловской области волонтерскому движению уделяется большое внимание. Совершенствование взаимодействия государственной власти с волонтерами, в том числе забота о сохранении их здоровья и развития навыков ЗОЖ при осуществлении волонтерской деятельности находится в сфере пристального внимания главы региона Е. В. Куйвашева. Согласно информации, представленной на официальном сайте Правительства Свердловской области, активное развитие добровольческой деятельности в Свердловской области началось в 2017 году — с объявления губернатором региона Е. В. Куйвашевым «Года добровольчества». В настоящее время в регионе быстрыми темпами развиваются все направления волонтерства: социальное, спортивное, событийное, инклюзивное, медицинское, экологическое», а также волонтерство в сфере комплексной безопасности. Сегодня регион считается одним из лидеров по развитию добровольческого движения. В начале 2020 г. губернатор Свердловской области Е. В. Куйвашев подписал «Указ о создании межведомственного совета по развитию добровольчества и некоммерческих организаций» № 12-УГ от 23 января 2020 г.

Согласно положению, совет будет работать над развитием добровольчества на территории региона путем организации взаимодействия исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований, добровольческих и некоммерческих организаций. В состав органа вошли руководители министерств, представители учебных

заведений, добровольческих и некоммерческих организаций. МЧС России прилагает значительные усилия для взаимодействия с гражданскими волонтерами и их целевой подготовке для помощи пожарным и спасателям. В соответствии с информацией, изложенной на официальном сайте ведомства, МЧС России применяет все новые подходы по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций. Особое внимание уделяется разработкам и внедрению новых пожарно-спасательных технологий, техническим решениям, а также информационным системам в области предотвращения и возникновения ЧС и катастроф. Подтверждением практической значимости заявляемого проекта является публикация на сайте МЧС России о том, что 12 февраля 2020 года на базе ВНИИ ГОЧС в рамках расширенного итогового заседания коллегии МЧС России состоялся учебно-методический сбор с руководителями территориальных органов ведомства. В мероприятии приняли участие руководство чрезвычайного ведомства, начальники Главных управлений МЧС России из всех субъектов Российской Федерации, руководители учреждений системы МЧС России. В ходе встречи обсуждены итоги работы по выполнению принятых решений коллегий Министерства, направленных на совершенствование системы прогнозирования, предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации, оказание помощи людям в сложных условиях. Наш авторский проект полностью соответствует мероприятиям, реализуемым в регионе по линии подготовки гражданских волонтеров и взаимодействию сотрудников МЧС России с населением по вопросам формирования культуры безопасного поведения.

Цель проекта — разработать и внедрить в практику подготовки волонтеров мобильный пункт по совершенствованию навыков ЗОЖ и профилактики синдрома выгорания у волонтеров в экстремальных условиях и чрезвычайных ситуациях.

Задачи проекта:

- составить перечень экстремальных ситуаций, вызывающих у волонтеров состояние стресса; описать события, выходящие за рамки их привычного жизненного опыта;
- создать информационно-аналитическую модель деструкции навыков ЗОЖ и активации синдрома выгорания у волонтеров, участвующих в социальном, спортивном, событийном, экологическом волонтерстве и волонтерстве в сфере комплексной безопасности;
- разработать методику по совершенствованию навыков ЗОЖ и профилактики синдрома выгорания у волонтеров в экстремальных условиях и чрезвычайных ситуациях;
- апробировать разработанную методику в образовательных учреждениях Свердловской области посредством мобильного пункта по совершенствованию навыков ЗОЖ и профилактики синдрома выгорания

у волонтеров в экстремальных условиях и чрезвычайных ситуациях — МП ЗОЖ.

Социальная значимость проекта обусловлена той значительной ролью, которую играет активная часть подростков и молодежи — исследуемая аудитория волонтеров — в социальном, экономическом и культурном развитии страны, а также в обеспечении комплексной безопасности населенных пунктов и социальных общностей, формировании позитивного имиджа ЗОЖ среди учащейся молодежи, помощи и спасении пострадавших от чрезвычайных ситуаций. Выполнение волонтерами их общественного и гражданского долга часто сопряжено с приобретением ими экстремального жизненного опыта, участием в событиях, выходящих за рамки обычного поведения, наблюдением страданий и боли людей, пострадавших от аварий и катастроф. Подобный экстремальный опыт даже у профессиональных спасателей и пожарных закономерно приводит к развитию синдрома профессионального выгорания, а у случайных свидетелей событий нередко вызывает культурный шок и когнитивную перегрузку с нарушением нормального функционирования адаптивных систем и высоким риском развития пограничных психосоматических расстройств. Чтобы избежать негативных социально-психологических и психофизиологических последствий участия молодых людей в волонтерской деятельности экстремального характера (участие в проведении крупномасштабных международных спортивных и культурных мероприятиях, помощи пожарным и спасателям и т. д.) необходимо заранее подготовить их к особенностям предстоящей деятельности, обеспечить навыками эффективной самокоррекции, применяемыми как в период, так и после выполнения волонтерских заданий. Поэтому разработка целевой технологии укрепления ЗОЖ и профилактики синдрома выгорания у волонтеров является востребованной и социально значимой задачей.

Новизна проекта заключается в его междисциплинарном и межотраслевом характере: проект выполняется на стыке социальной, экологической и экстремальной медицины, включает в себя оздоровительные, обучающие и коррекционные технологии работы с молодежью. От существующих аналогов обучения и подготовки волонтеров (в их стационарном и мобильном вариантах) отличается применением методик опережающего обучения, направленных на предотвращение развития посттравматических стрессовых расстройств и первичную профилактику синдрома выгорания у самих волонтеров, тогда как существующие аналоги направлены на информирование потенциальных волонтеров о правилах оказания первой помощи пострадавшим (остановки кровотечения, проведения сердечно-легочной реанимации, оказания допсихологической помощи пострадавшим).

Повышение стрессоустойчивости волонтеров в виде приобретения ими навыков самокоррекции индивидуального психофизиологического состояния методами точечного самомассажа; приобретения навыков психологического

самбо; освоения основ техники Энкодов; формирование навыков по выполнению элементов НЛП; овладение стратегии программирования мозга на выживание. Выполнение проекта поддерживается руководством Уральского института ГПС МЧС России и Свердловским областным отделением Общероссийской общественной организации «Всероссийское добровольное пожарное общество». Информация о первых тренировках МП-ЗОЖ представлена на сайте института и доступна по ссылке <https://www.uigps.ru/nauka/sobytiya/>.

Литература

1. Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 68–77.
2. Певная М. В., Эберт Э. Э. Детско-юношеское волонтерство: мозаика организационных проблем // Социально-педагогический подход в образовании: воплощение наследия А. С. Макаренко в современных социальных проектах: сборник научных трудов Всероссийской с международным участием конференции / [под ред. М. В. Богуславского, Т. С. Дороховой]. 2019. С. 201–205.
3. Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 434 с.

УДК 316.444.5

**Банникова Л. Н.,
Плетнев Д. Ю.**

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

Аннотация: статья посвящена анализу направлений участия работающей молодежи индустриальных регионов в непрерывном профессиональном образовании как условия формирования ее инновационного потенциала. Обоснован вывод о том, что активность такого участия зависит не только от территориальной и отраслевой принадлежности предприятия, но от социально-профессионального статуса молодого работника.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, инновационный потенциал, работающая молодежь.

**Bannikova L. N.,
Pletnev D. Yu.**

PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL MOBILITY OF WORKING YOUTH IN INDUSTRIAL REGIONS

Abstract: the article analyzes the directions of participation of working youth in industrial regions in continuing professional education as a condition for the formation of its innovative potential. The conclu-

© Банникова Л. Н., Плетнев Д. Ю., 2020

sion is substantiated that the activity of such participation depends not only on the territorial and sectoral affiliation of the enterprise, but also on the socio-professional status of the young employee.

Keywords: continuing professional education, innovative potential, working youth.

Для цифровой экономики нужны непрерывно обучающиеся работники. Проблемы эффективной организации системы непрерывного обучения кадров как совокупности всех форм и уровней профессионального образования не теряют актуальности, но особенное значение и востребованность в подготовке современных кадров приобретает система дополнительного профессионального образования (ДПО). Система ДПО в структуре российского образования и в практиках получения и использования его работающими специалистами, по оценкам экспертов, не обеспечивает текущие и перспективные потребности социально-экономического и научно-технологического развития страны [1, с. 73] Несмотря на то, что каждый пятый занятый в возрасте от 25 до 64 лет в России прошел профессиональную подготовку, переподготовку или повышение квалификации, охват населения дополнительным профессиональным образованием остается практически вдвое ниже, чем в странах Организации экономического сотрудничества и развития [2; с. 6–7].

Сохраняется разрыв в уровне включенности отраслей в систему профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников. Лидирующую позицию по-прежнему занимают отрасли сырьевой экономики и их компании, развивающие корпоративную систему дополнительного профессионального образования. В ситуации, когда лишь десятая часть работников, имеющих профессиональное образование, проходит систему профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации, внедрение нового оборудования, технологий, выпуск инновационной продукции и услуг затруднены [2, с. 9]. Во всех трех федеральных проектах приоритетного национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» 2018–2024 гг. пристальное внимание уделено вопросам организации и стимулирования процессов непрерывного профессионального обучения работников предприятий и прежде всего базовых несырьевых отраслей экономики (обрабатывающее производство, сельское хозяйство, транспорт, строительство, ЖКХ). Запланированы финансовые и нефинансовые меры государственной поддержки по обучению сотрудников предприятий методами повышения производительности труда, специализированные тренинги, мастер-классы в сфере производительности труда. В формировании системы обучения и переподготовки работников, участвующих в программах повышения производительности труда на предприятиях, выделены ключевые категории сотрудников для дополнительного обучения. Это управленческие кадры (управленческие команды региона, линейные руководители), специалисты региональных центров компетенций (РЦК) и работники, находящиеся под риском высвобождения для дальнейшего трудоустройства.

В 2018 году исследовательской группой с участием авторов проведен опрос работающей молодежи шести индустриальных регионов России с высоким уровнем развития высокотехнологичных производств. В выборку были включены предприятия авиа- и ракетостроения, машиностроения, приборостроения и транспорта, информационных технологий, космической отрасли и предприятий связи, химической и фармацевтической промышленности, предоставляющих молодежи наиболее ощутимые шансы на развитие своего инновационного потенциала [3]. Было выявлено, что профессионально-образовательная мобильность работающей молодежи как необходимое условие ее инновационной активности в значительной степени связана с отраслевой принадлежностью предприятия, отчасти с уровнем развития региона, активной инновационной политикой региональных властей. В большей степени потенциал молодежи, ее восприимчивость и готовность к инновациям зависит от статуса, сложности и разнообразия выполняемых функций, табл. [3, с. 118–122].

Таблица

Формы участия работающей молодежи в непрерывном образовании: должностные отличия (в %)*

Формы участия	Специалист	Квалифицированный рабочий	Служащий (технический исполнитель)	Руководитель
<i>Освоение основных образовательных программ (повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации)</i>	40	38	43	41
<i>Освоение дополнительных образовательных программ (проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/организации)</i>	41	29	25	42
<i>Дополнительное обучение на работе: осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы и другие формы</i>	33	32	31	44
<i>Посещение мероприятий просветительского характера (создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления (для вас, вашей семьи, друзей) и др. формы</i>	14	11	9	22
<i>Самообразование (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)</i>	58	48	49	64

*Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов.

1. Более высокий уровень включенности в дополнительное образование работающей молодежи в сравнении со среднестатистическими показателя-

ми связан с законодательно закрепленной нормой: дополнительное профессиональное образование является обязательным, регулярным для «молодых специалистов» (возрастная когорта до 29 лет), для работников отраслей социальной сферы, высокотехнологичных отраслей экономики. Также показатель может служить косвенным доказательством того, что полученная в системе профессионального образования квалификация работников либо недостаточна, либо не соответствует отраслевому запросу [2, с. 11].

2. Среди различных видов непрерывного профессионального образования лидирующую позицию занимает самообразование и дополнительное обучение на работе. Вполне обоснован акцент на онлайн-обучение в организации обучения управленческих команд в рамках нацпроекта.

3. Наделенные статусом, ресурсами и высокой степенью ответственности молодые управленцы более информированы, мобильны и результативны. Их вовлеченность во все формы непрерывного образования, формального, неформального и информального на порядок выше, чем у остальных профессиональных групп. Десять лет назад на основе анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ) российский социолог И. П. Попова сделала любопытный вывод о влиянии дополнительного профессионального образования на изменение социально-профессионального положения групп получивших его работников. В реальности система ДПО, как канал профессиональной мобильности, играет весьма ограниченную роль, способствуя лишь сохранению существующего положения благополучных профессиональных групп в профессии и на рабочем месте [4, с. 120]. Учитывая, что в значительной мере мероприятия в рамках национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» имеют обучающий характер, а ресурсы проекта (адресная поддержка, гранты) направлены на обучение управленцев, существует риск сохранения выявленной тенденции.

4. В то же время молодые работники среди причин, негативно влияющих на успешность реализации инновационных проектов наряду с незаинтересованностью бизнеса и производства в инновациях, погоне собственников за сиюминутной прибылью, часто называли низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций, отсутствием у них стратегического мышления [3, с. 115–116]. Можно надеяться, реализуемая программа обучения управленческих команд поможет устранить этот барьер на пути инновационного развития территорий.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00907.

Литература

1. Федотов А. В., Беляков С. А., Клячко Т. Л. Структурные изменения и трансформации парадигмы государственной политики в непрерывном профессиональном образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 22 (5). С. 67–74.
2. Дополнительное профессиональное образование России — итоги реформ. Бюллетень о сфере образования. 2017. № 14. 27 с.
3. Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 215 с.
4. Попова И. П. Дополнительное образование как канал профессиональной мобильности // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / [отв. ред. Г. А. Ключарев]. М. : ИС РАН. 2008. С. 120–133.

УДК 304.444

Файзуллин Ф. С.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация: на основе материалов социологических исследований анализируется роль и значение подготовки высококвалифицированных кадров и их использования в развитии социального потенциала трудовых ресурсов региона. Раскрываются противоречия и сложности в этой сфере в Республике Башкортостан. Определяются основные проблемы, решения которых создают возможности и условия повышения эффективного трудоустройства кадров, обладающих высококвалифицированным потенциалом, от использования которых зависит интенсивность социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: социальный потенциал, высококвалифицированные кадры, воспроизводство интеллигенции, научно-технический процесс.

Fayzullin F. S.

PROBLEMS OF TRAINING HIGHLY QUALIFIED PERSONNEL FOR THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract: on the basis of materials of sociological researches the role and value of training of highly qualified personnel and their use in development of social potential of labor resources of the region is analyzed. Contradictions and difficulties in this sphere in the Republic of Bashkortostan are revealed. The main problems are identified, the solutions of which create opportunities and conditions for improving the effective employment of personnel with highly qualified potential, the use of which depends on the intensity of socio-economic development of the region.

Keywords: social potential, highly qualified personnel, reproduction of the intelligentsia, scientific and technical process.

В майском указе Президента В. В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период 2024 года»

© Файзуллин Ф. С., 2020

сформулированы вопросы, от решения которых зависят качественные изменения жизни населения нашей страны. Одним из главных факторов интенсификации социального прогресса является эффективное использование научно-технического потенциала России и ее регионов и прежде всего подготовка кадров для этой области и реализация их интеллектуальных возможностей. Серьезную проблему, которая ослабляет экономический и научно-технический потенциал России, представляет массовый отток талантливых российских ученых и специалистов особенно технической сферы, в том числе большого количества молодежи, в развитые страны Запада и США. Можно говорить, что на данный момент наша высшая школа готовит кадры не только для российской науки, а на экспорт, при этом большинство из желающих уехать за рубеж получили высшее образование бесплатно, за счет государства, из чего следует, что Россия безвозмездно поставляет интеллектуальные кадры для других стран. В целом по России каждый четвертый студент технических факультетов имеет намерение работать за рубежом. Кроме того, молодые люди, закончив вузы республики и не найдя здесь путей для самореализации, в большом количестве уезжают в столичный, западный и нефтедобывающие северные регионы в поисках более высокого заработка, перспективной работы, тем самым республика лишается многих инженерно-технических специалистов.

Анализ национального состава студентов, связывающих свои профессиональные планы с Республикой Башкортостан, показал, что среди таких студентов русские составляют 26,6 %, татары — 32,7 %, башкиры — 42,0 %. Таким образом, студенты титульной нации более, чем остальные, намерены трудоустроиться в пределах республики. В отличие от них большая часть студентов русской и татарской национальности предполагает выехать за ее пределы и трудоустроиться в других регионах России, а также за рубежом. Если же учесть тот факт, что количество представителей русской национальности среди студентов технических вузов значительно превышает количество представителей титульной национальности, то напрашивается неутешительный вывод, что большая часть специалистов, подготавливаемых в технических вузах Башкортостана, не связывает свою профессиональную деятельность со своей республикой. Желающих строить профессиональную деятельность в других регионах, то есть намеревающихся покинуть республику и устроиться на работу за ее пределами, среди студентов башкирской национальности насчитывается 43,2 %, а среди студентов татарской — 53,1 %. При этом выезд за рубеж является у последней группы студентов более предпочтительным, чем даже работа в столичном регионе. Как отмечают в своей работе некоторые исследователи, ориентация на трудовую деятельность в России или других странах самым непосредственным образом коррелирует с уровнем образования и социально-профессиональным статусом родителей, уровнем урбанизации [1, с. 365]. Эти исследования показали, что с Россией связывают свои профессиональные планы в большей

мере выходцы из тех семей, в которых родители не имеют высшего образования. Стремящиеся уехать за рубеж в большей мере являются детьми семей, где у обоих родителей есть высшее образование. Чем выше уровень урбанизации места жительства, откуда пришла в высшие учебные заведения молодежь, тем больше удельный вес студентов, желающих покинуть Россию и устроить свою жизнь и профессиональную карьеру в других странах мира.

В ходе анализа распределения ответов на вопрос «В каком регионе вы бы в дальнейшем предпочли работать?» в зависимости от наличия высшего образования у родителей студентов технических вузов Башкортостана было выявлено, что на работу здесь ориентированы в большей степени студенты, чьи родители не имеют высшего образования. А в семьях, где родители высокообразованны, дети планируют в основном свою будущую профессиональную деятельность за пределами республики. Этот социальный феномен, в некотором смысле, служит иллюстрацией к теории воспроизводственной функции образования, когда родители с престижными занятиями способны использовать свои социально-экономические ресурсы, чтобы помочь занять своим детям престижные рабочие места независимо от места жительства. Очевидно, что разный уровень образования, а также культурная среда, создаваемая родителями, предопределяют и разницу выбора, и регион будущей работы. В семьях, где происходит самовоспроизводство интеллигенции, стремление покинуть пределы башкирского региона выражено очень отчетливо, что связано и с реально складывающейся ситуацией на рынке труда в республике.

Анализ существующей экономической структуры в РБ показывает, что материально-производственная сфера республики и структура выпускников вузов существенно отличаются [2, с. 108]. Основная часть экономической сферы занята добывающей и перерабатывающей нефтегазовой отраслью. Высокий уровень заработной платы в данных отраслях привлекателен для многих, но кадровый состав в основном уже укомплектован и острой нехватки кадров здесь нет. В годы трансформации существенно сократилось количество занятых в машиностроении и на предприятиях оборонной промышленности. Следовательно, возможность трудоустройства в этой сфере недостаточна для выпускников. Поэтому зачастую, получив высшее техническое образование, молодые люди выбирают такие области деятельности, которые не связаны с их основной специальностью.

В аграрном секторе потребность в высококвалифицированных кадрах остается очень острой, однако выпускники вузов — выходцы из села — не в полном составе возвращаются обратно. Большинство из них стремится остаться в городе и устроиться в нем любой ценой. Зачастую, получив высшее техническое образование, они выбирают области деятельности, не связанные со своей основной специальностью. Это наблюдается и среди выпускников медицинских и педагогических высших учебных заведений. При этом в подавляющем большинстве выбираются непроизводственные сферы (сфера

услуг, торговля и т. д.). Описанная ситуация в итоге приводит к кризисному состоянию рынка труда республики. О влиянии урбанизированности населения свидетельствует и тот факт, что 66,7 % выходцев из сельской местности и 41,1 % горожан планируют остаться в республике, то есть жители городов потенциально более мобильны и склонны к активной миграции. Это свидетельствует о том, что студенты-выходцы из более развитых территориальных сред обладают большим темпом социального продвижения, сфера доступного разнообразия мест приложения труда для них существенно шире, чем для тех, кто вырос в менее социально развитом типе поселения.

В настоящее время среди российских студентов становится популярным трудоустройство на постоянное место работы до окончания обучения в вузе. Таким образом, они уже до получения диплома заручаются определенными гарантиями собственной занятости. В ходе исследования было выявлено, что 68,0 % студентов не имеют договоренности о трудоустройстве, 32,0 % имеют определенные соглашения с работодателями на послевузовскую деятельность, из них 26,6 % — по своей специальности, 5,4 % — не по специальности. Следовательно, можно полагать, что только четверть выпускников технических специальностей будет обеспечена рабочим местом по специальности после окончания вуза. Оставшиеся (более 70,0 %) составляют так называемую «группу риска» в процессе воспроизводства научно-технической интеллигенции, поскольку неизвестно, какое количество из них в последующем сможет найти работу по полученной в вузе специальности. Человек, имеющий гарантии о трудоустройстве по полученной специальности, более уверенно может планировать свою будущую профессиональную деятельность и оценивать перспективы, которые дает будущее место работы, а также прилагать усилия для получения более качественного образования.

В целом представители титульного этноса, имеющие договоренность с работодателем, более других настроены на работу в Республике Башкортостан, что вполне закономерно. При увеличении численности выпускников вузов башкирской национальности, имеющих договоренность с региональным работодателем, можно рассчитывать на то, что большая их часть выберет республику в качестве региона своей профессиональной деятельности. Рассматривая имеющиеся различия в намерениях на послевузовскую деятельность в зависимости от социального происхождения, было установлено, что стремление «работать не по специальности» у выходцев из семей рабочих и крестьян выражено слабо, так же, как и продолжать образование в магистратуре и аспирантуре. Последнее детерминировано желанием абсолютного большинства сразу же заняться трудовой деятельностью, начать получать от нее доход, чтобы создавать благоприятные для себя условия жизни.

Для студентов — выходцев из семей научных работников и работников системы образования — характерно желание продолжать обучение в магистратуре

туре, аспирантуре, что свидетельствует об их установке на научную карьеру. Интересным также является совпадение предпочтений видов послевузовской деятельности у выходцев из семей работников сферы услуг и управленческого аппарата, для них актуальной является «работа не по специальности». Для выходцев из семей управленцев важное значение имеет и возможность «заниматься коммерческой деятельностью», что, вероятно, обусловлено наличием соответствующих стартовых возможностей как социального, так и материального плана. Студенты башкирской национальности — выходцы из всех социально-профессиональных групп — нацелены, в основном, на работу по специальности. Для активного развития научно-технического потенциала Башкортостана не только необходимо, чтобы большая часть выпускников находила работу по специальности, но и чтобы определенная их доля посвящала себя науке. Проведенные в республике социологические исследования свидетельствуют, что около одной трети студентов Башкортостана планируют заниматься после окончания вуза по избранной специальности научной и преподавательской деятельностью. Они составляют 18,0% [3, с. 65]. Этот показатель, конечно же, ничтожно мал для такой страны, как Россия. Как известно, в современных условиях формирования информационного общества, когда ценность научных знаний и информационных технологий резко возрастает, именно научно-исследовательская деятельность, развитие науки и технологии будут определять уровень развития общества и государства.

Наблюдается существенная разница в желании заниматься научной и преподавательской деятельностью в зависимости от профиля вуза. В гуманитарных вузах данный показатель выше (19,9%), чем в технических (10,6%). Проявление этой тенденции можно встретить и в других исследованиях: в технических вузах России карьеру в науке планируют 12,2%, в гуманитарных — 22,0%, в медицинских — 21,4% [1, с. 142]. Таким образом, можно предположить, что научная активность в гуманитарной области будет выше, чем в технической, а следовательно, и развиваться она будет намного интенсивнее. Научно-техническая сфера тесно связана с экономическим, промышленным развитием страны. В связи с этим если научный потенциал технических наук не будет активно расти, а научные кадры не будут соответствовать требованиям современного мирового уровня, существующая обстановка может привести не только к кризису технических наук, но и к существенному социально-экономическому отставанию нашей страны от мирового сообщества.

Анализ создавшейся ситуации в сфере подготовки и использования высококвалифицированных кадров требует совершенствования управления этим процессом, разработки специальной программы по решению имеющихся в этой сфере проблем. Эта работа должна осуществляться не только на федеральном, но и на региональном уровнях. От уровня создания эффективной

системы подготовки и использования высококвалифицированных кадров зависит социально-экономическое, политическое и духовно-культурное развитие страны и ее регионов.

Материалы статьи подготовлены автором в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 г.

Литература

1. Курлов А. Б., Лязина Ю. А. Социальные перемещения молодежи в студенчество. Уфа : Автор-Проект, 2009. 127 с.
2. Научно-образовательный потенциал региона / Ф. С. Файзуллин, М. Т. Шафиков, Т. Ф. Файзуллин [и др.]. Уфа : ЗАО «Ак Идель Пресс», 2014. 156 с.
3. Шереги Ф. Э., Дмитриев Н. М., Арефьев А. Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М. : Центр социального прогнозирования. 2002. 342 с.

УДК 332.1

**Головина С. Г.,
Миколайчик И. Н.,
Смирнова Л. Н.**

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: в статье представлены материалы исследования, ключевая задача которого — спецификация познавательных возможностей современных теорий регионального развития в концептуализации базовых элементов современной региональной аграрной политики. На основании данной фундаментальной задачи (1) уточняются проблемы регионального развития в свете концепции пространственного развития страны, (2) идентифицируются методологические подходы, имеющие значимый эвристический потенциал в определении содержания региональной аграрной политики.

Ключевые слова: теории регионального развития, аграрная политика, сельские территории, пространственное развитие.

**Golovina S. G.,
Mikolaychik I. N.,
Smirnova L. N.**

HEURISTIC POTENTIAL OF MODERN THEORY IN CONCEPTUALIZATION OF REGIONAL AGRARIAN POLITICS

Abstract: the article presents the research materials whose key task is the specification of the cognitive capabilities of modern theories of regional development in the conceptualization of the basic elements of

---

© Головина С. Г., Миколайчик И. Н., Смирнова Л. Н. 2020

modern regional agrarian policy. Based on this fundamental task (1) the problems of regional development are clarified in the light of the concept of country's spatial development, (2) methodological approaches are identified that have significant heuristic potential in determining the content of regional agricultural policy.

Keywords: theories of regional development, agricultural policy, rural areas, spatial development.

Различные вопросы, связанные с устойчивым социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации, находятся сегодня в центре особого внимания представителей отечественной экономической науки, политиков и практиков, что объясняется главным образом активной инициативой достижения таких результатов, как: 1) конвергенция на уровне социально-экономического развития отечественных регионов и снижение внутри-региональных социально-экономических различий; 2) максимально полное использование регионального потенциала; 3) повышение устойчивости системы расселения жителей по территории РФ путем гармоничного социально-экономического развития не только городов, но и сельских территорий; 4) обеспечение достойного уровня жизни населения страны (и городского, и сельского) посредством совершенствования пространственной организации производства и территориальной организации услуг отраслевой социальной сферы.

Анализируя современные работы по данным вопросам, следует подчеркнуть, что многие ученые (И. Н. Буздалов, И. Н. Буробкин, А. А. Никонов, А. В. Петриков, О. А. Родионова, Е. В. Серова, Е. В. Худякова, В. Я. Узун, Д. Б. Эпштейн и др.) в своих исследованиях обращают пристальное внимание, во-первых, на специфику региональной среды функционирования сельского хозяйства и жизнедеятельности сельского населения, во-вторых, на отдельные элементы и механизмы государственной поддержки отрасли и сельских территорий на разных этапах институциональных преобразований отечественного АПК. Однако, несмотря на значимые достижения экономической науки в данных изысканиях, все же важно обратиться к такой актуальной проблеме, как разработка комплексного методологического подхода к спецификации аграрной региональной политики, что обусловлено необходимостью реализации особой концепции пространственного развития России, сформулированной в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия).

Отметим, что на современном этапе ученые (отечественные и зарубежные), концентрируя внимание на проблеме пространственного развития, обращаются к следующим направлениям экономической науки: 1) теория регионального развития (*R. Urbensky, P. Cooke, K. Morgan, S. Shortall, M. Shucksmith* и др.); 2) концепция устойчивого развития стран и регионов (*H. Bossel, C. O. Stockle, R. I. Papendick, K. E. Saxton, G. S. Campbell* и др.); 3) теория многофункциональности сельского хозяйства (*T. J. Aldington, R. A. Jongeneel, L. H. G. Slangen, L. Maier, M. Shobayashi* и др.) и некоторые другие. Обсуждаются в первую оче-

редь возможности развития территорий как с позиции экономической эффективности, осуществляемой на них деятельности и их общей конкурентоспособности, так и с точки зрения социальных и экологических критериев. Тем не менее многие концептуальные подходы, на которых базируется региональная политика, строятся в основном на традиционной (классической) методологии, а постулаты многих современных учений лишь начинают составлять теоретический и методологический базис анализа региональных процессов. В связи с этим современный подход к концептуализации региональной аграрной политики в сложившихся условиях среды должен быть, во-первых, комплексным (учитывающим всесторонние аспекты функционирования территорий), во-вторых, синтетическим (объединяющим достижения, методологические подходы, исследовательские инструменты различных теорий, обладающих значимым эвристическим потенциалом в изучении исследуемого феномена), в-третьих, гибким (адаптируемым к вызовам среды, возможным политическим или экологическим турбулентным изменениям).

В формировании такого комплексного подхода существенно значимы классические работы, в основе которых анализ процессов конвергенции (дивергенции) в уровнях развития регионов, основанных на феномене круговой кумулятивной причинности (понятие, введенное в экономическую науку Г. Мюрдалем, а затем используемое другими учеными-экономистами для объяснения межрегиональных различий в развитии) [1, с. 376–382]. Безусловно, не менее важны и современные теории региональной экономики, познавательный потенциал которых подтверждает свою значимость положительными результатами в практической их реализации. Так, например, в последние годы популярны исследования, осуществляемые в рамках особого подхода, направленного на развитие отдельных регионов (*Area-Based Development Approach* — *ABD*-подход), в котором ключевую роль играет «местоположение территории» [2, с. 77–79]. В ходе разработки современных программ регионального развития анализируемый подход предполагает (1) учитывать для роста региональной конкурентоспособности социально-политические и институциональные особенности территорий, (2) переходить от программ, основанных на решениях «сверху» и централизованном государственном субсидировании, к инициативным стратегиям, выработанным «снизу» и базирующимся на местных активах и частных инвестициях [3, с. 122–125].

Другая теоретическая позиция, которой придерживается *ABD*-подход, связана с тем, что местное самоуправление позволяет принимать в расчет интересы разнообразных групп населения, которые сложно идентифицировать на более высоком уровне управления [4, с. 756], в связи с чем планирование должно быть более локализованным, гибким, территориально ориентированным [5, с. 879], а политика (в области развития в целом) — адаптированной к культурному, социально-экономическому и политическому контексту той

или иной территории [6, с. 306]. В результате использование такого подхода продвигает интеграцию, открытость и недискриминацию путем привлечения к реализации программ развития территории, по сути, всех проживающих там сообществ. Обобщенный опыт применения данного анализируемого подхода к комплексному развитию тех или иных регионов позволяет, во-первых, выделить алгоритм разработки, реализации и корректировки программ, учитывающих месторасположение и локальные интересы регионов, во-вторых, определить сильные и слабые стороны подобных проектов. В итоге региональная политика и территориальное развитие, основанные на территориальных особенностях, региональном потенциале, местных приоритетах, представляют собой важные ключевые условия единения региона и сокращения внутрирегиональных различий.

Среди других теорий регионального развития (особенно если речь идет о регионах аграрных) следует отметить и такую наиболее известную сегодня теорию, как теорию комплексного (интегрированного) развития сельских районов (*Integrated Rural Development — IRD*), применение которой целесообразно в связи с тем, что она ставит во главу угла фермерские хозяйства и другие мелкие аграрные предприятия, представляя их как альтернативу получающему распространение крупномасштабному промышленному сельскому хозяйству [7, с. 15–22]. Цель аграрной политики при этом сводится к тому, чтобы включить все имеющиеся ресурсы в процесс роста благосостояния аграрных регионов. Причем (и это особенно важно) успешное развитие сельских районов не представляется возможным до тех пор, пока сельское население считает его задачей правительства (а не своей собственной). Именно поэтому в концепции комплексного развития сельских районов придается такое большое значение децентрализации и участию.

Не менее существенен для регионального развития подход, разработанный ФАО (*Food and Agriculture Organization*), представляющий территориальное развитие на основе консенсуса интересов (*Participatory Negotiated Territorial Development — PNTD*-подход). Такой подход уникален и ценен тем, что культивирует использование имеющихся у заинтересованных сторон знаний о своей территории, их практического опыта для выявления потребностей региона, определения перспективной экономической специализации и возможных направлений развития (на основании чего в регионах формируются цели развития, определяются пути и средства их достижения). При этом роль местного правительства заключается в обоснованном ранжировании сложных локальных проблем, достижении консенсуса интересов, создании тех или иных механизмов для реализации сформулированных участниками задач [8, с. 56–58].

Принимая во внимание многофункциональность сельского хозяйства (основной отрасли производства в аграрных регионах), аграрная политика будет ориентирована: 1) на достижение комплексных взаимозависимых экономи-

ческих, социальных и экологических положительных эффектов функционирования аграрной отрасли; 2) на дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития территорий с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики, специфических природных особенностей; 3) реализацию основных направлений пространственного развития сельских территорий (развитие конкурентоспособности экономики, формирование перспективной экономической специализации, достижение оптимальной системы расселения, удовлетворение потребностей в размещении и развитии инфраструктуры (инженерной, транспортной, социальной), повышение уровня жизни сельского населения, улучшение состояния окружающей среды, сохранение природного и культурного наследия и др.). Как следствие, учитывая встроенность аграрной отрасли экономики в сельские территории и сельский социум [9, с. 485], в ходе концептуализации современной региональной аграрной политики необходимо (1) существенно менять ее направления и инструменты, (2) специфицировать ее базовые элементы в свете Стратегии, используя постулаты и эвристический потенциал современных теорий регионального развития.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07315.

Литература

1. O'Hara P. Principle of circular and cumulative causation: fusing myrdalian and kaldorian growth and development dynamics // *Journal of Economic*. 2008. № 42 (2). P. 375–387.
2. Vrbensky R. Can development prevent conflict? Integrated area-based development in the Western Balkans — theory, practice and policy recommendations // *Conflict Security and Development*. 2009. № 9 (1). P. 75–110.
3. How should rural policy be evaluated if it aims to foster community involvement in environmental management? / K. Prager, B. Nienaber, B. Neumann [et al.] // *Journal of Rural Studies*. 2015. № 37. P. 120–131.
4. Cerniglia F. Decentralization in the public sector: quantitative aspects in federal and unitary countries // *Journal of Policy Modeling*. 2003. № 25 (8). P. 749–776.
5. Faguet J. P. Does decentralization increase government responsiveness to local needs? Evidence from Bolivia // *Journal of Public Economics*. 2004. № 88 (3–4). P. 867–893.
6. Gaffard J. L. Innovation, Competition, and Growth: A Schumpeterian ideas within a Hicksian framework // *Journal of Evolutionary Economics*. 2008. № 18 (3). P. 295–311.
7. Leupolt M. Integrated Rural Development: Key Elements of an Integrated Rural Development Strategy // *Sociologia Ruralis*. 2008. № 17 (1). P. 7–28.
8. Blokker P., Dallago B. Youth entrepreneurship and local development in Central and Eastern Europe. 2008. Aldershot: Ashgate. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230247017_1 (дата обращения: 21.09.2020)
9. Networking among Russian farmers and their prospects for success / S. Golovina, S. Hess, J. Nilsson [et al.]. *Post-Communist Economies*. 2019. № 31 (4). P. 484–499.

УДК 002.6:614.876

**Горин Н. В.,
Головихина О. С.,
Екидин А. А.,
Нечаева С. В.**

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ

Аннотация: атомная энергетика не представлена в явном виде в перечне национальных проектов, а входит как элемент в проект «Наука» и может способствовать выполнению проектов «Экология», «Образование», «Международная кооперация и экспорт». В контексте проекта «Экология», атомная энергетика способна играть ключевую роль в предотвращении загрязнения окружающей среды. В рамках проекта «Международная кооперация и экспорт» позволяет осуществлять высокотехнологичный экспорт реакторов на быстрых нейтронах. Опыт взаимодействия с заинтересованной общественностью, разработанные и реализуемые программы профессионального обучения обеспечат формирование у молодежи радиационной грамотности в рамках проекта «Образование».

Ключевые слова: атомная энергетика, национальные проекты, основной вызов современности.

**Gorin N. V.,
Golovikhina O. S.,
Ekidin A. A.,
Nechaeva S. V.**

NUCLEAR POWER ENGINEERING AS AN IMPORTANT ELEMENT OF RUSSIA'S NATIONAL PRIORITY PROJECTS

Abstract: nuclear power engineering is not present explicitly in the list of National Priority Projects, but is a part of the Project called “Science”, and can promote implementation of such Projects as “Ecology”, “Education”, “International cooperation and export”. In the National Project “Ecology” nuclear power engineering can play crucial role in the prevention of environment pollution. In terms of the National Project “International cooperation and export” it allows hi-tech export of fast neutron reactors. Public relations experience, developed and implemented professional education programs will improve nuclear safety knowledge among the young boosting National Project “Education”.

Keywords: nuclear energy, National Priority Projects, main challenge of the present day.

Главный вызов всей современной цивилизации — глобальное потепление с одновременным загрязнением окружающей среды и их влиянием на здоровье людей. Доклад межправительственной группы экспертов по изменению климата [1] констатировал, что влияние человека является доминирующей причиной потепления, наблюдаемого с середины XX века. Главный источ-

ник загрязнения окружающей среды — сжигание углеводородных энергоносителей в промышленности, на транспорте и в быту. Наилучшее решение проблемы — переход на термоядерную энергетику. Но пока вероятность ее осуществления не определена, у человечества нет другого выхода, как использовать атомную энергетику [2, 3, 4]. Отметим, что существует противоположный взгляд на проблемы парникового эффекта и климата: ряд специалистов утверждает, что происходят естественные флуктуации климата, не предвещающие какое-то глобальное событие [5] и, по сути дела, имеют место две противоположные точки зрения:

- из-за естественных природных циклов увеличивается средняя температура океана, главного депозитария углекислого газа, и он выделяет углекислый газ;
- из-за выбросов в атмосферу объектами энергетики, промышленности и транспорта углекислого газа возрастает парниковый эффект и повышается средняя температура, в том числе и температура океана.

Первая никаких действий не предполагает, т. к. от человека ничего не зависит, вторая заставляет человечество бороться за очистку окружающей среды, что само по себе «во благо», но для этого требуется развитие экологически чистой глобальной энергетики, ее поддержка населением и ее распространение/экспорт по всем странам. ГК «Росатом» видит несколько аспектов своей деятельности в рамках национальных проектов: научный, образовательный, промышленный и аспект, связанный с поддержкой высокотехнологичного экспорта, направленные на закрепление глобального статуса ГК «Росатом» на международных рынках, а также на работы по упрочению лидерства в 2030–2040 гг. Энергетика и экология неразрывно связаны друг с другом. Пока на планете было мало людей, а еще ~250...300 лет назад было меньше 1 млрд человек, то масштабы производства энергии и загрязнения окружающей среды были ничтожны, примитивная энергетика уже была, но экологических проблем еще не было, так как загрязнением можно было пренебречь. Основным энергоносителем прошлого — древесина, при ее сжигании выделяется углекислый газ, но это тот самый газ, который за 10...30 лет до сжигания был изъят из атмосферы фотосинтезом и преобразован в массу дерева, поэтому при сжигании газ возвращался назад в атмосферу и происходил его естественный кругооборот.

Сегодня, когда численность населения приближается к 8 млрд и пока не видно, как этот рост остановится, прежние относительно безопасные «противоположности» превратились в опасные «антагонизмы», последствия которых могут быть серьезны. Возможно, что одно из них — глобальное потепление — началось из-за слишком большого объема отходов энергетики, промышленности и транспорта. Так, в настоящее время в мире

ежегодно добывают ~13...14 млрд т. н. э. углеводородного топлива, сжигают его, а CO_2 сбрасывают в атмосферу и, например, в 2013 году было сброшено ~32,5 Гт [6]. В настоящее время три четверти глобальных выбросов парниковых газов связаны с энергетикой [7] и использование технологий с минимальным количеством CO_2 на единицу энергии имеет решающее значение, и ядерная энергетика может удовлетворить эту потребность в энергии без ущерба для климата. В 1970–2012 гг. при производстве электроэнергии на АЭС, гидроэлектростанциях и других возобновляемых источниках энергии было предотвращено выделение более 157 Гт CO_2 , причем вклад только ядерной энергии составил 64,5 Гт. Увеличение доли ядерной энергии в производстве электроэнергии способствовало снижению интенсивности выбросов CO_2 в таких странах, как Бельгия, Германия, Республика Корея и Великобритания [8].

Двухкомпонентная ядерная энергетическая система с замкнутым ядерным топливным циклом на основе реакторных установок БН и ВВЭР является реальным примером экологически чистых способов получения энергии [4]. Все остальные способы производства энергии в размере более десятка млрд т. н.э. (именно столько потребляет сегодня человечество [6]) без загрязнения окружающей среды, в том числе общеизвестные и популярные в обществе солнечная и ветровая энергетики, с этой задачей не справятся. Однако все они могут решать энергетические проблемы или относительно небольших групп людей только на бытовом уровне и мелких промышленных и сельскохозяйственных производств, так как у них слишком мала плотность потока энергии [2]. Используемая в быту мощность исчисляется обычно киловаттами, а в крупной промышленности (в металлургии, на транспорте, машиностроении, строительстве, в сельском хозяйстве и пр.) — мегаваттами, и для нее необходимо производство энергии в размере десятка млрд тонн нефтяного эквивалента. Развитие атомной энергетики в России и мире способствует выполнению национального проекта «Экология».

Вклад атомной энергетики в энергетический баланс современной цивилизации с учетом неизбежного роста численности населения и энергопотребления необходимократно увеличивать, как минимум, до ~80...90%. Остальное обеспечат гидроэнергетика, возобновляемые источники энергии и биотопливо. Существующая атомная энергетика с реакторами на тепловых нейтронах и открытым ядерно-топливным циклом с этой задачей не справится из-за ограниченности ресурсов урана-235, нерешенных проблем тяжелых реактивных аварий и нарастающих масштабов обращения с ОЯТ и РАО. Решить их может лишь двухкомпонентная ядерная энергетическая система с замкнутым ядерно-топливным циклом с реакторами на быстрых нейтронах (РБН) [4] и, что немаловажно, с наработкой избыточ-

ного плутония для дальнейшего расширения парка РБН. В настоящее время энергия стала наиболее востребованным товаром на международном рынке, она определяет политику государств, в ближайшие годы ее роль только возрастет.

Существенное увеличение доли атомной энергетики в мировом энергетическом балансе предполагает широкое распространение быстрых реакторов совместно с пристанционным циклом для рефабрикации топлива. Технологии быстрых реакторов и замкнутого ядерного топливного цикла после 2040 г. могут стать одним из главных экспортных продуктов страны и ГК «Росатом» поставлена задача о разработке условий для выхода на мировые ядерно-энергетические рынки с российскими АЭС с быстрыми реакторами и топливным циклом. Однако это, в свою очередь, расширяет потенциальный допуск к ядерным материалам широкого круга стран и людей, повышает актуальность гарантий МАГАТЭ, и ГК «Росатом» проводит исследования в интересах соблюдения режима нераспространения при экспорте, что способствует выполнению национального проекта «Международная кооперация и экспорт».

Наряду с очевидными благами применения ядерных технологий, отмечаются и риски, в частности, радиотревожность и/или технофобия, алармизм, повышенные требования к обеспечению качества жизни [9]. Развитие атомной энергетики в условиях скептического отношения к ней населения, а тем более ее неприятия, будет и затруднительным, и дорогостоящим, так как придется преодолевать противодействие населению и, возможно, размещать объекты в необжитых местах, существенно удорожая строительство и энергию. Одна из мер по снижению скепсиса населения — информационно-разъяснительная работа по повышению радиационной грамотности [10, 11], что способствует выполнению нацпроекта «Образование». В частности, информирование молодежи и населения с целью формирования радиационной, экологической и исторической грамотности на примерах ликвидации ядерного наследия при выполнении федеральных целевых программ Госкорпорации «Росатом» по обеспечению ядерной и радиационной безопасности формирует положительный образ ядерной отрасли и поддержку проводимых работ.

В настоящее время по результатам опросов выполненного студентами и преподавателями Челябинского филиала РАНХиГС (2018), было показано, что только 11 % населения полагает, что «в развитии атомной энергетики нет ничего плохого», следовательно, 89 % думают иначе, т.е. большая часть населения области сдержанно относится к развитию атомной энергетики. Такое отношение необходимо изменять, и добиваться, чтобы большая часть населения (например, половина), прежде всего благожелательно воспринимала и поддерживала развитие атомной энергетики, либо,

по крайней мере, активно не возражала. Поддержка потребуется в течение ближайших двух–трех десятилетий, а основная масса активного населения, которое к тому времени будет определять пути развития страны — это сегодняшняя молодежь, т. е. школьники и студенты. Общественное мнение консервативно, к лучшему оно изменяется медленно, и поэтому атомная отрасль направляет усилия на работу с молодежью и привлекает ее к информации в интересах атомной энергетики. Основная часть населения, в том числе молодежь, со своей позицией по отношению к ядерным технологиям еще не определилась, но через несколько лет после окончания учебы неизбежно определится, начнет играть все более возрастающую роль в жизни страны, поэтому борьбу за их умонастроения необходимо начинать сейчас.

Таким образом, атомная энергетика, не представленная явно в перечне национальных проектов в виде самостоятельно проекта, а входящая как элемент в различные нацпроекты, в том числе «Наука», существенно способствует реализации национальных проектов.

Литература

1. Climate Change 2014: Synthesis Report. Summary for Policymakers. URL: https://www.researchgate.net/publication/267982370_Climate_Change_2014_Synthesis_Report (дата обращения: 21.09.2019).
2. Капица П. Л. Энергия и физика. Доклад на научной сессии, посвященной 250-летию Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1976. № 1. С. 34–43.
3. Пономарев Л. И. Без ядерной энергетики у нынешней цивилизации нет будущего // Атомный эксперт. 2018. № 3–4. С. 70–75.
4. Пономарев–Степной Н. Н. Двухкомпонентная ядерная энергетическая система с замкнутым ядерным топливным циклом на основе БН и ВВЭР // Атомная энергия. 2016. Т. 120. № 4. С. 183–191.
5. Шполянская Н. А. Геокриология. Эволюция криолитозоны и глобальные изменения климата : учебное пособие. М. : КДУ. 2018. 187 с.
6. Макаров А. А., Григорьев Л. М., Митрова Т. А. Прогноз развития энергетики мира и России. М. : ИНЭИ РАН-АЦ при Правительстве РФ. 2016.
7. International Atomic Energy Agency. Nuclear power and sustainable development international. URL: <https://www.iaea.org/> (дата обращения: 21.09.2019).
8. International Atomic Energy Agency. Climate Change and Nuclear Power 2015. IAEA. Vienna. URL: <https://www.iaea.org/publications/10928/climate-change-and-nuclear-power-2015> (дата обращения: 21.09.2019).
9. Патраков Э. В., Степанова А. Ю., Екидин А. А. Особенности потребностей населения по улучшению качества жизни в условиях радиационных рисков // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 230–232.
10. К вопросу формирования радиационной грамотности населения / Н. В. Горин, Н. П. Волошин, Д. В. Шмаков и др. // Здравоохранение, образование и безопасность. 2018. № 4 (16). С. 137–146.

11. Степанова А. Ю., Екидин А. А. Выявление информационных потребностей и компетенций студенческой молодежи по обеспечению радиационной безопасности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 233–236.

УДК 332.1

**Гордеев С. С.,
Зырянов С. Г.**

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НЕОДНОРОДНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИСТЕМ: НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИЙ УРАЛА И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация: представлены основы адаптации технологий визуализации для исследования развития сложных неоднородных пространственных социально-экономических систем. Рассматриваются методические основы поиска решений и результаты апробации инструментария для проблемно-ориентированного зонирования на примерах территорий макрорегиона Урала и Северного Казахстана.

Ключевые слова: пространственная система, визуализация, социально-экономическая динамика, анализ, геоинформатика.

**Gordeev S. S.,
Zyryanov S. G.**

VISUALIZATION OF SOCIOECONOMIC PROCESSES OF DIFFERENT SPATIAL SYSTEMS: ON THE EXAMPLE OF THE URALS AND NORTH KAZAKHSTAN

Abstract: the basics of adapting visualization technologies for the study of the development of complex heterogeneous spatial socio-economic systems are presented. The methodological foundations of the search for solutions and the results of testing tools for problem-oriented zoning on the example of the territories of the macro region of the Urals and Northern Kazakhstan are considered.

Keywords: spatial system, visualization, socio-economic dynamics, analysis, geoinformatics.

Глобализация экономики, появление и развитие различных новых форм коммуникаций, рост мобильности населения, урбанизация и другие факторы неизбежно приводят к множеству последствий. В совокупности они определяют *пространственную деформацию, изменение традиционно развивающихся социально-экономических процессов*. Подобные изменения требуют адаптации традиционных управленческих задач с проведением сложных междисциплинарных исследований. При этом неизбежно затрагиваются многие вопросы

пространственного социально-экономического развития территорий, рассматриваемых как сложные системы, неоднородные по структуре и по динамике развития. Они касаются обновления как методических подходов, так и разработки, адаптации нового инструментария исследований. Пространственная неоднородность территорий определяется множеством общих и специфических составляющих. Среди общих: географические природные характеристики (состояние природно-климатической среды, наличие природных ископаемых, плодородность почв и др.), социально-экономические (уровень экономического и социального потенциала, неравномерности поселенческого каркаса, административно-территориальная структура и др.). К специфическим территориальным составляющим следует отнести агломерации, транспортные коридоры и др. Все составляющие во взаимодействии определяют объективно сформировавшиеся различия возможностей и далее перспектив для отдельных территорий.

Формирование новых методических подходов к анализу экономических и социальных процессов, оценке перспектив развития системы территорий связано с все возрастающими возможностями информационных технологий (ИТ). В рассматриваемой тематике комплексных пространственных исследований развития территорий важное место приобретают технологии визуализации. Так технологии геоинформатики существенно расширяют возможности многофакторного анализа в условиях неоднородности пространственных систем и различий в траекторий динамики развития отдельных территорий. Далее в статье эти возможности будут проиллюстрированы на примере анализа социально-экономических процессов на территории Урала. Они дополняют ранее представленные результаты по тематике исследования развития сложных пространственных социально-экономических систем с отражением специфических факторов, в том числе связанных с трансграничным взаимодействием территорий Урала и Северного Казахстана [1; 2; 3].

Исследование визуализации социально-экономических процессов в неоднородных пространственных системах затрагивает сферы нескольких дисциплин. Начальные моменты исследования связаны с вопросами системного и прикладного анализа — выделением основных характеристик всех составляющих элементов и факторов, определяющих перспективы развития территорий или, иначе, с формализацией сложных пространственных систем. Далее следует шаг к проблемноориентированной адаптации технологий визуализации, наилучшим образом соответствующих постановке задач исследования. Здесь затрагиваются как понятийный аппарат, так и методические вопросы с инструментарием.

Под сложными неоднородными пространственными социально-экономическими системами в данном исследовании рассматривается множество

объектов регионального географического пространства с наличием общих экономических, инфраструктурных, социальных и культурных взаимосвязей. Такими объектами могут выступать: административно — территориальные образования, агломерации, транспортные коридоры, различные зоны (особые экономические зоны, агломерационных процессов и др.). В реальности фактически каждое региональное образование масштаба субъекта РФ, а тем более макрорегиона относится к подобным сложным неоднородным социально-экономическим пространственным системам.

Для подобных пространственных социально-экономических систем со сложными для формализации процессами и дефицитом информации определяемого характером институциональной среды многое в результатах количественного и качественного анализа определяется успешностью интеграции ИТ в методологию исследования. Использование ИТ позволяет при поиске решений рассматривать многократно возросшие объемы информации, включая *BigData* [4]. Технологии визуализации при этом расширяют возможности работы в условиях неполной формализации с «нечеткими» данными, существенно расширяя границы и возможности исследования.

В общем случае визуализация определяет совокупность приемов графического представления информации в виде, удобном для зрительного восприятия и последующего исследования. Графическое представление информации не только многократно повышает скорость восприятия информации, но и открывает новые сферы анализа данных, недоступные без применения инструментария визуализации. Проблемно ориентированная визуализация еще более расширяет возможности исследования нестабильной многомерной социально-экономической динамики. В нашем случае отдельным моментом становится применение инструментария визуализации, связанного с технологиями геоинформатики. Подобный инструментарий дает возможность изучения проблем пространственного развития в самых различных аспектах. Это создает предпосылки расширения объемов и рассмотрения слабо структурируемых и фрагментарных данных (например, общих процессов для групп муниципальных образований). Методические основы рассматриваемого подхода к исследованию социально-экономических процессов неоднородных пространственных систем связаны с *проблемно ориентированной интеграцией двух групп технологий*. Первые — технологии многофакторного социально-экономического анализа управления (по тематике устойчивости развития территорий и благосостояния — качества жизни населения). Вторые — ИТ визуализации (по тематике представления динамики процессов и геоинформатики). Общим здесь становится расширение источников информации: статистических, социологических, экспертно-эвристических. Формирование подобной *инструментальной среды* для поиска решений создает предпосылки для территориального зонирования на качественно бо-

лее высоком информационном уровне, открывающем новые возможности для анализа региональной динамики и проектирования перспектив пространственного развития. В общем виде подобная информационная среда становится некоторой обеспечивающей адаптацией различных вариантов многоуровневых моделей социального и экономического развития территорий (рис). Апробация возможностей подобной среды рассматривалась в исследованиях перспектив развития территорий Урала [5] и процессов взаимосвязанного развития территорий Урала и Северного Казахстана [6].

Рис. Пространственная специфика муниципальной миграции Челябинской области

Создание подобной информационной среды открывает возможности для проблемно-ориентированного регионального зонирования в условиях различия траекторий развития муниципальных образований, влияния специфических факторов (агломерационные процессы, транспортные коридоры). Рассматриваемая ниже в качестве примера территория Челябинской области является достаточно контрастным маркером для качественно-количественного анализа многих типичных проблем. Пример пространственной визуализации миграции населения в разрезе муниципалитетов Челябинской области (по данным Росстата) представлен на карте-диаграмме рисунка с выделением зон агломерационных процессов (A1 — Челябинская, A2 — Ми-

асс-Златоустовская, А3 — Магнитогорская), зон транспортных коридоров (Т1 — М5 Москва Екатеринбург, Т2 — Трансграничный (Костонай), Т3 — Южный (Магнитогорск)).

Классификация муниципалитетов по перспективам притока-оттока населения (по существующим трендам изменения сальдо миграции) отражена на рис. в формате значков: для городов (квадрат) и районов с сельским населением (прямоугольник). Площадь значков пропорциональна численности населения муниципалитетов. Линии контуров значков имеют различный тип в зависимости от тенденций миграции (значения сальдо):

- жирная линия — тенденция притока населения (положительное сальдо);
- пунктир — тенденция оттока населения (отрицательное сальдо);
- тонкая линия — незначительные изменения или отсутствие данных.

Проблемноориентированная классификация и последующее зонирование в сочетании с использованием векторных оценок открывает перспективы выявления решения широкого спектра задач для регионального управления социумом. Это позволяет на качественно новом уровне рассмотреть перспективы решения многих региональных проблем, начиная с изменения динамики экономического роста и реализации национальных проектов.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 010-00964.

Литература

1. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригра А. В. «Эффект колее» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колее» и локальный кризис в Челябинской области // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 84–97.

2. Gordeev S. S., Zyryanov S. G. Municipalities community preferences vector and management digitalization practice // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iscde-19/12592461> (дата обращения: 02.20.2020).

3. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. «Эффект колее» в пространственном межмуниципальном развитии // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29) С. 40–55.

4. Гордеев С. С., Кочеров А. В. Основы интеграции информационных ресурсов в условиях перехода к *BigData* // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2019. № 1 (3). С. 62–68.

5. Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О., Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 9–18.

6. Гордеев С. С. Визуализация в системе моделей пространственного развития: на примере трансграничной территории Урала и северного Казахстана // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2019. № 1 (3). С. 9–29.

УДК 332.338.1

**Зырянов С. Г.,
Иванов О. П.**

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ

Аннотация: представлена методика определения приоритетных национальных проектов, обеспечивающих эффективное развитие социального пространства регионов на уровне муниципалитетов. Рассмотрены вопросы оценки неоднородности и проблемных зон внутрирегионального социального пространства. Предложен подход для выявления проблемных муниципалитетов и формирования для них проблемно-ориентированного пакета национальных проектов.

Ключевые слова: национальные проекты, регион, муниципалитеты, развитие социального пространства.

**Zyryanov S. G.,
Ivanov O. P.**

NATIONAL PROJECTS AND THEIR ROLE IN DEVELOPING REGIONAL SOCIAL SPACE

Abstract: the authors present methodology for identifying priority national projects that ensure the effective development of the regional social space at the municipal level; the authors also consider issues of assessing heterogeneity and problem areas of intra-regional social space and propose the approach for identifying problem municipalities and forming a problem-oriented package of national projects for them.

Keywords: national projects, region, municipalities, social space development.

Словосочетание «национальные проекты» как одна из форм управления социально-экономическими процессами вошло в обиход в начале нулевых годов. В практике государственного управления различных стран национальные проекты, как комплексные общенациональные программы развития тех или иных отраслей, используются уже давно. Такая практика решения проблем относится к тем направлениям, которые требуют большого государственного участия [1]. Прежде всего это касается социально значимых отраслей, требующих поддержки для выхода из кризисного состояния, или отраслей, потенциально формирующих лидирующее положение страны на мировых рынках, в мировых рейтингах.

В России в 2006 г. на период до 2010 г. были сформированы четыре нацпроекта: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса (АПК)» [2]. Хотя по итогам их реализации не все плановые показатели были достигнуты, но в целом эта форма управления развитием показала свою эффективность, и проектный подход к решению такого рода общенациональных задач стал в Рос-

сии доминирующим. Так, Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам (создан в 2016 г.) утвердил 11 основных направлений стратегического развития страны с целевыми ориентирами на период до 2018 и до 2025 гг. В 2017 г. на реализацию приоритетных проектов было выделено 177 млрд руб., а в 2018 г. — 168 млрд руб. Президент России 7 мая 2018 г. подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Для реализации этого указа на период с 2019 по 2024 гг. Правительством были разработаны и приняты 13 национальных проектов федерального масштаба по трем направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Плановый объем финансирования на весь период реализации составил 25725,3 млрд руб.

В феврале 2019 г. распоряжением правительства была утверждена стратегия пространственного развития России на период до 2025 г. Термин «пространственное развитие» в ее контексте предполагает совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики за счет эффективной государственной политики регионального развития. Национальные проекты изначально были синхронизированы со стратегией пространственного развития России — в 2019 г. произошла фактическая интеграция стратегии пространственного развития и национальных проектов в единый комплекс регламентирующих документов. Основное предназначение национальных проектов состояло в том, чтобы, используя возможности проектной формы управления, вывести регионы страны на более высокий уровень развития, рационально и целенаправленно используя выделенные федеральным и региональными бюджетами финансовые ресурсы. При этом реально существующую специфику каждого региона предложено учитывать за счет региональной составляющей финансирования национальных проектов.

Совершенно очевидно, что вопросы социального, экономического и политического развития необходимо рассматривать для каждого региона в их взаимосвязи и с учетом конкретной региональной специфики. Каждый из регионов имеет свои особенности, определяющие его сегодняшнее состояние и перспективы развития в будущем. В качестве некоторого интегрального показателя, отражающего всю совокупность социальных, экономических и политических аспектов жизни, можно использовать новый и простой подход к измерению качества жизни населения созданный Международным институтом прикладного системного анализа, получившим название Индикатор человеческой жизни (ИЧЖ, *Human Life Indicator*) [3]. *Этот индикатор*, отражая качество жизни, выражается в годах, как и ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Его отличие от индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) заключается в том, что он учитывает не только среднее значение продолжительности жизни, но и неравенство в показателе дожития. Значения этого показателя и ряда других важных демографических индикаторов для регионов Уральского федерального округа в 2018 году (факт)

и 2050 году (прогноз Международного института прикладного системного анализа [4]) представлены в табл.

Таблица

Демографические показатели регионов России и УрФО

Показатели	Численность населения	Численность населения	Численность населения без миграции	Число рождений на женщину	Индикатор человеческой жизни
Учетный период, год	2018	2050	2050	2017	2017
Российская Федерация, чел.	146880	137360	131218	1,62	67,7
Курганская область, чел.	846	488	730	1,88	65,9
Свердловская область, чел.	4325	3808	3851	1,76	66,3
ХМАО, чел.	1655	1756	1757	1,88	69,4
ЯНАО, чел.	539	578	601	1,95	68,2
Тюменская область (без НАО), чел.	1499	2118	1451	1,88	67,4
Челябинская область, чел.	3493	3159	3041	1,61	66,1

По прогнозу до 2050 года численность населения вырастет в трех регионах: в Тюменской области, а также в автономных округах ХМАО и ЯНАО. В остальных регионах УрФО численность населения может сократиться. Что касается миграционных процессов, то положительное сальдо в периоде до 2050 года по данному прогнозу имеют только Свердловская область — 214 человек и Тюменская область — 15587 человек, а по всей России миграционный прирост составит 211878 человек. Предполагаемая динамика численности населения и интенсивность миграционных процессов во многом говорят о весьма заметной социально-экономической картине в тех или иных регионах. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что применительно к регионам каждый из национальных проектов должен иметь свою специфику как в части финансирования, так и в части содержания решаемых проблем.

Если следовать этой логике, то и региональные власти в задачах анализа, принятия управленческих решений и планирования региональных национальных проектов должны выйти на уровень входящих в состав региона муниципальных образований и городских округов. При этом каждый из них, как и регионы России, имеет собственную уникальную специфику по природно-климатическим характеристикам, уровню развития экономики, демографическому состоянию, состоянию социальной сферы, а также уровню вовлеченности населения в решение конкретных проблем местного уровня. Все эти особенности, безусловно, необходимо учитывать в разработке и реализации национальных проектов регионального уровня и стратегии пространственного развития регионов.

Трансляция национальных проектов на региональный уровень, а также уровень городских округов и муниципалитетов требует выполнения анализа со-

циально-экономического состояния этих территорий. И здесь разработчики реальных проектов практически сразу же, как только выходят на уровень детальной проработки, сталкиваются с рядом серьезных, иногда трудноразрешимых проблем. Первая и, пожалуй, самая важная из них, — это качество статистики, отражающей состояние дел в муниципальных образованиях и городских округах. Структура формируемой базы статистических данных не обеспечивает необходимой полноты информации для проведения такого анализа, к тому же появление этих данных запаздывает настолько, что зачастую они теряют свою актуальность. В связи с этим следует сказать, что в теории и практике управления хорошо известен принцип: точность и качество принимаемых решений не может быть выше точности и качества используемой для этого информации об объекте управления. Ошибки в составе и объеме исходных данных неизбежно порождают ошибки в принятии управленческих решений и в планировании. Реформа основ и принципов формирования государственной статистики в России требует серьезной модификации для приведения ее в соответствие с требованиями корректного и оперативного решения управленческих задач.

Тем не менее даже в условиях ограниченного объема информации и ее проблемного качества мы должны уже сегодня искать разумные подходы в поисках реально возможной интеграции стратегии пространственного развития и национальных проектов применительно к регионам и отдельным муниципалитетам, понимая при этом, что полученные результаты и выводы не обладают необходимой полнотой и точностью. В большей мере это выработка и представление возможного подхода к решению таких сложноструктурированных задач. Именно этим вопросам и посвящено исследование, выполненное в лаборатории моделей пространственного развития Челябинского филиала РАНХиГС.

Литература

1. Бедняков А. С., Миэринь Л. А. Национальные проекты России: проблемы и решения. Известия Санкт-Петербургского ГЭУ. 2019. URL: <https://roscongress.org/materials/natsionalnye-proekty-rossii-problemy-i-resheniya/> (дата обращения: 12.03.2020).
2. История нацпроектов в России. Пресс-служба президента РФ/ТАСС, 12.02.2019. URL: <https://tass.ru>, биографии и справки 6101471 (дата обращения: 12.03.2020).
3. Ghislandi S., Sanderson W., Scherbov S. A Simple Measure of Human Development: the Human Life Indicator // Population and Development Review. 2018. DOI: 10.1111/padr.12205. URL: https://www.researchgate.net/publication/328766537_A_Simple_Measure_of_Human_Development_The_Human_Life_Indicator_The_Human_Life_Indicator (дата обращения: 12.03.2020).
4. Демографический лист России 2019. Russian Demographic Data Sheet. URL: http://populationrussia.ru/data/RussianDemographicDataSheet2019_web.pdf/ (дата обращения: 18.02.2020).
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/> (дата обращения: 06.03.2020).
6. Официальный сайт Правительства Челябинской области. Национальные проекты. URL: <https://pravmin74.ru/nacionalnye-proekty-0> (дата обращения: 21.02.2020).

Секция 3. Молодежь как драйвер социально-экономического развития территорий

УДК 316.7

**Антропов И. Д.,
Медведев И. Е.,
Каташинских В. С.**

РОЛЬ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» В ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Аннотация: в статье рассматривается понятие «третьего места», его содержание. На основе проведенного социологического исследования предлагается анализ мнений и предпочтений студентов среди «третьих мест»: культурно-досуговых учреждений, образовательных пространств и мест на открытом воздухе, а также роль «третьих мест» в формировании личности и увлечений студентов.

Ключевые слова: «третье место», студенты, досуг студентов, формирование личности, формирование социальных связей.

**Antropov I. D.,
Medvedev I. E.,
Katashinskikh V. S.**

THE ROLE OF THE “THIRD PLACE” IN THE LIFE OF STUDENTS

Abstract: the article deals with the concept of “third place” and its content. Based on the conducted sociological research, it is proposed to analyze the opinions and preferences of students among the “third places”: cultural and leisure institutions, educational spaces and places in the open air, as well as the role of “third places” in shaping the personality and hobbies of students.

Keywords: third place, student, leisure of students, personality formation, formation of social links.

За предыдущее десятилетие в России можно было наблюдать серьезные изменения в досуговой деятельности молодежи. Новые тренды возникли благодаря процессам глобализации и развитию современных компьютерных технологий. Досуговая сфера имеет большое влияние на общественное сознание, формируя в нем ценности, которые приветствуются и поощряются обществом; она имеет неограниченное количество возможностей для реализации всевозможных духовных нужд общества и каждой личности индивидуально. Одним из видов досуга среди студентов является посещение

«третьих мест» [1, с. 95–104]. Понятие «третье место» давно употребляется в научных и ненаучных кругах. Так, еще в 1982 году американский социолог Рей Ольденбург впервые изложил концепцию «третьего места» в своей книге, согласно которой «Первое место — это дом, где вы живете. Второе — где вы постоянно работаете. Крайне важны третьи места, *third place*, — городские пространства для учебы, работы и деловых встреч» [2, с. 456]. На сегодняшний день появление новых досуговых пространств способно влиять не только на общий эмоциональный облик человека, но и на его привычки, интересы, предпочтения и другие социальные факторы [3, с. 121–128]. Многие люди формируют свои социальные связи на работе или учебе, но, как правило, самые крепкие связи формируются в «третьих местах» — местах отдыха и досуга. Актуальность нашего исследования заключается в том, что в связи с повышением динамики жизни студентов, появлением новых средств коммуникаций предпочтения в посещении тех или иных «третьих мест» динамично изменяются, что влияет не только на образ жизни студентов, но и на формирование их личности. В целом, существование и развитие «третьих мест» способствует формированию социальных групп, связей, привлекает определенные интересы и взгляды тем, кто их посещает.

В современной научной литературе существует ряд исследований, касающихся «третьих мест». Среди них, например, исследование досуговых предпочтений молодых людей, проживающих в разных субъектах Российской Федерации [4, с. 18–21; 5, с. 93–98]. Авторам этого исследования удалось получить следующие результаты: досуговые предпочтения современной молодежи, несмотря на региональные особенности, имеют достаточно общие закономерности. Среди них можно назвать следующие:

- большая часть молодежи, которая не состоит в брачных отношениях, обладает достаточным количеством свободного времени для проведения досуга;
- молодые люди предпочитают находиться дома, проводя время за общением во всевозможных социальных сетях, просматривая сайты, фильмы, читая книги;
- высокий процент молодежи занимается спортом;
- на степень удовлетворенности сферой досуга влияют доступность, разнообразие и качество предоставляемых услуг [4, с. 18–21].

Объектом статьи являются студенты одного из вузов г. Екатеринбурга (Уральского федерального университета), предметом — отношение студентов к «третьим местам». Цель статьи заключается в изучении роли «третьих мест» в жизни современных студентов. В рамках изучения этой темы было проведено учебное социологическое исследование на тему «Роль «третьего места» в жизни студентов» в декабре 2019 года. Нами был проведен опрос методом онлайн-анкетирования (№ = 105) и фокус-группа. В выборку по-

пали студенты Уральского федерального университета разных направлений подготовки и курсов обучения. В ходе проведения опроса студентам было предложено рассказать, какие «третьи места» они посещают, как часто, какую часть бюджета готовы тратить, какие цели преследуют при посещении тех или иных «третьих мест», был ли у них опыт формирования новых социальных связей «в третьих местах» и к чему этот опыт привел, если он имелся. Среди «третьих мест» были выделены: культурно-досуговые учреждения, образовательные пространства, места на открытом воздухе.

Полученные нами результаты говорят о том, что чаще всего студенты посещают культурно-досуговые учреждения (48,7%), вторую и третью позицию занимают места на открытом воздухе и образовательные пространства (34,2% и 17,1% соответственно). Полученные в ходе опроса результаты подтверждаются данными фокус-группы. Респонденты отмечали, что культурно-досуговые учреждения имеют наибольшую популярность: *«Мое любимое место, которое я посещаю раз в неделю, — это различные кафе, рестораны, иногда в кофейню могу прийти одна, там поработать, с кем-то по телефону пообщаться»* (жен., 20 л.). Кроме этого, мы изучали готовность респондентов тратить некую часть своего бюджета для посещения «третьих мест» (культурно-досуговых учреждений, образовательных пространств и мест на открытом воздухе). Говоря о необходимости тратить деньги на культурно-досуговые учреждения, большая часть опрошенных указала, что это зависит от того, насколько им интересно мероприятие и какова его цена. Около четверти опрошенных готовы тратить половину или меньшую часть своего бюджета (27,6% и 23,8% соответственно) на культурно-досуговые учреждения. Если говорить о местах на открытом воздухе и образовательных пространствах, респонденты не готовы тратить свои средства на посещение этих «третьих мест». Вместе с тем большая часть опрошенных (56,2%), уверена, что материальное положение оказывает существенное влияние на выбор и предпочтения «третьих мест». Полученные в ходе опроса результаты подтверждаются данными фокус-группы. Респонденты отмечали, что не готовы платить, например, за образовательные пространства, *«потому что все, что есть в библиотеке, это есть все в Интернете. А на коворкинг, например, я не хочу тратить время. Надо куда-то идти и сидеть там, а ведь я могу это сделать дома»* (жен., 20 г.).

В рамках нашего исследования была рассмотрена готовность респондентов заводить новые социальные связи в «третьих местах». Культурно-досуговые места являются самыми популярными пространствами для формирования новых социальных связей. Респонденты указывают в качестве одной из причин посещения таких мест знакомства (13,5% опрошенных). Образовательные пространства и места на открытом воздухе не несут в себе такой функции по своему определению, так как являются более специализирован-

ными пространствами и имеют образовательные или, например, спортивные цели. Готовность заводить новые социальные связи в культурно-досуговых пространствах подтверждается данными фокус-группы: *«Очень часто, практически раз в два дня, с кем-то новым приходится знакомиться, встречаться, контактировать...» (муж., 20 г.)*.

Одной из задач нашего исследования было изучение роли «третьих мест» в формировании личности человека, его интересов и привычек. По мнению респондентов, «третьи места» позволяют реализовать идеи и стремления, которые бы они не могли осуществить в других пространствах (32,4%), а также являются пространствами для формирования новых социальных связей (27%). В большей степени это связано с отсутствием формализма в посещении «третьих мест» и возможности свободы выбора для их посетителей. Участники фокус-группы сообщали нам, что *«в формировании личности человека, его интересов и привычек «третьи места» играют одну из первых ролей, потому что мы в этих местах встречаемся, знакомимся с какими-то интересными людьми, от которых мы перенимаем какие-либо привычки, идеи, и мне это даже нравится...» (жен., 20 л.)*.

В ходе нашего исследования мы выявили также, что образовательные «третьи места» менее привлекательны для студентов, и, как правило, служат для поиска специализированной информации. Большой приоритет у студентов имеют развлекательные пространства, при этом оплата таких мест происходит по факту предоставления услуги, а не посещения. Сами студенты приобретают социальные связи в таких местах осторожно, и, в основном, предпочитают их для развлечения в своей компании. «Третьи места» являются местом для реализации идей и стремлений студентов, а также могут служить мостом для формирования социальных связей.

Литература

1. Недосека Е. В. Исследование социокультурной организации досугового пространства города в сфере культуры и искусства (на примере г. Мурманска) // «Проблемы развития территории», 2014. № 2 (70). С. 95–104.
2. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 456 с.
3. Щепеткова И. О. Досуг как научная категория: разнообразие подходов к изучению // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С. 121–128.
4. Бочарникова И. С. Досуговые предпочтения современной Российской молодежи: сравнительный социологический анализ // «Теория и практика общественного развития». 2018. № 1. С. 18–21.
5. Кряжева М. Ф., Шакирова Э. С. Библиотека как «третье место»: реализация концепции // «Библиосфера», 2019. № 3. С. 93–98.

УДК 811.161 (474.2)

**Шайхисламов Р. Б.,
Асадуллина Г. Р.,
Садретдинова Э. В.**

РОЛЬ СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: в работе отражены результаты анализа глубинных интервью, представляющих разные этнические группы и поколения Республики Башкортостан. Исследование нацелено на выявление особенностей конструирования концепта «родной язык» и позиций по различным аспектам проблемы сохранения и развития языков народов республики.

Ключевые слова: молодежь, родной язык, этническая идентичность.

**Shaikhislamov R. B.,
Asadullina G. R.,
Sadretdinova, E. V.**

THE ROLE OF PRESERVING THE NATIVE LANGUAGE AS A SYMBOL IN SHAPING THE IDENTITY OF YOUNG PEOPLE

Abstract: the paper presents the results of the analysis of in-depth interviews representing different ethnic groups and generations of the Republic of Bashkortostan. The study was aimed at identifying the features of the construction of the concept of “native language” and positions on various aspects of the problem of preserving and developing the languages of the peoples of the Republic.

Keywords: youth, native language, ethnic identity.

Одним из значимых оснований процессов формирования идентичности является язык. Именно язык, будучи носителем и транслятором культуры и истории каждого народа, выступает важнейшим инструментом социализации индивида. Язык является одним из этнических маркеров, и именно он дает возможность идентифицировать себя индивиду с той или иной этнической общностью. В современный период сохранение национальных языков является нелегкой задачей. С одной стороны, это влияние процессов глобализации, формирование полиэтничного общества, с другой — стремление руководства страны сформировать у населения определенную гражданскую идентичность. [1, с. 46]. Родной язык как фактор воздействия на формирование идентичности молодежи «утверждает» себя в процессе функционирования в общественной жизни, в котором можно выделить две стороны: этническую и социальную.

Социальная сторона будет характеризоваться усилиями языка по приобщению этноса и его представителей к общественной жизни. Язык есть сред-

ство общения, овладев им человек «входит» в общество. Значение родного языка в жизни человека куда более глубокое и важное. Он является носителем культуры, менталитета, традиций и истории каждого народа. Для того чтобы язык национальности стал родным, необходимы постоянные языковые практики и соответствующее языковое окружение. В ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, что родной язык — это язык определенной национальности, даже если и родители, и сам человек не в полной мере владеют этим языком. Насколько верно такое представление и всегда ли верно? С этим мнением согласились не все, утверждая, что: «если человек относит себя к татарской национальности, но он рос в башкирской среде, разговаривал на башкирском языке, в школе или в селе этот язык использовали, и в этом случае он может своим родным язык считать уже башкирский», (Гульназира, 25 лет); «я считаю, что родным языком будет тот язык, которым человек владеет, разговаривает. А не язык национальности. Считаю это представление неверным, (Гульсия, 20 лет); «я думаю, такое представление не совсем верно, так как если родители не владеют языком, даже если он является их родным, то фактически они не смогут передать ребенку любовь к этому языку. Фактически сами родители не являются носителями родного языка. Значимость и ценность языка теряется для этого ребенка» (Диля 28 лет).

Этническая сторона будет выражаться в действиях, обеспечивающих рост этнической консолидации. Язык есть важный элемент и основное средство расширения и углубления национального самосознания, культуры, утверждения самобытности. Тем самым он выступает укрепляющим фактором целостности этноса как субъекта межнациональных отношений, т. е. тех качеств, от которых зависит способность этноса сохранять и развивать свои особенности, национальную самобытность при взаимодействии с другими, зачастую превосходящими его по численности.

В исследовании респонденты отмечали, что знание родного языка является главным фактором определения этнической идентичности. Но в то же время некоторые респонденты говорили о том, что в течение жизни языковое окружение может неоднократно меняться, а ты сам в процессе адаптации и аккультурации можешь начать думать на другом языке, но это автоматически не меняет ни твоей этнической идентичности, ни твоих представлений о родном языке: *«Для меня родной язык — это татарский, то есть язык моей национальности. Когда я попала в Китай, со временем, через пару месяцев, у меня в голове... я просто думала не на русском, а вот или на английском, или на смеси английского с китайским. Я же не стала от этого англичанкой. То есть я считаю, что родной язык — это не тот, на котором ты думаешь, а тот, к которому ты себя относишь. Ты можешь переехать в Германию и начнешь думать на немецком, но это же не сделает из тебя немку. Если ты потом не будешь себя относить, тогда уже да. Но тут же главное не то как ты думаешь, а к кому*

ты себя относишь» (Гульнур); «знание или незнание языка не является фактором, хоть как-то определяющим человека к какой-то национальности. Если я не знаю башкирского языка, то я не перестану быть башкиром» (Рустем, 27 лет); «я плохо разговариваю на башкирском языке, но не перестану быть башкиркой. На работе, во время учебы и повседневности общаюсь на русском языке. Нет необходимости знать башкирский язык, хотя его считаю родным языком» (Диля 28 лет).

Сегодня много семей, в которых супруги — люди разных национальностей, с разными родными языками. Естественно, в таких браках рождаются дети, и в семье возникает проблема: речь которого из родителей будет «роднее» для малышей? Для анализа языковых установок в многонациональных семьях респондентам было предложено выразить свое мнение о том, каких позиций должна придерживаться межнациональная семья в вопросах языкового воспитания детей. Многие из них отметили, что *«каждый выбирает себе сам родной язык независимо от того, родители какой национальности» (Алина 20 лет); «ребенок сам выберет тот язык, который ему больше нравится... здесь решает и окружающая среда, в которой растет ребенок. В каком государстве они живут, на каком языке больше времени родители разговаривают — тот язык станет родным для ребенка» (Гульназира 25 лет); «должен быть родным язык отца» (Фанис 32 года).* Некоторые отметили, что, как правило, в таких межнациональных семьях русский язык становится основным для всех членов семьи. Родившиеся дети в большинстве своем утрачивают родные языки своих родителей, либо знают их на низком уровне *«как альтернативный вариант, лучше выбрать вот родным языком русский, например. Если родители там, например, отец — армянин, а мама — башкирка. Ребенок же не сможет знать и армянский, и башкирский языки. Лучше выбрать альтернативу, и родной язык у него — русский» (Руслан, 27 лет).*

Многонациональная семья зачастую применяет практики социализации ребенка на русском языке даже в тех случаях, когда оба супруга не являются русскими. Уровень владения родителями своим родным языком становится одним из главных факторов проблемы сохранения родных языков. Родной язык во многих семьях приобретает чисто бытовые функции и перестает функционировать в общении на профессиональные, общественно-политические и иные деловые темы. В отдельных нерусских семьях (преимущественно, в городах) родители занимают негативную позицию или проявляют равнодушие в отношении изучения их детьми нерусского языка. В этом плане функция семьи — трансляция языкового богатства народа — становится весьма ограниченной, неполноценной [2, с. 81].

В современном мире закладывается традиция многокультурности общества. Этносам все труднее сохранить свою этническую самобытность, передать последующим поколениям традиции, язык и культуру их предков. Со-

вместная жизнедеятельность представителей разных этносов в полиэтничной общности предполагает использование одного общего языка. И такой язык устанавливается как бы путем естественного отбора — языка этноса, превосходящего по численности другие. Он перерастает границы «своего» этноса, становится языком всей полиэтничной общности. Тем самым в полиэтнической среде происходит позиционирование языков по отношению к практической жизни, сопровождающееся возникновением неравенства между ними по условиям и возможностям функционирования и развития: тот язык, который находится в непосредственном контакте с жизненными процессами, под влиянием последних будет сохраняться и развиваться, а те, которые ограничены или совсем лишены доступа к этим процессам, обречены на увядание или исчезновение [3, с. 26].

В последнее время со стороны государства большее внимание фокусируется на формировании гражданской идентичности, где-то меры, направленные на сохранение национальной, этнической идентичности, отодвигаются на второй план. Проблема сохранения языков так называемых малых народов по мере углубления процессов полиэтнизации будет лишь углубляться. Будем надеяться, что возникающие при этом задачи будут успешно преодолены, ведь в Стратегии государственной политики РФ первым в числе основных вопросов, на решение которых направлено внимание государственных и муниципальных органов, называется сохранение и развитие культур и языков народов РФ, укрепление их духовной общности.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-411-020007\19.

Литература

1. Зеленева Г. С. Марийский язык как фактор сохранения этнической идентичности марийского народа в условиях глобализации // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Марийский государственный университет ; [сост. Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева]. Йошкар-Ола. 2019. С. 46–49.
2. Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Родной язык и отношение к культуре // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. № 3. С. 74–84.
3. Асадуллина Г. Р., Ирнарзов Р. И. Этнические возможности сохранения национальных языков в полиэтнической среде // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному Году языков коренных народов (г. Уфа, 26 апреля 2019 г.). Уфа : РИЦ БашГУ. 2019. С. 25–29.

УДК 316.74:378.6

**Боронина Л. Н.,
Баласов А. А.**

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация: уровень инновационной активности российских предприятий остается крайне невысоким несмотря на задачи, которые ставит перед ними промышленная революция «Индустрия 4.0». Переход от сырьевой экономики к инновационной связан прежде всего с развитием кадрового потенциала. В связи с этим молодежь является одним из главных ресурсов этого перехода. В статье описаны разработанные по итогам эмпирического исследования четыре концепта инновационного потенциала, интерпретированные в четырех соответствующих моделях: резервной, интенциональной, ресурсной и актуализированной.

Ключевые слова: работающая молодежь, регион, инновационный потенциал.

**Boronina L. N.,
Balasov A. A.**

INNOVATIVE POTENTIAL OF WORKING YOUTH OF THE INDUSTRIAL REGIONS OF RUSSIA

Abstract: innovative activity of Russian enterprises remains extremely low despite the challenges posed by the industrial revolution “Industry 4.0”. A transition from a raw material economy to an innovative one is primarily related to the development of human resources. In this regard, young people are one of the main resources of this transition. The article describes four concepts of innovative potential developed based on the results of an empirical study, interpreted in four corresponding models — reserve, intentional, resource, and actualized.

Keywords: working youth, region, innovation potential.

Изучение инновационной активности территории в современной научной литературе зачастую направлено на выявление трендов экономического развития и оценку комплекса экономических показателей, что является основой для междисциплинарных исследований, обращающих свое внимание на инновационную деятельность организаций и ее аспекты: инновационный климат, технологии управления инновациями, классификацию инновационных процессов. В стороне от изучения ученых нередко остается социологическое исследование социологического познания инновационной проблематики в контексте его собственного предметного поля. Вместе с тем любые технические и технологические инновации укорены в социальной структуре [1], конкретной институциональной и индустриальной среде [2]. Инновационная деятельность является совместной, коллективной деятельностью.

В социологии освоение полисубъектной и полиобъектной целостности инновационной проблематики может и должно осуществляться на полипарадигмальной основе — средовом (территориальном, отраслевом), субъектном (общностном/стратификационным) подходах. Исследование габитусов различных социальных общностей в качестве диспозиций по отношению к инновациям позволяет выявить инновационные практики этих агентов, которые формируют инновационный потенциал региона. Исходной в разработке общностного подхода к инновационному потенциалу молодежи является идея К. Манхейма о молодежи как скрытом ресурсе: «молодежь — это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность» [3, с. 443]. Идея «скрытого ресурса» отражает диалектику субъект-объектных оснований во взаимодействии общества и молодежи. С одной стороны, молодежь выступает как объект актуальных инвестиций в ее ресурс. Решая актуальные, сегодняшние проблемы молодежи, общество тем самым закладывает фундамент своего последующего развития. С другой стороны, идея «скрытого ресурса» ставит серьезные задачи и перед самым молодым человеком (ведь его ресурс зачастую бывает скрыт и от него самого), и перед социологами (ведь только глубокий научный анализ может «открыть» ресурсы молодежи для социума, и на этой основе определить наиболее оптимальные пути их «мобилизации»).

Общностные компоненты характеризуют общие особенности инновационного потенциала работающей молодежи и специфику различных отрядов работающей молодежи, способных стать агентами инновационного процесса. В основу концептуального уровня было положено понимание потенциала в его различных значениях: потенциал как «резерв», «ресурс», «готовность», «реализованная возможность/способность». По результатам эмпирического исследования четыре концепта инновационного потенциала интерпретировались в четырех соответствующих моделях — резервной, интенциональной, ресурсной и актуализированной [4, с. 83]. Каждая модель наполняется своими эмпирическими индикаторами.

1. *Интенциональная модель* отражает стремление молодежи, ее направленность на творческую деятельность, готовность к внедрению новшеств.

Интенциональная модель инновационного потенциала верифицировалась через ценностные основания жизненных стратегий и планов работающей молодежи; наличие необходимых для инновационной деятельности личностных качеств, определяющих способность к инновациям.

2. *Резервная модель* отражает инновационную открытость, восприимчивость субъекта, верифицируемую через интерес молодежи к инновационным процессам.

Инновационная восприимчивость и открытость респондентов выявлялась посредством четырех темпоральных индикаторов:

- выбор перспективной модели общественного развития;
- социальные ожидания на ближайшие пять лет, связанные с переходом российской экономики от сырьевой модели к развитию инноваций и наукоемких отраслей;
- оценка актуальных мер государственной поддержки инноваций;
- интерес работающей молодежи к научным открытиям и изобретениям.

3. Ресурсная модель характеризует реальные возможности работающей молодежи участвовать в инновационной деятельности.

В экономической теории и практике управления резервы и ресурсы имеют разное значение. Резервы характеризуют возможности, не используемые в настоящем времени, но принимаемые в расчет в будущем. Ресурсы же представляют собой условия и средства, характеризующие актуальные возможности предприятия по ведению деятельности и определяемые в конкретных единицах измерения.

4. Актуализированная/достигнутая модель определяет уровень и формы инновационной активности через различные поведенческие модели (повседневная/бытовая и/или профессиональная инновационная активность).

Ее индикаторы: наличие инновационных разработок; сфера приложения творческих идей; формы инновационной активности; факторы, влияющие на успешность реализации инновационных проектов молодежи.

Эмпирическое исследование проводилось в форме анкетирования молодых работников ($N = 1050$), занятых на промышленных предприятиях шести регионов России (Республика Башкортостан, Калужская область, Свердловская область, Красноярский край Пермский край, Волгоградская область). Опрос зафиксировал высокий уровень интенциональных, резервных и ресурсных характеристик инновационного потенциала работающей молодежи. Значительная ее часть проявляет активный интерес к инновационной сфере, обладает креативным и нестандартным мышлением, в силу своей профессиональной деятельности готова к инновационной деятельности. Наиболее активные агенты инновационного развития — молодые специалисты и управленцы.

Существующий разрыв между субъективными (внутренними) и объективными (внешними, институциональными) характеристиками инновационного потенциала обусловлен отсутствием необходимых условий на региональных предприятиях стимулировать готовность и способность молодежи к инновациям. Только 3% авторизуют свои идеи (получают патенты на изобретения). Лишь небольшая часть работающей молодежи на региональных предприятиях привлекается к обоснованию инновационных проектов и их продвижению.

В российской социологии проблема инновационной активности и инновационного потенциала работающей молодежи практически не представлена. Вместе с тем исследование ее инновационной активности и инновационного потенциала может выступить весьма перспективным направлением

исследований социальных факторов развития инновационной экономики в российском обществе.

1. Предложенный исследовательской группой ресурсный подход позволяет не только выявить самооценку работающей молодежи своего инновационного потенциала, его практическое, реальное применение, но и выявить институциональные и корпоративные факторы и риски его развития.

2. Результаты исследования наглядно доказали, что в исследуемых регионах молодое поколение обладает довольно широким инновационным потенциалом — набором свойств, характеристик, способностей, которые помогают воспринимать и разрабатывать новшества, чувствовать их необходимость, быть готовым к освоению новаций в технике, технологии и менеджменте. Однако инновационный потенциал молодежи при определенных условиях может быть успешно использован, реализован, а может и остаться невостребованным.

3. Действительно, пока фактическая реализация идей и проектов молодежи невысока. Исследованием установлено, что для молодежи более характерна деятельность, связанная с освоением и внедрением уже готовых инноваций, повышением своего образовательного или профессионально-квалификационного уровня, нежели деятельность по разработке и представлению своих идей и проектов. В частности, мы зафиксировали низкую активность молодых работников в разработке и представлении своих творческих профессиональных и бизнес-проектов, а также незначительное участие в изобретательской и рационализаторской деятельности, в конкурсах на получение грантов и стипендий.

4. Реализация инновационного потенциала молодых работников наталкивается на серьезные мотивационные и институциональные препятствия. Согласно их оценкам, существует немало барьеров, препятствующих выдвижению и воплощению креативных идей и разработок молодежи: незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, отсутствие или недостаток государственных программ поддержки молодежных проектов, отсутствие системы стимулирования на предприятиях за разработку инноваций и другие.

5. В связи с этим мы предлагаем разрабатывать и внедрять региональные программы по поддержке государством и бизнесом молодежных инновационных проектов в сферах индустриального производства и ИТ с правом предоставления на конкурсной основе финансовой, правовой, организационной, информационной поддержки.

6. Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с расширением его объекта, охватом различных категорий молодежи — молодых предпринимателей, творческой и научной молодежи с соответствующим уточнением исследовательского инструментария.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № РК 18-011-00907 А «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала».

Литература

1. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология 2002. № 3.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Прогресс-Традиция. 2000. 384 с.
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени; [отв. ред. и сост. Я. М. Бергер]. М. : Юрист. 1994. 700 с.
4. Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал: монография / [под общ. ред. Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова]. Екатеринбург : Изда-во Урал. ун-та, 2018. 215 с.

УДК 378.14 (571.122)

**Власова О. В.,
Казакова Е. Ф.**

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования академической мобильности обучающихся в Уральском федеральном округе. Рассмотрены факторы, препятствующие эффективному развитию процесса академической мобильности в Уральском федеральном округе.

Ключевые слова: академическая мобильность, студенчество, макрорегион.

**Vlasova O. V.,
Kazakova E. F.**

ACADEMIC MOBILITY IN PRESENTING THE OPINIONS OF STUDENTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract: the article presents the results of the empirical study of academic mobility of students in the Urals Federal District. The factors hindering the effective development of the process of academic mobility in the Urals Federal District are considered.

Keywords: academic mobility, students, macroregion.

Академическая мобильность — это возможность для студентов, преподавателей, административно-управленческого персонала вузов «перемещаться» из одного вуза в другой с целью обмена опытом; получения возможностей,

© Власова О. В., Казакова Е. Ф., 2020

недоступных на базе собственного вуза; преодоления национальной замкнутости и приобретения общеевропейской перспективы. Согласно рекомендациям Болонской декларации, каждому студенту желательно проводить семестр в другом вузе, предпочтительно зарубежном. Значение такого рода контактов и обменов трудно переоценить, особенно в условиях малой доступности современной литературы, нередко — ограниченности и устарелости лабораторной базы, как это имеет место во многих вузах России. В настоящее время и внешняя, и внутренняя мобильности достаточно ограничены. Причин для этого может быть достаточно количество — начиная от психологической неподготовленности студентов и преподавателей, заканчивая незаинтересованностью государства в развитии механизмов академической мобильности как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому, несмотря на многие достоинства внедрения и развития этого процесса, есть и множество препятствий для его достижения. Определение и теоретическое обоснование этих препятствий, описание текущей ситуации в работе механизмов академической мобильности в рамках Уральского федерального округа является основополагающей целью нашего исследования. Этот федеральный округ является одним из крупнейших в Российской Федерации, в котором находится достаточно высших учебных заведений, способных к реализации исследуемого процесса [1].

Для анализа академической мобильности в Уральском федеральном округе было проведено социологическое исследование в период с 2017 по 2019 гг. — «Академическая мобильность в макрорегионе: социологический анализ (на примере эмпирических исследований в УрФО)». Исходя из полученных результатов, отмечаем, что принимают участие в академической мобильности в настоящий момент только 3,6% из числа всех опрошенных. Подавляющее большинство студентов вузов Уральского федерального округа не участвуют в реализации академической мобильности. Тем не менее у большинства опрошенных (61,7%) есть желание отправиться в другой филиал своего вуза или в другой вуз в рамках академической мобильности.

В это же время, отсутствие действующей системы реализации механизмов академической мобильности также может иметь следующее последствие: низкая заинтересованность студентов в исследовании опыта их образовательной организации. Около половины опрошенных заявили, что не интересовались, имеется ли опыт академической мобильности в их вузе (46,1%), а 16,2% студентов твердо уверены, что такого опыта не было. Такой результат является следствием того, что информационные пространства университетов (а именно официальные сайты) практически не освещают свою деятельность в этой сфере. Так как студенты не осведомлены о возможности участия в академической мобильности в рамках своей образовательной организации, у них может отсутствовать мотивация к самостоятельному поиску информации об этом процессе:

Опыт академической мобильности обучающихся в образовательных организациях в УРФО	Студенты Уральского федерального округа, (в % от числа опрошенных)
Да, есть большой опыт	9
Да, но есть всего лишь несколько примеров	22,2
Нет, такого не было	16,2
Не знаю, я не интересовался (лась) этим	46,1
Затрудняюсь ответить	6,6
ИТОГО	100

Студенты проявляют интерес к различным возможностям академической мобильности, большинство (72,5 % из числа опрошенных) интересуется изучение дисциплин в другом академическом пространстве и особенности организации процесса обучения других студентов в целом. Нами были изучены основные причины, по которым студентам хотелось бы принять участие в академической мобильности. Наиболее привлекательным для них является возможность увидеть другой город, что может быть связано с низким уровнем мобильности в рамках нашей большой страны в целом. В то же время меньшее количество респондентов стремится «попробовать себя» в иных образовательных условиях, понять свои сильные и слабые стороны. Кроме этого, наиболее популярными причинами является изучение дисциплин, которые невозможно изучить в собственном вузе, и получение опыта взаимодействия с большим количеством студентов и преподавателей — оба эти варианта также подтверждают, что студенты заинтересованы в развитии как своих твердых навыков (получение профессиональных навыков), так и гибких (возможность новых социальных взаимодействий):

Причины для участия в академической мобильности студентов образовательных организаций Уральского федерального округа	Студенты Уральского федерального округа (в % от числа опрошенных)
Возможность увидеть другой город	25,7
Возможность познакомиться с новыми людьми	10,8
Возможность попробовать свои навыки и компетенции в новой академической среде	18,6
Возможность поработать с кандидатами и докторами наук на другом уровне	8,4
Возможность изучить дисциплины, которые я не могу изучить в своем вузе	16,8
Получить опыт взаимодействия с большим количеством студентов/преподавателей	16,7
Все вышеперечисленное	2,4
Ничего не привлекает	0,6
ИТОГО	100

Наряду с причинами, по которым студентам интересно участие в академической мобильности, мы изучили причины, по которым им бы не хотелось становиться субъектами этого процесса. Во-первых, студенты отмечают наличие больших финансовых затрат, которые могут возникнуть в процессе их участия в академической мобильности. Эта причина, на наш взгляд, может быть менее острой при информировании студентов об академической мобильности, в частности о большом количестве проектов, предоставляющих грантовую поддержку. Во-вторых, респонденты отмечают, что большая нагрузка в рамках академических дисциплин становится для них препятствием к академической мобильности. Но мы обращаем внимание на то, что исследуемый процесс подразумевает, что студенты могут обучаться в других вузах, тем самым продолжая свою образовательную деятельность, а не прерывая ее в своем вузе. Помимо этого, респонденты отмечают наличие особых семейных обстоятельств, из-за которых они могут отказаться принять участие в академической мобильности.

Среди опрошенных студентов 40,1% респондентов считают, что они не готовы понести финансовые затраты, которые могут возникнуть при их включении в процесс академической мобильности. Однако, по нашему мнению, получение гранта в рамках действующих проектов по привлечению студентов к академической мобильности может поменять мнение обучающихся об этой стороне вопроса. Но для этого им необходимо изучить информацию о таких проектах, и в целом быть осведомленными о возможности реализации изучаемого процесса в рамках своей образовательной организации.

Для участия в процессе внешней академической мобильности акторы должны владеть иностранным языком, для того чтобы эффективно взаимодействовать с зарубежными студентами и научно-педагогическими сотрудниками. Результаты нашего исследования позволяют заключить, что большинство респондентов владеет английским языком на базовом уровне. В этой ситуации велика вероятность возникновения «языкового барьера» при необходимости ежедневного восприятия новой информации, когда субъект процесса академической мобильности изучает дисциплины в зарубежных вузах и взаимодействует с обучающимися и преподавателями. Ответы респондентов относительно готовности вуза к реализации академической мобильности позволяют нам заключить, что образовательные организации не уделяют достаточно внимания этому вопросу. Мы делаем такой вывод исходя из того, что большинство студентов при ответе на вопрос о нормативной базе вуза в рамках реализации механизмов академической мобильности, осуществлении финансирования этого направления и наличии вузов-партнеров, с которыми может происходить успешный обмен студентами и преподавателями, отмечают отсутствие разработанности направления или его недостаточный уровень.

Мы изучили мнения студентов о причинах, которые могут препятствовать развитию академической мобильности в российских вузах в целом. Наиболее значимой проблемой, по мнению студентов, является отсутствие вузов-партнеров, с которыми возможно производить обмен. Однако только в Уральском Федеральном округе 57 образовательных организаций, которые потенциально могут принять студентов в рамках академической мобильности, не говоря о других областях нашей страны. Кроме этого, респонденты считают, что в настоящее время наблюдается отсутствие системы организации академической мобильности не только на уровне образовательных организаций, но и на муниципальном, региональном и государственном уровнях: академическая мобильность как необходимый элемент развития образовательной среды встречается в национальных проектах, таких как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.», которые обычно не изучаются студентами без особой необходимости. Наименее проблематичным опрошенные считают неготовность студентов, что подтверждается результатами самооценки, студенты высоко оценивают свою мобильность повсеместно.

Результаты социологического исследования проблем академической мобильности в Уральском федеральном округе позволяют заключить, что большинство респондентов знает об академической мобильности, и им интересно участие в процессе ее реализации. Однако подавляющее большинство опрошенных не принимает участия в академической мобильности по многим причинам, которые являются следствием отсутствия информации об этом процессе как внутри образовательной организации, так и на муниципальном, региональном и государственном уровнях. Большая часть респондентов считает, что на текущий момент в их образовательной организации не разработана нормативно-правовая база для реализации академической мобильности.

Литература

1. Зборовский Г. Е. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. 336 с.
2. Зборовский Г. Е., Власова О. В. Сетевое взаимодействие вузов в Уральском федеральном округе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 162. № 23 (2). С. 130–140.
3. Певная М. В., Калинина А. Н. Академическая мобильность как объект исследований в контексте понимания нелинейности высшего образования в России // Вестник СурГПУ. 2016. № 2. С. 75.

УДК 316.346.32-053.6

**Грошева И. А.,
Грошев И. Л.,
Грошева Л. И.**

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ

Аннотация: в статье авторы анализируют объективные и субъективные факторы бизнес-среды, оказывающие влияние на развитие молодежного предпринимательства. На основе данных проектов *Global Entrepreneurship Monitor (GEM)*, *Doing Business*, а также результатов эмпирических исследований (в том числе и авторских), рассмотрен предпринимательский потенциал молодежи, сформулированы ключевые требования к государственной поддержке молодежного бизнеса.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, молодежный бизнес, поддержка предпринимательства, бизнес-среда.

**Grosheva I. A.,
Groshev I. L.,
Grosheva L. I.**

RUSSIAN YOUTH UNDER UNSTABLE BUSINESS ENVIRONMENT

Abstract: in the article, the authors analyze the objective and subjective factors of the business environment that affect the development of youth entrepreneurship. Based on the data of the *Global Entrepreneurship Monitor (GEM)*, *Doing Business* projects, as well as the results of empirical studies (including copyright ones), the entrepreneurial potential of young people is considered, and key requirements for state support of youth business are formulated.

Keywords: youth, entrepreneurship, youth business, entrepreneurship support, business environment.

В условиях модернизации российской экономики и переориентации с материального производства на информационную среду возникает потребность в специалистах нового типа, способных работать с новейшими технологиями в быстро изменяющихся внешних условиях. Инновационная среда таит в себе новые вызовы и риски, и в этом отношении молодежная предпринимательская активность обладает потенциалом повышения уровня инновационности экономики любой страны. Современную молодежь все чаще называют драйвером социально-экономического развития России. Вовлечение молодежи в бизнес-процессы, безусловно, должно оказать позитивное влияние на социальное самочувствие представителей молодого поколения (гарантии самореализации, занятости и др.), однако они не спешат открывать собственное дело.

Тенденции развития молодежного сегмента определяются существующими в России условиями для ведения бизнеса. Решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и на-

---

© Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И., 2020

циональным проектам 24 декабря 2018 года утвержден паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В ходе реализации проекта до 31 декабря 2024 года планируется увеличение количества занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП), индивидуальных предпринимателей с 19,2 (базовое значение) до 25 млн человек, а доля МСП в объеме внутреннего валового продукта должна вырасти до 32,5% [1]. Трудность оценки перспектив развития молодежного бизнеса заключается в том, что он не выделен в отдельную категорию в национальном проекте, по этой причине не представляется возможным проанализировать мероприятия, направленные на поддержку молодых предпринимателей. Тем не менее, отдельные шаги, предпринятые с целью облегчения правил ведения бизнеса, были отмечены на международном уровне. Например, согласно данным Всемирного Банка *Doing Business 2020*, в России заметно улучшился бизнес-климат, приняты меры по изменению правил ведения бизнеса, а именно: упрощен процесс открытия бизнеса, расширен доступ к кредитам, облегчено административное бремя налогов для фирм, упрощена регистрация передачи собственности, уплата налогов для компаний стала менее затратной за счет снижения ставки корпоративного подоходного налога и др. Из 190 стран, представленных в экономическом рейтинге *Doing Business*, Россия по показателю «Легкость ведения бизнеса» оказалась на 28-м месте (улучшение позиций на три пункта по сравнению с 2018 г.) [2]. Целевым показателем является вхождение страны к 2024 году в двадцатку лучших. Однако стоит напомнить, что, согласно майским Указам Президента в 2012 г., Россия в рейтинге *Doing Business* еще в 2018 г. должна была оказаться на 20-м месте, в реальности — на 31-м. Среди причин отставания аналитики различных компаний («Финам», «БКС Капитал» и др.) называли не только санкции, но и высокую налоговую нагрузку на вновь созданный бизнес, бюрократические препятствия [3]. Следует добавить, что ускорение процедуры получения разрешения на строительство или подключение электричества (подобные пункты рассматриваются в ходе оценки деловой среды) не связано со степенью защиты права собственности, что напрямую влияет на рост объема инвестиций.

Имеют определенное значение и субъективные факторы. Требования к навыкам и компетенциям предпринимателя ежегодно повышаются, в особенности под влиянием цифровизации, и сохранение единого уровня самооценки представителей бизнеса могло бы стать хорошим показателем наличия образовательных инициатив. Однако по данному показателю Россия в 2018 году заняла 47-е место (из 49). Открытию своего дела многим мешает страх провала (40,1%). По результатам проекта *GEM* значение уровня предпринимательских намерений (5,0%) было одним из самых низких среди 49 стран — участниц проекта [4].

Представляет интерес предпринимательский потенциал молодежи в контексте оценок объектно-субъектных факторов осуществления бизнес-деятельности. По итогам социологического исследования «Молодежь и бизнес: отношение к предпринимательству и развитие молодежного предпринимательства в Хабаровском крае» ($N = 700$, 2017) оказалось, что процент молодежи, планирующей открыть свой бизнес, значительно превысил процент тех, кто его уже открыл. Однако доводят дело до регистрации бизнеса не более 15 % желающих. Включению молодежи в предпринимательство препятствует, по мнению молодых людей, отсутствие стартового капитала (48 %), отсутствие бизнес-плана при наличии идеи (25,7 %), недостаточно информации о программах поддержки предпринимателей (17,5 %). Сдерживающими факторами признаны: нехватка образования (10,6 %), отсутствие команды единомышленников и экономическая ситуация в стране (13,5 %) [5, с. 173]. С целью выявления установок молодежи на занятие бизнес-деятельностью авторы статьи провели опрос студенческой молодежи г. Тюмени ($N = 234$ человека (мужчины — 51,8 %, женщины — 48, 2 %), 2018). Отбор респондентов осуществлялся при помощи направленной (целевой) выборки. В качестве целевой группы выступили 1) студенты, у которых среди родственников или знакомых были люди, имевшие (имеющие) опыт ведения бизнеса; 2) студенты, имеющие (имевшие) опыт ведения бизнеса. В ходе проведения опроса был использован метод «снежного кома». В опросе приняли обучающиеся со второго по четвертый курсы ведущих высших учебных заведений г. Тюмени гуманитарных и технических направлений обучения.

В итоге оказалось, что главным мотивом открытия своего дела является стремление работать на себя. В табл. приведены статистически значимые данные, полученные в ходе исследования (более 10 %).

Таблица

Мотивация к бизнес-деятельности, %

Мотивы открытия собственного дела	Значение в целом	мужчины	женщины
Отсутствие подходящих рабочих мест на рынке труда	22,3	21,2	21,6
Отсутствие возможностей для карьерного роста	10,0	11,8	10,8
Желание работать на себя	86,9	77,6	83,2
Желание реализовать актуальную бизнес-идею	43,1	36,5	41,9
Стремление к выполнению руководящих функций	21,5	29,4	19,8
Желание получить быстрый наглядный результат своего труда	24,6	20,0	26,3
Желание попробовать что-то новое	15,4	15,3	12,6

Примечание: в вопросе можно было выбрать более одного варианта ответа.

Значительная разница между стремлением работать на себя и желанием реализовать актуальную бизнес-идею объясняется потребностью молодых людей в публичной самореализации, формирующей определенную модель эгоцентризма, в которой личные потребности, цели и желания имеют приоритет над общественной значимостью такого рода деятельности. При этом материальные трудности респондентов не волновали (9,2%). В отличие от преобладающего мнения о трудностях открытия бизнеса в связи с недостатком денежных средств, оказалось, что молодежь в качестве главных препятствий видит недостаточный жизненный опыт (38,9%), нежелание брать на себя ответственность (33,7%), недостаточный уровень государственной поддержки (29%) и нежелание прилагать усилия в течение длительного времени (28%). Только каждый пятый отметил недоступность кредитов, но в то же время каждый четвертый обучающийся сослался на отсутствие предпринимательских качеств. В целом молодые люди критически оценили собственные возможности открытия своего дела и связали причины неудач, прежде всего, с индивидуальными способностями.

Основными причинами распространения среди молодежи неформальных видов бизнеса названы: нежелание платить налоги (47,2%) и отсутствие гарантий выживаемости бизнеса (31,9%). Низкие гарантии функционирования бизнеса в течение длительного времени приводят к ориентации на одномоментное получение прибыли, что в отдельных случаях способствует развитию теневых способов заработка, особенно через социальные сети и интернет-магазины. Нерегистрируемый бизнес не поддается учету, а нестабильность и непредсказуемость реформ подталкивает представителей молодого поколения все дальше уходить в «тень». Становится очевидным, что в перспективе необходима разработка такой модели поддержки молодежного бизнеса, которая, с одной стороны, будет обеспечивать эффективность принимаемых мер по удержанию активной части молодежи в структуре легального сектора экономики, а с другой — демонстрировать очевидные преимущества законной бизнес-деятельности, опирающейся на объективные и понятные правила и нормы.

Государство в рамках перманентной нестабильности несет ответственность за большинство управляемых рисков. В условиях санкционной политики представители бизнес-среды получают противоречивые сигналы: стимулирующие со стороны государства, но депривирующие со стороны экономической системы. Давление на экономику извне и снижение спроса привело к усилению нагрузки на малый и средний бизнес, лишенный возможности оперативной диверсификации продукции. Таким образом, обязательным требованием к государственной поддержке молодежного бизнеса является обеспечение гарантий безопасности (в плане защиты от коррупции и злоупотреблений со стороны должностных лиц, несовершенства судебной систе-

мы), т. е. генерируемый правительством конвейер реформ не должен ущемлять права тех, кто встал на путь реализации самостоятельного бизнес-проекта без отработки страховых планов развития карьеры и жизни в целом.

Литература

1. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/uahTsG0c72APotuEQUjhoENhq1qYz4H.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
2. Ease of Doing Business rankings. Economy rankings // World Bank. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/rankings> (дата обращения: 20.02.2020).
3. Еремина Н., Петрова Е. Doing Business: почему Россия провалилась. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/31/12041677.shtml> (дата обращения: 20.02.2020).
4. Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчет. Россия 2018/2019/О. Р. Верховская [и др.]. Высшая школа менеджмента. СПбГУ. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_cor1_rgb.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
5. Ларченко А. В. Предпринимательский потенциал молодежи Хабаровского края. Социологическое измерение // Вестник ТОГУ. 2017. № 1 (44). С. 171–178.

УДК 316.421

Гурарий А. Д.

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК МАРКЕР ПРИСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: на материалах полиметодического исследования, проведенного на базе УрФУ в 2019 году, выявлены основные критерии привлекательности г. Екатеринбурга как места для реализации образовательных потребностей иностранных студентов. Делается вывод о том, что наличие определенных факторов организации городского пространства является определяющим при выборе вуза в рамках студенческой мобильности.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, «право на город», иностранные студенты, мобильность.

Gurarii A. D.

STUDENT MOBILITY AS MANIFESTATION OF “RIGHT TO THE CITY”

Abstract: the main criteria for the attractiveness of Yekaterinburg as a place for realizing the educational needs of foreign students are identified based on the materials of the 2019 poly methodic study conducted at UrFU. It is concluded that the presence of certain factors in the organization of urban space is crucial for international students when choosing a university.

Keywords: studying youth, “the right to the city”, foreign students, mobility.

Общественные пространства города сегодня — это места встречи молодежи. По мнению некоторых исследователей, общественные пространства являются чуть ли не единственной площадкой, на которую может претендовать городская молодежь, создавая свои собственные территории в общественных местах [1, с. 732; 2]. Важно отметить, что вне зависимости от того, как используется общественное пространство — как место встречи, место для занятия спортом или же, наоборот, как место для уединения — взаимодействие молодежи в рамках него играет важную роль в процессе социализации и способствует плавному переходу во взрослую жизнь [3, с. 66]. Существует ряд инициатив по включению молодежи в проектирование городского пространства с целью создания комфортной и удобной инфраструктуры, с одной стороны, и для содействия социализации молодежи — с другой. Кроме этого, получают распространение инициативы по взаимодействию с молодежью при выборе площадок для скейт-парков, кортов, зеленых зон и т. д. [4, 5]. Участие молодежи в диалоге с локальными городскими администрациями — значимая практика по формированию комфортной городской среды. Однако город для молодежи — это не только использование территории, но и то место, которое дает ей право стать зрелыми, здоровыми, образованными и финансово обеспеченными взрослыми [6].

Город как место и драйвер личностного развития человека в том или ином контексте всегда был предметом активного внимания со стороны специалистов из различных областей [7, с. 101]. Для социологической науки актуальна задача переосмысления влияния городской среды на жизнь человека в условиях трансформации основных институтов социализации современного городского пространства [8, с. 68]. Культурологическое знание анализирует воспитывающий и образовательный потенциал города как места генерации и передачи новых смыслов, ценностей, социокультурного опыта [9]. В контексте студенческой мобильности городская среда становится мощным, зачастую определяющим фактором при выборе вуза и образовательной траектории в нем [10]. В 2019 году на базе УрФУ было проведено исследование с целью выявления причин выбора иностранными студентами Екатеринбурга как места для получения образования в сравнении с другими городами России. Полиметодическое исследование состояло из серии полуструктурированных интервью ($n = 12$) и двух фокус-групп с иностранными студентами ($n = 22$) из разных стран.

Согласно исследованию, Екатеринбург обладает рядом конкурентных преимуществ. Во-первых, городское пространство Екатеринбурга отличается развитой транспортной сетью, что дает иностранным студентам возможность познакомиться не только с городами Свердловской области, но и России. По результатам проведения фокус-групп было выявлено, что иностранные студенты активно путешествуют по России в период обучения: были названы

такие города как Москва, Санкт-Петербург, Рязань, Ульяновск, Уфа, Иркутск, Казань, Сочи, Тюмень, Челябинск, Мурманск. Именно во многом благодаря путешествиям иностранные студенты достаточно четко выделяют преимущества Екатеринбурга на фоне других городов. Во-вторых, иностранными студентами было также отмечено, что благодаря компактности Екатеринбурга создается особое комфортное пространство, в котором сложно запутаться даже иностранному гражданину. При этом многие подчеркнули, что их привлекает чувство безопасности. *«Мне нравится Екатеринбург. Мне очень нравится, что тут спокойно и безопасно. У меня такого ощущения никогда не было дома»* (фокус-группа, муж., Венесуэла). *«Питер — красиво, но там очень много народа. В Екатеринбурге я все знаю. Здесь не так много иностранцев. Большой город, но не так много жителей. Ну, на улицах, в метро, на автобусе вообще не трудно так. Поэтому мне здесь удобно»* (интервью, муж., Китай). Кроме этого, студентами из Китая был упомянут фактор чистого воздуха как играющий роль при принятии решения о месте обучения. В-третьих, респондентами отмечается включение Екатеринбурга в региональную, федеральную и международную повестку. Для многих это третий город в России, который выступает привлекательной площадкой для проведения мероприятий международного уровня.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В представлении иностранных студентов город, в котором они планируют реализовать образовательные потребности, должен 1) быть функциональным и разнообразным с точки зрения организации досуга; 2) обеспечивать одну из базовых потребностей человека — потребность в безопасности; 3) обладать широкими ресурсами и предоставлять возможности для саморазвития. Можно говорить о том, что совокупность обозначенных факторов является решающей при выборе того или иного вуза.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта № 20-411-660012 р_а.

Литература

1. Lieberg M. Teenagers and Public Space // Communication Research. 1995. № 22 (6). P. 720–744.
2. Skelton T., Valentine G., Cool Places: Geographies of Youth Cultures. New York : Routledge. 1998. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-017-1942-1_5 (дата обращения: 02.02.2020).
3. Kallio K. P., Häkli J. Young People's Voiceless Politics in the Struggle over Urban Space // GeoJournal 2011. № 76 (1). P. 63–75.
4. Молодежь Тобольска проголосовала за крытый скейт-парк. URL: <https://tobolsk.ru/news/126/48751/> (дата обращения: 5.03.2020).
5. Молодые новосибирцы просят построить в городе скейт-парк. URL: https://nsk.aif.ru/society/molodye_novosibircy_prosyat_postroit_v_gorode_skeyt-park (дата обращения: 5.03.2020).

6. Barrett E.J. Defining Their Right to the City: Perspectives from Lower-Income Youth // *Urban Affairs Review*. 2019. URL: <https://www.scilit.net/article/dae7250479e-551514011ca0f55bdb734> (дата обращения: 02.02.2020).

7. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л., Пименов, О. И. Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбурга) // *Образование и наука*. 2019. № 1. С. 97–123.

8. Сибирева М. Ю. Ранняя социализация в городской среде : дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2011. 205 с.

9. Чичканова Т. А. Пространство города как предмет педагогического исследования (к постановке проблемы) // *Вестник евразийской науки*. 2014. № 4 (23).

10. The Attractiveness of City as Place to Live: The Case of Yekaterinburg / N. Antonova, S. Abramova, O. Pimenova [et al.] // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 603 (5), [052074]. URL: <https://science.ufrf.ru/publications/the-attractiveness-of-city-as-place-to-live-the-case-of-yekaterin> (дата обращения: 02.02.2020).

УДК 316.35

**Ильина И. В.,
Литвиненко П. А.**

ЦЕННОСТЬ ТРУДА: МЕЖПОКОЛЕННЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: в статье представлен анализ отношения к труду представителей различных поколений: “Z”, “Y”, “X”, «Бэби-бумеры». В результате эмпирического исследования было выявлено, что представители поколений “Y” и “X” характеризуются более материальным отношением к труду, ориентированы на итог в виде материального вознаграждения. Представителям старшего поколения свойственно духовно-нравственное отношение к труду, для них значима социальная ценность трудовой деятельности.

Ключевые слова: труд, ценность труда, отношение к труду, поколения.

**Irina I. V.,
Litvinenko P. A.**

THE VALUE OF WORK: AN INTERGENERATIONAL ANALYSIS

Abstract: the article analyzes the attitude to work of representatives of different generations “Z”, “Y”, “X”, “Baby boomers”. The results of empirical research revealed that the representatives of generations “Y” and “X” are characterized by a material attitude to work, focused on the result in the form of material remuneration. Representatives of the older generation have a spiritual and moral attitude to work, for them the social value of work is significant.

Keywords: labor, labor value, attitude to labor, generations.

Труд является основой жизнедеятельности человека. В процессе труда происходит производство и воспроизводство материальных и культурных ценно-

стей. Качество и мотивация трудовой деятельности — определяющий фактор в развитии как общества в целом, так и отдельных регионов. Труд — сложный социальный феномен, характеризующийся многомерностью и разнообразием подходов к его изучению. Один из вариантов определения труда — это «всякое умственное и физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достижения какого-либо результата, не считая удовлетворения получаемого непосредственно от самой проделанной работы» [1, с. 124–125]. Труд рассматривается как форма совершенствования личности и как развитие общества, поэтому отношение к процессу труда выступает важной проблемой исследования. К ценности труда можно подойти с разных позиций. Материальное отношение к труду — это ценность результата, выраженного как в денежном эквиваленте, так и в виде материальных и социальных благ. К трудовой деятельности можно относиться как к духовно-нравственному явлению. Также может быть ценен сам процесс труда, восприятие его как социально и личностно значимого явления. Результаты труда индивида зависят не только от умений, возможностей и навыков, но и от того, как человек относится к труду, насколько он наделяет свой труд ценностью, какова его модель трудового поведения.

О. И. Шкаратаном отношение к труду рассматривается как ценностно-нормативное явление, в котором реализуется одновременно трудовая мораль времени и социальной группы и определенные модели трудового поведения, это единство ценностно-нормативной и деятельностной сторон [2, с. 119]. Человек, родившийся в определенный этап общественной трансформации, перенимает ценностные установки, усвоенные в процессе социализации семьей, ближайшим окружением, политическими институтами и СМИ. Поколение объединяет и отличает от другого поколения не только время рождения, но и система взглядов на мир, в том числе отношение к труду.

Для эмпирического исследования был использован метод анкетного опроса 400 человек г. Тюмени. Выборка носила стратифицированный характер. Опираясь на теорию поколений У. Штрауса, население Тюменской области было разделено на четыре возрастные группы: поколение “Z” — до 18 лет (6%), поколение “Y” — 19–34 года (32%), поколение “X” — 35–54 года (36%), «Бэби-бумеры» — старше 55 лет (26%). Изменение ценностных ориентаций и влияние потребительской идеологии сказались на отношении к труду разных поколений. Ценность материальных результатов труда, ориентация на богатство в большей степени свойственны респондентам поколения “Y” (63%) и поколения “X” (60%). Эгоистичным отношением к труду характеризуются представители поколения “Z” (36%). Работа молодым поколением рассматривается сугубо как средство достижения поставленных целей, возможность для заработка. Остальные стороны трудовой деятельности молодым поколением мало принимаются во внимание [3].

Духовно-нравственное отношение к труду более характерно для поколения «Бэби-бумеров» (42%), ориентация на процесс труда также растет с возрастом. С повышением возраста растет важность социальной ценности труда, возможности приносить пользу обществу и уменьшается значение заработка. Представителей поколений “X” и «Бэби-бумеров» характеризует упорство в достижении цели и ответственность, они не перестанут трудиться, пока результат их полностью не удовлетворит. Им в большей степени свойственно достигать целей честным путем, чем представителям младших поколений. Среди ценных трудовых качеств молодого поколения первые места занимают исполнительность, дисциплинированность, ответственность, продуктивность в работе [3]. Старшие поколения (“X” и «Бэби-бумеры») лучше адаптируются в новых местах и коллективах, чем представители младших поколений “Z” и “Y”. Это обусловлено накопленным жизненным опытом и отсутствием максимализма, свойственного юности. Младшие поколения с большей готовностью встречают инновации и проявляют склонность к авральности в трудовой деятельности. Это объясняется избытком юношеской энергии, стремлением успеть и охватить многое.

В условиях текучести современного общества, по выражению З. Баумана, молодежь в отличие от старших поколений чаще ориентирована на краткие трудовые проекты, порой не мысля себя в рамках одной профессии на всю жизнь [4, с. 7]. В большей мере удовлетворены характером труда, результатами, условиями труда и значимостью собственного труда, его общественной полезностью представители поколения “Y” — 46% и «Бэби-бумеры» — 41%. Одна возрастная группа только начала свою трудовую деятельность и тщательно подходит к выбору работы в соответствии со своими запросами. Другая группа находится на этапе завершения активной трудовой деятельности и тоже чувствует удовлетворение. Представители поколения “X” менее удовлетворены показателями, определяющими отношение к работе. Возможно, это связано с несоразмерностью между уровнем требований и уровнем возможностей представителей поколения “X”.

Рассмотрим теперь более подробно отношение к работе у двух наиболее активных в трудовом отношении поколений. Для поколения “Y” приоритетным остается хорошая оплата труда, далее это возможность интересной работы и хороших условий труда, социальные гарантии. Работа продолжает восприниматься людьми как средство достижения успеха, путь к тому, чтобы занять достойное положение в обществе. Кроме заработной платы это поколение интересуется еще карьерный рост и профессиональная самореализация. Среди представителей поколения “X” наиболее значимыми являются также хорошо оплачиваемая работа, интересная, с хорошими условиями труда, а менее важными оказалась возможность карьерного роста. С другой стороны, представители этого поколения в большей мере име-

ют стремление быть полезными в обществе, при этом хотят, чтобы работа оставляла больше свободного времени. Высокая заработная плата является, скорее, средством для достижения других целей, таких как престиж, уважение в обществе.

Не одинаковое отношение к труду представителей разных поколений обусловлено смешением ценностей западной и российской культур в современном российском пространстве. Принятие идей антропоцентризма, который включает в себя высокий уровень человеческой свободы, ценность человеческой индивидуальности, более характерно для младших поколений, взрослеющих в период развития капиталистического общества в стране, посредством усвоения установок западной ментальности.

Для старших поколений, социализация которых проходила в процессе создания «советского человека», характерны трудовой героизм, формирование коллективного сознания, что является диаметрально противоположной идее антропоцентризма. Ценность труда осмысливается небольшим количеством представителями всех поколений, но меньше всего задумывающихся о ценности среди младших поколений («Z» и «Y»), воспитанных в условиях смены идеологии на потребление. Ориентированность на результат труда, на труд как средство удовлетворения возрастающих материальных потребностей является преобладающей в современном обществе. При этом утрачивается моральный смысл труда.

По мере изменения социальных ценностей и установок общества трансформируется и рынок труда, при этом важно учитывать потребности и запросы молодых поколений. Необходимо понимать, что значимо для молодых людей поколения «Y», уже отчасти находящихся в процессе трудовой деятельности, и поколения «Z», только вступающих в трудоспособный возраст, на что они ориентируются. Это поможет не только в активизации их трудового потенциала, повышения эффективности работы, формирования политики занятости, но и в воспитании трудовых ценностей подрастающих поколений. Кроме того, как справедливо отмечается О. И. Шкартаном, экономический рост невозможен без анализа поведения в сфере труда, терминальных и инструментальных ценностей российского социума в современный трансформационный период [5, с. 50].

Литература

1. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс. 1983. 416 с.
2. Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Рабочие в реформирующейся России как объект управления и субъект труда // Мир России. 2013. № 3. С. 115–151.
3. Леонидова Г. В., Головчин М. А. К вопросу о трудовых ценностях молодежи (на материалах Вологодской области) // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13486> (дата обращения: 03.02.2020).

4. Демиденко С. Ю. О некоторых факторах незанятости городской молодежи // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 7–20.

5. Шкаратан О. И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 30–54.

УДК 316.35

Петухов М. И.,

Певная М. В.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО: ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ В ИДЕОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье анализируются различные подходы к определению международного волонтерства в исследовательских работах, а также в практике деятельности некоммерческого сектора, отраженной в сети интернет и массмедиа.

Ключевые слова: международное волонтерство, международное добровольчество, благотворительность, волонтер, волонтерская организация.

Petukhov M. I.,

Pevnaya M. V.

INTERNATIONAL VOLUNTEERING: PRACTICAL AND THEORETICAL INTERPRITATIONS IN THE IDEOLOGY OF DEVELOPMENT

Abstract: different approaches to definition of international volunteering in research papers and in practice of non-profit organizations, reflected in the Interned and mass media, are analyzed in this article.

Keywords: international volunteerism. International charity, charitable activity, volunteer, charitable organization.

Международное волонтерство играет важную роль во внешней и внутренней политике государства. Одной из задач федерального проекта Российской Федерации «О социальной активности» является создание условий для развития наставничества, поддержки общественных инициатив и проектов, в том числе в сфере добровольчества (волонтерства). В национальных проектах РФ в сфере образования волонтерство занимает 8 место [1, с. 1]. На уровне внешней политики добровольчество за рубежом также является важной составляющей международных проектов. Российская Федерация состоит в Организации Объединенных Наций с 1946 года. В ООН разработана программа ДООН (Программа добровольцев), в которой ежегодно осуществляют свою деятельность примерно 130 стран, в том числе и Россия [2, с. 1]. Таким обра-

зом, практическая значимость феномена обусловила интерес к его теоретической и практической интерпретации.

В настоящее время международное волонтерство активно развивается в различных сферах общественной жизни [3, с. 154]. Если проанализировать число научных публикаций с данным ключевым термином, то их число увеличивается с каждым годом. В ходе исследования электронного ресурса *Google Academia* был использован метод фильтрации публикаций по годам, таким образом, результаты исследования показали, что за 2016 год — 17300 статей, за 2017—18000, за 2018—19600, за 2019—22700 [4, с. 1]. Соответственно, существует множество определений этого термина, представляемых исследователями в статьях по разным дисциплинам. Расширяется и дисциплинарная область, в которой проявляется исследовательский интерес к этому виду волонтерства как одному из проявлений благотворительности или жертвования своего времени. Дадим оценку некоторым из них:

1) международная благотворительность — добровольное бескорыстное пожертвование физических и юридических лиц в предоставление приобретателям материальной, финансовой, организационной и иной благотворительной помощи, реализуемое за рубежом, в другой стране [5, с. 1];

2) международное волонтерство — это добровольчество за пределами родной страны. Исследователи различают различные виды международного добровольчества «от программ, ориентированных на гуманитарную помощь и оказание чрезвычайной помощи, до межкультурного взаимопонимания, которое может осуществляться как одностороннее, так и двустороннее, или многосторонние обмены» [6, с. 196].

Для анализа теоретических трактовок международного добровольчества было отобрано и проанализировано 27 наиболее цитируемых публикаций. Для наших целей было отобрано восемь определений, которые мы разделили на три группы по интенции авторов, выделению приоритетности определенной характеристики в данном явлении.

В первую группу вошли трактовки, в которых авторы акцентируют внимание на глобальном значении международного волонтерства. Например, в работе международной группы исследователей, которые занимаются изучением международного волонтерства, оно определяется как «механизм продвижения глобального гражданства, наращивания межкультурных компетенций, развития широкого поля международных социальных контактов» — такое определение в статье о влиянии международного сервиса на развитие волонтеров дают *B. J. Lough, M. S. Sherraden, A. M. McBride* и др. [7, с. 56]. Социологи из разных стран трактуют международное волонтерство как инструмент содействия глобальному миру, международному взаимопониманию и гражданской активности [8, с. 24], как один из эффективных механизмов решения глобальных проблем [9, с. 352], как реалистичный, но в то же время твор-

ческий и расширяющийся инструмент глобальной мобилизации людей для развития и формирования между людьми доверия и понимания [10, с. 358].

Во второй группе определений авторы выделяют специфические особенности организации международного волонтерства как важной части международной благотворительности в целом. А. Ротвелль (*A Rothwell*) определяет международное волонтерство как организованную деятельность людей (волонтеров) в целях помощи нуждающимся, во время которой поощряется их способность работать вместе независимо от социального происхождения, культуры и национальности, стать частью глобального сообщества, активного в том, чтобы сделать свой мир лучше [11, с. 160]. Авторы подчеркивают, что международное волонтерство — это не просто область для глобального развития или международный технологический процесс организации деятельности международных волонтеров, а в первую очередь способ формирования человеческих отношений [12, с. 15].

В третьей, выделенной нами группе, были включены трактовки, в которых важным приоритетом заявляется роль международного волонтерства для самих волонтеров. А. Джонс (*A. Jones*), определяет международное добровольчество как инструмент повышения квалификации, развития профессиональных и личных качеств у волонтеров [13, с. 532]; Б. Лауф (*B. J. Lauf*) и Д. Картер-Блэк (*J. D. Catret-Black*) в своей статье по международному добровольчеству и расовому преимуществу выделяют международное волонтерство как способ оказания помощи в целях развития людей, участвующих в благотворительных программах в качестве волонтеров [14, с. 208]. Немаловажно отметить, что многие авторы разделяют международное волонтерство на два вида: волонтерство для развития и волонтерский туризм [15, с. 1086]. В этих направлениях существенно отличается как организация процессов работы с волонтерами, так и мотивация и характеристики самих волонтеров.

Для понимания сути международного волонтерства были проанализированы определения из сети интернета, нацеленные на потенциальных волонтеров. По запросам в поисковых системах *Google* и Яндекс были отобраны первые пять ссылок по запросу: «Что такое международное волонтерство». В выборку из двух поисковиков попали сайты волонтерских организаций и информационные сайты по организации международного добровольчества. Представим самое популярное. Международное волонтерство — это проекты, в которых участвует интернациональная команда из 10–20 человек. Они добровольно собираются вместе, чтобы выполнить полезное социально-значимое дело. Это может быть деятельность любого рода — от реставрирования древнего замка до высаживания цветов в национальном парке. Длительность краткосрочного волонтерского проекта — 2–3 недели, долгосрочного — от полугода до двух лет [16, с. 1]. Международный волонтерский

проект — это группа людей из разных стран, которые собрались вместе, чтобы выполнить социально значимое дело. Основной принцип — оказание добровольной и бескорыстной помощи. — определение из первого источника в *Google* [17, с. 1]. Чаще всего на специализированных сайтах можно найти определение данного вида волонтерства как бюджетного путешествия, альтернативную версию туризма, межкультурный обмен, языковую практику, профессиональный опыт [18, с. 1]; как способ объединить людей, которые хотят путешествовать и приносить пользу, а также как социально значимые проекты, которым нужна помощь добровольцев [19, с. 1]; как совместная работа (не всегда физическая) 10–20 человек над какой-то социальной задачей [20, с. 1]; как работа, которая не нуждается в оплате, потому что она сама является наградой, возможность поделиться своими знаниями и опытом или полностью отвлечься от работы и развивать свои интересы, отличный способ нестандартно провести зимние каникулы [21, с. 1].

Итак, проанализировав различные источники, можно увидеть разные подходы к определению международного волонтерства. В повседневной практике это направление чаще всего трактуется с точки зрения возможности потенциальных волонтеров поучаствовать в заграничных добровольческих туристических программах. В теоретических статьях международное волонтерство связывают с глобальными проблемами человечества, с международным взаимодействием в их решении, с личностным развитием волонтеров, с их социальных опытом и возможностями карьерного продвижения.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00471.

Литература

1. Паспорт национального проекта «Образование». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2020).
2. Программа добровольцев ООН. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 03.03.2020).
3. Певная М. В., Калинина А. Н. Международное волонтерство как ресурс российских университетов // Высшее образование в России. 2016. № 10 (205). С. 154–161.
4. Google Academy. URL: <https://scholar.google.ru> (дата обращения: 03.03.2020).
5. Клуб волонтеров. URL: <https://www.club-volontеров.ru> (дата обращения: 03.03.2020).
6. McBride A., Lough B. J. Access to International Volunteering // Nonprofit management & leadership. 2010. Vol. 21 (2). P. 195–208.
7. The impact of international service on the development of volunteers intercultural relations / B. J. Lough, M. S. Sherraden, A. M. McBride [et al.] // Social Science Research. 2014. Vol. 46. P. 48–58.

8. Palacios C. M. Volunteer tourism, development and education in a postcolonial world: conceiving global connections beyond aid // *Journal of Sustainable Tourism*. 2010. Vol. 18 (7). P. 861–878.
9. Lorimer J. International conservation 'volunteering' and the geographies of global environmental citizenship // *Political Geography*. 2010. Vol. 29. P. 311–322.
10. Devereux P. International volunteering for development and sustainability: outdated paternalism or a radical response to globalisation? // *Development in Practice*. 2008. Vol. 18 (3). P. 357–370.
11. Rothwell A. International volunteering: employability, leadership and more // *Emerald*. 2013. Vol. 55 (2). P. 159–173.
12. Lewis D. Globalization and international service: a development perspective // *Voluntary Action*. 2006. Vol. 7 (2). P. 13–26.
13. Theorizing international youth volunteering: training for global (corporate) work? // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2011. Vol. 36. P. 530–544.
14. Lough B. J., Carter-Black J. Confronting the white elephant: International volunteering and racial (dis)advantage // *Progress in Development Studies*. 2015. Vol. 15 (3). P. 207–220.
15. Lough B. J., Xiang X. Skills-Based International Volunteering Among Older Adults From the United States // *Administration & Society*. 2016. Vol. 48 (9). P. 1085–1100.
16. The Vyshka. URL: <https://thevyshka.ru/20489-international-volunteer/> (дата обращения: 03.03.2020).
17. РИАМО. URL: <https://riamo.ru/article/125205/mezhdunarodnoe-volonterstvo-kak-puteshestvovat-po-miru-besplatno.xl> (дата обращения: 03.03.2020).
18. Travel works. URL: <http://travelworks.ru/travel/volunteering/> (дата обращения: 03.03.2020).
19. Доброволец. URL: <https://dobrovolets.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).
20. Благотворительный фонд «Такие дела». URL: <https://takiedela.ru/news/2019/04/11/volonterstvo-za-rubezhom/> (дата обращения: 03.03.2020).
21. Альтернатива. URL: <https://alt-center.ru/program/index/program/volonterstvo> (дата обращения: 03.03.2020).

УДК 316.35

Печеркина И. Ф.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: на материалах исследования студенческой молодежи г. Тюмени рассмотрена взаимосвязь между патриотическими установками и гражданским участием современных студентов. Разные по патриотическому настрою группы молодежи значимо отличаются по реализуемым гражданским практикам, доминирующим мировоззренческим и гражданским установкам. Делается вывод, что позитивная патриотическая идентификация выступает фактором повышения уровня гражданственности молодежи.

Ключевые слова: патриотические установки, гражданское участие, гражданская активность, факторы гражданского участия, студенческая молодежь.

© Печеркина И. Ф., 2020

Pecherkina I. F.

PATRIOTIC IDENTIFICATION AND CIVIC PARTICIPATION OF STUDENT YOUTH

Abstract: the article describes the relationship between patriotic attitudes and civic participation of modern students is considered. The groups of young people, which are different in their patriotic mood, significantly vary in their civic practices, dominant world outlook and civic attitudes. It is concluded that positive patriotic identification is a factor in increasing the youth citizenship level among young people.

Keywords: patriotic attitudes, civic attitudes, civic participation, civic engagement, factors of civic participation, students.

Патриотическая идентификация — важная компонента гражданственности [1, с. 36; 2, с. 48; 3, с. 44–45]. Являясь составляющей гражданского потенциала, позитивная патриотическая идентификация выступает условием усиления других компонентов и повышения уровня гражданственности в целом [4, с. 253–257]. На материалах исследования студенческой молодежи г. Тюмени рассмотрена взаимосвязь между патриотическими установками и гражданским участием современных студентов. В онлайн-опросе (декабрь 2019 г.) студентов основных вузов г. Тюмени приняло участие 596 человек, для анализа было отобрано 560 человек. Выборка репрезентирует вузовскую молодежь г. Тюмени по половозрастным характеристикам и уровню обучения. При доверительной вероятности 95 %, ошибка выборки менее 4 %.

Материалы опроса показывают, что 35 % студенческой молодежи принимает (или принимали хотя бы раз) участие в различных общественных организациях, движениях и реализации социальных проектов. Чаще всего они являются участниками волонтерского движения (17 %), членами студенческих Советов (15 %), молодежных организаций, таких как РСМ, Молодежная Общественная Палата и пр. (9 %). Причем «активный» студент является участником в среднем двух организаций/движений. К патриотам с разной степенью уверенности причисляют себя 70 % студентов. Гражданское участие значимо коррелирует с идентификацией себя как патриота (коэффициент корреляции Спирмана 0,226 при ошибке менее 0,0001). Среди участников общественных организаций/движений/проектов с той или иной определенностью патриотами себя называют 82 % студентов, среди тех, кто нигде не участвовал, — 61 %. В разных по патриотической самоидентификации группах доля студентов, принимающих участие в общественных организациях, значимо отличается. Более 50 % студентов, определенно называющих себя «патриотами», имеют опыт участия в общественных организациях/движениях/проектах. Среди «колеблющихся» таковых уже 37 %, а среди тех, кто отрицает свой патриотизм — лишь 22 % (табл. 1).

Таблица 1

Доля студентов, принимающих участие в общественных организациях/движениях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Показатели	Можете ли вы назвать себя патриотом?			В целом по выборке
	Да, определенно могу	Могу, но лишь отчасти	Нет, не могу	
Участвовали/участвуют в общественной организации, движении, проекте	51	37	22	35
В том числе:				
Политической партии, организации	7	2	2	3
Совета при органах государственной власти, местного самоуправления	5	1	1	2
Общественной организации	10	8	4	7
Молодежной организации (РСМ, молодежной общественной палаты и пр.)	16	8	7	9
Волонтерском движении, организации	21	19	10	17
Студенческом Совете, организации по самоуправлению по месту учебы	21	16	8	15
Организации по самоуправлению по месту жительства	6	1	0	2

Локальный патриотизм также оказывает влияние на активность участия студентов в общественных организациях/движениях/проектах (табл. 2). Студенты, которые довольны своим местом жительства, проявляют и большую социальную активность. Миграционные настроения, напротив, формируют установку на «неучастие». Так, если в группе удовлетворенных своим местом жительства около 40 % студентов принимали участие в деятельности общественных организаций/движений, то среди студентов, желающих уехать из России» таковых (активистов) лишь 18 %.

Таблица 2

Распределение студентов, принимающих участие в общественных организациях/движениях/проектах в зависимости от отношения к своему городу, %

Отношение к своему городу	Принимали (принимаете) ли вы участие в деятельности общественной организации, движения, реализации социального проекта?	
	ДА	НЕТ
Горжусь и рад, что живу здесь	41	30
В целом доволен, что живу здесь, но многое не устраивает	36	27
Не испытываю особых чувств по этому поводу	14	20
Не нравится жить здесь, но привык, не собираюсь уезжать	2	3

Окончание табл. 2

Отношение к своему городу	Принимали (принимаете) ли вы участие в деятельности общественной организации, движения, реализации социального проекта?	
	ДА	НЕТ
Хотел бы уехать в другой регион России	5	6
Хотел бы вообще уехать из России	3	14
	100	100

Взаимосвязь патриотических установок и иных видов активности проявляется менее ярко, однако она присутствует (табл. 3). «Патриоты» более социально активны в офлайн-среде. Они чаще участвуют в социальных проектах (26 % от группы «патриотов»), хоть раз пытались мобилизовать свое окружение на социально ориентированные действия (24 %), связывались/контактировали с политиком или чиновником (20 %). Различий в социальной активности в онлайн-среде в разных по патриотической ориентации группах нет.

Таблица 3

Социальная активность студентов в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Какое из перечисленных действий вы совершали хотя бы один раз	Можете ли вы назвать себя патриотом?		
	Да, определенно могу	Могу, но лишь отчасти	Нет, не могу
Участвовал в социальном проекте	26	20	11
Пытался мобилизовать своих соседей, коллег, знакомых на действие, мероприятие, направленное на исправление/улучшение чего-то в своем дворе, городе	24	15	9
Принимал участие в публичном мероприятии, организованном органами власти либо общественными организациями, близкими к власти	21	16	17
Контактировал с политиком или чиновником	20	11	13
Работал в политической партии или с конкретным политиком	6	3	4
Размещал комментарий в сети Интернет относительно социальной, политической проблемы	29	16	24
Публиковал пост относительно социальной, политической проблемы	18	14	18
Подписывал петицию	52	64	66
Участвовал в акции протеста	4	7	6
Жертвовал деньги политической организации, партии, политику	7	2	5
Ничего из перечисленного	11	15	18

Разные по патриотическому настрою группы отличаются не только по реализуемым гражданским практикам, но и по доминирующим гражданским установкам (табл. 4).

Таблица 4

Корреляция гражданских установок студентов и их патриотической самоидентификации по критерию Спирмена

Согласны ли вы, чтобы быть «настоящим гражданином», нужно:	Можете ли Вы назвать себя патриотом?
участвовать в решении проблем местного сообщества	,230**
участвовать в управлении государством	нз
быть политически активным	,250**
быть социально активным, участвовать в социальных проектах	,222**
качественно выполнять свою работу, профессиональные обязанности	,163**
всегда соблюдать законы и иные нормы права	,204**
никогда не уклоняться от уплаты налогов	,153**
помогать незнакомым людям, которые нуждаются в помощи	,168**
противостоять произволу властей	нз
принимать участие в мероприятиях по защите прав человека	нз

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

нз — незначимая корреляция

Результаты исследования показывают важность патриотического воспитания в формировании гражданских качеств индивида, повышении уровня их вовлеченности в решение социальных и государственных задач. Позитивная патриотическая идентификация способствует активной гражданской позиции, стимулирует готовность к непосредственному участию в созидательной деятельности, формирует уважительное отношение к закону, чувство сопричастности к процессам, происходящим в обществе. Однако никакие программы и действия по патриотическому воспитанию молодежи не будут работать эффективно, если не будет условий для самореализации и защиты прав молодежи.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00632.

Литература

1. Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 31–39.
2. Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 44–50.
3. Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности // Гуманитарий Юга России, Т. 23. 2017 № 1. С. 42–59.

4. Маленков В. В., Печеркина И. Ф. Патриотическая самоидентификация в системе гражданских установок молодежи // Социология. 2019. № 6 С. 249–262.

УДК 316

**Бурнашева А. А.,
Тарасова А. Н.**

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Аннотация: в статье приводятся результаты авторского исследования молодежи города Екатеринбурга на предмет ее участия в формировании и развитии городской среды. Отмечен очень низкий уровень активности молодежи при относительно высокой готовности к такому участию. Сложившееся противоречие и недоиспользование потенциала молодежи связано с недостаточной информированностью о деятельности органов власти местного и муниципального управления и реализуемом проекте «Формирование комфортной городской среды».

Ключевые слова: молодежь, социальное участие, развитие города, городская среда, отношение к региону, комфортная городская среда, благоустройство территории.

**Burnasheva A. A.,
Tarasova A. N.**

YOUTH PARTICIPATION IN THE FORMATION OF THE CITY ENVIRONMENT OF EKATERINBURG

Abstract: the article presents the results of studies of the youth of the city of Ekaterinburg. A very low level of youth activity was noted, with a relatively high degree of readiness for such participation. The current contradiction and the non-use of youth services is associated with insufficient information about the activities of local and municipal government bodies and the comprehensive project «Formation of a Comfortable Urban Environment».

Keywords: youth, social participation, city development, urban environment, attitude to the region, comfortable urban environment, land improvement.

Одним из приоритетов государственной политики России в области социально-экономического развития является повышение качества жизни населения, включая создание качественной и удобной для человека городской среды. В целях создания условий для системного повышения качества и комфорта городской среды на всей территории Российской Федерации в 2017 году принят проект «Формирование комфортной городской среды». В рамках проекта под руководством Минстроя России предполагается реализация комплекса первоочередных мероприятий по формированию современной комфортной городской среды в субъектах Российской Федерации [1].

© Бурнашева А. А., Тарасова А. Н., 2020

Для исполнения проекта муниципальные образования должны сформировать и реализовать пятилетние комплексные программы по благоустройству городов и поселений, учитывая, что одной из главных задач данного проекта является повышение уровня активности граждан в формировании и реализации муниципальных программ по благоустройству. Цель статьи — оценить уровень активности молодежи города Екатеринбурга в формировании городской среды и выделить некоторые проблемы, ограничивающие активность молодежи.

Понятие комфортной городской среды определяется в самом тексте приоритетного проекта, оно переходит от понятия «качество городской среды» к понятию «благоустройство городской среды». В текстах региональных и муниципальных программ появляется дополнительный новый термин — «современная городская среда». Например, в Екатеринбурге действует муниципальная программа «Формирование современной городской среды в муниципальном образовании «город Екатеринбург», что приводит к смешению понятий «комфорт» и «современность». Также в разных документах разнятся элементы городской среды. В текстах региональных документов речь идет о благоустройстве городской среды, общественных пространств, придомовых территорий. В муниципальных документах затрагиваются вопросы благоустройства придомовых и дворовых территорий.

Что касается понимания сущности термина «городская среда» в научной литературе, то можно выделить несколько различных подходов. Е. С. Федотов понимает рассматриваемый термин как «среду, сочетающую в себе созданные человеком строения, сооружения, объекты благоустройства и природные компоненты, подчиняющиеся определенным экологическим и общественно-социальным закономерностям» [2, с. 276]. Т. А. Балина, А. Н. Гальцева, А. А. Овсянкина дают определение через совокупность природных, социальных, экономических, культурных и других условий жизни, существующих на занимаемой городом территории [3, с. 218]. Е. Н. Заборова говорит о среде, в которой возникают и из которой распространяются инновации, проходящие в своем развитии ряд циклов [4, с. 65].

Требуется уточнение понятие «формирование комфортной городской среды». Е. А. Разомасова определяет данное понятие как «совершенствование и качественное преобразование институционального, событийного контента бытовой сферы» [5, с. 18]. О. Е. Сергеева и Е. Н. Лазарева выделили элементы комфортной городской среды, включающие в себя: элементы, связанные с территорией и местом проживания людей (дом и двор); элементы, определяющие перемещение людей из одного пункта в другой, обеспечение и соблюдение их безопасности во время передвижения (транзитные пространства); элементы, характеризующие те объекты территории, где люди проводят свое время вне дома (точки притяжения) [6, с. 168–169].

При рассмотрении вопросов благоустройства территории авторы рассматривают их с точки зрения архитектуры, экологичности городской среды, безопасности. Проявления активности граждан рассматривались О. В. Любовой, Е. В. Лагодиной, А. Алексеевым. Исследователи отмечают низкий уровень активности граждан. При этом на федеральном уровне в настоящее время признается необходимость вовлечения населения в решение проблем городов, отмечается стремление получить обратную связь. Но насколько вовлечены граждане в формирование городской среды? По мнению А. Алексеева главным участником в преобразовании городской среды, согласно урбанистическим идеалам, должно выступать местное сообщество, но по-прежнему источником большинства изменений выступает власть, создающая новые возможности для досуга, или бизнес, предлагающий свои услуги в ответ на растущий спрос, а люди остаются пассивными потребителями [7]. Другие исследователи подтверждают, что проводимые опросы населения — это «имитация вовлечения граждан в процесс благоустройства города» [8, с. 35], или — «конечным потребителям отводится роль немых созерцателей» [9, с. 9]. В целом можно сделать вывод о том, что на федеральном уровне пока нормативно-правовая база недостаточно проработана, нет единого подхода к понятию «комфортная городская среда», нет четко определенных и проработанных механизмов вовлечения граждан в работу по формированию и реализации программ благоустройства. Все это и дает основания авторам (да и самому населению) считать, что вовлеченность граждан в формирование городской среды носит чисто формальный характер, что, в свою очередь, ведет к недоверию к органам власти.

Для оценки опыта реального участия молодежи в формировании и благоустройстве городской среды было проведено эмпирическое исследование методом анкетного формализованного опроса. Целевая выборка предполагала опрос молодежи разных социально-демографических групп. Всего в опросе приняло участие 722 человека в возрасте от 15 до 30 лет, проживающих в городе Екатеринбурге, в том числе 63 % женщин и 37 % мужчин. Большинство респондентов имеет высшее образование (58 %), среднее общее образование имеет 25 % и 17 % имеет среднее профессиональное образование. Среди опрошенных 42 % сейчас работают, 49 % учатся, остальные ведут домашнее хозяйство (4 %), безработные и ищут работу (5 %). Ошибка выборки по одному признаку менее 4 % (3,7 %) с доверительным уровнем 0,95.

Для анализа данных использовались такие методы, как анализ частотных распределений, анализ средних значений и корреляционный анализ. В качестве основного результата проведенного исследования следует отметить крайне низкий уровень информированности молодых граждан о деятельности органов власти местного и муниципального управления, в том числе и о проекте «Формирование комфортной городской среды», а также его

реализации в городе Екатеринбурге. Около 65% опрошенных респондентов мало что знают о деятельности органов власти местного и муниципального управления, почти каждый пятый (18%) отметил, что совершенно ничего не знает об их деятельности. Среди молодежи 39% вообще не слышали о таком проекте, как «Формирование комфортной городской среды», 47% сказали, что что-то такое слышали, но точно о чем этот проект не знают, лишь 14% респондентов на вопрос о своей информированности об этом проекте ответили положительно. Информированность о реализации данного проекта в городе Екатеринбурге оказывается еще ниже. Подавляющее большинство молодых людей (60%) ничего не слышали и не знают о реализации проекта в своем городе, либо они недостаточно осведомлены о его реализации (36%). Ответили, что они очень хорошо знают о реализации данного проекта в городе Екатеринбург всего 4%, что почти на уровне ошибки выборки. Складывается парадоксальная ситуация: люди оказываются более информированными о том, что происходит в мире и стране, чем о том, что проводится и реализуется в их родном городе.

При столь низком уровне информированности о реализации проекта по «Формированию комфортной городской среды» неудивительно, что очень высока доля тех, кто не принимает никакого участия в формировании городской среды — таковых 83% всей опрошенной молодежи. При этом, даже участвуя в формировании городской среды, подавляющее большинство молодых людей делают это изредка, а не регулярно (88% от всех участвующих). Информированность о реализации проекта в своем родном городе и участие в данной работе статистически значимо коррелируют между собой: коэффициент корреляции Спирмана = 0,206 с уровнем значимости 0,000, т. е. $< 0,001$. При этом следует отметить, что ни гендер, ни образование, ни тип занятости (учеба или работа) не являются статистически значимыми параметрами, определяющими уровень активности: во всех группах молодежи включенность в деятельность по формированию городской среды примерно одинакова, на уровне 17–20%. Исключение — безработные, среди которых лишь 12% респондентов отметили свое участие. Имеются статистически значимые отличия в участии молодежи по районам города. Самый низкий уровень включенности молодежи отмечен в Верх-Исетском и Октябрьском районах города Екатеринбурга (по 10%), что, на наш взгляд, подтверждает, что налаживание взаимодействия с населением во многом зависит от работы муниципальных органов власти.

Самой распространенной формой участия в развитии городской среды среди молодежи является непосредственное благоустройство территории. Среди опрошенных 10% отметили, что делали это. Также молодежь активно участвует в оценке качества и эффективности реализованных проектов (7%) и публичных слушаниях и общественных обсуждениях по вопросам разви-

тия территории (6%). Отметим, что они выступали инициаторами создания/реконструкции объекта благоустройства лишь 1,5% опрошенной молодежи. Несмотря на низкий уровень участия молодежь города осознает свою ответственность: 67% респондентов считают, что население также должно участвовать в вопросах формирования комфортной городской среды наряду с органами местного самоуправления. Молодежь выражает свою готовность участвовать в формировании и благоустройстве городской среды в самых разных формах (мала лишь доля готовых по финансовому участию — 13%). Однако на практике реализуется ограниченный спектр из числа возможных форм участия граждан. Более того, формат реализуемых форм участия граждан не соответствует их потребностям и имеет ряд существенных недостатков, среди которых необходимость исключительно очного участия, формальный характер проводимых процедур, а самое главное, — недостаточное информационное сопровождение возможностей участия. Все это снижает фактическое включение молодежи в формирование комфортной городской среды до минимума, а также становится основанием недоверия и негативного отношения к принимаемым органам власти решениям в данной сфере.

Подводя итог, стоит отметить, что на законодательном уровне не закреплена единого подхода к термину «комфортная городская среда», механизмы участия граждан четко не проработаны, активность населения в формировании и развитии городской среды скорее имитируется, чем развивается на самом деле. Молодежь готова принимать активное участие в формировании городской среды, но она мало информирована о возможностях такого участия.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00471 А.

Литература

1. Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» на 2018–2022 годы. Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 18.04.2017 г. № 5. URL: <http://static.government.ru/media/files/JEnYAAfDkMAyulAjsAxZdkXGPaEJSu.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
2. Федотов Е. С. Социальная роль благоустройства городской среды мегаполиса // Социальная политика и социология. 2013. № 2–1 (92). С. 272–284.
3. Балина Т. А., Гальцева А. Н., Овсянкина А. А. Комплексная оценка качества городской среды: подходы к изучению // Современный город: власть, управление, экономика. 2018. Т. 1. С. 216–222.
4. Заборова Е. Н. Городская среда как фактор развития человеческого капитала // Управленец. 2017. № 6 (70). С. 65–71.
5. Разомасова Е. А., Романова Н. Г. Комфорт как условие attractiveness городской среды // Идеи и идеалы. 2018. № 2. Т. 2. С. 16–27.
6. Сергеева О. Е., Лазарева Е. Н. Комфортная городская среда как определяющий фактор развития мегаполисов // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 166–173.

7. Алексеев А. Имитация пространства // Официальный сайт BRICS Media Initiative. URL: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/imitatsiya-prostranstva> (дата обращения 20.02.2020).

8. Любова О. В. Формирование современной городской среды, имитация или реальность // Вестник Евразийской науки. Т. 11. № 2. С. 35–44.

9. Лагодина Е. В. Комфортная городская среда глазами простого горожанина // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. № 2. С. 9–12.

УДК 316.4

Шаповалова И. С.

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО?

Аннотация: в статье изложены результаты российского исследования, посвященные определению самосохранительных диспозиций и стратегий современной молодежи. В качестве научного итога приведены основные социализационные результаты самосохранительных установок молодежи: ценность насыщенной жизни и самореализации в ней, ценность рождения здоровых детей, низкая ценность высокой продолжительности жизни. Обозначены основные риски, которые сопровождают выявленные социализационные результаты и выбранные молодежью самосохранительные траектории.

Ключевые слова: молодежь, социальные стратегии, жизненный выбор, здоровье, продолжительность жизни, самосохранительное поведение.

Shapovalova I. S.

HEALTH-SAVING BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: AND THEY LIVED HAPPILY EVER AFTER?

Abstract: the article presents the results of a Russian study on the definition of self-preservation dispositions and strategies of modern youth. As a scientific result, the article presents the main socialization results of self-preservation attitudes of young people: the value of a rich life and self-realization in it, the value of having healthy children, the low value of a high life expectancy. The main risks that accompany the identified socialization results and self-preservation trajectories chosen by young people are identified.

Keywords: youth, social strategies, life choices, health, life expectancy, self-preservation behavior.

Молодежь — особая социальная группа, имеющая высокую настоящую и перспективную значимость, скрывающая неясный потенциал, но несущая глобальную миссию формирования национального будущего. Раскрытие потенциала российской молодежи, реализуемого впоследствии в качестве составной части человеческого капитала, является приоритетом в ряду стратегических ориентиров России. Выбор жизненных ориентиров и социальных стратегий молодыми людьми во многом определяет будущее России. Возмож-

ность реализации государственных стратегий и программ (2030, 2050) полностью определяется жизненной перспективой сегодняшних выпускников школ, сузов и вузов. Предварительное изучение социальных стратегий молодых людей способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей и управляемости регионального развития.

Молодежная культура, погруженная в общие и специфические риски, формирует сложный факторный фарватер, в рамках которого молодежи приходится принимать жизненно важные решения, вырабатывая свой путь социализации, что подчеркнуто во многих исследованиях российских авторов [1, 2]. Изменения структуры основных социальных процессов и механизмов воздействия на молодежь основных социализационных институтов приводят к непредсказуемому результату социализации, способному качественно изменить будущий менталитет россиянина. Такие изменения могут происходить по всем направлениям социализации, но в данной статье мы рассмотрим только одно — самосохранительные стратегии российской молодежи.

Отношение молодежи к своему здоровью — это тот решающий, наиболее весомый фактор, который способен как вывести демографическую ситуацию России на лидерские позиции по отношению к международным рангам, так и свести на нет все попытки увеличить человеческий капитал нашего государства. Самосохранительные модели поведения молодежи, диспозиционные установки на здоровый образ жизни рассмотрены в трудах и изучены в исследованиях ряда авторов [3, 4, 5, 6, 7 и др.], многие из них предприняли попытку оценки и внешних факторов, и условий, влияющих как на состояние здоровья, так и на самосохранительные выборы молодых людей [8, 9, 10, 11 и др.].

Исследуя риски в области социализационных стратегий молодежи, в 2018 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было впервые проведено глобальное исследование социальных стратегий молодежи. Были произведены замеры в области 11 стратегий: экономические, образовательные, миграционные, трудовые, общественные, духовно-нравственные, досуговые, политические, самосохранительные, семейные, коммуникативные. Объектом исследования выступила молодежь российской провинции ($N = 2500$), распределенная по полу, возрасту и трем основным квотам: учащаяся, студенческая и работающая молодежь. Целью исследования было изучение социализационных траекторий молодежи и возможности влияния на них региональных институтов в условиях рискогенности современной среды обитания. Подробнее о различных аспектах исследования можно узнать из научных публикаций И. С. Шаповаловой и А. В. Кисиленко [12, 13, 14]. Одним из предметов изучения стали самосохранительные стратегии молодежи, что позволило выделить одну из *важных задач исследования*: определение рисков существующих диспозиций самосохранительного пове-

дения, социализационных результатов и жизненных выборов молодежи в периметре здоровьесберегающих жизненных стратегий.

Актуальность социологического осмысления самосохранительного поведения обусловлена тем, что в настоящее время проблемы здоровья населения приобретают особую значимость. В настоящее время все большую роль в детерминации заболеваемости и смертности играет поведенческий фактор, отношение людей к собственному здоровью и продолжительности жизни. Вопросы, связанные с формированием самосохранительного поведения населения России, актуальны и приобретают в нашей стране особую значимость. Важнейшим аспектом общественного здоровья является самосохранительное поведение и образ жизни молодежи. Именно поэтому актуальным становится определение самосохранительного типа молодых людей, который дает характеристику отношения к своему физическому состоянию. Так, только 34,8% опрошенных следят за своим здоровьем и регулярно проходят диспансеризацию, подавляющее же большинство (65,2%) посещают поликлинику только в период болезни — такое отношение к своему здоровью может быть оправдано молодым возрастом и отсутствием проблем на данный момент.

Рассматривая полюсные диспозиции, мы определили мотивацию молодежи в области сохранения здоровья и причины, которые мешают вести молодым людям здоровый образ жизни. Так, основным мотивом сохранить и повысить уровень своего здоровья становится полноценная жизнь человека (63,9%), возможность самореализации (38,3%), продолжение собственного рода (33,0%) и желание быть включенным в жизнь собственных детей (31,9%). Таким образом, в рамках данной траектории на сегодняшний день есть два важных социализационных результата: *полноценная жизнь и самореализация в ней и рождение здоровых детей*. Менее всего мотивирует молодежь мода и пропаганда СМИ, не для многих важно здоровье для работы и боязнь стать никому не нужным:

Ответы на вопрос «Что заставляет вас заниматься своим здоровьем?»

Значения	%
хочу хорошо себя чувствовать, чтобы полнее наслаждаться жизнью	63,9
хочу долго жить, чтобы вырастить всех своих детей	31,9
хорошее здоровье позволяет человеку полнее реализовать себя	38,3
хочу быть здоровой (ым), чтобы родить здоровых детей	33,0
хочу как можно дольше сохранить красоту и привлекательность	27,3
хочу долго жить, помочь воспитать внуков	13,3
большой человек никому не нужен	8,8
не хочу стать обузой для других из-за плохого здоровья	12,8
забота о здоровье вошла в моду, пропагандируется СМИ	2,2
не могу позволить себе болеть, так как лечение обходится очень дорого	12,5
хорошее здоровье позволяет как можно дольше работать	8,8

Значения	%
затрудняюсь ответить	7,0
другое	0,3

Причины, препятствующие ведению здорового образа жизни, распределились следующим образом: в тройку ведущих причин определен дефицит временного ресурса (34,3%), связанный с ним фактор загруженности учебной работой (38,6%); собственную лень определили также 34,3% молодых людей. Немаловажным фактором стала и материальная несостоятельность молодежи (20,7%) и нежелание менять свой образ жизни (10,0%).

В качестве установочных диспозиций немаловажное значение имеет установка на продолжительность жизни молодых россиян. Так, пессимистичную траекторию «дотянуть» до 50 лет в качестве наилучшего варианта выбрали 6,1%, до 60 лет — 3,9%, до 70 лет — 7,3%. Таким образом, небольшую продолжительность жизни как лучший формат для себя определяют 17,3% молодых людей. Наибольшее количество хотели бы пожить в периоде 80–89 лет, и чуть более 30% выходят за эту черту, при этом 17,0% даже перешагивают столетний рубеж:

Ответы на вопрос «Что вам мешает вести более здоровый образ жизни?»

Значения	%
отсутствие свободного времени	34,3
загруженность работой/учебой	38,6
собственная лень, неорганизованность	34,3
отсутствие материальных возможностей	20,7
нежелание/неготовность менять свой привычный образ жизни	10,0
отсутствие единомышленников	6,6
отсутствие необходимой информации по вопросам здорового образа жизни	2,4
возраст	1,9
занятость семьей и детьми	1,9
отсутствие связей/состоятельных друзей и родственников	0,8
не верю, что могу своими силами что-то изменить	1,8
общая обстановка в городе/районе, где я живу	2,4
отсутствие необходимого образования/умений и навыков	1,5
плохие жилищные условия	1,0
общая обстановка в стране	2,6
другое	0,5

Оценивая реальные возможности и перспективы, молодежь делает некоторый отток в сторону меньшей продолжительности жизни — так в реальности отметить свое столетие собираются уже 11,8%, справлять восьмидесяти-

летний юбилей — 20,5%, а вот количество тех, кто не рассчитывает дожить до 70, лет увеличивается на более чем на десять пунктов — 29,1%. Таким образом, практически треть молодых людей не настроена на долголетие, в целом, здесь может быть скрыт социализационный результат — *невысокий запрос к продолжительности жизни молодых людей*:

Ответы на вопрос «Какую продолжительность жизни вы считаете наиболее оптимальной для человека? А сколько планируете прожить сами?»

Значения	Наилучшая продолжительность жизни	Возраст, до которого удастся дожить
меньше 50	6,1	8,2
50–59	3,9	8,2
60–69	7,3	12,7
70–79	14,0	16,6
80–89	27,6	20,5
90–99	15,5	11,3
100 и выше	17,0	11,8

Рассматривая динамику и перспективу здоровьесбережения молодежи региона, стоит отметить, что на данный момент занимаются спортом около 35,1% опрошенных и в целом к «спортивной группе» на том или ином этапе планируют присоединиться еще 18,5%.

Ответы на вопрос «В каком возрасте вы сделали, планируете (или не планируете), предпринять следующие шаги?»

Варианты ответов	Возрастные группы								Затрудняюсь ответить	
	18–20	20–25	26–30	31–35	36–40	41–45	45–60	После 60 лет		
Заняться спортом (если не занимаетесь)	35,1	13,7	2,8	1,2	0,4	–	–	0,4	2,4	8,7
Бросить курить (если курите)	11,5	6,2	1,8	0,9	0,5	–	–	0,4	6,9	17,2
Не употреблять алкоголь (если употребляете)	11,0	4,7	2,6	1,3	0,4	0,3	0,8	0,9	9,3	16,3
Придерживаться здорового питания	26,7	14,2	4,5	2,3	1,1	0,6	–	0,4	3,4	10,9
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний	21,9	14,3	5,5	2,7	1,8	0,9	1,5	0,9	3,5	12,5
Заниматься поддержанием своего здоровья для увеличения продолжительности жизни	24,8	13,9	5,5	3,2	1,5	1,2	1,0	0,7	2,5	11,5

Таким образом, к спортивному образцу жизни будут приобщены на ранних этапах (до 25 лет) 48,8%, а всего к спорту подключится 53,6% населения. Придерживаться здорового питания планируют начать до 25 лет также 40,9%

молодежи, при этом большая часть сделает (или уже сделала) это до 20 лет, всего следить за своим рационом планирует 49,8 %. Также до 25 лет будут проходит профилактическую диспансеризацию 36,2 %, примерно столько же начнут уделять внимание своему здоровью, всего более внимательно к себе станут относиться 49,5 % и 51,8 %.

Оценивая существующую ситуацию в помощи социальных институтов в реализации самосохранительных социализационных траекторий, молодые люди по всем позициям остановились в пределе до 30 % — наибольший показатель здесь сложился в оценке развития молодежного спорта (29,2 %), наименьший — информирование населения о необходимости диспансеризации (22,8 %). Работа медицинских учреждений была оценена удовлетворительно только 23,8 % молодых людей, доступность спортивной инфраструктуры — 24,0 %.

Ответы на вопрос «Выскажите свое отношение к существующей ситуации в вашем район/городе (месте проживания) по следующим вопросам»

Оценка	Работа медицинских учреждений	Информированность населения о необходимости прохождения диспансеризации	Доступная бесплатная спортивная инфраструктура	Пропаганда здорового питания	Приобщение молодежи к ЗОЖ	Развитие молодежного спорта
Удовлетворен ситуацией	23,8	22,8	24,0	25,1	27,4	29,2
Имею информацию по вопросу	8,6	8,4	7,9	7,1	6,5	5,8
Заинтересован в данном вопросе	8,1	5,5	6,3	5,2	4,9	4,3

Проблемное поле по каждой из выделенных проблем не превысило 20 %, так, наибольший выбор получили проблемы, связанные с отсутствием профилактической работы по предотвращению заболеваний среди молодежи (19,5 %), неконтролируемым курением молодежи в общественных местах несмотря на закон (18,5 %), неконтролируемым употреблением молодежи спиртных напитков (18,6 %):

Ответы на вопрос «Укажите, какие проблемы существуют в вашем районе/городе»

Наличие проблем	%
Отсутствие профилактической работы по предотвращению заболеваний среди молодежи	19,5
Отсутствие пропаганды здорового образа жизни среди молодежи	10,8
Отсутствие доступной спортивной инфраструктуры	14,0

Наличие проблем	%
Отсутствие фитнес-клубов, спортивных секций, тренажерных залов	8,8
Наличие большого количества кафе быстрого питания и фаст-фудов	15,7
Неконтролируемое курение молодежью в общественных местах несмотря на закон	18,5
Неконтролируемое употребление молодежью спиртных напитков	18,6
Высокий уровень наркомании среди молодежи	12,0
Нет перечисленных проблем	36,4

Говоря о результатах проведенного исследования, мы отмечаем, в первую очередь, те социализационные результаты, которые получены для молодежи 1997–2003 года рождения. Это: а) *ценность полноценной жизни и самореализации в ней*, б) *важность рождения здоровых детей*, в) *невысокий запрос к продолжительности жизни*.

Первые две позиции тесно связаны между собой, по сути, самореализация может быть трансформирована в том числе и через детей. Но третий результат способен привнести странный аттрактор в смысловые ориентиры молодых людей. Невысокая ценность продолжительной жизни в сочетании с первым результатом может дать конфигурацию самосохранительных моделей, направленных на гедонистические устремления, включая и асоциальные удовольствия, разрушающие не только физическое, но и социальное здоровье. Второй результат, выступающий с одной стороны ограничителем такого риска, может закладывать репродуктивные границы, связанные с вехами воспитания детей, определяя окончание самосохранительных норм с их взрослением.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-411-310009.

Литература

- Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 7. 2004. № 1. С. 175–189.
- Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Е. Ю. Киреев, В. Я. Красниковский, А. А. Сазонов, А. Л. Сазонова. М.: ИД «Наука», 2013. 286 с.
- Кашуркина С. С. Самосохранительное поведение детей и молодежи в современном российском обществе : дисс... на соискание ученой степени канд. соц. наук. Казань. 2006.
- Николаюк Е. А. Ценностная структура российской молодежи и ее самосохранительное поведение на современном этапе // Власть. Т. 24. 2016. № 11. С. 145–150.
- Павлов Б. С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 52. С. 109–122.
- Полтораки М. Н. Самосохранительное поведение учащейся молодежи в условиях аксиологической динамики российского общества : автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. соц. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2010.

7. Самыгин С. И., Самыгин П. С., Осипова А. А. Молодежь и здоровье: психологические барьеры самосохранительного поведения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 72–77.

8. Здоровье молодежи / М. Ю. Абросимова, В. Ю. Альбицкий, Ю. А. Галлямова [и др.]. Казань : Медицина, 2007. 220 с.

9. Функциональное состояние и здоровье у различных категорий молодежи в современных условиях экологической среды / В. И. Бондин, И. А. Пономарева, Т. А. Жаброва [и др.] // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2012. № 2. С. 41–48.

10. Евстифеева Е. А., Рассадин С. В., Филипченко С. И. Репродуктивное здоровье молодежи: риски поведения, атрибуция ответственности и качество жизни // Перспективы науки. 2010. № 8. С. 17–21.

11. Соловьев Г. М. Здоровьесберегающая система в обеспечении качества образования, здоровья и формирования культуры здорового образа жизни учащейся молодежи. М. : ГОУ ВПО Ставропольский гос. ун-т, 2009. 263 с.

12. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи. Research result. Sociology and management. 2018. Т. 4. № 1. С. 63–71.

13. Максименко А. А., Шаповалова И. С. Молодежь и российская армия: будет ли положительный вектор во взаимодействии? // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 70–87.

14. Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 13. 2018. № 6. С. 14–28.

УДК 316.45

**Армянинова Д. А.,
Певная М. В.**

СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ В ПОВЕСТКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: в статье дается краткий анализ понятия «социальное участие», анализируются национальные проекты «Образование», «Культура», «Жилье и городская среда», определяется место социального участия населения в реализации задач данных проектов.

Ключевые слова: социальное участие, национальные проекты, население.

**Armaninova D. A.,
Pevnaya M. V.**

SOCIAL PARTICIPATION IN THE NATIONAL PROJECT AGENDA

Abstract: the article provides a brief analysis of the “social participation”. The authors evaluated the National projects “Education”, “Culture”, “Housing and urban environment” and determined the place of social participation of citizen in the implementation of these project’s aims.

Keywords: social participation, national projects, population.

© Армянинова Д. А., Певная М. В., 2020

В указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 включены 12 национальных проектов, определяющих основные направления развития государства. Из обращения Президента РФ 2020 года [1] становится очевидно, что ключевая миссия национальных проектов далека от участия российских граждан в принятии политических решений. Основной акцент сделан на идее удержания населения на территории страны благодаря выстроенной системе мер. Национальный проект «Образование» упоминался Президентом в контексте улучшения материального состояния школ при использовании цифровых технологий обучения (интернета). Однако Счетная палата РФ обратила внимание на дисбаланс в расходах бюджетных средств. Основная их часть идет на текущие расходы. В период 2016–2018 годов 70 % шло на заработную плату и лишь 1,7 % — на приобретение оборудования и капитальный ремонт [2]. Дополнительным вектором развития, по мнению Президента РФ, является улучшение положения учреждений высшего образования в регионах за счет развития регионального образовательного сектора в целом, а также привлечения специалистов в регионы при создании системы, в которой человек проходил бы все три стадии обучения в одном регионе и оставался в нем работать. Однако при оценке эффективности данного национального проекта проверка выявила, что в рамках образовательного нацпроекта не затронуты вопросы эффективности региональных высших учебных заведений. По данным аудиторов, в трети регионов отсутствуют вузы с наивысшими баллами ЕГЭ у зачисленных студентов, а во многих региональных вузах нет собственных исследований или они слабы. О привлечении молодежи в сферу наставничества, создания новых волонтерских движений в обращении Президента, в отличие от прошлых лет, не было ни одного высказывания.

Национальному проекту «Культура» в обращении уделено немногим больше внимания, кроме того, что все усилия в этом направлении фокусируются на продвижении искусства и создании новых площадок обучения для школьников. Однако Счетная палата выявила, что некоторые из запланированных на 2019 год проектов выполнены не были. Например, было профинансировано только 60 из 123 творческих проектов некоммерческих организаций, которые должны были по плану получить господдержку в 2019 году. По итогам проверки Счетной палате не удалось вообще узнать данные по одному из целевых показателей нацпроекта — увеличению числа посещений объектов культуры. Таким образом, 2019 год показал, что реализация заявленных национальных проектов испытывает критические сложности. В качестве основных причин складывающейся ситуации определяются сбои в перенастройке системы государственного управления, в том числе взаимодействие государственных органов власти с региональными; «жесткость финансирования» и слабая информированность населения [3]. Последняя причина, на наш взгляд, является не менее важной, чем другие. Она во многом связана с тем, как чи-

новники на разных уровнях управления работают с населением — наиважнейшими бенефициарами, которых должны коснуться социальные изменения. В этом случае нельзя категорически рассматривать кампании информирования граждан о целях и задачах национальных проектов в отрыве от программ действий по вовлечению населения или общественному и социальному участию последних. Например, основанная в 1990 году Международная ассоциация публичного участия (*IAP2*), объединяющая более чем 6000 специалистов из 26 стран, разработала стандарт общественного участия. В данном документе информирование населения является первым шагом в создании условий для расширения влияния граждан на принимаемые в их местном сообществе управленческие решения [4]. Постараемся определить суть феномена участия и обозначить его место в отдельных национальных проектах.

В словаре С. И. Ожегова дается определение *социального* как общественного, то есть ко всему, что относится к жизни людей и их отношениям в обществе в целом [5]. В понимании смыслового значения *социальное участие* важно рассматривать в его формировании словарное значение *социальности*. В словаре русского языка В. И. Даля отмечается французское происхождение слова и его трактовка как общественности, общезнательности, гражданственности, взаимных отношений и обязанностей гражданского быта, жизни. В данном контексте можно говорить о конкретизации социального участия в рамках гражданских отношений, формировании гражданственности, а также близости к функционированию местных сообществ и их общественно-политической жизни [6].

Л. И. Никовская и И. А. Скалабан в качестве базового, внутренне дифференцированного понятия рассматривают термин *общественное участие* и определяют его как процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата. В их трактовке общественное участие включает в себя всю совокупность видов участия: социальное (в пространстве повседневности), гражданское и политическое [7, с. 43–60]. На наш взгляд, все виды участия в определенных территориальных границах тесно связаны. Например, опыт общественного участия при определенных условиях способствует перетеканию социальной активности в гражданскую или наоборот. Л. И. Никовская отмечает, что социальное участие трактуется как коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса, локализуется на горизонтальном уровне, более отвечая практике коллективной взаимопомощи и кооперации [8, с. 33–39].

Для определения сути социального участия важно рассматривать внутренние процессы самоорганизации, формы, виды и типы взаимодействия людей, их коллективные действия, направленные на решение каких-то значимых для

них и сообщества, в котором они живут, проблем. С нашей точки зрения для понимания социального участия следует анализировать и внешнюю структуру участия, которая имеет очень много общего как для общественного или гражданского, так и социального участия. Здесь определяющую роль играют институциональные условия, организационная инфраструктура, создаваемая субъектами территориального управления и некоммерческим сектором, культура участия населения, проявляющаяся в традициях, локальных традиционных практиках, технологии, которые применяют специалисты и инициативные люди, чтобы вовлекать в свои проекты и акции других людей. Под этим критическим углом дадим оценку национальным проектам «Образование», «Культура», «Жилье и городская среда». Именно в этих проектах, по нашему мнению, заложены основы, связанные с созданием экоструктуры социального участия. Постараемся проанализировать, в каких формах оно зафиксировано в данных проектах, какие механизмы и мероприятия заявлены для его активизации, какие результаты уже достигнуты, какие проблемы и барьеры сегодня уже проявились.

Проект «Жилье и городская среда» включает в себя четыре направления, два из них предполагают прямое участие населения. Важными мероприятиями для расширения социального участия в проекте являются Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, а также общественные обсуждения и определение территорий и мероприятий по благоустройству объектов, в том числе по результатам рейтингового голосования. Целевой показатель проекта «Увеличение доли граждан старше 14 лет, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды, до 30 %». К числу основных мероприятий, которые должны сработать на вовлечение граждан, их гражданское и социальное участие, относятся: рейтинговое голосование, публичное обсуждение конкретных проектов создания комфортной городской среды, дизайн-решений по конкретным территориям, использование цифровых технологий (мобильные приложения, онлайн-порталы для голосования («Активный гражданин», «Добродел» и т. п.)). Бюджет национального проекта: 1066,2 млрд руб. Из них на формирование комфортной городской среды должно быть затрачено 287 856,3 млн руб., при этом сумма затрат на мероприятия, важные для активизации участия населения, составляет 30 000 млн руб (по данным на сайте правительства РФ) [9].

В проекте «Культура» заложена институциональная поддержка добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов РФ. В нацпроекте три подпрограммы: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Всего на реализацию нацпроекта из бюджета в 2019–2024 гг. планируется выделить 113,5 млрд рублей (из федерального — 109,7 млрд рублей, из бюджетов субъектов РФ — 3,8 млрд рублей). При

этом наибольшее финансирование предусмотрено для проекта «Культурная среда» — 84 млрд рублей. Программа «Волонтеры культуры» [10] реализуется в рамках данного нацпроекта. Ее цель — создание и работа социального института добровольчества в сфере сохранения культурного наследия в масштабах страны. Основными задачами программы являются формирование общества волонтеров, задействованных в добровольческой деятельности в сфере культуры, обеспечение методологической, информационной, ресурсной поддержки деятельности, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов РФ, а также популяризация добровольческого движения через организацию серии широкомасштабных, массовых мероприятий, форумов и практических сессий.

В национальный проект «Образование» включен федеральный проект «Социальная активность», цель которого — развитие добровольчества (волонтерства), талантов и способностей у детей и молодежи, в том числе студентов, путем поддержки общественных инициатив и проектов. В соответствии с целевыми показателями к 2024 году в добровольческую деятельность должно быть вовлечено 20 % граждан, 45 % молодежи должны стать участниками творческой деятельности, 70 % студентов будут вовлечены в клубное студенческое движение. Бюджет национального проекта «Образование» — 784,5 млрд руб. Из них на социальную активность выделено 27,3 млрд руб. Именно в данном проекте заложено инфраструктурное решение, на наш взгляд, важное для формирования культуры участия, а именно создание волонтерских и добровольческих центров для школьников.

В статье мы лишь рамочно обозначили суть исследовательского и крайне важного для публичной политики муниципального и регионального уровней практического вопроса. Несмотря на декларативность открытости данных в системе государственного и муниципального управления на текущей момент крайне сложно оценить результативность не только национальных проектов в целом, но и отдельных их программ. Если на федеральном уровне можно найти отрывочные данные, то на региональном уровне, как правило, тотальный информационный вакуум. В оценке проектов лишь выделим критические, на наш взгляд, моменты. Во-первых, целевые показатели отражают лишь количественные показатели. Они не предполагают какой-либо оценки качества тех изменений, которые произойдут. Во-вторых, оценка проектов напрямую связана с отчетами чиновников и их аккуратностью в заполнении ресурсов мониторинга. Отсутствие какой-либо оценки проектов и мероприятий со стороны соучаствующего населения влечет за собой риски организационной симуляции.

Материалы статьи подготовлены авторами при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00471.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 15.03.2020).
2. Счетная палата указала недостатки и риски нацпроектов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2020/5e184e2a9a79470bf49655c3> (дата обращения: 15.03.2020).
3. Путин раскритиковал реализацию нацпроектов в 2019 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/12/2019/5e035efb9a794779da6b5cc7> (дата обращения: 15.03.2020).
4. Public Participation Pillars. URL: https://cdn.ymaws.com/www.iap2.org/resource/resmgr/Communications/A3_P2_Pillars_brochure.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 15.03.2020).
7. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития. Полис // Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.
8. Никовская Л. И. Гражданское участие и государство: рост запроса на публичность и диалог // Отечественные традиции государственного управления и современность: материалы научно-общественного Новгородского форума. М.: ГУУ. 2017. С. 33–39.
9. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» // Сайт правительства РФ. URL: <http://government.ru/projects/selection/735/35560/> (дата обращения: 15.03.2020).
10. Программа «Волонтеры культуры» // Министерство культуры РФ. URL: <https://www.mkrf.ru/about/national-project/creative-people/volunteers/> (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 316.45

Фаткуллина Г. Р.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация: статья посвящена обзору зарубежных и отечественных исследований ценностной проблематики.

Ключевые слова: ценности, система ценностей, аксиологическая идея.

Fatkullina G. R.

ANALYSIS OF THE LITERATURE ON THE PROBLEM OF VALUES

Abstract: the article is devoted to the review of foreign and domestic research on value issues.

Keywords: values, system of values, axiological idea.

Анализ зарубежной и отечественной научной литературы показал, что проблема ценностей изучалась на протяжении всей человеческой истории мысли. Еще в Древней Греции Сократ, Платон и Аристотель размышляли о ценностях жизни, бытия. Мыслители эпохи Средневековья: Августин Аврелий, Фома Аквинский высшей ценностью наделяли Бога. Деятели эпохи Возрождения Л. Валла, М. Монтень и др. обосновали самоценность человеческой личности. Представители общественной мысли Нового времени Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Локк, а также французские просветители Ш. де Монтескье, К. А. Гельвеций доказывали важность рационалистических ценностей.

Мировоззренческие идеи представителей немецкой классической философии И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха послужили предпосылкой выделения аксиологии в самостоятельную область научного знания во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Дальнейшее развитие представлений о ценностях получило в работах немецкого философа Р. Г. Лотца «Основания практической философии» и «Микрокосм», в которых мыслитель предложил четко разграничивать мир явлений и мир внутренних ценностей. Ф. Ницше в своих трудах переосмыслил ценности Западной Европы в конце XIX в.

В первой половине XX в. западноевропейская аксиология окончательно утвердилась как философское учение, что связывают с выделением ряда философских течений, представители которых активно исследовали сущность ценностей. Самыми интересными представителями являлись: неокантианцы баденской школы В. Виндельбанд, Г. Риккерт (согласно этому направлению ценностью представляется принцип бытия, познания и деятельности человека, имеющий абсолютный, трансцендентный характер); представители феноменологической философской школы Э. Гуссерль, М. Шелер (в своих работах особое внимание уделяли процессу познания ценностей); экзистенциалисты М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр (считающие, что ценности необходимо создавать самому, и это исключительно индивидуальный выбор); представители «философии жизни» Г. Зиммель, В. Дильтей (в центре аксиологической мысли которых стояла проблема ценности человеческой жизни).

Существенный вклад в развитие аксиологических идей во второй половине XX в. был внесен немецкими учеными В. Франклом (рассматривал представления о ценностях в теории логотерапии и экзистенциального анализа: ценность тесно связывал с вопросом о смысле жизни) и Э. Фроммом. На развитие современной западноевропейской аксиологии значительное влияние оказывают концепции мыслителей-постмодернистов, в частности Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, которые в своих работах рассуждали о крушении традиционных ценностей в обществе постмодерна [1, с. 4].

На данный момент проблема ценностей довольно часто поднимается в работах современных исследователей. Например, хотелось бы отметить таких авторов, как М. Папи, П. Зима (провели исследование мотивации к ценностям

среди учащихся), С.-Х. Ву, С.-С. Ву (провели исследование ценностей социальной среды), Д. Шуберт (идеологическая система ценностей в городской среде), Д. Р. Жизнь и А. Вибово (провели исследование влияния деятельности «большой Пятерки» на молодежь), С. Мартинес-Олвера, Дж. Мора-Варгас (исследовали влияние ценностей на промышленность), Х. Хуан, Дж. ван Висеп (исследовали влияние культурных ценностей на развитие города Гуанчжоу), М. Кутценко, Е. Бойко (исследовали значение ценностей и компетенций в концепции человеческого капитала), М. В. Тейлор, П. Л. Стефенсон (в своем исследовании говорили о влиянии библиотек на ценности), Д. М. Шоу, Б. Пендер (исследовали влияние ценностей исследователей на науку) и многие другие.

В эпоху Киевской Руси после принятия христианства возникли первые представления о ценностях. Православные мыслители К. Смолятич и К. Туровский, как и западноевропейские средневековые философы, наивысшей ценностью считали Бога. Позже, под влиянием политики Ивана IV, произошла смена ценностей (главная ценность — государство и ее интересы). Однако в середине XVII в. благодаря ориентации местной элиты на западноевропейскую систему ценностей, в отечественной общественной мысли утвердилась идея о том, что человек и его жизнь — это наивысшая ценность вне зависимости от его социального статуса (С. Полоцкий). Ю. Крижанич же продвигал идею о значимости просвещения, которую поддержали мыслители Петровской эпохи Ф. Прокопович и В. Н. Татищев. В период царствования Екатерины II возникли противоречия между провозглашаемыми ценностями гуманизма, свободы, равенства всех людей и принципами беспрекословного подчинения государству, которые были отражены в работах А. Н. Радищева, Я. П. Козельского, М. М. Щербатова.

Существенное влияние на формирование морально-нравственных ценностей отечества оказала деятельность декабристов. Во второй четверти XIX в. проблема ценностной стала одной из основных в полемике между славянофилами (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) и западниками (В. Г. Белинский, А. И. Герцен и др.). К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев как представители русской идеалистической философии отводили ведущую роль ценностной проблематике. Представители русского религиозного ренессанса (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) ценностную проблематику поставили в центре своих культурофилософских мыслей. [1, с. 5].

В первые годы становления советской власти попытка рассмотрения ценностей в контексте новых социалистических реалий была предпринята А. В. Луначарским. В период господства административно-командной системы (1930-е — начало 1950-х гг.) аксиологические исследования в СССР не проводились. С 60-х гг. прошедшего столетия исследователи вновь обратились к проблеме системы ценностей. Работы С. Ф. Анисимова, И. И. Антоновича, Л. М. Архангельского, В. А. Блюмкина, Л. А. Воловича, О. В. Горш-

ковой, А. Г. Здравомыслова составляют теоретическую основу российской аксиологии. В трудах этих исследователей рассматривались фундаментальные проблемы аксиологии, связанные с онтологическими вопросами теории ценностей, изучались исторические корни происхождения проблемы ценностей в философии, культурологии, этике и эстетике, объяснялось отношение системы ценностей к миру духовного и материального, исследовались формы и способы существования ценностей.

С начала 70-х гг. объектом исследования становятся структура и содержание системы общественных и личных ценностей, влияние различных факторов на формирование и изменение системы ценностей (А. И. Верещиной, О. В. Горшковой, Е. М. Груздовой, А. Г. Здравомыслова, Е. В. Золотухиной, Е. Ф. Соколовой, В. А. Ядова и др.) [2, с. 3]. О. Г. Дробницкий, И. С. Нарский, Е. М. Пеньков, Л. Н. Столович, В. Н. Сагатовский, В. П. Тугаринов, А. Н. Максимов изучали проблему ценностей в контексте марксистской идеологии. А. М. Коршунов, М. Г. Макаров и др. анализировали в своих трудах взаимосвязь ценностей с другими философскими категориями. Б. Г. Кузнецов рассматривал в своих работах проблему ценности познания и ее экономических, социальных, моральных и эстетических критериев в свете философского анализа теории относительности, квантовой механики и других фундаментальных концепций современной науки. Существенный вклад в исследование проблемы ценностей был внесен отечественным философом, культурологом и литературоведом М. М. Бахтиным.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. ценностная проблематика разрабатывалась А. С. Ахиезером (который в своих работах говорил о тесной взаимосвязи истории России и ценностях общества), В. Г. Кузнецовой (личные ценности), И. К. Кучмаевой (семейные ценности), В. Н. Шиловым (исследовал политические ценности). В конце XX — начале XXI вв. к проблеме ценностей обращались Г. П. Выжлецов (в своих работах отмечал важность иерархии ценностей, а не классификации), М. С. Каган (ученый предложил оригинальную концепцию теории ценностей, связанную с разработанной им философией культуры), Н. С. Розов (предлагал использовать ценности, ценностные системы для постановки и эскизного решения глобальных проблем устойчивого развития, разрешения и конструктивизации конфликтов, а также проблем международных и национальных требований к социально-гуманитарному образованию).

Среди отечественных аксиологических исследований последнего времени особый интерес представляет работа Л. В. Баевой, которая в монографии изложила материалы исследования проблемы становления и развития ценностей, представила анализ ценностных приоритетов различных типов общества с позиции компаративного метода и экзистенциального подхода, раскрыты сущность ценностного фактора в природно-социальном развитии.

Аксиологическая проблематика популярна и по сей день (особенно среди отечественных исследователей). Наибольший интерес у ученых вызывают проблема ценностей молодежи, проблема ценности образования: С. А. Клыч-

ков, В. П. Бездухов, И. А. Носков, А. В. Гушиной, Е. Ф. Мороз, А. А. Сахаева, Р. А. Кузнецов, Т. В. Ледовская, Н. Э. Солынин, А. М. Ходырев, О. Н. Жупник, С. А. Вдовин, В. А. Бурцев, Е. В. Бурцева, М. Н. Чапурин, З. А. Аксютина, О. А. Озерова, Л. А. Милованова, С. Н. Костина, Е. В. Зайцева, Г. А. Банных, С. В. Пирогова, А. А. Ибрагимова, А. В. Анисимов, С. В. Никулов, О. М. Овчинников. Анализ ценностей с точки зрения философского подхода посвятили свои работы М. П. Данилкова, А. А. Макейчика, И. И. Докучаева, Т. В. Зенкова, И. М. Мешков, И. П. Поляков проанализировал роль ценностей в системе мотивации. З. А. Исрапилова исследовала место ценностей в системе управления. Потребительские ценности рассматривал Е. В. Сологуб. Также в разработку проблем ценностей свой вклад внесли работы авторов Республики Башкортостан, среди которых особенно стоит отметить работы Х. С. Вильданова, А. Р. Асфандияровой, Р. М. Асадуллин, О. В. Фролов.

Итак, ценностная проблематика интересовала человечество испокон веков и на протяжении истории человечества претерпевала изменения: от признания в свое время в качестве основных ценностей жизни, государства, личности, до потребительских ценностей, преобладающих в современном обществе. Отметим, что проблема актуальна и по сей день для каждого общества, однако же отечественные исследователи интересуются ценностной проблематикой больше. По количеству исследований и публикаций за последнее десятилетие можно сделать вывод о том, что на данном этапе развития в российском обществе остро стоит проблема молодежи и ее ценностей.

Материалы статьи подготовлены автором в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 г.

Литература

1. Мазурицкая М. А. Ценностные ориентации российской молодежи с 1920-х по 2000-е гг. : на примере литературы и кинематографа : дис... канд. культурологии. М., 2011. 182 с.
2. Горшкова О. В. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи в процессе культурной социализации: На примере Дальневосточного региона : дис... канд. соц. наук. М., 2003. 165 с.

УДК 316.346.32-053.6:316.354.4:316.628.23

Федорова Е. Н.

МОТИВАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ПЕРВЫЕ ШТРИХИ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация: статья посвящена проблеме мотивации молодежного волонтерства. Автор анализирует ключевое определение и выделяет наиболее распространенные проблемные аспекты, отра-

© Федорова Е. Н., 2020

женные в эмпирических исследованиях социологов, посвященные мотивации волонтерской деятельности молодежи.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерство молодежи, мотивация волонтерской деятельности, формирование профессиональной идентичности.

Fedorova E. N.

MOTIVATION OF YOUTH VOLUNTEER ACTIVITIES OF: THE FIRST STROKES TO RESEARCH

Abstract: the article describes specifics of motivation of youth volunteering in various aspects of the study of this problem by researchers. Several approaches to determining the motivation of activity are given. Motivation of youth volunteering in connection with the stimulation of this activity is considered. Examples of differences in the motivation of volunteering for youth and adults, as well as the impact of volunteer experience on the development and early professional identity formation of young volunteers are given. Motivation of volunteers is also considered as a socialization function within the framework of inclusion, as well as the possibility of a positive impact on the behavior of children and adolescents with deviant forms of behavior.

Keywords: volunteering, youth volunteering, motivation for volunteering, professional identity formation.

Вопросы мотивации человеческой деятельности, просоциального поведения, альтруизма, являющиеся очень важными в развитии общества, представляют собой актуальную исследовательскую задачу. Об этом свидетельствует ежегодный рост числа статей, посвященных именно этой научной проблеме. В Концепции долгосрочного развития социально-экономической сферы в РФ на период до 2020 года добровольческое движение заявлено как приоритетное направление. С 1 января 2019 года в России реализуется национальный проект «Образование», согласно которому до 2024 года в России будет внедрена система социальной поддержки граждан, участвующих в волонтерских проектах, на реализацию которого выделены значительные финансовые ресурсы. Эффективность реализации указанного проекта можно оценить, только анализируя процессы, которые с ним связаны. Таким образом, наше исследование, затрагивающее научную проблематику мотивации волонтеров, является на сегодняшний день крайне актуальным.

В первую очередь, определим значение мотивации. В качестве важнейшего элемента содержания мотивации называют мотив. Социологический энциклопедический словарь дает следующие определения термина «мотив» (от лат. *moveo* — фактор) — англ. *motive*; нем. *Motiv*; фр. *motif*; чешск. *motiv*. 1. Как побудительная причина (повод) к к.-л. действию, доводы в пользу ч.-л. 2. Осознанное побуждение к деятельности субъекта (личности, соц группы, общности), связанное со стремлением удовлетворить определенные потребности. Под мотивацией понимается осмысление индивидом ситуации, выбор и оценка различных моделей поведения, их предполагаемых результатов и формирования на этой основе мотивов, либо относительно стабиль-

ная система мотивов, определяющая поведение данного субъекта [1, с. 189]. В широком смысле мотивация рассматривается как совокупность всех детерминант поведения, куда входят внешние и внутренние, социальные и биологические побуждения, разного рода когнитивные направляющие переменные. Подчеркивается, что человека побуждает к деятельности не все, а только то, что «проходит через его голову», то есть побудительные силы обладают внутренне субъективной природой, и побуждает личность к деятельности, к поведению вся система субъективных факторов [2, с. 29].

Продуктивной для изучения мотивации поведения стала идея В. А. Ядова о предрасположенности личности («диспозиции») к определенному поведению в конкретных условиях. Сам механизм включает в себя взаимодействие мотивов и стимулов, приводящее к появлению визуальных установок личности (аттитюды), что характеризуется как общая направленность сознания на то или иное явление (процесс) деятельности и выражает готовность личности действовать определенным образом [3 с. 98].

Далее представим специфику мотивации волонтерской деятельности молодежи в социологических работах.

Во-первых, мотивация волонтерской деятельности изучается в тесной связи со стимулированием волонтеров, что является крайне важным для управления. С одной стороны, для того чтобы процесс взаимодействия был наиболее эффективен и выгоден и самим организациям в рамках деятельности по реализации социальных проектов, с другой, — для тех, кто работает в этих организациях в качестве добровольных помощников.

Во-вторых, следующий важный аспект, связанный с изучением мотивации, — определение ее значения конкретно для разных возрастных групп. Очевидно, что для разных возрастных групп структура мотивации и приоритетность тех или иных мотивов разная. Это связано с социально-психологической характеристикой людей разного возраста, с особенностями их здоровья, с социальными возможностями, потребностями и с теми проблемами, с которыми чаще всего сталкиваются те или иные возрастные группы. Исследователи из Израиля выявили существенные отличия в мотивации, понимании пользы и «стоимости» (значимости) волонтерской деятельности для молодежи и волонтеров более старших возрастных групп, сделав выводы, что волонтерская деятельность молодежи является более ориентированной на построение отношений, поиск новых друзей, в то время как волонтерская деятельность взрослых более ориентирована на клиента, на оказание самой услуги [4, с. 844].

Необходимо отметить, что большое количество исследований посвящено мотивации именно молодежного волонтерства. Это связано с тем, что специфика этой возрастной группы позволяет ее рассматривать как потенциальных волонтеров чаще, чем другие возрастные группы. И обычно особенность мотивации добровольческой деятельности молодежи связывается с пробле-

мами профессиональной идентичности, профессиональной карьеры, приобретением профессиональных навыков. Так, ученые выделяют студенчество в особую социальную группу, способную «стать субъектом просоциального поведения в силу возрастной активности, стремления к самоорганизации и самореализации в различных сферах жизни».

Среди мотивов, побуждающих молодых людей принимать участие в волонтерской работе, наряду с чувствами морального долга, сочувствия и связанных с ними идеалистических мотивов (желание способствовать изменениям в обществе, быть социально полезным, помогать нуждающимся, отвечать на добро добром, улучшать благополучие другого человека), выделяют и отдельную группу мотивов, относимых к аспектам выгоды, например: получение полезных связей, пробу себя на пути к карьере, приобретение дополнительных знаний, умений и навыков, расширение опыта, общественное признание» [5, с. 126].

Влияние волонтерского опыта на развитие и раннее формирование профессиональной идентичности молодых добровольцев, специфического личностного профиля доказывается и результатами проведенного в 2012 году исследования, в котором принимали участие студенты-второкурсники, обучающиеся медицине. Они провели одну неделю в качестве волонтеров в специальном лагере для детей с разными хроническими заболеваниями. Студенты оценили данный волонтерский опыт как шанс получить реальный медицинский опыт во время учебы, который дал им мотивацию усердно учиться в будущем и постараться стать лучшими в своем деле. Кроме того, они отметили, что, увидев то, через какие трудности приходится проходить пациентам лагеря, они научились лучшему взаимодействию с ними, а в будущем постараются привнести в свою работу индивидуальный подход, чуткость, большее понимание и ответственность по отношению к пациентам. Таким образом, исследователи, проводившие указанный эксперимент, заключили, что такой «опыт социально полезной работы сыграл роль во влиянии на раннее формирование профессиональной идентичности среди взятой группы студентов медицинских специальностей в специальных медицинских лагерях. После участия в исследовании субъекты отметили ряд приобретенных преимуществ, таких как улучшение коммуникативных навыков, увеличение осведомленности о социальных аспектах жизни с хроническим заболеванием, а также большую уверенность в работе с детьми. На основании этих данных предполагается, что добровольческая деятельность в специальном лагере может потенциально выступить в качестве стратегии для подготовки студентов к роли врача и оказать содействие в формировании профессиональной идентичности среди студентов-медиков» [6, с. 1278].

В-третьих, мотивация волонтеров рассматривается в рамках социализационной функции добровольчества. Волонтерская деятельность сама по себе является эффективной социальной технологией воспитания личности и наиболее результативна, а главное, востребована именно в детско-юношеской

среде. В рамках этого направления определенное внимание уделяется возможностям формирования коммуникативной компетентности как детей, так и педагогов в реализации детско-юношеского добровольчества. Отдельная часть работ посвящена проблеме инклюзии, потому что волонтерство способно и во многом призвано снять дискриминацию людей с ограниченными возможностями и проявить социальную стигматизацию.

Помимо возможности формирования просоциального поведения в процессе осуществления волонтерской деятельности, есть основания утверждать, что мотивация к добровольческой деятельности тесно связана и с возможностью исправления деструктивных проявлений в жизни детей и подростков, склонных к девиантным формам поведения. Исследователи из Магнитогорска подтверждают справедливость этого предположения результатами реализации проекта «Равный — Равному», целью которого была подготовка группы волонтеров для просветительской работы среди подростков от 14 до 16 лет [7, с. 248].

Таким образом, мотивация волонтерской деятельности — достаточно интересная и хорошо проработанная исследовательская проблематика. Во многом ее популярность обусловлена практической значимостью исследовательских данных для эффективной работы с молодежной аудиторией. С одной стороны, исследования показывают определенную вариативность этих данных в разных странах. С другой стороны, исследования мотивации молодежного волонтерства позволяют выявлять общие поколенческие специфические особенности, проявляющиеся сегодня вне зависимости от социального и культурного контекста разных стран.

Литература

1. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. М. : Норма. 2000. 488 с.
2. Демин М. В. Мотив человеческой деятельности: характер, содержание, функции // *Философия и общество*. 1999. № 3. URL: https://www.socionauki.ru/authors/demin_m_v/ (дата обращения: 20.02.2020).
3. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // *Методологические проблемы социальной психологии*. М., 1975.
4. Haski-Leventhal D., Ronel N., York A. S., Ben-David B. M. Youth volunteering for youth: Who are they serving? How are they being served // *Children and Youth Services Review*. 2007. Vol. 30. P. 834–846.
5. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Говин О. Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. № 21. С. 122–145.
6. Beck J., Chretien K. & Kind T. Professional Identity Development through Service Learning: A qualitative study of first-year medical students volunteering at a medical specialty camp // *Clinical Pediatrics*. 2015. Vol. 54 (13). P. 1276–1282.
7. Супрун Н. Г., Гурьянова И. В., Маргынова Н. В. Развитие волонтерской деятельности в среде учащихся образовательных организаций Российской Федерации: инновационный подход // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 1 (37). С. 236–250.

Секция 4. Социология здоровья. Пути реализации национального проекта «Здравоохранение»

УДК 316.4

Антонова Н. Л.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛА

Аннотация: в статье раскрываются представления молодого поколения о теле и здоровьесберегающих практиках его конструирования. Опираясь на материалы социологического исследования, объектом которого выступила молодежь г. Екатеринбурга, утверждается, что сегодня на рынке труда востребовано здоровое тело, для конструирования которого используются занятия спортом, косметологический уход и правильное рациональное питание. При этом каждая из предложенных практик может оказать негативное воздействие на состояние здоровья.

Ключевые слова: тело, конструирование тела, практики, здоровьесберегающие практики, молодежь.

Antonova N. L.

HEALTH-SAVING PRACTICE OF CONSTRUCTING OF THE BODY

Abstract: the article describes the ideas of the young generation about the body and the health-saving practices of its construction. Based on the materials of a sociological study, the object of which was the youth of Yekaterinburg, it is argued that today a healthy body is demanded in the labor market and sports, cosmetology care and proper rational nutrition are used for its construction. In addition, each of the proposed practices can have a negative impact on the state of health.

Keywords: body, body construction, practices, health-saving practices, youth.

Здоровьесбережение населения является одной из ключевых задач развития российского общества. Сохранение здоровья выступает приоритетной целевой установкой современного вектора функционирования института здравоохранения. По данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения с 2005 года наиболее значимой среди различных сторон жизни для россиян остается здоровье [1].

Одним из визуальных маркеров репрезентации здоровья является тело человека. Как отмечает Н. Н. Зарубина, «В каждой культуре формируется «нормативное тело» как параметры и практики физического тела, соответствующие ценностно-нормативным стандартам конкретного социума и определенных социальных групп» [2, с. 75]. Если в XVII веке культивировались

© Антонова Н. Л., 2020

пышные женские формы как признак здорового женского тела, то в начале текущего столетия подтянутое спортивное тело становится эталоном красоты и результатом поддержания здорового образа жизни.

Наше исследование, объектом которого стала молодежь г. Екатеринбурга, было проведено в 2019 году. Основной целью исследования стал анализ здоровьесберегающих практик в системе конструирования тела. Практики рассматривались как совокупность устойчивых и воспроизводимых действий и взаимодействий индивидов [3, с. 92]. Методом анкетирования опрошено 151 молодой человек в возрасте от 18 до 30 лет. Из них: 21 % — юноши, 79 % — девушки. Каждый третий опрошенный — студент. Полученные материалы были обработаны с помощью программы *Vortex*. Кроме того, мы провели полуструктуризованные интервью со студентами гуманитарных направлений подготовки первого и четвертого курсов бакалавриата ($n = 30$). Результаты были транскрибированы и обобщены в соответствии с задачами исследования.

Материалы исследования свидетельствуют, что здоровое тело как эталон привлекательности становится значимым для 58 % респондентов. При этом молодежь считает, что такой образ идеального тела сформирован в соответствии с личными убеждениями и представлениями (72 %). Важно подчеркнуть, что последнее десятилетие в молодежной среде активно пропагандируется здоровый образ жизни. Так, Т. Н. Бояк отмечает, что произошла актуализации ценности здорового образа жизни для личности и для молодежи как социально-демографической группы [4, с. 258]. Ценности молодых людей выступают как базовые компоненты жизненного личностного плана [5, с. 98].

Состояние здоровья, по оценкам молодежи, становится значимым при выборе характера и условий работы (46 %). Например, профессиональная занятость, связанная с тяжелым физическим трудом, требует от претендентов на подобные вакансии хорошей физической формы и состояния здоровья. Каждый второй респондент отмечает, что здоровый внешний вид становится характеристикой, которую учитывают работодатели при собеседовании.

Что касается привлекательности для представителей противоположного пола, то только каждый пятый респондент отмечает здоровое тело как важный атрибут востребованности на брачных рынках. Красивая стройная фигура (35 %), а также симпатичное лицо (31 %) занимают лидирующие позиции при выборе потенциальных брачных партнеров. Какие практики использует молодое поколение для конструирования тела? Результаты опроса свидетельствуют, что 53 % респондентов занимаются физической культурой и спортом, 45 % используют косметологические процедуры, 39 % стараются соблюдать структуру и режим питания.

В ходе интервью студенты отметили, что сегодня наиболее востребованным является спортивное подтянутое тело. При этом такой образ тела характерен как для юношей, так и для девушек. Подобный облик становится мар-

кером здоровья индивида, ведущего здоровый образ жизни. Важно отметить, что в ходе интервью информанты подчеркивали, что тело *«не должно быть перекаченным, т. к. это говорит о нездоровом стремлении нарастить мышцы в ущерб собственному здоровью...»* (муж., 20 лет). Для девушки важным также является и ее внешний вид, лицо и тело девушки должно быть ухоженным: *«девушка должна иметь опрятный вид, чистая кожа и чистые волосы, тело должно «дышать» здоровьем...»* (жен., 21 год). Соответственно, спрос на услуги врачей-косметологов наблюдается не только со стороны женщин среднего и старшего возраста, но и со стороны молодого поколения: *«посещаю косметолога, делаю чистку лица, маски...»* (жен., 22 года).

Пищевые практики молодого поколения также становятся механизмом проявления заботы о здоровье и формирования тела: *«питание должно быть сбалансированным, человек меньше будет болеть, и его тело станет пропорциональным и красивым...»* (муж., 19 лет). А. В. Носкова отмечает: *«Налицо социальное навязывание культа диет и тела, влияние на практики питания особой моды на «здоровую» пищу и «правильное» питание. Но зачастую понимают они однобоко, исключительно в отношении к форме своего тела...»* [6, с. 60]. В нашем исследовании была продемонстрирована установка на трехразовый прием пищи, а также стремление к разнообразию рациона. *«Я обязательно ем фрукты и овощи, мясо, рыбу, молочные продукты... это позволяет мне быть энергичной, а тело становится работоспособным...»* (жен., 22 года).

Материалы исследования показали, что к числу здоровьесберегающих практик конструирования тела молодое поколение относит спортивные занятия, косметологический уход за телом, правильное питание. В каждом из данных видов действий кроются и опасности. Так, рассуждая о занятиях спортом, респонденты отмечают необходимость разумного подхода, в соответствии с которым недопустимо превращение занятий спортом в «гонку» за образцами телесности, демонстрирующими бодибилдерами. Это касается и спортивного питания (например, БАДы, нацеленные на наращивание мышечной массы), к которому опрошенные относятся с осторожностью: *«... не думаю, что спортивное питание так уж необходимо для поддержания себя в хорошей физической форме»* (муж., 19 лет). Основная опасность при обращении к косметическим процедурам видится в квалификации врача и использования им косметических препаратов: *«... качество процедур зависит от специалиста... можно еще аллергические реакции получить...»* (жен., 22 года). Пищевое поведение также может негативно отразиться на состоянии здоровья. Молодежь отмечает, что увлеченность диетами без врачебного контроля может *«... привести к плачевным результатам... нужно соблюдать меру, а не гнаться за модными диетами»* (жен., 19 лет).

Итак, подведем итоги. Во-первых, современное молодое поколение рассматривает тело как инструмент, способствующий утверждению на рынке труда. При этом наиболее востребованным является подтянутое спортивное

здоровое тело, способное выполнять многообразие функций, диктуемых социальной реальностью. Во-вторых, для достижения идеального образа молодежи использует здоровьесберегающие практики, к числу которых относятся занятия физической культурой и спортом, косметологический уход за телом и рациональное сбалансированное питание. По мнению молодежи, эти практики способствуют укреплению здоровья, органично вписываются в здоровый образ жизни и способны данное природой тело трансформировать до тех стандартов, которые доминируют в современной общественной системе. В-третьих, культ тела может стать источником активизации рискованного поведения в отношении здоровья, и практики, задуманные для конструирования здорового тела, могут трансформироваться в рискованные виды действий.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00150 А.

Литература

1. Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618> (дата обращения: 04.03.2020).
2. Зарубина Н. Н. Представления о нормативном теле как детерминанты изменений в практиках питания россиян // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 75–91.
3. Антонова Н. Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 92.
4. Бояк Т. Н. О формировании здорового образа жизни молодежи в современных условиях // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. № 19 С. 257–261.
5. Абрамова С. Б. Образ будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи // Logos et Praxis. 2017. № 16 (3). С. 97–106.
6. Носкова А. В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2016. № 3 (14). С. 49–64.

УДК 353.9

**Егоров И. А.,
Кульминская А. В.**

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ» И «ДЕМОГРАФИЯ» В РЕГИОНЕ: ОПЫТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье обосновывается тезис о том, что отсутствие или недостаточное информирование о проводимых реформах может в значительной степени повлиять на отношение общества

к предлагаемым изменениям и вызвать у него негативную реакцию. Изложен опыт Министерства здравоохранения Свердловской области по увеличению охвата граждан, информированных о проводимых мероприятиях в рамках достижения ключевых показателей, поставленных национальными проектами «Здравоохранение» и «Демография». Количественные и качественные показатели доказали эффективность проведенных мероприятий, поэтому опыт Свердловской области может быть использован при организации информационного сопровождения нацпроектов в других регионах России.

Ключевые слова: информационное сопровождение, национальные проекты, организация здравоохранения, связи с общественностью.

**Egorov I. A.,
Kulminskaya A. V.**

INFORMATION SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS “HEALTH” AND “DEMOGRAPHY” IN THE REGION: EXPERIENCE OF THE SVERDLOVSK REGION

Abstract: this article substantiates the idea that with the entry of society into the information age and the development of information technologies, information support for the activities of public authorities and management, including in terms of making political decisions that have a reformist character, is becoming increasingly important. The absence or insufficient information about the ongoing reforms can significantly affect the public’s attitude to the proposed changes and cause a negative reaction. Reform of the social sphere is currently being carried out within the framework of national projects, including “health” and “Demography”. Information support of projects at the regional level is of particular importance. The Ministry of health of Sverdlovsk region has taken several steps to increase the coverage of citizens, informed on activities in pursuit of key performance indicators set by the national projects “Health” and “Demography”. Quantitative and qualitative indicators have proved the effectiveness of the measures carried out, so the experience of the Sverdlovsk region can be used in organizing information support for national projects in other regions of Russia.

Keywords: information support, national projects, healthcare organization, public relations.

Национальный проект «Здравоохранение» включает в себя много направлений деятельности как непосредственно связанной с оказанием медицинской помощи, так и управленческой. Информационная деятельность зачастую уходит на второй план и сводится к просвещению населения и пропаганде здорового образа жизни. Вместе с тем, любые изменения в структуре и функциях крупных социальных институтов, к которым относится и здравоохранение, вызывают недоверие и неприятие населения. В качестве примера можно привести переход на трехуровневую систему здравоохранения и переход на одноканальное финансирование. Эти изменения при недостаточной информационной и разъяснительной работе со стороны органов исполнительной власти, в том числе региональной, спровоцировал (и до сих пор провоцирует) ряд массовых протестных акций по всей стране [1; 2; 3]. Для того чтобы избежать конфликтов, нужно переходить к ответственной государственной информационной политике, базирующейся на принципах информационной

открытости для граждан деятельности государственных структур, особенно при проведении реформ.

В настоящее время реформирование сферы общественного здоровья и здравоохранения проводится в рамках реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография». Несмотря на проводимую информационную работу, опросы общественного мнения показывают недостаточную информированность россиян о проводимых мероприятиях в рамках нацпроектов: по данным службы специальной связи и информации Федеральной службы безопасности 43 % населения не слышали на проекте «Здоровье», еще 32 % «Что-то слышали» [4]. Других исследований информированности не опубликовано ни в средствах массовой информации, ни в научной литературе. Стоит отметить, что в перечне мероприятий и целевых показателей не запланировано повышение информированности граждан о самом национальном проекте, его целях и потенциальной пользе для граждан [5], в то время как своевременное информирование населения о целях, задачах и ожидаемом полезном эффекте реформ создает основу для доверия власти и снижает социальную напряженность.

Таким образом, необходимо развитие информационно-коммуникационных направлений в деятельности органов государственной власти для организации эффективной информационной и разъяснительной работы, в том числе по реализации национальных проектов. Большое значение имеет организация такой работы органами исполнительной власти в регионах, так как именно они являются ответственными за реализацию мероприятий, входящих в национальные проекты, на своих территориях. В этом плане интересен опыт организации информационного процесса в Министерстве здравоохранения Свердловской области, который можно тиражировать в другие регионы. Стоит оговориться, что исследование информатизации и электронизации региональных систем управления выявило у Свердловской области высокий уровень модернизации [6, с. 442–452], что создает предпосылки для развития прикладных проектов в области информационных технологий и адаптации их для социальных целей.

Для оценки количественных показателей были изучены еженедельные отчеты о работе со СМИ и результаты мониторинга СМИ, предоставленные пресс-службой Министерства и его подведомственными организациями. Проведен контент-анализ более 800 релизов на предмет отбора по тематике национальных проектов «Здравоохранение», «Демография». По результатам анализа получены следующие данные: на основе подготовленных пресс-службой Министерства 272 пресс-релизов по заданной теме в средствах массовой информации вышло 2607 публикаций.

Кроме того, по ключевым словам «Национальный проект «Здравоохранение»», «Национальный проект «Демография»» проведен анализ публика-

ций в интернете на предмет негативных откликов в интернет-СМИ по реализации проектов. Негативных откликов не обнаружено.

По информации пресс-секретаря Министерства, проведенные в 2019 году мероприятия позволили увеличить количество релизов и публикаций на их основе в СМИ, в том числе о нацпроектах, в шесть раз по сравнению с предыдущим годом.

По результатам проведенного полуформализованного интервью пресс-секретаря Минздрава и шести специалистов по связям с общественностью подведомственных организаций, добиться увеличения цитируемости официальных пресс-релизов в СМИ для увеличения охвата населения информацией удалось благодаря регламентации информационной деятельности Минздрава Свердловской области и его подведомственных учреждений, а также внедрению в работу нового инструмента — единственного в России отраслевого информационного сетевого ресурса органа государственной власти «Здоровье уральцев» (www.mzso.info).

В целях повышения эффективности работы учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения Свердловской области со средствами массовой информации, объективного информирования населения о системе здравоохранения Свердловской области и о реализации государственных программ в сфере здравоохранения 19 июня 2019 года был издан приказ МЗ СО № 1206 «О работе со средствами массовой информации» [7]. В результате сформировалась система взаимодействия Министерства здравоохранения Свердловской области и населения.

С введением в действие Приказа во всех подведомственных учреждениях области были определены ответственные за взаимодействие со СМИ, которые находятся в оперативном управлении пресс-службы Минздрава Свердловской области. В настоящее время в оперативном управлении пресс-службы находится 49 профессиональных пресс-секретарей в медицинских организациях второго и третьего уровня и 62 ответственных за работу со СМИ в учреждениях первого уровня. Благодаря этому в пресс-службу Министерства оперативно поступает информация обо всех реализуемых в рамках нацпроектов мероприятиях. Кроме того, более эффективно проводится работа с местными пабликами в социальных сетях и СМИ.

Информация размещается на сайтах Министерства здравоохранения Российской Федерации, Правительства Свердловской области, Информационном портале Свердловской области, информационном сетевом ресурсе Министерства здравоохранения Свердловской области «Здоровье уральцев», а также на официальных сайтах Министерства здравоохранения и подведомственных медицинских организаций. Адаптивный дизайн информационного сетевого ресурса «Здоровье уральцев» (мобильная версия) позволил получить лояльных читателей — пользователей мобильных телефонов.

Ранее публиковавшиеся на официальном сайте Минздрава Свердловской области новости читать с мобильных устройств было проблематично. Возможность подписаться на новостную рассылку привлекла журналистов — теперь им нет необходимости отслеживать официальный сайт, они получают информацию на почту. Раздел пресс-центра помогает СМИ обратиться за комментарием и разъяснением к ответственному специалисту необходимого медучреждения. Раздел «Общественное здоровье» позволяет анализировать негатив, а также предназначен для разъяснительной работы, в том числе о реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография».

Еще одним используемым Министерством здравоохранения Свердловской области инструментом по освещению национальных проектов являются социальные сети и сервисы. Так, Министерство представлено публичными страницами во ВКонтакте, Фейсбуке, Одноклассниках, Телеграмме, Инстаграме. При этом, согласно Приказу, все подведомственные Минздраву организации обязаны также быть представлены минимум в трех социальных сетях: ВКонтакте, Одноклассниках и Фейсбуке. В их обязанности входит в ежедневном режиме размещать не только информацию о деятельности больницы, но и все новости, публикуемые на информационном сетевом ресурсе Минздрава *mzso.info*, в том числе о нацпроектах. Публикуемая информация как на сайте, так и в социальных сетях, имеющая отношение к реализации национальных проектов, в обязательном порядке маркируется хештегами #НацПроектЗдравоохранение, #НацПроектДемография, кроме того, обязательно упоминание названия национального проекта или его регионального сегмента в лиде новости (первый абзац новостной статьи).

Единые требования к написанию пресс-релизов, в том числе в части обязательного разъяснения «пользы для граждан» от реализации мероприятия в рамках нацпроекта, усилили восприятие информации обычными читателями, а у СМИ такие релизы стали вызывать больший интерес.

По результатам изучения статистики, полученной через сервис «Яндекс.Метрика», за семь месяцев со дня открытия информационного сетевого ресурса «Здоровье уральцев» удалось увеличить аудиторию сайта с 200–300 уникальных посетителей в неделю (в среднем за первый квартал работы), до 1,5 тысяч, а количество просмотров — до 8 тысяч. При этом около 35 % посетителей возвращаются на сайт в течение двух дней после последнего захода. Около 60 % трафика приходится на соцсети, что может говорить об эффективности используемых инструментов и интересе у населения к новостям здравоохранения, в том числе к новостям о реализации на территории региона мероприятий, входящих в национальные проекты «Здравоохранение», «Демография» и их региональные сегменты.

Литература

1. Накроет ли Россию очередная волна протестов, вызванная медицинской реформой? // ИА «Свободная пресса». URL: <https://svpressa.ru/health/article/254185/> (дата обращения: 24.02.20).

2. Реформа здравоохранения в России привела к протестам врачей // YouTube [Видеозапись]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JaSjNeCeS0o> (дата обращения: 24.02.20).

3. Тысячи останутся без медицины из-за реформы здравоохранения // Сайт «Радио свобода». URL: <https://www.svoboda.org/a/29044278.html> (дата обращения: 24.02.20).

4. Каждый третий не слышал о нацпроектах // Сайт «Газета РБК». URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/07/26/5d3890579a79471db79ec29b> (дата обращения: 24.02.20).

5. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты до 2024 года. Материалы по состоянию на 7.11.2019. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7n2CS0pVhvQ8O0wAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 24.02.20).

6. Богданов В. С. Информатизация и электронизация региональных систем управления и региона (по материалам исследования 12 регионов РФ) // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / [Отв. ред. А. В. Тихонов]. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. С. 442–452.

7. Приказ Министерства здравоохранения Свердловской области от 19 июня 2019 года № 1206-п «О работе со средствами массовой информации» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553368288> (дата обращения: 24.02.20).

УДК 316.614

**Зайцева Е. В.,
Воронина Л. И.**

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ С ОРФАННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Аннотация: вопросы, связанные с орфанными заболеваниями, привлекают все больше внимания в российском обществе. Причиной такого внимания являются серьезные проблемы, которые пациенты испытывают не только в диагностике, лечении, пожизненном медицинском сопровождении, но и в ограничении своих прав, например, на образование. Дети с редкими заболеваниями не могут посещать детские сады, школы, учреждения дополнительного образования, что ограничивает их возможность жить полноценной жизнью и социализироваться.

Ключевые слова: дети, редкие заболевания, социализация, врожденные ошибки иммунитета.

**Zaitseva E. V.,
Voronina L. I.**

SOCIALIZATION OF PATIENTS WITH ORPHAN DISEASES

Abstract: issues related to orphan diseases are attracting more and more attention in Russian society. The reason for this attention is the serious problems that patients experience not only in diagnosis, treat-

© Зайцева Е. В., Воронина Л. И., 2020

ment, and life-long medical support, but also in restricting their rights, for example, to education. Children with rare diseases cannot attend kindergartens, schools, or institutions of additional education, which limits their ability to live a full life and socialize.

Keywords: children, rare diseases, socialization, innate immune errors.

29 февраля текущего года мир отметил *Rare Disease Day* — Международный день редких заболеваний. Этот праздник отмечается только один раз в четыре года, и эта периодичность не случайна, что символично именно для орфанного заболевания. Орфанные заболевания — это болезни, которые статистически редки, носят хронический и жизнеугрожающий характер, для поддерживающего лечения требуют применения особых лекарств (орфанные лекарственные препараты). К таким заболеваниям относят и заболевания с врожденными ошибками иммунитета (ВОИ), которые представляют собой большую и постоянно увеличивающуюся группу, включающую более 450 различных заболеваний, вызванных дефектами некоторых компонентов иммунной системы. Проблематика орфанных заболеваний в научном дискурсе появилась, начиная с 2012 года, в связи с выходом Федерального закона Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Постановления Правительства Российской Федерации от 26.04.2012 г. № 403 «О порядке ведения Федерального регистра лиц, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, и его регионального сегмента». Правда, дискурс развивался больше в направлениях обобщения международного опыта по организации работы с такими заболеваниями на государственном уровне [1], вопросах оказания медицинской помощи [2; 3], развития технологий генетических исследований по выявлению врожденных ошибок иммунитета [4], формированию лекарственного обеспечения пациентов [5] и др. Несмотря на относительную популярность тематики, вопросы социализации, социальной реабилитации и абилитации пациентов с орфанными заболеваниями не раскрыты, особенно в отношении детей с ВОИ.

Во многом указанные проблемы детерминированы следующими причинами. В системе российского здравоохранения отсутствуют единые стандарты, а именно, проведения комплексной диагностики с целью выявления ВОИ и последующего лечения детей с ВОИ. Ограничены возможности законодательства в части регулирования взаимоотношений врачей, педагогов, других представителей социальных институтов и детей, имеющих патологию иммунодефицита и их родителей: отсутствует федеральный закон «Об обследовании граждан Российской Федерации на наследственные и генетические заболевания». Как следствие, возникают различные конфликты, в том числе этического характера, между медиками, педагогами, детьми с патологией иммунодефицита и их родителями. У семей, имеющих детей с орфанными забо-

лениями, проблемы восстановления и сохранения здоровья усугубляются сложностями по формированию индивидуальной траектории развития, социализации и образования детей.

Выделим несколько блоков проблем социализации детей с ВОИ, усиливающихся по мере их взросления. В первый блок входят проблемы, связанные с дошкольным воспитанием и обучением. Такие больные не могут посещать детские сады на общих основаниях, так как специфика заболевания при разной симптоматике заключается в том, что иммунная система ребенка не работает. На основную проблему обеспечения физически стерильного климата в учреждениях накладываются такие социальные проблемы, как неготовность персонала, агрессия других детей, родителей и воспитателей, невозможность реализации гибкого графика посещения детского сада, индивидуального питания, приема медицинских препаратов в стенах детского сада, отсутствие специалистов-медиков и специализированных детских учреждений.

Современная система оказания образовательных услуг, особенно по дополнительному образованию детей, не позволяет в полной мере реализовывать индивидуальный подход к больным детям в образовательных учреждениях. По данным нашего исследования (нами были опрошены третья часть пациентов с ВОИ, состоящих на учете в Свердловской области, или их представителей) дети редко посещали ясли — 16,7%. А те, кто посещал учреждения, в 50% случаев испытывали постоянные трудности в основном по причине невозможности обеспечения стерильного климата. Агрессия со стороны других лиц (детей, сотрудников, воспитателей) приводит к тому, что в 20% случаев родители детей-пациентов с ВОИ вынуждены забирать своих детей из муниципальных детских садов и оставлять дома либо искать возможности перевода в другое, желательно специализированное, учреждение.

Следующий блок проблем социализации детей с ВОИ связан с обучением в школе. Образование как социальный институт является одним из самых важных инструментов социализации детей вслед за семьей. Его особенность заключается в том, что среднее общее образование является в России обязательным, поэтому все дети респондентов, достигшие школьного возраста, посещали школу. В школе дети с ВОИ иногда (42,1%) и часто (36,8%) испытывают трудности, обусловленные их заболеванием: это неготовность учителей к работе с такими детьми, отсутствие специалистов-медиков и невозможность реализовать гибкий график учебы, несовершенство дистанционного и заочного обучения, отсутствие гибких образовательных стандартов. Решение указанных проблем чрезвычайно актуально, т. к. этот этап социализации представляется наиболее важным. Если в период раннего детства внешние агенты социализации могут быть с легкостью заменены родителями или сиблингами, то в период взросления подросток вынужден решать некоторые социальные задачи, которые в предыдущее время решались взрослыми.

Следующий блок проблем связан с такой социальной потребностью, как дружба. Обучаясь в школе, обычные дети часто заводят друзей. Половина информантов (52,4 %) отметила, что никаких трудностей у детей с ВОИ в этом не было. Однако у оставшейся половины такие трудности были, причем в основном по причинам, определенно связанным с ВОИ. Так, 23,8 % школьников, имеющих ВОИ, не хватало времени на друзей из-за медицинских процедур и особого режима дня. 9,5 % респондентов отмечали, что нет физической возможности посещать или принимать у себя друзей. У 9,5 % были трудности в коммуникации и общении. Указанные проблемы привели к закономерному результату: 45 % респондентов отметили, что в период обучения в школе у их детей или было мало друзей или друзей вообще не было. Нами установлена закономерность, что те дети, которые чаще находятся в состоянии ремиссии или болеют легкой формой ВОИ, а заместительная терапия позволяет им вести приближенный к обычному образ жизни, не имеют проблем с приобретением друзей. В тоже время детям, вынужденным находиться на домашнем обучении, не хватает друзей.

Четвертый блок проблем относится к досуговым. Обычные дети как в дошкольном, так и школьного возрасте активно посещают различные кружки, секции и другие учреждения дополнительного образования. Только 53 % респондентов указали, что их дети с ВОИ имели возможность такого досуга, причем, иногда (64,3 %) или даже часто (7,1 %) испытывали трудности, связанные с неготовностью руководителей кружков к работе с такими детьми, отсутствием специалистов-медиков, невозможностью обеспечить стерильный климат и другими причинами. Из тех детей, которые посещали какие-либо кружки, 25 % были вынуждены их покинуть. Естественно, что ограничение в досуге ведет к ограничению в общении, и здесь дети с ВОИ снова испытывают сложности в удовлетворении такой потребности, как дружба, и часто вынуждены довольствоваться только межсиблинговыми взаимодействиями [6, с.1029].

Таким образом, трудности социализации для детей с ВОИ начинаются с раннего возраста. Их социальный опыт отличается от социального опыта других детей. На их типовой социальный опыт накладывается и социальный опыт, формирующийся из-за переживаний болезни и борьбы с ней, их жизнь представляет собой череду тяжелых испытаний, физических немощей, болей и ограничений. Они вынуждены отказываться от посещения яслей, поскольку постоянно подвергаются риску заражения со стороны других детей из-за ослабленного иммунитета. И, если в некоторых усях г. Екатеринбург эту проблему организационно или технически удается решить, то в области ситуация в этом отношении гораздо хуже. Примерно треть детей с ВОИ полностью или частично выпадает из школьного образовательного процесса и вынуждена обращаться к домашней модели обучения с привлечением учи-

телей. В период обучения в школе большинство детей испытывает трудности, связанные с заболеванием, которые заставляют часть из них (27 %) перейти на домашнее обучение и мешают половине детей вести нормальное дружеское общение. Возможности социализации детей с ВОИ также ограничены в сфере дополнительного образования, хотя не так сильно, как в обязательном. Вместе с тем для ребенка с ВОИ необходимо выбирать кружок не только учитывая его творческие интересы, но и физические возможности посещать данное учреждение.

Соответственно, дети с врожденными ошибками иммунитета начинают испытывать трудности в социализации с раннего возраста, ясельного и детского сада. Родителям чаще всего приходится оставлять их дома, что создает дефицит в общении, формирует сложности в социализации. Такие дети имеют мало социальных контактов, их круг общения структурно редуцирован. Нарушение процессов социализации у детей-пациентов приводит к деформации ценностных ориентаций, а также к формированию инфантильного мировоззрения, концентрации на себе и собственных проблемах.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14059.

Литература

1. Лебедев А. А. Редкие заболевания: проблемы и перспективы их решения // Земский врач. 2011. № 6. С. 5–7.
2. Каракина М. Л., Тузанкина И. А., Бельтюков Е. К. Проблемы оказания медицинской помощи пациентам с орфанными заболеваниями в Свердловской области на примере первичных иммунодефицитов // Вестник уральской медицинской академической науки. 2013. №. 4. С. 10–13.
3. Новиков П. В. Проблема редких (орфанных) наследственных болезней у детей в России и пути ее решения // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2012. Т. 57. № 2. С. 3–10.
4. Тузанкина И. А., Воронина Л. И., Зайцева Е. В. Развитие технологий генетических исследований и консультирования по выявлению врожденных ошибок иммунитета: проблемы и пути их решения // Российский иммунологический журнал, 2019, Т. 13 (22). № 2. С. 1034–1037.
5. Оптимизация лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями с использованием зарубежного опыта и результатов фармакоэкономического анализа «влияния на бюджет» на примере язвенного колита / М. В. Журавлева, В. С. Крысанова, А. В. Веселов [и др.] // Современная организация лекарственного обеспечения. 2014. № 3. С. 19–28.
6. Зайцева Е. В., Болков М. А., Воронина Л. И. Вопросы социализации пациентов с ПИД // Российский иммунологический журнал, 2019, Т. 13 (22). № 2. С. 1028–1030.

УДК 331.1+614

**Елисеева С. Ю.,
Лебедева-Несебря Н. А.**

АНАЛИЗ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗДОРОВЬЕМ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ПОКАЗАТЕЛЕМ ДОВЕРИЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ

Аннотация: на материалах социологического опроса работников промышленных предприятий Пермского края ($n = 439$) представлен анализ корреляции уровня доверия руководству и коллегам и самооценки здоровья работников. Выявлено, что высокий уровень доверия руководству связан с хорошей самооценкой здоровья у работников. Обоснован тезис о необходимости формирования благоприятного социально-психологического климата и доверия на рабочем месте как факторов психологического и физического здоровья.

Ключевые слова: доверие на рабочем месте, самооценка здоровья, промышленные предприятия.

**Eliseeva S. Yu.,
Lebedeva-Nesevrya N. A.**

ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE HEALTH OF EMPLOYEES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE PERM REGION AND THE INDICATOR OF TRUST IN THE WORKPLACE

Abstract: the paper presents an analysis of the correlation between the level of trust in management, colleagues, and self-reported health among industrial workers. It was revealed that a high level of trust in the management determines the presence of a good self-reported health of employees. Trust in the workplace affects the psychological well-being and adaptation of the individual, that's why it is important to improve psychological climate and reduce the level of the stress at the workplace.

Keywords: trust in the workplace, self-reported health, industrial enterprises.

Для обеспечения устойчивого экономического развития страны приоритетная роль отводится изучению состояния здоровья работающего населения и обоснованию способов профилактики заболеваемости и предотвратимой смертности трудоспособных граждан. Так, Национальный проект «Демография» (Федеральный проект «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек») предусматривает выявление и широкое распространение наилучших практик по укреплению здоровья работников предприятий и организаций на рабочих местах. Международная организация труда в 2016 г. опубликовала Доклад «Стресс на рабочем месте: коллективный вызов», в котором показала значимость формирования «производственных отношений, осно-

ванных на доверии, честности и партнерстве» и их вклада в психическое здоровье и благополучие работников [1, с. 7].

Связь доверия (межличностного и генерализованного) и здоровья (как индивидуального, так и популяционного) установлена в научных исследованиях [2, с. 90]. Доказано, что низкий уровень доверия на рабочем месте (*trust in the workplace*) достоверно повышает риск развития психологического дистресса и сердечно-сосудистых заболеваний [3, с. 230]. Это связано, в частности, с тем, что высокий уровень доверия является основанием для избегания стрессовых ситуаций в работе и помогает работникам быстрее проходить адаптационный период и приспосабливаться к окружающей рабочей среде [4, с. 882]. Однако на российских выборах данные исследования единичны.

Цель исследования — описать связь между уровнем доверия на рабочем месте и самооценкой здоровья работников, занятых на промышленных предприятиях. Эмпирической базой исследования выступили данные социологического опроса работников, проведенного в 2017 г. на трех промышленных предприятиях Пермского края. Объем выборки составил 439 человек, среди которых 66 % составляют мужчин, а 34 % — женщины. Возраст работников от 18 лет, самая многочисленная возрастная группа — от 26 до 44 лет (более 50 %).

Здоровье работников предприятий измерялось на основе самооценки здоровья через вопрос: «Как бы вы оценили состояние своего здоровья?» со шкалой: «очень хорошее», «скорее хорошее», «скорее плохое», «очень плохое». Были получены следующие результаты. Работники пермских предприятий достаточно высоко оценивают состояние своего здоровья: 16 % отметили вариант «очень хорошее» и 78 % — «скорее хорошее». Существует связь между половозрастными характеристиками респондента и самооценкой здоровья. Так, женщины в два раза реже, чем мужчины, оценивают состояние своего здоровья как «очень хорошее» (коэффициент Гамма равен 0,338 при $p < 0,005$). С возрастом работники также меньше сообщают об очень хорошем состоянии здоровья: в группе от 18 до 25 лет — 31 %, а 35–39 лет — всего 7 % (корреляция Спирмена равна 0,135 при $p < 0,005$). Эта связь объясняется через ухудшение объективных показателей физического здоровья в связи с процессами естественного старения организма. В частности, с возрастом увеличивается количество хронических заболеваний: если до 34 лет об отсутствии хронических заболеваний говорят более 75 % респондентов, то к 60 годам этот показатель уменьшается до 30 %.

Для измерения доверия на рабочем месте задавались прямые вопросы о доверии руководству и коллегам. Оценка доверия к коллегам производилась на основе вопроса: «Среди ваших коллег про скольких людей вы можете сказать: “они вполне заслуживают моего доверия”» по шкале: 0 — «нет таких», 01 — «1–2 чел.», 02 — «3–4 чел.», 03 — «5–7 чел.», 04 — «8–10 чел.».

05 — «свыше 10 чел.». Доверие руководству оценивалось через вопрос: «Как вы считаете, насколько руководители предприятия заслуживают вашего доверия?». Руководителей предприятия высшего уровня (управляющий директор, директора по направлениям деятельности) и среднего звена (начальник цеха, управления), линейных руководителей (начальник участка, отдела) предлагалось оценить по шкале от 1 (однозначно не заслуживают) до 4 (вполне заслуживают).

В целом у работников высокий уровень доверия: среди работников 27 % доверяют хотя бы одному или двум коллегами, 18 % — проявляют доверие более чем к десяти людям, и всего 7 % отметили, что не доверяют никому. Коэффициент Гамма равен $(-0,226$ при $p < 0,004$, что позволяет говорить о наличии обратной связи между признаками «пол» и «доверие к коллегам». Мужчины склонны доверять большему количеству коллег, нежели женщины. Так, более 8 коллегам среди мужчин доверяют 32 %, среди женщин — почти в два раза меньше (18 %).

Доверительное отношение прослеживается и по отношению к руководителям различного уровня (табл.). Чуть больше работники доверяют линейным руководителям (88 % доверяющих), что, вероятно, можно объяснить их «приближенностью» в структуре организации.

Таблица

Доверие работников к руководителям различного уровня (в % к общему числу опрошенных)

Показатели	Вполне заслуживают	Скорее заслуживают	Скорее не заслуживают	Однозначно не заслуживают
Руководители высшего уровня	40	41	14	5
Руководители среднего звена	39	42	16	3
Линейные руководители	50	38	9	3

Исследование не показало связи между самооценкой здоровья и уровнем доверия коллегам, однако была обнаружена связь между доверием руководству (индекс доверия составлен на основе среднего арифметического) и самооценкой здоровья: чем выше уровень доверия, тем выше работник оценивает состояние своего здоровья (коэффициент d Сомерса равен $(-0,131$ при $p < 0,001$). Группу «доверяющих» руководству среднего звена в основном (98 %) составляют работники, которые оценивают свое здоровье как «очень хорошее» (23 %) и «скорее хорошее» (75 %). Интересно, что среди тех, кто оценивает свое здоровье как «очень плохое», нет ни одного работника, который бы отмечал высокий уровень доверия к руководству. При оценке связей учитывалось, что статистически значимых связей между половозрастными характеристиками и уровнем доверия не наблюдается.

Большее значение в корреляцию вкладывают именно показатели доверия к линейным руководителям и руководству среднего звена. Данная связь

исследовалась также с помощью статистического показателя отношения шансов (OR). Например, было выявлено, что с 95 % надежностью [доверительный интервал 1,715–11,379] доверие руководству среднего звена коррелирует с самооценкой здоровья. Вероятность наличия хорошей самооценки здоровья у работников с высоким уровнем доверия выше в четыре раза, чем у работников, которые проявляют недоверие к руководству (зависимая переменная — «самооценка здоровья», выявленная через коэффициент d Сомерса).

Полученные результаты (в частности, связь здоровья и доверия руководству) подтверждают данные исследования на британской выборке работающих: доверие менеджменту, оцениваемое на основе интегрального показателя, достоверно связано с самооценкой здоровья, полом и этничностью (мужчины и оценивающие свое здоровье как «плохое» демонстрируют более низкий уровень доверия руководству) [5, с. 370].

Результаты анализа подтверждают, что доверие на рабочем месте является фактором здоровья работающего населения. Высокий уровень доверия не только влияет на психологическое самочувствие индивида, но и создает «почву» для социальной активности и безопасности. Важно отметить, что работники с высоким уровнем доверия лучше оценивают состояние своего здоровья, т. е. обладают более высоким потенциалом для трудовой деятельности.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00488.

Литература

1. Стресс на рабочем месте: коллективный вызов / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М. : МОТ, 2016. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/europe/ro-geneva/sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_485968.pdf (дата обращения: 24.02.2020).
2. Campos-Matos I., Subramanian S. V., Kawachi I. The “Dark Side” of Social Capital: Trust and Self-rated Health in European Countries // *European Journal of Public Health*. 2016. № 26. P. 90–95.
3. Trust in the Work Environment and Cardiovascular Disease Risk: Findings from the Gallup-Sharecare Well-Being Index / T. Alterman, R. Tsai, J. Ju [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. № 16 (2). P. 230.
4. Abbott S., Freeth D. Social Capital and Health: Starting to Make Sense of the Role of Generalized Trust and Reciprocity // *Journal of Health Psychology*. 2008. № 13 (7). P. 874–883.
5. Employee trust and workplace performance / S. Brown [et al.] // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Volume 116, August 2015. P. 361–378.

УДК 316.362

Немтина М. А.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ТЕХНИКИ ТЕЛА БОЛЬНЫХ АНОРЕКСИЕЙ В ПОСТРЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация: в статье рассматриваются рефлексивные техники тела больных анорексией в пострехабилитационный период, а также выделяются типы больных в соответствии с их поведением. Результаты контент-анализа, проведенного в 2019 году, показали, что в пострехабилитационный период не используются техники тела или используются более щадящие и здоровые. В соответствии с этим было выделено шесть типов поведения в этот период. Причинами выбора определенных техник тела или отказа от них чаще всего является стремление быть здоровым.

Ключевые слова: тело, телесность, конструирование тела, нервная анорексия, рефлексивные техники тела, пострехабилитационный период.

Nemtina M. A.

REFLEXIVE TECHNIQUES OF THE BODY OF ANOREXIA PATIENTS IN POST-REHABILITATION PERIOD

Abstract: the article discusses the reflexive techniques of the body of patients with anorexia in the post-rehabilitation period, and also identifies the types of patients in accordance with their behavior. The results of a content analysis conducted in 2019 showed that in the post-rehabilitation period, body techniques are not used or more gentle and healthy ones are used. In accordance with this, 6 types of behavior were identified during this period. The reasons for choosing or rejecting certain body techniques are most often the desire to be healthy.

Keywords: body, physicality, body design, anorexia nervosa, reflective body techniques, post-rehabilitation period.

Общественное мнение, нормы, стандарты и идеалы красоты побуждают людей конструировать свое тело. Э. Гидденс писал о том, что конструирование тела — это часть большого проекта, в процессе которого человек создает самого себя [1, с. 215]. Для этого люди используют рефлексивные техники тела — методы обращения с телом, «чье главное назначение состоит в обратной работе над телом, с целью его модификации, ухода и тематизации в определенном ключе» [2, с. 9]. Это означает, что физические параметры тела преобразовываются в соответствии с теми или иными идеалами [2, с. 10]. Исходя из выше сказанного, мы выделили несколько техник тела: физкультурно-оздоровительные (изменение физических параметров с помощью физических упражнений); пищевые (изменение физических параметров с помощью изменения и контролирования рациона питания); пластическая хирургия. Однако любая техника при неконтролируемом и чрезмерном использовании может стать причиной для развития психологических и физических заболеваний.

В данной работе мы будем рассматривать такое психическое расстройство, как нервная анорексия. Она характеризуется сильным страхом перед излишним весом и изменением поведения (пищевые ограничения, увеличения физических нагрузок, действия, направленные на затруднение метаболизма, дисфункциональные межличностные отношения, пищевые эксцессы) [3, с. 14].

Можно выделить несколько этапов развития болезни [4, с. 1]:

1) в результате навязчивых мыслей о том, что больной слишком полный, происходят попытки ограничить себя в питании;

2) может сопровождаться голоданием или сильным ограничением в питании. Это приводит к сильному истощению организма, а также другим физиологическим изменениям. Например, кожа становится дряблой, больным постоянно холодно, появляется аритмия, кровотечения из носа, обмороки, мышечные спазмы;

3) впоследствии (через 1,5–2 года) данной тип поведения приводит к необратимой дистрофии внутренних органов, за которой может последовать летальный исход.

Заболевание требует длительного лечения с применением психотерапевтических и медикаментозных методов. На последних стадиях лечение осуществляется в специальных клиниках и психиатрических центрах. В октябре 2019 года нами было проведено пилотажное исследование. Его объектом стали девушки, которые болели анорексией и сейчас находятся в постреабилитационном периоде. Основным методом сбора информации стал контент-анализ. Было проанализировано 30 историй, содержащихся в социальных сетях (ВКонтакте, *YouTube*, *Instagram*), блогах и форумах.

При анализе результатов контент-анализа, проведенного в 2019 году, было выделено несколько типов поведения, связанных с периодом лечения: проходят лечение в домашних условиях с помощью психолога (37,9%), в домашних условиях без квалифицированной помощи (34,5%), в клинике (27,6%). Однако необходимо понимать, что больной чаще всего не оценивает себя как больного, поэтому госпитализация часто бывает принудительной, а также часты случаи повторной госпитализации [5, 624]. Лишь при правильном лечении можно избавиться от этого заболевания. Респонденты задействуют различные ресурсы, которые помогают им найти правильное лечение и излечиться. Больные больше всего нуждаются в психологической помощи (46,7%), дополнительной информации (23,4%) и поддержке близких (30%).

После окончания лечения и реабилитационного периода можно выделить несколько типов постреабилитационного поведения:

1) неконтролируемое пищевое поведение: ест часто, много и зачастую вредную пищу. Не использует каких-либо других способов конструирования тела;

2) придерживается правильного питания;

3) придерживается интуитивного/осознанного питания. В этой форме питания нет никаких запретов: организм сам знает, что ему нужно, от чело- века необходимо только услышать это;

4) продолжает работу над телом с помощью спорта, но не ограничивает себя в еде;

5) продолжает сидеть на диетах даже после реабилитации, жестко ограничивает себя в еде, считает калории;

6) корректирует и питание, и физическую активность.

Наиболее часто встречался первый (33,3 %) и третий (23,3 %) тип. Это связано с тем, что девушки боятся заболеть вновь, поэтому стараются не ограничивать себя, слушать свое тело. Люди, придерживающиеся правильного питания, занимающиеся спортом или использующие и то, и другое (13,3 %, 13,3 % и 10 % соответственно), также используют здоровые телесные практики, стараясь не навредить своему телу. Однако есть люди, которые продолжают сидеть на жестких диетах (6,7 %). Мы предположили, что несмотря на их утверждение о том, что они находятся в постреабилитационном состоянии, расстройство продолжает их беспокоить, так как существуют случаи отката к прежнему состоянию. Они могут быть связаны с неправильным лечением, которое осуществлялось ранее. Подобное распределение результатов связано с тем, что на первое место девушки, переболевшие анорексией, ставят свое здоровье (44,4 %) и страх заболеть еще раз (37 %). А попытки конструирования физических параметров тела отходят на второй план (18,5 %). Постреабилитационный период больных анорексией характеризуется более трепетным отношением к своему здоровью. В связи с этим они перестают ограничивать себя, не используя никаких техник тела или используя более щадящие (интуитивное, осознанное питание).

Литература

1. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press. 1991. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/371626/> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // *Body & Society*. 2005. 11 (1). P. 9–10.
3. Бобров А. Е. Психопатологические аспекты нервной анорексии // *Альманах клинической медицины*. 2015. № S1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihopatologicheskie-aspekty-nervnoy-anoreksii> (дата обращения: 28.02.2020).
4. Кривоногова А. Г., Андропова Н. Е. Анорексия — болезнь или мода? // *БМИК*. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anoreksiya-bolezn-ili-moda> (дата обращения: 03.03.2020).
5. Артемьева М. С., Сулейманов Р. А. Социальные и правовые аспекты лечения нервной анорексии и нервной булимии // *Вестник РУДН. Серия: Медицина*. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-pravovye-aspekty-lecheniya-nervnoy-anoreksii-i-nervnoy-bulimii> (дата обращения: 04.03.2020).

УДК 316.4

Абрамова С. Б.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК МАРКЕР РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ГОРОД МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ

Аннотация: в статье рассматривается социальная активность инвалидов в ситуации смены теоретических оснований понимания инвалидности, а также изменение социокультурных практик включения инвалидов в общественную жизнь. «Право на город» раскрывает включенность инвалидов в потребление и производство городского пространства, в рамках которого проходят два базовых процесса: реабилитации и самореализации. На основании опроса инвалидов и экспертов делается вывод об актуализации права на город среди инвалидов.

Ключевые слова: инвалиды, право на город, городская среда, социальная активность.

Abramova S. B.

HEALTH-SAVING URBAN SPACE AS A MARKER FOR THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO THE CITY OF YOUNG DISABLED PEOPLE

Abstract: the article discusses the social activity of people with disabilities in a situation of changing the theoretical basis for understanding disability, as well as changing sociocultural practices for including people with disabilities in public life. «The right to the city» reveals the inclusion of people with disabilities in the consumption and production of urban space, in the framework of which there are two basic processes: rehabilitation and self-realization. Based on a survey of disabled people and experts, it is concluded that the right to a city among disabled people is actualized.

Keywords: disabled people, the right to a city, urban environment, social activity.

Изучение проблем инвалидности и факторов социальной адаптации и активности людей с инвалидностью в существенной мере определяется той теоретической концепцией, которая лежит в основании нормативной и повседневной практики. В настоящее время в России осуществляется переход от традиционной (медицинской) модели понимания инвалидности к социальной, основанной на комплексной биопсихосоциальной модели здоровья и идее максимально возможного восстановления функций жизнедеятельности и эффективной социальной интеграции инвалидов [1, с. 161]. Понятие «инвалиды» эволюционирует: от термина «инвалиды», «люди с ограничениями в здоровье» до термина «граждане с особыми потребностями» и др. Акцент смещается в сторону реализации прав инвалидов, где наряду с самими правами (свободы слова и др.) ставится вопрос о месте реализации этих прав, в качестве которого в данном исследовании выступает городская среда.

Основопологающим международным документом, определяющим политику Российской Федерации в сфере реабилитации и абилитации инвали-

дов, является Конвенция ООН [2] о правах инвалидов, ратифицированная Российской Федерацией в 2012 году. В документе подчеркивается значимость средовых и отношенческих барьеров. Конвенция в качестве приоритетной задачи ставит изменение социального положения, социальной активности и социальной включенности инвалидов в общественную жизнь. Это достигается, в том числе, за счет обеспечения включенности людей с ограниченными возможностями в жизнь местного сообщества (статья 9), в участие в политической и общественной жизни, в управление государственными делами (статья 29).

Особенно актуальна проблема социальной активности для людей с ограниченными возможностями, поскольку на протяжении длительного времени их жизнедеятельность рассматривалась через категорию «адаптации», что исключало саму идею самостоятельности и самореализации. Сейчас положение меняется: каждый пятый россиянин (21 %) полагает, что благодаря новым технологиям в медицине инвалиды сейчас имеют больше шансов вести нормальную жизнь [3]. Это изменяет и видение роли людей с инвалидностью в процессах потребления и создания городской среды.

В политической сфере государство должно «задавать тон» в решении вопросов инвалидности. Государственные меры социальной поддержки должны обеспечить инвалидам необходимый уровень, оперативность и качество оказания медицинской помощи, получения образовательных услуг, урегулирования трудовых отношений и т. д. [4]. В настоящее время в России введены и продолжают разрабатываться нормативные основания для перехода к модели развития социальной активности и самостоятельности инвалидов, создания условий безбарьерного взаимодействия в обществе, развития инклюзивной среды и здоровьесберегающего пространства, присутствия инвалидов в различных профессиях и т. п. Как показывают А. Антонова и Е. Ракевич, качество и количество социальных контактов определяет социальное самочувствие горожан, в том числе с инвалидностью, и выступает фактором развития социального пространства города [5, с. 163].

В спектре методов повышения социального участия инвалидов в жизни города выделяют прямые и косвенные [6]. Прямые методы связаны с созданием культурных и иных событий, способных привлечь к участию и население в целом, и инвалидов, объединив их для выполнения совместной деятельности на основе ресурсов городской среды. Косвенные методы предполагают мероприятия, расширяющие собственные ресурсы инвалидов, а также создание для них благоприятной среды жизнедеятельности, усовершенствование законодательной базы и др. И те, и другие методы предполагают в качестве исходной базы определенные установки о равном праве инвалидов жить в городе, их права на производство и присвоение городского пространства.

А. Лефевр, давая определение городу как «проекции общества на земле», подчеркивает его связь с материальной и социальной составляющей, отмечает усиление сегрегации социальных групп, которая проявляется повсеместно и отражается на городской среде [7]. Однако ключевой характеристикой города, по мнению данного автора, выступает его способность быть продуктом совместного творения жителей. Современному городу требуется усилить способность горожан к интеграции и участию, а в качестве субъекта этого процесса могут выступать социальные группы, способные на инициативу и реализацию принципиально новых городских проектов.

С этой точки зрения инвалиды в структуре современного российского общества занимают противоречивую позицию. С одной стороны, они выступают в качестве группы, подвергшейся наибольшей сегрегации со стороны общества, чье право на город было максимально ущемлено; с другой — выступают одним из наиболее активных субъектов, борющихся за возможность реализации своих прав, в том числе права на город. В советский период инвалиды были фактически лишены возможности равноправного пребывания в городской среде. В настоящее время, активно включаясь в пространственную и социальную мобильность, инвалиды способны продуцировать принципиально новый, во многом революционный взгляд на городскую среду. Именно этого требовал и ожидал А. Лефевр: быть смелее в выдвижении революционных проектов нового города.

В 2019 году было проведено исследование с целью изучения факторов социальной активности инвалидов, в том числе реализации их права на город. Для реализации проекта было опрошено 540 инвалидов в возрасте до 30 лет, проживающих в Свердловской области, а также проведено 10 экспертных интервью с представителями министерств, руководителями некоммерческих и общественных реабилитационных организаций Свердловской области.

Одной из выраженных специфик видения городского пространства со стороны инвалидов выступает его разделение на две составляющие: город как среда реабилитации и город как пространство социальной деятельности (образовательной, профессиональной, культурно-досуговой и др.). В первом смысле город «сжимается» до показателей доступности учреждений реабилитации. Территориальная близость реабилитационных услуг становится «маркером» крупного города: здесь возможно получить все виды реабилитационных мероприятий. Однако их удаленность от места проживания и «разбросанность» по городу становится значимым барьером: «Тут важно рассматривать, что если бы у меня был такой комплексный центр, который бы мне сказал, какие услуги и где, и я бы эти услуги на районе получила, а не кататься по всему городу» (президент ассоциации по помощи и поддержки людей с особенностями

ми развития и их семей, г. Екатеринбург). Среди инвалидов уровень доступности для них реабилитационных учреждений оценивается на 3,3 балла из 5: наиболее доступными являются учреждения социальной защиты (3,8 балла), наименее — труда и занятости (2,6 балла).

Согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ в 2019 году [8], по мнению 36 % россиян, трудности с перемещением по городу являются первостепенными для инвалидов (имея в виду неприспособленность тротуаров и отсутствие пандусов и пр.), еще 30 % указывают на сложности с входом/выходом из дома. Близкие результаты получены и в исследовании НАФИ: россияне оценивают степень доступности окружающей среды для инвалидов на уровне ниже среднего. Наибольшие проблемы с адаптацией под потребности людей с инвалидностью отмечены в сферах транспорта (59 %), жилья (57 %), офисных помещений (53 %) [3]. Среди инвалидов, проживающих в Свердловской области, 53 % отмечают наличие пандусов в своем населенном пункте, 49 % — наличие специальных кнопок вызова, 34 % — звуковых сигналов на переходах, 28 % — специальных туалетов в общественных зданиях. По сравнению с 2018 годом, произошел рост на 5–10 % упоминаний различных элементов доступности среды.

Во втором аспекте город становится пространством не только самореализации и активности инвалидов, но и их взаимодействия с другими социальными группами, что порождает столкновение интересов и заставляет интегрироваться для их решения: «У нас сейчас “доступная среда” — мы перешли в понимании от принципа “доступной среды” к принципу “универсального дизайна”, когда жизненное пространство людей организовано так, что в нем удобно всем» (руководитель общественной благотворительной организации). В этом взаимодействии инвалиды выступают как равноправные субъекты производства городской среды: «Мы сегодня делаем мониторинг готовности учреждений по всем аспектам информационным, физической доступности, но мы еще должны мониторить ситуацию по запросу, чтобы сегодня каким-то образом реагировать на эту обратную связь» (заместитель министра культуры Свердловской области).

Среди инвалидов гораздо активнее присутствует «воспринимаемое пространство»: объективное пространство физических объектов, с которыми они взаимодействуют в повседневной жизни. Там, где обычный житель «пройдет и не заметит», человек с инвалидностью обратит внимание на множество элементов среды (пандусы, указатели, звуки, лифты, скамейки и пр.). Закономерным образом это порождает и более выраженное «задуманное» пространство: совокупность идей и представлений, как и почему должны быть изменены компоненты городского пространства: «Мы все время выступаем с инициативами, общаемся с коллегами из других стран и стараемся это внедрять у нас, нам жизненно важно двигаться вперед, чтобы мир стал доступ-

нее, люди увереннее себя чувствовали» (председатель общества инвалидов, город Свердловской области).

Таким образом, если право на город должны предъявлять те, для кого он является частью их повседневной жизни [9, с. 58], то люди с инвалидностью, безусловно, входят в данную категорию. Ценностно-процессуальный подход к пониманию «права на город» [10] подразумевает обеспечение права на жизнь в «полноценном городе» для всех его горожан. Усилия властей, гражданско-го общества, городских активистов, социальных групп позволяют в настоящее время как ставить вопросы реализации права на город различными категориями граждан (в том числе инвалидов), так и осуществлять важные шаги в творческом присвоении городского пространства.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 20-411-660012 p_a.

Литература

1. Мясников И. Р. Повышение качества профессионального образования инвалидов на основе использования международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2019. Том. 38. № 1. С. 161–168.
2. Конвенция о правах инвалидов. URL: http://ombudsmanspb.ru/files/files/OON_02_site.pdf (дата обращения: 22.02.2020).
3. Большинство россиян осведомлены о проблемах инвалидности. НАФИ, сентябрь 2019 г. URL: <https://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-osvedomleny-o-problemy-invalidnosti/> (дата обращения: 25.02.2020).
4. Отношение к инвалидам — показатель зрелости общества // Известия. 23 мая 2019 г. URL: <https://iz.ru/880946/egor-sozaev-gurev-angelina-galanina/otnoshenie-k-invalidam-pokazatel-zrelosti-obshchestva> (дата обращения: 24.02.2020).
5. Антонова Н. Л., Ракевич Е. В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2 (26). С. 160–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166.
6. Нацун Л. Н. Интеграция инвалидов и общества: результативность мероприятий региональной социальной политики (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 95–115. DOI: 10.15838/ptd.2019.2.100.6.
7. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
8. Международный день инвалидов — 2019. ВЦИОМ, 4 декабря 2019 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9253> (дата обращения: 24.02.2020).
9. Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 24 (2). С. 48–60. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60.
10. Паченков О. «Право на город». Калейдоскоп подходов в (пост)марксистской традиции. URL: <https://clck.ru/MyTGz> (дата обращения: 26.02.2020).

УДК [316:61]:378.172

**Шлыков В. П.,
Спирина М. П.,
Кульминская А. В.**

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА О ЗДОРОВЬЕ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Аннотация: в статье представлены результаты социологического опроса студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) по вопросам здорового образа жизни и отношения к физической культуре.

Ключевые слова: студенты с ОВЗ, здоровый образ жизни, физическая культура, социология здоровья.

**Shlikov V. P.,
Spirina M. P.,
Kulminskaia A. V.**

SOCIOLOGICAL SURVEY RESULTS ABOUT HEALTH AND PHYSICAL CULTURE OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS (HIA)

Abstract: the article presents the results of sociological survey of students with disabilities on issues of a healthy lifestyle and attitudes toward physical education.

Keywords: students with disabilities, a healthy lifestyle, physical education, sociology of health.

В Уральском федеральном университете (УрФУ) у 30 % студентов выявлены различные отклонения в состоянии здоровья. Ухудшение состояния здоровья становится не только медицинской проблемой, но и социально-педагогической. Организация учебного процесса для данной категории студентов требует новых подходов с учетом индивидуальных возможностей каждой личности. Информационные и эмоциональные перегрузки приводят к срыву адаптационных процессов и вторичным отклонениям в состоянии здоровья. Вместе с тем, в ходе изучения паспортов национальных проектов «Здравоохранение» [1], «Демография» [2], «Образование» [3], а также документа об основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [4] было выявлено, что здоровье молодежи находится вне поля внимания.

В 2018/2019 учебном году было проведено исследование отношения студентов с ОВЗ к своему здоровью, физической культуре и учебе в вузе. В опросе приняли участие 426 студентов второго и третьего курсов УрФУ всех на-

правлений подготовки, отнесенных по результатам медицинского осмотра к специальной медицинской группе (79,8 % девушек и 20,2 % юношей в возрасте от 18 до 20 лет). Все рисунки, приведенные в тексте, сделаны авторами на основе эмпирического исследования.

Итак, хронические заболевания студентов являются основанием для зачисления в специальную медицинскую группу. После прохождения планового медицинского осмотра у 31 % студентов были диагностированы заболевания опорно-двигательного аппарата, у 19,2 % — органов зрения, у 15,3 % — сердечно-сосудистые патологии, у 34,5 % — другие различные заболевания (рис. 1). У 68,3 % эти заболевания были выявлены в школе.

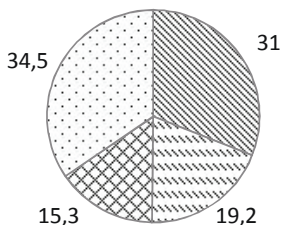

Рис. 1. Структура выборки по заболеваемости

На вопрос «Какую динамику показателей здоровья вы наблюдаете последние полгода» 61,3 % ответили: динамика от 128–131 сутствует или незначительная, уровень здоровья прежний; 27,9 % — положительная, уровень здоровья улучшается; и только 10,8 % — отрицательная, уровень здоровья ухудшается (рис. 2).

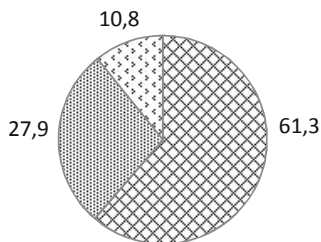

Рис. 2. Оценка динамики показателей здоровья

В то же время на вопрос «Беспокоитесь ли вы о своем здоровье» 79,6 % ответили «да», «Беспокоят ли вас какие-нибудь болевые симптомы» — 57,5 %

ответили утвердительно, «Можете ли вы назвать себя нервным, неуравновешенным человеком» — 57,2% ответили «да», а 20,2% опрошенных студентов страдают бессонницей.

На основании результатов опроса было выявлено, что почти 80% опрошенных беспокоятся о своем здоровье, однако динамика показателей здоровья у 61% остается либо на прежнем уровне, либо ухудшается. В качестве отрицательных явлений у студентов с ОВЗ фигурируют факты недостаточного количества информации о ЗОЖ, отсутствие осознанного понимания степени ответственности за состояние своего здоровья, свободного времени и желания.

Далее приведены результаты опросов об отношении студентов к физической культуре. Посещение занятий по ФК: регулярно занимались в школе — 62,7%, посещали половину занятий — 15,3%, были освобождены от практических занятий — 18,3%, почти не посещали — 3,7% (рис. 3).

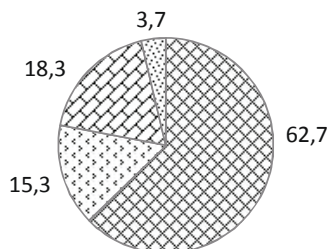

Рис. 3. Оценка посещаемости уроков по физической культуре в школе

Уровень физической и функциональной подготовленности был выявлен оценками в аттестате зрелости. Получили оценку по физической культуре «отлично» — 67,6%, «хорошо» — 29,3%, «удовлетворительно» — 3,1% (рис. 4).

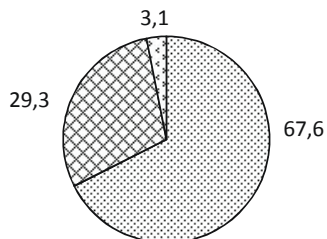

Рис. 4. Данные об оценках по физической культуре в аттестате зрелости

В настоящее время 75,8% студентов считают, что занятия физической культурой в вузе приносят пользу. На вопрос «Если бы у вас было свободное время, чем бы вы занимались» были получены следующие результаты (рис. 5): наиболее популярные виды досуговой деятельности — поход в кино (32%), прогулка (23,7%) и чтение (23%), еще 13,5% предпочитают интернет-серфинг. Чуть менее популярен поход в кафе (10%), а разговор по телефону студенты не воспринимают как досуговое времяпрепровождение, этот вариант выбрали всего 2,5% респондентов.

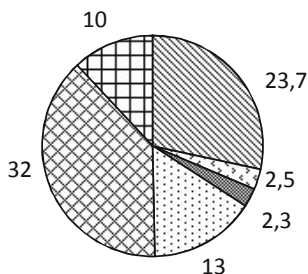

Рис. 5. Результаты выбора занятий в свободное время

На вопрос «Как часто вы совершаете прогулки» были получены следующие результаты: ежедневно — 16,7%; 2–3 раза в неделю — 31%; один раз в неделю и реже — 52,3% (рис. 6).

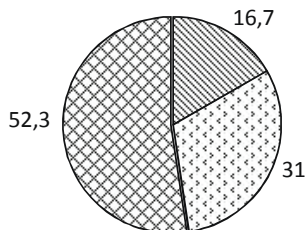

Рис. 6. Результаты двигательной активности (прогулки) в режиме дня студента

На вопрос «Как часто вы посещаете спортивные мероприятия»: реже, чем один раз в 2–3 месяца ответили 79,8%, один раз в 2–3 месяца — 9,2%, один раз в месяц и чаще — 10% (рис. 7).

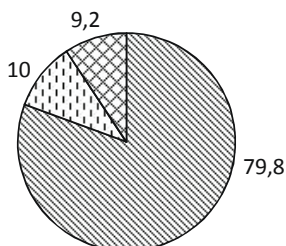

Рис. 7. Результаты интереса студентов к спортивно-рекреационным мероприятиям

Результаты опроса выявили понимание необходимости в регулярных занятиях физической культурой у большинства студентов и несоответствие времени, которое используется ими для физического саморазвития и самосовершенствования. Две трети студентов с особыми образовательными потребностями на вопрос «сложно ли вам учиться в УрФУ» ответили «нет», в то же время 34,7% испытывают затруднения.

Мы считаем, что проведение более глубокого массового опроса студентов с ОВЗ будет способствовать практическому применению результатов внедрения индивидуально-ориентированных образовательных программ. Социологический подход к категории студентов с ОВЗ позволит акцентировать внимание на процессы прогнозирования и проектирования здоровьесберегающих практик, ориентированных на профилактику заболеваний и повышения мотивации к здоровому образу жизни, а выведение проблем данной целевой группы в информационную и научную повестку позволит улучшить условия работы с каждым студентом.

Литература

1. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 02.03.2020).
2. Паспорт национального проекта «Демография» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 02.03.2020).
3. Паспорт национального проекта «Образование» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 02.03.2020).
4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Справочно-правовая система Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения: 02.03.2020).

УДК 364

Шестакова Е. В.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МОБИЛЬНОСТИ ИНВАЛИДОВ

Аннотация: в статье поставлен вопрос о различных видах мобильности, способствующих формированию и/или восстановлению материального и социального проживания-в-движении инвалидов. На основе нормативной правовой базы рассматриваются различные виды мобильности, направленные на активность инвалидов, т. е. на достижение независимости и интеграцию в социум.

Ключевые слова: социальная реабилитация и абилитация, мобильность, виды мобильности.

Shestakova E. V.

OPPORTUNITIES OF SOCIAL REHABILITATION IN FORMING MOBILITY OF DISABLED PEOPLE

Abstract: the article raises the question of various types of mobility that contribute to the formation and/or restoration of material and social living-in- the-movement of disabled people. Based on the normative legal framework, various types of mobility are considered, aimed at the activity and participation of disabled people, i. e. at achieving independence and integration into society.

Keywords: social rehabilitation and habilitation, mobility, types of mobility.

Понятие «мобильность» в социальной реабилитации и абилитации инвалидов рассматривается с точки зрения физической мобильности как совокупности согласованных движений (локомации) человека, вызывающих его активное перемещение в пространстве, с одной стороны, и с позиции социальной мобильности как социального феномена, включающего не только индивидов, но также социальные объекты и ценности, с другой. Определение физической мобильности применительно к социальной реабилитации и абилитации инвалидов дано в Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (далее МКФ) как «движение посредством изменения положения тела или перемещения тела, или перемещения с одного места на другое, перенос, перемещение или манипуляция объектами, ходьба, бег, преодоление препятствий и использование различных видов транспорта» [1].

В социальной реабилитации на первый план выходят вопросы социальной мобильности. Так, в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» дано определение цели реабилитации/абилитации, которая формулируется следующим образом: «Реабилитация и абилитация инвалидов направлены на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жиз-

---

© Шестакова Е. В., 2020

недеятельности инвалидов в целях их социальной адаптации, включая достижение ими материальной независимости и интеграцию в общество» [2]. В другом нормативном документе — ГОСТ Р 54738–2011 — дается более полное определение услуг по социальной реабилитации, к которым относятся «действия реабилитационных учреждений, заключающиеся в оказании помощи инвалиду в восстановлении его социального статуса, достижении им материальной независимости, социальной адаптации и интеграции в общество» [3]. Каждое из вышеперечисленных понятий: социальный статус, социальная адаптация, интеграция в общество — требуют отдельного рассмотрения для понимания, что является содержанием деятельности по социальной реабилитации и абилитации инвалидов, а что — ее целями и задачами.

Определение и содержательные компоненты социального статуса широко освещены в работах известных отечественных и зарубежных социологов. В самом широком смысле социальный статус — это позиция индивида в обществе, предполагающая определенные права и обязанности. Поскольку индивид включен в самые различные системы социальных связей и отношений, где занимает соответствующие позиции, у него не один, а несколько социальных статусов. Поэтому формирование или восстановление социального статуса инвалида рассматривается в широком диапазоне, охватывающем все сферы жизнедеятельности человека до инвалидности (взаимоотношения в семье, вид профессиональной деятельности, круг знакомых, способ и формы проведения досуга и т. д.). Следовательно, цель реабилитации для взрослого человека заключается в максимально возможном (с учетом ограничений жизнедеятельности данного человека) восстановлении всего «статусного набора» индивида, который был характерен для его социального функционирования перед получением статуса «инвалид», другими словами, тот статус, который предполагает полноценное функционирование индивида в обществе его активное включение во все общественные взаимосвязи, способность принимать самостоятельные решения. Для ребенка такая цель связана с определенными проблемами, которые зависят от семейного положения ребенка-инвалида, его когнитивных и/или психологических нарушений и расстройств, возможностей семьи или учреждения, в котором находится ребенок-инвалид.

Другое понятие, используемое в определениях, данных в нормативных правовых актах, — это «интеграция в общество». Чаще интеграция рассматривается как процесс, результатом которого является достижение единства и целостности, согласованности внутри системы, основанной на взаимосвязи и взаимодействии отдельных ее элементов. Применительно к интеграции инвалидов в научной литературе используется понятие «социальная интеграция», которое рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, это процесс активного включения инвалида в социальную жизнь общества, а с другой — процесс активного усвоения индивидом общественных норм и ценностей.

Процессы активного включения инвалида в социальную жизнь общества являются основной наивысшей целью в социальной реабилитации, которую можно реализовать посредством различных видов мобильности.

Современные исследования мобильности носят междисциплинарный характер. Над разработкой проблемы мобильности работают различные исследовательские центры и сетевые объединения (Сеть Космобилитис, журнал «*Mobilities*», Центр Изучения Мобильностей *CeMoRe*, социологический факультет Ланкастерского университета и др.). Известный британский социолог Д. Урри подчеркивает, что различные модальности мобильности подразумевают различные «представления» (*performances*) как формы материального и социального проживания-в-движении (*dwelling-in-motion*). Различные виды транспорта обеспечивают различные формы перемещения в пространстве. Существует множество видов деятельности, которые возможны благодаря новым мобильным технологиям. Сюда включается разговор лицом к лицу и по мобильному телефону, отсылка СМС, прослушивание музыки (через плейер или *iPod*), использование компьютеров, сбор информации и связь с другими людьми и пр. [4].

Многие виды мобильности включают также активное развитие и переработку «воспоминаний» о других людях, местах и встречах. Восстановление подобных воспоминаний требует особых методов, которые могут количественно показать, каким образом фотографии, письма, изображения, сувениры и другие предметы функционируют в рамках социальных, семейных или дружеских групп. Сюда могут входить исследования изображений и предметов, которые люди носят с собой и которые служат им для того, чтобы собрать заново воспоминания, относящиеся к различным местам их проживания.

Таким образом, в концепции Д. Урри, мобильность это не только реальное, но, что значимо для человека с ограничениями жизнедеятельности, и потенциальное перемещение в соответствии с социальными отношениями, сформированными в конкретном социуме. [4, с. 167]. Последователь Урри, В. Кауфманн, предложил общую теорию подвижности, описывающую необходимые структурные условия мобильности. Теория подвижности сводится к трем взаимосвязанным факторам: доступу (выбору способов перемещения), навыкам (физическим, интеллектуальным и организационным) и освоению (*appropriation*) на уровне повседневных стратегий, ценностей и привычек. Данный автор вводит понятие «мотильность» (подвижность), которую можно определить как «ту возможность, которой индивид обладает в сфере движения и которую он использует в своей деятельности» [4]. Решающие факторы подвижности включают физическую способность инвалида, стремление человека к мотильности, доступность транспорта и средств коммуникации, ограничения пространства-времени, знания и т. п. Таким образом, мобильность рассматривается в различных аспектах: социальном, физическом, культурном и виртуальном.

Варианты мобильности можно представить в виде классификации по нескольким основаниям. Так, по видам можно выделить:

- *физическую мобильность* как совокупность согласованных движений (локомоции) человека, вызывающих активное его перемещение в пространстве;
- *социальную мобильность* как изменение индивидом или группой места, занимаемого в социальной структуре (социальной позиции), перемещение из одного социального слоя (класса, группы) в другой;
- *профессиональную мобильность*, которая определяется как процесс перемещения индивидов между группами внутри профессиональной структуры общества, участвуя в котором они полностью или частично изменяют свой профессиональный статус;
- *социокультурную мобильность*, которая представляет собой творческий процесс, так как в результате деятельности человека могут быть созданы новые ценности, а в широком смысле построение новых отношений. Социокультурная мобильность проявляется в субъективной стороне активности личности и является неотъемлемым, самым динамичным элементом социального процесса;
- *виртуальную мобильность* как использование информационных технологий с целью передачи, сбора информации, коммуникации между людьми;
- *академическую мобильность*, которую можно рассматривать в узком смысле как перемещение студентов и преподавателей высших учебных заведений на определенный период в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны с целью обучения или преподавания. В широком смысле это неотъемлемая форма существования интеллектуального потенциала и возможность самой личности формировать свою образовательную траекторию, выбирать предметы, курсы, учебные заведения в соответствии со своими склонностями и устремлениями; рассматривается как признак внутренней свободы, способствующий становлению самостоятельной личности, умеющей определять цели и маршрут индивидуального развития;
- *личностную мобильность индивида*, которая зависит от индивидуальных характеристик человека, таких как потребности, интересы, ценностные ориентации, моральные качества и другие мотивационные факторы. Можно определить схему реализации данного вида мобильности следующими основными элементами: потребности — интересы — мотивы. Личностная мобильность проявляется в субъективной стороне активности личности и является неотъемлемым, самым динамичным элементом процесса самосовершенствования личности.

По критерию «направленность», как правило, описывают:

- *горизонтальную мобильность* — переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне;
- *вертикальную мобильность* — продвижение человека по служебной лестнице вверх или вниз.

По критерию «категория» можно говорить о том, что мобильность можно рассматривать как:

- *процесс постоянного изменения* окружающей среды и, как следствие, эволюционирующие требования к индивиду;
- *интегративное личностное качество* — все виды мобильности представлены через ее индивидуально-психологические особенности (способности) и активно-действенное состояние (готовность).

Принимая во внимание, что мобильность включает различные варианты не только физического передвижения, можно сделать вывод о взаимосвязи всех видов мобильности в различных направлениях социальной реабилитации. Так, личностная мобильность необходима для формирования мотивированности человека с ограничениями жизнедеятельности на реабилитацию, физическая мобильность напрямую связана с социально-средовой, социально-бытовой реабилитацией, академическая мобильность позволяет самостоятельно выбрать индивидуальную траекторию дистанционного обучения для ребенка-инвалида и для инвалида старше 18 лет при необходимости переобучения, социокультурная мобильность обеспечивает включение в различные социальные взаимоотношения.

Литература

1. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья. Женева : ВОЗ, 2001. 346 с.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/(дата обращения: 20.02.2020).
3. ГОСТ Р 54738–2011. Реабилитация инвалидов. Услуги по социальной реабилитации инвалидов. М.: Стандартинформ, 2013. 7 с.
4. Урри Д. Виды мобильности столетия. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 335 с.

Секция 5. Национальный проект «Образование»: качественные изменения системы, информационно-технологические перспективы и риски в социальном измерении

УДК 316.43

Архипова В. А.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ» И ПРОБЛЕМЫ КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация: в статье рассматривается национальный проект «Образование». Проанализированы основные проблемы оценки качества образования и пути их решения. Исследованы концептуально-методологические представления о качестве образования с позиции социологического анализа. Обоснована важность изучения феномена социальной зрелости обучающихся, лежащая в основе формирования значимых социальных качеств личности и их стремления к познавательной деятельности.

Ключевые слова: национальный проект «Образование», оценка качества, социальная зрелость.

Arkhipova V. A.

NATIONAL PROJECT “EDUCATION” AND PROBLEMS OF CRITERIA OF SOCIAL MATURITY OF STUDENTS

Abstract: the article discusses the national project “Education”, which began to be implemented since 1.01.2019. The main problems of assessing the quality of education and ways to solve them are analyzed. Conceptual and methodological ideas about the quality of education from the point of view of sociological analysis are studied. The author substantiates the importance of studying the phenomenon of social maturity of students, which is the basis for the formation of significant social qualities of the individual and their desire for cognitive activity.

Keywords: national project «Education», quality assessment, social maturity.

Развернувшаяся в последние годы деятельность относительно проблемы оценки качества образования особенно актуальна сегодня. Ряд исследований в сфере регионального, всероссийского и международного мониторинга указывает на активную разработку различных подходов к оценке способов по-

вышения и необходимости изменения существующей системы образования. Необходимость изменения образования обусловлена существующими кардинальными реформами общественной жизни социума, влияющими на формирование молодого поколения. Государство заинтересовано в воспитании и развитии активных, целеустремленных и конкурентоспособных представителей молодого поколения, о чем свидетельствует принятый национальный проект «Образование» от 1.01.2019 года. В соответствии с данной программой до конца 2024 года необходимо провести инновационные преобразования, в основе которых лежит обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству образования, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей, исторических и культурных традиций российского народа [1].

В рамках указанного периода должен произойти ряд реформ, представленных в различных проектах Министерства просвещения Российской Федерации, направленных на оснащение технически оборудованной на мировом уровне необходимой инфраструктуры, реализацию изменения содержания и развития образования, обеспечение укомплектованным штатом квалифицированных рабочих кадров, создание достаточно крупных и финансово устойчивых научно-образовательных организаций [1]. При этом данный проект не будет являться массовым, по крайней мере в сфере высшего образования, ведь, как показывает исследование В. А. Болотова, в мировых рейтингах «большой тройки» представлено всего 45 российских университетов, что составляет лишь 6 % от общего числа вузов в России [2, с. 11].

Анализ актуальных основополагающих документов, принятых Министерством просвещения с целью модернизации образования на всех уровнях, позволил сделать вывод, что на практике система оценки качества образования Российской Федерации только разрабатывается. Отсутствует единое концептуально-методологическое представление о проблемах качества образования, его основных функций и подходов к его измерению. Не сформировано соответствующее научно-методическое оснащение для валидного и надежного сбора данных, а также наблюдается недостаток квалифицированных работников в данной сфере. К сожалению, необходимо признать, что выделенные проблемы, актуальные для современного образования, становятся с каждым годом более значительными, что свидетельствует об отсутствии четко разработанных социальных оснований, служащих основой для формирования системной и комплексной стратегии развития образовательных учреждений.

На сегодняшний день спрос на качество образования обусловлен с одной стороны задачами ориентации в ситуации неопределенности, с другой — формированием новых мировоззренческих концепций образования. Сложность социологического анализа качества образования заключается в изучении

многогранной системы обучения, выявлении ее заинтересованных субъектов, исследовании неэффективных стратегий образования. На наш взгляд, существенной характеристикой акторов образовательного процесса является их социальная зрелость, лежащая в основе формирования значимых социальных качеств личности и их стремлением к познавательной деятельности. Проблема исследования социальной зрелости обусловлена сложностью и неопределенностью толкования данного феномена. В рамках различных гуманитарных наук выделено огромное множество подходов, исследующих личностный конструкт. Тем не менее существующие попытки решения определения данного понятия, его критериев и условий формирования в научных трудах не способствовали консенсусу относительно содержания и структуры социальной зрелости.

В рамках социологических исследований социальная зрелость представляет собой совокупность формальных внешних достижений, таких как получение гражданских прав, присвоение социальных ролей, достижение определенного возраста, служба в армии, завершение образовательной деятельности в учебных заведениях, профессиональная деятельность, материальная автономность, готовность создать семью и нести за нее ответственность. Существует множество изложенных подходов к пониманию феномена социальной зрелости. Одна из удачных попыток классифицировать имеющиеся направления была предпринята Д. И. Фельдштейном. Автор предлагает выделить три подхода становления социальной зрелости. В основе первой группы лежит представление о социальной зрелости как интегративной характеристике индивида, способствующей эффективной адаптации в социальной системе (Н. И. Леонов, М. М. Главатских). Теории второго подхода изучения социальной зрелости акцентируют свое внимание на индивидуально-личностных особенностях, протяженные в хронотопе процесса социализации (Э. Эриксон, Г. М. Андреева). Концепции третьего направления рассматривают социальную зрелость как взаимосвязь процессов социализации и индивидуализации личности (Д. И. Фельдштейн, А. В. Мудрик) [3, с. 83].

С позиции первого подхода современные исследователи Н. И. Леонов и М. М. Главатских рассматривают понятие «социальная зрелость» в рамках интегративного подхода. По мнению ученых, «социальная зрелость» представляет собой субъектность, образующуюся в процессе интеграции социально-личностных элементов зрелости и взаимовлияния смысловой сферы. Основными факторами, образующими субъектные показатели социальной зрелости, являются интериоризация, самоидентификация и надситуативность [4, с. 26]. Представитель второго направления Э. Эриксон утверждает, что социальная зрелость формируется при условии успешного преодоления конфликтов, характерных для каждой стадии развития личности в определенный период ее взросления. Именно от эффективности преодоления кризисных ситуаций зависит уровень социальной зрелости личности [5, с. 241]. С точки зрения

Г. М. Андреевой, социальная зрелость напрямую связана с процессом социализации, где основными сферами ее формирования является деятельность, общение и самосознание. Помимо этого, автор выделяет социальную идентичность как важный аспект развития данной категории [6, с. 112]. В рамках третьего подхода авторы придерживаются мнения, что социальная зрелость детерминирована высоким проявлением социальной активности, способностью принимать последствия своих решений, социальной системой мотивов, интересов и потребностей [5, с. 153].

В определениях большинства исследователей феномена социальной зрелости ее основными характеристиками выступают самостоятельность, самодостаточность, ответственность, независимость, осознанность, овладение социальными ролями, толерантность, рефлексивность и конструктивное взаимодействие с окружающими.

Таким образом, на сегодняшний день не существует единого универсального определения понятия в силу его междисциплинарности и широты. В зависимости от предмета и объекта изучения каждая научная дисциплина будет выделять свой аспект данного явления. Вместе с тем мы считаем вполне обоснованной позицию, где социальную зрелость следует рассматривать в контексте зависимости от периода ее формирования, возрастного аспекта, общественно-исторических условий. В связи с этим нам представляется целесообразным выделить следующее понимание феномена социальной зрелости, которое способно отразить важность и сложность изучаемого явления, необходимого для реализации выше поставленных задач Министерством просвещения России. С нашей точки зрения, социальная зрелость — качественно динамическая характеристика субъекта, зависящая от временного промежутка исторического периода и определяемая совокупностью социальных, личностных и поведенческих индикаторов.

Литература

1. Национальный проект «Образование» // Министерство просвещения Российской Федерации. Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 02.03.2020).
2. Как сконструировать национальный агрегированный рейтинг? / В. А. Болотов, Г. Н. Мотова, В. Г. Наводнов [и др.] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 1. С. 9–24.
3. Фельдштейн Д. И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М. : Московский психолого-социальный институт развития Флинта. 1999. 670 с.
4. Леонов Н. И., Главатских М. М. Социально-психологическая зрелость личности: интегративный подход // Известия СГУ. 2014. Т. 14. С. 55
5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Речь. 2000. 592 с.
6. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник высших учебных заведений. М. : Аспект-пресс. 2007. 363 с.

УДК 316.43

Берзин А. Б.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА» В Г. ЕКАТЕРИНБУРГЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в статье анализируется система среднего образования г. Екатеринбурга, показана ее структура, выделены проблемы, связанные с ростом населения областного центра — это нехватка учебных мест в школах, и, как следствие, увеличение количества детей, обучающихся во вторую смену. Кроме того, исполнение Национального проекта «Образование» потребует увеличения числа педагогов, улучшения их подготовки, реконструкции всей инфраструктуры, в том числе дальнейшей информатизации школ.

Ключевые слова: система образования, муниципальные программы, учащиеся, педагоги, учебные места.

Berzin A. B.

FEDERAL PROJECT «MODERN SCHOOL» IN YEKATERINBURG: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract: the article analyzes the secondary education system in Yekaterinburg, shows its structure, and highlights the problems associated with the growth of the population of the regional center — a lack of school places, and, as a result, an increase in the number of children studying in the second shift. In addition, the implementation of the national Education project will require an increase in the number of teachers, improving their training, and reconstructing all infrastructure, including further Informatization of schools.

Keywords: education system, municipal programs, students, teachers, educational places.

Национальный проект «Образование» (2019–2024 гг.) включает в себя ряд федеральных проектов, важное место среди которых занимает «Современная школа», предусматривая создание и распространение новых технологий и методов обучения и воспитания, коренную модернизацию образовательного и воспитательного процессов [1]. В Свердловской области в целом и в г. Екатеринбурге в частности предусматривается обновление материальной базы, формирование условий для воспитания в духе требований времени и на основе всего духовного богатства многонациональной России [2]. Эти задачи были обсуждены 26 марта 2019 года на коллегии регионального Министерства образования и молодежной политики.

Департамент образования г. Екатеринбурга ведет активную работу по выполнению задач, поставленных Национальным проектом, осуществляет комплексную модернизацию всей образовательной системы, контролирует исполнение муниципальных программ. Екатеринбург сегодня — центр образовательных услуг, в нем работает 18 вузов, 26 техникумов и колледжей.

Система общего образования г. Екатеринбурга на 01.01.2019 года состояла из 192 дневных общеобразовательных организаций (в том числе 20 государственных, 160 муниципальных и 12 частных). Из них 27 гимназий, 12 лицеев, 28 школы с углубленным изучением отдельных предметов. Во всех (дневных и вечерних) общеобразовательных учреждениях обучалось более 162 тыс. человек (в частных школах более 1800 человек), из них более 43 тыс. человек учились во вторую смену. В 2018 году в первые классы поступило более 19 тыс. человек [3, с. 35–36], табл. 1.

Численность обучающихся в школах города за последние девять лет увеличилась почти в 1,5 раза и составила: в 2010 году — 109,1 тыс. чел.; в 2015 году — 133,6 тыс. чел.; в 2018 году — 156,1 тыс. чел. [3, с. 40]. Число педагогов в школах города превысило 7600 человек, из них более 5800 чел. — учителя первой и высшей категории.

Таблица 1

Количество детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях города Екатеринбурга*

Год	Всего обучается, человек	Из них в первых классах	Из них во вторую смену, %
2013	123400	—	21,0
2014	127575	14998	21,9
2015	133092	16275	22,6
2016	141717	17878	24,2
2017	149825	18751	25,7
2018	157077	19075	28,2

*Примечание: табл. 1 рассчитана по: [4, с. 4; 5, с. 4–5; 6 с. 10; 7, с. 6].

Рост численности обучающихся в последние годы, особенно в первых классах (за пять лет прирост составил более 4 тыс. человек — увеличился практически на четверть) поставил новые задачи перед администрацией города и педагогическим сообществом по созданию новых учебных мест, обеспечению их необходимыми ресурсами, в том числе новыми педагогами. Для этого в Екатеринбурге действуют две муниципальные программы: «Создание новых мест в общеобразовательных организациях муниципального образования «г. Екатеринбург» на 2016–2025 годы и «Развитие системы образования и создание условий для организации труда, отдыха и оздоровления детей в муниципальном образовании «г. Екатеринбург» на 2017–2020 годы [8].

Первая программа предусматривает финансирование в объеме 49,5 млрд руб., из них доля муниципалитета — 10,3 млрд руб., области — 31,6 млрд руб., Федерации — 7,3 млрд руб. [9]. В основу выполнения Программы положена разбивка территории г. Екатеринбурга на 57 районов, благодаря чему был предметно выявлен дефицит мест. Для его ликвидации будет построено 22 школы на 17 тыс. мест. Самое большое число первоклассников — бо-

лее 20200 человек ожидается к концу десятилетия [10]. Согласно прогнозу социально-экономического развития города к 2022 году ожидается увеличение числа мест в школах на 15,5 тыс. мест [11], табл. 2.

Таблица 2

Прогноз потребности города в обеспечении детей местами в общеобразовательных учреждениях (2019–2035 годы)*

Показатели	2019 г.	2025 г.	2035 г.
Потребность в количестве учебных мест	158 746	223 438	246 127
Запроектированная вместимость	150 721	174 218	249 883
Число учреждений	178	200	306
Количество мест (в построенных школах)	–	18075	11869
Дефицит (избыток) мест	–8025	–49219	+3756

*Примечание: табл. 2 рассчитана по: [12].

Для решения этой проблемы дополнительно потребуется около 50 млрд руб. При этом не учитывается увеличение числа педагогических работников.

Программа «Развитие системы образования...» предполагает финансирование в объеме 84,2 млрд руб., в том числе из бюджета города — 27,8 млрд руб., областного бюджета — 56,5 млрд руб. и федерального — 1,5 млрд руб. [13]. Действие программы продлено до 2021 года. Программа состоит из четырех подпрограмм: о развитии системы общего образования в условиях введения ФГОС; обеспечение функционирования общеобразовательных муниципальных организаций, развитие материально-технической базы муниципальных детских оздоровительных лагерей и развитие сети дошкольных образовательных учреждений.

По первой подпрограмме полностью внедрены ФГОС начального образования во всех школах, в половине общеобразовательных учреждений — ФГОС основного общего образования, приступили к массовому внедрению ФГОС среднего общего образования (в настоящее время действует пилотный проект в 24 школах). По подпрограмме обеспечения функционирования образовательных учреждений школа должна стать многофункциональным социокультурным центром, открытым для всех образовательным пространством. В такой среде должна доминировать позитивная учебная мотивация для учащихся и стремление как можно лучше организовать образовательный процесс с использованием новейших образовательных технологий для педагогов [6, с. 11].

Для решения этих задач в городе действует муниципальный проект «Моя школа», который призван обеспечить единый стандарт организации работы. Это связано с происходящей в Екатеринбурге дифференциацией школ и вынужденным созданием ресурсных центров уровня основного общего образования (гимназии 2, 9, 99, 202). Дифференциация связана не только с качеством обучения, но и с особенностями тех территорий, где расположена

школа (от социально-экономических до ландшафтных). Становятся важными факторами состав обучающихся, результаты учебы, материально-техническая обеспеченность, статус (престиж) школы. Сегодня педагогам приходится учитывать и такую особенность, как распространение цифровых технологий не только в процессе обучения, но и в быту, в сфере свободного времени. Так называемые «сетевые дети» имеют массу особенностей, которые необходимо учитывать при психолого-педагогическом сопровождении. 96 % школ используют электронные журналы (дневники), всеобщее распространение получил Интернет (100 %), используются и другие электронные услуги. Внедряются цифровые учебно-методические комплексы, обучающие игры и цифровые симуляторы. Идет апробация проекта цифрового образования для начальной школы [6, с. 16–17].

Среди задач, стоящих перед органами управления, педагогическими работниками города и профессиональной общностью следует выделить такие, как развитие сети дошкольного образования, реконструкция и строительство новых школ, повышение профессионального уровня учителей в соответствии с утвержденными стандартами, реализация федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) на всех уровнях образования, повышение качества образования через совершенствование процедур оценки [5, с. 4–5]. В стратегическом плане развития г. Екатеринбурга до 2030 поставлена весьма амбициозная задача — создать современное многоуровневое непрерывное образовательное пространство в городе, отвечающее требованиям как российских, так и международных критериев [6, с. 4].

Литература

1. Паспорт национального проекта «Образование». URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения 06.02.2020).
2. Информация о реализации региональной составляющей Свердловской области национального проекта «Образование». URL: <https://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012> (дата обращения 04.03.2020).
3. Итоги социально-экономического развития Екатеринбурга в 2018 году // Департамент экономики Администрации города Екатеринбурга. 2019. 158 с. URL: <https://екатеринбург.рф/дляработы/экономика/развитие/итоги> (дата обращения 04.03.2020).
4. Материалы августовского совещания руководящих и педагогических работников системы общего образования города Екатеринбурга 2014 года. Екатеринбург : МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2014. 238 с. URL: <https://sites.google.com/view/sborniku/materialы-августовского-совещания/2014?authuser=0> (дата обращения 01.03.2020).
5. Материалы августовского совещания руководящих и педагогических работников системы общего образования города Екатеринбурга 2017 года. Екатеринбург : МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2017. 252 с. URL: <https://sites.google.com/view/sborniku/materialы-августовского-совещания?authuser=0> (дата обращения 01.03.2020).

6. Материалы августовского совещания руководителей и педагогических работников системы общего образования города Екатеринбурга 2018 года. Екатеринбург : МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2018. 252 с. URL: <https://sites.google.com/view/sborniku/материалы-августовского-совещания?authuser=0> (дата обращения 02.03.2020).

7. Материалы августовского совещания руководителей и педагогических работников системы общего образования города Екатеринбурга 2019 года. Екатеринбург : МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2019. 179 с. URL: <https://sites.google.com/view/sborniku/материалы-августовского-совещания/2019?authuser=0> (дата обращения 04.03.2020).

8. Муниципальные программы // Проекты и программы Екатеринбурга. URL: <https://екатеринбург.рф/жителям/образование/проекты/программы/мп> (дата обращения 22.12.2019).

9. Постановление Администрации города Екатеринбурга № 2608 от 31.10.2019 г. «О внесении изменений в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 15.06.2016 г. № 1188 «Об утверждении Муниципальной программы «Создание новых мест в общеобразовательных организациях муниципального образования «город Екатеринбург» на 2016–2025 годы». URL: https://екатеринбург.рф/официально/документы/постановления/п_2019/27344 (дата обращения 22.12.2019).

10. Екатеринбург поделили на 57 районов. Что это значит для каждого жителя. URL: <https://ura.news/articles/1036278927> (дата обращения 04.03.2020).

11. Гордума утвердила прогноз развития Екатеринбурга. URL: <https://www.oblgazeta.ru/economics/102596/> (дата обращения 10.12.2019).

12. Екатеринбург провалит поручение Путина: дефицит школ усиливается. URL: <http://freepressa.ru/news/2019/07/31/budet-tolko-huzhe-k-2025-godu-deficit-mest-v-shkol/> (дата обращения 10.12.2019).

13. Постановление Администрации города Екатеринбурга № 2819 от 28.11.2019 г. О внесении изменений в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 31.10.2016 г. № 2166 «Об утверждении Муниципальной программы «Развитие системы образования и создание условий для организации труда, отдыха и оздоровления детей в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы и признании утратившими силу отдельных постановлений Администрации города Екатеринбурга». URL: https://екатеринбург.рф/официально/документы/постановления/п_2019/27517 (дата обращения 22.12.2019).

УДК 37. 378.4

Дудина М. Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ВУЗА

Аннотация: рассматривая идентичность личности студента и преподавателя как ответ на вопрос «Кто Я», автор придерживается критериев антропологической соразмерности/несоразмер-

© Дудина М. Н., 2020

ности, принятых и поддерживаемых профессиональным сообществом высшего учебного заведения в соответствии с происходящими антропологическими модификациями в социуме, культуре и образовании как ответами на вызовы современности.

Ключевые слова: личностная и профессиональная идентичность, корпоративная культура вуза, студент, преподаватель, антропологическая соразмерность/несоразмерность.

Dudina M. N.

TRANSFORMATION OF PERSONAL AND PROFESSIONAL IDENTITY OF STUDENTS AND TEACHERS IN THE CORPORATE CULTURE OF THE UNIVERSITY

Abstract: the dynamic process of identification of a modern higher educational institution is associated with the transformation of its main subjects — students and teachers. The development of the digitalization of the information society, the dominance of consumer culture has led to the adoption of knowledge as a commodity. This affects all spheres of society, transforms the personality of the student and teacher as participants in the educational process with its goals, content, technologies and achieved results. Since the mid 90-ies of the twentieth century, the Ural scientific school has paid constant attention to the study of the processes of socio-cultural development of the student body in the Middle Urals. Considering the identity of students and teachers as an answer to the question “Who am I”, the author adheres to the criteria of anthropological proportionality/disproportion, adopted and supported by the professional community of the higher educational institution in accordance with the anthropological modifications in society, culture and education as answers to the challenges of our time.

Keywords: personal and professional identity, corporate culture of a university, student, teacher, anthropological proportionality/disproportion.

Осмысление динамичного процесса идентификации современного высшего учебного заведения и его основных субъектов — студентов и преподавателей — стимулируется меняющейся спецификой, зафиксированной в понятиях Идея и Миссия университета со времен В. Гумбольдта. Развитие информационного общества в культуре потребления, в том числе знания, когда оно приобрело форму товара, активно влияет на стоимостные основания всех сфер жизни, непосредственно и опосредованно — на личность студента и преподавателя как участников образовательного процесса с его целями, содержанием, технологиями и достигаемыми результатами. Речь даже о «смерти профессора», «по нему звонит колокол» — утверждал философ Ж.-П. Лиотар. Обоснование видел в радикальном изменении в информационном обществе роли знаний и основных субъектов образовательного процесса. Знание — не столько результат познавательной деятельности, сколько «форма информационного товара, необходимого для производительной мощи, оно является и будет являться важнейшей, может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть» [1, с. 20]. Всем, но особенно студентам и преподавателям, предстоит разобраться, насколько он прав.

Говоря о корпоративной культуре вуза, и это не дань моде, подчеркнем, что классический университет исторически развивался как корпорация сту-

дентов и преподавателей в собственной культуре, когда не говорилось о коммерческой составляющей высшего образования. В настоящее время часто в качестве специфической характеристики, к сожалению, преобладает коммерческая составляющая и соответствующий ей управленческий механизм получения прибыли. Корпоративная культура предполагает наличие совокупности ценностных представлений, закрепленных в понятиях, убеждениях и поведенческих паттернах субъектов образовательной организации, свидетельствующих о ее идентичности в функциональной социокультурной деятельности. Для эффективного функционирования вуза важно изучать рефлексивные представления студентов о себе как носителях инновационной культуры [2] и преподавателей. В корпоративной культуре вуза есть внешняя составляющая — соответствующая символика, логотип, девиз, проведение разнообразных общих праздников, корпоративов. Это имеет смысл и назначение, но более значимо выявление потенциала и рисков личностной и профессиональной трансформации студентов и преподавателей, разрешения противоречия между сохранением и дальнейшим развитием исторического наследия и необходимыми инновациями. Например, актуализация духовного совершенствования личности, патриота и гражданина, профессионала. Пришло новое поколение студентов, претендующих на высокий уровень интеллектуального, творческого развития, при этом во многих вопросах осведомленное весьма поверхностно. Это касается познания первоисточников научной и художественной мысли. Кино, телевидение, СМИ, реклама и более всего Интернет позволяют легко, без особых личностных усилий, приобщиться к информации, не углубляясь собственными вопросами в суть познаваемого, слабо развивая воображение, мышление и речь. Это вызовы времени — неопределенность, непредсказуемость прошлого, настоящего и будущего. Результатом становится трансформация потребностей, интересов, личностных и профессиональных ориентаций — в целом системы ценностей. Отсюда проблемы адаптации и идентификации, «психический мораторий» (В. Франкл), потеря личностной ответственности, способности самостоятельно принимать решения и готовность за них отвечать. Необходимо выявить факторы, способствующие дальнейшему развитию высшей школы, ее корпоративной культуры, развивающейся в «пространстве потоков» (М. Кастельс), в соответствии с новыми жизненными и образовательными реалиями, способствующими разрешению противоречия между гуманитарно-духовной составляющей и необходимостью коммерциализации вуза.

Что касается *методов*, то речь идет о феноменологическом подходе в раскрытии сущности и смысла корпоративной культуры, ее влияния на личностную и профессиональную идентификацию студентов и преподавателей. Эмпирические методы связаны с возможностью сбора и анализа документов, опроса субъектов образовательного процесса, интервьюирования в целях

уточнения понятия «корпоративная культура вуза», его смыслового содержания, функций и технологий исполнения, рефлексии преподавателей и студентов — носителей корпоративной культуры.

С начала второго десятилетия XX века проблема развития личности студента и преподавателя в условиях небывалой насыщенности и доступности каждому информационного пространства рассматривается в аспекте меняющейся личности, трансформации ее идентичности (*Mobilis in mobili*: личность в эпоху перемен, А. Г. Асмолов, Е. П. Белинская, А. Н. Гусев, 2018 г.); вопросы межкультурного конфликта поколений преподавателей и обучаемых *Digital Native/Digital Immigrant* (М. Ю. Копыловская, 2014). Исследуется информационно-коммуникационная среда и ее роль в процессе социализации, сетевая и реальная идентичность (А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина, 2013), альтернативная идентичность в социальных сетях (А. Е. Войскунский, 2013); стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве цифрового поколения (О. А. Максимова, 2013). Изучается антропологический аспект формирования поликультурной личности в условиях цифровизации (Э. П. Комарова, А. С. Фетисов, 2019); педагогический потенциал и риски медиаобразования, проблемы антропологической соразмерности/несоразмерности в условиях неопределенности (М. Н. Дудина, 2018, 2019). Отметим заслугу уральских исследователей: Л. Н. Когана, М. Н. Руткевича, Ю. Р. Вишневого, В. Т. Шапка, Л. Я. Рубиной, Г. Е. Зборовского в разработке теоретико-методологической базы, этапности и эмпирической интерпретации многолетнего мониторинга свердловского студенчества. Отслежена стремительная динамика основных характеристик студенчества — социального статуса, самочувствия, адаптации в социуме и образовании, профессионального развития, ценностных ориентаций в учебной и внеучебной деятельности [3].

Отмечая значимые результаты в разработанности названной проблемы, ее понимания как междисциплинарной, видим актуальность методологического, теоретического и практического исследования процесса трансформации личности студента и преподавателя в дальнейшем процессе цифровизации отечественного высшего образования в условиях нарастающей свободы и ответственности. При рассмотрении современных социальных, культурных и образовательных реалий последуем психологу А. Г. Асмолову: видеть через призму разных методологических оптик «такие свойства, как полифоничность, релятивистскую природу, ускорение изменений, мобильность, текучесть, разнообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность и неопределенность» [4]. Использование необходимого блока методик позволяет выявить потенциал и риски трансформации личности субъектов образовательного процесса, управлять рисками.

Релевантна личностная и профессиональная идентичность студента и преподавателя современным вызовам? Студент стал иным, это подтверждено

многочисленными социологическими опросами. Например, Центр студенческой социологии агентства студенческих коммуникаций «Кампус» совместно с НИУ ВШЭ в январе 2017 г. провели опрос российских студентов — 5841 чел. Выяснили, что цели современных студентов претерпели значимые изменения. На первом месте — карьера и достаток (в отличие от ценности семьи, воспитания детей в прошлом). Подтверждается данными компании *Universum* (опросила 25 тысяч российских студентов из 93 вузов страны, май 2016 г.) — наиболее привлекательны «Газпром», «Роснефть», *Google* и *BMW Group*. При этом 67 % опрошенных имеют дополнительный заработок, потребность в котором объясняется высокими ценами за обучение и небольшой стипендией. В такой ситуации многие занятия не посещаются, значит, самостоятельная работа становится основной (75 %). При этом качеством образования довольны 72 % студентов, жить и работать в России хотят 73 % участников опроса. На фоне общей динамики, например, при выборе будущей профессии, больше внимания уделяется не личным предпочтениям, а востребованности профессии на рынке труда. По данным *Universum*, в тройку лидеров по популярности среди студентов вошли такие направления, как «IT-технологии — технические науки», «Экономика и управление», «Гуманитарные науки» [5].

Рассматривая идентичность личности как ответ на вопрос «Кто Я», придерживаемся критериев антропологической соразмерности/несоразмерности, принятых и поддерживаемых профессиональным сообществом высшего учебного заведения в соответствии с происходящими антропологическими модификациями в социуме, культуре и образовании как ответами на вызовы современности [6].

Итак, каждое новое поколение студентов — *новое*, поэтому требует иного подхода от преподавателей в движении: от традиций к инновациям, когда востребуются проблемный, частично-поисковый и исследовательский методы в противовес объяснительно-иллюстративному и репродуктивному. Результаты проводимых исследований показывают, что многие преподаватели не готовы к качественным изменениям отечественной образовательной системы, не осознают сущности информационно-технологических перспектив, также и рисков в социально-педагогическом измерении. Иные не желают овладевать инновационными технологиями. Согласно П. А. Амбаровой, большинство преподавателей и научных сотрудников вузов оказались не готовы принять «этот удар и выстоять без особых личных и профессиональных потерь». Автор видит проблему современного вуза как «культурный разрыв» между цифровым поколением студентов, более компетентным, чем преподаватели, — «аналоговые», менее продвинутые. «Аналоговым» нет места в новой образовательной реальности, сконструированной стейкхолдерами «от бизнеса», новым университетским менеджментом («ректорами-бизнесменами»), новыми целевыми аудиториями» [7. с. 28].

Литература

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодернизма. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. 159 с.
2. Дудина М. Н., Гречухина Т. И. Рефлексивные представления студентов о себе как носителях инновационной культуры // Научный диалог. 2018, № 6. С. 223–239.
3. «СТУДЕНТ 1995–2016 гг. : динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала». Монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
4. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). С. 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23593078> (дата обращения 20.02.2020).
5. Кто такой современный студент. URL: https://talk-on.ru/materials/uchis-kak-nado/Kto_takoy_sovremennyy_student (дата обращения 02.02.2020).
6. Дудина М. Н. Образование в условиях неопределенности: проблемы антропологической соразмерности // Философия образования. 2019. Т. 19. № 2. С. 20–35.
7. Амбарова П. А. Сага о форсайтах, или прогнозные сценарии развития научно-педагогического сообщества в российских вузах // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: 93 сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург) / [отв. ред. Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова]. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. 378 с.

УДК 316.324.8:344.8

Нархов Д. Ю.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: анализируются теоретические концепции модернизации и социальной общности с позиций изучения факторов национальной безопасности. Показана целевая функция модернизации — обеспечить безопасность государства и общества. Под последним можно понимать общность на уровне государства. Как стратегически значимая ценность-качество рассматривается национальная культурная идентичность, которая трактуется как один из общностнообразующих признаков. Обращается внимание на необходимость развития культурной идентичности современной студенческой молодежи.

Ключевые слова: национальная безопасность, социальная безопасность, национальная идентичность, образование, традиции культуры, социальные институты, студенты.

Narkhov D. Yu.

SOCIAL INSTITUTIONS IN FORMING A NATIONAL CULTURAL IDENTITY AS A FACTOR OF NATIONAL SAFETY

© Нархов Д. Ю., 2020

Abstract: the theoretical concepts of modernization and social community are analyzed from the standpoint of studying the factors of national security. The objective function of modernization is shown — to ensure the security of the state and society. The latter can be understood as community at the state level. As a strategically significant value-quality, the national cultural identity is considered, which is interpreted as one of the community-forming features. Attention is drawn to the need to develop the cultural identity of modern student youth.

Keywords: national safety, social safety, national identity, education, cultural traditions, social institutions, students.

Глобализационные процессы, многочисленные межгосударственные противоречия, обострившиеся в последнее десятилетие, заставляют исследователей обращаться к проблемам национальной безопасности государства и социальной безопасности российского социума. Защита национальной безопасности предполагает прежде всего защиту своих тактических интересов, требующих их реализации в краткосрочный период, в пределах одного поколения, примерно на 20–25 лет. Но еще большее значение приобретают стратегические направления управления системой национальной безопасности, которую слагают многочисленные и разные по своим характеристикам структуры. Институт государства формирует и поддерживает различные силовые структуры, которые преимущественно обеспечивают тактическую безопасность государства, их функции нацелены на решение уже возникших деструктивных явлений.

Социальные институты — семьи, религии, образования, институты культуры, формируя мировоззренческие установки, систему ценностей общества с учетом накопленного нацией опыта, — обеспечивают безопасность в стратегическом плане — в пределах нескольких поколений.

Теории модернизации и глобализации, получившие развитие в конце прошлого столетия, были призваны объяснить динамику общественных изменений, в том числе и с позиций устойчивости существования социумов в рамках национальных государств. В рамках линейной концепции, восходящей к идеям С. Хантингтона [1, р. 351–363], идея общественного прогресса всецело связывается с унификацией народов, уничтожением многообразия и разнообразия этносов (исторически сложившейся общности людей, обладающей общей территорией, самоназванием, самосознанием и культурой), а не с сохранением их своеобразия, историко-культурной специфики. Процесс модернизации, по мнению Я. Келлера, разрушая сложившиеся социальные институты, разрушает и социальное государство, оставляя шанс подняться по социальной лестнице лишь немногим и приводя к увеличению сектора «маргинальных и исключенных индивидов» [2]. В теоретических подходах П. Штомпки [3], Ш. Эйзенштадта [4], Р. Инглардта и других оспаривалось положение о невозможности сохранения культурной самобытности. Наоборот, глобализационные трансформации, по мнению последнего, способствуют сохранению социального разнообразия множества культур и общественных ин-

ституты современных постиндустриальных обществ, обладающих такими общими характеристиками, как высокий уровень урбанизации, индустриализации, профессиональной специализации, использование науки и техники, опора на легитимную власть и другие, которые будут формировать мировоззрение большинства населения [5, с. 274–275].

Разнонаправленность трансформаций позволила группе исследования стратегий модернизации Китая (рук. проф. Хэ Чуаньци) при определении ее сущности в XXI веке акцентировать внимание не только на комплексности процессов в решении «политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач», стоящих «перед государствами, обществами и индивидами», но и на необходимость учета неизбежно возникающих в ее результате «внутренних и внешних угроз и рисков». При определении целевых функций современной модернизации китайские исследователи в первую очередь выделили «безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, включая повышение условий жизнедеятельности населения (качества жизни) не ниже среднего состояния, достигнутого странами того мегарегиона человеческого сообщества, к которому относится данное общество» [6, с. 7].

Государство — не только социальный институт, но и люди, составляющие единую общность на уровне национального государства, что, впрочем, характерно не для каждого государства. Мы полагаем, что для России данный термин вполне применим и характеризуется известным обращением первого Президента страны Б. Н. Ельцина — «россияне». Исходя из этого, под национальной безопасностью мы можем понимать не только безопасность государства как социального института, но и безопасность его национальной общности. Общностнообразующие признаки классической социальной общности детально проанализированы профессором Г. Е. Зборовским [7] на основании критерия объективности и/или субъективности. Применительно к теме нашей работы мы обратим внимание на преимущественно субъективные качества, т. е. те, которыми можно и нужно управлять. Это (*курсив наш — Д. Ю.*):

- «наличие *значимого основания (причины) общица находится в ней*, отвечающего интересам всех ее участников и способствующего реализации потребностей «быть вместе» каждого;
- принятие всеми или большинством членов *правил, традиций, ценностей и образцов поведения*, характерных для нее;
- *осознание людьми своей принадлежности* к социальной общности, возникновение на этой основе чувства «мы» («Свои») и «они» («чужие»);
- *признание ее идентичности* существующим социальным окружением, т. е. другими, посторонними людьми;
- *конструирование* социальных общностей;
- наличие социальной солидарности;

- наличие *общих ценностей, интересов, установок* как основы устойчивых форм совместной жизни» [7, с. 8].

Поскольку руководством страны одним из гарантов национальной безопасности определена национальная идентичность, формируемая социальными институтами, то актуализируется проблема исследования функционирования институтов культуры в современном обществе как механизма трансляции социокультурного кода нации. В условиях социальной нестабильности, дисперсности системы ценностных координат именно институты образования и культуры, реализуя миссию культуры, сохраняют и транслируют базовые национальные ценности, что является гарантом обеспечения национальной безопасности. Причинами, по которым проблема национальной безопасности в области культуры стала занимать одну из ведущих позиций в российском законодательстве, стали являться размывание традиционных российских ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации. Обеспечение национальной безопасности государства в ее более фундаментальном понимании традиционно осуществляется институтами образования и культуры посредством формирования мировоззренческих установок, системы ценностей и идентичностей в разных ее аспектах от антропологической (гендерной), включая субкультурную, профессиональную (сфера деятельности) заканчивая социальной (национальной).

Содержание идентичности как ценности-качества раскрывается на пересечении социологии, культурологии и философии. Современные исследователи российского общества ссылаются на труды классиков русской социологии и философии, доказывая верность их суждений касательно необходимого пути развития современного российского общества. Так, приводя в пример работы В. И. Копалова, они подчеркивают, что «возрождение национального самосознания может стать ключом к возрождению русской государственности, экономики, основанной на национальных интересах, а также различных сторон духовной культуры, включая православную религию, философию, науку, искусство и художественную литературу» [8, с. 5]. Возрождение национального самосознания означает консолидацию всего духовного наследия русского народа. И еще одно наблюдение, принадлежащее И. А. Ильину: «Нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации. Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями» [9, с. 327]. Всякая же абсолютизация принципов международной солидарности и сотрудничества в деле воспитания, увлечение чуждыми моделями воспитания неизбежно несет отрицательный результат.

Одним из таких результатов является замена ценностных ориентиров в современном обществе, создающая сложности в формировании национальной идентичности. Отсюда идеи классиков и современных исследователей судьбы и культуры России сходятся в представлении роли культуры как основополагающего элемента в решении всех вопросов, в том числе и в вопросе обеспечения национальной безопасности. Особое значение на современном этапе развития общества в мировом пространстве имеет формирование традиционных национальных установок и ценностей у современной российской молодежи. Студенческая молодежь, определяемая как стратегический ресурс страны, на основе сформированных профессиональных компетенций призвана находить механизмы оптимизации деятельности общества в различных сферах и направлениях, но в большей степени имеет значение формирование ее общекультурных компетенций, от которых зависит направление развития общества и качество его жизни в будущем. Социальные институты образования и культуры, транслируя традиционные элементы национальной культуры, формируют устойчивую традиционную для данного этноса систему ценностей, обеспечивают консолидацию всех членов общества, что способствует социокультурной идентичности нации. Профессиональная и субкультурная идентичности обеспечивают устойчивое функционирование всех социальных институтов и структур, тем самым обеспечивая стабильность в обществе, которое способствует созданию чувства защищенности, удовлетворенности. Все сформированные виды идентичности в сочетании с продуманной политикой в сфере образования и культуры создают систему защиты государства, что в усложненных условиях информационного воздействия обеспечивает национальную безопасность российского государства. Именно поэтому главной задачей на сегодняшний день является определение необходимых элементов образовательной политики и развитие институтов культуры на уровне законодательства с целью развития культурной идентичности современной молодежи.

Литература

1. Huntington S. The change to change. In: Comparative politics in the post-behavioral era / [Ed. by A. Cantory and A. Ziegler]. Boulder, Colorado: Lynne Rienner. 1988. P. 360–363.
2. Келлер Я. Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия: критические заметки о теории модернизации // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 48–52.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / [под ред. В.А. Ядова]. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
4. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций (S. N. Eisenstadt. Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations). М. : Аспект-пресс, 1999. 416 с.
5. Инглерарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / [под ред. В. Л. Иноземцева]. М. : Academia, 1999. С. 261–291.

6. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина / предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. М. : Изд-во «Весь Мир», 2011. 256 с.

7. Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3–12.

8. Копалов В. И. Русская идея: история и современность // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее : докл. Всероссийск. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 1994. С. 3–12.

9. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России : статьи 1948–1954 гг. : в 2-х т. : Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992. 616 с.

УДК 37.012

Плешакова А. Ю.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ НЕМЕЦКОЙ ДУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в статье обозначены задачи федерального проекта «Молодые профессионалы», в связи с которыми актуализируется необходимость проведения компаративного анализа опыта других стран осуществления инноваций в профессиональном образовании. Представлены результаты проекта № 18–013–00695 А «Условия и перспективы заимствования элементов немецкой дуальной формы образования в профессиональное образование РФ», который был реализован при поддержке РФФИ с 2018 по 2020 гг., и возможная перспектива исследования.

Ключевые слова: профессиональное образование, педагогическая компаративистика, условия заимствования.

Pleshakova A. Yu.

COMPARATIVE ANALYSIS OF VET AS A REQUIREMENT FOR BORROWING THE GERMAN DUAL SYSTEM ELEMENTS

Abstract: the article identifies the Federal project “Young professionals” tasks which actualize the need for comparative analysis of the other countries experience in implementing VET innovations.

Keywords: vocational education and training, comparative education study, requirements for borrowing.

В целях национального проекта «Образование» четко обозначены стремления и потребности в развитии интеллектуального потенциала граждан России, что важно не только для освоения технологий и создания возможностей для конкурентоспособной экономики страны, но и сохранения нации и стабильности в обществе в условиях мирового экономического кризиса. Федеральный проект «Молодые профессионалы», входящий в национальный проект

«Образование», особо актуализирует задачу модернизации профессионального образования, в том числе с помощью внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ. Эффективность проекта к 2024 году планируется измерять в следующих цифрах: создание сети из 100 центров опережающей профессиональной подготовки и 5000 мастерских с современным оборудованием; участие 70 % людей, обучающихся по программам среднего профессионального образования, в различных формах наставничества; повышение квалификации 35 тыс. преподавателей по программам, основанным на опыте Союза «Молодые профессионалы» [1].

Для достижения столь глобальной задачи требуются не только финансирование, но и осмысление успешного опыта инноваций в области профессионального образования. Понимание глобализационных процессов, которые затронули не только мировое информационное пространство, но и сферу высокотехнологичного производства и повлекли изменения на мировом рынке труда, позволит вычленять, заимствовать элементы зарубежного опыта, одновременно прогнозируя их эффективность. В связи с этим возникает необходимость проведения компаративного анализа опыта других стран по реализации эффективных моделей профессионального образования, в частности, немецкой дуальной системы образования и выявлению возможных условий их успешной реализации в России.

При выполнении задачи выявления социально-экономических, исторических, педагогических, культурных и религиозных предпосылок возникновения дуальной формы образования в Германии и ее теоретико-методологических основ, определения предпосылок зарождения и формирования современной системы профессионального образования России и Турции использовался метод анализа исторических, философских, социологических и психолого-педагогических российских и зарубежных исследований, а также нормативных правовых документов. В ходе выполнения данной задачи было проанализировано более 170 исследований, проведенных немецкими, турецкими и российскими авторами.

В методологии исследования качественные критерии компаративного анализа, считающиеся основой страноведческого подхода (история, культура, религия, экономика, государственная политика, общество и др.), были дополнены элементами коммуникативного, контекстного и прогностического подходов. Такой методологический подход позволил описать зарождение и определить основные условия эффективного функционирования дуальной системы в Германии, проанализировать предпосылки формирования современной системы профессионального образования Турции, выявить преимущества и риски внедрения элементов немецкой дуальной системы в российское профессиональное образование, а также дал возможность разработать методику эмпирического исследования [2]. Крайне важными для подтверж-

дения теоретических выводов стали результаты полевых исследований, проведенных на территории ФРГ, Турецкой Республики и РФ.

Цель эмпирического исследования, проведенного на территории ФРГ, состояла в определении современных условий и факторов эффективности дуальной системы образования на основе их оценки ее участниками и экспертами. В исследовании приняли участие респонденты, представляющие три целевые группы: сотрудники образовательных и исследовательских институтов Германии, занимающиеся изучением дуального образования, имеющие высшее образование или ученую степень; преподаватели и административный состав профессиональных школ, представители Торгово-Промышленных Палат, представители предприятий, имеющие высшее или профессиональное образование; студенты четырех профессиональных школ разных специальностей, не имеющие законченного профессионального образования. Для всех целевых групп был разработан единый опросник, включающий в себя вопросы с вариантами ответов для выбора или ранжирования об истории и становлении дуальной системы образования, условиях обеспечения эффективности и перспектив развития дуального образования в условиях глобализации, о возможности ее продвижения в мире и социально-культурных особенностях процесса внедрения [2, с. 98].

Цель эмпирического исследования, проведенного на территории Турецкой Республики, состояла в определении современных условий развития профессиональной школы, факторов заимствования элементов немецкой дуальной системы образования. Полевое исследование было проведено в форме экспертного интервью, в котором приняли участие респонденты, представляющие семь профессиональных школ Университета Чукурова, г. Адана и Университета Арель, г. Стамбул. Экспертами выступали преподаватели и руководители профессиональных школ, преподаватели университетов. Для экспертного опроса был разработан опросный лист, состоящий из открытых вопросов [2, с. 130].

Эмпирическое исследование, проведенное в РФ, было направлено на выявление мнения о перспективности дуальной системы для профессионального образования и шагах, которые должны быть для этого предприняты субъектами этого процесса. Опрос был проведен в форме экспертного интервью, в котором приняли участие респонденты, представлявшие профессиональные образовательные организации и университеты Свердловской, Челябинской и Тюменской областей. Экспертами выступали преподаватели и руководители колледжей, преподаватели университетов, руководители экспериментальных площадок по внедрению дуального обучения. Для экспертного опроса был разработан опросный лист, состоящий из открытых вопросов и подразумевающий развернутые ответы респондентов относительно трудностей в организации дуального образования в России, а также прогноза развития российской системы профессионального образования в фокусе заимствования

элементов дуальной системы, в частности, по перспективам для регулирования рынка труда, снижения безработицы, установления прямых связей между образовательной организацией и промышленным предприятием, оптимизации затрат предприятия на адаптацию и дообучение персонала [2, с. 58].

Результаты проведенного исследования позволили определить перспективы и риски заимствования элементов дуальной системы образования в образовательный процесс других стран. Сделан вывод о невозможности копирования всей системы или переноса модели дуальной системы образования в образовательную среду другого государства. Образовательная среда другого государства не обеспечена всеми необходимыми условиями для регуляции дуальной системы образования немецкого образца. Более того, культурный код каждой нации индивидуален, поэтому и система образования, как продукт национальной идентичности, должна сохранять индивидуальные черты. Особенные и уникальные социально-культурные условия каждой страны диктуют необходимость осмысления опыта формирования и функционирования системы дуального образования, выявления основополагающих и наиболее эффективных элементов, характеризующих дуальную систему образования и адаптации их с учетом национальных социально-экономических реалий каждой страны. Результаты проведенного исследования могут послужить источником теоретических исследований процесса заимствования образовательных систем, а также могут быть положены в основу эмпирических исследований и использованы в практической работе по реализации моделей образования, заимствующих зарубежный опыт. В качестве перспективы развития исследования предполагается сфокусироваться на разработке теории и методологии педагогической компаративистики с более подробным описанием процесса трансфера, разработкой контекстного, коммуникативного и прогностического подходов [3, 4, 5].

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00695 А.

Литература

1. Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 01.03.2020).
2. Плешакова А. Ю. Дуальная система образования в России и за рубежом: монография. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2019. 164 с.
3. Тагунова И. А. Педагогическая компаративистика в контексте понятий и подходов современной науки // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 4 (41). С. 41–53.
4. Cowen R. Editorial introduction: the national, the international and the global. International handbook of comparative education. Dordrecht: Springer, 2009. P. 337–340.
5. Phillips D., Ochs K. Researching policy borrowing: Some methodological challenges in comparative education // British Educational Research Journal. 2004. 30 (6). P. 773–784.

УДК 316.75

**Филипповская Т. В.,
Румянцева О. В.**

ПОЛОЖЕНИЕ О КОДЕКСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПЕДАГОГОВ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТИКА?

Аннотация: авторы выявляют противоречия в социальных практиках образования и представляют краткий обзор проведенного контент-анализа публикаций в СМИ по обозначенной проблематике, а также анализируют интервью с работниками образования на уровне общеобразовательных школ и вузов. Приводится вывод о том, что исправление ситуации возможно только при условии изменения морально-этического контекста функционирования социума, привлечения независимых экспертов для актуализации законодательной базы, регулирующей процесс защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, ужесточения требований ко всем субъектам системы образования по повышению ответственности за соблюдение прав педагогических работников.

Ключевые слова: этика педагогической деятельности; морально-этические константы социума; информация, причиняющая вред здоровью и развитию граждан.

**Filippovskaya T. V.,
Rumyantseva O. V.**

REGULATION ON THE CODE OF PROFESSIONAL ETHICS FOR TEACHERS. DOES ETHICS EXIST?

Abstract: authors turn to contradiction in the social practices of education. As a result, the authors present a brief overview of the content analysis of media publications on the identified issues and interviews with educational staff at both general education schools and universities. It is concluded that the correction of the situation is possible only if the moral and ethical context of the functioning of society is changed, independent experts are brought in to update the legislative framework governing the process of protecting children from information harmful to their health. requirements should be made more stringent for all subjects of the education system to increase responsibility for observing the rights of teachers.

Keywords: ethics of pedagogical activity; moral and ethical constants of society; information harmful to the health and development of citizens.

В сентябре 2019 г. во все образовательные организации (ОО) России поступило письмо Министерства просвещения РФ и Профессионального союза работников народного образования и науки РФ [1]. Работникам общеобразовательных школ, предлагалось принять участие в «актуализации Модельного кодекса профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [1]. Указанный документ заменял действовавшие ранее рекомендации, поступившие в ОО в 2014 г. [2], но практически дублировал его содержание. Возникает вопрос: чем вызвана такая активизация Министерства просвещения через 5 лет по-

сле того, как практически во всех образовательных структурах подобный кодекс был разработан? Ответ не может быть однозначным: возможно в высшей школе с этикой уже «все в порядке», поэтому новому министерству, регламентирующему деятельность в системе общего, среднего профессионального и соответствующего дополнительного образования, осталось «довести до желаемого стандарта» ситуацию на этой ступени образовательной иерархии. Можно предположить, что уже 5 лет практически в каждой «клеточке» огромной структуры ОО этический кодекс есть, но в связи с проблемами этики его надо актуализировать. Также возможно, что развитием этики в высшей школе и в сопутствующих ей структурах займется на новом витке озабоченности морально-этическими регламентами уже специалисты другого министерства — Министерства науки и высшего образования РФ. В любом случае получается, что кодекс уже 5 лет, как предложен, а наличие этики, судя по всему, оказалось под большим вопросом.

«Каков поп — таков и приход, а какова попадья — такова и кутья», что подтверждается в методологии и на практике социокультурного анализа процессов, происходящих в образовании. Методология междисциплинарного системного подхода, отраженная в исследовании известных ученых (Л. фон Берталанфи [3], А. А. Богданов [4], Л. Ларуш [5], Г. Саймон [6], А. И. Субетто [7] и др.), демонстрирует необходимость комплексной и многомерной оценки всех компонентов социокультурной системы, находящейся в состоянии бифуркации. Особое место в попытке связать фундаментальные концепты с социальным контекстом системы образования и культурными особенностями различных страт субъектов, представленных в ней, занимает багаж из известных трудов уральских исследователей — Ю. Р. Вишневецкого, Г. Е. Зборовского, Л. Н. Когана, В. Т. Шапко, А. Г. Кислова, И. В. Шапко, Л. Я. Рубиной и др.

Казалось бы, всем известно, что невозможно оказать инструментальное воздействие на часть социокультурной системы, являющейся составляющей более масштабной структуры. Так и в образовании: сегодня актуализируются попытки формирования кодекса этики педагогического работника для каждой ОО в то время, как вся среда, окружающая любого субъекта системы, имеет явно трансформированные в сторону негатива морально-этические основы. Не случайно поднимается вопрос о внесении изменений в систему административных наказаний, ужесточающих размер материальной ответственности родителей за оскорбление их детьми учителей [8].

Напомним данные исследований Ю. А. Черненко, Д. И. Сапрыкиной (обработано 2800 анкет, полученных из 75 регионов России. Респонденты: «молодые учителя, работающие в школе не более 5 лет, составили 13 % опрошенных, от 6 до 15 лет — 20 %, от 16 до 30—47 %, со стажем работы более 30 лет — 20 %... Женщины — 92 %, мужчины — 8 %» [9, с. 142]). В ходе исследования получены следующие данные:

Вопрос анкеты	Результаты, %	Вопрос анкеты	Результаты, %
ученики никогда не дразнили	20,6	часто и очень часто дразнили	11,6
никогда не угрожали	49,9	часто и очень часто угрожали	5,7
никогда не комментировали публично личную жизнь учителя	30,8	часто и очень часто комментировали личную жизнь учителя	13,9
никогда не комментировали внешний вид учителя	41,1	часто и очень часто комментировали внешний вид учителя	8,9
никогда не применяли действий насильственного характера (не били, не плевали и пр.) по отношению к учителю	84,6	часто и очень часто применяли действия насильственного характера	0,9

В целом по 20 позициям форм проявления буллинга получены достаточно впечатляющие данные.

Приведем примеры из проведенных нами интервью с 12 преподавателями системы высшего и общего образования, имеющими педагогический стаж более 15 лет. Нас интересовало их мнение о причинах нарушений этики в ОО всех уровней системы. Цель — подготовка инструментария перспективного исследования, однако некоторые первично полученные результаты стоит сопоставить с данными из приведенных выше исследований.

«В этой школе, где я консультировала администрацию по организации социальной работы с учениками, молодая девица — учитель русского языка и литературы, даже в своей речи системно допускала ошибки. Но когда я ее увидела в прозрачной белой гиторовой блузке, сквозь которую просвечивали черный бюстгальтер и масса татуировок на коже...».

Сопоставим это воспоминание с данными Ю. А. Черненко и Д. И. Сапрыкиной: 71,0 % — педагогам ученики никогда не давали «комментарий интимного характера», но часто и очень часто — 2,7 % [9, с. 142]. Это значит, что внешний вид педагогов (2,7%), возможно, провоцировал нелицеприятные комментарии. Напомним, что системность подразумевает целостность, позволяющую рассматривать одновременно систему как единое целое и, в то же время, как подсистему для вышестоящих уровней. Для достижения баланса в описании негатива укажем, что в буллинг учителей имеет межнациональный характер. Так, педагоги Англии уже носят видеорекамеры для самозащиты на случай возникновения конфликтной ситуации с учащимися [10]. Педагоги США в конфликтные моменты немедленно вызывают полицию, что никак не отражается на показателях ОО. В нашей стране вызов полиции или скорой помощи базируется на массе преаккредитационных и текущих отчетно-справочных проблем. Узкие заданные рамки публикации не позволяют расширить веер примеров. Однако, на некоторых из них все-таки остановимся хотя бы в порядке перечисления. Проблема системного дисбаланса ценностных установок конспективно здесь просматривается.

О причинах нарушения традиционной классической этики, которая еще 30–40 лет назад передавалась из поколения в поколение на уровне подражания образцам и без всякого закрепления в нормативных регламентах, наши респонденты высказывались не менее конкретно:

- *«выпал целый пласт педагогов 30–40 лет в 1980-е годы. Некому уже было передавать образцы. А многие и не могли, в силу перегруженности и откровенной нищеты...»;*
- *«сама по себе система ненормального нормирования труда свидетельствует о неуважении к педагогу в целом на уровне страны и организаторов образования. Сегодня практически везде «правят бал» бывшие чиновники, которые об академической среде имеют весьма приблизительное представление»;*
- *«одна только игра в инклюзивное образование без соответствующей материальной и штатной базы чего стоит: не получают полноценного образования ни дети-инвалиды, нуждающиеся в особом графике, темпе учебы, дидактике, ни остальные ребята. Учителя превращают в де-вушку-семиделушку, когда все чего-то требуют, а основной работой заниматься не остается ни сил, ни времени»;*
- *«на протестные акции старые учителя в принципе пойти не могут. Если мы «протестнем», это значит, что родители не смогут выходить на работу, а если исполнить итальянский вариант, то дети просто школу разнесут. Да и самое главное, — как же вести всех к ЕГЭ? Но вот молодые могут — они и из школы могут уволиться через месяц-два работы — для них самосохранение выше чувства долга. И что будет, когда мы на пенсию уйдем?»;*
- *«стоит эта мамочка второклассника, который избивает всех, кто под руку попадет, руки ее в карманах, и констатирует — он меня не слушает. Вторая — он меня не слышит... Это о второклассниках! А что пишут не только родители, но и мальчики, и девочки в чате, доступном для всех — волосы дыбом от лексики и стилистики... никакого контроля со стороны взрослых... Дискуссии с орфографическими ошибками строятся, в основном, на уровне — а твой моего первый ударил... Почему ударил, когда, после чего — не обсуждается... Мышление развито на примитивном уровне...».*

Э. де Боно, предлагая «самоучиться» развитию мышления, обращал внимание на то, что «мышление — это навык, который можно приобрести, тренировать и развивать. Но у человека должно появиться желание развивать этот навык, точно так же, как научиться водить велосипед или машину» [11]. Далее методолог системного подхода в педагогике и философии констатирует: «Мы нуждаемся в ценностях, чувствах и мышлении. Чувства не могут заменить мышление; мышление без ценностей бесцельно» [11]. В то же время каждый из наших респондентов обращал внимание именно на разрушительный

фактор окружающей каждого ребенка и взрослого информационной среды.

В преамбулах к рекомендуемому кодексу педагогической этики есть фраза о том, что «не следует размещать в Интернете, в доступных для детей местах информацию, причиняющую вред их здоровью и развитию» [письмо 2019]. Здесь же имеется посыл к значимому нормативному документу: Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ (последняя редакция) [12]. В статьях этого закона (ст. 2, 5, 9, 17) дан исчерпывающий перечень того, что может негативно отразиться на здоровье и развитии детей. Добавим — не только детей, но и их родителей, которые выросли на сериалах о Симпсонах, развращающей сознание и мышление рекламе, на которую, кстати, не распространяется действие закона о защите детского мышления и здоровья, разрушительных акций государственных телеканалов, навязывающие «позорные ток-шоу, которые транслируют в прайм-тайм пошлость и мерзость, полощут “грязное белье”, оглушают и унижают сограждан» [13].

Напомним содержание ст. 2 указанного закона о защите детей от негативной информации:

«п. 4 — информационная безопасность детей — состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию...

п. 8 — информация порнографического характера — информация, представляемая в виде натуралистических изображений или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного...

п. 11 — натуралистические изображение или описание — изображение или описание в любой форме и с использованием любых средств человека, животного, отдельных частей тела человека и (или) животного, действия (бездействия), события, явления, их последствий с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах» [12].

Предлагаем провести социологическое исследование хотя бы рекламных роликов. В результате мы обнаружим, что каждый из них, не смотря на то, что реклама не включена в список объектов, на которые данный закон распространяется, как раз и является носителем морально-этических деструкций. В итоге, можно предложить обобщить мнение экспертов, исследователей и требовать внесения изменений и в закон о защите детей от негативной информации, и в закон о рекламе (для защиты от негативной и разрушающей мышление их родителей информации), и во многие другие нормативные документы. Хотелось бы, чтобы мнение ученых было услышано лицами, принимающими решения о финансировании телеканалов, радиовещания по пово-

ду изменения агрессивности транслируемого контента и перераспределения средств в пользу более «мирных» каналов. В то же время не менее интересными оказались бы и фамилии экспертов и структур, в функции которых нормативно включен контроль за содержанием информационной среды. Еще интереснее было бы видеть их аналитические записки и отчеты о принятых мерах. Можно предположить, что только после этого появятся условия для постепенного восстановления утраченных за последние три десятилетия позиций корпоративной этики в системе образования.

Литература

1. Письмо Министерства просвещения РФ и Профессионального союза работников народного образования и науки РФ от 20 августа 2019 г. N ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72558920/> (дата обращения: 03.03.2020).
2. Письмо Министерства образования и науки РФ от 6 февраля 2014 г. N 09–148 «О направлении материалов» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70490592/> (дата обращения: 03.03.2020).
3. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.
4. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. : Кн. 1–2. М. : Экономика 1989. 304 с.
5. Ларуш Л. Стратегия Вернадского. URL: <http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=200962> (дата обращения: 01.03.2020).
6. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 16–38.
7. Субетто А. И. Разум и Анти-Разум. СПб. : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. 148 с.
8. Игнатова О. За оскорбление педагогов могут начать штрафовать родителей учеников. URL: <https://rg.ru/2020/03/04/za-oskorblenie-pedagogov-mogut-nachat-shtrafovati-roditelej-uchenikov.html> (дата обращения: 04.03.2020).
9. Черненко Ю. А., Сапрыкина Д. И. Феномен буллинга в российских школах: учителя — жертвы // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Том 3. № 2. С. 136–150.
10. Образцов Э. Учителя Великобритании тестируют носимые видеокамеры для защиты от плохого поведения учеников. URL: <https://pedsovet.org/beta/article/ucitela-velikobritanii-testiruyut-nosimye-videokamery-dla-zasity-ot-plohogo-povedenia-ucenikov#digest> (дата обращения 23.02.2020).
11. Боно де Э. Научите себя думать. Самоучитель по развитию мышления. М. : Попурри. 288 с.
12. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения 02.03.2020).
13. Самохин А. Пусть не говорят! Телевизионная пошлость Малахова достала Путина. URL: https://tsargrad.tv/articles/pust-ne-govorjat-televizionnaja-poshlost-malahova-dostala-putina_240975 (дата обращения: 04.03.2020).

УДК 316.7

Харисова А. А.

МОДЕЛЬ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РЕБЕНКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация: в статье приведено мнение родителей, дающих оценку моделям среднего образования для детей с ограниченными возможностями здоровья. Автор проводит анализ опроса родителей, воспитывающих «особенных детей». Выявлены проблемы в социализации детей, предпочтения родителей при выборе модели образования для ребенка.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, модель образования, инклюзивное образование, опрос.

Kharisova A. A.

SECONDARY EDUCATION MODEL FOR A CHILD WITH A HEALTH DISABILITY

Abstract: the article analyzes the opinion of parents on the assessment of secondary education models for children with disabilities. The author gives an analysis of a survey of parents raising “special children”. Identified problems in the socialization of children, the preferences of parents when choosing a model of education for the child.

Keywords: children with disabilities, education model, inclusive education, survey.

В Российской Федерации образование может быть получено в двух формах: 1) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность; 2) вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в форме семейного образования и самообразования) [1, с. 17]. С момента вступления в силу изменений в законе «Об образовании» и добавления статьи «Организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья» [2, с. 79], родители детей с ограниченными возможностями здоровья получили возможность обучать своих детей в общеобразовательных организациях. Закон регламентирует осуществление образовательной деятельности по следующей траектории: дошкольное образование, начальное общее образование, основное общее образование и среднее общее образование. Также в законе предусмотрено, что «для обучающихся, нуждающихся в длительном лечении, детей-инвалидов, которые по состоянию здоровья не могут посещать образовательные организации, обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования организуется на дому или в медицинских организациях» [1, с. 66].

По данным министерства образования в Свердловской области проживают 21 466 детей школьного возраста [3]. Большая часть этих детей проживает в Екатеринбурге. Наумов А. А. и Ворошнина О. Р. рассматривают обучение детей с ограниченными возможностями здоровья, выделяя три модели. Первой

моделью являются специальные коррекционные учреждения I–VIII видов. Второй моделью является интегрированное обучение детей в специальных классах (группах) в общеобразовательных учреждениях. Третья модель — инклюзивное обучение, когда дети с особыми образовательными потребностями обучаются в классе вместе с обычными детьми [2, с. 170–171]. В России деятельность специальных (коррекционных) образовательных учреждений регламентируется типовым положением «О специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонением в развитии» (1997) и письмом «О специфике деятельности специальных (коррекционных) образовательных учреждений I–VIII видов». В Екатеринбурге модель образования специального (коррекционного) образования, осуществляют 12 школ. Интегрированное обучение в специальных классах в Екатеринбурге, входящее во вторую модель образования, осуществляют 34 общеобразовательных учреждения. В том числе в 7 школах оборудованы ресурсные комнаты для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Третья модель «инклюзивное образование» осуществляется в Екатеринбурге с 2014 года. Суть ее в том, что по заключению медико-социальной экспертизы (МСЭ) разрабатывается индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА) для ребенка-инвалида, и по этой программе он может обучаться в общеобразовательном учреждении. Таким образом, инклюзивное образование предполагает совместное обучение нормализованных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья. Наряду с представленными моделями, существует модель семейного образования, которая регламентирована законом «Об образовании». Семейное образование осуществляется по выбору родителей и предполагает обучение детей в семье, родителями или законными представителями.

Для определения ведущей модели образования для детей с ограниченными возможностями здоровья в Екатеринбурге был проведен опрос 90 родителей, воспитывающих «особенных детей» школьного возраста от 6 до 18 лет. В опросе приняли участие родители, дети которых имеют различные нозологии: нарушение двигательного аппарата — 28, нарушение речи — 22, нарушение внутренних органов — 38, нарушение зрения — 12, ментальная инвалидность — 8, нарушение слуха — 4, другое — 15. В данном вопросе можно было выбрать несколько вариантов. По 4 варианта выбрали 4 респондента, по 3—1 респондент, по 2—8 респондентов. Остальные респонденты выбрали один вариант ответа. Из этого мы пришли к выводу, что у 9 респондентов, дети имеют комплекс различных нозологий.

На вопрос: «Какие образовательные учреждения посещает Ваш «особенный» ребенок?», ответы родителей распределились следующим образом: общеобразовательную школу вместе с нормализованными детьми — 54; специальную коррекционную школу посещают — 19, дети находятся на семейном образовании — 1, находятся на домашнем обучении (учителя приходят зани-

маться домой) — 2, посещает дошкольное учреждение — 8. По одному ответу дали респонденты на варианты: домашнее обучение по индивидуальному плану, общеобразовательную школу со специализированным классом, учится в вузе, учится в колледже VIII вида, не получает никакого образования, закончил коррекционную школу, сидит дома. Большинство детей с ограниченными возможностями обучаются в общеобразовательной школе. Важно отметить, что среди респондентов преобладают родители, воспитывающие детей с нарушением внутренних органов, при таких нозологиях медико-экспертная комиссия не освобождает детей от посещения общеобразовательных учреждений.

Помимо основной школы дети с ограниченными возможностями могут получать дополнительное образование. На вопрос «Посещает ли в данное время ваш «особенный» ребенок дополнительные занятия, секции?», были получены 67 положительных результатов и 17 отрицательных. 6 респондентов ответили «сейчас нет, раньше посещал». На вопрос «Какие дополнительные занятия или секции сейчас посещает ваш «особенный» ребенок?» респонденты ответили: спортивные секции — 35, творческие занятия — 22, музыкальные занятия — 12, танцевальные кружки — 8, логопеда — 10, бассейн — 15, языковые курсы — 14, конструирование — 5, кинезиотерапию — 8, массаж — 4, посещает нейропсихолога — 3, ментальную арифметику — 2. Только 12 респондентов указали по одному из выше перечисленных направлений, а также песочную терапию, воскресную школу. Остальные 55 дали по два и более вариантов ответа. Бассейн, лечебная физическая культура, логопед распространены в ответах родителей, чьи дети имеют нарушение опорно-двигательного аппарата. Логопед, нейропсихолог, творческие занятия посещают в основном дети с нарушением речи. Спортивные занятия посещают дети с различными нозологиями. Преобладали варианты ответов: ЛФК, бассейн, настольный теннис, горные лыжи, спортивное ориентирование. Одиночные ответы — шахматы, конный спорт, йога, большой теннис. Респонденты, отметившие нарушение опорно-двигательного аппарата, посещают кинезиотерапию, метод активного лечения и реабилитации с использованием тренажеров, различных форм движения и естественных моторных функций человека.

Модель инклюзивного образования предполагает, что у всех детей есть равные права и равные возможности. Но на практике дети с ограниченными возможностями здоровья испытывают различные затруднения при нахождении в образовательных учреждениях. Ответы на вопрос «Какие трудности испытывает ваш «особенный» ребенок при посещении школы, дополнительных занятий, секций?» помогли прояснить эту ситуацию. В основном у детей с ограниченными возможностями здоровья возникают «трудности в самообслуживании — 34», «проблема физической утомляемости — 35» и «проблема успеваемости — 18». По мнению родителей, не испытывают никаких затруднений только 10 детей. Также респонденты отметили «проблему расстояния до школы, секции» (далеко, нет доступной среды) — 15, «проблему взаимо-

понимания со сверстниками» — 16, «проблему взаимопонимания с педагогами» — 11 и «проблему с органами власти» (не дают справок, нет допуска к занятиям, нет бюджетных мест) — 11. Вопрос предполагал несколько вариантов ответов. Основными трудностями для детей всех нозологий оказалась проблема самообслуживания и физической утомляемости. В равных долях отметили проблему взаимоотношения с педагогами и с органами власти. Важным моментом для детей с ограниченными возможностями здоровья является доступность образовательных и досуговых учреждений, расстояния до них, а также взаимопонимание со сверстниками. В предложенном варианте ответа «что еще?» в основном преобладал ответ «не испытывает затруднений», по одному ответу — «нет медицинского кабинета», «дополнительные занятия платные», «мало времени в столовой».

Процесс образования включает в себя и освоение культурных норм и ценностей, поэтому мы спросили: «Посещает ли ваш «особенный» ребенок культурные учреждения города?». На него 80 респондентов дали положительный ответ, 10 — отрицательный. На вопрос «Какие учреждения культуры чаще всего Вы с ребенком посещаете?» получены следующие ответы: «парки — 54», «кинотеатры — 52», «театры — 34», «музеи — 22», «цирк — 12», «библиотеки — 10», а также кафе, развлекательные центры, зоопарк, филармонию. На этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов и 12 респондентов отметили по 5 культурных учреждения. Наиболее посещаемыми учреждениями культуры оказались кинотеатры и парки. Так как в опросе принимали участие родители детей с различными нозологиями, то можно сделать вывод, что парки отдыха и кинотеатры города Екатеринбурга доступны широкому кругу лиц с различными нозологиями.

В Российской Федерации процесс получения образования ребенка является обязательным, регламентированным законом «Об образовании». Даже когда речь идет о ментальной инвалидности, государство обеспечивает право на получение бесплатного образования. Как правило, для ребенка составляются индивидуальные образовательные маршруты и предоставляются педагоги, которые обучают таких детей на дому. Для любого родителя важно, чтобы их ребенок социализировался, обучался и развивался. Мы получили разные ответы на вопрос: «Что по Вашему опыту позитивно влияет на полноценное развитие вашего «особенного» ребенка?». В первую очередь, родители отметили «общение со сверстниками — 35», «занятие любимым делом — 16», «внимание и понимание окружающих — 22», «эмоциональный настрой — 14», «посещение образовательных, культурных учреждений — 24», «взаимопонимание с родителями — 11», «доступность среды — 2», «количество и качество медикаментов — 1». На этот вопрос вариантов не было. Родители имели возможность высказать свои предположения. Большинство родителей отмечали несколько факторов, но тем не менее преобладали ответы «общение со сверстниками», «посещение культурных учреждений» и «внимание и понимание

окружающих». Исходя из этого следует, что для ребенка с ограниченными возможностями здоровья, в первую очередь, важно общение со сверстниками. «Занятие любимым делом» и «эмоциональный настрой» респонденты отметили в равных долях. Взаимоотношение в семье с родителями также позитивно влияет на развитие детей с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, родители детей с ограниченными возможностями здоровья считают, что наиболее эффективной является модель инклюзивного образования, но способностью обучаться в общеобразовательном учреждении определяет медико-социальная экспертиза. Только при положительной оценке комиссии ребенок вправе обучаться вместе с нормализованными детьми. Вторая модель образования востребована для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата, для слепых, глухих детей. Родители детей с ментальной инвалидностью отмечают, что посещение специального коррекционного учреждения способствуют положительному эмоциональному настрою, у ребенка появляется желание повторять, двигаться, запоминать. Модель образования в коррекционных классах менее востребована с точки зрения родителей. А модель семейного образования выбрал только один респондент и отметил, что причина выбора такой модели не связана с заболеванием ребенка. Для ребенка с ограниченными возможностями здоровья приоритетным фактором полноценного развития является общение со сверстниками.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Гарант: [информ.-прав. система]. URL: <https://base.garant.ru/57422614/> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Наумов А. А., Ворошнина О. Р. Инновационные модели инклюзивного образования детей с ОВЗ // Мир науки, культуры, образования. № 6 (79). 2019. С. 170–172.
3. Образование детей с ОВЗ // Министерство образования и молодежной политики Свердловской области [сайт]. URL: <https://minobraz.egov66.ru/> (дата обращения: 20.02.2020).

УДК 377.3

**Шапко И. В.,
Кислов А. Г.**

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: отсутствие внимания со стороны государства к обеспечению профессиональной школы России педагогами профессионального образования, профессионального обучения вызывает беспокойство. Между тем реалии современного рынка труда делают необходимым переосмысление самой концепции содержания и организации профессионально-педагогического образования.

© Шапко И. В., Кислов А. Г., 2020

Ключевые слова: национальный проект «Образование», роль государства в кадровом обеспечении профессиональной школы, переосмысление концепции профессионально-педагогического образования.

**Shapko I. V.,
Kislov A. G.**

ABOUT THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF VOCATIONAL-PEDAGOGICAL EDUCATION IN RUSSIA

Abstract: there is concern about the lack of attention on the part of the state to providing vocational schools in Russia with teachers of vocational education and training. Meanwhile, the realities of the modern labor market make it necessary to rethink the concept of the content and organization of vocational-pedagogical education.

Keywords: national project “Education”, the role of the state in the staffing of vocational schools, re-thinking the concept of vocational-pedagogical education.

Мир профессий становится все менее стабильным, все более неопределенным. «В настоящее время руководители принимают кадровые стратегические решения в условиях неопределенности. В тоже время никто не может гарантировать работнику, что его квалификация будет востребована в кратко- и среднесрочной перспективах» [1, с. 26]. В ответ разворачивается активный поиск моделей содержания и организационных форм «преадаптации к неопределенности как стратегии навигации целенаправленных развивающихся систем» [2, с. 8], в том числе преадаптации человека к нестабильному миру профессий и иных занятий, профессиональной ориентации и переориентации, непрерывного и опережающего профессионального образования: «Готовность к непредсказуемому будущему в сфере профессий, их востребованности и освоению можно сформировать не столько постановкой гадательных целей, опирающихся на фантазийные прогнозы, сколько переходом от монопрофессиональной к полипрофессиональной подготовке» [3, с. 82]. Поэтому среди задач национального проекта «Образование» [4] — модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ; формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся. Не случайно среди федеральных проектов, действующих в рамках нацпроекта «Образование»:

- федеральный проект «Молодые профессионалы», цель которого — создание к 2024 году в Российской Федерации конкурентоспособной

системы профессионального образования, обеспечивающей подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров в соответствии с современными стандартами, в том числе стандартами Ворлдскиллс Россия, и передовыми технологиями;

- федеральный проект «Новые возможности для каждого», цель которого — создание к 2024 году условий для непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков, а также профессионального карьерного роста.

Эти проекты направлены и на ключевые цели национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», федеральных проектов «Системные меры по повышению производительности труда», «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда».

Изменения в мире профессий неизбежно переопределяют миссию, содержание и организационные формы профессионально-педагогического образования, т. е. сферы подготовки педагогов профессионального образования, обучения, а также близких к ней по целям своей деятельности сфер работы профориентологов и специалистов служб занятости — всех тех, кто призван владеть технологиями, приемами, средствами сопровождения выбора человеком профессии и, конечно, введения человека в профессию, ее освоения. Сегодня человеку важно не просто освоить одну из профессий, которая гарантировала бы ему востребованность на всю жизнь, а войти в мир профессий — все более усложняющийся и нестабильный, уверенно в нем ориентироваться, быстро адаптироваться к переменам на рынке труда.

К сожалению, документы и материалы, сопровождающие национальный проект «Образование», несмотря на грандиозные задачи, поставленные современными реалиями на рынке труда, не уделяют специального внимания педагогам профессиональной школы. Так, федеральный проект «Учитель будущего» имеет своей задачей внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников, среди которых могли бы оказаться и педагоги профессионального образования, профессионального обучения, профориентологи центров занятости, но он нацелен на охват не менее 50 % учителей только общеобразовательных организаций. Правда, другой федеральный проект — «Молодые профессионалы» — имеет задачей модернизацию именно профессионального образования и предполагает повышение квалификации 35 тысяч преподавателей по программам, основанным на опыте Союза «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллс Россия). Повышение квалификации, разумеется, должно быть обеспечено соответствующими педагогическими кадрами, как должна быть обеспечена ими и профессиональная школа России в целом. Но этому педагогическому обеспечению националь-

ный проект «Образование», федеральные проекты внимания не уделили, хотя ясно, что без педагогов профессионального образования, профессионального обучения подготовка профессионалов невозможна. Значит, этому отряду педагогических работников также необходимо уделить государственное внимание, начиная с его концептуального переосмысления в соответствии с новыми экономическими и технологическими реалиями.

В последние десятилетия концепция заключалась в высокой степени интеграции глубокой производственно-технологической и фундаментальной психолого-педагогической подготовки: «Ключевая для профессионально-педагогического образования идея интеграции отраслевой и психолого-педагогической подготовки позволяет подготовить профессионально мобильного специалиста необходимой квалификации» [5, с. 113]. Новые социально-экономические и технологические тренды требуют признать также рост значимости социогуманитарной и на ее основе профессиоведческой и коммуникативной составляющих содержания профессионально-педагогического образования и его значительную цифровую трансформацию. Необходимы переосмысление и оптимизация применяемых в образовательном процессе технологий, партнерских отношений, кадровой и финансовой политики, материально-технической базы, а прежде всего, видов, уровней, моделей содержания и организации профессионально-педагогического образования. Необходимо добиться готовности изменять и перестраивать образовательный процесс «на ходу», не останавливая его реализации, обеспечить оперативность разработки новых и приведения в соответствие с современными обновляющимися требованиями действующих программ. Оперативность как составляющая гибкости бесперспективна без опоры на науку. Проектирование и реализация наукоемких образовательных программ требует соответствующих высококвалифицированных научно-педагогических кадров, атмосферы поощрения их непрерывного профессионального и исследовательского роста.

Сегодня требуются педагоги профессионального образования, профессионального обучения, обладающие научно-прогностическим мышлением, компетентные в экономических, правовых, управленческих, социально-политических и многих других аспектах развития общества, прежде всего, профессионального образования как особой сферы общественной жизни в ее институциональных и внеинституциональных проявлениях. Поэтому в учебных планах должны найти место соответствующие учебные дисциплины, не воспринимавшиеся ранее как системообразующие, посвященные истории мира профессий, закономерностям его развития, социологии и психологии профессий и профессиональных групп, профориентологии и организации профориентационной работы в образовательных организациях и центрах занятости, образовательному менеджменту и маркетингу, методам исследования тенденций рынка труда и мониторинга качества профессионального обра-

зования. Роль отраслевой подготовки в основной образовательной программе высшего профессионально-педагогического образования в связи с этим неизбежно трансформируется. Она становится основательно освоенным, но — вариантом, на примере которого разворачивается формирование и развитие комплекса разнообразных компетенций. Подготовленный таким образом педагог профессионального образования, профессионального обучения (по отраслям) овладеет комплексом:

- менеджерских компетенций адаптивного управления образовательным процессом;
- исследовательских компетенций (мониторинг рынка труда, рынка образовательных услуг, выявление потребностей субъектов образовательного пространства, проведение экспертизы образовательных программ);
- психолого-педагогических и коммуникативных, в том числе цифровых компетенций.

Формированию необходимых педагогу профессионального образования, обучения компетенций поможет сопровождение основных образовательных программ дополнительными, финансирование которых возможно как заказчиками-работодателями, так и государством. Расширение перечня компетенций, необходимых современному педагогу профессионального образования, профессионального обучения, требует особого внимания к поиску организационных, дидактических возможностей уплотнения содержания программ и вариаблизации способов их реализации, в том числе на основе цифровизации и расширения партнерских отношений, сетевого взаимодействия с партнерами, а также постоянного совершенствования организации и непрерывного педагогического сопровождения индивидуальной и групповой самостоятельной работы обучающихся, обеспечивающей их мотивацию к образовательной, общественно-полезной и научно-исследовательской активности.

Остаются также вопросы, требующие ответов в ближайшее время:

1. Когда и где начинать профессиональную ориентацию на профессионально-педагогическую деятельность: в общеобразовательных организациях (?), в организациях среднего профессионального, высшего образования (?), после их окончания и при условии приобретения человеком опыта производственной деятельности?

2. Когда, где и через какие программы (в свете новых вызовов со стороны процессов в мире профессий и на рынках труда) начинать подготовку педагогов профессионального образования, обучения: в организациях среднего профессионального, высшего образования (через соответствующие основные образовательные программы) или через программы («длинные» или «короткие») дополнительного психолого-педагогического образования для состоявшихся профессионалов-отраслевиков?

3. Какую долю в подготовке педагогов профессионального образования, обучения должна занимать ориентация на определенную профессию, и какую — на преадаптацию будущих обучающихся этих педагогов к процессам в мире профессий, на рынках труда? Какой и в каких объемах должна быть практическая (в том числе производственная) составляющая их подготовки?

4. Способен ли работодатель быть заинтересованным в столь многовекторной подготовке педагогов профессионального образования, обучения? А может быть эта стратегическая задача должна решаться государством как инстанцией, способной подниматься над приоритетом тактических прагматических интересов акторов рынка, и тогда государство должно быть генеральным заказчиком подготовки педагогов профессионального образования, профессионального обучения?

5. В какой мере подготовка педагогов профессионального образования, обучения определяется производственными технологиями, и в какой — мировоззренческими, национальными, цеховыми традициями?

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 14-13-6601.

Литература

1. Иштирякова Л. Х., Галеева Г. М. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации экономики // Электронный экономический вестник Татарстана. 2019. № 3. С. 26–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42212230> (дата обращения 01.02.2020).

2. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32324593> (дата обращения 01.02.2020).

3. Кислов А. Г. Об опережающем профессиональном образовании в условиях роста социально-экономической мобильности // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 1. С. 80–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29256683> (дата обращения 01.02.2020).

4. Минпросвещения России. Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения 01.02.2020).

5. Федоров В. А., Третьякова Н. В. Профессионально-педагогическое образование в России: историко-логическая периодизация // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 3. С. 93–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28908720> (дата обращения 01.02.2020).

Секция 6. Тренды высшего образования в Индустрии 4.0 и глобальные перспективы развития науки в пространстве региона

УДК 3.08

Апахова В. М.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности образовательной системы сотрудников уголовно-исполнительной системы. Во введении затронут вопрос о необходимости повышения качества текущего профессионального образования уголовно-исполнительной системы. Целью является выявление специфики повышения качества образования, его целесообразности для последующей службы в исправительных учреждениях. Результатом становится выявление основных проблем и барьеров для повышения качества системы образования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: персонал уголовно-исполнительной системы, образование сотрудников, программы обучения, образовательные учреждения, профессиональная подготовка.

Apakhova V. M.

FEATURES OF IMPROVING THE QUALITY OF PROFESSIONAL EDUCATION OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

Abstract: the article discusses the features of the educational system of employees of the criminal Executive system. The introduction discusses the need to improve the quality of current professional education of the criminal Executive system. The goal is to identify the specifics of improving the quality of education, its feasibility for subsequent service in correctional institutions. The result is the identification of the main problems and barriers to improving the quality of the education system of the criminal Executive system.

Keywords: personnel of the criminal Executive system, education of employees, training programs, educational institutions, professional training.

Профессиональная группа сотрудников уголовно-исполнительной системы должна обладать специфическими навыками, которые обеспечивают эффективность трудовой деятельности. Для получения данных навыков сотрудникам исправительных учреждений необходимо проходить специализированное обучение, раскрывающее специфику трудовой деятельности.

сти в уголовно-исполнительной системе. Специализированное образование дает не только определенный набор навыков, необходимых для эффективной трудовой деятельности в уголовно-исполнительной системе, но и влияет на психологическую готовность к специфическим условиям труда. По мнению Л. Э. Кузнецовой [1, с. 50] психологическая подготовка в рамках специализированного обучения формирует трудовой потенциал, который сотрудник может использовать для профессионального роста и достижения социально-значимых целей уголовно-исполнительной системы.

По мнению В. Б. Дворцова [2, с. 170] специализированное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы осуществляется в соответствии с критериями готовности курсантов образовательных организаций ФСИН России к обеспечению режима в исправительных учреждениях. Данные критерии позволяют на всех этапах обучения формировать у курсантов навыки, которые полностью отвечают требованиям исправительных учреждений. Это означает, что курсант до начала периода трудовой адаптации по мету службы имеет четкое представление о специфике трудовой деятельности и готов к решению профессиональных задач.

Эффективность деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, прошедшего специализированное образование, становится выше, чем у сотрудника, получившего иное образование. П. В. Голодов [3, с. 290], считает, что при прохождении обучения в ведомственном учреждении курсанты формируют навык готовности к коррекции трудового поведения в различных трудовых ситуациях. Данный аспект позволяет утверждать, что специализированное обучение становится предпосылкой для формирования приверженности к исправительным учреждениям, что позволяет сотруднику действовать в интересах общества, которые выражены в официальных документах уголовно-исполнительной системы. Но при исследовании специализированного обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы наблюдается ряд проблем, которые должны быть решены, в первую очередь, для повышения эффективности образовательной структуры уголовно-исполнительной системы.

Первой проблемой является отсутствие вариативности обучения для сотрудников уголовно-исполнительной системы. В условиях жесткости управления сотрудник и кадровое подразделение учреждения не могут выбирать программу обучения, которая способствовала бы развитию сотрудника и повышению эффективности управления в учреждении. Установленная программа обучения должна быть пройдена персоналом определенных категорий и должностей и не предусматривает корректировки образовательных программ после утверждения.

На примере коммерческого сектора имеется практика, когда сотрудник организации может осуществить запрос на необходимость развития определенного навыка для повышения эффективности собственной работы, исхо-

ды из которого подбирается программа обучения. В уголовно-исполнительной системе такая практика отсутствует, поэтому сотрудник исправительного учреждения может получать навыки, которые не актуальны для его текущего положения и организации трудовой деятельности в конкретном исправительном учреждении.

В условиях долгосрочного планирования обучения персонала исправительных учреждений достаточно сложно учитывать текущие изменения трудовой деятельности. Поэтому программа обучения может потерять свою актуальность к моменту начала обучения из-за изменения трудовой обстановки, влияния различных внутренних и внешних факторов, а также изменений состояния и характеристик состава спецконтингента. Данный аспект может быть усовершенствован путем создания системы обратной связи со стороны сотрудников, которые включены в программы обучения. Сотрудник, ежедневно осуществляющий трудовые функции, максимально осведомлен об особенностях своей трудовой деятельности в условиях конкретного исправительного учреждения, что позволяет ему объективно оценивать собственную подготовку относительно предъявляемых требований.

Второй проблемой является территориальная отдаленность учебных центров и образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы. В настоящее время в составе уголовно-исполнительной системы действуют 7 учреждений ВПО с 1 филиалом, 3 института повышения квалификации, 2 межрегиональных учебных центра, 9 учебных центров территориальных органов, НИИ УИС, НИИ информационных технологий, обучение в которых требует оформления командировки сотрудника и его выезда на срок обучения по месту учебы. Некоторые регионы не имеют образовательных ресурсов по конкретным специальностям, что сужает возможности обучения до нескольких образовательных программ, но позволяет снижать затраты на командировочные расходы. Однотипность обучения не позволяет решать специфические задачи конкретного учреждения, а также развивать сотрудников исходя из потребностей системы управления учреждения.

Стоит отметить, что территориальная ограниченность влечет за собой ускорение профессиональной деформации, ухудшение морально-психологического климата, так как в пределах одного учреждения формируется кадровый состав, обладающий значительным уровнем подготовки по ограниченному спектру навыков. Эффективность трудовой деятельности, в данном случае, будет снижаться даже при положительном влиянии на нее внешних и внутренних факторов. Данный аспект достаточно сложен в разрешении, так как уголовно-исполнительная система не имеет достаточное количество ресурсов для оплаты длительных командировок большому количеству сотрудников. Но развитие дистанционных образовательных технологий может способствовать частичному разрешению данной проблемы и расширению об-

разовательных возможностей в соответствии с потребностями учреждения и профессиональными интересами сотрудника исправительного учреждения.

Необходимость постоянного мониторинга и совершенствования профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы для достижения социально-значимых целей обусловлена значимостью корректировки образовательных программ с точки зрения изменяющихся кадровых потребностей учреждения и условий трудовой деятельности. Это формулирует необходимость дальнейшей проработки исследуемой темы и разрешения раскрытых проблем.

Литература

1. Кузнецова Л. Э., Бочарова К. А. Особенности профессионального развития личности сотрудника уголовно-исправительного учреждения // Исследования молодых ученых: материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2019 г.). Казань : Молодой ученый, 2019. С. 50–51.
2. Дворцов В. Б. Теоретические аспекты формирования готовности курсантов образовательных организаций ФСИН России к обеспечению режима в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 166–171.
3. Голодов П. В. Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы : научный обзор // Вологодский институт права и экономики ФСИН России. 2016. № 57. С. 286–292.

УДК 316.444.5

**Банникова Л. Н.,
Малютин И. М.**

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЛАНОВ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ

Аннотация: в статье анализируются профессиональные планы и ожидания студентов инженерных программ подготовки венгерского и уральского региональных университетов. Выявлены отличия в оценках возможностей будущего профессионального развития и определении жизненных приоритетов студентами исследуемых университетов.

Ключевые слова: студенты, инженерные программы, профессиональные планы, сравнительный анализ.

**Bannikova L. N.,
Malyutin I. M.**

COMPARATIVE ANALYSIS OF PROFESSIONAL PLANS OF STUDENTS OF ENGINEERING TRAINING PROGRAMS

© Банникова Л. Н., Малютин И. М., 2020

Abstract: the article analyzes the professional plans and expectations of students of engineering programs for the preparation of Hungarian and Ural regional universities. Differences in assessing the possibilities of future professional development and determining life priorities by students of the studied universities were revealed.

Keywords: students, engineering programs, professional plans, comparative analysis.

В контексте реализации государственной политики повышения глобальной конкурентоспособности российских вузов и продлении действия мер их государственной поддержки в рамках федеральных проектов «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок» приоритетного нацпроекта «Наука» и федерального проекта «Молодые профессионалы» национального проекта «Образование» возрастает значение сравнительного исследования реальных университетских практик, определяющих конкурентоспособность выпускников на международном рынке труда.

Ключевыми проблемами функционирования третичного образования как в России, так и в других странах остаются вопросы рассогласования между сферой образования и рынком труда, преодоления разрывов (*skillmismatch*) между фактической квалификацией рабочей силы и требуемой рынком труда [1], несоответствия количества подготавливаемых специалистов структуре спроса на них, трудоустройство не по профилю подготовки [2]. Эксперты ОЭСР сформировали базу данных *Skills for Jobs*, которая раскрывает показатели дисбаланса навыков в европейских странах [3]. Практически во всех странах ОЭСР выявлен дефицит когнитивных навыков, необходимых для выполнения нерутинных задач, при заметном избытке технических навыков, применяемых в рутинном физическом труде (табл. 1).

Таблица 1

Квалификационное несоответствие немецких и венгерских работников требованиям работы (по данным на октябрь 2018 г., в %) [4]

Страна	Соответствие компетенций требованиям работы (<i>Matched</i>)	Избыток компетенций (<i>Overqualified</i>)	Недостаток компетенций (<i>Underqualified</i>)
Германия (Germany)	63	17	20
Венгрия (Hungary)	70	17	14

Причиной возникновения подобных диспропорций может быть рост требований к работникам со стороны работодателей в соответствии с техническими и технологическими изменениями производства, снижение качества образовательной подготовки будущих специалистов, в ряде случаев незаинтересованность работодателей в повышении профессионального уровня работников в связи с высокими затратами на эти цели. Острота и способы решения отмеченных проблем, в частности проблемы потенциального трудоустройства будущих специалистов, зависят от национальных систем выс-

шего образования, задающих разные условия реализации образовательных стратегий.

Объектом сравнительного пилотного исследования выступили два партнерских региональных университета России и Венгрии. Выбор университетов для проведения исследования (Уральский федеральный университет — УрФУ и венгерский University of Dunaujvaros — DUF) обусловлен схожестью направлений подготовки инженерных кадров, целевыми установками университетов, активностью внедрения новых форматов инженерного образования [5]. Для уточнения выводов пилотного исследования авторы сопоставляли полученные с материалами V–VI этапов международного исследования «Социально-экономические условия студенческой жизни в Европе» [6].

Особый интерес вызывает оценка возможностей профессионального развития, определение жизненных приоритетов студентов двух университетов. Для анализа этих факторов, был использован прием соотносительного сравнения оценок — соотношение оценок «очень важно» и «не важно», а именно, во сколько раз первых оценок больше, чем вторых. Данный прием выявляет (иллюстрирует) особую значимость выделяемых студентами тех или иных формальных и неформальных институциональных условий, влияния их на профессиональные и жизненные планы (таблица 2). Для студентов инженерных направлений подготовки УрФУ важны все перечисленные факторы. При этом значение таких факторов как «занятие интересным делом, возможность использовать свои таланты и способности в условиях хорошей рабочей атмосферы, что обеспечит быстрое продвижение и карьерный рост и будет способствовать сохранению баланса частной жизни и работы», в десятки раз превышает значение всех остальных факторов. Для оценок студентов университета Дунайвароша (Венгрия) не характерны такие чрезвычайно высокие оценки значимости тех или иных факторов, способных оказать влияние на жизненный путь (табл. 2). У венгерских студентов более ровные оценки, нет десятикратного преобладания значимости того или иного фактора. Более того, не все предложенные факторы оцениваются ими позитивно по их значимости и влиянию на будущее. Такой жизненный приоритет как «стабильное рабочее место, возможность иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» 40 % венгерских респондентов оценили негативно, примерно столько же — затруднились в его оценке.

Половина венгерских респондентов не считают, что иметь свой бизнес является условием жизненного благополучия, в отличие от деятельности по устойчивому развитию и защите окружающей среды. Оценки важности этого приоритета жизненного благополучия самые высокие. Определенное единодушие в оценках уральских и венгерских респондентов проявляется в значимости такого условия жизненного благополучия как возможность установить баланс работы и частной жизни. При этом студенты двух университетов одинаково скептически оценивают предпринимательскую активность как

условие жизненного успеха. Напротив, более половины респондентов того и другого университета рассматривают как благоприятный фактор возможность спокойной необременительной работы.

Таблица 2

Соотношение оценок «очень важно» и «не важно» в оценках жизненных приоритетов уральскими и венгерскими студентами (во сколько раз первых больше, чем вторых)

Университет	Получить работу по профессии	Высокое вознаграждение даже без особых гарантий на будущее	Возможность использовать мои таланты и способности	Работа с чем-то общественно важным. (Возможность принести пользу людям)	Быстрое продвижение. Карьерный рост	Способствовать устойчивому развитию и защите окружающей среды	Заниматься тем, что мне интересно	Хорошая рабочая атмосфера	Возможность спокойной необременительной работы	Независимость	Иметь собственное дело	Баланс работы и частной жизни	Стабильное рабочее место: иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне
UrFU	2,4	3,8	14	2,6	10	1,5	41	17	2,0	4,9	1,1	9	2,5
DUF	4,6	3,3	2,3	1,5	5,7	8,5	6,8	3,1	2,8	0,4	0,4	6,4	0,4

В заключение следует отметить, что более явно выраженная рыночная и профессиональная ориентация венгерских студентов в выборе стратегии подготовки и постановке жизненных целей обусловлена спецификой институциональных рамок, практико-ориентированным характером подготовки будущих инженеров в университете Дунайвароша. Половина венгерских респондентов уверенно ответили, что выпускники легко могут найти работу по профессии и получать хорошую зарплату. Согласно европейским мониторинговым исследованиям «*Social and Economic Conditions of Student Life in Europe*», венгерские студенты достаточно уверенно чувствуют себя не только на национальном, но международном рынке труда [7].

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта № 19-011-00252.

Литература

1. Мальцева В. А. Концепция skillmismatch и проблема оценки несоответствия когнитивных навыков в межстрановых исследованиях // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 43–76.
2. Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.
3. OECD. Skills for Jobs. Skills Shortage Index. URL: [https://www.oecd.org/skills for jobs data base.org](https://www.oecd.org/skills-for-jobs-data-base.org) (дата обращения 01.03.2020).
4. Рассчитано авторами по: OECD, Skills for Jobs. October, 2018. URL: <https://clck.ru/N2TYQ> (дата обращения 01.03.2020).

5. Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 235 с.

6. База данных Евростудент VI (Модуль представления данных). URL: <https://www.eurostudent.eu/> (дата обращения 03.03.2020).

7. Social Dimension of Higher Education in Hungary. Eurostudent. Social and Economic Conditions of Student Life in Europe. URL: <https://www.eurostudent.eu> (дата обращения: 03.03.2020).

УДК 316.343

Гаврилюк В. В.

ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Аннотация: в статье отражены результаты анализа существующих моделей подготовки рабочих кадров для современной экономики, их взаимосвязь с образовательными намерениями и стратегиями рабочей молодежи. Выявлены тенденции сохранения классовой идентичности в связи с образовательными стратегиями и карьерными планами рабочей молодежи.

Ключевые слова: новый рабочий класс, молодежь, рабочая молодежь, модели профессионального образования, образовательные стратегии.

Gavriliuk V. V.

TASKS OF WORKERS PREPARATION AND EDUCATIONAL STRATEGIES OF THE NEW WORKING CLASS YOUTH

Abstract: the article focuses on the existing models of training workers for the modern economy, its relationship with the educational intentions and strategies of working-class youth. The tendencies of preserving class identity in connection with educational strategies and career plans of working-class youth have been revealed.

Keywords: new working class, youth, working-class youth, models of professional education, educational strategies.

Образовательные стратегии молодежи во многом определяются актуальной образовательной политикой и другими макросоциальными факторами. К числу таких действенных факторов относится национальный проект «Образование», значительная часть которого относится к подготовке рабочих кадров [1, с. 2–6]. Новые вызовы цифровой экономики, экономики шестого уклада требуют постановки и решения новых образовательных задач в отношении подготовки рабочих кадров. Эту большую социальную группу сегодня невозможно рассматривать ни как продолжение советского рабочего класса, ни как возрождение классического пролетариата. Отличительными чертами

© Гаврилюк В. В., 2020

этого класса выступают характер труда и распределение властных полномочий в организации. Эти признаки наемных работников являются базовыми критериями, независимо от сферы занятости (промышленность, сервис, реальный сектор экономики или обслуживание). В нашем проекте мы обосновали формирование в современной России нового рабочего класса, предложили его авторское определение [2, с. 354].

Для Уральского федерального округа, где доля городского населения составляет более 80 %, проблемы подготовки рабочих кадров, профессионального самоопределения молодежи чрезвычайно актуальны. В последние десятилетия расширение возможностей в получении высшего образования, повышение его престижности отражаются и на подготовке молодежи рабочих профессий. С конца 1990-х годов в нашей стране вдвое увеличилась доля рабочих, имеющих высшее образование [3, с. 154]. Означает ли этот факт решение задачи подготовки конкурентоспособной рабочей силы для цифровой экономики или, наоборот, свидетельствует о кризисных явлениях в системе СПО — вопрос, требующий анализа. Неудовлетворенность системой СПО высказывают работодатели, указывая на устаревшие образовательные программы, отсутствие сотрудничества с бизнес-сообществом. Опросы работодателей показали востребованность для современного производства рабочих 4–6-го разрядов, при этом желательно наличие у работника и смежной профессии, а система профессионального образования сегодня готовит более 70 % рабочих 3-го разряда [4, с. 9].

В XX веке сложились три основных модели подготовки рабочих кадров: рыночная, государственная и дуальная. Наша страна была ориентирована на государственную модель, которая в значительной мере сохраняется и сегодня, управление в ней было исключительно административным, влияние запросов производства учитывалось опосредованно. Вероятно, поэтому процесс реформирования СПО не приносит быстрого желаемого результата. Очевидно, что доминирующей моделью развития системы подготовки рабочих кадров для новой экономики сегодня должна стать дуальная модель. Принципы дуальной модели профессионального образования требуют, прежде всего, обозначение границ нормативно-правового поля участия правительства и бизнеса в подготовке рабочих кадров. Дуальная модель включает в себя профессиональное обучение в образовательном учреждении; формирование производственных навыков на рабочем месте; взаимосвязь на правовой основе государства, бизнеса и общества; мониторинговые исследования и консалтинг в профессиональном обучении.

Как же отражаются в образовательных стратегиях рабочей молодежи перемены на глобальных и региональных рынках труда, как влияют на них национальные проекты? Изучение образовательно-профессиональных траекторий рабочей молодежи в современной России позволило Е. Д. Вознесенской

и Г. А. Чередниченко выделить три базовые модели: «горизонтальная», «прогрессирующая» и «вертикальная». «Горизонтальная» модель, к которой относятся около 60 % молодежи, опирается на невысокий уровень школьного образования, рабочую специальность они получили в СПО или прямо на рабочем месте. Эта часть молодежи не мотивирована к повышению уровня образования, карьере, но они и не намерены оставлять свою профессию. Это самые стабильные рабочие кадры» [5, с. 42]. Рабочие, отнесенные к «прогрессирующей» траектории (27 %), имеют более высокие квалификационные разряды, их профессиональный рост ограничивается лишь технологическими возможностями производств и связан с учебой без отрыва от производства. «Вертикальная» траектория (16 %), создает сектор наиболее квалифицированной рабочей силы, с повышенными образовательными амбициями, которые реализуются через получение высшего образования, такая стратегия направлена на выход из профессии рабочего [6, с. 43–44].

Выделенные Е. Д. Вознесенской и Г. А. Чередниченко три базовые модели образовательных стратегий молодежи рабочего класса: «горизонтальная», «прогрессирующая» и «вертикальная» фактически связаны с сохранением или утратой классовой идентичности. Образовательные стратегии молодежи, способствующие закреплению классовой позиции, представляют наибольший интерес. Для определения образовательных стратегий рабочей молодежи мы использовали предложенные Е. Д. Вознесенской и Г. А. Чередниченко модели в соотношении с моделями и стратегиями трудового поведения, разработанными в рамках нашего проекта. Особенности оценки образовательной стратегии выявлены нами через различия образовательного статуса родительской семьи, сферу занятости рабочего, отношения к школьному и профессиональному образованию, представлений о влиянии образования на жизненный успех. В ходе реализации проекта использованы количественные (опрос молодежи нового рабочего класса УРФО — 1534 респондента по репрезентативной выборке; опрос экспертов — 100) и качественные методы (биографическое интервью — 31 информант) [2, с. 112–113].

Неоднозначность оценки роли профессионального образования в достижении жизненного успеха профессиональной биографии чаще всего совпадает с осознанной или случайной мотивацией выбора профессии. По данным нашего исследования, менее 40 % респондентов отметили самостоятельность в выборе профессии, остальные ссылались на внешние обстоятельства. Особый интерес представляют взаимосвязи между уровнем образования родительской семьи и отношением к школьному обучению, выбору профессии, учебного заведения, а также общей оценкой влияния образования на жизненный успех. Анализ биографических интервью дает основания для выделения базовых образовательных стратегий молодежи нового рабочего класса. В качестве переменных нами были избраны следующие признаки: образова-

тельный уровень родителей информантов; образовательный статус информантов на момент интервью; оценка отношения к образованию, в том числе оценка взаимосвязи уровня образования с достижением успеха в жизни. Анализ данных биографического интервью позволил нам разделить все семьи информантов на пять типов: семьи с совпадающим уровнем образования родителей (ВПО, СПО/НПО), семьи с различающимся уровнем образования родителей (отец — ВПО, мать — СПО, и наоборот), неполные семьи, семьи с отсутствием завершенного профессионального образования у родителей.

В результате кодирования транскриптов и последующей квантификации данных мы попытались проследить взаимосвязь между уровнем образования родителей и образовательными установками молодежи (табл.).

Таблица

Ценность образования для информантов биографического интервью (количество случаев)

Образование родителей	Количество случаев	Совпадение с уровнем образования семьи	Отношение к образованию (в том числе, влияние на жизненный успех)		
			Позитивное	Индифферентное	Негативное
Оба родителя ВПО	3	2	1	1	1
Отец ВПО мать СПО/НПО	5	5	1	1	3
Мать ВПО Отец СПО/НПО	5	5	2	—	3
Оба родителя СПО/НПО	7	4	1	3	3
Неполная семья, незаконченное профессиональное образование, средняя школа	11	8	2	1	8
Итого:	31	25	7	6	18

Таким образом, результаты исследования подтверждают противоречивость отношения молодежи к проблемам и ценности образования в современном мире. Несмотря на декларируемое устойчивое положительное отношение к образованию, уважительное отношение к образованным людям, сохраняющееся в новом поколении, личностная значимость образования невелика. Сохранение в общественном сознании факта престижности, ценности образования никак не влияет на личные жизненные планы, и даже на профессиональный выбор рабочей молодежи. В личностном самоопределении представители этого класса ориентируются на другие ценности, среди которых образование далеко не на первых ролях. Данные массового опроса рабочей молодежи УрФО по образовательным группам респондентов позволяют утверждать, что чем выше уровень образования молодого работника, тем легче ему адаптироваться на рынке труда, используя самостоятельную стратегию поиска работы; уве-

ренно отстаивать свои позиции в трудовых правах перед работодателем; лучше социальное самочувствие и удовлетворенность различными сторонами имеющейся работы. Об этом свидетельствуют и данные других исследований [6, с. 262–273]. Сохранение классовой идентичности в связи с образовательными стратегиями и карьерными планами показывает, что наиболее устойчивой является «горизонтальная» образовательная стратегия. Эта часть рабочей молодежи не мотивирована на активное профессиональное продвижение, карьерный рост, повышение образовательного уровня, но они и не ориентированы на выход из профессии. Их главные стратегические ориентиры — стабильность, гарантированная занятость, социальные льготы и хороший заработок. Расширение роли образования в жизненных планах современной рабочей молодежи вряд ли можно с уверенностью прогнозировать, хотя декларативно престиж образования, образованности сохраняется в общественном сознании.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РНФ № 17-78-2006.

Литература

1. Майский указ: Паспорт Федерального проекта «Молодые профессионалы». URL: <https://clck.ru/N2Qkq> (дата обращения: 01.03.20).

2. Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография/под ред. Т. В. Гаврилюк. М.: ФЛИНТА, 2019. 392 с.

3. Каравай А. В. Состояние и динамика качества человеческого капитала российских рабочих // Пространство экономики. 2017. № 3. С. 144–158.

4. Взаимосвязь профессионального образования и занятости молодежи в Западной Европе и России / Е. А. Пахомова, В. А. Овчинников, М. П. Пальянов, И. Д. Лаптев, В. Л. Бибик, М. В. Морозова // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 3 (15). С. 6–13.

5. Чердниченко Г., Вознесенская Е. Высшее образование в профессиональных траекториях молодых рабочих // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 40–58.

6. Голенкова З. Т., Кошарная Г. Б., Кошарный В. П. Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 2. С. 262–273.

УДК 316

**Гавва Д. С.,
Нидергаус Е. О.**

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА

Аннотация: цель — проанализировать теоретические основы цифровизации образования и рассмотреть основные компоненты цифрового образования. Также в статье представлены проблемы

© Гавва Д. С., Нидергаус Е. О., 2020

цифровизации образования и положительные аспекты. Методом наблюдения проведена оценка цифровой среды Уральского федерального университета.

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровизация, цифровые технологии, высшая школа, цифровая экономика.

**Gavva D. S.,
Niedergaus E. O.**

DIGITALIZATION OF EDUCATION THROUGH THE EYES OF THE STUDENT

Abstract: purpose — to analyze the theoretical foundations of digitalization of education and consider the main components of digital education. The article also presents the problems of digitalization of education and positive aspects. The observation method was used to evaluate the digital environment of the Ural Federal University.

Keywords: digitalization of education, digitalization, digital technologies, higher school, digital economy.

В настоящее время внедрение цифровизации в различные сферы жизнедеятельности стало приоритетным направлением государственной политики. В России цифровизация охватывает практически все социально-экономические отношения, в том числе сферу образования. Внедрение цифровизации в образовательную среду отражено в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве одной из национальных целей названо «создание современной и безопасной цифровой образовательной среды» [1]. Федеральный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» определяет необходимость модернизации системы образования и профессиональной подготовки, приведения образовательных программ в соответствие с нуждами цифровой экономики, широкого внедрения цифровых инструментов учебной деятельности и целостного включения их в информационную среду, с целью обеспечить возможность обучения граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни — в любое время и в любом месте [2].

Образование является обязательным компонентом для удовлетворения высших потребностей и в век цифровых технологий становится интерактивным и возможным для всех. Индивид может смотреть иностранные образовательные курсы и осваивать новые дисциплины в режиме онлайн, изучать языки с помощью цифровых ботов и обмениваться информацией по всему миру. Цель исследования — определить основные механизмы цифровизации образования. В работе был применен анализ и синтез научной литературы, связанной с цифровизацией образовательной среды; программно-целевой метод, с помощью которого изучены федеральные программы цифровизации образования; метод наблюдения для оценки цифрового пространства Уральского федерального университета.

В работе С. Г. Камолова и Е. Н. Каунова «Диалектика инновационного развития» под цифровизацией понимается процесс внедрения инноваций, то есть переход от традиционной (аналоговой) формы передачи информации на цифровую [3, с. 22]. А. Марей рассматривает цифровизацию как изменение парадигмы общения и взаимодействия друг с другом и социумом [4, с. 15], а Е. Л. Варганова, М. И. Максеенко, С. С. Смирнов говорят, что цифровизация — это не только перевод информации в цифровую форму, а комплексное решение инфраструктурного, управленческого, поведенческого, культурного характера [5, с. 3].

Из различных трактовок понятия «цифровизация» можно дать определение, что цифровизация образования — это использование искусственного интеллекта, обмен и передача информации, использование больших данных и облачное хранение информации в деятельности образовательных организаций. Трансформация образования — это основа экономического прогресса, поэтому необходимо понимать, что каждый педагог должен иметь цифровые компетенции, а вузы — информационные ресурсы, которые обеспечат цифровой формат обучения. В настоящее время в российских вузах используются информационные ресурсы, телекоммуникация и система управления. Информационные ресурсы: гиперколлекции (медиа, видео, аудио, библио, фото, графика, анимации), информационные массивы данных, образовательные порталы, интернет-сайты. Телекоммуникации: сетевые и мобильные среды, СМИ, телевидение, телефония, телемосты, хостинг, почтовые сервисы. Система управления: авторизация пользователей, тестирование, контент, рейтинги, личное и коллективное информационное пространство (сайт, блог, чат, форум, почта, база данных) [6, с. 110].

Можно выделить и отрицательные стороны цифровизации образовательной среды. Во-первых, дистанционное образование никогда не заменит общение с преподавателем в реальной жизни, человек никогда не сможет обучиться на дистанционном обучении таким профессиям, как врач, инженер и т. п. Во-вторых, отсутствие мотивации получать образование в режиме онлайн, так как в реальной жизни преподаватель может отслеживать успеваемость и влиять на ученика, а онлайн курсы влекут отсутствие ответственности. В-третьих, в системе цифрового образования большая роль уделяется самостоятельной работе студента, к сожалению, цифровая среда воспринимается студентами не как место для учебы, поэтому происходит необходимость формировать навыки самоорганизации.

Уральский федеральный университет оборудован системой информационных ресурсов, телекоммуникации и системой управления. Каждый студент имеет личный кабинет, оборудованный всеми функциями электронного университета, введены электронные зачетные книжки, онлайн приложения с расписанием и финансовые сервисы. Аудитории имеют мультимедийные экраны.

тимедийное оборудование и каждый присутствующий имеет свободный доступ в Интернет. Таким образом, цифровизация образования занимает особое место в цифровой эпохе, так как она формирует совершенно новые навыки и компетенции, создает новые условия на рынке труда и меняет традиционную форму обучения. Цифровое образование — это равный доступ граждан к образованию, интерактивность, удобство и новые возможности, важно заметить, что умение пользоваться и ориентироваться в потоке цифровой информации становится главным навыком современного человека.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00252.

Литература

1. Президент России. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 01.03.20).
2. Современная цифровая образовательная среда в РФ: сайт. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25 октября 2016 г. № 9). URL: <http://neorusedu.ru/documents/pasport-prioritetnogo-proekta-sovremennaya-tsifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 01.03.20).
3. Камолов С. Г., Каунов Е. Н. Диалектика инновационного развития // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2018. № 4.
4. Москалюк В. С. Необходимость цифровизации российского образования // Наука и образование сегодня. 2019. № 10 (45).
5. Индустрия российских медиа: цифровое будущее : академическая монография / Е. Л. Варганова, А. В. Вырковский, М. И. Максеенко, С. С. Смирнов. М. : МедиаМир, 2017. 160 с.
6. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8.

УДК 378.1

Шибанова Е. К.

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ СТРАН-ПАРТНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ БРИКС)

Аннотация: рост экспорта образовательных услуг позволяет решить стратегические задачи стран БРИКС с учетом территориальных и отраслевых сегментов мирового рынка. Используя ин-

струменты анализа работы с информационными потоками, метод экстраполяции трендов, в статье представлена корреляционная зависимость между показателями «структура экономики страны» и «привлекательность» будущей профессии для молодежи.

Ключевые слова: экспорт образовательных услуг, отрасли экономики.

Shibanova E. K.

EXPORT OF EDUCATION AS A SECURITY OF ECONOMY BY NATIONAL SPECIALISTS OF PARTNER COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF BRICS)

Abstract: the growth in the export of educational services allows us to solve the strategic tasks of the BRICS countries taking into account the territorial and sectoral segments of the world market. Using analysis tools for working with information flows, the method of extrapolating trends, the article presents a correlation between the indicators “structure of the country’s economy” and “attractiveness” of the future profession for young people.

Keywords: export of educational services, sectors of the economy.

В основе преобразований общественных явлений всегда положены экономические показатели, как их рост, так и снижение. Обращение российского государства к проблеме экспорта образования актуализировалось после распада СССР. Долгое время эта тема была предана забвению. Это было связано с политическими, экономическими и социальными проблемами внутри страны. В настоящее время ситуация стагнации переходит в этап осмысления и аналитики. Национальные проекты выступили своеобразным драйвером для всех сфер народного хозяйства. Экспорт российского образования является приоритетным проектом для нашего государства [1, с. 31].

В условиях мировых трендов странами-партнерами для России, безусловно, выступают страны БРИКС. Для группы из пяти стран важными составляющими взаимоотношений являются политика, экономика, безопасность, здравоохранение. По всем этим направлениям БРИКС реализует проекты для того, чтобы «большая пятерка» стала более узнаваемой в мировом сообществе [2].

Целостное понимание экспорта образования должно основываться на макроэкономическом анализе стран БРИКС. Используя инструменты анализа работы с информационными потоками, проанализируем структуру экономики каждой страны по отраслям в странах БРИКС по десятилетиям за период 1970–2018 годы. Исключение составляет Россия, где период указан с 1990 по 2018 в связи с распадом СССР.

Структура экономики ЮАР (1970–2018 гг.) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура экономики ЮАР 1970–2018 гг (в %) [3]

Отрасль	1970	1980	1990	2000	2010	2018
Сельское хозяйство	7,1	6,1	4,6	3,2	2,6	2,4
Промышленность	33,2	44,1	35,6	28,2	26,3	25,1
Строительство	4,4	3,4	3,5	2,7	3,8	3,9
Торговля	15,0	12,1	14,8	15,1	14,9	15,0
Транспорт	10,2	9,3	8,9	10,4	9,2	9,8
Услуги	30,1	25,0	32,5	40,5	43,2	43,6

Результаты, приведенные в табл. 1 показывают рост услуг (от 30,1 до 43,6), устойчивый показатель торговли (15,0 и 15,0) и снижение показателей промышленности (33,2 и 25,1) и сельского хозяйства (7,1 и 2,4). В табл. 2 представлена структура экономики Китая 1970–2018 гг. [3].

Таблица 2

Структура экономики Китая 1970–2018 гг. (в %) [3]

Отрасль	1970	1980	1990	2000	2010	2018
Сельское хозяйство	35,1	29,9	26,8	14,9	9,6	7,5
Промышленность	36,7	43,9	36,6	40,1	40,1	33,9
Строительство	3,7	4,3	4,6	5,5	5,6	6,9
Торговля	8,3	5,3	8,3	10,3	10,6	11,1
Транспорт	4,4	4,7	6,2	6,1	4,6	4,5
Услуги	11,8	12,0	17,5	21,0	28,6	36,1

Аналогичная ситуация в КНР (табл. 2), где рост услуг наблюдается от 11,8 до 36,1, небольшое снижение показателей промышленности (36,7 и 33,9) и существенное снижение темпов сельского хозяйства (35,1 и 7,5). Относительно устойчивый показатель транспортной отрасли (4,4 и 4,5).

В табл. 3 представлена структура экономики Индии 1970–2018 гг.

Таблица 3

Структура экономики Индии 1970–2018 гг. (в %) [3]

Отрасль	1970	1980	1990	2000	2010	2018
Сельское хозяйство	43,7	37,4	30,6	24,0	18,4	16,1
Промышленность	17,6	22,2	25,1	23,5	24,2	21,6
Строительство	4,9	5,0	6,1	6,6	8,9	8,0
Торговля	5,4	7,4	8,1	9,4	10,5	9,3
Транспорт	3,6	3,9	5,9	7,1	6,3	9,0
Услуги	24,9	24,0	24,2	29,3	31,7	36,0

Результаты табл. 3 показывают рост услуг (от 24,9 до 36,0), строительства (от 4,9 до 8,0), торговли (5,4 и 9,3) и транспорта (3,6 и 9,0). Вместе с тем, отметим резкое снижение отраслей сельского хозяйства (43,7 и 16,1).

Структура экономики Бразилии 1970–2018 гг. отражена в табл. 4.

Таблица 4

Структура экономики Бразилии 1970–2018 гг. (в %) [3]

Отрасль	1970	1980	1990	2000	2010	2018
Сельское хозяйство	11,5	10,1	10,1	5,5	4,8	5,1
Промышленность	30,4	34,1	29,9	21,4	21,1	15,8
Строительство	5,4	6,8	7,1	5,4	6,3	5,8
Торговля	16,4	10,9	7,1	11,3	14,7	15,7
Транспорт	4,3	4,7	4,9	6,2	8,1	7,8
Услуги	31,9	33,4	40,9	50,2	44,9	49,8

В табл. 4 по структуре экономики Бразилии представлена та же тенденция, что и в предыдущих странах. Смещение вектора к увеличению по услугам (31,9 и 49,8) и транспорту (4,3 и 7,8) при снижении показателей сельского хозяйства (11,5 и 5,1) и промышленности (30,4 и 15,8).

Аналогичная ситуация по структуре экономики России 1990–2018 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Структура экономики России 1990–2018 гг. (в %) [3]

Отрасль	1990	2000	2010	2018
Сельское хозяйство	6,5	6,3	3,8	3,5
Промышленность	40,4	33,3	28,3	27,7
Строительство	10,2	6,5	6,4	8,2
Торговля	6,6	23,7	20,8	16,7
Транспорт	10,2	8,9	8,9	7,5
Услуги	16,2	21,3	31,7	36,3

Для России подобная тенденция также не является исключением, как и для всех стран БРИКС. Отметим снижение отрасли сельского хозяйства (6,5 и 3,5), промышленности (40,4 и 27,7) и увеличение доли услуг (16,2 и 36,3).

Вышеизложенное доказывает, что для стран БРИКС в структуре экономики характерно смещение от отраслей сельского хозяйства и промышленности к услугам, торговле или развитию транспорта. Интересен показатель «Средние уровни потребительских расходов на душу населения в мире, млрд долларов» (табл. 6), где наблюдается увеличение прогрессии с 1970 до 2018 гг., что позволяет сделать вывод о возможности населения увеличивать расходы

не только на основные физиологические и физические нужды, но и на услуги, в том числе образовательные [3].

Таблица 6

Средние уровни потребительских расходов на душу населения в мире за 1970–2018 гг., млрд долларов [3]

Показатель уровня	1970	1980	1990	2000	2010	2018
Средняя прогрессивная	1883,2	6198,7	15036,1	19166,2	24443,9	33439,2
Средняя	673,3	2036,3	3241,1	4145,2	7095,3	8171,0
Средняя регрессивная	143,4	446,0	771,2	783,5	1805,6	3151,5

Перестройка экономических отраслей приводит к перестройке запросов субъектов образовательного пространства, к совершенно новым специальностям и, как следствие, к новым моделям образования [4, с. 27]. Каковы наиболее «привлекательные» профессии для молодежи стран БРИКС? Используя метод экстраполяции трендов, отметим, что среди южно-африканских и бразильских студентов популярностью пользуются медицинские специальности, компьютерные, инженерные профессии, маркетинг и журналистика [5; 6]. Студенты России и КНР предпочитают управленческие специальности, бизнес и менеджмент [7; 8]. Индийские студенты нацелены на медицину, аграрные направления подготовки и инженерные науки [9]. По данным научных порталов [5–6; 9–11] для молодежи Индии, Бразилии, Китая, ЮАР наиболее привлекательными странами для обучения являются США, Великобритания и Австралия. Исключение составляет Россия, для граждан которой первое место занимает Германия и Греция, а затем США и Великобритания [7].

Применяя корреляционную зависимость между показателями «структура экономики страны» и «привлекательность будущей профессии» в странах БРИКС, приходим к выводу, что каковы запросы экономики каждой страны, таковыми должны быть «ответы» образовательных учреждений при подготовке специалистов. Обращаясь к экспорту образования, мы, прежде всего, должны изучить запросы и особенности отраслей экономики других стран. Экспорт образования позволит в краткосрочной перспективе решить вопросы новых профессий и обеспечит экономику стран БРИКС национальными специалистами стран-партнеров. Смена в развитии экономических отраслей и переход от привычных в XX веке сельского хозяйства и промышленности к новому в XXI в. сектору — услуги, заставляет молодое поколение «искать» наиболее подготовленные страны в этих областях. Следовательно, образовательным учреждениям стран БРИКС следует взять вектор на обучение в таких сферах услуг, как медицина, управление, бизнес, маркетинг, IT-технологии и др.

Литература

1. Иванов О. П., Шибанова Е. К. Возможности и перспективы развития экспорта образовательных услуг вузами Челябинской области: мотивация и выбор студентов // Социум и власть. 2019. № 5 (73). С. 31.
2. Информационный портал: Гайдаровский форум «Десять лет БРИКС: анализ достижений и факторы торможения». URL: <https://gaidarforum.ru/news/desyat-let-briks-analiz-dostizheniy-i-factory-tormozheniya-/> (дата обращения: 25.02.2020).
3. Институт экономики и права Ивана Кушнера. Макроэкономические исследования 2010–2020 гг. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/index.html> (дата обращения: 21.02.2020).
4. Батурина Л. Система образования в Бразилии // Агрегатор новостей образования. 2019. № 3 (109). С. 27.
5. Economic Diversification in Africa: A Review of Selected Countries, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264038059-en>. (дата обращения: 23.02.2020).
6. Unicamp 2019. URL: <https://www.unicamp.br/unicamp/noticias/> (дата обращения: 22.02.2020).
7. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.google.com/> (дата обращения: 25.02.2020).
8. National Bureau of Statistic of China 2018. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> (дата обращения: 23.02.2020).
9. Department Ofscience & Technology of India 2002. URL: <https://dst.gov.in/sites/default/files> (дата обращения: 22.02.2020).
10. Ministry of Education of the PRC 2019. URL: <http://www.moe.edu.cn/> (дата обращения: 25.02.2020).
11. UNESCO 2019. URL: <http://www.unesco.org/> (дата обращения: 22.02.2020).

УДК 316

Бушуева Т. Н.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация: статья посвящена обоснованию взаимосвязи между особенностями социальной образовательной среды в организациях профессионального образования и трудовой мотивацией студентов с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что для повышения эффективности трудоустройства людей с инвалидностью необходимо оптимизировать процесс формирования у них трудовой мотивации в образовательных организациях профессионального образования. Анализируются данные исследования, посвященного изучению влияния социального окружения на узкую группу студентов, включавшего в себя анкетирование представителей этой группы, приведенного студентом-инвалидом I группы по зрению.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями здоровья, инвалиды, социальная образовательная среда, трудовая мотивация, трудоустройство.

Bushueva T. N.

SOCIAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF LABOR MOTIVATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES

Abstract: the article is devoted to the substantiation of the relationship between the characteristics of the social educational environment in vocational education organizations and the labor motivation of students with disabilities. It is shown that in order to increase the efficiency of employment of people with disabilities, it is necessary to optimize the process of forming labor motivation in educational institutions of vocational education. The data of a study devoted to studying the influence of the social environment on a vulnerable group of students, which included a survey of representatives of this group conducted by a student with a visual impairment of the first group, are analyzed.

Keywords: person with disabilities, people with disabilities, social educational environment, labor motivation, employment.

В настоящее время проблема трудоустройства людей с инвалидностью остается в Российской Федерации весьма актуальной, даже на фоне реализации региональных программ по снижению напряженности на рынке труда инвалидов. Как видно из анализа научных источников и опыта содействия трудоустройству инвалидов органами государственной власти и местного самоуправления, в процессе поиска работы инвалидов часто сталкиваются с множеством различного рода барьеров. Всякий раз из результатов исследований можно обнаружить, что большинство из них при трудоустройстве сталкивается с такими препятствиями, как недоступная среда, низкие заработки, недостаточный уровень профессиональной компетентности, отсутствие рабочих мест для инвалидов у работодателей, стереотипы мышления по отношению к инвалидам, связанные с представлениями о низком образовательном уровне и недостаточной мотивации [1; 2; 3; 4].

Очевидно, что барьеры трудоустройства и ограниченность карьерных перспектив для большинства инвалидов сопровождаются большим стрессом и тревогой в силу действия фрустрирующих внешних факторов, связанных с особенностями рынка труда. Объективно необходимыми качествами представителей этой особой группы людей становится установка на толерантность, резистентность к проблемам рынка труда и настрой на конструктивный, высокомотивированный поиск работы. Мы вынуждены констатировать, что среди десятка работ, попавших в фокус нашего внимания, в которых представлены результаты исследований проблем трудовой занятости инвалидов, только в двух из них авторы касаются вопросов внутреннего побуждения людей с ограниченными возможностями (далее — ОВЗ) к профессиональной деятельности. Это значит, что вопросы влияния внутренней трудовой мотивации лиц с ограниченными возможностями здоровья на результаты их трудоустройства остаются пока вне поля зрения современных ученых и практиков. Такая мотивация, согласно авторитетному мнению, должна

формироваться и закрепляться в условиях получения образования, особенно профессионального [5].

Данное обстоятельство обуславливает необходимость посмотреть на социальную образовательную среду как фактор трудовой мотивации студентов с ограниченными возможностями здоровья. Необходим поиск эффективных механизмов, способствующих оптимизации у них психического состояния, его сохранению после завершения обучения и целенаправленному использованию этого состояния для нейтрализации объективных факторов-стрессоров, препятствующих трудоустройству. В этой связи целью настоящей работы является обоснование взаимосвязи между особенностями социальной образовательной среды в организациях профессионального образования и трудовой мотивацией студентов с ОВЗ, которая чрезвычайно необходима им в процессе последующего трудоустройства.

Профессиональная подготовка для лиц с психофизическими отклонениями в здоровье — важный этап профессионализации, развития профессионально-важных качеств. Абсолютное большинство ученых разделяют точку зрения о роли профессионального образования в формировании трудовой мотивации. Именно в этот период происходят существенные изменения в профессиональном сознании, эмоционально-волевой и мотивационной сферах. У всех без исключения обучающихся на этом этапе профессионального становления формируется осознание возможности и необходимости приносить пользу себе и обществу, навыки саморегуляции, самостоятельного принятия решений, стремление к самореализации и уважению со стороны окружающих [6, с. 42]. Принцип подчинения всех явлений закону причины и следствия делает очевидным положение о том, что в процессе профессиональной подготовки людей с особенностями и отклонениями в развитии должен ставиться акцент на формировании мотивов, адекватных реалиям современного рынка труда, поскольку связь между готовностью к трудовой деятельности и успешностью трудоустройства для них является особенно тесной и актуальной.

Целесообразно вспомнить о том, что в конце прошлого века в научной среде широко обсуждался вопрос о мотивирующей силе социального окружения. Поэтому различные воздействия, связанные не только с предметной средой, но и исходящие от других людей, оказывают существенное влияние на мотивационную сферу студентов с ОВЗ. Существенную роль в рамках профессионального образования играет социальная образовательная среда, под которой традиционно понимают особенности социального окружения, общения и отношений личности [7, с. 325]. Именно в социальной образовательной среде формируются личностно-профессиональные качества студента с инвалидностью, где каждый из них оказывается включенным в систему взаимодействий и взаимовлияний представителей педагогического и студенческого сообществ.

Ильин Е. П. указывает на существование рефлекторной зависимости мотивации человека от социального окружения [5, с. 270]. Причем положительная мотивация к труду, твердая убежденность в необходимости трудоустройства даже при высокой вероятности столкнуться с препятствиями на рынке труда будут формироваться у лиц с отклонениями в развитии в том случае, когда партнерские отношения и с преподавателями, и со студентами, вызывающие чувства подобия, идентичности всему социальному окружению, будут трансформироваться во внутреннюю побуждающую энергию.

В исследованиях последних лет широко представлены эмпирические данные о типичных личностно-профессиональных качествах студентов с инвалидностью, обучающихся в российских профессиональных образовательных организациях, которые в конечном счете будут влиять позитивно или негативно на трудовую мотивацию будущих соискателей рынка труда инвалидов [6; 8]. Заслуживает внимания комплексное исследование, проведенное в 2011–2012 гг., в ходе которого были выявлены наиболее характерные, побуждающие активность студентов с инвалидностью, качества: усердие, ответственность, отзывчивость и сила воли. В качестве демотивирующих качеств были определены следующие: неуверенность, закомплексованность, уныние [8, с. 62]. Выявленные через несколько лет В. Волковой и Е. В. Михальчик качества (сильная воля, оптимизм, общительность, тревожность, фрустрированность, депрессивность) в полной мере соответствуют представленной мотивационной структуре, однако, они еще в большей степени подчеркивают демотивирующую сторону личности современного студента с инвалидностью [6, с. 107].

При том, что существенных различий в результатах рассмотренных нами исследований выявлено не было, они позволили увидеть демотивирующие качества в типичном портрете студента с инвалидностью и усомниться в успешности его будущего трудоустройства. Кроме того, подчеркнем, что особенностью подавляющего большинства изысканий является то, что в качестве респондентов выступали обычные студенты, представления которых не могут дать ясного понимания о внутреннем состоянии и мотивационной сфере студента-инвалида. Связи с этим был инициирован анкетный опрос студентов с ОВЗ, проведенный магистрантом Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, инвалидом 1 группы по зрению.

Опрос проводился в январе–феврале 2020 года с использованием социальной сети ВКонтакте, а также телефонного и письменного анкетирования. В нем приняли участие более 100 человек с инвалидностью в возрасте от 18 до 35 лет — студенты средне-профессиональных и высших образовательных организаций Уральского федерального округа, а также выпускники, недавно окончившие обучение. Среди опрошенных в случайном поряд-

ке 55 % — юноши, 45 % — девушки. Средний возраст респондентов составил 24 года. 60 % опрошенных имеют ограничения по зрению, 10 % — нарушения слуха, 10 % — нарушения опорно-двигательного аппарата, у 20 % респондентов — инвалидность связана с общим заболеванием. 57 % опрошенных обучаются в колледжах, 27 % — в высших образовательных организациях, 16 % закончили обучение и работают по трудовому договору. 78 % респондентов обучались или обучаются в форме инклюзии, 16 % — в отдельных группах, 3 % — индивидуально и 3 % — на дому. На вопрос о своем настроении 54 % респондентов выбрали ответ «прекрасное (бодрое, подъем духа)». Хорошее (спокойное, ровное) настроение ощущают 37 % опрошенных, 7 % — испытывают неважное, мрачное настроение, а 2 % — ощущают упадок духа. Значительный процент позитивных выборов и абсолютное отсутствие респондентов, затрудняющихся с ответами, указывает на активную жизненную позицию подавляющего большинства опрашиваемой случайной выборки.

Ответы на вопросы о взаимоотношениях со здоровыми студентами и с преподавателями раскрывают характерное для большинства студентов-инвалидов ощущение комфорта во взаимодействии с социальным окружением. 64 % опрошенных считают, что преподаватели относятся к ним, как к равным, при этом стараются организовать учебный процесс с учетом особенностей здоровья, 3 % респондентов считают преподавателя своим учителем и другом, 47 % опрошенных считают студентов союзниками, 17 % — друзьями, а 14 % — относят их к посторонним людям. Однако, если учесть, что практически каждый пятый затруднился с ответами на эти два вопроса, то есть «ушел» от ответа, то можно прийти к выводу, что третья часть студентов с нарушениями в психофизическом развитии реагирует на воздействие здоровых сверстников и преподавателей с тревогой и растерянностью. «Не все преподаватели и сотрудники вуза могут на равных общаться с инвалидами» — эту распространенную точку зрения разделяют многие респонденты. Это означает, что часть студентов с ОВЗ воспринимает социальную образовательную среду как напряженную, фрустрирующую, что выступает демотивирующим фактором и с высокой вероятностью будет переноситься в сферу трудовой занятости. Подтверждение данного положения находим в представлениях Л. С. Выготского, идеи которого послужили методологической основой инклюзивного образования. Ученый указывал на возможность возникновения «вторичного дефекта», наряду с первичным заболеванием, обуславливающего деструктивные изменения в личностных качествах обучающегося в случае неэффективного воздействия социальной среды. При чем такие изменения, как подчеркивал Л. С. Выготский, в основном будут касаться социальной стороны поведения: это и сужение сферы интересов, и безынициативность, замкнутость, тревожность, и ослабление мотивационной сферы [9].

Студент, имеющий врожденный дефект, обучающийся в форме инклюзии, не должен чувствовать со стороны окружающих ни чувства жалости, ни повышенной заботы, ни гиперопеки по сравнению с другими студентами. Отношение к нему должно быть внимательным, необходимо учитывать врожденные особенности, но при этом внешнее его проявление должно отражать уважение, без дифференциации со всеми остальными студентами, как это и предусматривается гуманистическими принципами современного образования. Вместе с получением профессионального образования лицо с отклонениями в развитии должно осознать свою значимость для общества, должно понять специфику современного рынка труда инвалидов и стать активным субъектом собственного жизненного пути и трудовой деятельности, ответственность которого может ограничиваться лишь рамками, определяемыми психофизическими возможностями здоровья.

Анализ современных подходов к государственному регулированию инклюзивного образования и занятости маломобильных граждан показывает, что наиболее распространенным для достижения целей инклюзивной практики сегодня является социокультурный подход, согласно которому необходимо решать внешние проблемы профессиональной подготовки и трудоустройства инвалидов, обусловленные дискриминационным отношением к ним окружающих, несовершенством законодательства, недоступностью физической среды [3]. Не снижая значимости точки зрения о необходимости создания доступной материально-вещественной среды и нормативно-правового регулирования процесса, заметим, что инклюзивная образовательная практика — это не только пандусы и безбарьерная среда, не только адаптированные программы и специальные методы, это сложный многогранный и многоступенчатый процесс, главным результатом которого, как уже было сказано, является максимально подготовленный к жизни активный субъект собственного жизненного пути и трудовой деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что для повышения эффективности трудоустройства инвалидов необходимо оптимизировать образовательную политику в сфере инклюзивного профессионального образования. Система профессионального образования должна быть нацелена не только на создание доступной среды, но и на подготовку мотивированных на эффективное трудоустройство инвалидов. Эффективность получения профессионального образования лицами с ограниченными возможностями зависит не столько от материально-вещественных условий, сколько от факторов социальной образовательной среды. Важно помнить, что определяется эта эффективность степенью сформированности профессиональных компетенций, важными компонентами которых являются трудовая мотивация, способность к высокомотивированному поиску работы, желание найти свой карьерный путь в жизни. Требуется разработать и реализовать целостную систему мер,

направленных на достижение обозначенных задач. Остается открытым вопрос о минимизации препятствий, с которыми сталкиваются в процессе трудоустройства инвалиды, что обуславливает необходимость дальнейших исследований.

Литература

1. Лесовская М. И., Владимцева Т. М. Подготовленность студентов аграрного университета к инклюзивным коммуникациям // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28539> (дата обращения: 19.02.2020).
2. Ненахова Ю. С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации / Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 96–108.
3. Неустроева А. Б., Гермогенова И. Ю. Проблемы трудоустройства и занятости инвалидов в Республике Саха (Якутия) // Социодинамика. 2018. № 1. С. 21–31.
4. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов : Научная книга, 2006. 260 с.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
6. Михальчик Е. В. Инклюзивное образование. М. : Юрайт, 2019. 177 с.
7. Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М. : Издательство МГУ, 1968. 312 с.
8. Воеводина Е. В., Горина Е. Е. Социальный портрет людей с ограниченными возможностями здоровья в студенческой среде как фактор социальной адаптации к условиям вуза // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 60–65.
9. Выготский Л. С. Основы дефектологии: учебник для вузов. Специальная литература. СПб. : Лань, 2003. 656 с.

УДК 316

**Муртазина А. В.,
Нидергаус Е. О.**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация: социальная активность молодежи — актуальная тема для исследования современного российского общества. Являясь важнейшим ресурсом, молодежь вносит огромный вклад в развитие государства путем выражения общественного мнения и предоставления информации о социально-экономических проблемах как отдельной группы так в целом о субъектах РФ; в формирование человеческого капитала страны путем развития гражданственности, политического знания, личного роста. Но какой действительный уровень социальной активности у молодого поколения, и так ли все оптимистично?

Ключевые слова: молодежь, гражданская ответственность, социальная активность, человеческий капитал, активное избирательное право.

Murtazina A. V.,
Niedergaus E. O.

MODERN RUSSIAN YOUTH: LEVEL OF SOCIAL ACTIVITY DEVELOPMENT

Abstract: social activity of young people is a topical topic for the study of modern Russian society. As an important resource, young people make a huge contribution to the development of the state by expressing public opinion and providing information about the socio-economic problems of a particular group and the development of the subject of the Russian Federation as a whole; in the formation of the country's human capital, through the development of citizenship, political knowledge, and personal growth. But what is the actual level of social activity among the younger generation, and is everything so optimistic?

Keywords: youth, civic responsibility, social activity, human capital, active suffrage.

В настоящее время многих исследователей привлекает такой феномен как социальная активность, под которым понимается заинтересованность и включенность общества в социальные, экономические и политические процессы; стремление к преобразованию социума для улучшения положения общества и личности, соблюдая правовые, социальные, моральные нормы. Социальная активность является важнейшей характеристикой при определении особенностей такой социальной группы как молодежь. Данная социально-демографическая группа имеет ряд специфик, среди которых наряду с возрастом и родом деятельности выделяют и активную жизненную позицию, типы мышления и разного рода принципы. В исследованиях научной группы: А. А. Айвазян, В. Л. Назаров, Е. О. Нидергаус, Д. С. Попов представлен обобщенный «портрет» российской молодежи, который характеризуется следующими особенностями сознания: глобальное мышление, проектное мышление (выполнение конкретных задач, направленных на реализацию поставленной цели), формирование памяти через эмоции (в большинстве своем запоминается лично пережитое и увиденное); а также особенностями ценностных ориентаций: отсутствие устойчивых принципов (происходит изменение жизненных ориентиров, в зависимости от влияния обстоятельств и окружающего социума), развивающаяся необходимость «внутренней» свободы, принятие «других» как норма (уважительное или равнодушное отношение к «другим») [1, С. 9–10].

Современная молодежь имеет ряд особенностей мышления, многообразие как социальных, так и индивидуальных ценностей, которые формируются через общественное взаимодействие. Именно процессы социализации и индивидуализации закладывают характерные черты личности, именно через эти процессы усваиваются социальные и правовые нормы, определяются ценностные ориентации и гражданское правосознание. Отсюда и устанавливается уровень социальной активности и гражданской ответственности. Молодежь как социальная группа является интересным объектом для наблюдения, именно молодые люди являются главной движущей силой социальных и политических изменений, происходящих в стране. Однако, какой процент

готов и желает принимать участие в развитии страны, решении общественных проблем, политических процессах?

В связи с актуальностью этого вопроса научной группой было проведено анкетирование 900 человек в возрасте от 14 до 30-ти лет, целью которого является определение уровня социальной активности населения. При анкетировании, молодым людям было предложено расставить ценностные приоритеты, ответив на вопрос: «Что для Вас самое главное в жизни?». Несмотря на различие в социальном статусе, виде занятости, поле и возрасте, на первое место у большинства респондентов выходит вариант — семья (рис. 1).

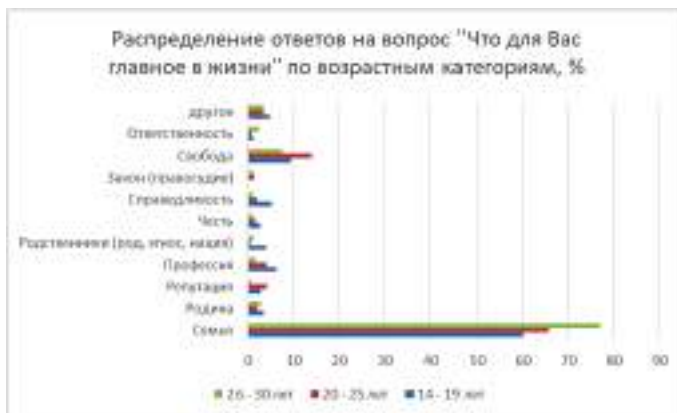

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас главное в жизни?» по возрастным категориям [1, с. 30]

Выбор такого варианта ответа можно было предвидеть, ибо семья — олицетворение традиционных ценностей, главный социальный институт, закладывающий основы развития личности.

На втором месте по популярности оказался вариант, интересный своей многогранностью трактовок, — свобода. Существует множество идей и мыслей, чем обусловлен данный выбор. Недостаточность или отсутствием свободы в стране, и если не так, то как именно молодое поколение понимает термин «свобода» и в чем, по мнению молодежи, она должна проявляться? В первую очередь, свобода граждан — это возможность волеизъявления, возможность делать выбор и излагать свои мысли, участвовать в жизни муниципалитета и страны в целом, однако, при проведении исследования, нацеленного на определение уровня заинтересованности молодежи в реализации своего активного избирательного права, результаты оказались не утешительными (рис. 2).

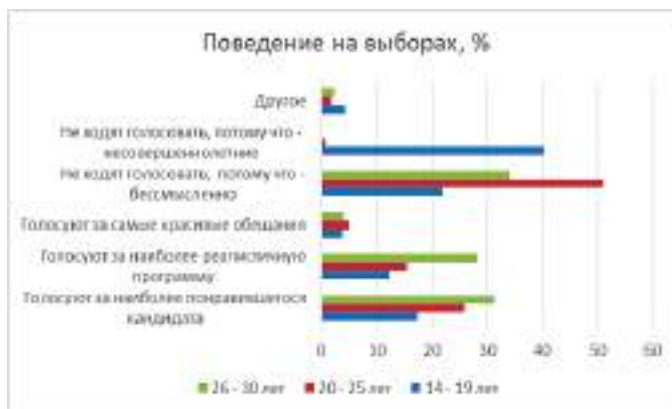

Рис. 2. Распределение вариантов «Поведение на выборах» [1, с. 31]

Большинство респондентов аргументировали свою пассивность участия в выборах тем, что считают это бессмысленным. Анкетированная подгруппа в возрастной категории 20–25 лет, определившая в качестве своей ценности после семьи именно свободу, в большинстве склонна игнорировать один из способов выражения свободы, проявления своей гражданской позиции (51%). Возникают противоречивые выводы о желании молодежи заявлять о себе, и в тоже время о негативном отношении молодого поколения участвовать в развитии и изменениях социума, своего муниципалитета, региона, страны. Так как движущей силой страны является молодое поколение, которое по итогам анкетирования имеет невысокий уровень активности в проявлении своей гражданской ответственности, то возникает вопрос: кто должен, а главное реально действует для решения имеющихся в нашем обществе проблем?

На рис. 3 отображены результаты готовности принимать участие при решении социальных проблем, по итогам которых выявляется нежелание большинства молодежи проявлять гражданскую ответственность. По данным исследования можно сделать вывод о том, что молодое поколение, с одной стороны, не верит в государственную власть, в наличие смысла проявления активного и пассивного избирательных прав, а с другой стороны, не желает самостоятельно участвовать в принятии социально значимых решений и стремится переложить эту ответственность на других субъектов данных социально-политических процессов. Отсюда возникает некий диссонанс: общество негодует по поводу произвола власти, ее чрезмерного вмешательства во все сферы жизнедеятельности общества или же ее бездействия, однако все начинается с граждан (согласно ст. 3 п. 1 Конституции РФ носителем суверените-

та и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ), с их желания проявлять свою социальную активность [2]. Не желая брать на себя гражданскую ответственность, участвовать в социально-политических процессах, молодежь оставляет последнее слово за решением государственной власти.

Кто должен решать проблемы нашего общества?, %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Кто должен решать проблемы общества?» [1, с. 41]

Подводя итоги, необходимо отметить важность участия молодежи в жизни общества. Заинтересованность граждан в решении социально значимых проблем обеспечивает развитие социума, наращивание человеческого капитала, формирует политические знания и компетенции, общую культуру и гражданскую ответственность общества. Однако, результаты социальной активности, приведенные научной группой, плачевны, они являются доказательством слабо развитой активной жизненной позиции молодежи, отсутствия желания проявлять свою гражданскую ответственность. В итоге, такая ситуация может привести к стагнации или деградации молодого поколения, ибо общество и страна в целом не сможет развиваться без главной движущей силы — граждан.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00252.

Литература

1. Аналитический отчет. Патриотическое воспитание молодежи в процессе гражданских инициатив и проектов глобального политического значения. 2017 г. URL: <https://www.рцпв.рф/wp-content/uploads/2018/01/2017-Ajvazyan-A.A.-Analiticheskij-otchet.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
2. Конституция РФ. Справочно-поисковая система Консультант : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.02.2020).

УДК 316.422.4

**Рыбакова М. В.,
Пивоварова М. Б.**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 4.0

Аннотация: на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий меняются основные задачи образования, которыми становятся развитие человеческого потенциала и креативности молодежи.

Ключевые слова: цифровизация, образование, Индустрия 4.0, молодежь, креативность.

**Rybakova M. V.,
Pivovarova M. B.**

THE TRANSFORMATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF INDUSTRY 4.0

Abstract: against the background of rapid development of information and communication technologies, the main tasks of education are changing, which are the development of human potential and creativity of young people.

Keywords: digitalization, education, Industry 4.0, youth, creativity.

Стремительное развитие науки и переход на новый технологический уклад в конце XX и начале XXI века привели к основополагающим изменениям в обществе, связанным с техническими и экономическими преобразованиями. Анализ трансформаций привел к формированию различных концепций общества от постиндустриального (общества риска, общества знаний, сетевого) к новой Индустрии 4.0 [1; 2]. Логическим продолжением развития знаний в различных областях науки и, прежде всего, в информационно-коммуникативной сфере, биотехнологии, робототехнике и искусственного интеллекта становится цифровизация общества во всем мире, во всех сферах жизни и деятельности общества. Созданы новые программы высокотехнологического развития с использованием искусственного интеллекта, экологичной промышленности в Германии, Франции, Италии, а также в группе стран восточной Азии — Корее, Японии, Сингапуре и Китае.

Российское общество должно отвечать на мировые вызовы современности, связанные с динамичным прогрессом в развитии технологий, массовых коммуникаций, инноваций. В России так же принят комплексный план действий Правительства РФ на 2017–2025 гг., важным элементом которого является программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Ее цель — «создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности» [3].

© Рыбакова М. В., Пивоварова М. Б., 2020

Модель традиционного образования осуществляет процесс передачи знаний и контроля их усвоения, а также формирования навыков, способностей и умений. При всей важности технологического роста и достижений экономики, главным становится развитие человеческого потенциала. Именно он, а также знания, способности, ценности, приоритеты человека определяют сегодня характер общественного прогресса, по мнению ведущих исследователей — главнейший ресурс XXI века. Реализация инновационных процессов и рост благосостояния населения невозможны без наращивания человеческого капитала и развития креативности у молодежи, как наиболее гибкой и адаптивной социальной группы. Именно на них ложится наибольшая нагрузка цифровизации общества и овладение новыми навыками, не только профессиональными, но и личностными.

Проведение реформ в сфере образования не должно изменить его роль, как устойчивую платформу социально-культурной жизни общества, и трансформацию основных функций — таких как сохранение и трансляция духовных, научных и культурных ценностей молодому поколению. Но сегодня реформы приводят к усилению роли финансового капитала в изменении структуры и содержания образования. В современном обществе цели образования изменяются: от освоения системы знаний они сводятся к формированию профессиональных компетенций и способности использовать знания для решения различных задач, находить нужную информацию в открытом цифровом пространстве и преобразовывать ее для создания новых знаний и технологий [4]. Задачей высшего образования становится формирование когнитивных и профессиональных компетенций, а также способностей самостоятельно находить, усваивать и применять новую информацию и знания, которые сегодня можно в полном объеме найти в интернет-пространстве.

Рост и скорость использования открытых цифровых источников в молодежной среде негативно влияет на формирование ценностей, норм поведения, приводит к новым социальным рискам, а также не способствует идентификации молодых людей и снижает патриотизм, что в корне противоречит основным задачам высшего образования. Согласно результатам научного проекта Финансового университета при Правительстве РФ «Влияние цифровизации на профессиональную культуру российской молодежи» (2018 г.), большинство молодых людей в России являются активными пользователями цифрового пространства, о чем свидетельствует довольно раннее начало пользования интернет-коммуникациями: 25 % — в 7–10 лет; 45,5 % — в 10–13 лет; 25 % — в возрасте старше 13 лет. При этом большая часть молодых россиян проводит практически треть дня в социальных медиа: 40 % — по 4–8 ч; 34 % — по 1–4 ч; 15 % — по 8–12 ч; 6 % — более 12 ч [5, с. 65]. Если говорить непосредственно об активных пользователях интернет-пространства, то 48 % из них признаются, что слишком много времени тратят, блуждая по просто-

рам открытых источников, а 34 % — используют большую часть времени на социальные сети. Среди молодых россиян в возрасте 18–24 лет 44 % признаются в том, что Интернет и социальные сети отнимают у них достаточно много времени. Эти же респонденты склонны чаще остальных указывать на излишнюю трату времени на использование гаджетов (39 %) [6, с. 149].

Во многих странах идет поиск новых подходов, с помощью которых должны формироваться базовые компетенции и навыки. Большая работа в этом направлении отражена в отчетах следующих организаций: *World Economic Forum* [7], *Center for Curriculum Redesign* [8], *Partnership for 21st Century Skills* [9]. Одной из важных компетенций становится креативность. Ее формирование во многом зависит от качества и уровня образования. Р. Эпштейн в рамках анализа проблем современного обучения рассматривает понятие «креативная компетенция» как готовность адаптивно использовать приобретенные знания, лично расширять концепцию знаний, прилагать усилия для самообразования и самосовершенствования [10]. Сегодня образование, как один из социальных институтов, должно активно формировать креативные способности с помощью методологии, образовательных технологий и организации деятельности. В некоторых государствах уже проводятся полномасштабные реформы, ориентированные на создание полноценного обучения для XXI века. В Европе пионером выступает правительство Финляндии, в Азии — Сингапура.

Качественное образование обеспечивает не только получение новых знаний, способностей и компетенций, но и способствует повышению уровня когнитивных, профессиональных и социальных навыков. Оно призвано гарантировать не только приобретение человеком прочного фундамента уникальных знаний, но и развивать креативное, критическое мышление, эмоциональный интеллект, жесткие и мягкие навыки, необходимые для активной жизнедеятельности личности в новом цифровом пространстве. Образование и научно-образовательные организации, личность преподавателя и его понимание происходящих изменений в мире и собственное критическое мышление играют жизненно важную роль в стимулировании и развитии креативного мышления у молодого поколения, а также генерирования и распространения уникальных знаний для социального, культурного, экологического, политического и экономического развития.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 330–342.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 5.03.2020).

4. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся 2018 г. URL: http://www.centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (дата обращения: 05.03.2020).

5. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Том. 27. № 4. С. 65–69. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>.

6. Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социс. 2015. № 4. С. 148–151.

7. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/>(дата обращения: 05.03.2020).

8. Center for Curriculum Redesign. URL: <https://curriculumredesign.org/>(дата обращения: 5.03.2020).

9. Partnership for 21st Century Skills. URL: <https://ioe.hse.ru/21skills/ks/frameworks> (дата обращения: 05.03.2020).

10. Epstein, R. Generativity theory and creativity//M. A. Runco & R. S. Albert (Eds.), Theories of creativity (Rev. ed.). Cresskill, NJ: Hampton Press, 2005.

УДК 316

**Дуран Т. В.,
Костина Н. Б.**

«ТРЕТЬЯ МИССИЯ» ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКЕ

Аннотация: в статье обосновывается новая миссия федеральных университетов, обусловленная трансформационными процессами как в российском обществе в целом, так и в университетах, в частности. Существенное влияние на функционирование и развитие федеральных университетов оказывают региональный и институциональный контексты. Федеральные университеты представляют собой поле для проведения научных исследований и разработки инновационных технологий, выполняя роль генератора инновационных идей и практик, драйверов экономического роста. Данная функция получила интерпретацию в концепции «третьей миссии» университетов.

Ключевые слова: третья миссия, регион, федеральный университет, стейкхолдеры, практики взаимодействия.

**Duran T. V.,
Kostina N. B.**

«THIRD MISSION» OF FEDERAL UNIVERSITY IN THE REGIONAL AGENDA

Abstract: the article describes the new mission of the federal universities as a result of transformational processes in Russian society in general and universities in particular. Regional and institutional contexts have a significant impact on the functioning and development of federal universities. This function has been interpreted in the concept of the «third mission» of universities.

Keywords: third mission, region, federal university, stakeholders, interaction practices.

© Дуран Т. В., Костина Н. Б., 2020

Процессы трансформации российских университетов связаны с реализацией новой миссии, которая превращает их в ключевые субъекты регионального развития. Эта новая миссия предполагает повышение конкурентоспособного человеческого капитала в федеральных округах посредством инноваций. Концепция создания и развития федеральных университетов четко указывает на то, что их программы должны быть интегрированы в региональные программы развития. Приоритетные направления роста для каждого федерального университета включают в себя один или несколько из пяти национальных приоритетов, провозглашенных Президентом Д. Медведевым на первом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики в июне 2009 года: энергоэффективность, ядерные, космические, медицинские и информационные технологии [1].

Таким образом, роль университета в региональном развитии не ограничивается только подготовкой квалифицированных кадров. Университет является не только образовательным учреждением, обеспечивающим традиционные и новые отрасли промышленности кадрами, но и центром инноваций и исследований. Анализ различных дискурсов свидетельствует о том, что региональные власти способны развитию Уральского федерального университета, поскольку рассматривают его в качестве центрального элемента развития региона. Несмотря на то, что нормативно-правовая база и политическая аргументация были одинаковыми для всех федеральных университетов, существенное влияние на их траекторию роста оказывают региональный и институциональный контексты. Сравнительный анализ целей создания федеральных университетов позволяет выявить определенную связь между социальной функцией университетов и их вкладом в достижения региона. В частности, Уральский федеральный университет был создан для успешных решений задач Уральского региона: он должен содействовать инновационным процессам конкурентоспособности Уральского региона через взаимодействие с промышленными предприятиями [2].

Исторически экономика Уральского региона основывалась на черной и цветной металлургии, военном и промышленном комплексе. Следует отметить, что уровень инноваций Уральского региона, включающий объем инновационного производства, создание малых и средних предприятий был значительно ниже, чем в среднем по стране [1]. Анализ программ развития федеральных университетов показывает, что на них возложена не только задача подготовки кадров для инновационной экономической системы российских регионов, а также генерация фундаментальных и прикладных научных разработок. Таким образом, наряду со своими традиционными миссиями в области образования — производство новых знаний и высококвалифицированных кадров, — федеральные университеты претендуют на новую роль в региональном продвижении. В экономической системе региона федераль-

ным университетам отводится особое место как генераторам идеи и инноваций. Именно эта функция получила развитие в концепции «третьей роли» университетов [3]. Реализация университетами «третьей миссии» предполагает выстраивание взаимодействий с внешними стейкхолдерами, прежде всего с промышленными предприятиями. По мнению *M. Guerrero*, современный университет вносит вклад в экономическое и социальное развитие через триаду миссий — образования, исследований и предпринимательской деятельности [4]. Таким образом, «третья миссия» предполагает расширение социальных функций университетов, его включение в региональную повестку посредством создания и внедрения инноваций и «прорывных» проектов. При выстраивании отношений вузов со стейкхолдерами ключевым вопросом является формирование продуктивных механизмов взаимодействия.

По мнению ректора Уральского федерального университета, вуз — драйвер инновационного роста, который вносит большой вклад в продвижение региона благодаря новым разработкам. В. А. Кокшаров отмечает динамичный характер сотрудничества УрФУ с предприятиями: «формы партнерств университетов с предприятиями совершенствуются, развиваются новые формы, такие как базовые кафедры, совместные лаборатории, программы корпоративного обучения». Для УрФУ взаимодействие с центрами корпоративного обучения — это реальная возможность актуализировать свои программы, приблизить их к потребностям промышленного производства» [5].

Анализ существующих практик взаимодействия университетов со стейкхолдерами (в частности, с региональными предприятиями) показал, что наиболее распространенными практиками сотрудничества являются традиционные формы взаимодействия: именные стипендии, целевое обучение, организация практик на предприятиях, участие работодателей в защитах дипломных проектов выпускников и т. д. Отечественные исследователи характеризуют существующую модель взаимодействия университетов с бизнесом как стихийную, возникающую под влиянием необходимости сближения экономических, политических, культурных интересов университета, власти и бизнеса. Практики взаимодействия университетов с властью и бизнесом не являются частью стратегий развития и не рассматриваются ими как ресурс увеличения социального капитала университета [6, с. 109].

Литература

1. Kastouéva-Jean T., Mechkova T. Université fédérale de l'Oural, une future «Harvard» régionale? Paris : Centre Russie / NEI Ifri, 2011. 342 p.
2. Концепция Уральского федерального университета. URL: https://skolkovo.ru/images/stories/book/SKOLKOVO_-_Concept_of_Urals_Federal_University.pdf (дата обращения: 06.03.2020).
3. Roessler I., Duong S., Hachmeister C.-D. Teaching, Research, and more?! Achievements of universities of applied sciences with regard to society // CHE Working Paper. 2015. № 183.

4. Guerrero M., Cunningham J. A., Urbano D. Economic impact of entrepreneurial universities' activities: An exploratory study of the United Kingdom // *Research Policy*. 2015. Vol. 44. Iss. 3. P. 748–764.

5. Интервью В. Кокшарова информационному агентству «Znak». URL: https://www.znak.com/2015-03-16/urfu_ne_budet_izolirovatsya_kak_rektor_glavnogo_uralskogo_vuza_rytaetsya_sdelat_universitet_mirovogo (дата обращения: 20.03.20).

6. Университет и региональные (городские) сообщества: модели существования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) / В. А. Смирнов, Л. А. Фадеева, К. А. Пунина, С. В. Голубев // *ARS ADMINISTRANDI*. 2013. № 4. С. 102–116.

УДК 316.334

**Селедко М. С.,
Тихонова А. О.,
Каташинских В. С.**

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»)

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы и противоречия, связанные с трудоустройством выпускников вузов по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». Также в статье выделены наиболее приоритетные для студентов навыки и умения, приобретаемые ими в рамках образовательной программы, которые, по их мнению, смогут пригодиться в профессии государственного служащего.

Ключевые слова: трудоустройство, студент, государственное и муниципальное управление, практика.

**Seledko M. S.,
Tikhonova A. O.,
Katashinskih V. S.**

SOME PROBLEMS OF THE EMPLOYMENT OF THE UNIVERSITY GRADUATES (AS EXAMPLE IN THE FIELD OF TRAINING “STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT”)

Abstract: the article describes the problems and contradictions related to employment of University graduates in the field of training “State and municipal management”. Also, the article highlights the most priority for students skills and abilities acquired by them in the framework of the educational program, which, in their opinion, can be useful in the profession of a public servant.

Keywords: employment, student, state and municipal administration, practice.

В современных условиях все более актуальными становятся проблемы трудоустройства выпускников вузов, ведь они напрямую связаны с реализацией их профессионального и личностного потенциала. Молодые специалисты, выходящие на рынок труда после окончания учебных заведений, неизбежно сталкиваются с различными сложностями. Актуальность данной статьи обусловлена растущим числом студентов, а так же сложностями при трудоустройстве по специальности после получения высшего образования. Это связано и с тем, что на современном рынке труда на некоторые специальности существует незначительный спрос (экономисты, юристы, социологи, психологи и т. п.), а на другие, напротив, спрос повышен (технические специальности). Данная проблема носит общегосударственный характер: сначала государство и население вкладывают существенные средства в подготовку соответствующих специалистов, а затем вынуждены тратить немалые деньги еще и на их переобучение [1, с. 1]. Изменения, происходящие в обществе, возложили на вузы большую ответственность за состояние и качество подготовки специалистов. Качество образования в современном понимании определяет состояние и результативность процесса образования, его соответствие потребностям и ожиданиям общества в развитии, формировании гражданских и профессиональных компетенций личности [2, с. 26].

Вместе с тем, набор профессий, по которым ведется подготовка в учебных заведениях, не всегда соответствует потребностям предприятий. Большинство работодателей заинтересованы в том, чтобы найти сотрудников, имеющих опыт работы и практические навыки, которые отсутствуют у специалистов, только что окончивших вуз [3, с. 33]. Безработица молодежи — социально-экономическое явление, при котором трудоспособная молодежь находится в поиске работы и готова приступить к ней, но не может реализовать свое право на труд, тем самым теряет основные средства к существованию [4, с. 10]. В статье представлены результаты студенческого исследования, которое позволило выявить ожидания студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» от их будущей профессиональной деятельности. Исследование проводилось методом онлайн-анкетирования среди студентов Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Выборка составила 174 человека.

Согласно опросу 63% студентов планируют работать по своей специальности после получения диплома. На вопрос, считают ли респонденты получаемую специальность востребованной на рынке труда, 66,5% респондентов ответили утвердительно, но отметили ограниченное число мест для трудоустройства. Также студенты высказали мнение, что выпускники их направления подготовки могут претендовать на заработную плату в размере 25–30 тыс. рублей.

Респонденты выделили ряд трудностей, с которыми, по их мнению, сталкиваются новые работники сферы государственной службы (табл. 1).

Таблица 1

Сложности, возникающие при трудоустройстве, в % от ответивших

Сложности при трудоустройстве, отмеченные в опросе	Курс обучения студентов			
	1	2	3	4
не хватит практических знаний и опыта	65	52	39	35
коррупционность государственных органов	16	20	50	48
в специалистах данного профиля нет потребности	5	10	7	11
прохождение конкурса	10	11	4	2
желание познать другую профессию	4	7	0	4

Первые два года обучения студенты отмечают нехватку практических знаний и опыта, что согласно табл. 1 перестает быть приоритетным выбором для студентов старших курсов. Данная тенденция скорее всего связана с постепенным приобретением студентами опыта работы. Студенты 3 и 4 курса отмечают коррупционность органов власти как наиболее значимую сложность при трудоустройстве будущих специалистов. Действительно, на сегодняшний день достаточно остро стоит вопрос о прецедентах подкупа государственных служащих. Причиной данного явления стал высокий уровень бюрократии, большая численность должностных лиц, а также отсутствие структурированного контроля за деятельностью органов власти.

Проблема молодежной занятости обостряется требованиями работодателей к подготовке специалистов. Сегодня необходимы специалисты нового уровня: они должны быть восприимчивы к инновациям, целеустремлены, коммуникабельны. Выпускники вузов должны быстро и легко адаптироваться к постоянно меняющимся условиям рынка труда, гибко реагировать на непрерывные изменения требований к квалификации и профессиональным знаниям, а также максимально реализовывать свой личностный потенциал [4, с. 11]. Респондентам был задан поливариантный вопрос о возможных характеристиках потенциального работника сферы государственного и муниципального управления, которые помогут ему построить карьеру и продвигаться по службе (рассчитано авторами статьи):

<i>Качества, способствующие карьерному росту</i>	<i>Результаты, % от опрошенных</i>
Трудолюбие	54
Инициативность	30
Активность	45
Правильная постановка целей.....	34
Наличие связей	36

Среди качеств, которые необходимы государственному гражданскому служащему, мы выделили основные, а именно: трудолюбие, активность, инициативность, правильная постановка целей. Данные качества были отобраны нами в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О го-

сударственной гражданской службе Российской Федерации» [5], ведь гражданский служащий должен полноценно соответствовать требованиям к служебному поведению, заявленным в ст. 18 данного закона. Наиболее важное качество, по мнению студентов, которым должен обладать государственный служащий — это трудолюбие и активность.

В современных условиях важное значение для трудоустройства выпускников вузов имеют программы поддержки, ведь многие выпускники испытывают трудности при трудоустройстве. В ряде вузов такие программы существуют, и даже организованы центры трудоустройства выпускников, но на практике деятельность их недостаточно эффективна. Зачастую помощь в трудоустройстве будущим выпускникам оказывают учебная и производственная практики, которые они проходят во время обучения в вузе. Согласно результатам нашего исследования большинство студентов (79,5 %) считают, что практика поможет дать полезный для их будущей профессии опыт.

В рамках нашего исследования респонденты также высказывались о возможных вариантах поддержки выпускников вузов при трудоустройстве. Среди них были названы:

- проведение практики с последующим трудоустройством;
- необходимость предоставления большего объема информации по вопросам, связанным с трудоустройством выпускников после окончания вуза и непосредственно по потенциальным местам службы;
- проведение встреч с потенциальными работодателями;
- предоставление большего разнообразия организаций и учреждений для прохождения практики;
- внедрение системы индивидуального подхода к каждому студенту по вопросам трудоустройства.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования мы можем заключить, что тема трудоустройства выпускников вузов, получивших образование по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», на сегодняшний день является достаточно актуальной, ведь трудоустройство вызывает у выпускников определенные сложности. Согласно полученным данным главное препятствие при трудоустройстве студенты видят в нехватке мест на предполагаемом рабочем месте, а также недостаток опыта и отсутствие информированности о возможности поддержки в трудоустройстве со стороны университета. В настоящее время также существует проблема несменяемости кадров в сфере ГМУ, которая непосредственно влияет на нехватку рабочих мест и ограничение возможностей для трудоустройства. Для выпускников при трудоустройстве актуальной является поддержка со стороны вуза, которая может быть реализована в различных программах, в частности, программе продолжительных

стажировок от университета в органах власти, где потенциальные работники не только получают опыт, который пригодится в будущем, поскольку они перенимают на себя часть ответственности, но и смогут зарекомендовать себя в качестве специалистов.

Литература

1. Чернокутов В. Е. Актуальные проблемы трудоустройства студентов и выпускников вузов // Развитие территорий, 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-trudoustroystva-studentov-i-vypusknikov-vuzov> (дата обращения: 14.01.2020).

2. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высш. образование сегодня. 2003. № 5. С. 26.

3. Бирюкова В. Д., Киселева Д. Ю. Проблемы трудоустройства выпускников после окончания вуза // Молодежная научная весна. Чита, 2017. С. 32–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30001945> (дата обращения: 01.03.2020).

4. Волонина Н. А. Безработица молодежи // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 1 (12). С. 9–14. URL: <http://bgscience.ru/lib/8865/> (дата обращения: 18.02.2020).

5. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (последняя редакция) // справочно-поисковая система Консультант: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 20.01.2020).

УДК 325.1

Франц В. А.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА РОССИЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ УЧАЩИХСЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация: в статье «мягкое влияние» России, в частности, ее системы высшего образования, оценивается в рамках так называемой реалистической парадигмы *soft power*. Данная парадигма предполагает реализацию анализа «мягкого влияния» страны, находящейся в фокусе внимания исследователей, на страны-реципиенты с учетом деятельности и «мягкой силы» ее основных конкурентов в регионе. В связи с этим, используя агрегированную аналитическую модель странового кейс-анализа А. Паталах, автор статьи осуществляет сравнительное исследование «мягкого влияния» России и ее конкурентов в центрально-азиатском регионе.

Ключевые слова: «мягкая сила», *soft power*, Центральная Азия, миграционная привлекательность, образовательная миграция, система высшего образования, межстрановая конкуренция, страновой кейс-анализ.

Frants V. A.

ATTRACTIVENESS OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM FOR STUDENTS FROM CENTRAL ASIA AS AN ELEMENT OF RUSSIA'S «SOFT POWER» IN THE CONTEXT OF A REALISTIC PARADIGM

Abstract: in the article “soft influence” of Russia, in particular its higher education system is evaluated within the framework of the so-called realistic soft power paradigm. This paradigm assumes the implementation of an analysis of the “soft influence” of a country that is in the focus of researchers’ attention on recipient countries, taking into account the activities and soft power of its main competitors in the region. In this regard, using the aggregated analytical model of the country case analysis by A. Patalakh the author of the article makes a comparative study of the “soft influence” of Russia and its competitors in the Central Asian region.

Keywords: soft power, Central Asia, migration attractiveness, educational migration, higher education system, cross-country competition, country case analysis.

Центральная Азия является привлекательным для России в контексте построения ЕАЭС регионом. Наша страна заинтересована в углублении экономических, политических и культурных связей с государствами данного региона, а также в трудовой и образовательной миграции (особенно временной) в Россию их граждан. Можно говорить о том, что страны Центральной Азии обладают высоким миграционным потенциалом, учитывая относительно высокую плотность и «молодость» состава населения, а также особенности социально-экономического развития и специфику взаимодействия с различными государствами. Одним из важнейших источников миграционной привлекательности России для жителей из стран Центральной Азии, мы считаем российскую систему высшего образования. Это доказывает, в частности, тот факт, что доля учащихся из стран данного региона в российских вузах достаточно высока (на 2019 год 3,4% от численности всех учащихся), и является наибольшей (57%) в рамках общего числа иностранных студентов [1, с. 142–143]. При этом, для сравнения, — доля зарегистрированных мигрантов из центрально-азиатских государств, указавших работу в качестве цели визита, составляет порядка 4% в отношении общей численности занятого населения РФ [2, с. 14; 3].

Российская система высшего образования, с нашей точки зрения, оказывает «мягкое» воздействие на мигрантов из стран Центральной Азии, поскольку способствует восприятию иностранными учащимися ценностей и особенностей российской культуры (и наоборот — культуры стран происхождения иностранных студентов россиянами), в конечном счете, обеспечивая культурное сближение граждан России и стран Центральной Азии. Также система высшего образования способна транслировать положительный имидж России, а бывшие студенты, возвращаясь на родину в страны Центральной Азии, зачастую становятся своеобразными «амбассадорами бренда» по отношению к России. Кроме того, привлекательность системы высшего обра-

зования вносит вклад в привлекательность страны в целом для потенциальных мигрантов. И наоборот, — «мягкая сила» государства в целом оказывает влияние на привлекательность российской системы высшего образования. Собирая сведения о зарубежных вузах, абитуриенты, как правило, обращают внимание не только на информацию об учебных программах, но и на информацию о стране, месте расположения вуза и т. п.

В нашем исследовании мы рассматриваем систему высшего образования как элемент «мягкой силы» государства. При этом методологически мы опираемся на классификацию элементов «мягкой силы», сформированную в рамках одного из наиболее популярных в настоящее время рейтингов «мягкой силы» — отчета «*Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power*», ежегодно составляемого агентством «*Portland*» [4, с. 11]. Высшее образование рассматривается данным рейтингом как один из значимых элементов «мягкой силы» государства наряду с другими компонентами, такими как государственное управление, дипломатия, бизнес, инновации, культура, цифровизация, внешняя политика, качество жизни и т. д.

«Мягкую силу» мы трактуем (в духе Дж. Найя) как способность получать желаемое посредством притяжения, а не принуждения или платежей [5, с. 10]. В процессе научного творчества Дж. Найя его взгляды на «мягкую силу» варьировались от понимания данного явления как простой естественной привлекательности страны, неформируемой намеренно органами государственной власти («пассивная мягкая сила»), до ее трактовки как целенаправленной государственной стратегии («активная мягкая сила»). Сам Дж. Най считал эти два подхода скорее взаимодополняющими, нежели противоречащими. Однако, такая двойственность позиции Дж. Найя привела к разделению теории «мягкой силы» на два взаимоотрицающих течения. Среди сторонников концепции «пассивной» природы «мягкой силы» можно назвать Дж. Найт [6], Г. М. Галларотти [7], С. Лукеса [8] и др. Позиции об «активной» природе «мягкой силы» придерживаются Т. Хопф [9], К. Аткинсон [10] и др. Мы придерживаемся позиции Дж. Найя, полагая, что между двумя подходами нет сущностного противоречия.

При этом мы рассматриваем «мягкую силу» России, а также ее системы высшего образования, в контексте реалистической парадигмы «*soft power*», что выходит за рамки классического подхода Дж. Найя. Данная парадигма базируется на постулате о том, что подавляющее большинство государств, особенно глобальные и региональные державы, стремятся улучшить свой международный имидж не сам по себе, а по отношению к имиджу своих конкурентов. Иными словами, они вступают в геополитическое соперничество, пытаясь максимизировать свои сравнительные преимущества. В академическом сообществе данной точки зрения придерживаются Е. Локк [11], У. Вьяс [12], А. Паталах [13] и др. Таким образом, в нашем исследовании мы анализиру-

ем «мягкую силу» России и ее системы высшего образования в Центральной Азии в сравнении с «мягкой силой» стран-конкурентов в данном регионе.

Методологически наше исследование опирается на агрегированную аналитическую модель странового кейс-анализа (*Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research*), разработанную А. Паталахом в контексте реалистической парадигмы «soft power». Данная модель, наряду со странами-конкурентами, включает в себя страну, применяющую «мягкую силу» (the «applicant») и страну-реципиента (the «recipient»). При этом представляющаяся на первый взгляд совершенно естественной идея страны-реципиента очень важна, поскольку ее особенности во многом влияют на выбор страной-актором стратегии и ресурсов «мягкого» влияния. В модели А. Паталаха представлен перечень факторов, влияющих на общее восприятие стратегии «мягкой силы» страной или регионом-реципиентом: этнический, языковой и религиозный состав страны-реципиента, ее политический режим, двусторонние отношения между актором и реципиентом в прошлом, а также другие социальные и культурные факторы. Важное место в этом перечне занимает взаимоотношение элит обоих государств.

При анализе стран-акторов, конкурирующих за влияние в регионе, необходимо обращать внимание на следующие факторы: 1) географическая близость (чем ближе страна-конкурент к реципиенту, тем больший вес должен придаваться фактору при анализе); 2) наличие влиятельной группы, которая поддерживает страну-актора внутри страны-реципиента; 3) наличие ситуации жесткого выбора между несколькими странами-конкурентами [13, с. 100–101].

При определении основных стран-конкурентов в центрально-азиатском регионе мы руководствовались данными Российского совета по международным делам (РСМД) [14]: наиболее высокую активность в центрально-азиатском регионе демонстрируют Китай, Турция, Южная Корея, Япония. Кроме того, активным игроком на рынке образовательных услуг в Центральной Азии в настоящее время является Казахстан. Тот факт, что все центрально-азиатские государства в недавнее время приняли внешнеполитическую концепцию «многовекторного развития», дополнительно повышает уровень конкуренции в данном регионе. Также традиционно активны ЕС и США, однако данный регион не является для них приоритетным и, кроме того, в последние годы влияние этих игроков в Центральной Азии неуклонно снижается. В связи с этим было принято решение не включать их в фокус нашего исследования. При этом, если говорить непосредственно о вузах, на сегодняшний день, согласно данным Центра международных программ (Нур-Султан) и Национального института международного образования (НИИО), доля студентов из стран Центральной Азии в Казахстане, составляет около 43 %, в Турции — 17 % [15, с. 299], в Китае — около 6 % [16] и около 3 % в Южной Корее. Наименьшее число студентов из стран Центральной Азии в Японии — около 0,8 % [17, с. 4].

На текущем этапе исследование осуществлялось, главным образом, путем анализа интернет-ресурсов, в частности, изучения научных и публицистических материалов по тематике политического, экономического, культурного, образовательного взаимодействия государств Центральной Азии с Россией и ее основными странами-конкурентами в данном регионе, а также интернет-сайтов вузов рассматриваемых стран.

По результатам анализа можно утверждать, что Япония отдает предпочтение четко определенным областям сотрудничества и прикладным проектам, направленным на решение проблем региона, не преследуя каких-либо политических целей. Государство делает упор на развитие инфраструктуры и социальной сферы, особенно в сельских районах. Наибольший интерес для Японии представляют Киргизия, Узбекистан, Туркменистан. При этом можно утверждать, что статус Токио (Япония) повысился в последние годы до уровня ключевого стратегического партнера Казахстана, коими до этого были лишь Москва (Россия) и Пекин (Китай). Однако ситуация в сфере высшего образования Японии такова, что страна стабильно сохраняет привлекательность в этом смысле, но не планирует роста активности по увеличению образовательной миграции.

Усиление позиций КНР в центрально-азиатском регионе напрямую связано с перспективами евразийской интеграции, поскольку, как и в случае ЕАЭС, продвигаемые Пекином в рамках Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) интеграционные начинания направлены на экономико-политическое структурирование сопредельного регионального пространства вокруг собственного ядра. Ключевую роль в стратегии Южной Кореи в регионе играет Узбекистан. Также значимое место в центрально-азиатском направлении внешней политики страны занимает Казахстан. Для Китая государства Центральной Азии представляют интерес, главным образом, как поставщики энергоресурсов, рынки сбыта китайских товаров, «транзитные коридоры» для поставок товаров в Европу. Помимо активного формирования лояльности политических элит центрально-азиатских стран, Китай реализует в последние годы масштабную целенаправленную политику привлечения на обучение в китайские вузы молодежи из данного региона. Число студентов из стран Центральной Азии, обучающихся в вузах КНР, растет с каждым годом. Власти Китая в настоящее время рассматривают возможность превращения Синьцзяна в ориентированную на Центральную Азию образовательную зону.

В последние годы Турция несколько «охладела» к региону в пользу более актуальной ближневосточной повестки. Можно наблюдать сужение взаимодействия Турции со странами Центральной Азии в политической сфере, поскольку Турция, несмотря на статус партнера по диалогу в ШОС, практически не сотрудничает со странами региона по ключевому вопросу региональной безопасности — афганскому конфликту. В сфере культуры и об-

разования благоприятствовать взаимодействию будут переход Узбекистана и Туркменистана с кириллицы на латиницу и такая же добровольная языковая ассимиляция, запланированная в Казахстане до 2025 г. Однако и здесь не стоит переоценивать потенциальную активность Турции. Внимание страны в Центральной Азии будет сконцентрировано преимущественно на Казахстане и Туркменистане, где Турция намерена реализовать ряд экономических и энергетических проектов. В Киргизии Турция стремится расширить национальное и культурное влияние через университеты Манас и Ала Тоо.

Таким образом, все перечисленные страны имеют существенное стратегическое и образовательное влияние в регионе, однако, увеличивать данное влияние, помимо России, планируют только Китай, Южная Корея и до определенной степени Турция.

Что касается сферы высшего образования, вузы разных стран оказывают неодинаковое «активное» мягкое влияние на студентов из стран Центральной Азии в качестве отдельной целевой группы. Наиболее характерно использование «мягкой силы» для российских и казахских вузов, в редких случаях — для турецких. Вузы же других стран в большей степени ориентируются на иностранных студентов в целом, не делая акцента на студентах из стран Центральной Азии. Причиной является то, что интерес к Центрально-Азиатскому региону со стороны Южной Кореи и Японии возник относительно недавно, и сближение с данным регионом пока совершаются ими в основном в экономической плоскости.

В настоящий момент существенную роль в неодинаковом использовании разными странами «мягкой силы» системы высшего образования для привлечения образовательных мигрантов из стран Центральной Азии играют следующие причины. Во-первых, разная доступность обучения с точки зрения языка принимающей стороны и готовности поступающих обучаться на нем. В странах Центральной Азии до сих пор наиболее широко доступно и распространено изучение русского языка. В связи с этим обучение в вузах России и Казахстана для многих абитуриентов более предпочтительно, чем обучение в вузах Турции, Китая, Южной Кореи и Японии, где учебный процесс реализуется либо на английском языке, либо на языке принимающей страны. Однако необходимо учитывать тенденцию к изменению ситуации в краткосрочной перспективе, в частности, повышение доступности изучения китайского и английского языков. Во-вторых, международная популярность систем образования и вузов разных стран существенно различается. В частности, среди рассматриваемых вузов японские пользуются высокой популярностью, а казахстанские — низкой. Это также может влиять на интерес ориентированной на интернациональную образовательную мобильность молодежи к обучению в той или другой стране.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00471.

Литература

1. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. М. : Росстат, 2019. 549 с.
2. Труд и занятость в России. 2019: Стат.сб. М. : Росстат, 2019. 135 с.
3. Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь—декабрь 2019 г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (дата обращения: 03.03.20).
4. McClory J. Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power, London: Portland. USC Center on Public Diplomacy. 2019. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (дата обращения: 01.03.20).
5. Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
6. Knight J. Moving from Soft Power to Knowledge Diplomacy // International Higher Education. 2015. № 80. P. 8–9. DOI: 10.6017/ihe.2015.80.6135.
7. Gallarotti G. M. The advent of the prosperous society: The rise of the guardian state and structural change in the world economy // Review of International Political Economy. 2000. № 7 (1). P. 1–52. DOI: 10.1080/096922900347036.
8. Lukes S. Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power. In: Berenskoetter F. & Williams M. J. (eds). Power in World Politics. New York : Routledge, 2007. P. 83–97. DOI: 10.4324/9780203944691.
9. Hopf T. Common-sense constructivism and hegemony in world politics // International Organization. 2013. № 67 (3). P. 317–354. DOI: 10.1017/S0020818313000040.
10. Atkinson C. Does soft power matter? A comparative analysis of student exchange programs 1960–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. № 6 (1). P. 1–22. DOI: 10.1111/j.1743–8594.2009.00099.x.
11. Lock E. Soft power and strategy: developing a “strategic” conception of power. In Parmar, I. and Cox, M., eds. Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives. Abingdon, Oxon: Routledge, 2009. P. 32–50. DOI: 10.4324/9780203856499.
12. Vyas U. Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations. Abingdon, Oxon : Routledge, 2011. DOI: 10.4324/9780203835791.
13. Patalakh A. Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research // CIRR. 2016. № 22 (76). P. 85–112. DOI: 10.1515/cirr-2016–0007.
14. Алексеевкова Е. С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС), 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/> (дата обращения: 10.03.20).
15. Findik L. Y. Is higher education internationalizing in Turkey // European Scientific Journal. 2016. № 13 (12). P. 295–305. DOI: 10.19044/esj.2016.v12n13p295.
16. China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, The National Bureau of Statistics, 2018. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> (дата обращения: 02.03.20).
17. Internationalization of Higher Education and Student Mobility in Japan and Asia / K. Kuroda, M. Sugimura, Y. Kitamura, S. Asada. UNESCO, Global Education Monitoring Report, Japan International Cooperation Agency. 2018. URL: https://www.jica.go.jp/jica-ri/publication/other/175nbg000010mg5u-att/Background_Kuroda.pdf (дата обращения: 10.03.20).

УДК 316.35

**Яковлева А. А.,
Нидергаус Е. О.**

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: цель статьи — анализ влияния информационных технологий в процессе обучения студентов высшей школы на формирование сознания современной молодежи. Статья подготовлена по результатам социологического исследования ценностных ориентаций молодежи Свердловской области, проводимого по заказу Департамента молодежной политики Свердловской области. Анализ показал, что широкое внедрение использования информационных технологий в подготовке в высшей школе необходимо совмещать с обучением обработке и поиску данных в информационном пространстве обучавшегося.

Ключевые слова: высшая школа, информационные технологии, особенности сознания, цифровая образовательная среда.

**Yakovleva A. A.,
Niederhaus E. O.**

INFLUENCE OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF FEATURES OF CONSCIOUSNESS OF MODERN YOUTH

Abstract: the purpose of the article is to analyze the influence of information technologies in the process of teaching high school students on the formation of the consciousness of modern youth. The article is based on the results of a sociological study of the value orientations of young people in the Sverdlovsk region, commissioned by the Department of youth policy of the Sverdlovsk region. Results: the widespread use of information technology in higher education should be combined with training in processing and searching data in the information space of the student.

Keywords: higher school, information technology, features of consciousness, digital educational environment.

Информационные технологии внедряются во все сферы нашей жизни. Сфера образования, как важнейший элемент деятельности, развития человека и обмена информацией также постепенно включается в процесс цифровизации. Это является актуальным в связи с имеющимися исследованиями, анализами и дискуссиями, которые подтверждают как положительные, так и негативные аспекты внедрения информационных технологий в процесс обучения студентов высшей школы. Национальный проект «Образование», утвержденный решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года, обеспечивает выполнение следующих целей: «вхождение Российской Федерации в число 10-ти ведущих стран мира по качеству общего образования и воспитание гармонично развитой и социально ответственной

© Яковлева А. А., Нидергаус Е. О., 2020

личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [1]. В рамках национального проекта «Образование» одним из ключевых является федеральный проект «Цифровая образовательная среда». Задачи, включенные в его перечень, подразумевают «создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней» [2].

«Цифровая образовательная среда — подсистема социокультурной среды, совокупность специально организованных педагогических условий развития личности, при которой инфраструктурный, содержательно-методический и коммуникационно-организационный компоненты функционируют на основе цифровых технологий» [3]. Стремительный рост объема информации расширяет систему информационных технологий, появляются новые методы сбора, хранения и передачи информации. Поэтому можно утверждать, что традиционная система образования в высших учебных заведениях уже не может обеспечить в полном объеме качественную подготовку специалистов без использования современных информационных образовательных технологий. Мы считаем, что необходимо рассматривать информационные технологии в обучении как еще один инструмент коммуникации.

Цифровизация как процесс подразумевает переход от использования рукописных данных в электронную форму; процесс внедрения IT-технологий в различные аспекты деятельности. Так, А. Марей рассматривает цифровизацию как изменение парадигмы мышления, общения и взаимодействия с друг другом и со средой. Современные студенты высшей школы воспринимают в использовании на лекционных и семинарских занятиях мультимедийные средства как неотъемлемую часть учебного процесса.

Рассматривая информационные ресурсы Уральского федерального университета, можем отметить ключевые формы: это независимый тестовый контроль — сдача экзаменов и зачетов — осуществляемый через Интернет, онлайн-курсы — изучение и сдача контрольных точек на дому — платформа портала университета. Все это имеет свои плюсы и минусы как для студентов, так и для преподавательского состава. Необходимость перехода на цифровые данные, удобство использования, электронное дистанционное обучение, но имеющиеся технические недостатки, упрощение системы сдачи контрольных единиц даже без подготовки и нежелание преподавательского состава использовать такие данные обуславливает противоречивое положение внедрения цифровизации в сферу образования.

Трансформация способов общения молодежи, получение новой информации требует изучения и рационального использования электронных данных и различных форм информационных технологий в процессе обучения, чтобы обеспечить их полезное использование. Используя обобщенный пор-

треть современной российской молодежи, который является результатом анализа многочисленных современных социологических, политологических, психологических исследований, рассмотрим, как внедрение информационных технологий в процесс обучения и деятельность студентов высшей школы влияет на определенные аспекты их сознания [4].

Первая рассматриваемая особенность сознания — *глобальное мышление*. Информация, поступающая в огромном количестве через сеть Интернет не обрабатывается и не ограничивается, создавая у студентов свои, различные представления о окружающем пространстве. Отметим, в сфере образования на всех уровнях поток информации в Интернете способствует как быстрому нахождению необходимой информации для подготовки, например, электронные книги, статистические данные, но так же содержит и множество не проверенной, не корректной и часто ошибочной информации различных сайтов, которая, по мнению обучающегося, упрощает ему подготовку. Данный факт влияет на формирование нежелания и неумения обучающихся работать с информацией и ее поиском, переработкой и сортировкой.

Проектное мышление. Способность студента в короткие сроки выполнять задачи, основанные на практике, ориентированные на результат, положительно сказывается на формировании таких качеств как гибкость и быстрота действий. Проектное мышление заставляет студента комплексно подходить к проработке и решению определенных проблем, целенаправленно двигаться к решению. На базе Уральского федерального университета в процесс подготовки студентов включено проектное обучение, помогающее на практике развивать необходимые компетенции, знакомиться с профессиональной деятельностью через реализацию проектов, приобретать новые практические навыки. В данной области информационные технологии помогают студентам построить диалог с внешними заказчиками проектов, с участниками социальных и образовательных проектов, находящихся вне поля учебного заведения. Использование информационных технологий в этой сфере, на наш взгляд, положительно сказывается на результате и деятельности студентов, открывает возможности быстрого поиска партнеров и необходимой информации для решения задач.

Формирование памяти через эмоции. В данной области информационные технологии, а именно мультимедийные формы: электронные презентации, видеоролики и прочее, играют ключевую роль в передаче информации. Сознание современного студента высшей школы построено так, что информация переходит в долговременную память через то, что «чувственно переживается или визуализируется» [4]. Отсюда вытекает проблема неумения современной молодежи воспринимать информацию и понимать ее в полном объеме только лишь через речь преподавателя. Сейчас наличие электронной презентации становится обязательным и желательным условием лекционного занятия; доклады и сообщения студентов в электронной форме переш-

ли в постоянство. Существует также следующее противоречие: возможность использования различных визуализирующих форм помогает наглядно передать материал, показать и объяснить «на деле». В статье «Информационные технологии в высшем профессиональном образовании: проблемы и перспективы» Л. С. Лабуз, Л. Н. Мазаева на этот счет приводят следующие рекомендации: оптимальное обучение происходит только том случае, когда вербальный и визуальный ряд предоставляются синхронно [5, с. 1–2]. На наш взгляд, главной задачей преподавателей остается качественное создание мультимедийного обеспечения, которое будет только фрагментарно дополнять основную информацию лекции, а не заменять ее в полной мере. Важно в данном моменте тщательно подходить к подготовке материала и его используемому количеству как на лекционных, так и на семинарских, практических занятиях.

Рассмотрим некоторые особенности поведения. Так виртуальное пространство студентов стало обыденностью, ведь большую часть времени молодежь проводит в гаджетах. С помощью электронных устройств она общается, обучается, развлекается. Как отмечено в статье Е. В. Кузнецовой, Т. М. Резер, современный студент обладает клиповым мышлением, основанным на восприятии коротких образов (клипов), которые оказывают воздействие, в первую очередь, на эмоциональную и иррациональную составляющую личности и не способствуют формированию долгосрочных выводов и аналитических заключений [6, с. 368]. В связи с этим важно уметь отбирать информацию, чтобы защитить мозг от перезагрузки. На наш взгляд, в настоящее время необходимо со школьных лет обучать детей работе в информационном пространстве сети Интернет для более эффективного его использования в дальнейшем обучении, ведь способность обучающегося работать с виртуальным пространством помогает быстро обрабатывать поступающие данные, оперативно принимать решения, одновременно выполнять различные задачи и работать с различными источниками информации.

Мы проанализировали использование информационных технологий в подготовке в высшей школе и рассмотрели их влияние на формирование особенностей сознания современной молодежи. Широкое внедрение информационных технологий ведет к изменениям в образовательном процессе. С одной стороны, это способствует развитию познавательных способностей студентов, появлению больших возможностей изучения дополнительных материалов, дает возможность самостоятельно обучаться и развиваться в удобное время. С другой стороны, у студентов недостаточны развиты навыки обработки данных и умение работать с информацией. Отсутствует навык выборочно смотреть на материал, использовать только необходимые интернет-ресурсы в процессе подготовки и не использовать непроверенные данные. Внедрение информационных технологий в образовательный процесс увеличивает самостоятельную подготовку учащихся, полностью перекладывая ответственность

за усвоение информации на самого студента, к чему не готовы все студенты. Это доказывает опрос, проведенный среди студентов Уральского федерального университета по направлению подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление». Студенты отметили, что отсутствие прямого контакта с преподавателем, возможности вживую во время лекции, семинара задать вопрос усложняет восприятие информации, а тестовая система оценивания через сеть Интернет упрощает прохождение экзамена. При этом, по мнению большинства студентов, тестовая система не способна объективно оценить знания, полученные ими с помощью онлайн-курсов [7, с. 694].

Итак, информационные технологии обеспечивают быструю доступность любой информации, но не всегда обеспечивают ее усвояемость и качество восприятия. Широкое внедрение использования информационных технологий в подготовке в высшей школе необходимо совмещать с обучением обработки и поиску данных в информационном пространстве обучающегося еще в школе. Использование информационных технологий должно быть разумным, облегчающим и дополняющим процесс обучения и доступа к информации, но не полностью заменяющим ключевые формы общения студента и преподавателя.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00252.

Литература

1. Национальный проект «Образование». URL: <http://static.government.ru/media/files/YumshgCpXWEMsqRmMTxDs0wjiGzY30hs.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
2. Сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 01.02.2020).
3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 17 апреля 2019 № 179 «Об утверждении методик расчета целевых показатели федеральных проектов национального проекта «Образование». URL: <https://www.gks.ru/metod/fed-proekt/met090401.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
4. Аналитический отчет. Патриотическое воспитание молодежи в процессе гражданских инициатив и проектов глобального политического значения. 2017 г. URL: <https://www.rцпв.рф/wp-content/uploads/2018/01/2017-Ajvazyan-A. A. -Analiticheskij-otchet.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
5. Лабуз Л. С., Мазаева Л. Н. Информационные технологии в высшем профессиональном образовании: проблемы и перспективы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 37. С. 90–95. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56791.htm/> (дата обращения: 01.02.2020).
6. Кузнецова Е. В., Резер Т. М. Клиповое мышление как фактор изменения образовательных технологий в высшей школе. 2018. С. 367–370. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35322072> (дата обращения: 01.02.2020).
7. Яковлева А. А., Резер Т. М. Использование информационных технологий в профессиональной подготовке студентов по направлению «Государственное и муниципальное управление». 2019. С. 691–697. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37574551> (дата обращения: 01.02.2020).

Секция 7. Национальный проект «Демография»: Вызовы, стратегии, перспективы реализации

УДК 31:331.5-053.88

**Николенко Н. А.,
Ситникова Я. И.**

ПРЕДПЕНСИОНЕРЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ О ВЛИЯНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: в статье обращается внимание на социальные риски, связанные с принятием пенсионной реформы 2018 г., и возможности их нивелирования посредством реализации Национальных проектов. Представлены качественные характеристики трудовых ресурсов на региональном рынке труда, динамика потребностей региона в видах профессиональной деятельности. На основе анализа положения предпенсионеров на современном рынке труда, предоставляемых Национальными проектами мер социальной защиты, и потребностей региона предпринята попытка обнаружения согласования интересов субъектов макро-, мезо- и микроуровней.

Ключевые слова: национальные проекты, региональный рынок труда, предпенсионеры, пенсионная реформа, трудовые ресурсы, профессиональное обучение предпенсионеров, востребованность профессий.

**Nikolenko N. A.,
Sitnikova Y. I.**

PRE-RETIRES IN THE REGIONAL LABOR MARKET: SOCIAL SKETCHES ABOUT THE IMPACT OF NATIONAL PROJECTS

Abstract: the article draws attention to the social risks associated with the adoption of the pension reform in 2018, and the possibility of leveling them through the implementation of National projects. The article presents qualitative characteristics of labor resources in the regional labor market, the dynamics of the region's needs in professional activities. Based on the analysis of the position of pre-retirees in the modern labor market, provided by National projects of social protection measures, and the needs of the region, an attempt is made to find a reconciliation of the interests of subjects of the macro -, meso — and micro-levels.

Keywords: national projects, regional labor market, pre-retirees, pension reform, labor resources, professional training of pre-retirees, demand for professions.

Принятие пенсионной реформы в 2018 г., вызванной экономическими и демографическими причинами, в разной степени затронуло практически все население страны. Увеличение пенсионного возраста «вывело» из приват-

ной семейной сферы потенциальных бабушек и дедушек, способных принять участие в воспитании внуков, освободить своих детей от бытовых проблем, предоставив им возможность профессионального становления, представителей молодежи (выпускников учебных заведений), людей среднего возраста и, как отмечено выше, самих предпенсионеров. Столкновение интересов этих групп на рынке труда может привести к возникновению социальных рисков: безработице, созданию конфликтных ситуаций, возникновению новой социальной группы риска «предпенсионеры», нуждающейся в государственной социальной поддержке в силу возраста, здоровья, уровня образования и невозможности по этим причинам проявить себя в качестве «сильных» конкурентов на рынке труда.

В целях предотвращения указанных социальных рисков (безработицы молодежи, предпенсионеров) Правительством Российской Федерации был принят ряд мер по их профилактике в виде реализации Национальных проектов: разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение», направленных на улучшение здоровья, повышение качества и уровня жизни населения. В то же время необходимо отметить, что ряд ученых придерживается позиции, согласно которой опасения со стороны субъектов различных уровней, связанные с появлением конфликтных ситуаций на рынке труда в среде молодежи и предпенсионеров, представляют собой так называемый «квазиконфликт», когда объекта конфликта не существует (по мнению исследователей, «молодежь» и «предпенсионеры» занимают различные статусные позиции на рынке и продление трудоспособного возраста не повлияет на появление «молодежной безработицы»), но конфликт возникает [1].

Вторым аргументом в пользу «излишнего внимания» населения к социальным рискам, связанным с принятием пенсионной реформы, является мнение, что возрастная дискриминация («эйджизм») [2], профессиональная сегрегация на российском рынке труда (когда большинство представленных вакансий имеют определенные ограничения по возрасту и, следовательно, потенциальным сотрудником не сможет быть «предпенсионер»; закрепление в общественном сознании определенных профессий по гендерному признаку) существовала еще в СССР. Поэтому часть исследователей считает, что процессы, происходящие в настоящее время, «нормальные», «привычные» в системе трудовых отношений и не могут быть связаны с рядом мероприятий, проводимых в рамках «нашумевшей» пенсионной реформы [3]. Проведенные социологические опросы среди работодателей подтверждают, что для них [работодателей] основными факторами выбора кандидатуры для приема на работу являются все не возраст, уровень квалификации, имеющиеся знания и навыки, а прежде всего, «субъективные» факторы («свои взгляды», «предубеждения» и др.) [4]. Еще одним аргументом сторонников «пенсионной ре-

формы) является возможность принятия успешного опыта зарубежных стран по выстраиванию системы пенсионного обеспечения (США, Германия, Великобритания, Франция, Швеция, Норвегия и др.), в которых одним из значимых аспектов повышения пенсионного возраста является возрастающее «старение населения», в результате чего возникает диспропорция между количеством работающих и пенсионеров [1; 5]. Кроме того, ряд мероприятий, проводимых в рамках пенсионной реформы, позволит, по мнению ученых, уменьшить приток иностранной рабочей силы, а знания, опыт, профессиональные навыки «предпенсионеров» будут востребованными на рынке труда в условиях цифровой экономики [6].

В представленных выше позиции ученых, безусловно, присутствует логика, и аргументы не лишены рационального основания. Но несмотря на это, предпенсионеры все же относятся к группе риска. Число безработных среди предпенсионеров на российском рынке труда с каждым годом возрастает [7]. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. этот показатель вырос на 10%. А по прогнозам в текущем 2020 г. число безработных предпенсионеров возрастет в 1,6 раза [8]. Наряду с этим, авторы данной статьи предполагают, что в современных социально-экономических условиях возникнут и в полной мере проявят себя новые социальные феномены: «предпенсионная безработица» [2], рост рабочей силы будет опережать рост рабочих мест, «серебряная экономика» [9], возможности человека в период времени, называемым «старение» будет прямо зависеть от ситуации на рынке труда и др.

Рынок труда, как «сфера формирования спроса и предложения рабочей силы, трудовых услуг» является тем экономическим пространством, в рамках которого цена на рабочую силу непосредственным образом влияет на уровень занятости в экономике, ее состояние, развитие и, в конечном итоге, на благосостояние граждан [10]. Поэтому изучение процессов, происходящих на рынке труда, является важной научно-практической задачей. Характеристика волгоградского рынка труда (трудоустройства), схожа со спецификой в других «периферийных» регионах. Одной из тенденций, сохранившейся в настоящее время, является диспропорция в сфере распределения трудовых ресурсов. За период с 2017 по 2019 гг. доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения Волгоградской области сократилась с 55,9% в 2017 году до 54,9% на начало 2019 года (данные приведены в табл. 1). При этом наблюдалось увеличение доли населения в возрасте старше трудоспособного возраста (с 26,9% в 2017 году до 28% на начало 2019 года), и незначительное увеличение доли населения в возрасте моложе трудоспособного (с 17,08% в 2017 году до 17,24% на начало 2019 г.) [11].

Особую обеспокоенность представляет массовый миграционный отток молодежи из региона. По данным Волгоградстата с 2017 по 2019 гг. из региона выбыли 41 723 тысячи человек (данные представлены в табл. 1), при этом уве-

личилась численность лиц пенсионного возраста, составившая 27,9% от общей численности населения (данные представлены в табл. 2).

Таблица 1

Распределение численности молодежи в Волгоградской области*

Возраст (лет)	Количество, чел.	Год
20–29 (мужчины и женщины)	340 356	2017
	318 585	2018
	298 633	2019
– 41 723 чел.		

* Показатели рассчитаны авторами данной статьи с применением официальной статистики Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области [12].

Таблица 2

Распределение численности лиц старше трудоспособного возраста в Волгоградской области*

Год	Мужчины 60 лет и старше, (чел.)	Женщины 55 лет и старше, (чел.)
2017	205 499	477 382
2018	209 965	481 060
2019	214 223	484 184
ИТОГО	+8 724 чел.	+6 802 чел.

* Показатели рассчитаны авторами данной статьи с применением официальной статистики Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области [12].

При изучении динамики потребностей региона в видах профессиональной деятельности на регистрируемом рынке труда Волгоградской области необходимо отметить, что перечень приоритетных профессий, предлагаемых в рамках переобучения/переквалификации, частично соответствует спросу профессий на рынке труда. К примеру, в анализируемом периоде с 2017 по 2019 гг. в качестве востребованных среди рабочих профессий остаются: подсобный рабочий, овощевод, уборщик, дворник, грузчик, кухонный рабочий, специалист по маникюру. Среди специалистов за этот же период — инспектор, воспитатель, мастер, администратор, преподаватель [13]. Некоторые из этих профессий требуют специальной подготовки. Несмотря на проводимые меры по реализации Национальных проектов, способствующих развитию инновационных социальных технологий, повышению качества жизни населения, конкурентоспособности на рынке труда, необходима корректировка в перечне профессий по переобучению предпенсионеров и расширение программ государственной поддержки.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340005.

Литература

1. Альбьева Т. С. Особенности пенсионного обеспечения зарубежных стран // Символ науки. 2017. № 4. С. 21–24.
2. Клепикова Е. А., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 1. С. 69–88.
3. Змязк С. С. Дискриминационные аспекты функционирования российского рынка труда // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2012. № 1. С. 1–9.
4. Опрос: в неприятии пенсионной реформы едины все граждане России // Центр независимой общественной экспертизы АКЦИО. URL: <https://regnum.ru/news/society/2806211.html> (дата обращения: 01.03.2020).
5. Бадараев Д. Ж. К проблеме трудоустройства лиц пенсионного и предпенсионного возраста // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № 5. С. 235–243.
6. Садкова И. В. Особенности трудоустройства людей предпенсионного возраста // Human Progress. 2019. Том 5. № 2. С. 1–9.
7. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Максимова М. М. Рынок труда: риски исключения из социально-трудовых отношений различных поколений в стареющем обществе // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 5 (151). С. 185–292.
8. Информация о рынке труда в Российской Федерации // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: сайт. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/inform/1> (дата обращения: 03.03.2020).
9. Коломиец П. Н. «Серебряная экономика»: новый подход к проблеме старения // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. № 1. С. 90–101.
10. Рынок труда. Спрос и предложение на рынке труда. Рынок труда в России // Информационный портал «Аньюс». URL: <https://www.anews.com/p/113363628-gynok-truda-spros-i-predlozhenie-na-gynke-truda-gynok-truda-v-rossii/> (дата обращения: 03.03.2020).
11. Постановление Губернатора Волгоградской области от 10.08.2017 № 502 (ред. 04.02.2020) «Об утверждении Концепции развития трудовых ресурсов Волгоградской области на 2017–2025 годы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/450294906/> (дата обращения: 03.03.2020).
12. Распределение численности населения Волгоградской области по полу и возрастным группам // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. URL: http://volgastat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 02.03.2020).
13. Приказ комитета по труду и занятости населения Волгоградской области от 28.02.2019 № 72 «Об утверждении Перечня приоритетных профессий (специальностей) для профессионального обучения и дополнительного профессионального обра-

зования женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, незанятых пенсионеров, которым в соответствии с законодательством Российской Федерации назначена страховая пенсия по старости и которые стремятся возобновить трудовую деятельность, работников предприятий, находящихся под риском увольнения, в целях поддержки занятости и повышения эффективности рынка труда в рамках федерального проекта «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», лиц предпенсионного возраста в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». URL: https://czn34.volgograd.ru/images/doc/Prikazi/9099/28.02.2019_72.pdf/(дата обращения: 03.03.2020).

УДК 331.103

Бледнова Н. Д.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВМЕЩЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ

Аннотация: в статье раскрываются подходы к изучению вопросов совмещения профессионального и родительского труда работников с детьми. Автор делает вывод о необходимости проведения комплексного исследования проблемы с целью выработки мер поддержки занятости лиц с семейными обязанностями.

Ключевые слова: родительский труд, профессиональный труд, работники с семейными обязанностями, дискриминация работников с детьми, совмещение семьи и работы.

Blednova N. D.

MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF COMBINING PROFESSIONAL AND PARENTAL WORK PERSONS WITH FAMILY RESPONSIBILITIES

Abstract: the article reveals approaches to the study of combining professional and parental labor of workers with children. The author concludes that a comprehensive study of the problem is necessary in order to develop measures to support the employment of people with family responsibilities.

Keywords: parental labor, professional labor, workers with family responsibilities, discrimination of workers with children, family and work combination.

В последние десятилетия в российском обществе, как и во всем мире, наблюдается существенная трансформация жизненных ценностей. Фокус внимания постепенно смещается в сторону профессиональной самореализации и получения прибыли. Современные исследователи говорят о кризисе семьи и прогнозируют стабильное снижение уровня рождаемости [1]. Государство,

заинтересованное в повышении численности населения, разработало национальный проект «Демография», однако прогнозы его реализации не всегда оптимистичны. Согласно данным Росстата, число родившихся в 2018 году составило 1,6 млн детей, что ниже, чем в 2017 и 2016 годах на 90 и 280 тыс. соответственно [2].

В условиях современного рынка труда молодые люди отдают предпочтение карьере, нежели созданию семьи и рождению детей. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие эффективных мер поддержки работников с детьми на рынке труда, которые осуществляют свою деятельность в рамках двойной занятости. Зачастую работодатели не заинтересованы в таких сотрудниках, поскольку считают, что наличие ребенка может препятствовать эффективному выполнению работником своих обязанностей. В результате соискатели с детьми испытывают трудности уже на стадии трудоустройства. Даже работающие сотрудники сталкиваются с проблемами во время осуществления своей профессиональной деятельности, поскольку установленные требования не позволяют им оптимально сочетать свои родительские и профессиональные обязанности ввиду строгого режима труда в организации, отсутствия неработающих родственников, которые могут помочь с ребенком, и пр.

Очевидно, что в данной ситуации работников с детьми необходимо рассматривать как субъектов двух видов занятости: профессионального и родительского труда. Под родительским трудом мы понимаем сознательную, целесообразную деятельность субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности [3, с. 6]. Родительский труд представляет собой длительный процесс, который продолжается в течение всего периода взросления ребенка. Как правило, в это время профессиональная деятельность родителя не прекращается. Напротив, его трудовая нагрузка увеличивается, поскольку к рабочим обязанностям после рождения ребенка добавляются обязанности по воспитанию и уходу за ребенком. Проблема исследования взаимодействия профессионального и родительского труда лиц с семейными обязанностями, решение которой позволит выявить эффективные механизмы, способствующие оптимальному совмещению двух видов занятости без ущерба одному из них, остается актуальной.

С целью анализа вышеописанной проблемы необходимо проведение количественных и качественных эмпирических исследований. Кроме того, для всестороннего изучения вопроса целесообразно рассматривать проблему с точки зрения каждой из сторон трудовых отношений. На наш взгляд, возможным представляется использование здесь следующих методов научного исследования:

1) анкетный опрос работников с детьми для того, чтобы выяснить, с какими трудностями сталкиваются лица с семейными обязанностями при совмещении двух видов занятости;

2) глубинное интервью с работодателями организаций с целью выявления условий, создаваемых нанимающей стороной для поддержки работающих родителей;

3) контент-анализ коллективных договоров организаций.

Рассмотрим методические основы каждого из перечисленных методов.

1. Анкетный опрос работников организаций. При разработке инструментария для проведения опроса работников, на наш взгляд, особое внимание следует уделить рассмотрению вопросов организации труда сотрудников с детьми и его стимулирования. Изучение этих параметров может осуществляться через оценку режима труда, через представления об оптимальном рабочем графике и приемлемой продолжительности рабочего дня. Кроме того, элементы организации труда могут быть рассмотрены через оценку условий труда на рабочем месте, оценку времени отдыха, в т. ч. продолжительности отпусков по беременности и родам и отпусков по уходу за ребенком. В качестве одного из индикаторов организации труда также возможно использовать мнение о необходимости внедрения так называемых «отцовских» отпусков, которые позволят родителям в равной степени осуществлять уход за маленьким ребенком. Стимулирующие факторы, в свою очередь, могут быть рассмотрены через изучение мнений о существующих мерах поддержки работников с детьми и представлений об эффективности предоставляемых пособий.

Помимо этого, следует учитывать влияние дискриминационных факторов, ведь лица с семейными обязанностями могут подвергаться дискриминации на рынке труда по причине наличия детей. Признаки дискриминации могут проявляться как на стадии трудоустройства кандидата (при отправке резюме на соискание вакантной должности или при непосредственном собеседовании с потенциальным работодателем), так и во время исполнения им своих служебных обязанностей (при начислении заработной платы, организации труда и пр.). В данном случае изучение дискриминационных факторов представляется возможным через такие индикаторы, как опыт ущемления прав на рынке труда, опыт трудоустройства в организацию при наличии детей, а также оценку уровня взаимоотношений с руководством компании и коллегами по работе.

К социально-демографическим индикаторам в исследовании проблемы совмещения профессионального и родительского труда, на наш взгляд, помимо традиционных, необходимо отнести количество детей работника и их возраст, поскольку именно возраст детей определяет стадию родительского труда и степень интенсивности реализации родительских функций, что, в свою очередь, может влиять на осуществление профессиональных обязан-

ностей работника. Одним из индикаторов также может стать наличие родителей пенсионного возраста (бабушек и дедушек), которые часто оказывают помощь в уходе за ребенком в случае занятости его родителей.

Наконец, необходимо учесть такой индикатор, как репродуктивные планы работников, который поможет понять, влияет ли профессиональная деятельность на принятие решения о рождении ребенка, и если да, то в какой степени. Репродуктивные планы работников могут быть изучены через оценку вероятности рождения ребенка при наличии работы, взгляды на продвижение по карьерной лестнице при наличии детей и представление об оптимальном количестве детей в случае занятости родителей на рынке труда. Кроме того, следует оценить уровень доходов, поскольку материальная обеспеченность работника может влиять на готовность к родительству и рождению второго и последующих детей.

2. Глубинное интервью с работодателями. При изучении вопроса совмещения профессионального и родительского труда лиц с семейными обязанностями с точки зрения работодателей также следует учесть дискриминационные факторы, организацию и стимулирование труда. Дискриминационные индикаторы можно изучить через представления работодателей о работниках с детьми — их эффективности и результативности, оценки взаимоотношений работодателя с работающими родителями. Помимо этого, необходимо обратить внимание на представления об оптимальной оплате труда лиц с семейными обязанностями, а также на опыт принятия на работу кандидатов с детьми.

Организацию и стимулирование труда, в свою очередь, можно изучить с помощью оценки существующих мер поддержки в отношении работников с детьми и представлений о необходимости введения новых механизмов их стимулирования. При взаимодействии с сотрудниками особую важность имеет степень лояльности руководителя, поскольку именно этот аспект позволяет работникам выстраивать свою деятельность таким образом, чтобы сочетать два вида занятости. Готовность руководителя идти на компромисс дает возможность работнику отлучаться с рабочего места в случае неотложных семейных обстоятельств (например, при сопровождении ребенка в больницу) или выстраивать свой рабочий график так, чтобы успевать забрать ребенка из школы или детского сада. Поэтому одним из параметров можно считать мнение о лояльности по отношению к сотрудникам с детьми. Также особенно важно обратить внимание на оценку готовности работодателя принимать установленные государством нововведения в отношении занятости работников с детьми и внедрять эти изменения в своей организации, таким образом участвуя в решении проблемы.

3. Контент-анализ коллективных договоров организаций. Перечисленные индикаторы могут использоваться и при проведении контент-анализа коллективных договоров организаций, в которых также могут быть выявлен-

ны характеристики таких элементов системы стимулирования и организации труда работников с детьми, как режим работы и отдыха, гарантии при осуществлении трудовой деятельности и существующие меры материального и нематериального стимулирования.

3. Таким образом, в условиях сложившейся демографической ситуации и конкурентного рынка труда проблема взаимодействия профессионального и родительского труда лиц с семейными обязанностями является особенно актуальной. В связи с этим необходимо проведение исследования, позволяющего выявить основные вызовы, с которыми сталкиваются родители при реализации своей профессиональной деятельности. Для всестороннего изучения вопроса и достижения поставленной цели целесообразным представляется использование комплекса методов сбора информации. В этом случае возможно учесть представления не только работников, но и работодателей на эту проблему; анализ же коллективных договоров организаций позволит сделать вывод о том, насколько эффективно реализуются уже существующие механизмы поддержки работников с детьми. Полученные результаты такого исследования будут способствовать выработке действенных мер государственного регулирования занятости работников с детьми.

Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Литература

1. Антонов А. И. Родительский труд — это такой же профессиональный труд // Фонд Андрея Первозванного. URL: <http://fap.ru/press-center/articles/antonov-roditelskiy-trud-eto-takoy-zhe-professionalnyy-trud/> (дата обращения: 20.02.2020).

2. Российский статистический ежегодник — 2019: стат. сб. // Росстат. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/Ejagodnik_2019.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

3. Багирова А. П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона: монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 271 с.

УДК 316.7

Бритвина И. Б.

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И РОССИЯН

Аннотация: актуальность статьи связана с необходимостью обобщения опыта успешности интеграционных процессов в части внешней миграции на территорию России, т. к. ее масштабность и поли-

тические задачи по приему мигрантов заставляют изучать эту проблему. Ряд эмпирических исследований позволил выделить особенности культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии и жителей Екатеринбурга. Культурная интеграция среди других видов интеграции определяется как основа социального сближения групп, принадлежащих к разным этносам и проживающих на одной территории.

Ключевые слова: культурная интеграция, иноэтничные мигранты, Центральная Азия, Екатеринбург, опрос.

Britvina I. B.

CULTURAL INTEGRATION OF NON-ETHNIC MIGRANTS AND RUSSIANS

Abstract: the relevance of the article is connected with the need to generalize the success of integration processes in terms of external migration to the territory of Russia, since its scale and political tasks for the reception of migrants make it necessary to study this problem. A number of empirical studies have highlighted the cultural integration of migrants from Central Asian countries and residents of Ekaterinburg. Cultural integration among other types of integration is defined as the basis for social convergence of groups belonging to different ethnic groups and living on the same territory.

Keywords: cultural integration, non-ethnic migrants, Central Asia, Yekaterinburg, survey.

Проблема интеграции иноэтничных мигрантов и россиян не теряет своей актуальности на протяжении первых двух десятилетий XXI века в силу того, что потоки внешних мигрантов на территорию России не прекращаются. Задача интеграции россиян и мигрантов из других стран обозначена в общенациональных проектах и коррелирует не только с проблемой нехватки трудовых и демографических ресурсов, но и с задачей сохранения безопасности на территории России.

Культурная интеграция является основой социального сближения групп, принадлежащих к разным этносам и проживающим на одной территории. Культурную интеграцию мы выделяем наряду с гражданской (общероссийской), социальной и экономической интеграциями, имея в виду понимание и принятие поведенческих норм и ценностей этнической культуры других групп, вступающих во взаимодействие в процессе адаптации друг к другу.

В западной и отечественной литературе уделяется большое внимание проблеме интеграции внешних мигрантов и принимающего сообщества. Западные теоретики многосторонне исследуют различные аспекты влияния отношения принимающего сообщества на аккультурацию и натурализацию мигрантов. Г. Вайсман и Б. Ларсен на примере иммигрантов в Швеции показывают, что на доходы и в целом на качество жизни переселенцев влияет отношение к мигрантам со стороны местного населения [1]. Опросы в США показали взаимосвязь восприятия местными жителями нелегальных иммигрантов с проблемой ощущения безопасности собственного существования [2]. Такую же взаимосвязь выделил и В. А. Понизовский, анализируя в рамках Европейского социального исследования (ESS) ситуацию в 25 странах [3].

С. Карлсен и Дж. Назроу, исследуя идентификации ряда этнических меньшинств в Великобритании, выявили проблему влияния социальной изоляции на способность групп этнических и религиозных меньшинств чувствовать себя частью принимающего сообщества. Их вывод сводится к тому, что более актуальной является проблема последствий маргинализации иноэтничных мигрантов в местных сообществах, чем проблема негативных итогов сохранения ими культурных традиций, т. к. это препятствует взаимной социальной интеграции.

В отечественной литературе много работ посвящено проблемам отношения принимающего сообщества к мигрантам, где его отрицательный аспект объясняется прежде всего конкуренцией на рынке труда: внешние мигранты не только занимают рабочие места, по праву принадлежащие россиянам, но и снижают уровень оплаты труда в сферах обслуживания, строительства и транспорта. Ряд авторов обращается к стратификационным характеристикам членов принимающего сообщества и мигрантов, исследуя их взаимоотношения [4; 5]. Утверждается, что чем ниже социальный статус и доходы членов принимающего сообщества, тем более негативно они относятся к приезжим, осложняя интеграционные процессы [6, с. 60]. Исследователи, изучая проблемы взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов, берут во внимание и такие критерии, как пол, возраст, образование членов принимающего и мигрирующего сообществ. Однако, некоторые утверждают, что такие характеристики не оказывают влияния или действуют противоречиво на характер этих отношений [7, с. 11–12]. Многие авторы пишут о влиянии СМИ на негативное отношение к приезжим. Проблемы культурной интеграции мигрантов и россиян отражены в научной литературе. Так, например, А. В. Дмитриев исследовал негативную стереотипизацию мигрантов как элемент культуры в условиях роста конфликтогенности [8]. Исследуется и влияние межэтнических установок россиян на отношение к приезжим [7; 9]. Отечественные авторы изучают влияние идентичности россиян на их отношение к внешним мигрантам и приходят к выводу, что существует тесная связь между общегражданской идентичностью россиян и их отношением к мигрантам [5; 7].

Наиболее острой проблемой в плане культурной интеграции иноэтничных мигрантов и россиян является проблема роста доли мигрантов из Центральной Азии, которые принадлежат к титульному населению этих стран (Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан и Туркменистан). Приток мигрантов из этого региона является доминирующим как в доле внешних мигрантов, так и в доле мигрантов из стран СНГ и ближнего зарубежья в целом. Например, только из стран ближнего зарубежья за 2018 г. в Россию въехало более 12 млн человек. Большинство мигрантов из этих стран — выходцы из стран Центральной Азии (67,7%), прежде всего это мигранты из Узбекистана и Таджикистана (около 7 млн чел.).

Группа исследователей (включая и автора статьи) на протяжении последних лет провела ряд опросов: анкетный опрос жителей Екатеринбурга в 2016 г. ($n = 485$) и в 2019 г. ($n = 476$); опрос методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии в 2017 г. ($n = 231$) и в 2019 г. ($n = 222$); глубинные интервью с жителями Екатеринбурга ($n = 33$), с иноэтничными мигрантами ($n = 19$), с экспертами ($n = 8$). Обобщая данные этих исследований, можно выделить ряд особенностей культурной интеграции жителей Екатеринбурга и мигрантов из стран Центральной Азии.

Прежде всего, нужно сказать о разнице в восприятии членов обеих общностей с точки зрения этничности противоположной стороны. Так мы выявили, что этнические казахи, по сравнению с другими этносами стран Центральной Азии, в представлении россиян имеют более низкий индекс по шкале социальной дистанции Э. Богардуса (4,49). Самый высокий индекс по оценке екатеринбуржцев имеют этнические таджики (5,25). С другой стороны, присутствует обобщенное восприятие этносов с обеих сторон на основе отсутствия культурной дифференциации в типично-региональных образах. Так, жители Екатеринбурга не дифференцируют представителей региона Центральной Азии ни внешне, ни по языкам, не знают отличий в их культурах. 76,1 % респондентов сообщили, что не отличают языки этих этносов друг от друга. 70,7 % опрошенных жителей Екатеринбурга не знают о культурных особенностях этносов Центральной Азии. Мигранты из этого региона, в свою очередь, определяют свое отношение к местным жителям на уровне «русские», находясь фактически в пространстве российской культуры.

Мы получили данные о слабом влиянии на интеграционные процессы половозрастных характеристик обоих сообществ. Наиболее сильное влияние, по нашему мнению, оказывает образовательный фактор. Так, например, образованные мигранты чаще, чем представители других образовательных групп, хорошо знают русский язык (76,9 %) и российские законы (75,4 %); привыкли к жизни в Екатеринбурге (60 %); имеют желание переехать в Россию на постоянное место жительства (56,9 %); имеют друзей и родственников в Екатеринбурге (67,7 %); узнают новости про русских, про Россию при общении с местными жителями (73,8 %); не имеют национальных предубеждений (75,4 %). Отношение к мигрантам из этого региона со стороны екатеринбуржцев не различается ни у половых, ни у возрастных групп.

Выделяя два уровня анализа культурно-интеграционных процессов (ментально-ценностный и поведенческий), мы пришли к выводу, что ценностный уровень не выявляет глубоких проблем в культурной интеграции. Так, например, обе общности продемонстрировали в основном совпадение по таким ценностным позициям, как «семья» и «здоровье» (на уровне терминальных ценностей по М. Рокичу). Высокую позицию занимают такие ценности, как «дружеское общение» и «материальное благополучие». Основные отли-

чия друг у друга фиксируют мигранты и местное население на уровне поведенческих практик. По мнению жителей Екатеринбурга, мигранты из Центральной Азии отличаются в своих культурных привычках от местных жителей прежде всего в сфере взаимоотношения полов (34,2%), а также в бытовых привычках (30,5%). Сами мигранты отрицательно оценивают прежде всего неуважительное отношение россиян к пожилым людям и слишком свободное поведение женщин («курят», «слишком открыты в одежде» и т.д.), воспроизводят негативный стереотип о распространении в России привычки употреблять спиртные напитки.

Проблемой интеграции является и стереотипное восприятие всех мигрантов как единой общности без дифференциации их намерений, мотивации и поведения. Так, мигранты, желающие жить в России, и мигранты, приехавшие на временные заработки, культурно воспринимаются местными жителями одинаково, и нежелание временных мигрантов интегрироваться распространяется в представлении горожан на всех мигрантов, что является еще одной особенностью культурной интеграции. Россияне, занимая позицию «хозяев», ждут от мигрантов культурных изменений, видимых в бытовом и профессиональном поведении:

«Они приезжают в Россию. В России своя культура. Они ее как минимум должны учитывать и под нее подстраиваться» (женщина, 43 года, г. Екатеринбург).

Контент-анализ высказываний россиян об отношении к мигрантам из стран Центральной Азии также показал влияние стереотипов и установок на их мнение. Так, подкатегория «защита мигрантов, в т.ч. осуждение местных за плохое отношение к мигрантам» заняла 14,3% высказываний. В противовес ей другие подкатегории оказались гораздо весомее: например, «обвинение мигрантов в действиях, приносящих вред, негативных личных качествах» (34,8%); «оценка мигрантов как ненужных России» (26,5%).

Сами екатеринбуржцы готовы культурно меняться лишь отчасти, ради безопасности для себя и своей семьи. Обе стороны имеют слабую мотивацию к интеграции:

«В общем-то, я бы не хотела сама с ними общаться, не хочу ходить к ним в гости, хотя они приглашают, не хочу обмениваться с ними какими-то презентами» (женщина, 37 лет, г. Екатеринбург).

Позицию мигрантов в целом можно охарактеризовать как ориентацию на ограниченную культурную интеграцию в рамках необходимых языковых и поведенческих практик для осуществления трудовых функций. Мигранты чаще склонны к присвоению только общегражданской идентичности. Позицию жителей Екатеринбурга (как принимающего сообщества) можно охарактеризовать «негативно ограниченной», т.к. ни культурно, ни политически, ни социально они не ориентированы на прием мигрантов, не понимая целе-

сообразности их присутствия. Лишь часть российских работодателей имеют экономическую мотивацию на прием мигрантов из этого региона.

Таким образом, культурная интеграция мигрантов из стран Центральной Азии и россиян имеет особенности, которые во многом обусловлены отсутствием мотивации на сближение, недостаточной информированностью друг о друге, широким распространением негативных стереотипов о миграционных процессах и об этнических группах, связанных с ними.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00467.

Литература

1. Waisman G., Larsen, B. Income, Amenities and Negative Attitudes // *IZA Journal of Migration*. 2016. Vol. 5. Iss. 8. P. 1–32.
2. Simpson J. J., Simpson P. M., Cruz-Milan O. Attitude towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists // *Tourism Management*. 2016. Vol. 57. P. 373–386.
3. Ponizovskiy V. A. Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13. № 2. С. 256–272 (на англ. яз.).
4. Васильева О. В. Влияние социально-экономического статуса населения северо-востока России на отношение к мигрантам // *Мир России*. 2019. Т. 28. № 4. С. 152–171.
5. Мукомель В. И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57
6. Гудков Л. Д. Почему мы не любим приезжих? // *Мир России*. 2007. Т. 16. № 2. С. 48–82.
7. Дробизева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
8. Дмитриев А. В. Конфликтogenность миграции: теоретические и практические проблемы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 1. С. 16–29.
9. Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.

УДК 316

Судьин С. А.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: на основе статистических данных приводится анализ процесса воспроизводства населения в Нижегородской области в контексте актуальных мер региональной демографической политики. Делается вывод о депрессивной демографической ситуации в регионе по сравнению с общероссийскими показателями. Критикуется выбранная областным руководством ориентация на стимулирование рождаемости как альтернативы сохранения населения в условиях высокой смертности в трудоспособных возрастах.

Ключевые слова: воспроизводство населения, рождаемость, смертность, демографическая политика, Национальный проект «Демография».

Sud'in S. A.

POPULATION REPRODUCTION: CHALLENGES AND RESPONSES (ON THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD REGION)

Abstract: on the basis of statistical data, an analysis of the population reproduction process in Nizhny Novgorod Region in the context of current regional demographic policy measures is provided. The conclusion is made about depressive demographic situation in the region in comparison with all-Russian indicators. The focus chosen by the regional authorities on promoting the birth rate as an alternative to maintaining the population in conditions of high mortality in working age is criticized.

Keywords: population reproduction, birth rate, mortality, demographic policy, National Project «Demography».

Решение демографических проблем современной России по праву является одной из приоритетных государственных задач. Негативные прогнозы динамики численности населения, омрачавшие относительно благополучную ситуацию с рождаемостью в 2013–2017 гг., начинают сбываться в силу объективных процессов. Среди таковых — малочисленность и, как следствие, низкий репродуктивный потенциал когорты, родившихся в 1990-е годы, коррекции репродуктивных планов в силу снижения социальной стабильности, а также дальнейшей трансформации ценности детей по модели остальных развитых стран.

Как и любая социальная проблема, проблема рождаемости является регионально специфичной. Она, как правило, не беспокоит столицы, являющиеся к тому же традиционными пунктами назначения для большинства мигрантов, способных в случае чего с легкостью компенсировать даже провальные показатели естественного воспроизводства населения; так же не страдают от низкой рождаемости кавказские республики, в которых свою роль играет исламский фактор, сильные национальные традиции и высокая потребность в межпоколенной поддержке, обусловленная неразвитостью общественных и государственных институтов социальной помощи. Все остальные регионы сталкиваются с проблемой низкой рождаемости и вынуждены принимать меры для ее решения.

Но и здесь присутствует своя дифференциация, поскольку озабоченность низкой рождаемостью может проявляться в разной степени и быть вызвана совокупностью различных факторов. В нашем исследовании речь пойдет о Нижегородской области, — регионе, демонстрирующим крайне неблагоприятную динамику всех возможных показателей демографического развития, который правильнее было бы назвать демографическим регрессом.

Прежде всего, необходимо отметить, что для Нижегородской области в заметно меньшей степени по сравнению с общероссийским показателем,

был характерен подъем рождаемости. В табл. 1 представлено сравнение значений суммарного коэффициента рождаемости за период с 2013 по 2018 гг.

Таблица 1

Сравнение значений суммарного коэффициента рождаемости (СКР) за период с 2013 по 2018 гг.

Годы	СКР в Нижегородской области	СКР в России
2013	1,561	1,707
2014	1,593	1,750
2015	1,669	1,777
2016	1,649	1,762
2017	1,502	1,621
2018	1,457	1,580

Как видно из табл. 1, рождаемость в регионе не дотягивала до среднероссийской, при этом, область была в общем тренде демографических изменений, поскольку колебания показателей были достаточно синхронны.

Специфика суммарного коэффициента рождаемости заключается в его связи с численностью различных возрастных групп, в разное время включающихся в процесс воспроизводства населения и вносящих свой вклад в увеличение его численности. Относительно низкие региональные показатели рождаемости обусловлены особенностями возрастной структуры населения области: наиболее многочисленная группа (возраст 30–34 года) уже практически реализовала свой репродуктивный потенциал, внося основной вклад в формирование рекордных за последние десятилетия показателей суммарного коэффициента рождаемости. Следующая за ней когорта (25–29 лет) количественно меньше на 60 000 человек. Группа 20–24-летних — основных акторов репродуктивного поведения в ближайшие годы — меньше последних еще на 72 000. Говоря простыми словами, рожать становится просто некому, что в известной мере обесценивает предложения о стимулировании рождаемости путем увеличения региональной части материнского капитала или изменения правил его распределения в зависимости от очередности рождений.

Картина усугубляется также отрицательным миграционным сальдо. Близость региона к Москве и Санкт-Петербургу способствует оттоку наиболее перспективной, с точки зрения репродуктивного потенциала, части населения. Облегчение внутрироссийской мобильности за счет ЕГЭ также усугубляет данный процесс, оттягивая в столичные вузы абитуриентов с наилучшими академическими показателями и финансовыми возможностями. Очевидно, что надеяться на их возвращение в регион с дипломом столичного вуза не приходится. В силу того же географического фактора Нижний Новгород и область не являются привлекательными местами для иммигрантов, выполняя транзитную функцию в процессе смены мест жительства. Хорошие об-

разовательные возможности, имеющиеся в городе, способствуют лишь временному закреплению наиболее способных абитуриентов из сопредельных субъектов Федерации, открывая им возможности для дальнейшей горизонтальной мобильности в столичные регионы.

Стоит отметить, что на фоне популярности апокалиптических сценариев, основанных на экстраполяции показателей рождаемости, эти тенденции характерны для большинства развитых стран. Малодетность, сформированная вследствие высоких расходов на детей и трансформации женской занятости, давно стала реальностью современной российской семьи. К этому необходимо прибавить растущую дезактуализацию утилитарного компонента ценности детей — специфической черты традиционных обществ, в которых дети выступали в качестве основной рабочей силы домохозяйства и были единственными субъектами заботы о престарелых родителях. В этом смысле наша страна находится в явном тренде. Однако кризис все же налицо, и связан он с двойственностью процесса воспроизводства населения.

Вторым компонентом, составляющим данный процесс, является смертность, показатели которой в России находятся на катастрофически высоком уровне, отбрасывающем нашу страну на последние позиции в мировых рейтингах качества жизни и сводящем на нет все усилия по стимулированию рождаемости. Говоря о Нижегородской области, отметим, что положительные значения естественного прироста населения в регионе не регистрировались больше двадцати лет. Даже в относительно «тучные» годы (2013–2017) этот показатель оставался отрицательным. Особенно трагичным эта ситуация выглядит на селе: на фоне пониженных показателей рождаемости, вымирание населения там идет значительно активнее при преобладании смертности в трудоспособных возрастах (табл. 2).

Таблица 2

Динамика общих коэффициентов рождаемости за 2013–2018 гг.

Годы	Число родившихся			Число умерших			Естественный прирост		
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское
2013	11,8	11,9	11,5	15,9	14,9	19,5	-4,1	-3,0	-8,0
2014	11,9	12,0	11,3	15,9	15,0	19,4	-4,0	-3,0	-8,1
2015	12,3	13,0	9,4	15,5	14,7	18,6	-3,2	-1,7	-9,2
2016	11,9	12,6	9,0	15,4	14,6	18,3	-3,5	-2,0	-9,3
2017	10,5	11,1	8,2	14,7	14,0	17,4	-4,2	-2,9	-9,2
2018	9,9	10,4	8,0	15,0	14,4	17,3	-5,1	-4,0	-9,3

В этой связи основной задачей государственной и региональной власти уместнее было бы сделать сохранение населения, а не его приращение. Подобная постановка вопроса соответствует основному направлению социальной политики наиболее благополучных стран, актуализировавшемся в результате резкого увеличения продолжительности жизни, успехов медицины в части обеспечения активного долголетия и здорового старения. В условиях снижения численности лиц, традиционно относящихся к трудоспособному возрасту, возрастает социальная значимость активности пожилых, которая выражается не только в монетарном аспекте через использование их остаточных трудовых ресурсов. Распространение всевозможных университетов «третьего возраста» и других образовательных предложений, направленных на активизацию интеллектуального потенциала пожилых, вовлечение их в общественную активность на уровне территориальных общественных советов или соседских центров, расширение их участия в воспитании внуков, формирование новых увлечений — традиционные формы организации активного досуга, способствующего поддержанию высокого уровня физического и интеллектуального функционирования.

Однако, судя по предпринимаемым шагам, данная стратегия не является приоритетной. Об этом свидетельствует, прежде всего, повышение пенсионного возраста, за которым даже не скрывается ни очевидное желание скомпенсировать нулевой рост производительности труда в большинстве отраслей отечественной экономики, ни попытки отказа от части социальных, т. е. финансовых обязательств в отношении пожилых граждан. Болезненность данного вопроса в России связана с показателями средней ожидаемой продолжительностью жизни: даже официальные цифры в 68,5 лет для мужчин и 78,5 лет для женщин, положенные в основу легитимации проводимой пенсионной реформы, демонстрируют ее спорный характер. Отодвигание границ «третьего возраста» для мужчин фактически означает его ликвидацию: прекращение трудовой занятости для усредненного большинства по времени практически совпадает с уходом из жизни. На общероссийском фоне ситуация в Нижегородской области выглядит еще менее оптимистичной, что видно из табл. 3.

Таблица 3

**Показатели средней ожидаемой продолжительности жизни
в Нижегородской области в период с 2009 по 2018 гг.**

Годы	Средняя продолжительность жизни населения, лет		
	оба пола	мужчины	женщины
2013	69,4	63,1	75,8
2014	69,5	63,3	75,7
2015	70,2	64,1	76,1
2016	70,8	64,7	76,6
2017	71,9	66,2	77,2
2018	71,7	66,0	77,0

Показатели Национального проекта «Демография» включают в себя, прежде всего, увеличение продолжительности здоровой жизни до 67 лет и доведение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 на одну женщину. Социально-культурная обусловленность изменения репродуктивных планов российских семей, а также динамики ценности детей по европейскому типу, являющихся тормозом на пути реализации пронаталистской политики, оставляют шансы на возможность их корректировки, на что, по всей видимости, и будет делаться основной упор в решении проблемы воспроизводства населения. Об этом свидетельствует сформированный региональной властью запрос на междисциплинарное исследование факторов способствующих и препятствующих активному репродуктивному поведению в различных возрастных группах. Подобная постановка вопроса приводит к игнорированию очевидных и более актуальных проблем, заключающихся в низкой продолжительности жизни, влекущей за собой недоиспользование потенциала старших возрастных групп, нереализованность их темпоральной, социализационной, экономической и эмоциональной ресурсности, во многом определяющей репродуктивную активность их потомков.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-411-520002.

УДК 316.4

**Каримова Р. М.,
Яппарова Р. Р.**

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация: в статье рассмотрены различные точки зрения на то, какое влияние оказываются общественными процессами, происходящими в стране, на отношение населения к трудовым мигрантам. Также приведены данные социологических исследований, в том числе проведенного при непосредственном участии авторов статьи. Эмпирическую базу исследования составил социологический опрос, проведенный ГАУ «Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан» методом стандартизированного интервью в июне 2019 г. в городах и районах Республики Башкортостан. Объем выборочной совокупности составил 1007 человек.

Ключевые слова: иностранцы, трудовые мигранты, местное население, ксенофобия, конфликт.

**Karimova R. M.,
Yapparova R. R.**

ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN TO LABOR MIGRANTS (BASED ON CASE STUDIES)

© Каримова Р. М., Яппарова Р. Р., 2020

Abstract: the article considers various points of view on the impact of social processes taking place in the country as a whole on the attitude of the population towards labor migrants. The data of sociological studies, including those conducted with the direct participation of the authors of the article, are also presented. The empirical base of the study was a sociological survey conducted by the GAU Center for Humanitarian Research of the Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan by a standardized interview in June 2019 in cities and regions of the Republic of Bashkortostan. The volume of the sample totaled 1007 people.

Keywords: labor migrants, local population, xenophobia, conflict.

Согласно концепции демографической политики Российской Федерации, одна из основных задач, стоящих перед нашей страной сегодня, — привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции. Данная проблема актуализирована все более усложняющейся в России демографической ситуацией [1].

Миграционные процессы оказывают значительное влияние на социально-экономическое, социокультурное, демографическое развитие страны. Специалистами, учеными, политиками и общественными деятелями признается рост ксенофобии и межэтнической напряженности в обществе, что обуславливает актуальность исследования отношений населения к трудовым мигрантам.

Согласно данным «Левада-центра», ксенофобные настроения, пошедшие на спад с 2014 г., с 2017 г. снова растут. Уровень этнофобии (доля тех, кто хотел бы ограничить проживание в России какой-то этнической группы) поднялся с 54 до 71 %, что близко к показателям «докрымского периода» 2012–2013 гг. [2]. По данным ФОМ, сторонники ограничений на въезд жителей других регионов и стран чаще всего приводят такой довод: «нам, местным, потом негде работать», «трудно трудоустроиться из-за них». Говорится также, что «слишком перебор населения», «не нужны они», «нерусских больше, чем русских». В целом приезжие вызывают недовольство у 21 % опрошенных, отметивших, что мигранты «ведут себя вызывающе», «чужая культура, религия, неготовность ассимилироваться», «отнимают работу у местного населения» [3].

В докризисный период исследователи констатировали, что дискурс 1990-х гг., объяснявший рост ксенофобии социально-экономическими и политическими переменами, борьбой за ресурсы, сейчас уступил приоритет культурным обоснованиям («утраты идентичности», изменения «культурного кода» и пр.), апеллирующим к росту численности мигрантов в стране. Как отмечают исследователи, россияне полагают, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, становится источником конфликтов между местным населением и приезжими; что мигранты не уважают и игнорируют традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе [4, с. 137–166]. Страх утраты идентичности усиливается, россияне опасаются, что культура при-

езжих «размывает» культуру местных сообществ. «Культурный расизм», основанный на представлении о несовместимости «культур», вреде их смешения, сегодня более распространен, чем «классический» расизм [5, с. 7–30].

Вместе с тем Б. Парех считает, что данный подход, применительно к мигрантам, имеет изъяны. Неверным будет полагать, что без мигрантов общество будет гомогенным, есть множество причин и оснований для разделения общества на различные лагеря. Почти по всем вопросам иммигранты более консервативны, чем принимающее большинство; моральные и культурные барьеры между ними и обществом уже и мельче, чем между членами самого принимающего общества [6, с. 227].

Как показало исследование М. С. Максименковой и А. А. Сорокиной, отношения с россиянами, как и сама страна, в которую мигранты приехали работать, мало их волнуют. Их внимание сфокусировано лишь на возможности/невозможности заработать. Негативное отношение к трудовым мигрантам усугубляется и ценностными установками со стороны приезжающих, а именно — их нежеланием интегрироваться в чужую социально-культурную среду [7, с. 166–176].

Исследования «Левада-Центра» показывают, что мигранты тянутся не просто за благосостоянием, а за лучшим уровнем и качеством жизни в целом: «они поверили в принципы универсализма, всеобщего равенства, которые встроены в деятельность наших институтов, где город для всех, транспорт для всех, магазины для всех, школы для всех. Они хотят и рады быть горожанами и гражданами» [8].

Есть точка зрения, согласно которой рост ксенофобии в XXI в. обусловлен не только фундаментальными факторами функционирования российского общества [4, с. 137–166]. Еще в 90-е гг. XX в. исследователи отмечали кризис недоверия в стране. Это касается и недоверия к общественным институтам. На самом высоком уровне признается плачевный результат многих реформ в области здравоохранения, образования, социальной поддержки, антикоррупционных мер. По данным опроса Левада-центра, проведенного 6 сентября — 2 октября 2019 года, более половины респондентов считают, что основные общественные институты не заслуживают доверия. Так, судам не доверяют 59 % респондентов, полиции — 62 %, прокуратуре — 56 %, печати, радио, телевидению — 57 %, профсоюзам — 50 %, банкам — 68 %, российским благотворительным организациям — 51 % [9].

Кризис недоверия распространен также и в сфере межличностного общения, что влияет на отношения и прямые контакты с инациональными и иноконфессиональными лицами. Взаимное недоверие, подозрительность способствуют неприятию «других», особенно мигрантов. Заведующий сектором изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН В. И. Мукомель отмечает, что в формировании образа «чужого»,

наряду с этничностью, важную роль играет «пришлость». Традиционные для данной конкретной местности меньшинства рассматриваются этническим большинством как «свои». «Пришлость» в совокупности с иной этнической принадлежностью усугубляет антимигрантские настроения [4, с. 137–166]. Кроме того, проблема неприятия приезжих принимающим сообществом нагнетается СМИ, которые в большинстве своем формируют у россиян негативный образ мигранта.

Необходимо отметить, что доля респондентов, считающих, что мигранты приносят больше вреда, чем пользы, несколько выше тех, кто разделяет противоположную точку зрения (33,1 % против 22,1 %) (в 2017 г. — 36,4 % против 23,6 % соответственно). При этом необходимо отметить значительную долю опрошенных (44,8 %), затруднившихся ответить на вопрос о роли мигрантов в жизни республики. Почти половина опрошенных (45,6 %), сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, не испытывают опасения. При этом 24,5 % настороженно относятся к этой категории «гостей» республики. 29,9 % респондентов затруднились ответить на вопрос.

Негативное отношение местного населения к трудовым мигрантам во многом обусловлено тем, что в условиях безработицы, снижения уровня жизни в стране последние составляют конкуренцию жителям республики на рынке труда. Так, 59,5 % респондентов считают, что многие их знакомые и родственники готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты. Почти каждый четвертый (23 %) разделяет противоположную точку зрения. 17,4 % опрошенных затрудняются с определением своей позиции в этом вопросе. Для сравнения: по результатам исследования «Левада-центр» 64 % респондентов (против 57 % в 2013 г.) считают, что их родственники и знакомые могли бы делать работу, которую выполняют мигранты [2].

Большинство опрошенных (59 %) считают, что в их городе (поселке, селе) нет каких-либо противоречий и конфликтов между приезжими других национальностей и местными жителями. Вместе с тем 22,8 % опрошенных отмечают наличие конфликтных ситуаций как с мигрантами из других стран (14,6 %), так и из других регионов (8,2 %). При этом в Республике Башкортостан преобладающая часть участников опроса (53,8 % опрошенных) не опасаются открытых конфликтов между местными жителями и приезжими в ближайшее время. Каждый четвертый респондент (26,5 %) настроен более настороженно. Каждый пятый (19,7 %) — затрудняется ответить на вопрос.

Среди специалистов имеются различия в оценке распространенности ксенофобии в различных социальных группах. Есть исследователи, разделяющие точку зрения, что ксенофобия равномерно затрагивает все группы. Их оппоненты считают, что низкий уровень межличностного доверия и ксенофобия характерны для менее обеспеченных и менее образованных слоев. Наше исследование подтверждает дифференциацию оценок полезности/вреда от пре-

бывания мигрантов в республике: среди менее обеспеченных респондентов ниже доля тех, кто считает, что мигранты приносят больше пользы, чем вреда (16,7 % против 41,2 %) и выше доля тех, кто считает, что «гости» приносят больше вреда, чем пользы (44,4 % против 23,5 %).

Как и в ответах на предыдущий вопрос, в образовательном разрезе также заметны различия в ответах респондентов. Так, менее образованные респонденты реже отмечают положительное влияние пребывания гостей в республике (17,5 % против 26,5 %), а более обеспеченные жители демонстрируют большее принятие иностранцев (52,9 % против 44,4 %).

В ходе анализа распределения ответов в возрастном разрезе представительей различных поколений отмечено, что самая молодая группа респондентов (18–24 года), характеризующаяся более низким уровнем этнической идентичности, менее чувствительна к различиям с инонациональными лицами и иностранцам. Среди молодежи (до 30 лет) меньше доля тех, кто считает, что мигранты являются конкурентами на рынке труда для местных граждан по сравнению с респондентами более старшего возраста: 50 % против 62,8 %.

Отмечена большая сенситивность к вопросам этничности возрастной группы 31–40 лет, более критичная оценка интеракции между этническими группами. Среди них отмечена высокая доля лиц, испытывающих неприязнь по отношению к представителям иной национальности и иностранцам. Причинами жизненных ориентаций данной возрастной группы является, на наш взгляд, повышенная тревожность и чувство ответственности за материальное благополучие своей семьи. Как правило, у большинства из них уже есть дети, так называемая иждивенческая нагрузка, в таком возрасте, что они материально зависимы от родителей.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что, несмотря на рост ксенофобных настроений в стране, относительное большинство опрошенных в целом положительно относится к трудовым мигрантам. Вместе с тем нестабильная социально-экономическая ситуация, снижение уровня жизни способствуют некоторому росту напряженности между местным населением и «гостями» республики.

Литература

1. Демографическая катастрофа отменит пенсионный возраст? URL: https://www.bfm.ru/news/432143?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3DSpecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 10.11.19).

2. Ксенофобские настроения в России растут второй год подряд. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/ksenofobskie-nastroeniya-v-rossii-rastut-vtoroj-god-podryad/> (дата обращения: 30.10.2019).

3. Кому и чем мешают приезжие? URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14111> (дата обращения: 10.11.19).

4. Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1.

5. Осипов А. На пути к осмыслению проблем расизма // Расизм: современные западные подходы: сб. статей / Пер. с англ., фр. Сост. А. Верховский, А. Осипов. М. : Центр «Сова», 2010.

6. Parekh Bhikhu (2008) A New Politics of Identity. Political Principles for an Interdependent World, N. Y.: Palgrave Macmillan. URL: https://www.researchgate.net/publication/270606104_Bhikhu_Parekh_A_New_Politics_of_Identity_Political_Principles_for_an_Interdependent_World_New_York_Palgrave_Macmillan_2008_pp_ix317_1999_Pounds (дата обращения: 28.02.2020).

7. Максименкова М. С. Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации // ОНС. 2014. № 5.

8. Мигранты приезжают в Россию не только из-за денег. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/30/migranty-priezzhayut-v-rossiyu-ne-tolko-iz-za-deneg/>(дата обращения: 30.11.2019).

9. Институциональное доверие. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/>(дата обращения 28.02.2020).

УДК 316.014:173.7

**Костина С. Н.,
Баннх Г. А.**

МОТИВАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ

Аннотация: в статье раскрываются понятия, используемые в научной литературе для определения мотивации рождаемости: «потребность в детях», «мотив рождения», «мотивация репродуктивного поведения», «репродуктивные установки». Делается вывод о необходимости концептуализации существующих подходов к мотивации рождаемости. На основе результатов проведенного нарративного интервью рассматривается ситуационная составляющая репродуктивных установок, влияние различных жизненных ситуаций на отношение и готовность к деторождению.

Ключевые слова: потребности в детях, мотив рождения, мотивация рождаемости, репродуктивные установки, репродуктивное поведение, жизненные ситуации.

**Kostina S. N.,
Bannykh G. A.**

MOTIVATIONS OF FERTILITY: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THEORY

Abstract: the article describes the concepts used in the scientific literature to determine fertility motivation: “need for children”, “birth motive”, “motivation for reproductive behavior”, “reproductive attitudes”. The conclusion is drawn about the need for conceptualization of existing approaches to fertility motivation. Based on the results of the conducted narrative interview, the situational component of reproductive attitudes, the influence of various life situations on attitudes and readiness for childbearing are examined.

Keywords: needs for children, birth motive, fertility motivation, reproductive attitudes, reproductive behavior, life situations.

В отечественных работах по теории репродуктивного поведения авторы используют различные категории: «потребность в детях», «репродуктивные установки», «мотив рождения», «мотивация репродуктивного поведения». Потребность в детях рассматривается как один из важнейших элементов в структуре репродуктивного поведения. Однако вопрос о том, какое место потребность в детях занимает в иерархии других потребностей личности, насколько она конкурентоспособна по сравнению с другими потребностями, остается дискуссионным.

В теориях потребностей выделяется потребность в деторождении (воспроизводстве новых поколений), которую относят скорее к биопопуляционным [1, с. 103]. Другие исследователи, опираясь на данные о снижении рождаемости, ставят под сомнение биологический характер потребности в детях. В. Н. Архангельский считает, что потребность в детях носит взаимозаменяемый характер с другими важными для индивида потребностями: значимая для индивида потребность может быть удовлетворена либо посредством наличия детей, либо без них, благодаря чему-либо или кому-либо другому, либо только при отсутствии детей (вообще или дополнительно к имеющимся) [2, с. 45]. В итоге дети (их наличие или отсутствие) могут выступать как целью (ценностью), так и средством ее достижения. В этом случае можно говорить о «мотивах рождения». Согласно В. Б. Борисову, мотив рождения «характеризует смысл наличия ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством достижения личных целей родителей» [3, с. 187].

В зависимости от содержания потребности в детях выделяются непосредственные и опосредованные репродуктивные мотивы [4, с. 169]. Первые детерминированы репродуктивными потребностями, к которым относятся поло-видовая идентификация полового партнера, предкоитальные и коитальные действия, зачатие, беременность, роды, лактация, постнатальная репродуктивная деятельность, включая постнатальную репродуктивную коммуникацию. Опосредованные репродуктивные мотивы предполагают, что рождение ребенка является инструментом достижения иных целей. К их числу можно отнести, например, экономические, брачные, прагматические, метафизические и другие мотивы.

В целом вопрос о мотивах рождаемости остается дискуссионным. Ряд авторов вообще ставит под сомнение объективное содержание мотивов. Так, Ч. Р. Миллис, А. Корбут и С. Баньковская рассматривают мотивы в качестве типичных словарей, исполняющих закрепленные за ними функции в четко обозначенных социальных ситуациях [5, с. 98]. По их мнению, мотив представляет собой понятие, посредством которого социально действующие индивиды интерпретируют свое поведение. Мотивы носят ситуативный характер и выступают оправданием настоящих, будущих или прошлых действий. Соответственно, когда мы говорим об исследованиях мотивов рождаемости и их репрезентации, мы сталкиваемся как с проблемой «осознанности» пред-

ставлений респондентов о своих мотивах, так и с выбором «резонансов» из актуального словаря мотивов.

Третье понятие, которым оперируют исследователи при изучении репродуктивного поведения, — это репродуктивные установки. Репродуктивные установки рассматриваются как совокупность представлений и настроений субъекта, отражающих его готовность (предрасположенность) реализовывать определенные типы репродуктивного поведения [4, с. 169]. В научной литературе встречаются понятия «репродуктивная установка» и «установка детности». Установка детности выступает более узким понятием и определяется, прежде всего, потребностью в детях в сочетании с условиями ее реализации. Репродуктивные установки включают в себя также установки, связанные с контрацепцией, абортами, а также таймингом рождения детей [2, с. 41].

Обычно в структуру репродуктивных установок включают три компонента: когнитивный, эмоциональный, поведенческий. Когнитивный компонент предполагает установки детности — количественные (выражаются в ориентации на то или иное число детей, на интервалы между рождениями) и качественные (на предпочитаемый пол ребенка). Эмоциональный компонент вбирает в себя весь диапазон чувств от положительных до отрицательных, в отношении рождения детей, их численности. Поведенческая составляющая репродуктивной установки проявляется в готовности к действиям, направленным на рождение очередного ребенка или на отказ от рождения. При измерении репродуктивных установок чаще всего используются такие индикаторы как идеальное (предпочитаемое), желаемое, ожидаемое (планируемое) и фактическое число детей.

В последние годы в научной литературе дискутируется вопрос о необходимости переосмысления подхода к объяснению репродуктивных установок. А. А. Антонов приводит данные о разрыве между идеальным, желаемым, ожидаемым и фактическим числом детей у респондентов, и отмечает, что такое разделение, выражающее репродуктивные предпочтения в дробных цифрах, «противоречит здравому смыслу» [6].

Современные исследования репродуктивных установок сосредотачивают свое внимание на их ситуационной составляющей. Изменчивость репродуктивных установок подтверждается данными ряда эмпирических исследований. Например, результаты исследования, проведенного в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в Ивановской области, показали, что среди многодетных родителей большинство при вступлении брак хотели иметь 1–2 детей [2, с. 49]. А. И. Антонов и М. А. Гусева в ходе изучения репродуктивного поведения в семьях с онкологически больным ребенком пришли к выводу, что данная стрессогенная ситуация влияет на изменение системы ценностей в сторону преобладания фамилистических (семейных) интересов, что в итоге приводит к изменению репродуктивных установок и поведения супругов (семьи) [7, с. 15–31]. Исследования поведенческих стратегий населения, проводившиеся

Вологодским научным центром РАН, также описывают ситуативный характер репродуктивных установок. Модель репродуктивного поведения, построенная на основе метода «дерева принятия решений», предполагает, что «узловыми» ситуациями выступают точки принятия решений о заключении брака, о прерывании нежелательной беременности, о количестве детей [8, с. 114].

Влияние жизненных ситуаций на отношение и готовность к деторождению было зафиксировано и в ходе проведенного авторами нарративного интервью с многодетными матерями в Уральском федеральном округе. Исследование показало, что начальные репродуктивные установки многодетных родителей условно можно разделить на два уровня: «низкие», ориентированные на малодетность, и «высокие», ориентированные на «большую семью» или многодетность. В первом случае матери отмечали, что изначально не планировали многодетность: «... даже и не думали когда-то, что будем многодетными, еще чего-то...» (Юлия); «... многодетной стали совершенно незаметно для нас. Никаких планов по поводу многодетности никогда не строили...» (Евгения, 44 года). Принятие решения о появлении первого и последующего детей происходило под влиянием определенной жизненной ситуации, которая либо «активизировала» имеющиеся мотивы и репродуктивные установки, либо формировала новые установки.

По нашему мнению, можно выделить несколько видов «ключевых» событий, влияющих на репродуктивные установки матерей (родителей). Во-первых, это репродуктивные события. Наступление незапланированной беременности вынуждает принимать решение о рождении ребенка или отказе от него: «... Вот когда забеременела, решила, что надо нам все-таки и это все-таки оказался мальчик» (Ирина, 43 года) или «... Ну вот я когда ходила очень думала оставлять мне третьего ребенка или нет, я даже сходилась и записалась на аборт. Ну у нас вот такая система медицины, что меня так долго проволындали туда-сюда. Муж сказал, что я тебе денег не дам. Хочешь — делай бесплатно... А пока меня проволындали... поезд ушел, опоздали...» (Ксения, 41 год).

Во-вторых, это брачные события (вступление в сожительство, браки, в том числе повторные, разводы): «... Потом так получилось, что мы развелись с мужем первым. Я вышла замуж второй раз. Ну и соответственно родила третьего ребенка, мальчика...» (Мария, 33 года). Также на отношение и готовность к деторождению могут оказывать влияние и другие «социальные» события. К ним можно отнести, например, болезнь или смерть членов семьи (в т. ч. детей): «... Когда дочка родилась с таким диагнозом, я думала вообще больше не буду рожать. Потом как бы посмотрела на то, что раз первый ребенок больной вот так получилось, нужно попробовать второго...» (Кристина).

Развитие представлений о мотивации рождаемости имеет значение не только для объяснения происходящих демографических процессов, но и для построения более эффективной государственной пронаталистской политики.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00566 А.

Литература

1. Долгов А. М., Долгов М. А. Детерминистско потребностная концепция философии смысла жизни и счастья // Вестник ОГУ. 2011. № 7 (126). С. 100–106.
2. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006. 399 с.
3. Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с.
4. Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 1. С. 168–177.
5. Миллс Ч. Р., Корбут А., Баньковская С. Ситуативные действия и словари мотивов // Социологическое обозрение. 2011. № 3. С. 98–109.
6. Антонов А. И. Измерение репродуктивных ориентаций и установок в выборочных опросах российского населения 1976–2015 // Научный интернет-журнал «Семья и демографические исследования» 05.10.2016. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34469/> (дата обращения: 03.02.2020).
7. Антонов А. И., Гусева М. А. Диспозиционная регуляция репродуктивного и самосохранительного поведения в нетипичных семьях с большим ребенком // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 1 (65). С. 2–31.
8. Калачикова О. Н., Короленко А. В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 4. С. 109–121.

УДК 316.74.28

Могильчак Е. Л.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРЖЦЕВ И МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КУЛЬТУРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация: в 2019 году были опрошены иноэтничные мигранты из стран Центральной Азии и жители города Екатеринбурга. Было выяснено, что среди местного населения, определившего свою конфессиональную принадлежность, доля людей, не посещающих регулярно храм, не прибегающих к молитвам и не отмечающих религиозные праздники, в 2 раза выше, чем среди мигрантов. Приезжие с более высоким уровнем религиозности реже имеют опыт конфликтов с местными жителями. С повышением включенности в религиозные практики жителей города снижается число считающих, что нужно ужесточить законы против мигрантов.

Ключевые слова: религиозность, ценности, мигранты, религиозные практики, православие, ислам.

Mogilchak E. L.

RELIGIOSITY OF YEKATERINBURG RESIDENTS AND MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA: A CULTURAL AND SOCIOLOGICAL APPROACH

© Могильчак Е. Л., 2020

Abstract: in 2019, foreign ethnic migrants from Central Asian countries and residents of the city of Yekaterinburg were interviewed. It was found that among the local population, which determined their religious affiliation, the proportion of people who do not attend church regularly, do not resort to prayers and do not celebrate religious holidays is 2 times higher than among migrants. Migrants with a higher level of religiosity are less likely to experience conflicts with local residents. With increasing involvement in religious practices of city residents, the number of people who believe that laws against migrants need to be tightened is decreasing.

Keywords: religiosity, values, migrants, religious practices, Orthodoxy, Islam.

Сравнительный анализ религиозности мигрантов и членов принимающего сообщества предоставляет возможность не только определить различия двух данных групп, но и выявить элементы культуры, которые являются объединяющими. Религиозность мы рассматриваем как компонент духовной культуры личности, имеющий идентификационный, ценностный и поведенческий аспект. Идентификационный компонент религиозности представляет собой субъективное осознание и принятие личностью собственной религиозной принадлежности. Ценностный компонент религиозности личности обеспечивает осознание личностью значимости и ценности религии в собственной жизни и жизни общества. Поведенческий аспект проявляется в религиозных практиках [1, с. 94–99].

В 2019 году в ходе исследования под руководством профессора И. Б. Бритвиной методом стандартизированного интервью были опрошены иноэтничные мигранты из стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), не имеющие российского гражданства и проживающие в Екатеринбурге ($n = 222$). Также были опрошены жители города Екатеринбурга в возрасте 18 лет и старше ($n = 476$). Была применена квотная выборка, квотный двухмерный признак — половозрастная принадлежность.

Прямое измерение проводилось нами относительно идентификационного и поведенческого компонента религиозности. Ценностный аспект религиозности был косвенно представлен, с одной стороны, через анализ взаимосвязи религиозных практик, форм идентификации и, с другой, — через ценностно-нормативные ориентации личности. Нами измерялись три основные религиозные практики: посещение храма (мечети), регулярная молитва, участие в религиозных праздниках (поведенческий аспект). Также фиксировалась конфессиональная принадлежность опрошенных (идентификационный аспект).

Идентификационный компонент религиозности отражен в табл. 1 (рассчитаны автором).

Как видно из табл. 1, в принимающем сообществе превалирует православие, среди мигрантов — ислам. Обратим внимание на достаточно высокую долю атеистов, которая в два раза выше среди местных, чем приезжих.

Таблица 1

Распределение мигрантов и местных жителей по оценке конфессиональной принадлежности (% от числа опрошенных)

Выделяемые конфессии	Местные	Мигранты
православие	70,2	7,5
другие христианские религии (католичество, протестантизм)	1,9	0,6
ислам	3,7	78,2
другое	3,9	2,8
считает себя атеистом	20,3	10,9

Как в группе мигрантов, так и местных, атеисты моложе верующих; здесь чаще встречаются представители группы 18–29 лет. Отдельно нужно отметить особенности данной категории в мигрантской среде. Здесь значительно больше молодых женщин, которые имеют супругов, родственников среди местных. Именно поэтому в данной группе чаще встречаются люди, не испытывающие трудностей общения с представителями принимающего сообщества.

Ценностно-нормативный аспект идентификационного компонента религиозности проявляется в следующих особенностях верующих в сравнении с атеистами. Для верующих (как мигрантов, так и местных) ценность семьи и детей выше, чем для атеистов. Мигрантов, отметивших свою принадлежность к определенной конфессии, привлекают такие качества екатеринбуржцев как честность, открытость. Придерживающиеся атеистических воззрений чаще отмечают их образованность и простоту в общении. Верующие жители города чаще, чем атеисты, ценят в приезжих уважительное отношение к старшим. Можно сказать, что представители группы верующих в большей степени отмечают моральные, а не инструментальные качества людей, это проявилось и в осуждении такого действия как получение дополнительных доходов путем обмана конкурентов.

Поведенческий компонент религиозности — данные обобщены в табл. 2 (рассчитано автором).

Таблица 2

Религиозные практики местных жителей и мигрантов, указавших свою конфессиональную принадлежность (% от числа опрошенных)

Поведенческий компонент	Местные	Мигранты
Регулярно бывают в храме, мечети	22,5	32,5
Регулярно молятся	15,3	14,4
Отмечают главные религиозные праздники	53,4	58,2

Результаты опроса показывают отсутствие существенных различий между указанными в табл. 2 группами верующих по каждой религиозной практике в отдельности. Нужно, однако, отметить, что при использовании такого по-

казателя как число применяемых религиозных практик становятся очевидными межгрупповые различия в уровне религиозности (табл. 3, данные рассчитаны автором).

Таблица 3

Число применяемых религиозных практик местных жителей и мигрантов, указавших свою конфессиональную принадлежность (% от числа опрошенных)

Число применяемых религиозных практик	Местные	Мигранты
не применяет	37,5	19,8
1,00	38,3	40,2
2,00	19,6	31,9
3,00	4,6	8,0

Как видно из табл. 3, несмотря на указание принадлежности к той или иной конфессии, часть опрошенных не используют ни одной из указанных религиозных практик: не бывают в храме (мечети) регулярно, регулярно не молятся, не отмечают главные религиозные праздники. Среди местного населения таких людей примерно в два раза больше, чем среди мигрантов.

Мы сформировали вторичную переменную, первое значение которой присваивалось верующим, использующим хотя бы одну практику из двух, — регулярное посещение церкви (мечети) и регулярные молитвы. Второе значение имели респонденты, не использовавшие ни одну из двух практик. Данная процедура была применена для анализа исключительно для православных горожан и мусульман-мигрантов. При этом наличие первого значения переменной рассматривалось как более высокий уровень религиозности респондента по сравнению со вторым. У местных православных в 36 % случаев единственной религиозной практикой являются религиозные праздники, у мигрантов-мусульман — в 22 %. В целом институциональная религиозность приезжих выше, чем местного населения. Применительно к мигрантам данный факт можно объяснить исходя из теории социального капитала, согласно которой религия предоставляет мигрантам ресурсы, уважение и психологическую помощь для плавной адаптации в новом обществе [2, с. 139].

Отметим некоторые ценностно-нормативные особенности поведенческих категорий опрошенных. Так, посещающие церковь либо молящиеся чаще отмечают как отталкивающую черту мигрантов отношение к женщинам вообще и к русским женщинам в частности, но они чаще ценят уважительное отношение мигрантов к старшим, реже считают, что нужно ужесточить законы против них.

Приезжие с более высоким уровнем религиозности чаще отмечают такое положительное качество екатеринбуржцев, как простота в общении, реже имеют опыт конфликтов с ними, чаще получают информацию о жизни в Екатеринбурге от русских в процессе личного общения. Люди, использовавшие

указанные практики, чаще, чем не использовавшие их, осуждают некоторые действия, не соответствующие моральным нормам. У местного населения это спор хозяина с гостем, у мигрантов — дача денег в долг под проценты знакомому, приятелю. В данных фактах проявляется ориентированность религиозных людей на моральные и коммуникативные ценности.

Можно говорить о том, что ценностно-нормативный компонент религиозности, хотя и не имеет четких критериев непосредственного измерения, проявляется через взаимодействие как с поведенческими, так и идентификационными характеристиками обследуемых.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00467.

Литература

1. Малявина С. С. Религиозность личности: поиск структуры и содержания // Вестник ПСТГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. 2017. Вып. 45. С. 92–105.
2. Eraliev Sh. Growing Religiosity Among Central Asian Migrants in Russia: Why Does Migration ‘Theologize’? // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2018. Vol. 10. P. 137–150. URL: http://japan.tsukuba.ac.jp/research/JIAJS10_ONLINE01_Eraliev.pdf (дата обращения: 24.02.2020).

УДК 316.4.051.63

**Багирова А. П.,
Южакова Э. В.**

ПРАРОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК МЕХАНИЗМ МЕЖПОКОЛЕННОГО ТРАНСФЕРТА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Аннотация: авторы характеризуют прародительский труд — его мотивы, содержание, формы и организацию, связанные с ним затраты. Описывается, как в ходе прародительского труда происходит межпоколенный трансферт социального капитала, влияющий на развитие человеческого капитала последующих поколений. Приводятся результаты эмпирического исследования передачи от старшего поколения младшему опыта гражданского участия, рассматриваемого в качестве элемента социального капитала.

Ключевые слова: прародительский труд, социальный капитал, человеческий капитал, межпоколенный трансферт, поколение «бэби-бумер».

**Bagirova A. P.,
Yuzhakova E. V.**

GRANDPARENTS' PARENTAL LABOUR AS A MECHANISM OF INTER-GENERATED TRANSFER OF SOCIAL CAPITAL

© Багирова А. П., Южакова Э. В., 2020

Abstract: the authors characterize a grandparents' parental labour — its motives, content, forms and organization, costs associated with it. The article describes how an intergenerational transfer of social capital occurs in the course of a grandparents' parental labour, which affects the development of human capital of subsequent generations. The results of an empirical study of the transfer of experience of civic participation as an element of social capital from the older generation to the younger generation are presented.

Keywords: grandparents' parental labour, social capital, human capital, intergenerational transfer, Baby Boomer generation.

В течение последних 15 лет на Урале развивается исследовательское направление, комплексно изучающее проблемы родительского труда. На сегодняшний день, в частности, обосновано, что деятельность по воспроизводству человеческого капитала (рождение детей, уход за ними, воспитание и развитие) относится к трудовой; разработан механизм включения родительского труда в российскую экономику [1]; введено понятие делегированного родительского труда [2]; разработана методика оценки результатов родительского труда и механизм их интеграции в пенсионную систему РФ [3]. Эту проблематику сегодня изучают и другие российские специалисты [4; 5]. Учеными отмечено, что функции родительского труда могут делегироваться различным людям — родственникам, наемным работникам, специалистам, профессионально занимающимся развитием детей, и др. На наш взгляд, сегодня в России целесообразно говорить о прародительском труде — труде бабушек и дедушек, который они реализуют в отношении своих внуков. Прародителям передается целый ряд родительских функций, которые они выполняют совершенно особым, не похожим на других субъектов родительского труда, образом.

На наш взгляд, специфика прародительского труда в сравнении с родительским проявляется в мотивах, содержании, формах труда и его организации, видах и уровне затрат, связанных с этим видом труда. Скорее всего, содержание прародительского труда ограничено определенными функциями, характер такого труда в целом является менее напряженным, сам труд чаще реализуется периодически, нежели постоянно. Субъекты прародительского труда чаще сами выбирают режим реализации этого труда, им реже, нежели родителям детей, приходится совмещать этот труд с профессиональным, испытывая психологические стрессы вследствие усиления конфликта «семья—работа». Затраты, связанные с прародительским трудом, делятся на временные, эмоциональные, трудовые, материальные. Однако, вопросы их соотношения, уровня, возможностей их возмещения пока малоизучены современной наукой.

Вообще обращение к исследованию женщин и мужчин старших возрастов в отношении проблем воспитания, развития внуков произошло достаточно недавно. Сегодня демографы, социологи, психологи и экономисты разных стран мира изучают роль прародителей (бабушек, дедушек) в рождении, воспитании, развитии внуков [6; 7; 8]. Отмечаются различные позитив-

ные эффекты такого межпоколенного взаимодействия для людей пожилого возраста: увеличение продолжительности их жизни [9]; усиление позитивной мотивации и улучшение душевного психологического самочувствия [10]; улучшение физического здоровья [11], снижение риска смерти [12]; повышение уровня счастья [13] и т. д. Есть исследования, в которых выявляются позитивные аспекты межпоколенного взаимодействия и для детей: влияние на их учебные результаты [14], смягчение ситуаций семейных кризисов (в частности, разводов родителей [15]) и т. д. Бабушки как отдельная социальная общность исследовались в социально-демографическом проекте «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», где, в частности, была обнаружена связь между межпоколенными социальными трансферами от бабушек к внукам (в форме заботы о внуках) и занятостью родителей этих внуков на рынке труда [16].

В ходе прародительского труда внуки могут приобрести совершенно уникальные элементы социального капитала, получение которых из других источников представляется затруднительным. Переданный социальный капитал позволяет внукам также развить и свой человеческий капитал. В качестве гипотезы эмпирического исследования было выдвинуто предположение о возможности рассмотрения прародительского труда в качестве механизма, с помощью которого передается опыт гражданского участия как элемент социального капитала от старшего поколения младшему. Для ее проверки мы опросили жителей Екатеринбурга, родившихся в 1944–1963 гг. (находящихся в возрасте 56–75 лет и относящихся к так называемому поколению «бэби-бумеров»). Опрос проводился с 1 сентября по 15 декабря 2019 г., $N = 100$ чел.

Большинство опрошенных «бэби-бумеров» признают роль семейного контекста при формировании гражданской активности. Так, 70% респондентов считают, что семья может повлиять на формирование общественной активности ребенка. Представители поколения «бэби-бумер» считают, что родители в процессе формирования гражданской активности ребенка играют роль некоего консультанта, давая рекомендации и советы своим детям (51,4%). На втором месте находится роль помощника, когда родители активно принимают участие в процессе формирования общественной активности ребенка (41,4%).

Передача гражданской активности в семье по своей направленности может быть прямой (от старшего поколения младшему) и обратная (от младшего поколения старшему). Большая часть опрошенных респондентов считает, что передача общественной активности между поколениями одной семьи возможна, эффективна и, как правило, имеет прямую направленность. Следовательно, механизмом передачи общественной активности является прародительский труд, реализуемый бабушками и дедушками в отношении их внуков.

Неотъемлемым элементом изучения формирования гражданской активности ребенка в семье путем передачи опыта участия в общественной деятельности другим поколениям являются рассмотрение способов передачи гражданской активности между поколениями. «Бэби-бумеры» чаще всего отмечают такие способы передачи общественной активности, как подача примера своим собственным поведением и поручение ребенку решения определенных задач (89,4%), реже всего респонденты отмечают мотивацию детей вступать в общественные организации и участвовать в общественных мероприятиях (10,6%). Говоря о непосредственной передаче представителями поколения «бэби-бумеров» их опыта общественной активности своим детям, большинство опрошенных отметили, что ни в прошлом, ни в данный момент времени они не участвовали в таком процессе (61,0%). В то же время почти треть респондентов (29%) подтвердили свое участие в нем (табл., расчет данных произведен авторами статьи). Сумма по частоте превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Таблица

Способы передачи опыта общественной деятельности, выделенные поколением «бэби-бумер» (% от числа опрошенных представителей поколения)

№	Способы передачи опыта общественной деятельности другим поколениям	Частота, %
1	подавать пример своим собственным поведением	89,4
2	поручать ребенку решение определенных задач	89,4
3	участвовать с ребенком в общественных мероприятиях	87,2
4	обсуждать с ребенком иллюстративные ситуации, участником которых он являлся	76,6
5	обсуждать с ребенком иллюстративные ситуации, наблюдателем которых он являлся	76,6
6	смотреть с ребенком фильмы, где раскрыты гражданские ценности	76,6
7	оплачивать детям их образование	68,1
8	рекомендовать для чтения ребенку книги, где раскрыты гражданские ценности	42,6
9	рекомендовать ребенку фильмы, где раскрыты гражданские ценности	42,6
10	оплачивать детям их дополнительное образование	21,3
11	мотивировать детей участвовать в общественных мероприятиях	10,6
12	мотивировать детей вступать в общественные организации	10,6

Проведенное исследование показывает, что в ходе прародительского труда может происходить развитие человеческого и социального капитала внуков на основе тех элементов социального капитала, которыми обладают субъекты этого вида труда. В целом же прародительский труд — это труд прародителей, реализуемый в отношении их внуков, имеющий свои мотивы, затраты и результаты, требующий регулирования в процессах его организации

и стимулировании. Сегодня данный вид труда в России признается в очень небольшой степени — в законодательстве упоминается, что пособие по уходу за ребенком могут получать не только его родители, но и другие родственники (которые, видимо, и осуществляют уход за ребенком). Тем самым в какой-то мере признаются права бабушек и дедушек на реализацию отдельных функций родительского труда. Разработка и внедрение механизма окупаемости затрат прародительского труда, на наш взгляд, могут рассматриваться в качестве основы его активизации.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00280.

Литература

1. Илышев А. М., Лаврентьева И. В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России : монография. М. : ИД «Финансы и кредит», 2005. 368 с.
2. Багирова А. П., Шубат О. М., Пшеничникова М. М. Родительский труд: специфика анализа и управления: монография. Екатеринбург : УрФУ, 2013. 206 с.
3. Багирова А. П., Быкова Д. Г. Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему Российской Федерации: проблемы и решения // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 2 (461). С. 286–298.
4. Калачикова О. Н., Груздева М. А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1 (90). С. 64–76.
5. Сеница А. Л. Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм : монография. М. : МАКС Пресс, 2012. 176 с.
6. Interdisciplinary perspectives on grandparental investment: a journey towards causality/D. A. Coall, S. Hilbrand, R. Sear, R. Hertwig // Contemporary Social Science. 13 (2). pp. 159–174.
7. Nedelcu M. Transnational grandparenting in the digital age: mediated co-presence and childcare in the case of Romanian migrants in Switzerland and Canada // European Journal of Ageing. 2017. 14 (4). pp. 375–383.
8. Sichimba F., Mooya H., Mesman J. Predicting Zambian Grandmothers' Sensitivity Toward Their Grandchildren // International Journal of Aging and Human Development. 2017. 85 (2). pp. 185–203.
9. Grandmotherhood across the demographic transition / S. N. Chapman, J. E. Pettay, M. Lahdenperä, V. C. Lummaa // PLoS ONE. 2018. 13 (7). e0200963.
10. Coall D. A., Hertwig R. Grandparental investment: Past, present and future // Behavioral and Brain Sciences. 2010. 33 (1). pp. 1–19.
11. Kim H.-J., Kang H., Johnson-Motoyama M. The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review // Journal of Family Studies. 2017. 23 (1). pp. 118–141.
12. Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: A prospective study / S. Hilbrand, D. A. Coall, D. Gerstorff, R. Hertwig // Evolution and Human Behavior. 2017. 38 (3). pp. 397–403.
13. Danielsbasca M., Tanskanen A. O. The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland // Personal Relationships. 2016. № 23. pp. 787–800.

14. Del Boca D., Piazzalunga D., Pronzato C. The role of grandparenting in early childcare and child outcomes // Review of Economics of the Household. 2018. 16 (2). pp. 477–512.

15. Attar-Schwartz S., Buchanan A. Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel // Contemporary Social Science. 2018. 13 (2). pp. 219–231.

16. Ибрагимова Д. Х. Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Сiniaвской. М. : НИСП, 2007. С. 623–637.

УДК 314.32

Гараева Э. И.

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ МЕГАПОЛИСА ФЕНОМЕНА ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА)

Аннотация: современное общество характеризуется трансформацией системы ценностей. В связи с этим появляются альтернативные формы брачно-семейных отношений. Одним из таких форм являются добровольно бездетные семьи. В данной статье анализируется феномен добровольной бездетности путем изучения мнения населения. Выявлены стереотипные суждения по отношению к сторонникам добровольной бездетности.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, добровольная бездетность, чайлдфри, чайлдхейт.

Garaeva E. I.

ASSESSMENT OF THE POPULATION OF THE MEGALOPOLIS OF THE PHENOMENON OF VOLUNTARY CHILDLESSNESS (BASED ON THE RESEARCH OF YEKATERINBURG)

Abstract: modern society is characterized by the transformation of the value system. In this regard, alternative forms of marriage and family relations are emerging. One of these forms is voluntarily childless families. This article analyzes the phenomenon of voluntary childlessness by studying the opinion of the population. Stereotypical judgments in relation to proponents of voluntary childlessness are revealed.

Keywords: reproductive behavior, voluntary childlessness, childfree, childhate.

Структура народа и его воспроизводство являются основой суверенного государства. Демографическая ситуация оказывает прямое воздействие на различные стороны развития государства: политическую, а также социально-экономическую. Значит демографическая ситуация неразрывно связана с глобальной и национальной безопасностью. Говоря о демографической ситуации как об аспекте государственной безопасности, стоит отметить, что демографический спад в стране оказывает прямое воздействие не только на внешние, но и внутренние опасности развития Российской Федерации.

Кроме того, демографическая ситуация в стране — это решающий фактор для сохранения российского государства в XXI веке [1, с. 99].

В большинстве стран мира демографический показатель рождаемости снижается. Россия — не исключение. Связано это, на наш взгляд, с трансформацией системы ценностей современного общества. Сегодня люди не ограничиваются только традиционным созданием семьи и воспитанием детей, у них появляется больше потребностей, не связанных с канонами устоявшего общества, например, в престиже, карьерном росте, самореализации и т. д. Следовательно, происходит трансформация системы ценностей, которая является показателем изменения общества. Семья теперь понимается не только в традиционном смысле, который был принят во времена предшествующих поколений, где первостепенными функциями выступали рождение и воспитание детей.

Появляются альтернативные формы семей. Одной из таких альтернативных форм семейных практик являются добровольно бездетные семьи. Но стоит акцентировать внимание на том, что это не новый феномен в современном обществе. Добровольный отказ от деторождения как выбор существовал во все времена, однако его выведение из сферы личного в публичное пространство пришлось именно на вторую половину XX века. Сознательно бездетные никак не оформлялись в обществе, оставляя свое решение в рамках личного выбора. В современную эпоху морального давления со стороны общества люди, связанные общими интересами, стремятся объединиться в сообщества, чаще всего в виртуальные, чтобы чувствовать себя более защищенными и сильными. Интернет пространство обеспечивает чувство символического признания и поддержки, делая их видимыми для общества. Так, сторонники добровольной бездетности создают группы в социальных сетях, активно общаются на форумах.

Для того, чтобы узнать отношение населения к добровольной бездетности, мы провели два исследования. Методологической основой первого исследования стал онлайн-опрос жителей города Екатеринбурга в возрасте от 18 и старше, который был создан с помощью сервиса Google Forms; второе исследование — полуформализованное интервью приверженцев добровольной бездетности форума «Планета чайлдфри» (10 женщин и 10 мужчин в возрасте от 18 до 46 лет) посредством видеозвонков. Отбор проводился методом выбора целевых групп.

Мы спросили у респондентов «Как Вы относитесь к людям, которые являются сторонниками добровольной бездетности?», ответы распределились следующим образом: больше половины респондентов отметили, что они относятся отрицательно/скорее отрицательно (53%). Четверть респондентов выразили свое нейтральное отношение к людям, нежелающим иметь детей. Нейтральное отношение к сторонникам бездетного образа жизни означает толерантное восприятие данного феномена, чего и добиваются сами добровольно бездетные люди. И всего лишь каждый 10 относится к добровольно бездетным положительно.

Общество, по мнению сознательно бездетных, настроено толерантно, но все же пока есть те, кто относится к ним с непониманием. Один из интервьюируемых отметил: *«Коллеги по работе тоже не понимают, но коллектив тактичный и свое мнение не навязывают»* (женщина, 37 лет).

Следующее, что хотелось бы выделить из исследования, — это возможные изменения отношения к сторонникам добровольной бездетности в зависимости от наличия друзей, родственников, знакомых, которые придерживаются бездетного образа жизни. 44 % респондентов, которые не имеют друзей, родственников, знакомых данной подкатегории, отметили, что отношения изменились бы в худшую сторону, если бы они узнали, что человек придерживается бездетности. У большинства респондентов (79 %), которые знакомы с представителями сознательной бездетности, отношение не изменится. Это свидетельствует о том, что у ответивших, которые имеют в окружении знакомых добровольно бездетных, отношение лояльнее, чем у тех, у кого их нет. Возможно, это связано с тем, что респонденты, у которых есть в окружении такие приверженцы, знают истинную причину данного образа жизни и поэтому относятся толерантно, и отношение к ним не изменится. Сами сознательно бездетные на вопрос из интервью: *«Изменилось бы отношение окружающих к Вам, если бы Вы отказались от бездетного образа жизни?»* ответили следующим образом: *«Если бы вдруг я отказалась от бездетности, все вышеперечисленные просто бы очень сильно удивились, не более того»* (женщина, 32 года).

В интернет-среде нередко возникают конфликтные ситуации, в нашем случае это конфликты между сторонниками бездетности и теми, кто за традиционные семейные ценности. Сторонники добровольной бездетности следующим образом комментируют свое участие в конфликтных ситуациях с противниками бездетного образа жизни: *«Да, я не могу пройти мимо, когда они лезут в тематические группы с правоуказаниями»* (женщина, 21 год); *«Это было, когда сторонники движения пролайф посчитали возможным ограничивать наши права, написав заявление в прокуратуру с просьбой закрыть ресурсы чф в сети»* (мужчина, 26 лет).

Мнение людей часто связано с тем, что они не до конца проинформированы причинами, факторами и часто «навешивают социальные ярлыки». Так, вокруг добровольной бездетности немало социальной стигматизации таких, как «все добровольно бездетные люди ненавидят детей», что основной причиной бездетности является биологическая невозможность к воспроизводству потомства и т. д.

С помощью метода полярных профилей Ч. Осгуда, (где 0 — затруднились ответить, $(-3/3)$ — полностью согласны с одним из профилей, $(-2/2)$ — согласны с одним из профилей на 50 %, $(-1/1)$ — скорее согласны с одним из профилей, чем нет), рассмотрим степень согласия с высказываниями относительно характеристик сторонников добровольной бездетности (рассчитано автором на основании проведенных исследований).

<i>Высказывания населения</i>	<i>Среднее значение</i>
трудоголики/ленивые	-1
имеют высшее образование/не имею высшего образования	-1
наличие постоянного полового партнера/ отсутствие постоянного полового партнера	0
чайлдфри счастливы в семейных отношениях/ чайлдфри несчастливы в семейных отношениях.....	-1
живут для себя/живут для других	-2
любят детей/не любят детей	-2
не имеют противопоказаний к рождению детей/ имеют противопоказаний к рождению детей	+1

Исходя из результатов онлайн-исследования, можно утверждать следующее: опрошенное население склонно к мнению, что добровольно бездетные люди являются трудоголиками. Результаты интервью подтверждают этот факт: все 10 информантов работают, занимают хорошие должности или стремятся к карьерному росту. По данным исследования мы выяснили, что 8 из 10 сторонников бездетности имеют высшее образование. Респонденты также склонны к варианту, что у нашей целевой аудитории есть высшее образование. Вопрос о характеристике семейных отношений осознанно бездетных показался нам весьма интересным. Половина наших интервьюируемых сказали, что у них нет отношений, они либо разведены, либо не состояли в браке (лишь 2 интервьюируемых состоят в браке). Наши респонденты также отметили, что добровольно бездетные скорее несчастны в отношениях, нежели счастливы в них. В ходе интервью 2 респондентов отметили, что они за свободные отношения: «*Мне семья даром не нужна, я одиночка*» (женщина, 32 лет). Возможно, что для некоторых добровольно бездетных людей тот факт, что у них нет пар, является решающим фактором бездетного образа жизни. Исходя из этого, мы можем делить добровольную бездетность на временную и окончательную. К последней относятся те, кто делает необратимые контрацепции.

Из исследования мы выявили, что такая социальная стигма по отношению к добровольно бездетным людям, как «ненависть к детям», является актуальной. В СМИ часто добровольную бездетность делят на два вида: чайлдфри, чайлдхейт. Не стоит путать понятия «чайлдфри» с понятием «чайлдхейт» (англ. *childhate* –буквально «ненавистники детей»). Первые не испытывают ненависти или других негативных чувств к детям, они могут быть только в дискомфорте, который сопровождается рождением детей, их поведением или другими ограничениями, связанными с рождением детей.

Стремление добровольно бездетных выделиться из «серой массы» очевидно, они более интеллектуально развиты, наиболее востребованы как специалисты, имеют более высокий доход (в супружеских парах, как муж, так и жена) и менее религиозны. Пока неизвестно, приведет ли отсрочка родов для более или менее значительной части населения к добровольному отказу от деторождения навсегда.

Таким образом, количество сторонников феномена осознанной бездетности растет во многих странах мира, в том числе и в России. Осознанно бездетные семьи являются альтернативной формой семейно-брачных отношений, что вызывает значительное количество осуждений и непониманий со стороны общества. Общество в большей степени проявляет негативную оценку к добровольно бездетным парам, нежели принятие данного феномена.

Каждый человек имеет право выбора, в том числе и выбора семейной жизни без детей, но при этом он сталкивается с социальным давлением. Однако, если затронуть демографическую ситуацию в России, необходимо отметить, что развитие подобных феноменов будут отрицательно влиять на состояние рождаемости в стране. При этом обратим внимание, что рождение детей — это ответственный шаг, дети должны рождаться не как следствие социального давления, а как обоюдное желание партнеров.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-311-90076.

Литература

1. Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1.

УДК 316.4, 314.4

Шубат О. М.

ПРАРОДИТЕЛЬСТВО КАК РЕСУРС РОЖДАЕМОСТИ: СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Аннотация: в статье представлено обоснование возможности рассмотрения прародительства в качестве ресурса рождаемости. Потенциал такого рассмотрения показан на основе статистических и социологических оценок российских и зарубежных трендов социально-демографического развития, практик участия прародителей в заботе и уходе за внуками.

Ключевые слова: бабушки, дедушки, прародительство, родительский труд, забота о детях, рождаемость.

Shubat O. M.

GRANDPARENTING AS A FERTILITY RESOURCE: SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL ASSESSMENTS

Abstract: the paper presents the rationale of the possibility of considering grandparenting as a fertility resource. The potential of such a consideration is shown on the basis of statistical and sociological assess-

© Шубат О. М., 2020

ments of Russian and foreign trends in socio-demographic development, as well as the practice of the participation of grandparents in the care of grandchildren.

Keywords: grandmothers, grandfathers, grandparenting, parental labour, childcare, fertility.

Одним из важнейших национальных проектов, реализуемых в России с 2019 г., является проект «Демография». Его паспортом предусматривается реализация к 2024 году ряда целей. Первые две — увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет и рост суммарного коэффициента рождаемости до величины 1,7 ребенка на женщину. В рамках национального проекта разработаны федеральные проекты, ориентированные на реализацию той или иной цели [1]. Вместе с тем, достижение указанных целей возможно и вследствие синергетического эффекта. На наш взгляд, одним из драйверов роста как рождаемости, так и продолжительности здоровой жизни, является вовлечение прародителей (бабушек и дедушек) в процесс родительского труда.

Научная разработка концепции родительского труда активно ведется в течение последних 10–15 лет в рамках уральской научной школы. Исследования проводятся преимущественно в рамках двух научных направлений — экономики труда и социологии труда (например, монография «Родительский труд: экономический и социологический анализ» авторов А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, С. В. Черешова [2]). При этом родительский труд трактуется как экономическая категория, особый вид трудовой деятельности, который связан с рождением детей, с их воспитанием, уходом за ними, с обучением, развитием и социализацией.

На наш взгляд, учет вклада прародителей в процесс воспитания внуков, заботы о них и разработка механизма активизации родительского труда, реализуемого в отношении внуков, могут способствовать росту российской рождаемости. Прародительство возможно и необходимо рассматривать в качестве ресурса рождаемости. Потенциал такого рассмотрения формируется в силу объективно скальвающих демографических, социо-культурных и экономических трендов развития современного общества.

Прежде всего, отметим тенденцию демографического старения населения. Практически во всех странах мира доля пожилых людей в составе населения увеличивается. Так, согласно прогнозам ООН, к 2050 году доля населения старше 65 лет в мире возрастет с 9 % (показатель 2019 года) до 16 % [3].

В России процесс демографического старения также очевиден. За последние десять лет доля населения в возрасте 60 лет и старше выросла с 18 до 22 % (табл.). Такие процессы, безусловно, означают усиление роли пожилых людей в социально-экономическом развитии общества.

Таблица

Доля населения старших возрастных групп в общей численности населения России, % (рассчитано по [4])

Год	Возрастные группы, лет						всего в возрасте 60 и более
	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85 и более	
2010	5,5	2,8	4,5	2,5	2	0,9	18,2
2019	6,8	5,6	3,2	2,6	2,2	1,4	21,8

Здесь важно отметить, что процесс демографического старения, как правило, означает и тот факт, что растет продолжительность жизни, а также продолжительность здоровой жизни. Согласно данным Росстата, за последние десять лет продолжительность жизни россиян увеличилась с 68,78 до 72,91 лет [4]. Официальные статистические оценки продолжительности здоровой жизни в нашей стране появились только в 2019 году — в среднем по России этот показатель составил 60,3 года [5]. О тенденциях роста ожидаемой продолжительности здоровой жизни в России можно судить по оценкам, представляемым исследователями-демографами. К примеру, в масштабной работе [6] авторы на основе различных статистических моделей представили прогноз данного показателя на период до 2035 г. Результаты моделирования показали рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни в России.

Это означает, что ресурс пожилых людей в реализации ими функций родительского труда с течением времени будет увеличиваться. Некоторые статистические оценки таких изменений представлены в зарубежных исследованиях. К примеру, у финских детей, рожденных в 1860 году, время совместной жизни хотя бы с одной из бабушек составляло в среднем четыре года и хотя бы с одним из дедушек — один год. Для детей, рожденных в 1950 году, показатель выросли до 24 и 13 лет соответственно [7].

Еще одним обстоятельством, актуализирующим рассмотрение прародительства в качестве ресурса рождаемости, является тенденция роста числа разводов и неполных семей. Официальная статистика показывает, что в последние годы в стране наблюдаются неблагоприятные тенденции в сфере семьи. Так, например, увеличивается показатель, характеризующий число разводов, приходящихся на один брак (рис.). Две последние переписи населения показали, что за межпереписной период увеличилась доля домохозяйств, в которых детей воспитывают только мать или отец: в 2002 году таких домохозяйств было 9% от общего числа домохозяйств с несовершеннолетними детьми, в 2010 году — 13% (рассчитано по [8]).

Воспитание детей в таких семьях, безусловно, приводит к тому, что потребность в помощи со стороны бабушек и дедушек увеличивается. Возможность реализации прародителями тех или иных функций в рамках родительского труда может нивелировать формирование низких репродуктивных намерений неполных семей.

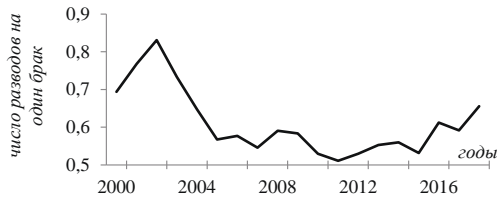

Рис. Соотношение числа браков и разводов в России (рассчитано по [9])

Важным трендом современного общества, который также способствует повышению включенности бабушек и дедушек в процесс заботы о внуках, является рост занятости женщин в сфере производства. При этом российская статистика показывает рост как общего уровня участия женщин в трудовой деятельности — за период с 2000 по 2007 гг. этот показатель вырос с 59,5 до 63,3 %, так и рост уровня занятости женщин, имеющих детей в возрасте до 18 лет — в период с 2013 по 2017 гг. показатель вырос с 76 до 78 % [10].

Потенциал рассмотрения прародительства в качестве ресурса рождаемости обуславливается и теми преимуществами, которые по данным ряда исследований появляются у пожилых людей, выполняющих те или иные функции родительского труда. Так, например, было доказано, что включение в процесс заботы о внуках позитивно влияет на когнитивные функции бабушек и дедушек [11], повышает уровень субъективного благополучия [12], снижает риск депрессии [13] и уровень смертности пожилых людей [14].

Важно отметить, что уровень вовлеченности в родительский труд, реализуемый в отношении своих внуков, имеет региональную, страновую, национально-культурную и временную специфику. К примеру, в исследовании [15] показано, что в Великобритании степень и интенсивность включения прародителей в заботу о внуках в последние годы заметно увеличивается; приводятся данные, свидетельствующие о дифференциации включенности прародителей в эти процессы в странах Северной и Южной Европы.

Включение поколения прародителей в процесс ухода за внуками, выполнение ими тех или иных трудовых функций — традиционно распространенная в России практика. К сожалению, в стране не проводятся специализированные исследования, позволяющие получать надежные оценки особенностей реализации родительского труда бабушками и дедушками. Отсутствуют и статистические данные, на основе которых можно было бы судить о масштабах распространения прародительства. Некоторую косвенную информацию можно получить из данных федерального обследования «Комплексное наблюдение условий жизни населения», в котором отдельные вопросы могут быть адаптированы для описания феномена прародительства. Так, согласно данным этого исследования, от 15 до 19 % населения старше 55 лет на еже-

дневной основе вовлечены в процесс ухода за детьми без оплаты. При этом у женщин этот показатель несколько выше — в среднем 20 % [16]. Очевидно, что масштабы включенности прародителей в процесс родительского труда в России шире; бабушки и дедушки могут быть вовлечены в него на эпизодической или регулярной основе (пусть и не ежедневно).

Таким образом, результаты исследований российских и зарубежных ученых, а также тренды социально-экономической, демографической динамики в России позволяют рассматривать прародительство в качестве ресурса рождаемости. Активная государственная поддержка и стимулирование включения бабушек и дедушек в процесс родительского труда, реализуемого в отношении внуков, будет способствовать реализации тех целей, которые определены в национальном проекте «Демография», способствуя росту рождаемости и увеличению продолжительности здоровой жизни.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00280.

Литература

1. Паспорт национального проекта «Демография». URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/demography> (дата обращения: 10.05.2019).

2. Родительский труд: экономический и социологический анализ: монография / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, С. В. Черешова ; под общ. ред. А. П. Багировой; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 208 с.

3. 2019 Revision of World Population Prospects. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 27.02.2020).

4. Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. М. : Росстат, 2019. 252 с.

5. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59456> (дата обращения: 02.03.2020).

6. Щербов С. Г., Шульгин С. Я. Продолжительность здоровой жизни населения России. Моделирование, региональные оценки и прогнозирование. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2018. 84 с.

7. Changes in length of grandparenthood in Finland 1790–1959 / S. Chapman, M. Lahdenperä, J. Pettay, V. Lummaa // Finnish Yearbook of Population Research. 2017. № 52. Pp. 3–13.

8. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г., 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 01.03.2020).

9. Демографические показатели // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.02.2020).

10. Женщины и мужчины России. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 241 с.

11. Arpino B., Bordone V. Does grandparenting pay off? The effect of child care on grandparents' cognitive functioning // Journal of Marriage and Family. 2014. № 76 (2). Pp. 337–351.

12. Mahne K., Huxhold O. Grandparenthood and subjective well-being: Moderating effects of educational level // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2015. № 70 (5). Pp. 782–792.

13. Grandparenting and psychosocial health among older Chileans: A longitudinal analysis / E. M. Grundy, C. Albala, E. Allen, A. D. Dangour, D. Elbourne, R. Uauy // Aging & Mental Health. 2012. № 16 (8). Pp. 1047–1057.

14. Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: A prospective study / S. Hilbrand, D. A. Coall, D. Gerstorf, R. Hertwig // Evolution and Human Behavior. 2017. № 38. Pp. 397–403.

15. Buchanan A., Rotkirch A. Twenty-first century grandparents: global perspectives on changing roles and consequences // Contemporary Social Science. 2018. № 13 (2). Pp. 131–144.

16. Численность населения старше 55 лет, занятого уходом за детьми // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/folder/13877> (дата обращения: 24.02.2020).

УДК 316.7

**Савчук Г. А.,
Юферева А. С.,
Кухаренко Ю. С.,
Баклагина Д. И.**

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ИНТЕГРАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

Аннотация: в статье авторы описывают анализ особенностей использования социальных сетей студентами из стран Центральной Азии в процессе их интеграции в принимающее сообщество в вузах Екатеринбурга. Для исследования поставленной проблемы привлекались первичные данные, основанные на изучении активности студентов из этих стран в социальной сети «ВКонтакте», а также практика использования данной сети для позиционирования себя в виртуальном пространстве и взаимодействия с другими пользователями.

Ключевые слова: образовательные мигранты, социальные сети, интеграция в принимающее сообщество, Центральная Азия, образование.

**Savchuk G. A.,
Yufereva A. S.,
Kukhareno Yu. S.,
Baklagina D. I.**

SOCIAL MEDIA AS A METHOD FOR EVALUATING THE DEGREE OF INTEGRATION OF STUDENTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE RECEIVING COMMUNITY

© Савчук Г. А., Юферева А. С., Кухаренко Ю. С., Баклагина Д. И., 2020

Abstract: in this article, the authors describe the results of analysis of features of the use of social media by students from Central Asian countries in the process of their integration into the host community at universities in Yekaterinburg. In order to study this issue the authors took into account of primary data based on the investigated results that were received from users on the VKontakte as the social network.

Keywords: educational migrants, social networks, integration into the host community, Central Asia, education.

Образовательная миграция активно развивается в контексте глобализации. Перед «принимающей» стороной стоит задача по созданию и/или поддержке привлекательных для иностранцев условий для обучения и проживания. Студент может высоко оценивать получаемое образование, но если он чувствует негативное или безразличное отношение со стороны принимающего сообщества, то это сказывается на его общей удовлетворенности выбором вуза и страны для обучения. Успешная интеграция в принимающее сообщество способна сыграть ключевую роль при формировании дальнейших миграционных планов иностранных граждан, в том числе, в принятии решения о трудоустройстве после окончания вуза. По данным Федеральной службы государственной статистики в российских университетах среди иностранных студентов большая доля студентов из стран Центральной Азии — 57,5% (на начало 2018/2019 учебного года). На этом основан выбор данной группы студентов для изучения степени интеграции в принимающее сообщество через анализ их поведения в социальных сетях.

Анализ источников, посвященных изучению роли социальных сетей в жизни молодежи, показал, что значительная доля авторов уделяет внимание влиянию сетевой коммуникации на ценностные установки молодого поколения (О. А. Смычков [1], И. А. Якоба [2]), изменению их поведенческих паттернов в результате использования Интернета (О. Х. Каримов [3]). Вопросы об определении специфики взаимодействия молодежи в социальных сетях, возможностей использования ими Интернета в процессе коммуникации нашли отражение в исследованиях следующих авторов (А. В. Кисиленко [4], О. А. Максимова [5]). Проблемы использования Интернета в процессе общения между молодыми пользователями сети стали предметами исследований ряда ученых: Е. А. Бердник [6], С. Е. Гасумова [7], Н. Х. Гафиятуллина [8] и др.

Среди работ, в которых подробно освещается поставленная проблематика, наиболее важными представляются труды А. А. Букаева [9], Н. А. Магомедова [10], И. С. Ткаченко [11]. В контексте развития новых технологий коммуникации особую актуальность приобретает вопрос, связанный с определением роли социальных сетей в процессе интеграции студентов в образовательную и культурную среду в целом. Среди авторов, изучающих различные аспекты этого процесса, были отмечены работы С. В. Лавриненко [12], В. Н. Муха [13], А. В. Проскуракова [14], Н. В. Янкиной [15].

Учитывая широкий круг научных источников, необходимо отметить, что в научных работах недостаточно описаны особенности использования сту-

дентами социальных сетей в процессе интеграции в принимающее сообщество. Также из исследовательского фокуса исключаются типичные поведенческие установки иностранных студентов в процессе использования данных платформ. С целью решения данной задачи видится необходимым изучить аккаунты студентов в социальной сети, чтобы выявить и раскрыть содержательные аспекты, которые позволят оценить степень интеграции студентов в социальную и культурную среду в целом.

Аккаунты студентов из стран Центральной Азии были отобраны в социальной сети «ВКонтакте» и изучены методом контент-анализа ($N = 395$). Через официальные паблики вузов Екатеринбурга (УрФУ, УрГЭУ, УрГПУ, РГППУ, УГМУ, УрГЮУ, УрГУПС, ГУ, УрГГУ) были отобраны все аккаунты студентов с наличием одной из стран Центральной Азии в персональных данных владельца и открытые для просмотра. Временные рамки исследования: март — апрель 2019 года.

Официальные паблики вузов используются для оперативного информирования студентов. Студенты регистрируются в них, чтобы получать информацию об учебной и внеучебной деятельности. Нами была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как наиболее распространенная среди молодежи в России. В процессе поиска аккаунтов студентов из стран Центральной Азии через официальные паблики вузов выяснился следующий факт: только 10–15% студентов из стран Центральной Азии указывают свою страну как открытую для просмотра в личных данных, большая часть студентов меняет или скрывает для просмотра свой город и страну, оставляя в основном статусе место текущего пребывания — Екатеринбург (доля получена путем сопоставления числа студентов из стран Центральной Азии в вузах и числа аккаунтов с наличием в персональных данных студента одной из стран Центральной Азии в официальных пабликах вузов). Нужно уточнить, что у владельца аккаунта есть следующие возможности: одновременно указать родной и контактный города; указать только контактный город; также он может оба эти города или один из них указать, но скрыть от просмотра. Вероятно, указание актуального местонахождения более удобно при поиске контактов в новом городе.

Для анализа активности владельца аккаунта по построению социальной сети нами были выбраны два параметра «число друзей» и «география друзей». Наиболее часто встречающиеся параметры «числа друзей» типичны для социальной сети «ВКонтакте»: 25,7% владельцев аккаунтов имеют до 100 друзей, 36,5% — 101...200 друзей. У 98,2% владельцев аккаунтов есть друзья из России, в 97,9% — из того вуза, в котором учится студент.

Содержание постов с целью выявления типичного контента было проанализировано за полгода (сентябрь 2018 — февраль 2019). В качестве единиц подсчета использовались как тексты, так и фотографии (при интерпретации изображения учитывалась надпись под фотографией). В 48,1% аккаунтов

встречаются посты о ценностях (наиболее распространенные о досуге, образовании, дружбе). В 18,9% аккаунтов содержатся посты о вузе (чаще всего встречаются о внеучебной деятельности). В 15,2% аккаунтах присутствуют посты о Екатеринбурге (наиболее распространенные о досуге, культуре города). В 12,1% — посты на родном языке или о национальной культуре (чаще всего встречаются посты на родном языке и фотографии в национальных костюмах). В 8,1% аккаунтах студенты делали посты о России (наиболее распространенные о путешествиях, российской культуре).

С нашей точки зрения, о степени интегрированности студента в принимающее сообщество свидетельствует изменение города и страны в персональных данных, наличие друзей из России, в том числе и из вуза, в котором он учится, типичный для любого пользователя «ВКонтакте» контент.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00471.

Литература

1. Смычкова О. А. Воздействие социальных сетей на формирование жизненной позиции молодежи // Информационная наука. 2019. № 5. С. 181–182.
2. Якоба И. А. Влияние виртуальных социальных сетей на молодежь // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 3 (50). С. 287–292.
3. Использование социальных сетей для патриотического воспитания студенческой молодежи / О. В. Каримов, А. Р. Ахметзянова, Д. Ю. Карачевский, А. И. Юсупова // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 1–2. С. 101–109.
4. Черткова А. В., Кисиленко А. В. Виртуальные социальные сети как молодежная реальность // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 1. С. 58–62.
5. Максимова О. А., Шандрик Е. О. Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 246–248.
6. Бердник Е. А. Рефлексируемые риски сетевых коммуникаций (результаты онлайн опроса российской молодежи) // Научный результат. 2018. № 3. С. 29–44.
7. Гасумова С. Е. Проблемы влияния информационного пространства на молодежь глазами студентов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 1. С. 152–160.
8. Гафиатулина Н. Х., Любецкий Н. П., Захарова Т. Ю. Социальное здоровье в условиях киберсоциализации российской молодежи: к вопросу обеспечения информационной безопасности молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 67–75.
9. Букаева А. А., Магзумова А. Т. Использование социальных сетей в образовательном процессе // Инновации в науке. 2015. № 2 (39). С. 112–115.
10. Магомедова Н. А. Перспективы использования технологий социальных сетей в образовательном процессе // Вопросы структуризации экономики. 2012. 2017. № 5. С. 22–24.
11. Ткаченко И. С., Богатырева Ю. С. Использование возможностей социальных сетей в образовательном процессе // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2017. № 3. С. 44–50.

12. Лавриченко С. В. Интернет-аддикция и проблема адаптации студентов первого курса к учебно-профессиональной среде технического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 213–218.

13. Муха В. Н. Можаяева Е. Ю., Лысенко А. И. Особенности первичной адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере КУБГТУ) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 10. С. 120–126.

14. Проскуряков А. В. Образование в условиях глобализации. Использование социальных сетей в образовательном процессе // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 61–68.

15. Янкина Н. В. О роли социальных сетей в адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 1. С. 112–120.

УДК 316.356.2

Черешова С. В.

РАСШИРЕНИЕ КРУГА СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: работа посвящена особенностям государственного регулирования применительно к субъектам родительского труда и необходимости расширения круга таких субъектов на законодательном уровне. Отмечается направленность государственной политики исключительно на семью, без учета иного круга лиц, вовлеченных в сферу родительского труда. Автор рассматривает идентификационные установки субъектов родительского труда в соответствии с кругом желательных субъектов родительского труда и выделяет типы идентификационного поведения в зависимости от ориентации на тот или иной круг предпочитаемых субъектов родительского труда.

Ключевые слова: труд, родительский труд, родители, семья, идентификационные установки.

Chereshova S. V.

EXPANDING THE CIRCLE OF SUBJECTS OF PARENTAL LABOR IN THE ASPECT OF STATE REGULATION

Abstract: the work is devoted to the features of state regulation in relation to the subjects of parental labor and the need to expand the circle of such entities at the legislative level. The focus of state policy is exclusively on the family, without taking into account a different circle of persons involved in the sphere of parental labor. The author examines the identification attitudes of subjects of parental labor in accordance with the circle of desirable subjects of parental labor and identifies types of identification behavior depending on the orientation of one or another circle of preferred subjects of parental labor.

Keywords: Labor, parental labor, parents, family, identification settings.

Недавно принятый национальный проект «Демография» [1] закрепил главные цели и задачи, поставленные перед Правительством Российской Фе-

дерации в рамках улучшения демографической ситуации на ближайшие годы, в том числе определил два главных направления: финансовая поддержка родителей при рождении детей и содействие занятости женщин с детьми до 3-х лет. Концепция демографической политики Российской Федерации [2] отводит главную роль решению задачи по повышению рождаемости усилению государственной поддержки семей имеющих детей, включая поддержку семьи в воспитании детей. Концепция семейной политики [3] закрепляет такие общественно значимые функции семьи, как рождение, воспитание, содержание и социализацию детей, определяя в качестве одного из приоритетов создание условий для реализации ответственного родительства. Все это означает, что сегодня фактически на государственном уровне ключевые участники процесса воспроизводства человеческих ресурсов, формирующих человеческий потенциал страны, ограничены родителями, а базовым объектом поддержки является семья.

Между тем, сужение круга лиц, вовлекаемых в процесс воспроизводства населения только до семейного круга, является не вполне оправданным. В научной литературе сложился более широкий подход к пониманию круга лиц, участвующих в осуществлении родительского труда. Наравне с родителями в качестве субъектов родительского труда рассматриваются специалисты и любящая социальная группа, реализующая функции родителей. Так, Э. В. Ильвес указывает на возможность относить к субъектам родительского труда родственников, специалистов сферы образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, социальной защиты [4, с. 294] — иначе говоря, всех тех лиц, которым родители по тем или иным причинам передают часть своих функций.

Признание государством иных лиц в качестве субъектов родительского труда помимо родителей позволяет существенно увеличить круг потенциальных субъектов родительского труда. Осознание родителями возможности и доступности делегирования части своих функций лицам, осуществляющим такие действия на профессиональной основе, может значительно расширить круг уже реальных субъектов родительского труда и разрешить часть тех трудностей, с которыми сталкиваются родители. Однако, на государственном уровне подобному подходу не уделяется должного внимания. Чернова Ж. В. по этому поводу, в частности, отмечает, что государство декларирует важность семейной политики и поддержки рождаемости, но лишь ограниченно удовлетворяет реальные бытовые запросы, с которыми сталкиваются конкретные исполнители родительского труда [5, с. 52].

Но разве дело только в отсутствии государственного регулирования в этом вопросе? Не менее важным представляется вопрос о том, готовы ли сами субъекты родительского труда делегировать кому-либо свои функции и кого рассматривают в качестве такого потенциального субъекта?

В ходе нашего социологического исследования, проведенного в г. Екатеринбург в 2018 году (всего опрошены более 600 человек с использованием квотной выборки по полу, возрасту, характеру участия в выполнении родительского труда), мы просили респондентов ответить, кто, по их мнению, должен заниматься родительским трудом, а кто — не должен быть его исполнителем ни при каких обстоятельствах. Все опрошенные имели возможность выбрать от одного до трех желательных субъектов родительского труда, которые, по их мнению, могут и должны заниматься выполнением родительского труда, и тех, кто не должен этого делать (рис.).

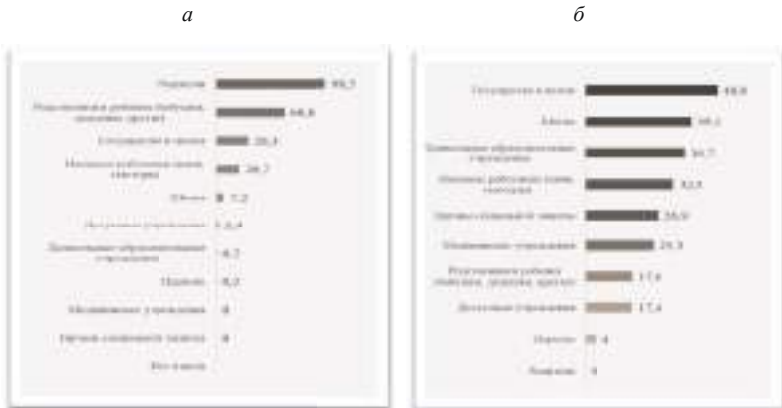

Рис. Представление опрошенных о том, кто должен заниматься выполнением родительского труда:

а — кто в первую очередь должен заниматься; *б* — кто заведомо не должен заниматься

Несмотря на то, что родители признаются фактически идеальными субъектами родительского труда, получившиеся распределения говорят о том, что участие других субъектов также допускается. Возможно оно не столь желательное как участие родителей и родственников, но все же ощущается как допустимое. Даже государство, возглавившее «антирейтинг субъектов родительского труда», представляется нежелательным субъектом менее чем для половины опрошенных. Ситуация, когда субъектами родительского труда становится кто-то помимо родителей и близких родственников, не воспринимается опрошенными как идеал, но и не отвергается. Иными словами, участие других субъектов родительского труда, помимо родителей, большинством опрошенных просто рассматривается как менее приоритетное в сравнении с ролью родителей и родственников.

Анализ перечня выбранных респондентами потенциальных субъектов родительского труда позволил выделить два типа идентификационных установок (табл.):

- 1) «Ориентация на ограниченный круг субъектов» — те случаи, где функции родительского труда предписываются только частным лицам;
- 2) «Ориентация на расширенный круг субъектов» — те случаи, где помимо частных лиц в круг желаемых субъектов включаются институциональные формы и учреждения.

Таблица

Распределение типов идентификационного поведения в соответствии с кругом предпочитаемых субъектов родительского труда (% от числа ответивших)

Тип	Идентификационное поведение (представление о том, кто должен заниматься выполнением родительского труда в обществе)	Результат, %
1	ограниченный круг субъектов (родители, родственники, наемные работники, няни, тьюторы)	62,5
2	расширенный круг субъектов (с привлечением государственных институтов)	37,5

Ограниченность круга субъектов родительского труда характеризуется прежде всего готовностью и желанием опрошенных делегировать часть своих функций государственным институтам и учреждениям (включением либо исключением их из списка тех, кто должен заниматься выполнением родительского труда). Большинство опрошенных (62,5%) рассматривают сферу родительского труда как достаточно закрытую и готовы разделить свой труд исключительно с частными лицами (родители, родственники, еще реже частные наемные работники), т. е. с теми, на кого имеют прямое влияние. Однако 37,5% респондентов продемонстрировали свою готовность к делегированию родительских функций достаточно широкому кругу лиц и включили государство и иные институты в дополнение к родителям в перечень желательных субъектов родительского труда.

Несмотря на то, что типы идентификационного поведения субъектов в сфере родительского труда характеризуются прежде всего допустимостью внешнего влияния и различным отношением к роли и статусу государства как потенциального субъекта родительского труда, и тот, и другой типы респондентов допускают делегирование своих функций иным лицам. Только в одном случае это исключительно частные лица — няни, тьюторы и т. п., а в другом — институциональные формы.

Изложенное позволяет сделать вывод, что создание доступной и привлекательной для делегирования родительских функций среды путем расширения круга лиц, вовлекаемых в осуществление родительского труда, потенциально формирует благоприятные условия для увеличения объектов такого труда. При этом возможность государственного влияния распространяется на оба типа

идентификационного поведения субъектов родительского труда. Это как создание доступной кадровой инфраструктуры и обеспечение доступности информации о ней для лиц, ориентированных на ограниченный круг субъектов, так и признание на законодательном уровне статуса иных (помимо родителей) субъектов родительского труда для лиц, ориентированных на расширенный круг субъектов родительского труда. При должном внимании к этому вопросу со стороны государства процесс привлечения новых категорий населения и увеличения количества субъектов родительского труда может стать более простым, что в определенном смысле будет способствовать решению главной задачи — улучшению характеристик процесса воспроизводства населения.

Материалы статьи подготовлены автором в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента РФ на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Литература

1. Национальный проект «Демография» // Минтруд России. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 23.02.2020).
2. Концепция демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 23.02.2020).
3. Концепция государственной семейной в Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета RG.RU. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения 23.02.2020).
4. Ильвес Э. В. Родительский труд как феномен прекаризированной занятости // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2015. С. 294.
5. Чернова Ж. В. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения. 2013. №. 7. С. 52.

УДК 316.628.5

Ворошилова А. И.

МОТИВЫ ПРАРОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ОТ НЕОБХОДИМОСТИ К ВЫБОРУ

Аннотация: в статье рассматриваются условия и динамика развития мотивации прародительского труда (труда бабушек и дедушек по воспитанию внуков). Помимо этого, рассматриваются мотивы прародительского труда и их потенциальное влияние в условиях современной семьи.

Ключевые слова: родительский труд, прародительский труд, трудовое поведение, мотивы труда, мотивация.

Voroshilova A. I.

THE GRANDPARENT LABOR MOTIVES: FROM NEED TO CHOICE

Abstract: the paper discusses conditions and the development of motivation for grandparental labor (which includes the grandparents' care for grandchildren). In addition, the motives of the grandparental labor and their potential impact in a modern family are considered.

Keywords: parental labor, grantparental labor, labor behavior, dispositional theory of personality, motivation.

На протяжении длительного периода истории человечества традиционной формой совместного проживания людей была многопоколенная семья. Старшее поколение играло значительную роль в воспроизводстве поколений наравне с родителями. Это было связано с тем, что люди активного возраста (родители) обычно не имели возможности уделять много времени детям, так как были заняты трудом (в промышленности или сельском хозяйстве), обеспечивающим выживание семьи. В этих условиях бабушки и дедушки брали на себя основные функции по присмотру за детьми и ряде бытовых вопросов [1].

Помимо функций, связанных непосредственно с обеспечением выживания потомства (уходом, присмотром, кормлением), прародители играли важную роль в передаче межпоколенного опыта, традиций, культуры. Также прародители всегда имели определенный авторитет, возможности влияния на родителей, могли контролировать выполнение родительского долга и предостерегать от ошибок. Это позволяло поддерживать социально-психологический климат в семейной группе, налаживать связь поколений. Если говорить о нашей стране, то здесь роль «русской бабушки» в формировании поколений была едва ли не культуурообразующей [2; 3].

При этом с исторической точки зрения едва ли можно говорить о выполнении бабушками и дедушками своей роли в семье как о сознательном выборе или следствии «правильной» мотивации. Такое положение вещей было продиктовано скорее необходимостью компенсировать свою частичную нетрудоспособность посильным вкладом в домашнее хозяйство. Это «оправдывало» затраты трудоспособных членов семьи на обеспечение стариков. Помимо этого, как уже было сказано выше, трудоспособные родители просто не имели возможности заниматься детьми, и присмотр бабушек и дедушек буквально обеспечивал выживание младшего поколения.

Однако научно-технический и социальный прогресс дал людям недоступную в предыдущие исторические периоды роскошь — возможность выбора. В связи с этим, сегодня решение о вступлении в брак, рождении ребенка, организации своей жизни являются результатом личных предпочтений, а не вопросом выживания. И в этих условиях поведение родителей и праро-

дителей и реализация ими своих функций в семье становится следствием личной мотивации и выбора.

В новых условиях прародительская помощь в семье не влияет напрямую на выживаемость потомства, но ее косвенное влияние может быть огромным. С одной стороны, старшее поколение (прародители) может оказать существенную поддержку своим детям (родителям) в воспитании внуков (вплоть до полного замещения родителей). С другой стороны, возможен и противоположный вариант, когда стареющие родители полностью «перетягивают» на себя ресурсы взрослых детей, не оставляя последним возможности для воспроизводства. В любом из возможных вариантов между этими двумя крайностями находится решение о рождении первого и последующего ребенка (или аборте), интервале между рожденьями первого и последующих детей и т. д. И эти решения так или иначе связаны с фактором прародительской поддержки семьи, что делает изучение мотивации прародительского труда крайне актуальным с точки зрения демографии.

Под родительским трудом мы понимаем часть родительского поведения, действий родителей, направленных на активизацию работы ребенка над собой по превращению ребенка в субъект социокультурной деятельности (носителя культуры) [4, с. 8]. Следует отметить, что по своему содержанию прародительский труд может как совпадать с родительским трудом, так и существенно отличаться от него в соответствии с выбором субъекта прародительского труда.

Мотивация как родительского, так и прародительского труда детерминирует поведение субъекта в самом процессе деятельности по формированию ребенка как субъекта социокультурной деятельности (носителя культуры). Она зависит от особенностей типа личности субъекта и социально-материальных условий реализации данной деятельности [4, с. 10]. В структуре мотивации труда выделяют три основные группы мотивов — физиологические, социальные и мотивы личностного роста [5]. И хотя мотивы прародительского труда частично пересекаются с мотивами родительства вообще и родительского труда в частности, все же они имеют свои особенности. Рассмотрим их подробнее.

1. Физиологические мотивы. К физиологическим мотивам в структуре (пра)родительской мотивации относятся мотивы, направленные на удовлетворение физиологических потребностей. В случае прародительского труда такие потребности, разумеется, не сводятся непосредственно к репродуктивным (что в определенной степени присутствует в родительском труде). Однако мотивы продолжения своего рода во внуках и правнуках вполне можно отнести к репродуктивным мотивам прародительского труда. Помимо этого, прародительский труд может иметь ряд других вполне материальных, физиологических мотивов — например, обеспечение поддержки от детей и внуков в старости, в случае потери здоровья, нетрудоспособности и т. д. Существует также

мнение, что забота о детях и внуках благотворно сказывается на физическом здоровье бабушек и дедушек, поскольку связана с физической активностью, прогулками на свежем воздухе, позитивными эмоциями.

2. Социальные мотивы. Группа социальных мотивов в прародительстве связана с потребностями в формировании социальных связей, прежде всего, семейных. Примером социальных мотивов в прародительстве может быть желание укрепить и расширить свою семью. Традиционно общие бабушки и дедушки выполняют роль связующего звена для уже разделившихся семейных групп — родных братьев и сестер и их детей, создавших собственные семьи. Наличие общего близкого родственника (прародителя) позволяет объединять различные семейные группы, формируя семейные кланы и диаспоры. Следует отметить, что в отличие от малой семейной группы, семейная диаспора обладает уже гораздо большим количеством ресурсов, возможностей взаимопомощи и социального контроля. Это часто превращает семейные диаспоры в значимые социальные силы (итальянская мафия тому пример).

Помимо этого, социальными мотивами прародительства являются удовлетворение потребностей в чувстве защищенности, нужности, значимости и психологической поддержки близких. Также, как и родительский, прародительский труд является одним из способов избежать одинокой старости, удовлетворить потребности в любви и общении.

3. Мотивы личностного роста в структуре мотивации прародительского труда также связаны с потребностями в любви. Однако в данном случае любовь выступает не только как средство в создании устойчивых социальных и семейных связей, но и как самоцель. Прародительство, хотя и имеет множество общих черт с родительством, само по себе является уникальным опытом, отличным от него. Помимо этого, очень часто прародительство становится более «продвинутой» версией родительства. Оно приходит в более зрелом и осознанном возрасте, когда люди уже имеют возможность уделять этой деятельности больше времени, могут учитывать опыт предыдущих ошибок. В современном мире родительство по ряду обстоятельств становится в жизни человека вызовом, сопряженным со множеством трудностей и ответственности. Прародители уже лишены прямой ответственности за внуков. Более того, все, что встречается в родительстве впервые, им уже знакомо из предыдущего опыта. В связи с этим, прародительство как уникальный личностный опыт становится более комфортной и знакомой сферой самореализации, зачастую с гораздо меньшим количеством трудностей, чем родительство.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что исторически роль бабушек и дедушек в обеспечении выживания и социализации молодого поколения была достаточно значительна. В то же время ее выполнение было продиктовано скорее необходимостью, чем личным выбором. Сегодня в условиях технического и социального прогресса участие прародителей в вос-

питании внуков обусловлено скорее личной мотивацией. Прародительская мотивация включает в себя основной спектр мотивов, характерных для родительского труда, но при этом является даже более широкой, поскольку формируется уже на базе существующего родительского опыта. Таким образом, в современном мире роль бабушек и дедушек приобретает новые значимые функции личностного и социального развития. Одновременно поддержка прародителей может оказать важное влияние на репродуктивные решения молодого поколения, являясь важным демографическим ресурсом страны.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00280.

Литература

1. Пойда О. В. История становления и развития родительства от первобытно-общинного строя до XVII в. // *Веснік Магілеўскага дзяржаўнага Універсітэта імя А. А. Куляшова*. Серыя с. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка. 2013. № 1 (41). С. 29–35.
2. Семенова В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // *Судьбы людей: Россия, XX век: биография семей как объект социологического исследования*. М. : Ин-т социологии РАН, 1996. С. 326–354.
3. Сорокин Г. Г. Бабушки в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1 (70). С. 78–80.
4. Ворошилова А. И. Мотивация родительского труда как социокультурный феномен : дис... канд. социол. наук: 22.00.06. Екатеринбург, 2018. 182 с.
5. Родительский труд. Условия реализации, мотивы и результаты: монография / под ред. А. П. Багировой. Екатеринбург : УрФУ, 2015. 171 с.

Секция 8. Формирование комфортной городской среды: культура горожан и культурный город

УДК 316.45

Ануфриева Е. В.

ЖЕНЩИНЫ СОВРЕМЕННОГО КРУПНОГО ГОРОДА. ГОРОЖАНКИ ЛИ?

Аннотация: в статье приведена попытка дать ответ на вопрос: можно ли назвать женщин современного крупного города горожанками? Высказывается предположение, что маркерами женского пространства в городской культуре могут быть сами женщины, жительницы города. Социокультурное пространство, занимаемое женщинами в городе, обозначено символически, визуально, оно позиционируется как публичное или приватное и создается с ориентацией на женщин-горожанок как участниц социальных, культурных, экономических отношений.

Ключевые слова: женщины, крупный город, горожанка, городская жительница, горожане.

Anufrieva E. V.

WOMEN OF A MODERN LARGE CITY. ARE THEY TOWNSWOMEN?

Abstract: the article gives an attempt to answer the question: can women be called townswomen in a modern large city? It is suggested that the markers of female space in urban culture may be women themselves, residents of the city. The sociocultural space occupied by women in the city is symbolically, visually designated, it is positioned as public or private and is created with an orientation to women townspeople as participants in social, cultural, and economic relations.

Keywords: women, large city, townswoman, urban resident, city dwellers.

Численность городского населения в мире неуклонно растет. Сегодня более половины населения мира проживает в городах. По данным ООН к 2050 году число городского народонаселения увеличится на 2,5 млрд человек [1]. Этот прогноз подтверждает ускорение процесса урбанизации как во всем мире, так и в России. По данным статистики доля городского населения по состоянию на 1 января 2019 года в России составляет 74,6%, доля сельского населения — 25,4% [2, с. 15]. В составе российского городского населения 2019 года наблюдается асимметрия/дисбаланс из 109 453 533 горожан, мужчины составляют 50 068 513 человек, а женщины — 59 385 020 человек [2, с. 23]. Судя по статистическим данным подобный дисбаланс сохраняется на протяжении последних трех десятилетий. Это позволяет предположить, что речь о феминизации

© Ануфриева Е. В., 2020

российского общества, в данном случае его городской части, не преувеличены. Кто же они такие — российские горожанки? Какие они? Как они ощущают и транслируют культуру, формируют вокруг себя пространство, которое, по словам О. Шпенглера, отличает город от деревни, а именно «наличие души» города, «именно она лежит вообще в основе бодрствования всех культур» [3, с. 93]. Город, его история, структура, пространство и городская жизнь часто становились предметом исследования как отечественных, так и зарубежных социологов, историков, философов, культурологов.

Особое внимание исследователи уделяют горожанам [4], как непосредственным участникам социокультурных процессов, происходящих в пространстве города. Акцент при этом, как правило, делается на масштабе города, подчеркивается специфика больших городов. Так Фернан Бродель говорил: «города — это как электрические трансформаторы, они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей» [5, с. 509]. Данное понимание города позволило закрепить за городами, особенно большими, понятие «реперные точки», то есть точки, которые определяют динамику социокультурного развития общества в целом [6, с. 96].

Во второй половине XIX века (после отмены крепостного права, в эпоху великих реформ) и в начале XX века «феминистское движение являлось городским движением образованных женщин среднего класса, у которых были сходные интересы, проблемы и способы их решения» [7, с. 9]. О проблеме разнородности российских женщин говорит исследовательница Г. Г. Силласте: «... я скорее опишу француженку или англичанку, потому что они более однотипные. Но вот женщину в России описать очень сложно, никакие среднеарифметические показатели тут не помогут. Ведь Россия большой национальный котел. С одной стороны, женщинам надо адаптироваться к условиям современной жизни, а с другой, на базе каких национальных ценностей и культур?» [8].

Актуальность современного прочтения «женского вопроса» подчеркивает принятие Правительством Российской Федерации распоряжения от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». В этом документе кратко и емко характеризуется положение женщин в РФ, обращает на себя внимание тезис о сложившихся в обществе представлениях как наиболее значимых социальных ролях женщины — роли домохозяйки и матери, «а профессиональные и карьерные достижения остаются второстепенными, что создает барьеры на пути достижения фактического равноправия женщин и мужчин как в общественно-политической, так и в социально-экономической жизни» [9]. В результате реализации Стратегии к 2022 году предполагается формирование «системы мер, обеспечивающих реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для их реализации женщинами во всех сферах жизни, повышение экономической независимости, политиче-

ской активности, возможностей самореализации женщин, а также преодоление стереотипных представлений о социальных ролях мужчины и женщины» [9].

Представляется несомненным то, что первоочередными участницами реализации названной Стратегии станут жительницы столичных центров и крупных городов, поскольку именно в них сосредоточены важнейшие рычаги управления и организации общественной жизни.

Большинство из этих женщин объединяет одно качество, по умолчанию опускаемое авторами-исследователями, а именно то, что они городские жительницы. Например, в Волгограде на 1 января 2018 г. проживает 1013,5 тыс. чел., из них мужчины — 457,3 тыс. чел. и женщины — 556,3 тыс. чел. [10]. Разница между городской жительницей и горожанкой, как показывают результаты проведенного нами исследования [11–13], маркируется на повседневном уровне через разницу в отношении к семье, своему здоровью, внешнему виду и его поддержанию, во владении техникой (компьютерной, бытовой и пр.), привычкой к транспорту, уровню образования, ориентированностью на карьеру, знанием города и его истории, городским менталитетом и культурой.

Обратившись к поиску ответа на вопрос о том, насколько могут быть близки данные эмпирического исследования к существующим теоретическим исследованиям, определяющим, характеризующим горожанок как социальную группу, объединенную не только по социально-территориальному признаку (проживание в городе), мы обнаружили следующее.

Как правило, исследования, посвященные женщинам, женской истории и многим другим, рассматривают женщин, во-первых, оставивших заметный след в истории: императрицы, принцессы, королевы, княжны и др., во-вторых, имеют социально-ориентированный характер, например: профилактика болезней, гигиена, все то, что способствует сохранению здоровья женщин, в-третьих, затрагивают вопросы о женском рабочем движении, в-четвертых, исследования имеют гендерный характер, связанный с территориями городского пространства, в связи с переходом от индустриальной к постиндустриальной эпохе и т. п.

Город влияет на своих жителей, но и жители влияют на город, формируют его территорию, культуру, среду, являются носителями городской культуры. Пространство городской культуры подвергается сильнейшему воздействию глобализационных процессов, сопровождающихся унифицированием различных, в том числе гендерных, позиций человека, нивелированием социально-культурных, семейных, национальных, религиозных и других его особенностей. Привычные, «традиционные» социальные роли женщины в современной городской культуре значительно изменяются по сравнению с этими же ролями в пространстве традиционной культуры. Важно понимать, кто они, эти женщины, создающие и влияющие на город, его культуру, руководствуются ли они тем, что принесли с собой, приехав в него, или тем, что

с рождения сам город в них заложил. Возможно это понимание и позволит решить многие проблемы современных крупных городов.

Литература

1. Данные ООН об увеличении городского народонаселения. URL: <http://www.unic.ru/press/po-dannym-onn-uvelichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-boleepoloviny-naseleniya-mir> (дата обращения: 20.01.20).

2. Демографический ежегодник России. 2019 : Стат. сб. М. : Росстат, 2019. 252 с.

3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М. : Мысль, 1998. 606, [2] с.

4. Коган Л. Б. Быть горожанами. М. : Мысль, 1990. 206 с.

5. Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М. : Acaddemia, 2001.

6. Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв., Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 623 с.

7. Матвеева О. Ю. Глобальные города — города, меняющие социально-культурное пространство // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 93–97.

8. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности ; под ред. Т. А. Мелешко. СПб. : Алетей, 2007. 544 с.

9. Социологи большого города. Галина Силласте. URL: http://bg.ru/society/sociologi_bolshogo_goroda_galina_sillaste-10846/ (дата обращения: 02.02.20).

10. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/government/179> (дата обращения: 02.02.20).

11. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14t/Main.htm (дата обращения: 02.02.20).

12. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Образ горожанки в оценках и мнениях современных студентов (по итогам социологического исследования) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы XI междунар. науч. конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (г. Нижний Новгород, 4–7 октября 2018 г.). В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. Л. Пушкарева [и др.] ; Российская ассоциация исследователей женской истории, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, НИУ «Высшая школа экономики». Нижний Новгород ; Москва, 2018. С. 171–173.

13. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. «Шахерезады» большого российского города (по итогам социологического исследования) // Социокультурные и демографические процессы в пространстве российских регионов: сб. ст. (по материалам всерос. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры социологии ВолГУ: III Нижневолжские чтения) / ред. кол.: А. Л. Стризов, О. И. Сгибнева, И. В. Василенко; ФГАОУ ВО «Волгоградский гос. ун-т». Волгоград, 2017. С. 164–176.

14. Ануфриева Е. В., Дулина Н. В. Горожанка горожанке рознь: гендерные аспекты повседневности недавних селянок / горожанок, приехавших в крупный город (на материалах Волгоградской области, XX — начало XXI века) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Калининград, 10–13 октября 2019 г.). В 2 ч. Ч. 1 / РАИЖИ, ИЭА РАН, Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта. Москва ; Калининград, 2019. С. 216–221.

УДК 316.42

Бирюкова Т. С.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Аннотация: в статье анализируются особенности и противоречия развития культуры в регионе. Принимая во внимание роль культуры в жизни общества, а также неравные условия доступа различных социальных групп населения и жителей малых городов к услугам учреждений культуры, изучение проблем управления сферой культуры остается актуальной задачей. Выводы, имеющиеся в данной статье, в некоторой степени расширяют научные представления об управлении культурой региона.

Ключевые слова: культура, состояние культуры региона, уровень культуры населения, учреждения культуры, сфера культуры, развитие культуры.

Birukova T. S.

SOME TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CULTURAL INSTITUTIONS IN THE REGION

Abstrac: the article analyzes the peculiarities and contradictions of cultural development in the region. Taking into account the role of culture in society, and that there are often unequal access of different social groups, residents of small towns offering cultural institutions, studying problems of management in the sphere of culture is an urgent task. The conclusions available in this article to some extent expand the scientific understanding of the management of culture in the region.

Keywords: culture, state of culture of the region, level of culture of the population, cultural institutions, sphere of culture, culture development.

Значение культуры в жизни общества невероятно велико. Серьезные политические и экономические перемены в российском обществе минувших лет оставили след и на сфере культуры. Роль культуры в жизни общества неопровержима, более того, отечественный социолог Л. Г. Ионин отмечает: «Параллельно и одновременно возрастает роль культуры в регуляции поведения и создании новых структур иного плана, происхождения и иной степени жесткости и объективности. Меняется роль культуры в обществе, и при этом меняется само понимание культуры» [1, с. 22]. Роль культуры в процессе роста и развития регионов нередко становится темой научных поисков и неравнодушного внимания не только в России, но и за рубежом [2, с. 97].

Проблемы, трудности развития и состояние в сфере культуры в трансформируемом обществе нашли отражение во многих научных публикациях. Место, значимость, роль сферы культуры, учреждений культуры, основные черты региональной политики в области культуры, доводы о ценности сферы культуры как фактора развития региона рассматривали в своих рабо-

---

© Бирюкова Т. С., 2020

тах Л. Г. Ионин [1, с. 1–427], А. А. Фирсова [3, с. 55–61] и др. Вопросы, препятствия управления сферой культуры на уровне регионов и муниципальных образований нашли отражение в работах И. Я. Мурзиной [4, с. 13–22], С. В. Мошкина [5, с. 92–98], Л. Г. Скульмовской [6, с. 562–567].

Свердловская область — регион Российской Федерации с высоким уровнем экономического развития, научной, общественной, деловой и культурной активности. Культура относится к приоритетным направлениям развития региона, признается одним из важных факторов роста качества жизни населения, гармонизации общественных отношений и достаточно значимым условием активного развития Свердловской области в социально-экономическом плане. Развитая инфраструктура культуры на территории области включает многочисленные учреждения культуры и неизменно образующиеся самодельные творческие объединения.

Свердловская область лидирует по значительному большинству показателей уровня развития культуры. В последнее время с успехом происходило развитие сети учреждений культуры в Екатеринбурге и других городах области, удалось провести большое число различных мероприятий культурного плана — концерты, новые музейные экспозиции, художественные выставки, театральные гастроли и другие. Несмотря на достигнутые успехи в процессе развития инфраструктуры культурной сферы, в регионе отмечаются определенные сложности и проблемы. Согласно статистиков 2018 году уровень фактической обеспеченности библиотеками от нормативной потребности в среднем по муниципальным образованиям Свердловской области составил 99,5 %, что соответствует уровню 2017 года (99,6 %) [7, с. 51].

Муниципальные образования принимают меры для поддержания зданий учреждений культуры в удовлетворительном состоянии, при необходимости проводят ремонтные работы, следят за улучшением подачи информации и стремятся повысить качество библиотечного обслуживания населения с использованием информационно-коммуникационных технологий. Во многом благодаря этому и достигается высокий уровень обеспеченности библиотеками. В некоторых муниципальных образованиях время от времени организуют нестационарные библиотечные пункты обслуживания населения, а также все чаще организуется книгоношество (основная задача — обеспечить доступ маломобильных групп населения к ресурсам библиотек).

Диссонанс этих успехов в том, что при довольно высоком уровне фактической обеспеченности библиотеками, в некоторых городах часть библиотек были закрыты. Так, в период с 2003 по 2018 год 184 библиотеки на территории области были закрыты, а число экземпляров книг в библиотечных фондах в этот отрезок времени сократилось на 4974 тыс. (табл. 1, 2). Оставшиеся библиотечные фонды зачастую укомплектованы устаревшими материалами, которые фактически не пользуются спросом, и в то же время чтобы их сохра-

нить, необходимы бюджетные средства. Для приобретения актуальных, новейших изданий требуются дополнительные средства, которых по обыкновению библиотекам не хватает.

Таблица 1

Общедоступные библиотеки Свердловской области с 2003 по 2007 гг. [5, с. 93; 8]

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007
Число библиотек, единиц	1031	1026	1024	999	984
Библиотечный фонд, тыс. экз.	2003	2004	2005	2006	2007
	21032	20846	20302	20119	19812

Таблица 2

Общедоступные библиотеки Свердловской области с 2010 по 2018 гг. [5, с. 93; 8]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Число библиотек, единиц	945	922	915	905	890	874	853	853	847
Библиотечный фонд, тыс. экз.	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
	18487	18095	17710	17338	16944	16608	16144	16083	16058

Удивляет, что при общей тенденции к сокращению числа общедоступных библиотек, число посетителей общедоступных библиотек Свердловской области не уменьшается [5, с. 93; 8]:

<i>Год</i>	<i>Количество посетителей, тыс. чел.</i>
2003.....	1 377,6
2004.....	1 363,8
2005.....	1 343,4
2006.....	1 310,7
2007.....	1 313,8
...	...
2010.....	1 256,0
2011.....	1 222,5
2012.....	1 208,2
2013.....	1 200,0
2014.....	1 182,1
2015.....	1 443,0
2016.....	1 453,0
2017.....	1 439,7
2018.....	1 463,3

Чаще всего основными посетителями библиотек становятся студенты и учащиеся учебных заведений. Но необходимо учитывать, что подавляющее большинство библиотек зачастую не имеют возможности удовлетворять читательские интересы, особенно на современную литературу, и тем более на иностранных языках. Вместе с тем, библиотеки снабжены морально устаревшим оборудованием.

Таким образом, библиотечная сеть нуждается в адаптации к современным условиям, для чего необходимо внедрение новых информационно-коммуни-

кационных технологий, компьютеризация библиотек, постановка новых современных задач по созданию электронного каталога и обеспечению наличия собственных электронных ресурсов. Библиотеки — один из важнейших элементов культурной, образовательной и информационной инфраструктуры, поскольку они реализуют социальные коммуникативные функции.

Фактическая обеспеченность клубами и учреждениями клубного типа в 2018 году в сопоставлении с утвержденными и действующими нормативами в регионе составила 98,1 %, что на 1,4 процентного пункта ниже, чем в 2017 году [7, с. 51]. При этом учреждения культуры по муниципальным образованиям распределены неравномерно. Противоречие наблюдается в том, что при довольно высоком уровне обеспеченности клубами и учреждениями клубного типа, в абсолютном выражении на территории области за период с 2003 по 2018 год число учреждений культуры клубного типа по Свердловской области значительно снизилось — на 123 единицы [5, с. 96; 8]:

<i>Год</i>	<i>Количество учреждений культуры клубного типа, единиц</i>
2003	959
2004	951
2005	928
2006	934
2007	933
.....	.....
2010	922
2011	902
2012	892
2013	881
2014	870
2015	858
2016	827
2017	831
2018	836

Основные причины закрытия клубных учреждений — процесс оптимизации их деятельности и неудовлетворительное состояние зданий учреждений культуры, не позволяющее осуществлять культурное обслуживание жителей в стационарных условиях в соответствии с требованиями, предъявляемыми к качеству и безопасности услуг. Это представляет угрозу для культурно-досуговой сферы. Однако заметим, сокращение общего количества учреждений культуры произошло не только из-за их закрытия, но и в результате объединения и укрупнения учреждений.

Сфера культуры — одна из наиболее сложных и специфичных сфер государственного и муниципального управления. Необходимо повысить качество и расширить спектр услуг, оказываемых в сфере культуры, не просто поддерживать имеющиеся учреждения культуры, но и создавать новые. Возможности и ресурсы для развития сферы культуры, создания новых учреждений культуры как правило возникают в крупных городах, в то время как положение жителей малых городов и сельской местности остается практически

неизменным. По-прежнему существует разделение на столичную и провинциальную, городскую и сельскую культуру.

Отсутствие или неразвитость сферы культуры приводит жителей к поиску других способов занять свободное время, а в малых городах и сельской местности это нередко пагубные привычки, которые, несомненно, отрицательно сказываются на состоянии здоровья и продолжительности жизни. Развитие сферы культуры повышает инвестиционную привлекательность региона и его конкурентные преимущества, и, что самое важное, — помогает создавать благоприятные условия для гармоничного развития самого человека.

Литература

1. Ионин Л. Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.

2. Тульчинский Г. Л. Роль и значение сферы культуры, ее вклад в социально-экономическое развитие // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005. № 2 (8). С. 97–106.

3. Фирсова А. А., Новоселова М. А. Показатели развития отраслей культуры в России // Парадигма. 2019. № 3. С. 55–61.

4. Мурзина И. Я. Культурная политика в Уральском регионе: векторы развития // Человек в мире культуры. 2014. № 2. С. 13–22.

5. Мошкин С. В. Общедоступные учреждения культуры Среднего Урала: социально-статистический анализ // Социум и власть. 2009. № 2 (22). С. 92–98.

6. Скульмовская Л. Г. Методы программно-целевого планирования и управления в сфере культуры региона в новых геополитических условиях (на примере Тюменской области) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. Вып. 13. С. 562–567.

7. Сводный доклад Свердловской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, расположенных на территории Свердловской области, за 2018 год // Правительство Свердловской области. URL: <http://midural.ru/100034/100089/100401/> (дата обращения: 02.10.2019).

8. Социальная сфера. Основные показатели. Общедоступные библиотеки // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: http://sverdl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/sphere/ (дата обращения: 20.01.2020).

УДК 316.72

Гаврилюк Т. В.

КУЛЬТУРНАЯ АГЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА: ПРАКТИКИ, НОРМЫ, ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: в статье отражены результаты исследования культурной агентности молодежи нового рабочего класса в процессе социализации с учетом особенностей институциональных, ма-

© Гаврилюк Т. В., 2020

териальных и символических факторов воспроизводства паттернов классовой культуры. Исходя из данных биографического интервью, было выделено две группы факторов и агентов культурного пространства, производящих и размывающих классовые границы.

Ключевые слова: новый рабочий класс, молодежь, культура рабочего класса, молодежная культура, культурная агентность.

Gavrilyuk T.V.

CULTURE AGENCY OF THE NEW WORKING CLASS YOUTH: PRACTICES, NORMS, SPACES

Abstract: the research is focused on the results of the study of the new working-class youth cultural agency in the process of socialization; institutional, material and symbolic factors of the class culture patterns reproduction. Based on data from biographical interviews, two groups of factors and agents of the cultural space that produce and erode class boundaries have been identified.

Keywords: new working class, youth, working-class youth, working-class culture, youth culture, cultural agency.

Предметной областью исследования является агентность молодежи нового рабочего класса современной России в культурном пространстве. Под новым рабочим классом мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. Условия труда, формы гражданской активности, культурные практики, идентичность и стили жизни представителей нового постиндустриального рабочего класса кардинально отличаются от аналогичных характеристик рабочего класса индустриальной эпохи.

Внимание данного исследования концентрируется на трансляции поведенческих паттернов, норм и ценностей классовой культуры в процессе социализации на этапе детства и юношества, их применении во взрослой жизни молодежью нового рабочего класса, институциональных, материальных и символических факторах воспроизводства и трансформации детских и молодежных досуговых сообществ. Кроме того, понимание культурной агентности российской рабочей молодежи достигается посредством анализа таких параметров, как креативные и досуговые практики, использование традиционных и новых медиа.

Исследование опирается на стратегию микс-методов (массовый опрос 1534 респондентов и глубинное биографическое интервью с 21 информантом), где количественные данные позволяют выделить наиболее общие тренды, характеризующие классовый габитус молодого представителя нового рабочего класса, а также структурные барьеры и ограничения, препятствующие восхо-

дядшей социальной мобильности, а качественные методы открывают герменевтическую перспективу в изучении ценностей и поведенческих паттернов, способов их легитимации и средств дискурсивного конструирования. Методологическим основанием выступил рефлексивный анализ классовой культуры с опорой на категориальное поле феноменологии [1, с. 3–12] и культурноориентированный классовый анализ П. Бурдьё [2, с. 25–30].

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от многих авторов, придерживающихся методологии П. Бурдьё [3, с. 21], мы не рассматриваем культурный капитал в качестве классообразующего признака, так как наши предыдущие исследования [4, с. 108–110; 5, с. 48–54] продемонстрировали, что в условиях российской провинции наблюдается сходство культурных практик и вкусов представителей как среднего, так и рабочего класса. Тем не менее, новый рабочий класс является негомогенным образованием, и одним из факторов его внутренней дифференциации является стиль жизни и культурный капитал.

Исходя из данных биографического интервью, мы выделили две группы факторов и агентов культурного пространства на этапе детства и подросткового периода жизни информантов (конец 1990-х — начало 2000-х гг.), действие которых носит противоположно направленный характер — производство классовых границ и их размывание. Итоговый результат, влияющий на дальнейший жизненный путь человека и реализацию его потенциала, во многом зависит от баланса сил между двумя выделенными совокупностями факторов:

1. Факторы и агенты, стирающие границы классовых культур и предоставляющие индивидам возможности для восходящей социальной мобильности: детские «кружки», спортивные секции, художественные и музыкальные школы (из 31 информанта 7 имеют дополнительное художественное или музыкальное образование, 12 — занимались в различных спортивных секциях, 3 — посещали кружки рукоделия, 1 — состоял в кадетском корпусе). Указанные социальные институты, выступая в качестве агентов культурного пространства, производят генерализующие эффекты, сокращая разрыв между классами и позволяя детям с различным социальным происхождением развивать способности и наращивать культурный капитал. Вместе с тем, являясь наследием советского времени, в период детства информантов данные институты по-прежнему функционировали как дисциплинарные системы контроля, стирающие классовые границы зачастую за счет нивелирования значимых индивидуальных различий.

2. Противоположный эффект, замыкающий рамки классовой культуры, ограничивающий социальную мобильность юных представителей рабочего класса и препятствующий реализации потенциала, оказывала другая группа факторов и агентов культурного пространства, среди которых:

- «Культура дворовых банд». Исследование показало, что дворовая «карьера» начинается в детстве с мелкого хулиганства и рискованного

поведения — «прыгали по гаражам», «что-то поджигали», «кидались камнями друг в друга», «взрывали корбит», «дурились, дрались или над кем-то угорали», «кидал в костер все, что может взорваться поэпичней», «в людей снежками кидались и скидывали снег на них» и т. д. В возрасте около 12 лет дети переходят в подростковые группировки, досуговые практики которых предусматривают раннюю алкоголизацию (распитие спиртного «на лавочке», «в холода по подъездам выпивали», в случае отъезда родителей — в квартирах («на вписке»), реже — наркопрактики («в первый раз — за гаражами» и в других закрытых пространствах), бытовую ксенофобию и конфликтные взаимодействия с «другими» («задирали парней с другого района»), порча имущества («машину побил соседскую как-то, не знаю зачем, зато свои уважали») и другие ритуалы социального признания и коллективной идентификации.

Следует подчеркнуть значение материальных, нормативных и символических факторов, которые, взаимодействуя между собой, участвуют в воспроизводстве и трансформации такого рода детских и молодежных сообществ. Например, к материальным факторам относится архитектурная среда, формирующая закрытые дворовые пространства многоквартирных домов и разделяющая людей на районы проживания, что является мощным идентификационным признаком для молодежи и подростков. В отличие от классических британских исследований уличных группировок как «сообществ на углу» улиц [6], где в европейских городах расположены бары и рестораны, российский материальный контекст обеспечивает условия для формирования закрытых сообществ. Улица как публичное пространство подразумевает поток людей, объектов и идей, что дает возможность для непрерывных изменений, в то время как внутреннее пространство типичного российского двора формирует сообщества с гораздо более тесными социальными связями хорошо знакомых людей, знающих «правила игры» и производящих регулярные ритуализированные практики. В силу этих материальных условий паттерн восприятия молодежью рабочего класса как «гопников» устойчив в некоторых российских регионах, начиная с 1980-х гг. и по настоящее время.

- *Практики домашнего досуга семьи*, воспроизводящие паттерн «нормальной» или «обычной» жизни. Наиболее часто встречающееся описание включает занятых и уставших от тяжелой работы родителей, досуг которых предполагал для матери — домашнюю работу и посещение гостей, для отца — лежание на диване перед экраном телевизора, а также компьютерные игры. Несмотря на доброжелательные отношения в большинстве семей, родители информантов не вкладывали много усилий в занятия, развивающие ребенка в культурном и образовательном смысле, предпочитая делегировать эту функцию институциональным агентам, влияние которых в большинстве случа-

ев вытеснялось противонаправленным воздействием «дворовой культуры» и хаотичным потреблением интернет-контента.

- *Изолирующие досуговые практики*, обуславливающие низкую вовлеченность индивидов в пространства городской культуры. Данные разновидности досуга подвергаются нормализации и транслируются между поколениями, они связаны преимущественно с физическим трудом и протекают в закрытых пространствах, не предполагающих возможности расширения круга коммуникации, увеличения социального капитала или включения в досуговые практики городского среднего класса. Пространства такого досуга — это обычно дом, дача, гараж или природа («шашлыки» или рыбалка). Домашний досуг информантов мы оценивали посредством данных массового опроса, где респондентам предлагалось выбрать до пяти наиболее значимых его форм. Среди популярных практик были отмечены просмотр телевизора (51,8%), социальные сети (48,7%), просмотр фильмов и сериалов через Интернет (43,5%), прослушивание музыки (40,5%), общение с родственниками (33,9%), просмотр видео на YouTube и подобных ресурсах (30,2%), компьютерные игры (24,5%). Никто из наших информантов как из традиционного рабочего класса, так и из сервисного сектора не упомянул посещение учреждений так называемой «высокой» культуры ни ими самими, ни их родителями (за исключением одного случая, где информантом выступил рабочий сцены с художественным образованием). Несмотря на экономическую и репертуарную демократичность такого рода учреждений в провинции, потенциальный запрос на их посещение молодежью рабочего класса невысок («*то времени нет, то денег, то настроения*»). Творческие занятия, столь популярные в детстве, также имеют низкую распространенность в среде молодых взрослых из рабочего класса: около 6% отметили художественное творчество и столько же «хенд-мейд» в качестве досуговых занятий, самообразованием занимается 6,1%, а создает контент для Интернета лишь 2% опрошенной рабочей молодежи. 16,6% опрошенной молодежи читает книги, слушает аудиокниги 3,6% респондентов. Существенной разницы в структуре домашнего досуга между промышленной и сервисной частью нового рабочего класса выявлено не было.

На основании кодирования транскриптов интервью, мы измерили уровень культурной вовлеченности и коммуникативный круг информантов на момент проведения исследования, выделив несколько модальных типов на основании этих двух признаков. Наиболее часто встречающийся тип (около трети выборочной совокупности) — молодежь, практически исключенная из городского пространства и обладающая узким коммуникативным кругом из нескольких друзей. В целом, для работников сервисной сферы характерен более высокий

уровень вовлеченности и коммуникации, однако их практики ограничены только пространствами потребления. По данным анкетного опроса наиболее часто («несколько раз в месяц») молодежь нового рабочего класса посещает торговые центры (48,6%), кинотеатры (24,3%), фитнес-клубы (19,5%), кафе, рестораны (18,5%).

Таким образом, в российских реалиях не фиксируется «рабочего» ответа на гегемонию культуры среднего класса ввиду: 1) отсутствия ярко выраженного классового антагонизма в культурном пространстве и различий в потребительских практиках между средним и рабочим классом; 2) низкого креативного потенциала молодежи нового рабочего класса, низкого уровня субкультурной активности, ограниченного набора культурных практик, предполагающих потребление готового информационного контента; 3) изменения материальных, нормативных и символических условий — более жесткого регулирования противоправных действий, установления физических барьеров, реконфигурирующих досуговые пространства молодежи, переписоения контркультурных символов дворовых сообществ массовой культурой и их коммерциализации. Досуг молодых представителей нового рабочего класса перетекает в Интернет либо замыкается в узком кругу друзей или семьи. Освоение города связано лишь с пространствами потребления популярной культуры, при этом по мере увеличения материального благосостояния культурные запросы исследуемой группы молодежи остаются прежними.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062.

Литература

1. Charlesworth S. A Phenomenology of Working Class Experience. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
2. Бурдые П. Различение. Социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.
3. Culture, Class, Distinction / T. Bennet, M. Savage, E. Silva, A. Warde, M. Gayo-Cal, D. Wright. London : Routledge, 2009.
4. Гаврилюк Т. В. Культурный потенциал молодых преподавателей российской провинции: теория и практика исследования // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 102–110.
5. Гаврилюк Т. В. Социальная мобильность и образ будущего молодежи в биографических нарративах успешности // Особенности социальной мобильности молодежи XXI века. Тюмень : ТИУ, 2016. С. 8–54.
6. Whyte W. F. Street Corner Society // University of Chicago. Press Chicago, 1943.

УДК 316.35

Голубкова Е. А.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ AMBIENT MEDIA В ОЦЕНКАХ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕСТВА ЕКАТЕРИНБУРГА

Аннотация: в статье автор рассматривает влияние новых рекламных медиа, формирующихся в условиях динамически изменяемого коммуникативного пространства, на городскую среду Екатеринбурга. Социокультурный феномен *Ambient media* — рекламы, ненавязчиво встроенной в городские объекты повседневности, остается малоизученным в современной России. Автором проведено глубинное интервью с представителями рекламного сообщества г. Екатеринбурга ($N = 22$). В ходе исследования проанализировано влияние новых медиа на изменение городской среды Екатеринбурга, а также предпринята попытка определения социальных групп, наиболее часто подверженных воздействию *Ambient media* в публичном пространстве города.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, социокультурные изменения, городская среда, новые медиа, *Ambient media*.

Golubkova E. A.

FORMATION OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT INFLUENCED BY AMBIENT MEDIA IN ESTIMATES OF THE ADVERTISING COMMUNITY OF YEKATERINBURG

Abstract: the article describes the influence of new advertising media, which are formed by changeful communicative space, on Ekaterinburg urban environment. Sociocultural phenomenon of *Ambient media* remains insufficiently explored in modern Russia. The in-depth interview with the Ekaterinburg advertising professional community ($N = 22$) were held by the author. The study analyzes how new media influence on urban environment and what social groups exposed to *Ambient media* in urban public space.

Keywords: communicative space, sociocultural changes, urban environment, new media, *Ambient media*.

Запрос современных горожан на комфортную и безопасную среду проживания является во многом следствием изменений, происходящих в динамически развивающемся коммуникативном пространстве. Позитивные социокультурные явления последних десятилетий: развитие технологизации, появление электронных средств связи, портативных мобильных девайсов, позволяющих оставаться онлайн перманентно, процессы нарастающей медианфляции способны нарушать «установленный мир жизни», являться травматогенными [1, с. 475].

Динамичность и постоянная изменчивость современного социокультурного пространства формируют иные способы общения людей. Электронные технологии (Интернет, СММ, социальные сети, блоги, чаты), а также технические средства (мобильные устройства карманных размеров) трансформируют

© Голубкова Е. А., 2020

саму структуру социального взаимодействия, требуя новых способов коммуникации медиа и человека [2, с. 199]. Современный человек впервые на историческом протяжении имеет возможность непрерывно получать информацию в режиме онлайн. Коммуникация не имеет более границ и условностей. Такое общение может характеризовать термин «*ambient awareness*» — всеохватывающая осведомленность [3, с. 150]. Благодаря перенасыщенности информацией и значительному увеличению круга участников коммуникации возникает информационный хаос, где успех коммуникации все сложнее определить.

Симптомами травмы, проявляющимися в коммуникативном пространстве города, являются пассивность, ощущение собственного бессилия перед непрекращающимся потоком сообщений, неопределенное состояние беспокойства, что побуждает современного человека к поиску социальных и психологических способов защиты от нежелательной информации.

Проблема формирования комфортной и безопасной среды, на наш взгляд, особенно актуальна для российских городов. Их история и внешний облик напрямую связаны со становлением советского уклада с присущей ему казенной культурой и обезличенным пространством. Поэтому непринужденность и естественность публичной жизни городских улиц — явление редкое и малоизученное в российском социокультурном пространстве. Ведь именно в открытых публичных пространствах, по мнению американских урбанистов, возникают социальные взаимодействия, основанные на доверии [4, с. 51]. Ощущение публичного равенства, публичного уважения, доверия и взаимопомощи — вот слагаемые успешной городской коммуникации [5, с. 68].

В последнее десятилетие как в Европе, так и в России наблюдается активный рост использования нестандартных форм рекламных коммуникаций, основанных на поиске новых гармоничных форм взаимодействия человека и среды [6, с. 1]. Одной из таких инновационных форм является *Ambient media* — реклама, ненавязчиво встроенная в окружающую среду. Каналами распространения *Ambient media* являются привычные для индивида объекты повседневности: остановки общественного транспорта, скамейки, эскалаторы, городские зеленые насаждения, квитанции ЖКХ. Новые медиа наполняют пространство понятными для индивида смыслами и символами, тем самым трансформируя среду в «свою», преодолевая историческую отчужденность среды. Они способны формировать особые ниши, где современный человек чувствует себя защищенным от агрессивной внешней среды [7, с. 23].

Сегодня на улицах Екатеринбурга начинают появляться новые нестандартные формы рекламы. О том, как появление новых медиа влияет на городскую среду Екатеринбурга, способствует ли *Ambient media* формированию открытых публичных городских пространств и какие социальные группы города уже вовлечены в этот процесс, мы поговорили с представителям рекламного сообщества Екатеринбурга, полагая, что рекламные эксперты являются

наиболее компетентной группой в этой малоизученной и новой для города тематике. Несмотря на возрастающий интерес к проблематике изменения взаимодействия человека и среды, исследования нетрадиционных медиа и их влияние на городскую среду в России не проводились.

Летом 2019 года в Екатеринбурге нами было проведено глубинное интервью с 22 экспертами в области рекламы и маркетинга со статусом не ниже руководителя рекламного агентства или отдела. Целью нашего исследования стало изучение оценок экспертами рекламного сообщества города влияния новой формы коммуникации *Ambient media* на городскую среду Екатеринбурга.

Нестандартные формы рекламных коммуникаций, встроенных в окружающее пространство, провоцирует взаимодействие индивида с городской средой. Эксперты отмечают высокий уровень вовлеченности при взаимодействии человека с новыми медиа. Он достигается благодаря тому, что *Ambient media* наделяет городское пространство новыми яркими образами и смыслами. Город особым образом начинает коммуницировать со своими жителями посредством необычных арт-объектов. *Ambient media* становится тем языком, с помощью которого город «рассказывает» о себе. *«Мы живем в эпоху говорящего города. Вспомните рисунок на здании на улице Малышева — «бессовестно талантливый». Он появился, и среда изменилась, и город сразу стал другим»* (Светлана, директор ивент-проектов рекламного агентства).

В *Ambient media* эксперты видят не только возможность создания яркого арт-объекта, аналогов которому еще не было в городе, но и возможность самостоятельно влиять на изменения городской среды. *«Мы планируем рекламную акцию для уральского банка: клиент прикладывает банковскую карточку к фасаду здания на улице, чтобы сделать перечисление в благотворительный фонд. В процессе перевода черно-белая картинка на здании превращается в цветную, и появляется общая сумма перечисленных средств. Так лично я создаю ту городскую среду, в которой мне приятно жить»* (Андрей, арт-директор банка).

Новые рекламные коммуникации являются выразительной формой творчества. Они способствуют созданию определенного образа города, также как архитектура и ландшафт. С одной стороны, *Ambient*-объекты привносят в облик города яркость и креативность. С другой, — формируют художественный вкус горожан. Респонденты отмечают, что появление нестандартных рекламных объектов, по их мнению, способно повысить уровень бытовой культуры населения. *«Нестандарты формируют у людей критическое эстетическое мышление. Они оценивают такую рекламу, объясняют для себя, это мне нравится или нет и почему. А потом, если вокруг все необычно красиво, так ведь лишний раз и окурок бросить или плюнуть не захочется»* (Владимир, креативный директор рекламного агентства).

Присутствие *Ambient media* на улицах Екатеринбурга является для многих представителей рекламного сообщества символом свободы и творчества.

Яркие нестандарты «говорят» о свободе от границ, свободе самовыражения и волеизъявления. Город становится «своим». Люди принимают его через идентифицируемые смыслы и значения, заложенные в нестандартных формах рекламы. Чаще всего такая реклама создает позитивный настрой и наделена жизнеутверждающими смыслами. Абсолютное большинство экспертов полагает, что присутствие *Ambient media* в Екатеринбурге — это повод для гордости горожан. Сам по себе *Ambient*-объект становится новостным поводом, с высокой вероятностью попадая в информационное поле как городское, так и федеральное. «Город, о котором говорят. Мне приятно слышать от коллег из других городов, что они и не знали, что у нас так классно — у нас терка стоит в центре города, и звери сидят на фасаде зданий, телевизор смотрят про природу. Чувствую, что живу в драйвовом городе» (Екатерина, директор SMM-агентства).

По мнению экспертов, распространение *Ambient media* в Екатеринбурге прежде всего повлияет на те социальные группы, которые присутствуют в публичных пространствах: гуляют по улицам города и посещают открытые общественные мероприятия. Среди таких групп эксперты выделяют школьников, студентов, семьи с маленькими детьми, а также деловое сообщество. «В аэропорту на стенах разместили вырезки из музыкальных композиций, связанных с тематикой неба, самолетов, полета. Музыкальные отрывки оформили в виде штрихкодов. Это было любопытно и интересно не только для молодежи, но не для всех, кто там присутствовал. В публичных открытых местах *Ambient* будет интересен для всех!» (Ольга, директор PR-агентства).

Таким образом, *Ambient media* ассоциируется у представителей рекламного сообщества с «местами притяжения» для горожан. Это те точки города, вокруг которых способны формироваться открытые публичные пространства, призванные инициировать ощущение публичного равенства и уважения. Новые медиа способны стать естественным стимулом для общения, основанного на доверии и общности интересов индивидов. Нестандарты наделяют Екатеринбург новыми значениями и смыслами: свобода, творчество, эстетика, гордость за свой город, тем самым трансформируя городскую среду в более комфортную, преодолевая отчуждение среды.

Литература

1. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005. 664 с.
2. Ahmed M., Mandar C. Ambient Noise in Warm Shallow Waters: A Communications Perspective // IEEE communications magazine. 2017. 55 (6). С. 198–204.
3. Levordashka A., Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks // Computers in Human Behavior. 2016. № 60. С. 147–154.
4. Арендт Х. VITA ACTIVA, или о деятельной жизни. СПб., 2000. 437 с.
5. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство, 2011. 460 с.

6. Dalcher D. Time to rethink the social element of projects: Building on ambient awareness and social media // PM World Journal. 5 (5). С. 1–5. URL: www.pmworldlibrary.net/wp-content/uploads/2016/05/pmwj46-May2016-Dalcher-time-to-rethink-social-element-of-projects-Series-Article.pdf. (дата обращения 20.06.2019).

7. McCullough M. Ambient Commons: Attention in the Age of Embodied Information. MIT Press, 2013. 351 с.

УДК 316.3

Дулина Н. В.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК МЕХАНИЗМ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛГОГРАДА)

Аннотация: проблема сохранения культурной памяти, ставшая предметом повышенного интереса (не только теоретического, но и практического), приобретает особую актуальность в год празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Именно в годы юбилейных дат традиционно обостряются споры о событиях времен Великой Отечественной войны и ее последствиях. В статье предпринята попытка показать, что культурная память жителей конкретного города выступает одним из элементов сложного социального механизма идентификации.

Ключевые слова: память, культура, культурная память, город, идентификация.

Dulina N. V.

CULTURAL MEMORY AS A MECHANISM OF IDENTIFICATION IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE CITY (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD)

Abstract: the problem of preserving cultural memory, which has become a subject of increased interest (not only theoretical, but also practical), is of particular relevance in the year of the celebration of the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in Great Patriotic War. In the years of anniversary dates, disputes about the events of Great Patriotic War and its consequences are traditionally exacerbated. The article attempts to show that the cultural memory of the inhabitants of particular city is one of the elements of a complex social identification mechanism.

Keywords: memory, culture, cultural memory, city, identification.

Культурная память за последние десятилетия стала предметом повышенного интереса, особенно в России, причем значительное внимание привлекает не столько само понятие «культурная память», которое стало «квинтэссенцией междисциплинарных интересов» и темой, на которую «ни у кого не было... преимущественного права» [1, с. 9], сколько формы ее проявления в повседневной жизни людей.

В данной статье мы не будем обсуждать теоретические вопросы исторической и/или культурной памяти народа, это сделано до нас, и сделано очень хорошо (напр., см. [2–8] и др.). Предметом нашего научного интереса также довольно часто становится историческая и культурная память жителей региона (напр., см. [9–11] и др.). Однако, справедливости ради, заметим, что чаще в своих работах мы обращаемся к культурной памяти студентов (напр., см. [12–14] и др.). Интерес к данной теме легко объясняется как историей формирования Волгоградской области («перекрестка цивилизаций»), так и одновременно героическими и трагическими событиями времен Великой Отечественной войны (напр., см. [15–17] и др.).

Анализ научных публикаций показывает, что для освоения социокультурного пространства региона, то есть превращения этого пространства для субъекта в «свой» ареал обитания, иногда требуется усилие не одного поколения. Каждый человек испытывает потребность и должен иметь возможность причислить себя к какой-либо общности, задающей рамки его жизни. Если же соотнесения себя с группой не происходит, у человека могут быть потеряны социальные ориентиры, без которых существование его в социуме будет ощущаться скорее бессмысленным, бессодержательным. Тезис о необходимости человека ощущать свою идентичность хорошо иллюстрируется словами Э. Фромма о существовании фундаментальной «потребности в корнях, потребности быть частью социального мира, потребности в установлении связей и отношений, потребности преодоления в себе пассивности живой природы, потребности в системе взглядов и приверженностей» [18, с. 41]. Мы разделяем мнение о том, что идентичность — это не свойство, а сформированное в ходе социальных практик отношение индивида. Причиной существования идентичности является потребность человека структурировать, упорядочить свое существование. П. Рикер довольно точно подметил, что идентичность характеризуется непрерывной устойчивостью во временной длительности [19, с. 148–149]. М. Кастельс рассматривает идентичность как некий процесс, через который социальный актор узнает самого себя и в дальнейшем конструирует смыслы, на основе уже имеющейся совокупности культурных свойств, но исключая соотнесение с иными социальными структурами [20, с. 27]. Продолжая развивать данную мысль, можно предположить, что именно культурная память конкретного социального пространства выступает условием самоидентификации как отдельного индивида, так и социальных групп, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия, проводя условное «межевание»: свои — чужие, формируя социокультурную идентичность — некое осознание своей принадлежности к социокультурной среде, которая выражается через инкорпорирование основных в этой социокультурной среде ценностей (а также стереотипов, установок и пр.). Заметим, что культурная память имеет ре-

конструктивный характер, т. е. ценностные идеи, имплицитированные в ней, все транслируемое ею «знание о прошлом», непосредственно связаны с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни группы. В этой связи можно предположить, что именно культурная память, отличительной чертой которой является то, что формируется она очень долго, веками, а ее основная характеристика — это высокая степень формализации, выступает одним из основных механизмов идентификации человеком себя в социокультурном пространстве (в нашем случае) города.

Эмпирическую базу наших размышлений о культурной памяти жителей Волгограда составили результаты социологического исследования, проведенного в 2019 году ($N = 1214$), поддержанного грантами РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18–411–340011 р_а «Сохранение и трансляция региональных ценностей как условие модернизации социокультурного ландшафта современного российского региона» (эмпирическая база выполненного исследования полностью представлена в [11]).

Подавляющая часть жителей региона разделяет убежденность в том, что Волгоградская область у жителей страны ассоциируется в сознании россиян с Великой Отечественной войной. Однозначно согласились с данным утверждением 58,2 % респондентов, альтернативу «скорее согласен» выбрали еще 32,8 % опрошенных. Закрепление данной ценности в социокультурном пространстве города подтверждается ответами на другой вопрос анкеты: «Если бы Вам предстояло рассказать о нашем регионе последующим поколениям, на что, в первую очередь, Вы бы обратили внимание?». Каждые восемь человек из десяти опрошенных будут рассказывать о Сталинградской битве (84 %), и только чуть больше четверти респондентов готовы рассказать о его истории (27,2 %) и столько же об уникальности географического положения и климата, еще меньше — только каждый пятый (20,3 %), — о традициях народов, проживающих в регионе.

Куда бы жители Волгограда повели своих гостей, приехавших познакомиться с городом? В первую очередь на Мамаев курган. Памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в качестве объекта посещения гостями выбрали 83,8 % опрошенных. В музей-панораму «Сталинградская битва» — 81,5 %, на центральную набережную Волгограда имени 62-й Армии (любимое место прогулок горожан) — 57,2 %, на площадь Павших борцов — 50,7 %. И далее, но уже со значительным отрывом, идут интерактивный музей «Россия — моя история», историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Сарепта», Солдатское поле — мемориальный комплекс, посвященный павшим воинам 62-й Армии, музей «Память» — место пленения Ф. Паулоса, Россоски: военно-мемориальное кладбище и т. д.

Не трудно заметить, что память горожан в большинстве своем надежно хранит то, что однозначно относится к пространству Сталинградской битвы

(о чем им ежедневно напоминают названия улиц, площадей и даже остановок общественного транспорта). Как исключение из общего правила всплывают в памяти горожан иные объекты истории и культуры региона, как, например, уже упомянутый музей «Сарепта», или Царицынская сторожевая линия, Казачий курень — этнографический музей народной архитектуры и быта донских казаков... Но, что важно, как свидетельствуют результаты исследования, и сами волгоградцы чаще бывают именно в тех местах, куда пригласили бы своих гостей. Иначе говоря, Мамаев курган, музей-панорама и т. д. стали неотъемлемой частью повседневной жизни волгоградцев, причем посещают они (жители города) эти места по нескольку раз в год, куда идут не только сами, но ведут детей и внуков, закрепляя традицию в сознании и поведении молодого поколения.

Чаще всего, практически традиционно, это бывает дважды в году — 9 Мая и 2 февраля.

Ограниченные рамки статьи не позволяют представить весь богатый материал, полученный в ходе социологического исследования, но данные, как представленные выше, так и не вошедшие в текст, позволяют заключить, что культурная память играет важную роль в формировании социокультурного пространства региона, являясь одним из составных элементов сложного механизма самоидентификации жителей в своем городе.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-411-340011.

Литература

1. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб. : «Владимир Даль», 2003. 423 с.
2. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации / автореф. дисс... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturnoe-nasledie-kak-yadro-kulturnoy-pamyati-i-ego-rol-v-sohranении-duhovnoy-tselostnosti-rossiyskoy-tsvivilizatsii> (дата обращения 10.01.20).
3. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2006. С. 47–55.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Нора П., Озуф М., де Пюимеж. Франция — память. М. ; Винок; СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.
7. Романова А. П. Культурная память как один из видов социальной памяти. URL: http://www.eternalfrontier.org/?page_id=165 (дата обращения 10.01.20).

8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

9. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В., Мишта С. П. Две Великие битвы в пространстве одной войны: память поколений // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы в Курской битве (14–15 мая 2018 г., г. Курск) / ред. кол.: В. В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск : Университетская книга, 2018. С. 341–346.

10. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 312 с.

11. Современный социокультурный ландшафт Волгоградской области: оценка состояния / Н. О. Белкова, Н. В. Дулина, В. А. Парамонова, О. И. Сгибнева, Е. А. Яновская; ФГАОУ ВО Волгогр. гос. ун-т. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019. 86 с.

12. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Культурно-историческая память как фактор социализации студенческой молодежи России (по итогам прикладного социологического исследования) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) : Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016. С. 2270–2282.

13. Дулина Н. В., Кучеров В. Г. Правнуки Победы: студенты о Великой Отечественной войне (по итогам прикладного социологического исследования) // Оборонная техника. 2015. № 9/10. С. 92–97.

14. Орлов Г. В., Дулина Н. В. Уроки истории: патриотизм и предательство в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 2 (155). Волгоград : ВолГТУ, 2015. С. 168–173.

15. Дулина Н. В., Беликова Е. О. Специфика поликультурного существования на перекрестке цивилизаций: региональный аспект (на примере Волгоградской области) // Инновационно-предпринимательское образование в контексте повышения качества жизни : материалы Международной научно-практической конференции 12 декабря 2018 г.: в 3-х частях. Алматы : Университет «Туран», 2019. Ч. 1. С. 19–23.

16. Дулина Н. В., Наумов И. Н. Генезис городской культуры степного Поволжья и социокультурное развитие региона // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. Т. 40. Вып. 2. С. 297–306.

17. Дулина Н. В., Овчар Н. А. Волгоград. Град обреченный?.. (К вопросу о необходимости сохранения прошлого для обретения будущего) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. Том 24 (65). № 4. С. 207–213.

18. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ Москва, 2006. 571 с.

19. Рикер П. Я-сам как другой. М. : Гуманитарная литература, 2008. 419 с.

20. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Наука, 2000. 608 с.

УДК 316

Заборова Е. Н.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация: в настоящий момент малые города сокращают свою численность, крупные и большие — разрастаются в агломерации. Одновременно развертываются информационно-цифровые процессы и усугубляются проблемы крупных городов. В результате модифицируются и нивелируются функции городов, они переводятся в виртуальную реальность, не требующую концентрации населения на одной территории. В обозримой исторической перспективе необходимость в крупных городах исчезнет, малые и средние города получат шанс к реновации.

Ключевые слова: урбанизация, малый город, крупный город, информационно-цифровая эпоха.

Zaborova E. N.

STRATEGIC DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF URBAN PROCESSES

Abstract: at the moment, small towns are declining in numbers, large — to grow exponentially in the Metropolitan area. At the same time, information and digital processes are being deployed and the problems of large cities are getting worse. As a result, the functions of cities are modified and leveled, they are translated into virtual reality, which does not require the concentration of population on one territory. In the foreseeable historical perspective, the need for large cities will disappear, and small and medium-sized cities will have a chance to renovate.

Keywords: urbanization, small city, large city, information and digital age.

В современную эпоху продолжается развитие урбанизационных процессов, все большее число жителей проживает в городских поселениях. Будет ли этот процесс продолжаться и далее? Каковы его перспективы?

В науке существует несколько способов прогнозирования (методика социального прогнозирования в ее наиболее развернутом виде представляет собой 44 исследовательских операции, сведенные в семь процедур) [1]. Социологическая наука использует такие методы как экстраполяция, экспертная оценка, моделирование, аналогии, составление сценариев [2]. Мы в данной статье понимаем прогнозирование как экстраполяция существующих доминантных урбанизационных тенденций в развитии российских городов. Согласно принятой классификации, городские поселения подразделяются на малые, средние, крупные, большие и крупнейшие. При этом сегодня разные города имеют разные тренды своего развития: известно, что малые города сокращают свою численность, а крупные — превращаются в агломерации. В качестве типичного примера, иллюстрирующего данный процесс, можно привести Свердловскую область.

© Заборова Е. Н., 2020

Свердловская область считается одним из самых высоко урбанизированных регионов, так как по численности городов (47) он опережает многие другие регионы, уступая только Ленинградской и Московской областям. Область отличается разнообразием типов городов по параметру людности: в ней представлены все типы поселений от малых до крупнейших. Основная доля городов — это малые города с численностью жителей менее 50 тыс. человек. Таких городов в регионе 35. Восемь городов — это средние города, с численностью населения от 51 до 100 тыс. жителей. Три города можно отнести к крупным и большим. В них насчитывается от 101 до 500 жителей. Один город принадлежит к категории «крупнейший» — это столица Урала г. Екатеринбург с населением 1483 119 чел (2019 г.). Как показывает статистика, многие малые города области сократили свою численность, при этом темпы сокращения нарастают: если в 2017 г. таких городов было 15, то в 2019 г. — 27. Определенную стабильность демографических показателей демонстрируют 2 малых города (Артемовский, Дегтярск), здесь сокращение численности есть, но незначительное. В то же время наблюдается рост численности населения в 5 малых городах (Березовском, Заречном, Сысерти, Среднеуральске, Арамиле).

Возникает исследовательский вопрос: за счет каких факторов пять поселений наращивают свою численность, в то время как другие ее сокращают? Ответ таков: все они фактически вошли в состав Свердловской агломерации и стали частью крупнейшего города. С пространственно-географической точки зрения агломерация — это слияние, сращивание в единое целое не менее двух поселений, расположенных на расстоянии в 1,5-часовой транспортной доступности друг к другу, отличающееся непрерывностью застройки, наличием главного города с общей численностью населения более 1000 тыс. человек, интенсивностью ежедневной маятниковой миграции, затрагивающей 10–15% населения. Агломерация характеризуется единством экономических, социальных, культурных, политических связей внутри территориального пространства, наличием общих проблем и задач, которые требуют совместного решения. Агломерация — это всегда тесные людские потоки, потоки товаров и транспорта, это общие дороги и общие свалки, общие экономические и экологические проблемы. В результате этих сетей возникает так называемый агломерационный эффект — агломерация превращается в своего рода целостный социальный организм со своими территорией, социальной общностью, перспективами роста и развития.

Агломерация — это магистральное направление развития крупных и крупнейших городов как в нашей стране, так и за рубежом. Если в прошлом существовали отдельные примеры агломераций, то в настоящее время на планете по некоторым данным, насчитывается более 2600 агломераций, в том числе в нашей стране разные авторы называют на сегодняшний день от 50 до 100 городских агломераций, находящихся на разных этапах развития. Согласно

Стратегии пространственного развития в Российской Федерации сформировалось около 40 крупных городских агломераций [3]. Из стихийно развивающегося, саморазворачивающегося, объективного, процесс развития агломераций все более приобретает управляемый характер, его течение берется под контроль органов власти, воплощается в стратегические проекты, планы, приобретает силу закона.

Исходя из сказанного (нарастают урбанизационные процессы в крупных городах, малые города сокращаются), можно было бы сделать следующий вывод: в будущем все малые города исчезнут, возникнет единый мировой город. Эту идею нельзя назвать новой. Греческий теоретик градостроительства К. Доксиадис (1914–1975), обративший внимание на гигантские разросшиеся поселения в Германии в районе Рура и вдоль побережья Атлантического побережья США, высказал идею экуменополиса — единого города для всего человечества, который покрывает все пригодные для проживания континенты. Сторонником этой идеи также был А. Тойнби, считавший, что ускоренный рост агломераций приведет к формированию мирового города. Однако, для более точной оценки стратегических перспектив развития урбанизационных процессов мы должны учесть еще два фактора: противоречивость современных крупных городов и развитие информационно-цифровых процессов.

Город — это единство противоположностей, «одновременность неолитического» (*B. Waldenfel*, 1986). Хорошо известны положительные стороны крупных городов — это центры концентрации власти, финансов, образования, науки, культуры, промышленности, населения, центры транспортных потоков. Город предоставляет человеку множество возможностей — океан информации, товаров, мест приложения труда и развлечений. Города — это застывшая материализованная форма прошлой и настоящей активности человека. Но при этом у него есть и отрицательная сторона — множество проблем (экологических, транспортных, жилищных, информационных и многих других) [4, с. 39–47]. Все эти и многие другие недостатки города приводят к тому, что уже сегодня мы наблюдаем явление дезурбанизации — стремление людей покинуть крупные города и проживать в его близости, позволяющей пользоваться его благами, но в тоже время избегать его отрицательных сторон.

Еще одной тенденцией, оказывающей свое влияние на урбанизацию, следует назвать стремительное разворачивание информационно-цифровых процессов, которые существенно модифицируют и даже нивелируют классические преимущества крупных городов. Так, важней функцией города является его финансовая функция (крупные города — это центры финансовых операций). Однако сегодня подавляющее число банковских операций можно произвести, не выходя из дома. Некоторые эксперты заявляют: банки превращаются в ИТ-компании с банковской лицензией. В нашей стране, как и по всему миру, технологии становятся решающим фактором для привлечения клиен-

тов. Уже сейчас посредством любого технического устройства — компьютера, планшета, мобильного телефона и т. д., можно удовлетворять все возникающие потребности клиентов банков быстро, эффективно и в круглосуточном режиме. Неслучайно любое описание банка будущего не обходится без таких понятий, как интернет-банк и мобильный банкинг.

Аналогичные процессы происходят во всех сферах города, затрагивают все его функции. Города — это центры торговли. Многие города исторически возникали как пункты торговли, центры на торговых путях, места расположения ярмарок. Сегодня огромную популярность получила Интернет-торговля. Посредством интернет-магазинов можно заказать практически любой товар, в том числе из-за рубежа. В 2018 году рынок интернет-торговли увеличился почти на 60 %, показав лучший прирост почти за 10 лет. Исследование Яндекс.Маркета и агентства GfK Rus показало, что по сравнению с прошлым годом доля россиян в возрасте от 16 до 55 лет, делающих покупки в Интернете, выросла и составляет уже 42 % — в два раза больше, чем в 2015 году.

Интернет-технологии затрагивают и сферу труда. Все более очевиден тренд на внедрение робототехники, высвобождающей, как правило, работников ручного малоквалифицированного труда, однако в дальнейшем такие системы могут заменить и операторов. Появляется все больше профессий, содержание деятельности которых позволяет выполнять работу удаленно, дистанционно. По прогнозам в 2020 году пятая часть россиян будет работать удаленно [5]. К сказанному можно добавить бурные процессы в сфере образования (нарастание онлайн форм обучения, которые не требуют непосредственного присутствия человека в аудитории), онлайн консультации в медицинской практике, возможность онлайн голосования и оформления документов в сфере политики. Огромные изменения произошли в сфере культуры: Интернет позволяет людям приобщаться к театрам, концертам, выставкам, читать книги, общаться, не выходя из дома, минуя пространственное нахождение в рамках города. Конечно, не все эти процессы являются однозначно положительными, как это всегда бывает, у каждой медали есть обратная сторона. Но нас в данном случае интересует только один аспект: это то, как информационно-цифровые процессы скажутся на урбанизации.

Крупные города потеряют свои исторические преимущества и постепенно уйдут со сцены, малые и средние города получат шанс к реновации. Сегодня в научной литературе выделяется четыре основных сценария развития малых городов: 1) в центры развития перерабатывающих отраслей, сферы обслуживания; 2) центры размещения цехов и филиалов головных предприятий больших городов; 3) центры туризма и рекреации; 4) центры науки и высоких технологий. На наш взгляд, к этим вариантам можно добавить пятый — малые города как элементы агломераций [6; 7]. Одним из наиболее слабых мест, препятствующих переселению людей из тесных, шумных, грязных, опасных для

жизни крупных городов в более экологически комфортные условия является отсутствие соответствующего транспорта. Но уже ведутся научные разработки летающего мотоцикла (ховербайка) (*hoverbike*) и летающей доски (ховерборд) (*hoverboard*) [8].

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 14-13-66013.

Литература

1. Бестужев-Лада И. В. Алгоритм прогнозного обоснования социального нововведения. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (дата обращения: 03.02.2020).
2. Стегний В. Н. Социальное прогнозирование и проектирование: учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 182 с.
3. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р. URL: [http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/](http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html) (дата обращения 05.02.2020).
4. Заборова Е. Н. Город на грани веков. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. 273 с.
5. Технология и медиа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/ (дата обращения: 03.02.2020).
6. Малые города в социальном пространстве России: монография / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. URL: https://www.isgras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019 (дата обращения: 05.02.2020).
7. Верещагина Т. А., Дегтярев П. Я., Тюнин А. И. Кризис традиционной модели развития малых городов // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 53–60.
8. Реактивный мотоцикл и летающая доска: спецтранспорт для спецназа. URL: [http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=1yf55j&from=yandex.ru %](http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=1yf55j&from=yandex.ru%20) (дата обращения: 06.02.2020).

УДК 304.2

Хафизова В. Р.

ГОРОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИА (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПРОТЕСТНЫХ СОБЫТИЙ)

Аннотация: в статье характеризуется культурный ландшафт Екатеринбурга посредством анализа публикаций региональных СМИ, посвященных интерпретации образа «города бесов». Медиа рассматриваются как инструмент ценностно-символического влияния на сознание, формирующий пространство культуры. Утверждается, что «город бесов» — общность активных, деятельных горожан, отстаивающих право на город и идентифицирующих себя с ним. «Город бесов» — это успешный бренд, подразумевающий историю объединения горожан.

Ключевые слова: город, городская культура, культура горожан, культурный ландшафт, образ города.

Khafizova V. R.

CITY AS A CULTURAL LANDSCAPE IN THE SPACE OF MEDIA (SOCIOLOGICAL REFLECTION OF PROTEST EVENTS)

Abstract: the article characterizes the cultural landscape of Yekaterinburg through an analysis of regional media publications on the interpretation of the image of the «Gorod besov». Media are considered as an instrument of value-symbolic influence on the consciousness that forms the space of culture. It is alleged that the «Gorod besov» is a community of active, busy citizens who defend the right to the city and identify themselves with it. The «Gorod besov» is a successful brand that implies the history of the unification of citizens.

Keywords: city, urban culture, culture of citizens, cultural landscape, the image of the city.

В современных городах непрерывно идут процессы трансформации социокультурного пространства, в условиях которых проявляется влияние человека на городскую среду. По мнению основоположника социологии города Роберта Парка, город — это не искусственный механизм или конструкция, но жизненно важные процессы и деятельность людей [1]. Города и прилегающие к ним территории давно стали предметом исследования российского научного сообщества [2, с. 24–25]. Особое внимание уделяется проблемам городской культуры, культуры горожан. По мнению С. В. Якишина, город можно определить как особую жизненную и культурную среду, где формируются «уникальные условия для личностной самоидентификации человека, который является носителем культурного наследия и инициатором коммуникационно-культурных взаимоотношений» [3, с. 3]. Наиболее интенсивно социально-культурные коммуникации проявляются в мегаполисах. Другой автор А. Мусиездов называет город особой культурной формой, имеющей свою нормативную среду, идеологию, вещную среду и интерес, а городскую культуру считает источником значений для идентификации личности с городом [4, с. 126]. Наконец, город как культурный ландшафт рассматривает И. В. Тулиганова. В рамках культурно-ландшафтного подхода город представляет собой населенную местность с ярко выраженным этнокультурным ядром как «носителем» городской культуры. Город — это «отражение внутренней жизни его обитателей, их верований, идей, характера, склонностей и предрассудков» [5, с. 165]. Содержанием культурного ландшафта города выступают ценности, нормы, поведенческие эталоны. Одним из методов исследования культурного ландшафта города, по мнению автора, является моделирование его образа.

Образ города, по мнению Э. Авраам, это совокупность интерпретаций о нем, набор ассоциаций, который формируется у его жителей и туристов [6]. Образ является коллективным ментальным представлением, разделяемым

большинством горожан [7]. Образ города может меняться, в том числе под влиянием событий, участниками которых становятся его обитатели [8]. Так, майские события 2019 года в Екатеринбурге надолго закрепили за городом образ «города бесов». Все началось с забора, возведенного в сквере у театра Драмы в ночь с 12 на 13 мая на месте предполагаемого строительства храма Святой Екатерины. На следующий день около 2 тысяч горожан пришли отстаивать здесь свое право на город, — так началась недельная история протестов. Необходимо отметить, что скверы и парки, по мнению урбанистов, являются важной составляющей городской культуры. Как пишет, М. Б. Буланова: «Причастность к городской культуре создавала и создает условия для превращения городских парков и садов в субъекты культурного диалога поколений» [9, с. 97].

Конфликт был решен с помощью опроса горожан, результаты которого определили новое место для строительства храма. Но история на этом не закончилась. Майские события вывели Екатеринбург в федеральную новостную повестку. Например, ведущий шоу «Вечерний Ургант» на Первом канале в шуточной форме предложил компромисс — вместо храма или сквера построить торговый центр [10], намекая на стереотип о том, что Екатеринбург переполнен торговыми центрами. История также освещалась в иностранных изданиях: *Associated Press, The New York Times, Fox News, BBC News*.

Весомый вклад в реконструкцию образа Екатеринбурга и его горожан в общественном сознании оказал теле- и радиоведущий Владимир Соловьев, обсуждая в эфире радио «Вести FM» события в сквере. Соловьев назвал Екатеринбург «городом бесов», вспомнив расстрел царской семьи. Его фраза мгновенно разлетелась по сети и стала не только устойчивым интернет-мемом, но и брендом города. На въезде в Екатеринбург появилась табличка «Город бесов», которую затем заменили на «Город храбрых», что прокомментировал даже губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев в своем Instagram. Хештег #городбесов приобрел огромную популярность в социальных сетях. Появились аналогичные граффити, наклейки на ноутбуках, машинах, зданиях, принты на одежде, аксессуарах. Как мы видим, важную роль в закреплении образа бесов сыграли средства массовой информации и социальные сети. Как пишет В. В. Анохина, на сегодняшний день значимость медиаконтента определяется не столько потребительской, сколько его символической ценностью. Медиа становятся не просто средством информирования населения, но и «мощным орудием ценностно-символического воздействия на массовое сознание, формирующим семиотические пространства культуры» [11, с. 14].

Мы попытались проанализировать, как новый образ Екатеринбурга — «город бесов» — осмысливается и представляется в материалах региональных изданий. Для этого мы выбрали три наиболее читаемых интернет-издания, которые освещали тему «города бесов» с привлечением экспертов.

18 июня 2019 года самый читаемый городской портал Екатеринбурга E1.ru, сайт которого ежемесячно посещают 8,2 млн пользователей (согласно данным, опубликованным на E1.ru), выпустил в рубрике «Мнения» колонку депутата Екатеринбургской городской думы Константина Киселева, размышляющего о «городе бесов» [12]. Стоит отметить, что рубрика «Мнения» на портале является своеобразной трибуной для выражения общественного мнения и обсуждения социально-значимых проблем. Автор колонки считает, что Владимир Соловьев пытался не столько оскорбить горожан, сколько создать негативный образ о Екатеринбурге у населения всей страны. На деле произошла инверсия смыслов, «город бесов» стал означать легитимацию права на борьбу, на свободу мнений.

25 июня 2019 года портал «Екатеринбург-ТВ» (около 500 тысяч посетителей в месяц согласно информации на сайте) опубликовал лонгрид «Путь в «город бесов» [13]. Автор Семен Чирков предпринимает попытку отследить, как менялся образ города и как горожане искали свою идентичность, начиная с 1990-х годов [13]. На рубеже веков о Екатеринбурге говорят как о городе, в котором убили царскую семью. В 2008 году город борется за статус третьей столицы, но проигрывает Казани. В 2014 году Алексей Иванов издает книгу «Ебург», в которой пишет, по большей части, о девятностых. В 2016 году уличный художник Слава ПТРК видоизменяет дорожный указатель «Екатеринбург» на «Грязьбург», привлекая внимание к проблемам города. Последним пунктом в процессе самоидентификации горожан, по мнению автора, стал «город бесов». Далее журналист приводит мнения деятелей искусства о новом образе Екатеринбурга. Так, арт-директор Музея современного искусства PERMM Наила Аллахвердиева считает, что город приобрел новую идентичность: «Бесы — это простые люди, которые любят свой город» [13]. Кроме того, по мнению эксперта, определение «город бесов» декларирует право горожан на «девиантное поведение». Ведущий научный сотрудник Русского музея Алексей Бойко в этом же материале оценивает метафору «город бесов» как мощный художественный акт [13]. Автор лонгрида Семен Чирков приходит к выводу, что «город бесов» как способ самоидентификации горожан попал в цель, так как, во-первых, вызывает гордость, во-вторых, отсылает к совместной победе, в-третьих, символ удобен для тиражирования и брендинга.

Наконец, еще один интересный материал вышел на портале Znak.com (аудитория — 465 тыс. человек согласно информации на сайте). 16 августа 2019 года издание опубликовало интервью с кандидатом философских наук Георгием Цеплаковым, автором статьи «Культурные мифы города: система координат» [14]. Интервьюируемый утверждает, что бунтарство и диссидентство не имеет привязки к Екатеринбургу, а возникает всегда, когда «общественная система сдает позиции и власть не в состоянии адекватно ответить на вызовы и протесты» [14]. О «городе бесов» эксперт говорит с предостережением, якобы

вместе с фразой Соловьева и в момент раскола между светским и религиозным «начинает проступать начало уральское — стихийное, языческое. И опасно для горожан». Интервью завершается беседой о перспективах брендинга города. Культуролог все-таки описывает Екатеринбург как город гражданской, протестной активности, который стал таковым благодаря Б. Н. Ельцину и Э. Э. Росселю. Именно эти качества нужно брендировать. В то же время бренды не могут развиваться на пустом месте, по определению эксперта, — это «проявления реального состояния людей, отождествляющих себя с данной территорией, реального качества общества, взаимодействия разных его групп, институтов ради достойного преодоления сложностей, конфликтов».

Анализ публикаций региональных медиа о «городе бесов» позволил нам охарактеризовать культурный ландшафт города и прийти к следующим выводам. Во-первых, в интерпретации журналистов и экспертов «город бесов» представляет общность активных, деятельных, свободных, любящих свой город людей, отстаивающих права на борьбу, свободу мнения, гражданскую позицию, право на город. Во-вторых, горожане с гордостью идентифицируют себя с «городом бесов», так как это определение отсылает к совместно достигнутой победе. В-третьих, символика «города бесов» имеет успешные перспективы для брендинга Екатеринбурга, так как фундаментом является история объединения горожан и совместного преодоления конфликта.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 20-411-660012 p. a.

Литература

1. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City. Chicago : The University of Chicago Press, 1967. 256 p.
2. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысливания пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
3. Якишин С. В. Культурно-коммуникационное пространство современного города: идентификация личности : автореф. дис. канд. филос. наук. Нижний Новгород : Нижегородский гос. архитектурно-строит. ун-т, 2015. 22 с.
4. Муsieздов А. А. Город как культурная форма // Социологическое обозрение. 2013. № 3. С. 121–136.
5. Тулиганова И. В. Город как культурный ландшафт // Вестник ПАГС. 2007. № 13. С. 163–168.
6. Avraham E. Media strategies for improving an unfavorable city image // Cities. 2004. Vol. 21. № 6. pp. 471–479. DOI: 10.1016/j.cities.2004.08.005.
7. Modeling a city's image: the case of Granada / T. Luque-Martinez, S. Del Barrio-Garcia, J. A. Ibanez-Zapata, M. A. Rodriguez Molina // Cities. 2007. Vol. 24. № 5. Pp. 335–352. DOI: 10.1016/j.cities.2007.01.010.
8. Антонова Н. Л., Ракевич Е. В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2 (26). С. 160–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166.

9. Буланова М. Б., Угрехелидзе Е. А. Парк в культурной среде города // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 2. С. 96–99.

10. О стихийном митинге и штрафе Сергея Зверева за одиночный пикет. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hutlGsRhV3E> (дата обращения 10.02.2020).

11. Анохина В. В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций // Социальная философия. 2015. № 3. С. 13–18.

12. Киселев К. «Пытались унижить, а вышло наоборот» — депутат гордумы о табличках «Город бесов» и «Город храбрых». URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66128779.html (дата обращения: 20.02.2020).

13. Чирков С. Путь в «Город бесов». URL: https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2019-06-25/prevrashhenie-v-gorod-besov (дата обращения: 20.02.2020).

14. Задорожный А. Начинает проступать уральское начало — стихийное, языческое. URL: https://www.znak.com/2019-08-16/kak_priruchit_besov_i_demonov_ekaterinburga_intervyu_k_dnyu_goroda (дата обращения: 20.02.2020).

УДК 316.346.3; 316.4; 314.06

Киенко Т. С.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ГОРОЖАНАМИ СВОИХ ГОРОДОВ И ПРОБЛЕМА «ВОЗРАСТ-ДРУЖЕСТВЕННОЙ» СРЕДЫ: ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ КЕЙС

Аннотация: в работе рассмотрены особенности городской идентичности, потребностей, предпочтений, оценок городских объектов и пространств горожанами южно-российских городов разных возрастов. Возрастные различия актуализируют задачу развития концепции «возраст-дружественных» городов и сообществ. Объединяющие интересы разных возрастных групп формируют основу для взаимодействия в вопросах городского развития.

Ключевые слова: возраст, горожане, городская среда, возраст-дружественные города и сообщества.

Kienko T. S.

AGE FEATURES OF CITIZENS ASSESSMENT OF THEIR CITIES AND THE PROBLEM OF «AGE-FRIENDLY» ENVIRONMENT: SOUTH RUSSIAN CASE STUDY

Abstract: the paper considers the features of urban identity, needs, expectations, preferences, assessments of urban objects and spaces by citizens of Southern Russian cities of different ages. Age differences actualize the development of the concept of “age-friendly” cities and communities. The unifying interests and needs of different age groups form the basis for interaction and participation in urban development.

Keywords: age, citizens, urban environment, age-friendly cities and communities.

Городская среда выступает предметным и социальным пространством жизни человека: город организует взаимодействие, определяет нормы поведения, рамки коммуникаций. Социальными в процессах городской жизни являются как отно-

---

© Киенко Т. С., 2020

шения горожан между собой, так и с городскими пространствами и объектами. Исследования демонстрируют «множественность территориальной идентичности», оценок городского пространства сквозь призму культурного и социального статуса [1, с. 24–27]. По-разному видят свои города, места памяти, проблемы городских сообществ жители мегаполисов, средних и малых городов, представители разных поколений, мужчины и женщины, горожане и эксперты, коренные жители, приезжие и туристы [2, с. 64–67, с. 87–99, с. 115–125; 3, с. 128–216]. Особые отношения с пространством складываются у людей с возрастом как «стажем» проживания в городе, стране, а также с возрастом горожанина как статусным показателем, определяющим ценности, приоритеты, ожидания в отношении городской среды [4]. В статье по материалам исследования Юга России рассматриваются особенности восприятия и оценки городских объектов и пространств горожанами разных возрастов.

В 2018–2019 гг. в ходе реализации научного проекта РФФИ № 18–011–00841 «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры» был проведен опрос жителей 29 городов Южного федерального округа, который показал, что оценки городских объектов и пространств сопряжены с возрастными особенностями горожан. Чем моложе респонденты, тем ниже их привязанность к городам. Горожанином, жителем города себя ощущают две трети молодых людей, свыше 70 % респондентов среднего возраста и 80 % пожилых людей. Молодежь связана с городами наличием друзей, широким выбором возможностей для досуга, самим фактом рождения, взрослые люди — работой и жильем, пожилые — наличием родных. Вариант «Ничего не связывает, я хотел бы уехать отсюда» коррелирует с возрастом: среди юношества до 17 лет этот вариант выбрали 18,6 %, среди молодежи 18–30 лет — 13 %, 8 % лиц среднего и 7 % старшего возраста. Город и жизнь в нем делает счастливее 39 % молодых респондентов, 46 % жителей среднего возраста и 55 % пожилых людей. Молодые горожане чаще считают свои города грязными и шумными, они хуже знакомы с городской культурой и историей. Чем старше респонденты, тем больше они знают памятных мест, песен, стихов, людей и событий, связанных с городской историей; тем больше им нравятся их города, выше идентичность с городом, регионом, страной. Наблюдается прямая связь городской идентичности с возрастом, удовлетворенностью городской средой, материальными, когнитивными (освоение городских пространств, знание культуры, истории города), аффективными аспектами (чувство гордости за свой город, привязанность к месту, чувство дома, «аутентичность» [5, с. 36]).

К числу привлекательных визуальных объектов городской среды жители всех возрастов южно-российских городов относят, как правило, центральные улицы и площади, парки и набережные, реже — музеи и памятники, торговые центры, новостройки. Горожанам приятны природные и неприятны антропо-

погенные звуки. Для пожилых людей естественные объекты и звуки важнее, их раздражает громкая музыка и ненормативная лексика. Горожан среднего возраста раздражают звуки ремонтных работ и сирен, а молодежь — звуки скандалов. Горожанам всех возрастов не хватает «людей, умеющих вести себя культурно» и интересных публичных мероприятий (от 30 %), но молодежи больше других не хватает «мест, где можно пообщаться», парков и скверов, безопасности на улицах, досуговой и развлекательной инфраструктуры (дискотек, ночных и фитнес-клубов, спортплощадок). Людям средних лет хочется больше «интересных публичных мероприятий», театров, концертных залов, спортивно-досуговой инфраструктуры для их детей. Пожилые горожане нуждаются в безопасности, тишине, спокойствии, «зданиях, олицетворяющих историю города», музеях, предприятиях бытового обслуживания. Есть и общие для разных возрастных групп ожидания и потребности в отношении городских пространств. Так, чистота, безопасность, озеленение, скамейки во дворах интересуют пожилых людей и молодежь; больше бытовой инфраструктуры требуется людям старше 45 лет, в т. ч. пожилым; вопросы благоустройства дворов волнуют горожан 31–44 лет и старшее поколение.

В последнее десятилетие в социальный и научный дискурс входит понятие «дружественной среды», учитывающей потребности лиц и групп с особыми потребностями в отношении городской среды и инфраструктуры. Концепция современного «дружественного» города включает комфортную территориально-пространственную, экономическую, социокультурную, правовую среду, обеспечивающую участие и всестороннее развитие горожан. Дружественный город как концепция местного государственного управления предполагает совместное обозначение приоритетов и реализацию программ городского развития властями, учреждениями, общественными организациями и жителями. Это город «устойчивой мобильности», свободы и развития, доступности и открытости, экологичности и разумного управления на принципах «участствующих практик», «умных городов-регионов» [6; 7; 8; 9; 10]. Наиболее активно развиваются проекты организации городской среды, дружественной к инвалидам и лицам с ОВЗ, семьям и детям, пожилым людям и мигрантам (во многом благодаря поддержке со стороны международных организаций — ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ). Так, среди рекомендаций по проектированию городов, дружественных для пожилых людей, предлагаются проекты озеленения улиц, строительства приспособленных домов и транспорта (просторных пешеходных зон без бордюров, мест для отдыха на улицах, в магазинах, кафе), развитие доступной бытовой и социокультурной инфраструктуры, инструментов неформальной поддержки, активизация сообществ [11; 12]. Создание среды, дружественной к детям и семье, требует развития мобильности, открытости и безопасности пространств, «точек притяжения» [8, с. 104–108], комфортной, развивающей образовательно-досуговой, транспортной и пр. ин-

фраструктуры [7, с. 531]. Особое внимание ученые обращают на активность горожан всех возрастов и статусов в местных сообществах и вопросах городского планирования и благоустройства, а также на свободу взаимодействия с городскими пространствами и объектами в контексте «идеала мобильности» [9, с. 168], концепции «права на город» и «мобильного гражданства» [10].

Идеи и практики развития «дружественности» городов и территорий отражены в рамках национальных и федеральных проектов: от концептуализации базовых понятий и индекса качества городской среды — до синхронизации задач нацпроектов «Демография», «Образование», «Экология», «Культура» и пр. с целями приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды». Несколько российских городов являются участниками Глобальных Сетей Дружественных Городов. Но реальные практики оформления «дружественных» пространств и отношений остаются фрагментарными, в том числе в силу организационно-правовых проблем территориального планирования [6, с. 395]. Отчасти проблема является латентной в силу гражданской пассивности самих россиян, которые редко отмечают проявления пространственной «недружелюбности» и иницируют практики участия. Имеет место и терминологическая проблема: понятие «возраст-дружественной» (*age-friendly*) среды предусматривает обустройство городов для «возрастных» людей. Видится перспективным расширение концепции «дружественных» и «возраст-дружественных» городов и сообществ в сторону учета интересов не только «уязвимых», пожилых, но всех возрастных групп горожан. Разумное сочетание общих интересов и уникальных потребностей горожан разного возраста может стать продуктивной основой городского развития на принципах интеграции, взаимодействия, взаимодополняемости и участия.

Оценки городов, городских объектов и пространств, вопросы городской идентичности, удовлетворенности городской жизнью и средой сопряжены с возрастными различиями. Чем моложе респонденты, тем ниже их городская идентичность, связь с городами, ощущения удовлетворенности и счастья от жизни в своих городах. Молодежи в южно-российских городах не хватает мест для общения и активного досуга, горожанам среднего возраста — социокультурных составляющих и детской инфраструктуры, людям старше 45 лет — доступной бытовой инфраструктуры, пожилым — тишины, спокойствия, «мест памяти». Есть и общие для горожан разных возрастных групп потребности, что формирует основу для развития межпоколенческого взаимодействия в решении общих проблем, «практик участия». Учет интересов не только «уязвимых» или «возрастных» групп, но людей и групп разных возрастов в целом может стать основой расширения концепции «дружественных» и «возраст-дружественных» городов и сообществ.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00841.

Литература

1. Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // *Laboratorium*. 2018. № 10 (3). С. 4–34.
2. Социальное пространство современного города / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.
3. Ценность города и ценности горожан / под ред. Л. А. Штомпель. Ростов н/Д — Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2019. 304 с.
4. Киенко Т. С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. № 4. С. 57–87.
5. Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. № 20 (3). С. 32–49.
6. Глазычев В. Л. Город без границ. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
7. Симонова Е. А., Банникова Л. Н. Городская среда мегаполиса, дружественная детям: сравнительная характеристика внутригородских районов Екатеринбурга // *Электронный научный архив УрФУ*. С. 531–534. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/61330/1/978-5-7741-0327-0_124.pdf (дата обращения: 12.01.2020).
8. Филипова А. Г., Лебедева Е. В. Дружественность городской среды к детям и молодежи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. № 2. С. 101–110.
9. Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // *Мониторинг*. 2017. № 2 (138). С. 160–177.
10. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Право на город в парадигме мобильности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 165–174. DOI: 10.17223/1998863X/45/17
11. *Global Age-friendly Cities: A Guide*. WHO. 2007. https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43755/9789241547307_eng.pdf?sequence=1 (дата обращения: 01.10.2019).
12. *The Challenges of Urban Ageing: Making Cities Age-Friendly in Europe*/J. Van Hoof, K. J. Kazak, M. J. Perek-Białas, T. M. S. Peek // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018. № 15 (11). P. 2473. DOI: 10.3390/ijerph15112473.

УДК 316.35

**Клевакин Г. А.,
Нидергаус Е. О.**

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОЖАН НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация: происходящий на данный момент процесс урбанизации характеризуется развитием и укрупнением городов, вследствие чего более актуальной становится проблема создания и со-

© Клевакин Г. А., Нидергаус Е. О., 2020

хранения комфортной городской среды для горожан. В статье рассмотрены понятия комфортной городской среды, основные ее элементы и влияние на нее культуры горожан. Цель исследования состоит в выявлении значимости фактора культуры горожан при формировании комфортной городской среды.

Ключевые слова: культура горожан, городская среда, комфортная среда, благоустройство, урбанизация.

**Klevakin G. A.,
Nidergaus E. O.**

INFLUENCE OF CITIZENS CULTURE ON FORMING A COMFORTABLE CITY ENVIRONMENT

Abstract: the ongoing process of urbanization is characterized by the development and enlargement of cities, as a result of which the problem of creating and maintaining a comfortable urban environment for citizens is becoming more urgent. The article considers the concepts of a comfortable urban environment, its main elements and the impact on it of the culture of citizens. The purpose of the study is to identify the significance of the culture factor of citizens in the formation of a comfortable urban environment.

Keywords: the culture of the townspeople, urban environment, comfortable environment, improvement, urbanization.

Последствием развития и расширения крупных городов становится потребность в создании комфортной среды. Создание комфортной среды необходимо для культурного и духовного удовлетворения горожан, повышения удобства жизни в городе, что делает его более конкурентоспособным в социально-экономической сфере. Актуальность данной работы состоит в том, что создание и сохранение такой среды невозможно без развитой культуры горожан, так как без их вовлеченности в этот процесс и поддержки становится невозможным конструирование и сохранение комфортной среды.

Тема комфортной городской среды является достаточно новой, но она активно изучается в настоящее время в разных отраслях научного знания. На данный момент существуют работы, направленных на изучение элементов и условий комфортной городской среды, ее виденье со стороны горожан и роли в стратегическом развитии.

Не существует единого определения комфортной городской среды, так как она состоит из множества параметров, набор которых может различаться из-за особенностей города и его населения. Комфортная городская среда не имеет универсального характера, так как в первую очередь ориентирована на местных жителей, их культуру и требования.

Согласно общей классификации, параметры комфортной среды можно разделить на три категории:

1) функциональность, заключающаяся в одновременном удовлетворении разных потребностей в среде — отдых, игры и спорт;

2) климатическая комфортность, включающая в себя использование сооружений и конструкций для защиты от ветра и осадков, высоких и низких температур;

3) удобность, заключающаяся в наличии удобной инфраструктуры и городских коммуникаций [1, 2].

Данная классификация не является полной, так как отражает только техническую сторону комфортной среды, наравне с которой существует культурная, включающая в себя внешний облик пространства и эстетичность [1; 3]. Последняя категория выражается в архитектуре, оформлении парков, зон отдыха и общем оформлении пространства и его элементов.

Согласно вышеперечисленным категориям, понятие комфортной городской среды можно сформулировать как городское пространство, удовлетворяющее технически и культурно людей, живущих в нем.

Перейдем к рассмотрению проблемы создания и сохранения комфортной среды на примере города Екатеринбурга. На решение проблемы комфортной среды направлены национальный проект «Жилье и городская среда» и федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» на 2019–2024 гг., основными целями которых являются благоустройство общественных территорий и сокращение городов с неблагоприятной городской средой, а также развитие активности горожан в решении вопросов городской среды [4, 5]. На данный момент осуществляется муниципальная программа «Формирование современной городской среды в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2018–2022 годы», основной целью которой является повышение уровня благоустройства территории города. Среди основных проблем, на которые направлена программа, выделяются изношенность игровых и спортивных площадок, разбитые автотранспортом газоны, изношенность дворовых территорий, плохое состояние парков, скверов и др. [6]. Программа уже имеет результаты и на данный момент на 14 дворовых территориях выполнены запланированные работы [6]. Иными словами, в настоящее время принимаются меры по созданию комфортной городской среды, но параллельно с этим появляется проблема сохранения этих результатов.

Культура горожан и городская среда тесно связаны между собой и могут взаимно влиять друг на друга. Культурой горожан определяется облик городской среды и ее сохранность. Комфортная городская среда не может быть создана только усилиями сверху и требует взаимного действия со стороны горожан. Какой бы функциональной и удобной не была городская среда, она сталкивается с одними и теми же проблемами, создаваемыми культурой горожан. Они не позволяют пространству стать действительно комфортным, а именно, из-за проблем с мусором, граффити, расклейкой объявлений в непредназначенных для этого местах, порчей городского имущества и др.

Метод анализа позволил нам определить понятие комфортной городской среды. Метод кейс-анализа позволил проанализировать взаимосвязь культуры горожан и городской среды на примере новых автобусных остановок в городе Екатеринбурге.

Рассмотрим влияние культуры горожан на комфортность городской среды с помощью кейс-анализа. Проблема комфортной городской среды не решена, так как для этого необходимо создание определенных условий и их сохранение. В качестве подобной ситуации можно рассмотреть порчу новых остановок: их установили в центре Екатеринбурга в 2018–2019 гг., и в скором времени многие из них были повреждены. У остановок регулярно разбивались панели из укрепленного стекла, на остановки часто наносились теги, портящие их внешний вид. Данные остановки были призваны повысить комфортность городской среды и имели необходимые для этого функциональные характеристики, но они не могли выполнить свою задачу из-за повреждений.

В качестве другой ситуации можно рассмотреть распространенную в Екатеринбурге нехватку парковочных мест рядом с жилыми зданиями, из-за чего автотранспорт часто паркуется в местах, не предназначенных для этого — газонах, детских и спортивных площадках, обочинах проездов. Это приводит к неудобствам пользования дворовым пространством, загрязняет его и ухудшает внешний вид. Эта ситуация показывает, что отсутствие необходимых элементов комфортной среды приводит к вынужденной деформации культуры горожан.

Из данных примеров можно сделать определенные выводы о взаимосвязи культуры горожан и комфортной городской среды. Они тесно связаны между собой и могут сильно влиять друг на друга. Упадок культуры может негативно сказываться на комфортности среды и ухудшать пространство, что показывает ситуация с порчей новых остановок в центре города. Некомфортность городской среды порождает упадок культуры горожан и усугубляет общее положение. Пример этого был приведен выше: отсутствие возможности парковать автотранспорт на предназначенных для этого местах приводит к порче газонов, детских площадок, нарушению городского пространства в целом.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00252.

Литература

1. Лагодина Е. В. Комфортная городская среда глазами простого горожанина // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komfortnaya-gorodskaya-sreda-glazami-prostogo-gorozhanina> (дата обращения: 27.02.2020).

2. Угрюмова А. А., Паутова Л. Е., Паутова Е. П. Комфортность как фактор устойчивого развития городской среды // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komfortnost-kak-faktor-ustoychivogo-razvitiya-gorodskoy-sredy> (дата обращения: 27.02.2020).

3. Погодина А. Л. Формирование комфортной городской среды // НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ. 2016. № 5–3 (19). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26286076> (дата обращения: 27.02.2020).

4. Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <http://government.ru/projects/selection/735/>(дата обращения: 27.02.2020).

5. Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды». URL: <http://government.ru/projects/selection/649/>(дата обращения: 27.02.2020).

6. Постановление № 2613 от 28.12.2017 «Об утверждении Муниципальной программы «Формирование современной городской среды в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2018–2022 годы». URL: https://екатеринбург.рф/официально/документы/постановления/п_2017/21551 (дата обращения: 27.02.2020).

УДК 316.334.56

Нотман О. В.

МЕГАПОЛИС КАК СИСТЕМА ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ МИКРОТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования функциональной дифференциации городских микрорайонов как мест проживания, мест приложения труда и мест притяжения жителей. Выявлена ярко выраженная поляризация микрорайонов и доминирование Центрального микрорайона во всех функциональных категориях. Значительная доля «микрорайонов-аутсайдеров» свидетельствует о несбалансированном развитии городских территорий, формировании инфраструктурно «обездоленных» зон.

Ключевые слова: дифференциация городских территорий, мегаполис, микрорайоны, рейтинги.

Notman O. V.

MEGAPOLIS AS A SYSTEM OF DIFFERENTIATED MICRO AREAS: EXPERIENCE FROM SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Abstract: the article presents results of the study of urban micro-districts' functional differentiation as places of residence, employment and residents' attraction. We revealed a pronounced polarization of micro-districts and the dominance of the Central micro-district in all functional categories. A significant proportion of "outsider micro-districts" indicates an unbalanced development of urban areas, the formation of infrastructurally disadvantaged zones.

Keywords: urban areas' differentiation, megapolis, micro-districts, ratings.

Возрастание интереса исследователей к изучению мегаполисов связано со стремительными процессами урбанизации последних десятилетий [1, с. 44]. Быстрый рост числа крупных и сверхкрупных городов в мире приводит к усилению в них концентрации населения [2, с. 23]. По оценкам экспертов ООН в настоящее время в городах-миллионниках проживает почти четверть населения

© Нотман О. В., 2020

мира (23%), а к 2035 году эта доля возрастет до 29% [3]. Мегалополисы как очень крупные по площади и численности населения города становятся драйверами регионального развития за счет концентрации всевозможных ресурсов — экономических, технологических, информационных, инфраструктурных. Вместе с тем, условия жизни в современных мегалополисах оказывают противоречивое влияние на формирование городского пространства и его восприятие жителями, что предопределяет актуальный фокус городских исследований, которые сосредоточены сегодня на анализе качества жизни и благополучия жителей, условий городской среды и ее доступности для различных категорий населения.

Мегалопольс, по сравнению с обычным городом, помимо большей протяженности имеет более сложную организацию территориального пространства. В его структуре выделяются различные по функциональному наполнению зоны, районы, микрорайоны, которые могут отличаться друг от друга по уровню инфраструктурных возможностей и характеру среды жизнедеятельности.

В основу проведенного нами исследования был положен полифункциональный принцип. Мы рассматривали каждый микрорайон с точки зрения трех функций: резидентная (как место проживания), трудовая (как место приложения труда) и досуговая (как место притяжения жителей). Цель нашего исследования состояла в дифференцированном анализе городских микротерриторий на основе выделения зон (микрорайонов), обладающих «благополучными» и «неблагополучными» условиями для реализации каждой из функций. Исследование было проведено в Екатеринбурге в период с 2016 по 2017 г. Сбор данных осуществлялся в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 года» (муниципальный контракт № 15/2016—2 от 17 ноября 2016 г.). Было опрошено 3 570 жителей в 66 микрорайонах (стратифицированная выборка с пропорциональным размещением единиц внутри каждой страты). Степень привлекательности микрорайонов в каждой функциональной категории измерялась комплексом оценочных и поведенческих индикаторов. Так, например, привлекательность микрорайонов как мест проживания измерялась через оценку удовлетворенности различными средовыми условиями, эмоциональное восприятие мест проживания, выбор лучшего в городе микрорайона для проживания. Привлекательность микрорайонов как мест приложения труда измерялась на основе таких индикаторов, как доля работающих в микрорайоне респондентов, доля приезжающих из других микрорайонов среди всех работающих в конкретном микрорайоне, количество инфраструктурных объектов, используемых работающими респондентами в непосредственной близости к месту работы, устойчивость выбора микрорайона как места работы. Микрорайоны как места притяжения жителей анализировались преимущественно на основе поведенческих индикаторов, демонстрирующих досуговую активность

в сфере потребительских и рекреационных практик (посещение торгово-развлекательных центров и «зеленых» мест отдыха). В качестве мест досуговой активности рассматривались именно эти категории мест, поскольку они являются наиболее распространенными объектами, широко представленными во многих микрорайонах. Измерение в данной функциональной категории осуществлялось на основе фиксации доли респондентов, отметивших «место» как наиболее посещаемое; количество микрорайонов, из которых в «место притяжения» приезжают жители; доли горожан, приезжающих из других микрорайонов. Наличие двух категорий объектов (ТРЦ и «зеленых» мест отдыха) предопределило двухэтапность методики ранжирования микрорайонов. На первом этапе были построены рейтинги самих объектов, которые на втором этапе легли в основу расчета ранга микрорайонов.

На основе интегрированных оценок был построен рейтинг привлекательности микрорайонов в разрезе трех анализируемых функций. Для построения рейтинга использовалась процедура стандартизации оценок в диапазоне от 0 до 1. В ходе анализа были выделены 4 рейтинговые группы:

- микрорайоны с наиболее высоким рейтингом (от 0,75 до 1,00);
- микрорайоны со средним рейтингом (от 0,50 до 0,75);
- микрорайоны с рейтингом ниже среднего (от 0,25 до 0,50);
- микрорайоны с низким рейтингом (0,25 и ниже).

В табл. приведены данные о микрорайонах, занимающих первые 10 позиций в каждой функциональной категории (рассчитано автором на основе данных опроса).

Таблица

ТОП-10 рейтинга микрорайонов Екатеринбурга

№	Микрорайоны как места проживания		Микрорайоны как места прилoжения труда		Микрорайоны как места притяжения	
1	Центральный	0,837	Центральный	0,855	Центральный	0,595
2	Академический	0,787	Парковый	0,698	Ботаника	0,585
3	Юго-Западный	0,651	Шарташский рынок	0,681	Уктус	0,570
4	Ботаника	0,650	Южный	0,687	Парковый	0,465
5	УНЦ	0,585	Ботаника	0,671	ВИЗ	0,450
6	Втузгородок	0,561	Втузгородок	0,650	Шарташ	0,430
7	ВИЗ	0,547	Новая Сортировка	0,606	Автовокзал	0,400
8	Пионерский	0,546	Юго-Западный	0,597	Втузгородок	0,355
9	Парковый	0,545	РТИ	0,589	Заречный	0,350
10	Синие Камни	0,503	Синие Камни	0,570	ЖБИ	0,300

Данные табл. показывают, что Центральный микрорайон воспринимается жителями как наиболее привлекательный с точки зрения всех функций.

Конкурируют с Центральным микрорайоном по степени привлекательности лишь три микрорайона, находясь в одной рейтинговой группе с ним в категории «место проживания» и «место притяжения».

Общее количество микрорайонов, обладающих высоким и выше среднего рейтингами, незначительно. В категории «место проживания» таких микрорайонов всего 12 из 66 городских микрорайонов. В категории «место приложения труда» их 17. В категории «место притяжения» только 3 микрорайона имеют рейтинг выше среднего. Обращает на себя внимание значительная доля городской территории с микрорайонами, обладающими ниже среднего (третья группа) и низким (четвертая группа) рейтингами. «Аутсайдеры» городского пространства, обладающие самым низким рейтингом, — это 18 микрорайонов в функциональной категории «место проживания»; 24 микрорайона в категории «место приложения труда»; 56 микрорайонов в категории «место притяжения».

Принимая во внимание дисбаланс в распределении населения, а также социально-значимой инфраструктуры по территории города и рассматривая функцию «место проживания» как первичную для анализа «человеческого измерения» городской среды, в качестве важнейшего показателя следует учитывать долю горожан, которые проживают в микрорайонах ниже среднего и низкого рангов. Расчеты, произведенные на основе данных о численности населения по отдельным микрорайонам города (данные о численности населения микрорайонов предоставлены Администрацией Екатеринбурга) и оценок жителями своих территорий, показывают, что около 825 тыс. (55,8% от общего населения) екатеринбуржцев проживают в среде, не вполне отвечающей их потребностям и не совсем приспособленной для комфортной повседневной жизни.

Значительная доля микрорайонов с низким рейтингом во всех функциональных категориях свидетельствует о воспроизводстве проблемной для городского развития модели, в которой центральные микрорайоны по степени насыщенности инфраструктурными благами и возможностями значительно превосходят периферийные. Вместе с тем, потенциал развития современных прогрессивных мегаполисов связывается сегодня с моделью полицентричности [4; 5]; равномерностью/сбалансированностью развития городских территорий, позволяющей обеспечить равенство доступа городских жителей к объектам делового, культурного, потребительского, развлекательного, рекреационного назначения [6]. Очевидно также, что монофункциональные микрорайоны и городские пространства в перспективе будут терять свою привлекательность. Актуальная повестка урбанистического дискурса — многофункциональность городских территорий как главный критерий их конкурентоспособности, способствующий повышению качества жизни и, как следствие, удовлетворенности жителей.

Результаты исследования общественного восприятия городских микротерриторий являются одним из инструментов коммуникации муниципальной власти и жителей города. Этот инструмент может быть использован для анализа существующего профиля городских микрорайонов, совершенствования качества социо-пространственной среды и предотвращения негативных тенденций городского развития — дисбаланса в развитии микрорайонов, формирования инфраструктурно «обездоленных» и дискриминационных зон городской жизни, возникновения устойчивых социально-депрессивных территорий.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-2722.2020.6).

Литература

1. The Sustainable Development Goals Report 2019. New York: United Nations, 2019. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2019/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2019.pdf> (date of the application: 10.02.2020).

2. Щербакowa Е. М. Прогноз городского и сельского населения мира, 2018 // Демоскоп Weekly. 2018. № 775—776. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0775/barom01.php> (дата обращения: 10.02.2020).

3. United Nations World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. Online Edition. URL: [https://population.un.org/wup/Download/\(date of the application 10.02.2020\)](https://population.un.org/wup/Download/(date of the application 10.02.2020)).

4. Гайкова Л. В. Полицентризм как парадигма развития российских городов // Архитектон: известия вузов. 2015. № 2 (50). С. 6.

5. Москва: курс на полицентричность: Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы : краткое изложение результатов исследования для Московского урбанистического форума 2016 года. М. : Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ, 2016. 31 с.

6. Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 153—155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6.

УДК 94 (470.45)"19":365

Фурман Е. Л.

СТАЛИНГРАД НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЫ И БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДА

Аннотация: статья посвящена истории становления и развития индустриального Сталинграда на первом этапе социалистической реконструкции. В процессе исследования охарактеризова-

---

© Фурман Е. Л., 2020

но состояние городской инфраструктуры, жилищно-коммунальной сферы, транспорта на исходе нэпа; выявлены «узкие» места в рамках решения проблем в жилищной сфере, модернизации городского коммунального хозяйства, благоустройства города.

Ключевые слова: Сталинград, индустриализация, жилищно-коммунальное хозяйство, городская инфраструктура, благоустройство.

Furman E. L.

STALINGRAD AT THE FIRST STAGE OF SOCIALIST RECONSTRUCTION: SOLVING PROBLEMS OF THE HOUSING AND COMMUNAL INDUSTRY AND IMPROVEMENT OF THE CITY

Abstract: the article is devoted to the history of the formation and development of industrial Stalingrad at the first stage of socialist reconstruction. In the course of the study, the state of urban infrastructure, housing and communal services, and transport at the end of NEP was characterized; “bottlenecks” were identified as part of the solution of problems in the housing sector, the modernization of municipal utilities, and city improvement.

Keywords: stalingrad, industrialization, housing and communal services, urban infrastructure, landscaping.

Рубеж конца 1920-х — начала 1930-х гг. вошел в историю советского государства как первый этап социалистической реконструкции. Для Сталинграда этот этап стал во многом рубежным. За короткий промежуток времени ранее уездный город обрел статус промышленного центра Нижнего Поволжья. За годы нэпа удалось восстановить сельское хозяйство, приступить к восстановлению разрушенной в годы Гражданской войны городской инфраструктуры. В конце 1920-х годов на территории Сталинградской губернии функционировало около 80 промышленных предприятий, большая часть из которых располагалась на территории города [1, с. 17]. В период первой пятилетки были построены Сталинградский тракторный завод, Сталгрэс, Судоверфь, Химкомбинат, реконструированы заводы «Лазурь», «Красный Октябрь», «Баррикады» и др. [2, с. 284]. Стремительные темпы восстановления промышленности позволили Сталинграду, среди провинциальных губернских городов уже к 1927 г. занять второе место, уступив пальму первенства Иваново-Вознесенску [3, с. 4].

Между тем, ускоренная модернизация промышленности и, как следствие, рост промышленного пролетариата, сосредоточенного в большей мере в районах строительства крупных промышленных объектов, поставили на повестку дня жилищную проблему. Если в 1920 г. в городе насчитывалось 84 000 чел., то в 1929 г. по официальным данным (без учета сезонных рабочих) — 193 000 чел., в 1931 г. в городе уже насчитывалось 304 000 чел. [4, с. 62; 3, с. 77]. При этом по отдельным районам численность населения наиболее интенсивно росла в радиусе строительства больших промышленных объектов, иногда демонстрируя прирост свыше 600 % за короткий временной отрезок (например, в районе Сталинградского тракторного завода).

В результате, несмотря на громадные капиталовложения в жилищную отрасль (только в 1929 г. в жилищное строительство Сталинграда было инвестировано 5,6 млн руб., в 1930 г. — 14 млн руб.), средняя норма квадратных метров на одного человека продолжала снижаться. Если в 1928 г. на одного человека в Сталинграде приходилось 4,69 кв м., то в 1931 г. уже 3,5 кв м., по отдельным районам 2,5 кв м. [5, с. 78]. Высокий жилищный дефицит приводил к появлению самовольных застроек, временок барачного типа, меняющих облик строящегося города далеко не в лучшую сторону.

Развитие городской инфраструктуры также не успевало за высоким темпом прироста населения. Так, в 1931 г. в Сталинграде насчитывалось 13 водопроводных станций [5, с. 79]. По их количеству город опережал многие другие города Поволжья. Но и этого количества было не достаточно для обеспечения быстро растущего рабочего населения города. В отдельных районах на человека приходилось 9 л воды в сутки, в большинстве других — 20–25 л максимально, при санитарной норме — 60 л на чел.

К началу 1930-х гг. в эксплуатацию были введены новые фильтровальные станции в районе Сталинградской ГРЭС, проложена водопроводная ветка в рабочем поселке им. Ермана, увеличена мощность городского водопровода с 9,2 тыс. куб. м. до 13 тыс. куб. м. [6, с. 250]. В ходе программы по улучшению бытового обслуживания населения рабочих поселков в 1931 г. планировалось приступить к строительству трех банно-прачечных комбинатов, рассчитанных каждый на 2 500–4 500 чел. в день [7, с. 106]. К лету 1932 г. в городе планировалось открыть сеть общественных душевых и уборных в районах крупных промышленных объектов [7, с. 105].

Ограниченность жилищного фонда, низкие санитарно-гигиенические условия проживания (только 5,2 % жилого фонда находилось в хорошем состоянии) приводили к распространению у населения паразитарных заболеваний, брюшного тифа и других эпидемий, связанных с заболеваниями желудочно-кишечного тракта [6, с. 79]. В результате одной из ключевых проблем для городских властей станет создание единой сети городского водопровода, что для города, растянувшегося на 40 км вдоль Волги и имеющего значительные разрывы в жилых массивах, станет одной из самых трудно разрешимых задач. По данным городских служб для прокладки единого водопровода и реализации проекта 1926 г. по созданию единой водопроводной сети городу потребовалось бы 27 000 тонн чугунных труб, что в условиях форсированной индустриализации перекрывало все возможные лимиты по металлопроизводству. Пешение этого вопроса городские власти видели в выпуске деревянных труб силами Энергостроя [6, с. 255].

В неудовлетворительном состоянии в городе также находилась канализационная сеть. Построенная еще до революции она охватывала лишь центральную часть города. За годы первой пятилетки была построена канали-

зация в районе Сталинградской ГРЭС. Проблему вывоза нечистот решали также путем увеличения количества функционирующих в городе ассенизационных обозов [7, с. 80].

Несмотря на тот факт, что в 1929 г. в рамках реализации плана ГОЭЛРО началось строительство Сталинградской ГРЭС, а в 1930 г. уже была запущена первая линия, город в ночные часы практически утопал в темноте. В 1931 г. в городе имелось всего 611 фонарей, большая часть из которых приходилась на центральную часть, рабочие районы в вечернее и ночное время погружались в темноту. В ближайшей перспективе планировалось установить еще 2000 фонарей для освещения улиц города, в первую очередь в радиусе промышленных строек [7, с. 82].

Наряду с реализацией задач развития городской инфраструктуры решалась проблема благоустройства города. Для Сталинграда, интегрированного в степной ландшафт, обычным явлением были песчаные пыльные ветры. При этом город практически не имел зеленых насаждений — отсутствовали парки и лесопарки, а зеленые зоны не превышали 1 % к общей площади города [7, с. 81]. К лету 1931 г. в Сталинграде было высажено свыше 300 тыс. саженцев деревьев и кустарников. Планировалось создание питомников для массового производства посадочного материала. При этом работа по озеленению города, по мысли городских властей, должна была осуществляться на основе «самоорганизации населения и мобилизации его средств», обеспечивая со стороны Горкомхоза лишь техническую помощь и предоставление посадочного материала [7, с. 105].

Другой проблемой в рамках городского благоустройства была задача ликвидации городских свалок и оврагов, которыми Сталинград, даже в его центральной части, был буквально изрезан. А также ликвидация двух скотобоев «Союзмясо», расположенных в черте города и отрицательно влияющих на городскую экосистему [7, л. 80]. В условиях затопляемости Ерманского района планировалось создание двух водосточков, берегоукрепительные работы в районах пристаней и промышленных предприятий, расположенных вдоль берега Волги.

Критической для стремительно развивающегося города была задача развития дорожной и транспортной системы. В условиях практически полного бездорожья (в 1930 г. имеющиеся дороги были на 50 % изношены, из общей площади городских улиц замощено было только 5 %) отмечался высокий износ автомобильного парка, значительно снижался грузооборот [7, с. 104]. К концу 1931 г. была осуществлена укладка тротуаров на площади 48 тыс. кв. м. При проектировании планировалось применение усовершенствованного по тем временам материала — брусчатки. Велась прокладка автомагистрали по линии Центр — Сталинградский тракторный [6, с. 251].

Имеющийся в городе транспорт удовлетворял потребности населения лишь на 50 %. При этом наиболее интенсивный пассажиропоток приходился на трамвай. В вагонах, рассчитанных на 20 человек, в час пик обычно перемене-

шалось свыше 100 (как правило, внутри и снаружи вагона). В итоге из 65 вагонов около 20 систематически попадали в ремонт [7, с. 80]. Для разгрузки городского трамвая усовершенствовалось расписание движения пригородных поездов, благоустраивались платформы, снижались тарифы на проезд водным транспортом.

Культурно-развлекательная сфера также развивалась вместе со стремительно меняющимся городом. В начале 1930-х гг. в Сталинграде функционировали 2 театра, 7 кинотеатров, 12 клубов. В 1932 г. был открыт зимний цирк в районе сталинградского тракторного завода, рассчитанный на 3000 человек. В рамках решения проблемы досуга детей дошкольного и школьного возраста еще в конце 1920-х гг. в Сталинграде и пригородах было открыто 10 детских площадок: при школах им. Ковалевской, 9 января, Воровского, Добролюбова, Луначарского, Крупской, 25-го октября, а также в Бекетовке, Ельшанке и Совпоселке [8, с. 40].

Таким образом, на первом этапе социалистической реконструкции в городское хозяйство Сталинграда было вложено 75 000 000 руб., благодаря чему жилищный фонд увеличился на 42 %, длина водопроводных сетей — на 70 %, увеличена сеть канализации, длина трамвайных путей — на 57 %. В сферу коммунального и культурно-бытового обслуживания города только в 1933 г. планировалось вложить уже 63 705 200 руб., из них более половины составляли инвестиции в жилищное строительство — 35 742 300 руб., коммунальное — 16 450 000 руб., строительство учреждений Наркомздрава — 1 105 400 руб., народного образования — 2 876 600 руб. [9, с. 113]. Однако из-за постоянного притока населения потребности города оставались растущими. Наряду с решением задач форсированной модернизации, городские власти вынуждены были решать и насущные проблемы восстановления и развития городского хозяйства, благоустройства города, за короткий срок превратившегося в развитый промышленный центр Нижнего Поволжья.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-49-340003 p_a.

Литература

1. Стенограмма XIII Сталинградской губернской партконференции. 23.11–25.11.1927 г. // Центр документации новой и новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 159.
2. Протокол работы V Городской Сталинградской конференции ВКПб. 5–10.01.1934 г. // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
3. Протоколы IV пленума губкома ВКП б и материалы к нему: вопрос жилищного строительства. 19.05.1927 // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162.
4. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. В 10 т. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927. Вып. III. 74 с.
5. Протокол № 1 I городской партконференции. 12.08.1930 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1.

6. Протокол работы III Городской Сталинградской конференции ВКПб. 17–12.01.1932 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1.

7. Материалы и резолюции II Сталинградской городской конференции ВКПб. 5–9.08.1931 // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1.

8. Письмо Сталинградского губернского отдела народного образования в Сталинградский губисполком. 08.03.1927 г. // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211.

9. Постановление объединенного пленума сталинградского горкома ВКПб и горсовета от 22.04.1933 г. «О плане жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства на 1933 г.» // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 2.

УДК 315.35

**Прямикова Е. В.,
Вандышев М. Н.,
Веселкова Н. В.**

СОЗДАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: РОЛЬ И ПРЕДПОЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН

Аннотация: авторы доказывают тезис о том, что в дифференциации изученных городов, проявляющейся не только в длительности исторического времени существования, но и в нынешних показателях социально-экономического благополучия, есть общая проблематика. Прежде всего, это постоянный отток молодежи — выпускников школ и колледжей. Жизненные планы молодых людей напрямую связаны с восприятием пространства собственного города, с оценкой уровня комфорта городской среды.

Ключевые слова: город, подростки, память, социально-культурные особенности.

**Priamikova H. V.,
Vandishev M. N.,
Veselkova N. V.**

CREATING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT: THE ROLE AND PREFERENCES OF YOUNG CITIZENS

Abstract: the authors prove the thesis that the differentiation of the studied cities, manifested not only in the length of the historical time of existence, but also in the current indicators of socio-economic well-being, they have a common problem. This is a constant outflow of youth, especially graduates of schools and colleges. The life plans of young people are directly related to the perception of the space of their own town, with the assessment of the level of comfort of the urban environment.

Keywords: town, teenagers, memory, socio-cultural characteristics.

Занимаясь исследованием памяти различных поколений, мы обращались, прежде всего, к событиям, значимым для прошлого и настоящего города, в котором живут наши молодые люди. Каким образом конструируются (или фор-

© Прямикова Е. В., Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., 2020

мируются) событийные ряды в восприятии молодых людей, проживающих в индустриальных городах? В социологии, как и в повседневном сознании, сущность, понимание события нуждается в уточнении. В социологии нам в большей степени импонирует точка зрения Поля Рикера, поскольку именно нарратив повседневности придает какому-либо факту особый смысл, особое значение. «Включаясь в движение нарратива, событие теряет свою безличность» и приобретает принадлежность к социальному миру [1].

Урал как регион России отличается большим количеством моногородов, созданных в период «ускоренной» индустриализации середины XX века. В связке «завод» и «город» масштаб предприятия был в советское время более весомым. Можно сказать и так, не завод для города, а город для завода. Соответственно, изначально закладывались проблемы развития социальной инфраструктуры, которая зависела от инициативности предприятия, его успешности и значимости в масштабе всей страны. Сегодня мало что изменилось, значимость предприятия для хозяйства страны сменилась размерами прибыли и желанием владельцев проявлять социальную ответственность по отношению к населению города.

Исследование проводилось в городах Свердловской области — Алапавск, Верхняя Салда, Заречный, Серов; Челябинской области — Златоуст, Сатка; Пермского края — Добрянка, Соликамск. Это традиционные для региона центры индустриального развития. История этих городов крепко связана с появлением промышленных предприятий, производящих свою продукцию для региона, страны и мира.

Независимо от очень сильной дифференциации данных городов, проявляющейся не только в длительности исторического времени существования, но и в нынешних показателях социально-экономического благополучия, у них есть общая проблематика. Это постоянный отток молодежи, прежде всего выпускников школ и колледжей, которые устремляются в более крупные города в надежде на лучшие и более выгодные варианты учебной, трудовой и прочей личной биографии.

Эмпирическая база включает в себя 163 индивидуальных полуструктурированных интервью с экспертами и жителями исследуемых городов, проведенных в 2018–2019 гг., и материалы 32 групповых дискуссий среди старшеклассников и студентов (822 участника) с использованием рисуночных техник. Мы просили молодых людей ответить на вопрос о значимости тех или иных событий, в том числе для их собственного города. Вопрос в анкете выглядел следующим образом: «Какие события из прошлого, давнего или недавнего, Вы бы отметили как наиболее важные?» Для ответов прилагалась шкала, позволяющая фиксировать события разного масштаба — значимые «для себя», «для своей семьи», «для своего города», «для своей страны», «для мира в целом». Разные значения шкалы, разные масштабы позволяют более четко отследить,

проанализировать событийные ряды, воссозданные по памяти, участниками исследования Веселковой Н. В. Вандышевым М. Н., Прямиковой Е. В. [2].

Всего молодыми людьми было упомянуто 2442 события, которые были закодированы и классифицированы по тематическим блокам. События, важные для города, написали 532 респондента (вопрос был открытым, не предполагал вариантов ответа). Данные исследования показали, что самым важным событием для своего города молодые люди считают улучшение городской среды (% указан от числа ответивших по данной позиции):

- 1) улучшение городской среды (39,4 %);
- 2) городские праздники (26,1 %);
- 3) смена главы города, выборы (12 %);
- 4) давние исторические события (5,6 %);
- 5) строительство и закрытие заводов (5,3 %);
- 6) Великая отечественная война (3,2 %);
- 7) другое (9,7 %).

Действительно, во многих городах страны реализуется проект «Формирование комфортной городской среды», который является частью национального проекта «Жилье и городская среда». Судя по ответам участников дискуссий и интервью, результаты реализации проекта присутствуют и вызывают в большей степени позитивные реакции у жителей малых и средних городов. Преобразования в городском пространстве — благоустройство улиц и парковых зон, покраска старых домов, озеленение, строительство дорог, были отмечены нашими участниками как важные события в жизни города, даже если они и не признавались в полной мере эффективными.

В ряде городов — участников исследования позитивные изменения произошли еще раньше. Так, например, Алапаевск начал преображаться в процессе подготовки к 100-летию гибели царской семьи — значимого события, собравшего множество людей из различных регионов страны и даже мира. Изменения городской среды могут добавить позитивные тона в уже сложившийся образ города. Тем не менее, этого явно недостаточно для наших критически настроенных молодых людей. Отношение к пространству своего города основано, в том числе и на знаниях о преимуществах других городов и даже стран. Город не только должен быть комфортным и предоставлять рабочие места, он должен быть интересным, необычным.

Возьмем для примера такой город, как Сатка Челябинской области. Одно из позитивных отличий города — это яркий событийный ряд. Например, там проводится фестиваль классической музыки «Кармен» памяти Елены Образцовой. Артистка была в этом городе, выступала, что является поводом для гордости жителей старшего и среднего возраста. И если изначально этот фестиваль был не очень популярным, сейчас он собирает на центральной площади большое количество людей самого разного возраста. Яркость, разнообразие

событийного ряда, чем редко могут похвастаться как малые, так и средние города, для подростков и молодежи становится сегодня необходимым условием жизни. Вторая особенность города Сатка — стрит-арт. «*Satka Street Art Fest*» — международный фестиваль уличного искусства, основанный в 2017 году. Город стал галереей под открытым небом, где полотна — это фасады домов, а собрание охватывает работы самых востребованных мировых художников. Такую информацию можно найти на одном из сайтов, посвященных городу (Фестиваль уличного искусства «*Satka Street Art Fest*» — 2018) [3]. Арт-объекты сегодня — это детали пространства многих городов. В других городах тоже есть арт-объекты. «Велосипед Гулливера» — не первый оригинальный проект сотрудников подразделения хозяйственного обслуживания ВСМПО. Изобретатели цеха № 60 в дополнение к лавочкам, которые находятся в парке Гагарина и на базе отдыха «Тирус», смастерили два больших кованых велосипеда» [4].

В городе Добрянка Пермского края «добрячки», вариации жанровой городской скульптуры, украшают многие улицы и парк города. Отношение школьников к таким изменениям довольно критичное, на момент проведения групповой дискуссии в Верхней Салде (осень 2018 г.) были только лавочки, которые упоминались в ходе дискуссии, подростки отмечали, что парк Гагарина преобразился, и в нем теперь можно гулять. Но, по мнению школьников, этого совсем недостаточно.

В этих дискуссиях ярко выразился феномен давления со стороны наиболее активных участников, отрицающих всякую позитивную идентичность с местом своего проживания. При таком ходе дискуссии любые замечания, высказанные какими-либо оппонентами, просто невозможны, поскольку общий накал отрицания не оставляет ни малейшей лазейки для какого-либо другого мнения. Именно в Верхней Салде участники (школьники и студенты) говорили о том, что администрация города проигнорировала результаты голосования за площадку, предназначенную для реконструкции, что еще в большей степени усилило негативизм высказываемых оценок по отношению к своему городу. Результаты голосования за те или иные объекты в г. Сатка, по мнению участников исследования, рассматриваются при принятии окончательного решения. Сожаления подростков связаны только с ограничением распространения нового оформления в основном на две улицы — Пролетарскую и Солнечную.

Необычность городского пространства является одним из важных факторов, формирующих позитивное отношение молодежи к своему городу. Тем не менее, и наличие стрит-арта не определяет перспективы жизни, рассматриваемые подростками. Для них на первом месте — возможность учиться, трудоустроиться и получать хорошую заработную плату. В то же время именно в Сатке мы не увидели однозначно негативного отношения к своему городу. Такая же ситуация была и в Алапаевске, городе, отличающемся социально-экономическим неблагополучием, при этом вовлеченность в социокультурные процессы

городской жизни, например, практики волонтерства, увеличивает количество позитивных откликов о своем городе. Получается что культурный багаж города, участие в этих процессах самих молодых людей, меняет общую ситуацию даже в условиях социально-экономического неблагополучия.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00456.

Литература

1. Борисенкова А. Польша Рикер и социология события // Гефтер. 15.11.2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/10544> (дата обращения: 17.03.20).
2. Веселкова Н. В. Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Том 16. № 3. С. 36–66.
3. Говорит Сатка : сайт. URL: <http://govoritsatka.ru/facts/transformatsiya-gorodatsatki> (дата обращения: 17.03.20).
4. Корпоративные будни. 13.08.2019 // Всалде: сайт. URL: <http://vsalde.ru/saldanews/vsmpro/16214-korporativnye-budni-13082019.html> (дата обращения: 17.03.20).

УДК 265

Шумилова П. А.

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА И ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СПОСОБ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: в статье представлено краткое описание полевого исследовательского опыта, накопившегося в процессе многолетнего исследования формирования, развития и функционирования культурной идентичности при взаимодействии мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего Российского сообщества. Показана эффективность использования анализа такого опыта для изучения культурной идентичности через ее проявления на практике.

Ключевые слова: культурная идентичность, иноэтничные мигранты, исследовательский опыт, Центральная Азия.

Shumilova P. A.

THE ROLE OF CULTURAL IDENTITY IN THE INTERACTION OF MIGRANTS WITH DIFFERENT ETNISITY AND THE HOST COMMUNITY, AND THE RESEARCHER'S EXPERIENCE AS A WAY TO STUDY IT

Abstract: the article presents a brief description of the field research experience accumulated in the course of many years long research of the cultural identity formation, development and functioning in the interaction between migrants from Central Asian countries and the host Russian community. The effectiveness of using the analysis of such experience to study cultural identity through its manifestations in practice is shown.

Keywords: cultural identity, migrants with different ethnicity, research experience, Central Asia.

© Шумилова П. А., 2020

Социологу как ученому-исследователю приходится намного сложнее в деле производства научного знания, в рамках соблюдения необходимого условия — отстраненности наблюдателя от предмета исследования, чем, например, ученым точных наук — физикам, математикам, химикам и т. д. Социолог всегда является заложником части определенного социального круга со своими установками, солидарностями, коллективными представлениями и категориями, так или иначе проявляющимися в работе и влияющими на конечный результат [1]. Безусловно, исследователь, стремясь к получению качественного научных выводов, старается максимально исключить свои внутренние интенции относительно предмета и объекта изучения, но, обращаясь к практическому опыту, становится очевидной правота А. Шюца, указывающего на значительное и неотъемлемое влияние «запаса наличного знания» ученого на ход и результат исследований [2, с. 295].

На разных исторических этапах развития методологии социологической науки присутствовала полемика о допустимой степени включенности исследователя в процесс исследования — от стремления к полному исключению (в соответствии с Декартом) до активной интервенции (Турен) [3, с. 124]. В рамках многолетней исследовательской работы в области отношений трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества были проведены несколько исследований, как качественных, так и количественных.

Первым стал анкетный опрос среди мигрантов ($N = 231$), проведенный в 2016 г. Инструментарий содержал максимальное количество закрытых вопросов, поскольку серьезной проблемой при общении с респондентами-мигрантами являются незнание или очень плохое владение русским языком. Тем не менее, смысл вопросов приходилось передавать сильно упрощая изначальную форму, сокращая варианты ответов, а догадываться об ответе иногда приходилось интуитивно. Поэтому далее было решено провести глубинное интервью с записью на диктофон ($N = 27$, 2017 г.), чтобы снизить языковые ограничения интервьюеров и дать им возможность сформулировать ответ с помощью имеющегося у них русского словарного запаса. В результате стало очевидно иное препятствие, связанное с личностью интервьюера (автор статьи) — это культурное. Не сразу было осознано и прочувствованно отношение к собеседнице респондентов, обладающих исламской идентичностью, чаще все сельского происхождения и проживания, и, соответственно, воспринимающих ее сквозь эти призмы.

Первая реакция кандидатов на интервью — это опасения в связи исследователя с правоохранительными органами и отказ от сотрудничества. Это явилось причиной отказа от прохождения опроса еще на стадии обращения. Недоверие к незнакомым россиянам среди иноэтничных мигрантов находится на крайне высокой ступени.

Решением стали две стратегии, учитывающие национальные особенности респондентов:

1. Для представителей стран Узбекистана и Таджикистана. Поиск русских, которые на постоянной основе сотрудничают, то есть нанимают мигрантов из стран Центральной Азии для различного рода работ и через них обратиться к потенциальным интервьюируемым. Для мигрантов такой человек является в некотором роде «баем», то есть «хозяином» поэтому его просьбу скорее выполнят. Однако, он так же не мог обратиться напрямую к любому из работников. Представитель принимающего сообщества обращался с позиции более высокого статуса к старшему какой-либо группы мигрантов, и тот уже объявлял им об интервью и «разрешал» или «приказывал» поучаствовать в мероприятии. В зависимости от степени доверия к «русскому начальнику» в интервью принимали участие все, кому говорили, либо только имеющие особо аккредитованные люди. Например, братья, старшие сыновья руководителя, близкие друзья, которые фактически тоже родственники разной степени дальности, но достаточно опытные в деле проживания в России, то есть люди, которые не скажут того, чего не надо говорить по усмотрению лидера группы (часто для ответа на вопрос интервьюеры советовались со старшим).

2. Для представителей, а точнее представительниц Киргизии самой успешной стратегией оказалось оплата за интервью. Большой процент трудовых мигрантов из этой страны составляют женщины. Как правило, они чаще всего свободно встречаются одни, поскольку сферой их работы являются клининговые услуги в общественных местах, в общении с ними не возникало существенного языкового барьера (обучение русскому языку сохранено в Киргизии как школьная дисциплина). Однако женщины так же неохотно шли на какой-либо более расширенный вариант общения, тем более такое как интервью. На данное мероприятие участницы соглашались по указу руководства, или если видели понятную им выгоду. Например, помощь в получении невыданной им зарплаты («обратись как русская к русской»). Предложение денег становилось понятной мотивацией и мигрантки соглашались на интервью.

В процессе интервью запрашиваемые крайне скудно выдавали информацию о себе. Первым ограничением становился страх того, что ответы повлияют на их присутствие на территории России. Поэтому типовые вопросы вроде «хотите ли Вы здесь остаться навсегда» приходилось прятать в другие формулировки или логично списывать в контекст рассуждений, не акцентируя на этом внимание.

Вторым существенным ограничением было отношение мигрантов к интервьюеру с позиции культурного восприятия. Перед ними находился человек, имеющий нерасполагающий к равному общению статус: во-первых, — по гендерному признаку (женщина), во-вторых, — по религиозному (православная или что еще хуже — возможно, неверующая), в-третьих, — по принадлежности к городскому типу. Внешний вид так же не вызывал согласия на общение, особенно штаны и непокрытая голова. Таким образом, все вопросы (и само присутствие) интервьюера вызывали либо насмешку, либо раздражение (так как отвлекало от работы).

Для более глубокого понимания культурных особенностей, различий и совпадений между мигрантами из стран Центральной Азии и принимающего общества было решено провести исследование методом включенного наблюдения, для чего была предпринята поездка с недельным проживанием в узбекской деревне (Ферганская долина, деревня Каратепе, май 2019 г.). В результате стало понятно, насколько важно для более открытого общения религиозная принадлежность (причем быть христианином в разы достойнее, чем быть неверующим). Насколько важен возраст женщины. Чем моложе женщина, тем меньше права у нее обращаться к мужчине, к старшим женщинам, что автоматически исключало получение адекватных данных у автора статьи в связи с надменным недоумением представителей Центральной Азии. Четкое разделение на «своих» и «чужих» так же определяло недоверительное общение с исследователем иной национальности. В этой ситуации нельзя было рассчитывать на искреннее и равное отношение при проведении опроса, достаточно частой была ситуация полного отказа от общения. Для преодоления этих препятствий была выбрана стратегия трансляции интересующих вопросов через женщину, имеющую достойный возраст, схожие этно-фенотипические признаки, а так же приведение внешнего вида и поведения в соответствие с культурными нормами Средней Азии.

Последнее исследование проводилось в 2019 г. в Екатеринбурге в виде анкетного опроса и было количественным, поскольку все еще не хватало более объемных данных ($N = 222$). Чтобы снизить существенный «эффект интервьюера», обусловленный всеми перечисленными выше факторами, был выбран комбинированный метод работы интервьюера. Действуя в русле функционирования иерархически выстроенных социальных сетей среди мигрантов из стран Центральной Азии на территории России в рамках культурно и религиозно обусловленных правил общения через лидеров этих сетей, были опрошены молодые (до 30 лет) мужчины, неработающие женщины (жены, подруги жен, сестры) и даже студенты, сначала отказывающиеся принимать участие при обращении со стороны представителей других религиозных конфессий. Эффективным приемом была так же оплата за участие в опросе. И последний способ обращения — это работа напрямую, но на площадке Миграционного Центра, в котором приезжие решают проблемы с документами. В пространстве официального учреждения, в присутствии большого количества молодых русских женщин, по ощущению мигрантов наделенных властью, интервьюер-женщина воспринималась как часть этой структуры и респонденты соглашались отвечать на вопросы, хотя и приходилось объяснять, что это не официальная информация, спрашивать разрешения у старших среди групп мигрантов или мужей с женами. Так же часть опроса проводил мужчина, что тоже располагало респондентов к более открытому общению.

Очевидно, что при проведении и качественного, и количественного исследования в условиях работы с иноэтничными и инокультурными респондентами личность исследователя имеет одно из первейших значений еще на стадии

сбора информации. То, насколько вариативны подходы исследователя в этом процессе, определяет успешность не только получения информации в принципе, но и ее качества. К сожалению, исключить этот фактор, будучи представителем другой культуры, невозможно, что ярко высвечивает функционирование культурной идентичности в деле. Немаловажным является и то, что процесс работы над исследованием является преобразующим для самого исследователя. Отмечая изменение отношения автора к мигрантам из стран Центральной Азии можно отметить развитие интолерантности, хотя в процессе всей работы внутренняя установка была направлена на поиск общего и сохранения ощущения человеческого единства, культурного и социального равенства.

Все вышеописанное является серьезным исследовательским опытом, изучение которого, следуя руслу витгенштейновской теории производства научного знания, то есть изучение практики получения этого знания «здесь и сейчас» [4, с. 129], дает значительное дополнение в понимании роли культурной идентичности при взаимодействии иноэтничных мигрантов и принимающего сообщества.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00467.

Литература

1. Вахштайн В. С. Социология научного знания от 26 ноября 2014. URL: <https://postnauka.ru/video/36710> (дата обращения: 22.02.2020).
2. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004.
3. Готлиб А. С. Субъективность исследователя в социологическом исследовании: парадигмальные различия // Вестник СамГУ. 2012. № 5 (96). URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3231> (дата обращения: 24.02.2020).
4. Сокулер З. А. Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994. 169 с. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/12/1212061953/Vitgen_.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

УДК 316.4.06

**Яновская Е. А.
Беликова Е. О.**

РЕЛИГИОЗНАЯ ПАЛИТРА ЛАНДАШФТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования религиозной составляющей социокультурного ландшафта Волгоградской области. Авторы выявляют причины высокого уровня толерантности населения в ситуации разнообразия религиозной палитры региона. В работе также анализируется необходимость дальнейшего политического развития диалога между представителями религиозных организаций и властью.

Ключевые слова: религия, религиозное многообразие, толерантность, ландшафт, межрелигиозный конфликт.

Yanovskaya E. A.,
Belikova E. O.

RELIGIOUS PALETTE OF THE LANDSCAPE VOLGOGRAD REGION

Abstract: the article presents the results of a sociological study of the religious component of the socio-cultural landscape of the Volgograd region. The authors identify the reasons for the high level of tolerance of the population in a situation of diversity of the religious palette of the region. The paper also analyzes the need for further development of a dialogue policy between representatives of religious organizations, authorities and religious organizations.

Keywords: religion, religious diversity, tolerance, landscape, inter-religious conflict.

В современном обществе все более актуализируются вопросы сохранения этнорелигиозного многообразия, а также напрямую связанные с ними проблемы поиска путей построения стратегии толерантного взаимодействия. Поиск способов толерантного взаимодействия, общего языка между представителями различных социокультурных общностей становятся основной задачей как у представителей органов власти и управления, так и среди ученых. Религиозный фактор как проявление религиозных смыслов и коннотаций в различных социальных и политических процессах играет все большую роль в осмыслении динамики современного общества [1, с. 279].

Поиски диалога и взаимодействия между различными религиозными и национальными сообществами, представителями различных социокультурных групп продолжают быть актуальными сегодня и в Волгоградской области. Исторически сложилось так, что этот регион формировался как поликультурный, и сохраняет этот статус до настоящего времени. По данным Волгоградстата на территории области проживают более 140 народов [2]. Русские являются преобладающим по численности народом и поэтому доминирующим в социокультурном ландшафте региона, который представляет собой сложную систему элементов, объединяющую специфику территории, духовные и материальные ценности, социокультурные и региональные идентичности, национальные и религиозные особенности жителей представленной территории.

Наряду с языком, традициями, обычаями, мировоззренческими установками важным, а иногда и определяющим специфику этнокультурной идентичности элементом социокультурного ландшафта, является религия. Религиозный фактор продолжает играть важную роль в формировании отношений между представителями не только различных религиозных групп, но и народов, и наций. Религиозный ландшафт является структурным элементом социокультурного ландшафта. В его структуре различают религиозные наследие, базис, состоящий из религиозных организаций, находящихся на рассматриваемой территории, религиозные сооружения и символику. Спецификой религиозного ландшафта Волгоградского региона является его многообразие. Полиэтничность региона сказывается на религиозной ситуации. Возникновение религиозного многообразия на территории Волгоградского региона

стало возможным в результате соседства большого числа народов на протяжении многих веков. «О наличии различных религий и их многочисленных последователей свидетельствует тот факт, что в столице государства Итиле, которая находилась в низовьях Волги, было семь судей: два — для мусульман, два — для иудеев, два — для христиан и один — для представителей других религий» [3]. На территории области до начала XIV в. был распространен тюркоязычный шаманизм. С середины XIII в. появилось христианство, а к XIV в. укрепилась его католическая ветвь. Позже, к началу XIV в., на этой территории появляется и начинает доминировать ислам. Регион часто оказывался прибежищем беглых крестьян, переселенцев, различных сектантских групп, возникших в результате Церковного раскола XVII века. Здесь же в XVII в. появляются племена из Западной Монголии, с которыми на территории Нижнего Поволжья появляется еще одна мировая религия — буддизм [4, с. 84]. На протяжении длительного времени здесь удавалось сосуществовать вместе всем мировым религиям и их ответвлениям, национальным религиями и сектам. Таким образом, мы можем говорить о сложившейся на территории области традиции соседства различных конфессий.

В начале XX века 94 % жителей Царицынского уезда принадлежали к Русской православной церкви, 0,9 % — были старообрядцами, 1 % — протестантами, 4 % — буддистами, 0,1 % жителей исповедовали другие религии [4, с. 4–71]. С первой четверти XX века на территории Волгоградской области как и по всей территории современной России, активно внедрялась идеология атеизма, что привело к снижению числа верующих, уходу оставшихся приверженцев религии в «подполье», снижению числа культовых сооружений. В конце XX века вместе с изменением политического курса, начала меняться и религиозная ситуация. Это время называют «религиозным возрождением» или «процессом десекуляризации». Религия стала вновь востребована, в качестве системы верований, ценностных ориентаций и мировоззренческих установок. Религиозность населения росла быстрыми темпами и к началу 2000-х гг. достигла рубежа в 75 % верующих.

На сегодняшний день на территории Волгоградской области сохраняется религиозное многообразие: на 1 января 2019 года официально зарегистрировано 438 религиозных организаций. Доминирующее положение в структуре религиозного ландшафта Волгоградской области занимает Русская православная церковь, — 275 организаций. Также в социокультурном ландшафте представлены: 45 исламских религиозных организаций, 19 организаций евангельских христиан-баптистов, 16 организаций евангельских христиан, 15 организаций адвентистов седьмого дня, 11 старообрядческих организаций, 9 организаций пятидесятников, 8 организаций христиан веры Евангельской, 5 организаций Римско-католической церкви, 4 лютеранских и 4 иудейских организации, 2 буддийские организации, 1 организация методистской церкви [2]. Религиозный ландшафт Волгоградской области очень разнообразен и сложен. Наиболее многочисленными по числу последователей являются

ся организации Русской православной церкви, поэтому в основном они участвуют в формировании социокультурной ситуации.

В теории Р. Белла современная религия наделяется такими чертами, как религиозный плюрализм (сосуществование мировых традиционных религий с множеством ответвлений и внеконфессиональных религиозных организаций) и индивидуализация (перестроение религиозных традиций в русле личностных интерпретаций) [5, с. 175].

В 2019 году социологами Волгоградского государственного университета было проведено исследование «Сохранение и трансляция региональных ценностей как условие модернизации социокультурного ландшафта современного российского региона», посвященное изучению различных сторон жизни жителей Волгоградской области. Эмпирической базой проекта стали результаты массового опроса населения Волгоградской области. Опрос проводился методом формализованного интервью в 10 населенных пунктах Волгоградской области по квотной выборке, репрезентированной по полу и возрасту, случайной на этапе отбора респондентов. Объем выборки составил 1200 человек.

Согласно данному исследованию уровень доверия к человеку среди жителей не зависит от его вероисповедания. На вопрос: «Каким людям Вы доверяете больше — верующим или неверующим?» большинство респондентов (72,3 %) ответили, что вероисповедание не имеет значения. 25,7 % опрошенных в большей степени доверяют верующим людям. 14 % респондентов ответили, что религиозная принадлежность не влияет на степень доверия к людям. Скорее всего, вероисповедная принадлежность не является значимым критерием, влияющим на социальную коммуникацию. Но все же этот факт снижает вероятность конфликтов на религиозной почве. Несколько иная ситуация наблюдается при анализе ответов на вопрос о правовом равенстве всех религий на территории РФ. Среди опрошенных 64,2 % считают, что все религии должны обладать равными правами, а 27,7 % — поддерживают идею о доминировании какой-либо одной религии. Среди респондентов 18 % считают, что доминировать на территории РФ должно православие, 8,7 % — выступают за христианство, 0,9 % — за ислам. Сопоставление ответов на вопрос о равенстве прав всех религий с религиозной идентичностью респондентов, показало, что наиболее толерантными в этом отношении являются мусульмане: 91 % респондентов-мусульман полагают, что все религии должны быть равны в правах. Православных респондентов, высказавшихся за равенство всех религий, — 69 %. Среди них наблюдается наибольший процент респондентов, считающих, что должна быть одна доминирующая религия — 31,6 %. Такой высокий процент можно объяснить консервативностью и ортодоксальностью взглядов приверженцев православия, а также численным преобладанием православных на территории Волгоградской области.

Высокий уровень религиозной толерантности населения Волгоградской области свидетельствует о том, что религиозный фактор не является опре-

деляющим в построении повседневных контактов и межличностном общении. Во многом такой уровень религиозной толерантности предопределен религиозным многообразием, исторически присущим региону. Исторически сложившееся социокультурное многообразие не может стать показателем стабильных толерантных отношений между религиозными организациями. Для поддержания высокого уровня толерантности необходим конструктивный диалог между религиозными организациями и представителями власти и управления, как на уровне институтов, так и на уровне обыденного общения. Существование такого рода диалога может способствовать большему взаимопониманию между представителями различных религий, которое поможет избежать острых конфликтов. Так, например, представители религиозных организаций региона являются членами Волгоградской и Волжской городской Общественной палаты. При администрации области создана комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений и делами казачества. На территории города систематически проводятся круглые столы с главами местных религиозных организаций.

Таким образом, Волгоградская область является поликультурным регионом. Уровень религиозной толерантности в области высок. Религиозное и национальное многообразие региона является исторически сложившимся фактом. Формированию позитивного диалога между представителями различных религий стало возможным в условиях совместного проживания и, общей культуры повседневности. Религиозная толерантность, во многом обусловленная традицией, и принятая парадигма диалога позволяют сохранять баланс и гармонию в межконфессиональных и межнациональных отношениях на территории Волгоградской области.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-411-340011 p_a.

Литература

1. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб. : Платоновское философское общество, 2017. 508 с.
2. Данные Управления Министерства юстиции РФ по Волгоградской области о числе зарегистрированных религиозных организаций. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/e3ab430047a19d9e8441f66923df9336/религиозные_07112018.htm (дата обращения: 12.12.19).
3. Беликова Е. О. Результаты мониторинга общественного мнения по вопросам межкультурного и межрелигиозного диалога в Волгоградской области (2011–2013 гг.) / Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2013. 78 с.
4. Очерки по истории Волгоградской епархии Русской Православной церкви. Волгоград: государственное учреждение «Издатель», 2003. 366 с.
5. Белла Р. Н. Социология религии // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972. С. 269.

Секция 9. Трансформация социально-экономических институтов в условиях цифровизации

УДК 316.4.051.62

**Андрианова Е. В.,
Худякова М. В.**

ОЦЕНКА РОЛИ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ, РОДИТЕЛЕЙ В СНИЖЕНИИ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТА НА ДЕТЕЙ

Аннотация: статья посвящена исследованию мнения населения относительно роли социальных институтов в снижении негативного влияния Интернета на детей. Основой для анализа послужил массовый опрос, проведенный в Тюменской области. Проанализированы готовность родителей взять на себя ответственность за влияние Интернета, мнение респондентов о необходимости государственного контроля в различных сферах онлайн-пространства.

Ключевые слова: информационные технологии, интернет-риски, влияние Интернета на детей, ответственность за влияние Интернета, государственный контроль.

**Andrianova E. V.,
Khudyakova M. V.**

ASSESSMENT OF THE ROLE OF THE STATE, PUBLIC INSTITUTIONS AND PARENTS IN REDUCING THE NEGATIVE IMPACT OF THE INTERNET ON CHILDREN

Abstract: the article considers public opinion on the role of social institutions in reducing the negative impact of the Internet on children. The basis was a mass survey conducted in the Tyumen region. Parents willingness to take responsibility for the impact of the Internet, respondents opinion on the need for state control in various fields of online space are analyzed.

Keywords: information technology, Internet risks, the impact of the Internet on children, responsibility for the impact of the Internet, state control.

Одним из предикторов рисков Интернета для детей и подростков выступает низкая рискологическая компетентность родителей (особенно отцов), педагогов и самих подростков. Это характерно не только для России, но и для других стран. Сам термин «рискологическая компетентность» имеет очень широкую трактовку. Мы склонны понимать ее как способность действовать наиболее адекватно в условиях максимальной неопределенности, идентифицировать риски и активизировать личностные и социальные ресурсы для их нивелиро-

---

© Андрианова Е. В., Худякова М. В., 2020

вания (преодоления) [1, с. 37–46]. Уровень цифровой грамотности родителей в отношении использования подростками социальных сетей и рисков, встречающихся в них, является низким. Родители не имеют стратегии контроля над использованием детьми Интернета. Основная проблема родителей заключается в том, что они не знают, где найти информацию о рискованном поведении детей в Интернете [2]. Несмотря на сравнительно высокий уровень цифровой грамотности подростков [3], обзор показывает, что подростки не воспринимают многие свои действия в Интернете (например, использование неподходящего контента) как несущие какой-либо риск [4, с. 395–402].

Основой для анализа послужили данные, полученные в результате массового опроса, проведенного на территории Тюменской области. Объем выборки составил 1642 респондента в возрасте от 18 до 64 лет, из них 640 респондентов являлись родителями несовершеннолетних детей. Гипотеза исследования была поставлена следующим образом: социальное расслоение, доверие, социальные девиации находятся в прямой взаимозависимости с частотой негативного воздействия на людей в сети Интернет.

Первенство заботы о снижении негативного влияния сети Интернет на детей и молодежь передано (дается средняя оценка по убывающей):

- родителям — 8,4;
- интернет-провайдерам и владельцам сайтов — 6,4;
- государству, федеральным органам власти — 6,4;
- образовательным организациям — 5,9;
- родительским комитетам — 5,8;
- региональным органам власти — 5,6;
- полиции и прокуратуре — 5,1;
- СМИ — 5,0;
- общественным организациям — 4,9.

Данные свидетельствуют, с одной стороны, о наличии ответственности за детей, с другой, — отсутствие патерналистских настроений, желание переложить ответственность на государство, власть, школу. Результаты исследования показывают (табл., данные рассчитаны авторами статьи), что респонденты рассматривают решение проблемы влияния Интернета на их детей только совместными, объединенными силами всех заинтересованных сторон, понимая важность проблемы и невозможность ее решения только своими силами (о чем свидетельствует близость оценок, поставленных респондентами).

Возраст родителей не оказывает влияние на определение ведущих институтов, ответственных за влияние Интернета на детей. В целом родители выставили рейтинг ответственности общественных институтов в следующей последовательности:

- родители — 8,8;
- интернет-провайдеры и владельцы сайтов — 6,9;

- государство, федеральные органы власти — 6,8;
- образовательные организации — 6,4;
- родительские комитеты — 6,0;
- региональные органы власти — 5,9;
- полиция, прокуратура — 5,6;
- СМИ — 5,3;
- общественные организации — 5,2.

Таблица

Доля респондентов, выбравших институты, ответственные за влияние Интернета на их детей (% от числа респондентов с детьми)

№	Институты	Результаты, %
1	родители	93
2	государство, федеральные органы власти	88
3	образовательные организации	86
4	интернет-провайдеры и владельцы сайтов	86
5	региональные органы власти	84
6	родительские комитеты	83
7	полиция, прокуратура	83
8	СМИ	83
9	общественные организации	82

Обращает на себя внимание тот факт, что последними в рейтинге ответственности за влияние Интернета как в подвыборке родителей, так и в общей выборке, стоят общественные организации. Теснота показателей еще раз подтвердила тезис о готовности родителей и тех, кто не имеет несовершеннолетних детей, взять на себя ответственность за влияние Интернета на младшее поколение.

Родители несовершеннолетних детей провели самооценку влияния на них Интернета (по шкале: скорее позитивно; скорее негативно; и то, и другое в равной степени; практически не влияет) и распределили ответственность между общественными институтами.

Распределение государственного контроля по сферам в сети Интернет представлено на рис. (данные получены и рассчитаны авторами статьи).

Наибольшую ответственность государства в области Интернета в целом отметили 63 % респондентов, особенно в таких значимых для общества областях как поддержание его морально-нравственного состояния и регулирование паразитических видов деятельности. Большая часть респондентов отмечают необходимость государственного контроля в таких сферах, как пропаганда сексуальных меньшинств (75 %), эротика, порнография (73 %), азартные игры (72 %), онлайн-казино (70 %).

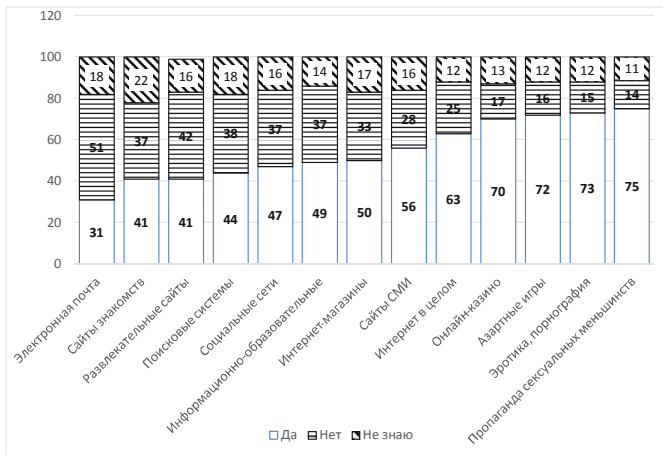

Рис. Распределение государственного контроля по сферам Интернета

Стоит обратить внимание, что респонденты практически не сомневаются при определении сфер, которые должны контролироваться государством. Таким образом, респонденты в основном оставляют за родителями первенство ответственности по контролю за влиянием Интернета на детей и подростков (93%). На втором месте находятся государство и федеральные органы власти (88%), по мнению подавляющего большинства респондентов, практически все институты власти должны принимать участие в контроле интернет-контента.

Среди социальных институтов, которые должны нести ответственность за влияние Интернета на детей и подростков, по мнению респондентов, ведущим является государство, федеральные органы власти. Респонденты высказываются за системное участие и отношение всех социальных институтов и структур в области регулирования влияния Интернета на детей и подростков. Результаты исследования показывают, что респонденты рассматривают решение проблемы влияния Интернета на их детей только совместными, объединенными силами всех заинтересованных сторон, понимая важность проблемы и невозможность ее решения только своими силами (о чем свидетельствует близость оценок, поставленных респондентами). Возраст не оказывает влияния на определение ведущих институтов, ответственных за влияние Интернета на детей. Респонденты высказались положительно за контроль со стороны государства в таких сферах как пропаганда сексуальных меньшинств (75%); эротика, порнография (73%); азартные игры (72%); онлайн-казино (70%); Интернет в целом (63%).

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07131.

Литература

1. Патраков Э. В., Карбанова С. В., Молчанов С. В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 37–46. DOI: 10.11621/npj.2018.0304.

2. Altuna J., Martínez-de-Morentin J.-I., Lareki A. The impact of becoming a parent about the perception of Internet risk behaviors // Children and Youth Services Review. 2020. V. 10. P. 104803. DOI: 10.1016/j.chidyouth.2020.104803.

3. Sefton-Green J., Marsh J., Erstard O., Flewitt R. 2016. Establishing a research agenda for the digital literacy practices of young children. COST. A White Paper for COST Action IS1410.

4. Teenagers' perception of risk behaviors regarding digital technologies/A. Lareki, J.-I. Martínez, J. Altuna, N. Amenabar // Computers in Human Behavior. 2017. V. 68. Pp. 395–402. DOI: 10.1016/j.chb.2016.12.004.

УДК 316.4

**Ромашкина Г. Ф.,
Данилова Е. П.**

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ УСЛУГ В «ИНДУСТРИИ 4.0»

Аннотация: в статье рассмотрены процессы цифровой трансформации, затрагивающие интересы представителей различных возрастных когорт. Анализ опирается на результаты конкретного социологического исследования, проведенного в 2019 году в Тюменской области по выборке, репрезентирующей население от 18 до 64 лет. Сделан вывод о всеобщем характере изменений в обычных практиках и поведении социума под влиянием «Индустрии 4.0».

Ключевые слова: цифровая трансформация, «Индустрия 4.0», интересы, социум, Интернет, когорты.

**Romashkina G. F.,
Danilova E. P.**

FEATURES OF SERVICE CONSUMPTION IN "INDUSTRY 4.0"

Abstract: the article considers the processes of digital transformation in a broad sense that affect the interests of representatives of different age cohorts. The analysis is based on the results of a specific sociological study conducted in 2019 in the Tyumen region on a sample representing the population from 18 to 64 years. The conclusion is made about the General nature of changes in everyday practices and behavior of society under the influence of Industry 4.0.

Keywords: digital transformation, Industry 4.0, interests, society, Internet, cohorts.

Актуальность и краткий обзор источников. Термин цифровая трансформация (или цифровизация) можно рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле, это процесс преобразования информации и технологий в цифровую форму, либо изменение бизнес-процессов за счет использования цифровых технологий. В широком смысле это мировой тренд, охватывающий информацию, технологии, науку, производство, бизнес, культуру, социальную сферу и обыденные практики. Цифровая трансформация привела к изменению всех сторон жизни людей за кратчайшие сроки. Появился термин «цифровая экономика» как экономика, связанная с изменением стоимости за счет применения цифровых технологий. Эти процессы протекали в обществе с огромной скоростью. Еще в 2000 году ученые и специалисты ограничивали рассмотрение меняющимися характеристиками информации, вычислительной техники и коммуникаций. Был сделан вывод, что «Все страны должны противостоять неограниченному потоку информации в Интернете и легкости, с которой могут осуществляться международные сделки и инвестиции» [1, с. 2]. А уже в обзоре-справочнике 2012 г. о противостоянии речи не идет, поскольку в цифровые трансформации включилось все общество. Население мира, подключенное к Интернету, выросло с нуля в 1995 году до 2 миллиардов человек в 2012 году, и продолжает расти с огромной скоростью [2, с. 5]. Интернет и оцифровка преобразовали практически все отрасли промышленности, включая торговлю, СМИ, развлекательную индустрию. Уже в 2012 году миллионы людей каждый день тратили время, получая доступ к информации и создавая ее онлайн. Фирмы, работающие преимущественно в online, стали высокорентабельными, влияя на повседневную жизнь большинства людей в развитых странах [2, с. 18].

Цифровую трансформацию часто связывают с термином «Индустрия 4.0», предполагающим внедрение вычислительных ресурсов во все сферы жизни. «Индустрия 4.0» называют четвертой промышленной революцией. В книге Ф. Боччи, Ф. Леонарди представлен анализ чрезвычайного влияния цифровой экономики. Ученые обозначили, что в 2014 г. ядро «Индустрии 4.0» (или цифровой экономики) состоит почти 6 % мирового ВВП и продолжает расти беспрецедентными для мировой экономики темпами [3, с. 21]. Россия с некоторым опозданием, но ощутила эффекты цифровой трансформации. Например, в докладе ГУ ВШЭ был сделан вывод, что «Цифровизация становится причиной технологического усложнения и исчезновения ряда традиционных профессий...» [4, с. 16–18]. Широко обсуждается изменение модели трудового поведения, лавинообразный рост информации, которую не успевают усвоить ни человек, ни даже группа людей, ни общество в целом, изменение моделей социального поведения, общения, обучения, и пр. (например, в [5]).

Россия, имея огромный потенциал в сфере производства программных продуктов, что является базой для «Индустрии 4.0», к настоящему времени

существенно отстает в части предложения ее услуг [6, с. 179]. Такими услугами, предоставляемыми бизнесом в сети Интернет, пользуются подавляющее большинство россиян моложе 50 лет, что вполне соответствует поведению граждан большинства развитых стран. Для преодоления отставания РФ от лидеров в цифровой индустрии в 2018 г. был запущен национальный проект «Цифровая экономика» (НП ЦЭ). Особенное внимание в НП было уделено созданию инфраструктуры передачи, хранения, обработки и анализа данных и подготовки кадров для ЦЭ.

Данные и методика их анализа. Для анализа использованы результаты массового опроса, который был проведен на территории Тюменской области (без автономных округов) в 2019 году. Всего было опрошено 1642 человека от 18 до 64 лет, структура выборки представлена ниже:

Структура выборки по возрасту респондента

Возраст, лет	18–24	25–34	35–44	45–54	55+	Итого
Кол-во человек	192	474	389	294	293	1642

Обсуждение основных результатов. Как сегодня люди используют сеть Интернет? Рассмотрим ответы на вопрос «Укажите, пожалуйста, для каких целей и как часто лично Вы применяете сеть Интернет?». Подавляющее большинство (70–80 %) ориентируются на получение информации, отдыхают и общаются. В рабочих целях обращаются к сети в той или иной степени более половины опрошенных, и это второе место рейтинга. Учатся чему-либо в Интернет люди значительно реже, но также весьма регулярно (примерно 60 % практически ежедневно и не реже чем раз в неделю). Используют Интернет для рекламы своих продуктов 15–20 % опрошенных, никогда не используют — 51 %, не дали ответа — 18 %. Активное целенаправленное использование ресурсов сети в экономической деятельности распространено значительно реже, чем потребление.

Экономическая активность в цифровой экономике почти в два раза отстает по частоте обращения от отдыха и получения информации. Однако следует понимать, что категории отдых и общение не связаны напрямую с экономической деятельностью самих людей. Но все виды деятельности являются основой для все более расширяющегося кластера услуг в цифровой экономике. Например, самообразование и обучение востребовано и развивается чрезвычайно быстрыми темпами с использованием различных видов *online* обучения.

Какие сайты и услуги в сети Интернет и для каких целей используют респонденты (рис.)? Среди всех опрошенных различия статистически устойчивы только между двумя группами возрастов: до и после 35 лет. Внутри этих групп различия носят чисто количественный характер (при оценках в %), но не в рейтинге. Во всех возрастных группах доминирует обращение к социальным сетям, и даже более старшие возрастные когорты здесь не являются

ся исключением. Но частота обращения к сервисам первой тройки быстро убывает по мере взросления респондентов.

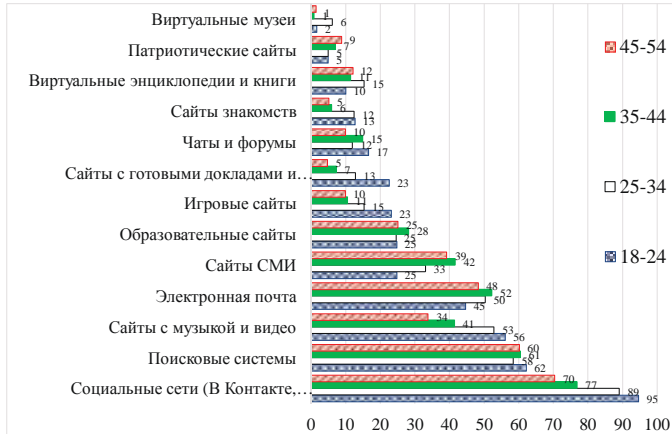

Рис. Распределение ответов на вопрос «Какими сервисами и сайтами Вы чаще всего пользуетесь?», в % от всех опрошенных

Выводы. Интернет-активность в нашем социуме весьма высока. Подавляющее большинство респондентов в той или иной степени обращается к услугам сети Интернет. Темпы роста охвата аудитории беспрецедентны в человеческой истории, ведь еще 20 лет назад практически никто не слышал об интернет-СМИ, а срок распространения социальных сетей менее 10 лет. Возрастные когорты различаются по частоте, целям и содержанию интернет-активности, но это касается далеко не всех направлений деятельности. Гипотеза о принципиальных различиях внутри социума по отношению к деятельности в сети Интернет, фактически превратившейся в потребление услуг «Индустрии 4.1», не подтвердилась.

Здесь не рассматриваются активность в потреблении интернет-продаж, поиске работы, выполнении работ фрилансерами и многие прочие аспекты, которые изучим в дальнейшем. Но тенденции потребительского поведения в цифровой экономике проявляются чрезвычайно ярко.

Удалось выделить три основные особенности потребления услуг «Индустрии 4.1» для различных возрастных когорт. Во-первых, отличия в востребованности игр, общения, отдыха и знакомств носят вполне ожидаемый характер, присущий возрасту респондентов. Во-вторых, электронная почта занимает третье место только в структуре интересов тех, кто старше 35 лет. Более молодые фактически переориентировались на мессенджеры и соци-

альные сети. В-третьих, интерес к сайтам СМИ существенно падает в группе молодых, но ни в одной группе он не поднимается выше 4 места рейтинга. Отметим, что отсутствие вовлеченности в потребление услуг «Индустрии 4.1» уже становится признаком маргинализации и эксклюзии, иногда добровольной, но чаще вынужденной, по материальному признаку. В дальнейших наших исследованиях будет изучен и этот аспект проблемы.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07131.

Литература

1. Understanding the Digital Economy: Data, Tools, and Research. Reprint Edition by Erik Brynjolfsson (Editor), Brian Kahin (Editor). 2000, 401 p.

2. The Oxford Handbook of the Digital Economy by Martin Peitz, Joel Waldfogel. 2012, 624 p.

3. Boccia F., Leonardi E. The Challenge of the Digital Economy//Markets, Taxation and Appropriate Economic Models. Library of Congress Control Number: 2016957774. ISBN 978-3-319-43689-0. DOI 10.1007/978-3-319-43690-6. 148 p.

4. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апр. 2019 г.) / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг [и др.]; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82, [2] с.

5. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Е. П. Данилова, Н. В. Мальцева, И. Ф. Печеркина, Г. Ф. Ромашкина, А. Н. Тарасова, Ю. В. Ушакова, М. В. Худякова, А. Л. Чеблаков. Тюмень, 2018.

6. Ромашкина Г. Ф., Ушакова Ю. В. Новая индустриализация в сегменте производства программных продуктов: Индия, Израиль и Россия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 4. С. 177–199. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-4-177-199.

УДК 316.4

**Давыденко В. А.,
Хузахметов Р. Р.**

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ОЦЕНКАХ РИСКОВ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ?

Аннотация: интернет-трансформацию общества можно считать свершившимся фактом. Современные цифровые технологии позволяют всегда быть на связи, оперативно решать рабочие и личные задачи, но вместе с тем обуславливают значительные изменения в образе жизни людей. Авторы ставят перед собой цель исследовать активность в сети и оценить риски возникновения интернет-зависимости у подростков. Выдвигается гипотеза о наличии существенных межпо-

---

© Давыденко В. А., Хузахметов Р. Р., 2020

коленных различий, в том числе между детьми и их родителями. Работа основана на результатах авторского исследования.

Ключевые слова: цифровизация, риски, интернет-активность, интернет-зависимость, конфликт поколений.

**Davydenko V. A.,
Khuziakhmetov R. R.**

IS THERE A GENERATION CONFLICT IN THE ASSESSMENT OF INTERNET-RISKS?

Abstract: internet transformation of society is in its final stages. Contemporary digital technologies allow individuals to always be in touch, quickly solve professional and personal issues, but at the same time cause significant changes in their lifestyles. Article's purpose is to investigate online activity and assess the risks of internet-addiction in the youth. Authors hypothesize that there are significant intergenerational differences, including between parents and their children. The paper relies on the results of the author's research.

Keywords: digitalization, risks, generation conflict, internet surfing, internet addiction.

Развитие цифровых технологий преобразило не только мировую экономику, но и повседневную жизнь людей. Интернет рассматривается как глобальный потребительский феномен, востребованность которого постоянно растет в течение последних десятилетий. Действительно, в виртуальную реальность переносятся практически все виды деятельности: сеть выступает заменителем социального взаимодействия, становится средством обучения и поиска информации, способом развлечения [1, с. 1]. Сегодня насчитывается более 4 млрд постоянных пользователей Интернета, и примерно 6% из них имеют, по крайней мере, базовый уровень интернет-зависимости [2, с. 73–74]. С клинической точки зрения это отдельное заболевание, требующее специфических подходов к лечению, которые уже разрабатываются в разных странах мира.

Принимая во внимание вышесказанное, закономерным кажется то, что в научных журналах все чаще появляются публикации, авторы которых выражают растущую обеспокоенность тем, какое воздействие чрезмерное использование Интернета оказывает на людей [3, с. 2–3].

Представители различных научных дисциплин в своих изысканиях затрагивают проблему причин возникновения интернет-зависимости и последствий, которые она влечет. В междисциплинарных исследованиях достаточно широко применяется теория компенсаторного использования Интернета, согласно которой сеть может быть копинг-стратегией человека, пытающегося совладать с жизненными проблемами. В работе [4, с. 71–72] изучались модернирующие в допустимых рамках роли психосоциального благополучия в отношениях между эскапизмом и чрезмерными онлайн-играми, где была предпринята попытка установить взаимосвязь между психосоциальным благополучием и мотивами использования социальных сетей. Авторы пришли

к выводу, что в случае, когда зависимость от социальных сетей является основным механизмом преодоления жизненных неурядиц, специалисту-модератору имеет смысл сосредоточиться на стабилизации психологического состояния индивида и только потом приступать к исправлению проблемного поведения. В статье С. Венулео и др. [5, с. 4–6] анализировались паттерны представителей социальной среды «проблемных людей» — игроков, пьющих, активных пользователей Интернета и курильщиков, — а проблема интернет-зависимости была рассмотрена через призму культурных детерминант, влияющих на восприятия индивида. Авторы выявляли пути к культурному пониманию аддиктивного поведения, и нашли детерминанты, повышающие риск развития интернет-зависимости у молодых людей (до 20 лет). К ним относятся склонность критиковать устройство общества, недооценка важности социальных связей и социальных норм приличия. Кроме того, предрасположенные к зависимости индивиды чаще абсолютизируют свои убеждения, и их эмоциональные переживания слабо дифференцированы. Хен Сик Джо и соавторы стремились найти четко выраженные взаимосвязи между предрасположенностью к смартфону и признаками эмоциональной импульсивности среди корейских пользователей смартфонов [6, с. 80–81]. Они изучали предрасположенность к зависимости от смартфона в трех возрастных группах: 14–18 лет, 19–25 лет, 26–39 лет. Результаты исследования показали, что риск возникновения зависимости от смартфона заметно выше у подростков. Более того, зависимые от собственных телефонов подростки, проявляют дисфункциональную импульсивность в качестве основной черты личности, что осложняет их становление во взрослости.

Для анализа привлекаются результаты массового опроса, который был проведен на территории Тюменской области (без автономных округов) в 2019 году. Всего было опрошено 1642 человека от 18 до 64 лет, выборка представляет половозрастные группы населения сел и городов юга Тюменской области, ошибка выборки по одному признаку 2,7% (расчет по формуле Паниотто). В дальнейшем мы будем приводить оценки ответов родителей и молодежи. Выборка респондентов, ответивших, что у них есть несовершеннолетние дети, составляет 640 человек. Для изучения оценок родителями интернет-поведения мы применяли фильтр «Есть ли у Вас несовершеннолетние дети, проживающие с Вами?».

Были изучены самооценки респондентов в целом по выборке, молодежи и оценки родителей несовершеннолетних детей по ответам на вопрос, как часто сами они сами и их дети пользуются сетью Интернет. Здесь и далее под рубрикой «родители» имеются в виду самооценки родителей несовершеннолетних детей, проживающих вместе с родителями. Под рубрикой «дети» имеются в виду несовершеннолетние дети респондентов по оценкам их родителей. Отметим, что в целом 77% опрошенных пользуются сетью Интер-

нет практически каждый день, среди родителей несовершеннолетних детей эта доля выше — 85 %, в когорте 18–25 лет — 92 %, в когорте старше 55 лет — 45 %, среди несовершеннолетних детей — 71 %. Причина данной тенденции очевидна — молодые совершеннолетние респонденты чаще находятся в сети. В среднем по выборке смартфон для выхода в Интернет используется в 79 % случаев, среди детей — в 73 %. Поскольку все остальные технические средства в совокупности указали менее 40 % респондентов, можно утверждать, что доминирующим средством выхода в Интернет стали смартфоны.

Родители, оценивая онлайн-активность своих несовершеннолетних детей, в среднем указывают, что их дети проводят в сети 3,3 часа. По мнению четверти родителей, их дети в среднем проводят в сети Интернет не более 2 часов в день, еще для четверти — от 2 до 3 часов, и еще 25 % родителей считают, что их дети проводят в Интернете от 3 до 4 часов в день. Много это или мало? Здесь оценки весьма противоречивы. Во-первых, в оценках онлайн-активности преобладает отрицательная коннотация. Возможно, это связано с тем, сколько именно времени дети проводят в сети. Однако анализ не подтверждает истинность этой гипотезы. Вместе с тем, систематически родители не ограничивают количество часов, которые их дети проводят в Интернете, либо им это не удается вне зависимости от своего отношения к этой активности.

Во-вторых, родители несовершеннолетних детей в нашей выборке весьма высоко оценивают осведомленность о том, чем заняты в Интернете их дети, и информированность своих детей о возможностях сети. Так, при ответах на вопрос «Пожалуйста, оцените Вашу осведомленность о том, чем заняты в сети Интернет ваш ребенок по шкале от 0 (не знаю) до 10 (полностью осведомлен)» были даны очень высокие оценки. Наиболее часто встречающийся ответ, равен 10, этот вариант указали 34 % ответивших родителей, имеющих несовершеннолетних детей. При ответах на вопрос «Пожалуйста, оцените, насколько ваш ребенок информирован о возможностях сети Интернет?» по той же шкале оценки высоки, но чуть ниже. Наиболее часто встречающийся ответ также 10, его дали 27 % ответивших родителей.

Градус отношения к онлайн активности своих детей не связан статистически с собственной осведомленностью ($F = 0,405$ при 95 % достоверности), но слабо повышается с ростом оценок информированности своих детей о возможностях сети Интернет ($F = 7,251$ при 95 % достоверности). Однако эта связь элиминируется, если в объясняющее уравнение добавить возраст респондента. Главный фактор, который статистически связан с отношением и самооценками онлайн активности, — это возраст респондента. Чем моложе родители, тем выше они оценивают свою осведомленность о том, чем занят в сети их ребенок. Чем старше родители, тем выше количество часов, которые проводят их дети в Интернете, но это очевидно связано с возрастом детей. Чем старше родители, тем выше они оценивают информированность

своего ребенка о возможностях сети Интернет, что также связано с возрастом детей, но и здесь различия не высоки (рис.). Гипотеза о существенных межпоколенных различиях между молодыми и более старшими поколениями, между детьми и их родителями статистически не подтверждается. Хи-квадрат Пирсона и оценки вероятности показывают отсутствие связи между соответствующим признаком и возрастом респондента. Критерий достоверности — 95 %.

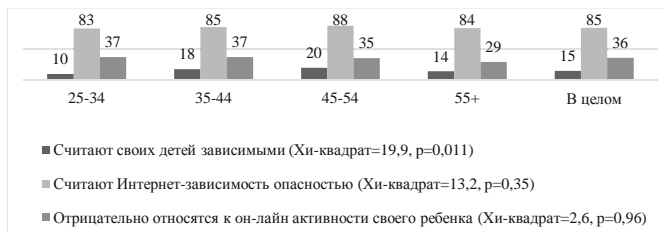

Рис. Доля считающих своих детей интернет-зависимыми, считающих интернет-зависимость опасностью, отрицательно относящихся к онлайн-активности своих детей (в % от всех родителей несовершеннолетних)

В работе на примере интернет-рисков были рассмотрены риски, связанные с продолжающейся цифровизацией экономики. Несмотря на то, что интернет-трансформацию общества можно считать свершившимся фактом, поскольку подавляющее число людей самых разных возрастов ежедневно проводят в сети по несколько часов, авторам удалось установить некоторые различия во взглядах жителей региона, принадлежащих различным возрастным когортам. Однако конфликт поколений в этом отношении уже отсутствует, потому что современные родители проводят в Интернете не меньше времени, чем их дети. Кроме того, в целом родители достаточно лояльно относятся к интернет-активности своих детей, хотя риск возникновения интернет-зависимости оценивают высоко.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07131.

Литература

1. Rae J. R., Lonborg S. D. Do motivations for using Facebook moderate the association between Facebook use and psychological well-being? // *Front Psychol.* 2015. Issue 6. pp. 1–9.
2. Longstreet P., Brooks S. Life satisfaction: A key to managing internet & social media addiction // *Technology in society.* 2017. Issue 50. pp. 73–77.
3. Life satisfaction moderates the associations between motives and excessive social networking site usage / W. Jin-Liang, J. Gaskin, W. Hai-Zhen, L. Dong // *Addiction Research & Theory.* 2016. DOI: 10.3109/16066359.2016.1160283.

4. Kardefelt-Winther D. The moderating role of psychosocial wellbeing on the relationship between escapism and excessive online gaming // *Computing Human Behavior*. 2014. Issue 38. pp. 68–74.

5. Towards a cultural understanding of addictive behaviours. The image of the social environment among problem gamblers, drinkers, internet users and smokers / C. Venuleo, S. Rollo, T. Marinaci, S. Calogiuri // *Addiction Research & Theory*. 2016. DOI: 10.3109/16066359.2015.1126257.

6. Hyun-sic Jo, Euihyeon Na & Dai-Jin Kim. The relationship between smartphone addiction predisposition and impulsivity among Korean smartphone users // *Addiction Research & Theory*. 2017. DOI: 10.1080/16066359.2017.1312356.

УДК 33.338.53

Кульпин С. В.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: статья подготовлена по итогам первого года выполнения проекта РФФИ «Институциональное моделирование экономики интернет-пространства России». Фундаментальной научной проблемой исследования является отсутствие систематизации, комплексного моделирования и оценки перспектив развития экономических процессов в условиях цифровой трансформации с учетом всех его сегментов, включая сегмент социальных интернет-сетей и интернет-аукционов, в которых экономический обмен осуществляют рядовые интернет-пользователи, не зарегистрированные юридически.

Ключевые слова: цифровая экономика, институты интернет-рынка, трансформация экономических процессов, институциональная экономика.

Kulpin S. V.

INFLUENCE OF DIGITAL TRANSFORMATION ON ECONOMIC PROCESSES: INSTITUTIONAL ASPECT

Abstract: the article was prepared based on the results of the first year of the RFBR project “Institutional Modeling of the Economy of the Internet Space of Russia”. The fundamental scientific problem of the study is the lack of systematization, comprehensive modeling and assessment of the development prospects of economic processes in the context of digital transformation, taking into account all its segments, including the segment of social Internet networks and online auctions in which ordinary Internet users who are not legally registered carry out economic exchange.

Keywords: digital economy, Internet market institutions, transformation of economic processes, institutional economics.

Актуальность данного исследования обусловлена прежде всего тем, что развитие интернет-рынка изменило взаимоотношения людей за пару десятилетий. Изменились система коммуникации, система транзакций, трансформирует-

---

© Кульпин С. В., 2020

ся экономическое мышление потребителя. Россия является одним из мировых лидеров по динамике развития интернет-рынка и распространения сервисов информационно-коммуникационных сетей среди населения. Поэтому для нашей страны исследования интернет-рынка являются крайне актуальными.

Помимо уже привычных традиционных интернет-магазинов достаточно весомое влияние на экономические процессы, по мнению авторов, оказывают социальные сети. Социальные интернет-сети сначала появились в неформальной жизни общества и со временем переместились в сферу деловых отношений. Сетевая организация информационного пространства ускорила коммуникационный бизнес-процесс в десятки раз по сравнению с концом прошлого столетия. При этом современные социальные сети позволяют обычным пользователям становится активными экономическими игроками на интернет-рынке. Без фундаментального исследования экономических процессов на интернет-рынке и, в частности, в социальных сетях невозможно выработать инструменты контроля этих процессов. Экономика интернет-рынка как научная дисциплина еще не устоялась на карте современной российской экономической теории, хотя рост интереса к этой научной сфере с каждым годом растет.

В рамках работы над проектом авторами были получены следующие результаты:

1. Проанализированы институты генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики. Основной задачей было построение типологии институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики на основе выявления взаимосвязи между результативностью генерации новых знаний и цифровыми ресурсами в умном городе в условиях цифровой экономики. Предложен показатель количественной оценки результативности генерации новых знаний в условиях цифровой экономики — «цифровая скорость». Это количественный показатель, характеризующий природу результативности генерации знаний при увеличении использования цифрового ресурса на 1%.

Проведен корреляционный анализ, позволивший выделить факторы цифровой экономики, оказывающие влияние на процессы генерации знаний умного города. Доказано, что такие типы цифровых ресурсов, как «персональные компьютеры» и «серверы», имеют устойчивую взаимосвязь с такими видами результатов генерации новых знаний, как «новые технологии» и «новые продукты». Такие типы цифровых ресурсов, как «использование сети Интернет в организациях» и «широкополосный доступ к сети Интернет в организациях», не взаимосвязаны и не оказывают влияния на процессы генерации знаний промышленных предприятий в умных городах. Определено, что использование персональных компьютеров и серверов повышает результативность процессов генерации знаний. Использование промышленными предприятиями сети Интернет не влияет на процессы генерации знаний умного города.

Были рассчитаны цифровые скорости прироста результативности генерации разных видов новых знаний в зависимости от типов использования цифровых ресурсов. Определено, что наибольшее значение цифровой скорости генерации новых знаний достигается при использовании таких типов цифровых ресурсов, как «персональные компьютеры» и «серверы». Использование же таких типов цифровых ресурсов, как «широкополосный доступ к сети Интернет в организациях», приводит к отрицательному значению цифровой скорости, то есть к снижению эффективности и результативности процессов генерации знаний промышленными предприятиями умного города.

На основе рассчитанных авторами корреляционных зависимостей и цифровых скоростей генерации новых знаний промышленными предприятиями умного города в условиях цифровой экономики построена типология институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики. При построении типологии устойчивость институтов оценивалась через коэффициенты парной корреляции между цифровыми технологиями и продуктами генерации знаний (от 0 до 1), эффективность применения институтов — через скорость генерации знаний (от –1 до 6). Выделены устойчивые эффективные институты, дальнейшее развитие которых позволит повысить результативность процессов генерации новых знаний умного города в условиях цифровой экономики. Вычленены развивающиеся институты, которые требуют особого контроля за процессами их функционирования с целью их дальнейшей эволюции до устойчивых эффективных институтов и недопущения их перехода в состояние институциональной ловушки. Найдена институциональная ловушка, ликвидация которой необходима для высвобождения и перераспределения ресурсов с целью повышения результативности процессов генерации новых знаний умного города в условиях цифрового города [1].

2. Проанализировано влияние цифровой экономики на развитие инвестиций в основной капитал в региональных социально-экономических системах. Задачей данного этапа исследования является оценка влияния факторов развития цифровой экономики на динамику привлечения инвестиций в основной капитал в регионах России на основе определения зависимостей между объемами привлечения инвестиций в основной капитал и цифровыми ресурсами региональной экономики. В качестве факторов цифровизации для верификации основной гипотезы о наличии связи между объемом инвестиций в основной капитал и уровнем развития цифровой экономики в регионе при помощи корреляционного анализа исследовались: число персональных компьютеров на 100 работников; количество организаций, использовавших серверы; наличие электронного документооборота в организациях; наличие локальных вычислительных сетей, глобальных вычислительных сетей.

В результате были получены следующие результаты. Регионы, развивающиеся факторы цифровой экономики, имеют более высокую динамику и объе-

мы привлечения инвестиций в основной капитал. На основе корреляционного анализа дифференцированы факторы по степени их влияния на процессы инвестиционной деятельности. Установлено, что такие факторы, как «число персональных компьютеров на 100 работников (шт.)», «использование электронного документооборота в организациях», имеют устойчивую взаимосвязь с динамикой привлечения инвестиций в основной капитал в регионе. Такой тип цифровых ресурсов, как «локальные вычислительные сети», не связан с процессами инвестиционной деятельности в регионе и не оказывает на них влияния.

Наибольшее приращение объемов инвестиций в основной капитал обеспечивается такими факторами, как «глобальные вычислительные сети» и «использование электронного документооборота в организациях». Развитие данных факторов следует рассматривать в качестве перспективного направления увеличения объемов инвестиций в основной капитал и повышения инвестиционной привлекательности региона в целом [2].

3. Исследованы поведенческие особенности субъектов интернет-рынка С2С. Целью данного этапа исследования было выявление общих закономерностей поведения субъектов потребительского интернет-рынка, которые работают через современные социальные сети и современные интернет-платформы. Автор демонстрирует, что технологические особенности платформ, взаимодействие с потребителем и другие факторы определяют новые правила и нормы экономического обмена, которые выделяются в новом экономическом институте интернет-рынка.

Как показали результаты работы, электронная коммерция С2С является растущим сегментом интернет-экономики. Основными продавцами на этом региональном рынке в основном являются мужчины и женщины в возрасте от 24 до 44 лет с небольшим семейным доходом. Для 15 % этих продавцов доход от социальной торговли значителен. 53 % интернет-пользователей, торгующих через социальные каналы, предлагают подержанные товары, 24 % — предлагают различные услуги и 15 % — предлагают новые продукты.

Социальные платформы являются единственным торговым каналом для 55 % интернет-пользователей. Отдельные лица предпочитают продавать на специализированных онлайн-досках объявлений (71 %), реже — через социальные сети (37 %). Чаще всего в соцсетях пользователи предлагают товары и услуги через тематические группы (55 % респондентов), личные страницы (43 %), собственные группы (32 %), рекламу (15 %), публикации от блогеров (7 %) [3].

4. Сделана попытка проанализировать надконституциональные (культурные, ментальные) институты поведения российской молодежи в интернет-среде, в том числе экономического характера, на примере оценки мотивации ведения тематических блогов о здоровом образе жизни. В данном исследовании авторы пытаются рассмотреть, как отражается в контенте блогов, связанных с тематикой здорового образа жизни, мотивация молодежи к их созда-

нию и ведению, а также зависимость популярности блога от типа контента.

Для проверки (на основе количественных данных) возможности выражения этих мотивы через контент блогов была проведена процедура факторного анализа. Были выделены три фактора, которые условно названы «коммуникативная ориентация», «прагматичная ориентация» и «ориентация на самопрезентацию». Популяризация здорового образа жизни может развиваться как за счет повышения социальной ответственности блогеров, стремления обсуждать и предлагать аудитории социально-одобряемые паттерны поведения, так и за счет коммерциализации блогов, которая возможна на росте популярности данной темы и внимания к ней со стороны подписчиков. Но, что интересно, наибольшие возможности по монетизации контента у тех блогеров, кто, в первую очередь, ориентирован на коммуникацию с аудиторией, а остальные мотивы для него второстепенны, так как больше всего подписчиков, активно реагирующих на контент, у блогеров с выраженной коммуникативной ориентацией. Практическая значимость данных результатов заключается в возможном использовании результатов работы органами государственной власти, коммерческими организациями для выработки стратегий вовлечения молодежных групп, активно погруженных в интернет-пространство, в продвижении идей, ценностей, продуктов, услуг через социальные сервисы. Более подробное описание исследования будет опубликовано в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (№ 2, 2020).

Таким образом, в статье были представлены результаты первого года исследований по теме «Институциональное моделирование экономики интернет-пространства России», выполняемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Дальнейшее исследование будет направлено на проектирование институциональной модели российской экономики интернет-рынка.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00850.

Литература

1. Власов М. В., Паникарова С. В. Анализ институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7 (429). Экономические науки. Вып. 65. С. 49–59.
2. Власов М. В. Цифровая экономика как фактор развития инвестиций в основной капитал в региональных социально-экономических системах // Вестник Пермского университета. 2019. Т. 14. № 3. С. 421–433.
3. Kulpin S. Modern sharing economy: behavior features of subjects on consumer-to-consumer Internet market // Proceedings of The 13th International Days of Statistics and Economics, Prague, September 5–7, 2019. Pp. 863–870.

УДК 32.019.5

**Листопад Ю. С.,
Дидковская Я. В.**

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННЫХ К ИННОВАЦИОННЫМ СПОСОБАМ

Аннотация: статья посвящена проблеме эффективной коммуникации между властью и населением в условиях современного цифрового общества. В статье подчеркивается, что для обеспечения постоянного и прямого взаимодействия органов власти и населения необходимо совершенствование используемых форм взаимодействия. Авторы статьи уделяют особое внимание современным формам взаимодействия власти и населения и выделяют две группы способов — традиционные и инновационные.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, взаимодействие власти и населения, инновационные способы взаимодействия.

**Listopad Y. S.,
Didkovskaya Ya. V.**

INFORMATION AND COMMUNICATION INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE POPULATION: THE PROBLEM OF TRANSITION FROM TRADITIONAL TO INNOVATIVE METHODS

Abstract: the Article is devoted to the problem of effective communication between the government and the population in a modern digital society. The article emphasizes that in order to ensure constant and direct interaction between the authorities and the population, it is necessary to improve the forms of interaction used. The authors of the article pay special attention to modern forms of interaction between the government and the population and distinguish two groups of methods — traditional and innovative.

Keywords: information and communication technologies, interaction between the government and the population, innovative ways of interaction.

Сегодня внимание многих исследователей сфокусировано на изменениях, происходящих в обществе и его структуре под влиянием развития информационных технологий. В частности, М. Кастельс указывает, что исследованная социальная структура информационного общества представлена сетевыми взаимодействиями по вопросам власти, культуры, производства. Это сетевое общество, которое генерирует виртуальную культуру в потоках глобального характера, пересекает пространство и время [1, с. 19]. Теоретики полагают, что ключевым показателем в формировании сетевого общества являются стремительные темпы развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). М. Кастельс говорит о том, что сетевое общество и есть глобальное общество, в котором формируются ценно-

---

© Листопад Ю. С., Дидковская Я. В., 2020

сти, создаются культурные коды и кодексы, а также принимаются решения, связанные с властью и управлением [2, с. 28]. При этом информация в таком обществе занимает очень важное место. Согласно его теории информация и знания являются важным ресурсом и движущей силой социально-экономического, технологического и культурного развития, при этом формируется рынок знаний, который приравнивается к рынкам природных ресурсов, труда и капитала [1, с. 19].

Информация определяет национальную и региональную конкурентоспособность, которая осуществляется с помощью новых информационных средств взаимодействия, тем самым развитие и внедрение новых информационно-коммуникационных технологий изменяют и преобразуют модели общественной жизни, образования и отдыха.

Собственно с быстрым развитием информационно-коммуникационных технологий в формировании культуры возникла потребность в их использовании при организации взаимодействия между двумя важнейшими субъектами гражданского общества — власти и населения. Очевидно, что информационные технологии тесно взаимосвязаны с социальными взаимодействиями, кроме того, они способствуют продуктивному подходу к организации двусторонней коммуникации между властью и населением вне зависимости от критического анализа в СМИ их применения субъектами этого взаимодействия.

Современные подходы к управлению требуют открытого доступа населения к информации различного характера — организационного, планового и социально-бытового. Подчеркнем, что особое значение при этом имеет организация обратной связи с населением. Сегодня муниципальные власти начинают активно практиковать создание интерактивных порталов и сайтов с обратной связью [3, с. 215]. Однако, среди исследователей существует неоднозначное понимание роли информационно-коммуникативных технологий, в частности социальных сетей, во взаимодействии власти с населением и социальными группами. Так В. В. Зайонц рассматривает социальные сети с точки зрения классических социальных парадигм, где виртуальные социальные сети могут выступать как инструмент «подавления критической силы разума» как со стороны владельцев виртуальных социальных сетей, так и со стороны государства [4, с. 267].

Среди различных форм взаимодействия власти и населения принято выделять традиционные и инновационные способы организации коммуникации. Наиболее традиционными способами взаимодействия органов власти и населения являются опросы граждан, сход граждан, их правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов), их обращения в органы местного самоуправления, другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия

в его осуществлении, не противоречащие Конституции РФ, Федеральному закону и иным федеральным законам, законам субъектов РФ и т. д. [5, с. 747]. Однако такие формы взаимодействия постепенно утрачивают свою привлекательность, и на новое место приходят более усовершенствованные, модернизированные методы демократических процедур: электронное голосование, электронный референдум, а также электронный парламент, электронная гражданская инициатива, электронное правительство и т. д. Такие формы взаимодействия можно отнести к инновационным, также как и традиционные, они должны быть результативны и работать на общество, тем самым поднимая авторитет органов власти в глазах населения.

Существенным является тот факт, что результативность такого взаимодействия будет определяться степенью удовлетворенности населения решением вопроса, в частности тем, все ли возможное сделали. В случае традиционных способов взаимодействия главную роль при оценке итогов обращения в структуры власти играет то, насколько благоприятное впечатление осталось у гражданина от общения с госслужащим, его личностных качествах, включая искреннюю готовность оказать содействие и помощь в решении вопроса [6, с. 63]. Однако в современных условиях стандартные односторонние формы взаимодействия МОВ и населения, ориентированные на формальную отчетность, не удовлетворяют ожидания граждан. Благодаря информационным технологиям граждане могут получить любую отчетную информацию в кратчайшие сроки. Соответственно, прямое взаимодействие может позволить населению принимать непосредственное участие в решении проблем социально-экономического развития своей территории [6, с. 63]. При этом важным условием формирования интерактивного взаимодействия между органами власти и населением является наличие обратной связи, достоверное и оперативное предоставление информации, публичное обсуждение муниципальных проектов, использование интерактивных технологий, открытость власти [7, с. 204].

Стоит учитывать, что при резком переходе от традиционных форм взаимодействия к инновационным определяются проблемы, которые не позволяют оперативно внедрить новые технологии. Одной из главных проблем на сегодняшний день со стороны населения является отсутствие желания и инициативы проявлять какую-либо активность. Большинство граждан недостаточно информировано о работе властей и слабо интересуются работой управленцев, тем самым происходит полное отсутствие правотворческой и любой другой инициативы граждан [6, с. 61].

Можно выделить проблему недостаточной информационной и цифровой грамотности населения, особенно среди пожилых слоев населения, пенсионеров. Согласно аналитическому центру НАФИ за 2019 год уровень цифровой грамотности россиян вырос на 8 % и составил 60 баллов (по 100-балльной

шкале) по сравнению с 2018 годом, который составил 52 процентных пункта [8]. НАФИ также отмечает, что степень цифровой грамотности отличается у различных социально-демографических групп. Так, его значение наиболее высоко среди молодых людей 18–24 лет (82 балла), жителей Москвы и Санкт-Петербурга (78) и тех, кто имеет постоянную работу (67 баллов против 44 у тех, кто не имеет постоянной занятости). Среди россиян старшего возраста значения показателя ниже (34 балла) [9]. Исследователи отмечают неравномерность уровня цифровой грамотности по регионам. Передовым стал в этом году Центральный федеральный округ, сместивший прежнего лидера — Северо-Западный ФО, в котором наблюдается снижение уровня цифровых компетенций. На третьем месте стабильно остается Урал. Быстрее всего уровень цифровых компетенций растет в Поволжье [10]. Согласно данным РОЦИТ производится серия уроков для всех возрастных групп населения, был выпущен ряд информационно-просветительских материалов, а также заключены соглашения о взаимодействии с администрациями регионов — например, в Дагестане, Воронежской области, Приморском крае. Удалось популяризовать проблему низкого уровня цифровой грамотности и привлечь к ее решению бизнес и государство. Повышение роста субиндекса цифровых компетенций объясняется расширением программ привлечения населения и его обучения [10]. Такие меры при внедрении в другие регионы России помогут значительно поднять уровень цифровой и компьютерной грамотности среди населения.

Если же рассматривать проблему внедрения инновационных способов взаимодействия со стороны работы власти в этом направлении, то можно указать, во-первых, на информационную закрытость самих органов власти, а во-вторых, на недостаточные усилия по информированию общественности о работе, развитии и проблемах государственных и муниципальных структур, не своевременное обновление информации на официальных сайтах [7, с. 99].

Таким образом, можно заключить, что сегодня информационно-коммуникативные технологии занимают важное место в общественной жизни общества и в том числе в организации взаимодействия власти и населения, в обеспечении эффективной обратной связи в этом процессе. С внедрением данных технологий появляется реальная возможность улучшить взаимодействие власти и населения, сделать его более оперативным и прозрачным, перевести на новый, более высокий уровень. Однако есть и ряд проблем, связанных как с уровнем готовности населения в целом и конкретных социальных групп к активному использованию ИКТ в отношении с властью, так и с усилиями по внедрению инновационных форм взаимодействия со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Эти проблемы можно и нужно постепенно решать в целях создания необходимых условий для удовлетворения потребностей и интересов граждан.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00907.

Литература

1. Соломатина Е. Н. Теоретические подходы к исследованию современных социальных взаимодействий // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 18–20.

2. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и Политология. 2016. Т. 22. № 3. С. 21–38.

3. Features and Barriers of Information Interaction between Authorities and Citizens Using E-democracy Technologies and Supply Chain Management at Municipal Level / E. A. Vetrova, N. V. Medvedeva, E. E. Kabanova, T. A. Evstratova, L. V. Senicheva // 2019. Т. 8. № 3.

4. Зайонц В. В. Социологические подходы к исследованию виртуальных социальных сетей // Молодой ученый. 2010. № 4. С. 266–271.

5. Устинова О. В., Курашенко И. А., Барбаков Г. О. Взаимодействие муниципальной власти с населением: формы и критерии оценки // Фундаментальные исследования. 2015. № 12. Ч. 4. С. 746–750.

6. Фролова Е. В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Российский государственный социальный университет. 2016. № 4 (384). С. 59–64.

7. Ванеев О. Н. Электронная демократия (муниципальный уровень): к проблеме информационно-коммуникационного взаимодействия органов местного самоуправления с населением // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. 2011. С. 202–206.

8. Уровень цифровой грамотности россиян растет // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing/> (дата обращения: 03.03.2020).

9. Астахов П. Опрос: у россиян вырос уровень цифровой грамотности // RussiaToday — телеканал. 29 марта 2019 г. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/616366-opros-rossiyan-tsifrovaya-gramotnost> (дата обращения: 03.03.2020).

10. Зверева Т. Цифровая грамотность // РБК. Вып. 1. 01 ноября 2016. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5817eee77a8aa940304bdb53> (дата обращения: 03.03.2020).

УДК 316.334.22:004

**Ваторопин А. С.,
Чевтаева Н. Г.,
Ваторопин С. А.**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА РФ»

Аннотация: в статье рассматриваются основные параметры национального проекта «Цифровая экономика» и его возможное влияние на российский рынок труда. Выявлены основные проблемы, которые могут негативно повлиять на успешную реализацию данного проекта.

© Ваторопин А. С., Чевтаева Н. Г., Ваторопин С. А., 2020

Ключевые слова: национальный проект, цифровая экономика, технологическая революция, рынок труда, технологическая безработица.

**Vatoropin A. S.,
Tchevtayeva N. G.,
Vatoropin S. A.**

LABOR MARKET DEVELOPMENT TRENDS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “DIGITAL ECONOMY”

Abstract: the article describes the main parameters of the national project “Digital Economy” and its possible impact on the Russian labor market. The main problems that could adversely affect the successful implementation of this project have been identified.

Keywords: national project, digital economy, technological revolution, labor market, technological unemployment.

Россия вступила в новую эпоху, которая в современной литературе обозначается по-разному: «информационное общество», «цифровая революция», «Индустрия 4.0» и т. д. Однако, при этом очевидно серьезное технологическое отставание российской экономики от западных стран, Японии, Китая, Южной Кореи и др. Осознание этого опасного во всех отношениях отставания и привело руководство страны к необходимости разработки соответствующей стратегии развития России и релевантных национальных проектов в различных сферах жизни общества.

Проанализируем национальный проект «Цифровая экономика РФ» и некоторые его возможные социальные последствия, связанные, прежде всего, с развитием рынка труда в нашей стране. Данный проект конкретизирует соответствующие положения «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1] и рассчитан на период до 2024 года [2]. При этом предполагается возможность внесения в него необходимых изменений, что кажется вполне разумным в условиях перманентных технологических инноваций, которые часто радикально трансформируют современные представления о том, как будет выглядеть экономика уже в ближайшем будущем. Так, Президент В. Путин осенью 2019 года предложил включить в нацпроект «Цифровая экономика РФ» еще один федеральный проект «Искусственный интеллект» [3]. Новое правительство М. Мишустина также собирается внести свои изменения в нацпроекты. Другими словами, национальные проекты — это «живое» планирование, что позволяет надеяться на то, что они будут реализованы.

Попытаемся смоделировать основные параметры новой экономики России, исходя из рассматриваемого проекта. Если реализация нацпроекта будет идти в соответствии с намеченными планами, то к середине 20-х годов XXI в. в России должна быть разработана нормативная база для развития и функци-

онирования цифровой экономики и сформирована ее инфраструктура: широкополосный интернет; сети 5G, которые обеспечат появление «интернета вещей»; глобальная многофункциональная инфокоммуникационная спутниковая система (ГМИСС); глобальная конкурентоспособная инфраструктура обработки и хранения данных на территории РФ; внедрены цифровые технологии и платформенные решения в сферах государственного управления, бизнеса и общества; организовано производство и внедрение соответствующего отечественного оборудования и т. д. Предполагается создание специализированных центров для разработки новых технологий — так называемых лидирующих исследовательских центров (ЛИЦ). Выделен отдельный Федеральный проект «Цифровое государственное управление» (речь идет, по сути, о дальнейшей реализации концепции «электронного правительства»). Особое внимание уделяется проблеме информационной безопасности, что, безусловно, оправдано, так как цифровая экономика в определенном смысле чрезвычайно уязвима для тех или иных несанкционированных, нежелательных воздействий. Необходимо отметить и критическую важность развития искусственного интеллекта. Совершенно очевидно, что искусственный интеллект — это системообразующий фактор цифровой экономики. Без него она как целостная, завершенная система возникнуть не сможет. Впрочем, пока сложно предсказать, на каком уровне будет развитие искусственного интеллекта к 2024 году.

Создание цифровой экономики в России невозможно без изменения ментальности человека, которому еще предстоит приспособиться к новой реальности. Разработчики национального проекта это прекрасно понимают, поэтому в его структуре появился федеральный проект «Кадры для цифровой экономики». Этот проект предполагает введение соответствующих специальностей в системе высшего образования; поиск одаренных детей, проявивших свои способности в математике и информатике; переобучение взрослых работников, включая руководителей, и их адаптацию к цифровой экономике; повышение цифровой грамотности населения в целом [4]. Идея национального проекта: цифровая экономика — это благо для людей, но построить ее могут и должны сами россияне. Задача государства — создать для этого все необходимые условия.

Такова в общем плане модель цифровой экономики на начальном этапе ее формирования. Основные ее параметры, пути реализации намеченных в национальном проекте планов особых возражений в целом не вызывают, однако, некоторые вопросы все же возникают. Мы выделим три таких вопроса, связанных с развитием рынка труда в рамках цифровой экономики России, и предложим свои варианты возможного ответа на них.

1. Национальный проект предполагает, что с 2019 до 2024 гг. 187 785 работающих специалистов, включая руководителей организаций и представи-

телей органов исполнительной власти, пройдут обучение в целях овладеть компетенциями в области цифровой экономики, и еще 500 тыс. студентов (от 50 000 до 120 000 в год) будут получать высшее образование в сфере информационных технологий [4]. Вопрос в том, насколько обоснованы эти цифры и с точки зрения потребностей новой экономики, и с точки зрения возможностей российской системы высшего, а также дополнительного образования. В проекте ответа на этот вопрос нет.

Мы считаем, что эти цифры вряд ли имеют достаточное обоснование. Так, например, чтобы привлечь абитуриентов в сферу информационных технологий, надо резко увеличить количество бюджетных мест в вузах по данному направлению в ущерб другим направлениям (в идеале — все места должны быть бюджетными, учитывая, что речь идет о потребностях всего общества и государства; но это практически четверть годового объема бюджетных мест). В результате в обществе может возникнуть определенное непонимание и даже социальная напряженность, так как далеко не все абитуриенты и их родители мечтают об информационных технологиях. Кроме того, для обучения на этом направлении от абитуриентов требуются хорошие знания по математике и информатике. В 2019 году высокие баллы по этим предметам получили соответственно около 25 тыс. чел. и чуть более 16 тыс. чел. [5]. Другими словами, национальный проект в этой части уже под вопросом.

2. Терминологическое поле рассматриваемого национального проекта выглядит не совсем полным. Такие понятия как «автоматизация», «цифровые технологии» употребляются достаточно часто, а вот «роботы», «роботизация» практически не используются. На наш взгляд, это не случайно: роботы призваны заменить человека во всех областях производства и сфере услуг, а эта тема в определенном смысле «запретная» для руководящих органов. В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» прямо говорится о «защите интересов российских граждан, обеспечении их занятости (развитие цифровой экономики не должно ущемлять интересы граждан)» [1]. То есть технологическая безработица, по сути, недопустима. Справедливости ради заметим, что в нацпроекте используется такое понятие, как «сквозные цифровые технологии», которые включают в себя и робототехнику, но все это, выражаясь языком Гегеля, «в снятом виде».

По нашему мнению, такой подход в принципе недопустим и опасен, когда речь идет о стратегии развития России.

3. Ключевая проблема состоит в том, что ни национальный проект «Цифровая экономика», ни «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» не дают ответа на вопрос, — как будет выглядеть рынок труда в целом и структура занятости в нашей стране в ближайшем будущем (5–10 лет)? В принципе, в данном случае речь идет о социальных последствиях развития цифровой экономики в России.

Существуют разные прогнозы, связанные с проблемой технологической безработицы, которая может возникнуть в результате повсеместного внедрения автоматов, роботов, искусственного интеллекта. Можно выделить две противоположные точки зрения. Первая утверждает, что массовая технологическая безработица стране не угрожает: вместо рутинного, тяжелого труда возникнут высокотехнологичные рабочие места, которые займут переобучившиеся работники. Эту точку зрения поддерживают, например, эксперты Всемирного экономического форума, которые считают, что вместо 75 млн рабочих мест, которые к 2030 году займут роботы, на мировом рынке возникнет 133 млн новых вакансий [6]. Другая точка зрения исходит из того, что новые технологии будут постепенно вытеснять человека из процесса производства и сферы услуг. Ее сторонники основываются на результатах проведенных исследований прогностического характера (такое исследование провели специалисты РАНХиГС в 2019 г.; они считают, что к 2030 году около 20 млн россиян потеряют работу из-за применения роботов [7]).

На наш взгляд, вторая точка зрения более обоснована: если проанализировать потенциальные возможности робототехники и учитывать ключевой фактор современного этапа технологической революции — появление искусственного интеллекта, то роль человека в производстве товаров и услуг, безусловно, будет снижаться вплоть до полной его замены «умной» техникой уже в обозримой перспективе.

Рассматриваемые нами документы, похоже, эту вторую точку зрения не учитывают и, тем самым, ставят под вопрос реализацию поставленных в них целей. Действительно, если выяснится, что результатом внедрения цифровой экономики будет гигантский рост технологической безработицы, то это может создать серьезные препятствия субъективного характера на пути развития нашей страны (речь идет о неготовности политического руководства рисковать своим положением в условиях социально-экономической нестабильности) и привести к ее критическому технологическому отставанию от других развитых стран. Так или иначе, уже сейчас необходимо проводить соответствующие исследования, чтобы и государственные органы, и российское общество были готовы преодолеть возможные риски, заложенные в национальном проекте «Цифровая экономика РФ».

Литература

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (дата обращения: 04.03.2020).
2. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения: 04.03.2020).
3. Путин утвердил национальную стратегию развития искусственного интеллекта // RBC.ru. [сайт]. Технологии и медиа. 11.10.2019 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/10/2019/5da031b79a79478e5ae6164d (дата обращения: 04.03.2020).

4. Кадры для цифровой экономики: федеральный проект//Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/>(дата обращения: 04.02.20).

5. Итоги сдачи ЕГЭ 2019 года. Баллы по предметам. Выводы//Образование в Москве. URL: https://obrmos.ru/go/go_scool/Articles/go_school_itogi_ege_2019.html (дата обращения: 04.03.2020).

6. Чемоданова К. На налоги трудящихся: роботы оставят россиян без работы // Газета.ру. Главные новости дня. 14 октября 2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/10/14/12755486.shtml> (дата обращения 04.03.2020).

7. Пятин А. РАНХиГС: более 20 млн россиян могут потерять работу из-за роботов//Forbes. 10 сентября 2019 г. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Ftehnologii%2F383267-ranhigs-bolee-20-mln-rossiyan-mogut-poteryat-rabotuz-za-robotov> (дата обращения: 04.03.2020).

УДК 330.332

**Гилева И. С.,
Кузнецова Е. В.**

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация: решение вопросов эффективного продвижения национальных проектов сегодня является важнейшей задачей для органов государственной власти, включенных в реализацию этих проектов. Ключевой проблемой на сегодняшний день является недостаточная информированность населения о нацпроектах относительно их характера и масштаба реализации. Одним из важнейших направлений совершенствования данной работы является продвижение идей и мероприятий национальных проектов через социальные сети, с помощью тех возможностей, которые они дают сегодня.

Ключевые слова: национальные проекты, социальные сети, популяризация национальных проектов, открытость, прозрачность, сервисность.

**Gileva I. S.,
Kuznetsova E. V.**

POPULARIZATION OF NATIONAL PROJECTS AMONG THE POPULATION THROUGH SOCIAL MEDIA TOOLS

Abstract: addressing the issues of effective promotion of national projects is now the most important task for public authorities involved in the implementation of these projects. The key problem today is the lack of public awareness about national projects, the nature and scope of their implementation. The authors of the article see the solution to this problem, in particular, in the promotion of ideas and activities of national projects using social networks and the opportunities they provide today.

Keyword: national projects, social networks, promotion of national projects, openness, transparency, serviceability.

Реформирование России на современном этапе связывают с подписанием Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 7 мая 2018 года Указа № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1]. Указанные программные документы обусловили важнейшие направления реформирования страны до 2024 года по ключевым сторонам жизни общества, таким как «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Ключевой целью реализации национальных проектов является достижение комплексных преобразований во всех сферах государства, способствующих повышению качества жизни граждан.

Однако, сегодня одной из тенденций является то, что экспертами отмечается недостаточная информированность населения относительно нацпроектов, общий уровень «понимания цели проектов оставляет желать лучшего» [2]. Вот некоторые цифры: «только 7 % россиян понимают, что представляют собой национальные проекты», «44 % граждан слышали о проектах», соответственно больше половины россиян не знакомы с идеями национальных проектов вообще и, наконец, «лишь 6 % россиян отмечают успехи государства в реализации целей нацпроектов» [2].

В этой связи важнейшим направлением совершенствования реализации национальных проектов в России должны стать комплексные мероприятия по активному взаимодействию власти, бизнеса и общества в рамках современного тренда нашего времени, влияющего на качество и эффективность решения всех социальных проблем. Ведь известно, что чрезмерная закрытость властной системы, бюрократизм, коррупция приводят к дефициту доверия населения к власти и нежеланию граждан быть активными участниками принимаемых на государственном уровне решений. Это подтверждают результаты проводимых в стране систематических социологических исследований, в частности, исследований Левада центра [3].

Необходимо отметить, что в последнее десятилетие в этом направлении в России произошли принципиальные изменения, связанные с изменением процедур функционирования органов власти. Характер этих изменений можно условно описать в следующих словах: «открытость», «прозрачность», «доступность», «сервисность» [4]. Современное законодательство, ключевые тренды и направления развития органов власти обуславливают акцент в их работе на автоматический перенос внимания на особенности взаимодействия с обществом, основанные на расширении каналов связи, поиске новых удобных и наиболее эффективных инструментов передачи и доведения информации до «конечного» пользователя [5].

Акцент в деятельности современных органов власти все чаще смещается в сторону новых интерактивных форм взаимодействия с широкими группами населения и общественности. К вполне привычным и традиционным фор-

мам (публикации в СМИ, размещение информации на официальных сайтах, подготовка многочисленных информационных материалов преимущественно на бумажных носителях, стендах и т. п.) в настоящее время добавляются и новые [6, с. 65]. Сегодня активно развиваются онлайн-приемные, «личные кабинеты» на сайтах различных ведомств, органы власти и высшие должностные лица создают свои аккаунты в социальных сетях, создаются интернет-блоги, тематические сайты, онлайн-форумы и т. п. [7].

Обоснование необходимости и максимальной эффективности информационного взаимодействия органов власти и их «целевых аудиторий» встроено в концепцию «цифрового правительства»: власти безусловно должны оптимизировать свои расходы, эффективно достигать своих целей, а также искать новые формы и точки взаимодействия с гражданами, постоянно повышая качество оказываемых услуг, обеспечивать максимально четкие и «легкие» контакты, в том числе и через сеть Интернет. Примером такого взаимодействия сегодня может служить работа банковских организаций и крупных торговых компаний [8, с. 23].

Общие направления взаимодействия органов власти и населения с учетом принципов проактивности должны основываться на предоставлении актуальной, практически значимой информации, соответствующей запросам целевой аудитории, ее потребностям, объективным характеристикам и возможностям, а также особенностям информационного поведения людей и т. п. Сегодня не нужна просто информация, «обо всем и для всех», сегодня нужны максимально четкие, зачастую полностью индивидуализированные информационные данные, аналогично тем трендам, которые присутствуют в современной бизнес-среде [9]. К ним сегодня относят цифровизацию, мобилизацию (переход всей информации и ресурсов на мобильные устройства), прямую работу с клиентами, персонализацию данных, технологии искусственного интеллекта и big-data, рост активности мессенджеров и социальных сетей, новые требования к информации (например, преобладание видео-контента и креативности) и т. п.

В данном направлении, безусловно, ведущую роль сегодня занимают социальные сети и технологии работы с ними. Так, например, по данным GfK-Russia 90 миллионов россиян в возрасте старше 16 лет используют Интернет, а 73 миллиона россиян пользуются мобильным Интернетом [10]. На начало 2020 года по количеству активных пользователей лидировала платформа YouTube (85%), на втором месте сеть VK (Vkontakte) — 83% [10].

Современная статистика использования социальных сетей известна — две трети населения активно используют социальные сети, у разных слоев населения популярны разные сети. Данные исследования Deloitte также подтверждают популярность конкретных социальных сетей. Традиционно в рейтинге лидируют соцсети ВКонтакте, YouTube и Одноклассники. На пятой строчке — Instagram, на шестой — Facebook. Причем «ВКонтакте» и Instagram наиболее

популярны у аудитории 16–24 лет, а Facebook — у аудитории старше 45 лет. Среди старшей возрастной группы (55 лет и старше) популярны YouTube, Одноклассники и ВКонтакте» [11].

При этом 75 % населения посещает социальные сети именно с мобильных устройств. И этот тренд продолжит укрепляться. Безусловно от органов власти потребуются переориентация именно на эти источники. Совсем недавно органами власти создан сервис «Национальные проекты глазами людей» (www.ngl.er.ru), однако у него нет мобильной версии, нет информационного продвижения на официальных сайтах органов власти, участвующих в реализации национальных проектов.

Важный акцент должен ставиться и на содержание контента, который создается органами власти для представления информации о результатах своей деятельности, о ключевых направлениях своей работы. Важнейшим трендом является приоритет в видео-контенте, именно поэтому важно ориентироваться на создание интересных, красочных, зачастую высокотехнологичных видео материалов, которые были бы интересны как традиционной целевой аудитории органов власти, так и новым социальным группам (в частности, молодежи). Известно, что человек принимает решение о том, будет ли он смотреть весь видео материал в первые 5–7 секунд [12]. Поэтому важно обращать внимание именно на этот факт.

По существующей статистике людям неинтересны информационные материалы на официальных страницах органов власти. Они не хотят вступать в обсуждения, дискуссии чаще всего потому, что представляемая информация не несет в себе ценности (например, результаты прошедших встреч и совещаний) [13].

Таким образом, подводя итог хочется дать рекомендации для органов власти в отношении продвижения информации о ключевых национальных проектах и основных результатах их реализации в социальных сетях. Во-первых, важна выработка стратегии, описание своей целевой аудитории и, главное, определение цели выхода в медийное социальное пространство. Для органов власти ключевой целью должно стать повышение доверия к государственным структурам и прямое информирование граждан (других заинтересованных лиц) о происходящих изменениях. Во-вторых, важно четкое представление о целевых группах получателей информации: это не только жители и граждане, это еще и журналисты, которые формируют общественное мнение, основываясь в большей степени на официальные материалы. Можно ориентироваться на практику коммерческих компаний, когда они создают различные ресурсы для информирования разных целевых аудиторий. К сожалению, никакие российские органы власти, государственные учреждения не используют данные наработки [13]. В-третьих, все предоставляемые информационные материалы должны быть максимально четко ориентированы на целевую аудиторию. Органам власти необходимо четко понимать, в какой социальной

сети работают, на кого она ориентирована, кто наиболее типичный пользователь данного ресурса, какие особенности восприятия информации существуют и т. п. Наконец, очень важна адаптация информационных материалов к конкретным социальным сетям. Для Твиттера — это короткие лаконичные емкие сообщения, ограниченные числом знаков. Для Instagram — это визуальный контент соответствующего содержания и т. д.

Все эти рекомендации должны реализовываться в общих содержательных и информативных материалах, связанных с конкретными результатами реализации национальных проектов в России.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Собрание законодательства РФ. 14.05.2018. № 20. Ст. 2817. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 08.03.2020).
2. Черных А. Нацпроекты и многие неизвестные // Газета «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4005171> (дата обращения 08.03.2020).
3. Институциональное доверие. Результаты опроса методом личного интервью // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения 15.02.2020).
4. Каменская Е. А. Сущность и особенности информационной открытости органов власти в современной России. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-informatsionnoy-otkrytosti-organov-vlasti-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения 06.03.2020).
5. Гудулова Г. О. Открытость государственных органов: понятие, элементы, стандарты // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 311–313.
6. Резер Т. М. Информационная открытость органов государственного и муниципального управления : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 160 с.
7. Цифровизация госуправления — решение проблем и путь к процветанию // Бюджет.RU — Экономика. 2017. Октябрь, № 10. URL: <http://bujet.ru/article/330058.php> (дата обращения: 08.03.2020).
8. Смотрицкая И. И., Черных С. И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 22–36.
9. Игнатова А. М. Открытые данные как новый способ взаимодействия государства и общества. URL: <http://gramota/net/materials/3/2015/1-2/18.html> (дата обращения: 03.03.2020).
10. Аудитория социальных сетей в России 2019. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения: 18.02.2020).
11. Тенденции монетизации контента в Интернете. Медиапотребление в России — 2019. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (дата обращения 08.03.2020).
12. Технологические тренды в маркетинге и жизни потребителя. URL: <https://www.nielsen.com/ru/ru/insights/report/2019/techtrends2019/> (дата обращения 08.03.2020).
13. Овчарук К. В. Быть социальным: рекомендации для госорганов по SMM. URL: <http://bujet.ru/article/332179.php> (дата обращения 06.03.2020).

УДК 339.138

**Симонова Л. М.,
Дорохова А. О.**

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА НА ЭКСПОРТ: РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация: авторами рассмотрены ключевые теоретические и практические аспекты процесса развития и реализации цифрового экспорта и электронной коммерции в хозяйственной жизни российских предприятий. На основе анализа существующих форм государственной поддержки, а также статистического обзора международной и внутрироссийской конъюнктуры обозначены основные проблемы и детерминанты, обуславливающие невысокий уровень технологического развития. Сформулированы рекомендации по совершенствованию системы и развитию цифровых экспортных компетенций.

Ключевые слова: электронная коммерция, технологическое развитие, международные электронные торговые площадки, государственная поддержка, экспортные и цифровые компетенции.

**Simonova L. M.,
Dorokhova A. O.**

DIGITAL ECONOMY FOR EXPORT: DEVELOPMENT OF COMPETENCIES AND SUPPORT TOOLS

Abstract: the authors examined key theoretical and practical aspects of the process of development and implementation of electronic commerce of Russian enterprises. Based on the analysis of existing forms of state support, as well as a statistical review of the current domestic Russian situation, the main problems and determinants that determine the low level of technological development and export of enterprises through marketplaces are identified. Recommendations on improving the system and developing digital export competencies are formulated.

Keywords: electronic commerce, technological development, international electronic trading floors, government support, export and digital competencies.

По указу Президента РФ поставлена задача довести объем несырьевого экспорта России с 149,8 млрд долларов США в 2018 г. до 250 млрд долларов США к 2024 году. Этот амбициозный ориентир предполагается достичь главным образом за счет развития сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), экспорта его услуг за границу с последующим завоеванием лидерских позиций на рынках Евразии и усиления собственного цифрового суверенитета.

Надо сказать, что существенные успехи в этом отношении уже достигнуты. Здесь примечательны, по крайней мере, две вехи: в стартовом 2018 году экспорт IT-услуг, по данным Центробанка РФ, достиг рекордного уровня в 3,83 млрд долларов США (за первые 9 месяцев) с последующим доведением его объема до 10 млрд долларов США. Кроме того, было обеспечено пре-

---

© Симонова Л. М., Дорохова А. О., 2020

вышение экспорта над импортом (положительное внешнеторговое сальдо). По результатам вышеуказанных факторов, Россия оказалась на десятом месте в рейтинге ВТО по IT-экспорту. Это стратегически значимое направление развития отечественной экономики, которое приносит не только весомую валютную выручку, но и оказывает высокий мультипликативный эффект для множества смежных с ИКТ отраслей. Именно IT-экспорт выступает драйвером их развития и «жизненно необходимой мерой для укрепления своего «цифрового суверенитета», а также позиционирования отечественной экономики как благоприятного места для развития высокотехнологического бизнеса» [1].

Однако, несмотря на относительно высокие темпы роста, доля экспорта цифровых товаров и услуг в структуре ВВП России остается крайне низкой: 0,5 % ВВП против 2,5 % — в странах Западной Европы, 2,9 % — в Индии и 5,8 % — в Китае. В докладе консалтинговой компании *McKinsey* отмечается, что российский объем экспорта ПО составляет лишь 5–7 % от аналогичного показателя лидирующей в этом отношении Индии, при этом Россия уступает по объему экспорта, а также темпам его роста и другим быстроразвивающимся экспортерам ПО, таким как Израиль, Польша [2, с. 42–43].

В существующих условиях цифровой прорыв становится возможен по двум направлениям: за счет инновационной трансформации традиционных крупных корпоративных игроков, создания и развития новых технологических стартапов.

Возвращаясь к статистическому анализу, следует учесть тот факт, что многие известные российские цифровые компании не занимают прочных позиций на международных рынках и зачастую уступают даже в национальных границах крупным международным игрокам (например, китайским интернет-магазинам). Так, на крупнейшие отечественные публичные компании в секторе ИКТ приходится менее 1 % выручки тысячи мировых информационно-технологических компаний. На роль драйвера цифровизации не может претендовать и сектор технологических стартапов ввиду их малочисленности, низких темпов образования и масштабирования. Сравнительный анализ показывает, что в мире ежедневно регистрируется около 60 стартапов из США и в среднем 1,2 — из России, что примерно соответствует скорости появления новых стартапов в странах Ближнего Востока. Что касается степени масштабирования технологического бизнеса, то здесь отставание в темпах от американских игроков в 2–3 раза даже по быстрорастущим компаниям, включенным в рейтинг «ТехУспех» [2, с. 45–46].

С выводами международных экспертов о значительном отставании России по уровню технологического развития корреспондируют результаты исследования отечественных ученых из НИУ ВШЭ. Так, на мировом рынке технологий Россия позиционируется на 27-м месте по объемам экспорта и поставляет лишь 1 % всемирного числа патентных заявок на инновации и изобретения.

Причем наблюдается отрицательная динамика данных показателей на протяжении последних двух десятилетий: в 2001 году данный показатель составил 1,76 %, через десять лет — уже 1,64 %, на текущем периоде — около 1 %.

О конкурентоспособности технологического экспорта можно судить по следующим критериям.

Во-первых, его экспортируемый объем на 92,6 % состоит из продуктов, не относящихся к объектам исключительных прав [3].

Во-вторых, необходимо учесть и следующий факт: в соответствии с данными профессора Н. Волчковой из 1200 товаров, экспортированных Россией в последние годы, сравнительными преимуществами обладали только 117 товаров (около 10 %). Большинство из них относились к категории сырьевых и промежуточных. По другим товарам экспорта Россия сравнительными преимуществами не обладала, а их доля в экспортных поставках составляла 3 %.

Возможности цифровизации экономики и ее экспортного направления поистине безграничны: потенциал роста российского экспорта оценивается до 25 раз в среднесрочной перспективе, а его реализация возможна, прежде всего, с помощью современных цифровых платформ, инновационных бизнес-моделей, развития онлайн торговли.

Действительно, электронная коммерция — это очень эффективный способ выхода на внешние рынки в краткие сроки с незначительным опытом и скромным бюджетом, а также это очень перспективный путь именно для российских компаний. На современном этапе в России уже функционируют известные цифровые корпорации, и появилась своя новая когорта фирм, представляющих цифровой рынок — это *Alibaba*, *Aliexpress*, *jd.com*.

Рынок электронной коммерции в нашей стране можно охарактеризовать как быстрорастущий. Положительная динамика за последний период наблюдается ежегодно, но темпы роста крайне неравномерны. Так, к примеру, в 2013 году электронная коммерция выросла на 32 %, на следующий год — уже на 35 %, а в последствии вовсе снизилась до 16 %.

Таким образом, необходимо отметить еще один фактор потери и сдерживания конкурентных преимуществ и рынков сбыта российскими субъектами предпринимательства на современном этапе: медленное освоение электронной торговли.

Маркетплейсы, указанные выше и являющиеся международными электронными торговыми площадками, осуществляющие деятельность в сети Интернет, выступают новым значимым инструментом для упрощения процесса реализации продукции на внешние рынки. Снижая либо вовсе нивелируя барьеры поиска потенциальных покупателей, они предоставляют возможность масштабировать оборот и снизить издержки.

Несмотря на очевидные преимущества, более значимой становится проблема кадрового голода и низкой квалификации: не каждое предприятие малого

и среднего бизнеса, нацеленное на внешнеэкономическую деятельность, способно собственными силами освоить работу на таких площадках, а круг работников, имеющих опыт ведения экспортной деятельности, весьма ограничен.

Ввиду имеющихся проблем, специалистами АО «Российский экспортный центр» разработан и внедрен инструмент государственной поддержки отечественных производителей и поставщиков, а именно, — консультативная практика, которая совместно с разработанными методическими пособиями позволяет получить всю необходимую информацию о маркетплейсах и об эффективной работе на них.

Кроме того, предприятиям малого и среднего бизнеса становятся доступными дистанционная и очная формы обучения по возможностям онлайн-экспорта от специалистов АНО ДПО «Школа экспорта» АО «Российский экспортный центр».

Переходя к практической реализации указанной выше формы государственной поддержки, следует обратить особое внимание на помощь АО «Российский экспортный центр» в регистрации аккаунтов, с их последующим продвижением на платформах целого ряда действующих национальных павильонов виртуального формата, а также в предоставлении базы аккредитованных официальных партнеров в сфере онлайн торговли для их последующего функционирования в связке с начинающими представителями электронной коммерции.

Рассматривая федеральный уровень поддержки, следует отметить, что специалисты АО «Российский экспортный центр» в команде с официальными сервисными партнерами в РФ, а именно, — компанией PAL, разработали и внедрили уникальную возможность продвижения предприятий Российской Федерации на «*Alibaba.com*». Обозначенная программа открывает для экспортера дополнительные возможности и позволяет анализировать спрос и предложение на «*Alibaba.com*», выбирать оптимальный тариф, создавать отдельный магазин, отвечающий стандартам «*Alibaba.com*» от адаптации продукта к требованиям международного рынка до конечного сбыта.

Несмотря на очевидные преимущества данной формы государственной поддержки, ее доступность, особенно для предприятий малого и среднего бизнеса, может быть ограничена в виду платности. Вот почему на региональном уровне местными Центрами поддержки экспорта, в рамках реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт», также предоставляется помощь в размещении субъектов на международных электронных площадках, в том числе на площадках *Alibaba.com*, *Allbiz* и *GRT*, и содействие в регистрации учетной записи субъектов малого и среднего бизнеса с минимальным пакетом документов для подачи заявки.

Дополнительно следует отметить создание не только национальных павильонов в сети Интернет от АО «Российский экспортный центр», но и регио-

нальные интеграции компаний, которые становятся доступны при наличии подобной формы поддержки на региональном уровне и предоставляют возможность разместить до 200 карточек предприятий на Alibaba.com.

Помимо обозначенных выше международных электронных площадок, существует целый ряд других: международного и национального значения. Так, в Российской Федерации создана B2B электронная платформа www.globalrustrade.com, с помощью которой местные предприятия имеют возможность выхода на международные рынки 33 стран Юго-Восточной Азии, БРИКС и Латинской Америки. И в этом случае региональными Центрами поддержки экспорта также оказывается поддержка финансовой и нефинансовой формы при регистрации компаний малого и среднего предпринимательства на платформе www.globalrustrade.com, где уже более 120 компаний ведут переговоры, заключают сделки, осуществляют рекламные акции и продвижение отечественного экспорта.

По мнению экспертов, электронную коммерцию можно рассматривать как действенный механизм, позволяющий с помощью новых технологических решений компенсировать недостаток тех компетенций, которые являются дефицитными для наших потенциальных и действующих экспортеров, — начиная от процедур оформления экспортных сделок, знания таможенных режимов, экспортного законодательства [и прочее] до маркетинговой аналитики и техники экспортных продаж.

При доступности широкой линейки региональной и федеральной форм государственной поддержки становится возможным в долгосрочной перспективе вовсе нивелировать проблему недостаточной компетенции и отсутствия опыта работы в электронной коммерции российскими экспортерами, а также увеличить долю интернет-продаж, которая, к сожалению, на данном этапе составляет лишь 1,5–2 % в среднем в выручке большинства предприятий Российской Федерации.

Таким образом, развитие человеческого капитала в экспортной сфере следует осуществлять по двум направлениям. Первое из них реализуется через институциональную систему стимулирования и поддержки экспорта, которая предоставляет широкие возможности консультационной помощи и информационного обеспечения, массового обучения и переобучения представителей малого и среднего бизнеса и, тем самым, нивелирует проблему кадрового голода как в экспортировании, так и в импортозамещении.

Как ни парадоксально, но второе направление предусматривает интенсивную подготовку кадров для самой цифровизации, то есть удержание талантов в цифровой сфере и выращивание собственных специалистов, владеющих цифровыми технологиями, поскольку новые цифровые решения, оригинальные бизнес-модели и цифровые форматы способны преодолеть и компенсировать недостаток экспортных компетенций, расширить мас-

штабы и качественный потенциал самого экспорта, ликвидировать информационный вакуум, увеличить возможности, способы, направления стимулирования и поддержки экспорта. В этом отношении не только экспортные, но и «цифровые кадры» превращаются в стратегический актив экономики России и фактор ее конкурентоспособности.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07131.

Литература

1. Как продвинуть российский IT на Запад // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/kak-prodvinut-rossiyskiy-it-na-zapad.html> (дата обращения: 01.02.2020).
2. Экспортный потенциал и импортозамещение // Цифровая Россия: новая реальность. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).
3. Почему много изобретателей — это мало//НВР-Россия и Ведомости, проект «Экспорт-драйвер развития бизнеса». URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/26/773749-mnogo-izobretatelei-malo> (дата обращения 03.02.2020).

УДК 316.4.051.62

**Худякова М. В.,
Андрианова Е. В.,
Овчинникова Д. С.**

ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕНСИОНЕРОВ

Аннотация: статья посвящена исследованию цифрового потребления людей пожилого возраста. Основой послужил массовый опрос, проведенный в Тюменской области. Проанализированы структура использования Интернета пожилыми людьми, цели использования сети Интернет, описаны условия успешной адаптации пенсионеров к использованию интернет-технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, использование интернет-технологий, пенсионеры, социальная адаптация, повседневные практики.

**Khudyakova M. V.,
Andrianova E. V.,
Ovchinnikova D. S.**

INFORMATION NETWORK TECHNOLOGIES IN EVERYDAY PRACTICES OF MODERN PENSIONERS

Abstract: the article considers the digital consumption of the elderly. The basis was a mass survey conducted in the Tyumen region. The structure of the internet using by elderly people, the internet using goals were analyzed. Also the conditions of successful adaptation of elderly people were described in the article.

Keywords: information technology, use of the Internet technology, the elderly, social adaptation, daily practice.

Информационные технологии прочно вошли в современную повседневную жизнь: люди совершают покупки, оплачивают государственные и коммерческие услуги, получают образование, общаются и развлекаются, используя сеть Интернет. По данным агентства *We Are Social*, на конец 2019 г. в нашей стране «насчитывалось 109,6 миллионов интернет-пользователей, уровень проникновения интернета находится на отметке 76 %» [1].

Использование интернет-технологий оказывает значительное влияние на образ жизни и социальное поведение людей разного возраста. Но новые возможности информационного общества открываются перед теми, кто умеет правильно ими пользоваться. Освоение новых технологических инструментов и адаптация в информационном пространстве у различных социально-демографических групп происходит по-разному. В отличие от молодежи и людей среднего возраста, для которых, как правило, эти процессы не являются сложными, пожилые люди испытывают проблемы с использованием электронных гаджетов. Низкий уровень активности в применении пенсионерами информационно-коммуникативных технологий подтверждается официальными данными Росстата. Так, в 2019 году доля активных пользователей сети Интернет в возрасте от 55 до 72 лет составляла всего 19 % [2].

Между тем, новые электронные ресурсы формируют потенциал для организации людьми собственной ежедневной активности. И люди старшего возраста, получившие доступ к информационным технологиям и освоившие их, в силах успешно преодолеть различные формы социальной изоляции. Путем использования компьютерной техники, мобильных телефонов, портативных устройств и сети Интернет расширяются возможности для образования, досуга, активного участия в социальной жизни.

Учитывая эти данные и тот факт, что доля людей старше трудоспособного возраста в общей численности населения России за последние годы также увеличивается, актуальность исследования цифрового потребления пенсионеров возросла.

Рассмотрим некоторые аспекты использования сети Интернет людьми старшего поколения, достигшими пенсионного возраста.

В нашем анализе используются результаты массового опроса, проведенного на территории Тюменской области (без автономных округов) в 2019 году. Объем выборки составил 2 183 респондентов — людей пенсионного возраста (от 55 лет для женщин и от 60 лет для мужчин), проживающих как в городских, так и сельских поселениях региона (табл. 1, данные рассчитаны авторами).

Таблица 1

Структура выборки

Места проживания	Выборочная совокупность	
	Число респондентов	%
Городское население, в том числе	1 016	46,5
г. Тюмень	551	25,2
все города (кроме Тюмени)	465	21,3
сельское население	1 167	53,5
Итого	2 183	100,00

На вопрос «Пользуетесь ли вы Интернетом?» утвердительно ответили немногим менее половины респондентов (47%), почти треть людей пенсионного возраста (28%) используют Всемирную сеть практически ежедневно (табл. 2).

Таблица 2

Использование Интернета пенсионерами в разрезе типа поселения и возраста, %

Вопросы анкеты	Всего	Поселение			Возраст, лет			Пол	
		сельские поселения	городские поселения	Тюмень	до 64 лет	65–69	70 и старше	мужчины	женщины
Нет, не пользуюсь	44	47	48	34	33	37	57	54	39
Пользуюсь, но очень редко	17	17	18	14	20	19	12	17	16
Не реже чем раз в месяц	2	2	1	3	2	3	1	2	2
Практически каждый день	28	27	27	31	40	32	17	20	32
Нет ответа	9	7	5	18	6	9	13	7	11

Так, 37% пенсионеров отметили, что в свое свободное время обращаются к социальным сетям, осуществляют переписку по электронной почте (в том числе 20% — часто и 17% — время от времени). Обратим внимание, что эта ситуация характерна как для города, так и для села, то есть условия и возможности освоения информационных технологий во всех поселениях региона примерно одинаковые. В данном случае имеют определенную значимость другие факторы.

Подтверждается тезис о том, что с возрастом усложняется процесс освоения новых компетенций. Если в возрастной группе до 64 лет доля активных интернет-пользователей (практически ежедневно) составляет 40%, то в группе 65–69 лет таковых уже 32%, а среди тех, кому за 70 лет — только 17%. Активная социальная позиция также проявляется в вопросе адаптации к новым

технологиям: более трети (34 %) пенсионеров из числа участников общественных организаций (Советов ветеранов) ежедневно пользуются Интернетом, среди «неактивных» пожилых людей таковых только четверть (25 %). Имеет значение и гендерный фактор: используют возможности интернет-сети 50 % женщин, у мужчин же этот показатель лишь 39 % (в том числе ежедневно — 32 % женщин и 20 % мужчин).

Результаты анализа целей использования Интернета представлены на рис.

Рис. Цели использования сети Интернет

Обращение к сети Интернет пользователями из числа пенсионеров чаще всего связано с поиском необходимой информации и чтением (39 %), возможностью удаленного общения (32 %). Часть пользователей (15 %) овладели навыками покупки и оплаты услуг (например, покупка билетов), пользования сервисами организаций (например, запись к врачу).

Социальные связи также являются объективным фактором адаптации пенсионеров к Интернету. Исследования социального поведения пенсионеров доказывают, что «наличие детей, внуков, родственников, друзей способствует постепенному погружению в интернет-среду, и, наоборот, их отсутствие ведет к трудностям в освоении и психологическим барьерам» [3, с. 150–164]. Доля пользователей Интернета среди пожилых людей, проживающих с семьей (супругом/супругой, детьми, внуками), составила 51 %, а среди тех, кто проживает один, — 39 %.

Успешной адаптации к изменениям в обществе, появлению новых технологий и трансформации социального пространства способствует обучение и личностное развитие. В ходе социологического исследования были выявлены интересы старшего поколения в образовательной сфере. Более половины (59 %) пожилого населения региона выразили заинтересованность в повышении своей грамотности и приобретении новых компетенций в разных сферах.

Примечательно, что второе место в рейтинге образовательных интересов заняли курсы компьютерной грамотности (21 % от числа опрошенных). В целом это прогнозируемо, поскольку значительной частью (40 %) пожилого населения региона потенциал Интернета не используется даже в части простых функций (для общения в соцсетях). Технические и коммуникативные характеристики сети Интернет также востребованы как способ самообразования для 40 % пенсионеров (в том числе постоянно используют эту возможность 22 % от числа опрошенных и еще 17 % — время от времени).

Запросы и интересы старшего поколения учитываются при разработке региональных программ и мер поддержки активного долголетия. Например, в регионе действует программа Губернатора Тюменской области по повышению уровня компьютерной грамотности населения «Расширяя горизонты», в рамках которой проводятся бесплатные обучающие семинары для граждан, прежде всего старшего поколения. С 2017 года на базе Областного геронтологического центра (Тюменская область) действует Школа волонтерского мастерства «Года, несущие радость!», филиалы которой организованы во всех муниципальных образованиях области. Помимо традиционных видов помощи, «серебряные» волонтеры развивают инновационные направления добровольческой деятельности, в том числе обучают своих сверстников пользованию Интернетом, помогают разобраться с техническими и технологическими новинками [4].

Таким образом, мы можем утверждать несомненную значимость информационно-сетевых технологий в повседневных практиках современных пенсионеров. Хотя виртуальная реальность пока не является полем активного конструирования их повседневности, отделяя людей старшего возраста от молодого цифрового поколения.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 19–29–07131.

Литература

1. Сергеева Ю. Вся статистика Интернета на 2019 год — в мире и в России // Официальный сайт компании WebCanape — digital-агентства. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 04.03.2020).
2. Численность населения РФ по возрасту (50+), пользующиеся информационными технологиями и информационно-коммуникационными сетями // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/13877> (дата обращения 07.02.2020 г.).
3. Адаптация пенсионеров к интернет-среде / О. А. Алексеева, О. Ю. Бестужева, О. Н. Вершинская, Е. Е. Скворцова // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 150–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35296886> (дата обращения 17.12.2019).
4. Никитина О. Волонтеры в Тюмени: где искать и как влиться в их ряды // Вслух.ru от 28.02.2019. URL: <http://www.vsluh.ru/news/society/338925> (дата обращения 25.07.2019).

Секция 10. Национальный проект «экология» в социологическом измерении

УДК 338.23

**Орешкина Т. А.,
Адюкова О. А.**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в данной статье проанализирована ситуация в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами на территории Свердловской области. Вскрыты причины низкой эффективности первых этапов реформы в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами. Показано, что коммуникативное взаимодействие субъектов экологической политики является одним из важнейших условий обеспечения успешной деятельности в сфере обращения с отходами.

Ключевые слова: экологическое сознание, твердые коммунальные отходы, социальные акторы, коммуникативное взаимодействие.

**Oreshkina T. A.,
Adyukova O. A.**

INTERACTION OF ENVIRONMENTAL POLICY SUBJECTS IN THE FIELD OF WASTE MANAGEMENT ON THE TERRITORY OF THE SVERDLOVSK REGION

Abstract: this article analyzes the situation in the field of municipal solid waste management in the Sverdlovsk region. The reasons for the low efficiency of the first stages of reform in the field of municipal solid waste management are revealed. It is shown that the communicative interaction between environmental policy subjects is one of the most important conditions for ensuring successful work in the field of waste management.

Keywords: environmental consciousness, solid municipal waste, social actors, communicative interaction.

В Российской Федерации целью экологической политики является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. При этом особое место отводится вопросам государственной полити-

---

© Орешкина Т. А., Адюкова О. А., 2020

ки как федерального, так и регионального уровня, а также формированию экологически ориентированного сознания населения.

Экологическая безопасность в настоящее время становится одним из значимых факторов развития регионов и страны в целом. При этом одной из наиболее острых проблем ее обеспечения является значительный объем образующихся и накопленных твердых коммунальных отходов (далее — ТКО). Размещение ТКО на полигонах и несанкционированных свалках выводит из хозяйственного оборота значительные площади земель, загрязняет их и оказывает существенное негативное влияние на почвы, водные объекты и атмосферный воздух и, следовательно, на здоровье населения.

В настоящее время экологическая политика в сфере обращения с отходами на территории Свердловской области дисфункциональна, наблюдается целый ряд проблем при реализации реформы в сфере обращения с ТКО, которая вступила в действие с 1 января 2019 года.

Экологическая политика — это взаимодействие различных экономических, политических и социальных структур, направленных на реализацию стратегии в сфере охраны окружающей среды, а также деятельность, с помощью которой при посредничестве государства, общественных, политических организаций регулируется отношение общества к природе с целью ее защиты и развития [1, с. 81]. Экологическая политика определяет направленность деятельности отдельных взаимодействующих субъектов в сфере охраны окружающей среды, согласно ее целей, принципов, задач. Отличительной чертой решения острых вопросов является необходимость коммуникации всех субъектов экологической политики. Таким образом, актуальным является рассмотрение вопроса обращения с ТКО с позиций развития практик взаимодействия субъектов экологической политики в сфере обращения с отходами, предусматривающее взаимодействие, как систему коммуникации, ориентированное на взаимный учет интересов всех акторов взаимодействия.

Системный подход Н. Лумана позволяет исследовать экологическую политику, с одной стороны, как автономное структурно-целостное движение, с другой, — как элемент более широкой социальной системы [2]. В рамках этой теории социальные системы образуются исключительно благодаря коммуникации. Н. Луман писал о том, что коммуникация аутопоэтична, то есть коммуникация порождает коммуникацию точно так же, как каждый акт социального взаимодействия является причиной и следствием других социальных взаимодействий. Контекстом коммуникации служит дискурс, в котором она происходит, а осознание этого дискурса помогает достичь взаимопонимания между участниками коммуникации и равновесия между их интересами, а также дает возможность прогнозировать действия субъектов коммуникации.

В обозначенной теоретической рамке проведено исследование экологической политики Свердловской области. В частности, изучение причин

низкой эффективности первых этапов реформы в сфере обращения с ТКО осуществлено с помощью анализа нормативно-правовых актов в сфере обращения с отходами, а также с помощью личных полужоформализованных биографических интервью с элементами включенного наблюдения. Всего за период 2018–2019 гг. проведено 14 интервью по месту работы информантов. С представителями местной власти проведено 10 интервью, которые прошли в пяти городских округах Свердловской области: в Асбесте, Серове, Североуральске, Краснотурьинске и Екатеринбурге; два интервью — с государственными гражданами служащими, экспертами в сфере охраны окружающей среды в Североуральске и Екатеринбурге; два интервью — со специалистами регионального оператора по обращению с ТКО на территории Восточного административно-производственного объединения Свердловской области в Екатеринбурге.

В ходе исследования выявлены противоречия между запланированными и реализуемыми мероприятиями реформы (составлено авторами):

Анализ механизмов реализации направлений реформы в сфере обращения с ТКО

Направления реформы в сфере обращения с ТКО	Наличие механизмов/инструментов реализации направлений
Создание новых объектов по обращению с ТКО (создание мусоросортировочных комплексов)	Нет понимания, как реализовать отсортированные фракции отходов
Ликвидация несанкционированных свалок	Нет плана действия в случае, если помимо ТКО лежит не ТКО, как определять объем свалок, как быть со свалками на неразграниченных земельных участках и т.д.
Заключение договора на услугу по обращению с ТКО	Нет реальных баз данных жильцов для заключения договоров с собственниками ТКО
Создание электронного реестра контейнерных площадок	Нет достоверной информации по контейнерным площадкам
Повышение экологического сознания населения	Нет реальных инструментов работы со СМИ и социальными медиа
Перевод услуги по обращению с ТКО в коммунальную, повышение платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО	Нет эффективных инструментов коммуникации с населением

Информанты отмечают, что отсутствие инфраструктуры и реальных инструментов по регулированию взаимодействия между всеми субъектами затрудняет проведение реформы. Значительный рост платы граждан за услугу по обращению с ТКО, а также отсутствие понимания всех изменений в сфере обращения с отходами привели к массовому недовольству среди населения Свердловской области.

Таким образом, положительное отношение населения Свердловской области к новой системе по обращению с отходами не сформировано. Промежуточные итоги реформы в сфере ТКО на территории Свердловской области

показали отсутствие эффективной коммуникации субъектов экологической политики. Это позволяет прогнозировать эскалацию конфликта в ближайшем будущем при внедрении системы дуального сбора отходов в Свердловской области. Ситуация способствует снижению уровня доверия к органам власти и лицам, принимающим решения в сфере обращения с отходами.

Социально-экологические практики в сфере обращения с ТКО нуждаются в совершенствовании. Одним из инструментов развития экологической политики в России является национальный проект «Экология», глобальной целью которого является изменить к 2024 году воздействие на окружающую среду. Для достижения заявленных целей по показателям утилизации ТКО утверждено предложение о внесении изменений в паспорт федерального проекта «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» в части включения дополнительного целевого показателя, новых результатов и финансового обеспечения создания инфраструктуры по утилизации ТКО посредством их сжигания с производством электрической и (или) тепловой энергии, в том числе мер государственной поддержки. Таким образом, сжигание отходов приравнялось к утилизации, что позволит достичь планируемых показателей по утилизации ТКО к 2024 г.

Между тем, очередность приоритетов государственной политики, отраженная в Федеральном законе от 24.06.1998 № 89 «Об отходах производства и потребления» ставит сжигание (обезвреживание) мусора на последнее место [3]. Таким образом, наблюдается противоречие очередности приоритетов государственной политики с мерами, предпринимаемыми в рамках национального проекта «Экология» [4].

Исходя из вышеизложенного, наблюдаются противоречия между нормативно-правовыми актами в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, отсутствуют механизмы для успешного развития экологической политики в сфере обращения с отходами на территории Свердловской области. Законодательное регулирование нуждается в совершенствовании, в соответствии с потребностями субъектов в сфере обращения с отходами, с учетом изменений, произошедших за период действия реформы в сфере обращения с отходами. Корректное правовое и экономическое регулирование основывается на коммуникативном взаимодействии, как основном взаимодействии, которое фундирует остальные виды социальных взаимодействий. Именно коммуникативное взаимодействие лежит в основе успешной трансформации модели взаимодействия субъектов экологической политики в сфере обращения с ТКО.

Реформа требует кардинального изменения модели взаимодействия субъектов экологической политики, вовлеченных в сбор, накопление, транспортировку, сортировку, утилизацию и захоронение отходов. Изменение модели взаимодействия требует изменения схемы коммуникации. То есть, существу-

---

ет потребность в обратной связи, как условия субъект-субъектного взаимодействия и согласования интересов всех субъектов. Для снижения социально-экологического напряжения, имеющегося сегодня, необходимо внедрение эффективных инструментов по информированию и коммуникации с населением при реализации реформы.

Литература

1. Пугачев А. В. Экологическая политика на современном этапе: содержание, цели и задачи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 81–85.
2. Luhmann N. On the Scientific Concept of Communication // Social Science Information. 1996. 35 (2). pp. 257–267.
3. Об отходах производства и потребления от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 19.07.2019 N 30-П) // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения 20.02.2020).
4. Паспорт Национального проекта «Экология» // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: http://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения 20.02.2020).

УДК 502.175

Селезнев А. А.

ГОРОДСКАЯ ГРЯЗЬ КАК ОТХОДЫ КОММУНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ЭКОЛОГИЯ» И «ЖИЛЬЕ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА»

Аннотация: в российском городе производство земляных работ сопровождается выносом за пределы стройплощадок грязи и пыли, снижающими качество среды. Деятельность в сфере благоустройства не рассматривается в качестве экологического аспекта. Одной из причин такой ситуации является отсутствие данных об уровнях загрязнения среды и негативного воздействия работ по благоустройству. Проанализированы данные по благоустройству территорий крупных городов в разных природных климатических зонах России. Определены и ранжированы причины образования городской грязи при производстве земляных работ.

Ключевые слова: грязь, город, благоустройство, охрана среды, экологический менеджмент.

Seleznev A. A.

URBAN SURFACE DIRT AS MUNICIPAL WASTE IN THE CONTEXT OF NATIONAL PROJECTS OF RUSSIA “ECOLOGY” AND “COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT”

Abstract: the article describes results of the survey of factors influencing the urban surface dirt formation. Landscape analyses were conducted in the urban residential areas of Russian cities situated in differ-

---

© Селезнев А. А., 2020

ent geographical and climate zones. The main groups of factors have a significant impact on urban surface dirt formation: low adaptation of residential areas' infrastructure to high density of vehicles, poor municipal services, bad urban environmental management, and construction and earthworks.

Keywords: urban surface dirt, municipal service, earthworks, environmental management.

В настоящее время в России более 70 % населения проживает в городах. Города стали наиболее значимыми элементами системы расселения человека. Городской ландшафт формируется в результате хозяйственной деятельности и развивается под действием природных, антропогенных и социально-культурных факторов. Результатом высокой концентрации населения, объектов экономической деятельности, транспортных потоков, социальной и культурной активности в городах является значительное антропогенное воздействие на компоненты окружающей среды и городскую инфраструктуру. Ухудшается экологическое состояние, снижается качество жизни населения.

Благоустройство оказывает непосредственное влияние на качество окружающей среды городов, оно включает спектр строительных, ремонтных, земляных работ. При производстве работ на территории жилых кварталов происходит образование грязи, пыление, поступление загрязняющих веществ в атмосферу и почву, связанные со складированием изъятых грунтов в отвалы, размещением сыпучих строительных материалов в кучах, несвоевременной рекультивацией участков.

В программе исследований процессов современного осадконакопления на урбанизированной территории проводится анализ данных по благоустройству крупных городов в разных природных климатических зонах России: Екатеринбург, Челябинск, Тюмень, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Мурманск. С позиций современного осадкообразования анализируются такие показатели состояния селитебных зон, как количество мест организованной и неорганизованной парковки автотранспорта в жилых дворах, доля нарушенных и ненарушенных поверхностей, проективное покрытие травами и состояние зеленых зон на территориях жилых кварталов, техническое состояние и уборка территорий жилых кварталов, производство земляных работ, кроме того, проводится оценка переноса осадочного материала между функциональными зонами жилого квартала. Ландшафтные исследования проводятся в теплый и холодный сезоны года. Предложена модель оценки количества городской грязи на урбанизированной территории [1, с. 17241; 2, с. 581–595].

Ландшафтные исследования в городах показали, что примерно 20 % автомобилей, припаркованных на внутридворовых территориях, расположены на газонах и детских площадках. Примерно 25 % площади поверхностей территории жилого квартала нарушены в областях газонного и тротуарного покрытий, виднеется открытый техногенный грунт, проводятся земляные работы с просыпаниями грунта и строительных материалов. В городах на территориях жилых кварталов преобладают дикорастущие травы, проективное покрытие

травами составляет 50–60 % (в Ростове-на-Дону — 20 %). Уборка жилых кварталов в городах производится неудовлетворительно, о чем может свидетельствовать большое количество коммунальных отходов, мусора, битого стекла, окурков и значительное количество опавших листьев во дворах (рис. 1). Для территории г. Екатеринбурга была проведена оценка количества городской грязи: в жилых районах находится примерно 320 000 тонн грязевого осадка, из которых 120 000 тонн составляет пылевая фракция.

Проблема образования современных наносов на городских территориях (иными словами, городской грязи) должна рассматриваться в ходе реализации национального проекта «Экология» в части эффективного обращения с отходами на урбанизированных территориях и снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, а также национального проекта «Жилье и городская среда» в части повышения комфортности городской среды и сокращения количества городов с неблагоприятной средой в два раза. Результаты исследований по этой проблеме, проводимых совместно ИПЭ УрО РАН и ИГГ УрО РАН, могут использоваться в качестве научной основы для принятия управленческих решений при реализации национальных проектов.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-35-60011.

Литература

1. Snow-dirt sludge as an indicator of environmental and sedimentation processes in the urban environment / A. Seleznev, I. Yarmoshenko, G. Malinovsky, E. Ilgasheva, E. Baglaeva, A. Ryanskaya, D. Kiseleva, T. Gulyaeva // Scientific Reports. 2019. 9 (1). 17241.
2. Seleznev A. A., Yarmoshenko I. V., Malinovsky G. P. Assessment of Total Amount of Surface Sediment in Urban Environment Using Data on Solid Matter Content in Snow-Dirt Sludge // Environ. Process. 2019. 6 (3). P. 581–595.

Сведения об авторах

Абрамова Софья Борисовна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: sofia_abramova@mail.ru

Адюкова Ольга Александровна — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: olga.adykova.93@mail.ru

Андреянова Елена Владимировна — заведующий кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН (г. Тюмень, Россия), e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Антипов Константин Анатольевич — доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (г. Пермь, Россия), e-mail: konstant77@mail.ru

Антонова Наталья Леонидовна — профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия) e-mail: n-tata@mail.ru

Антропов Илья Дмитриевич — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: darthmonro@ya.ru

Ануфриева Евгения Владимировна — доцент, Волгоградский государственный технический университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: cv_anufrieva@mail.ru

Апахова Валентина Максимовна — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: arahova.valentina@gmail.com

Армянинова Дарья Андреевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: fairy-tail777@yandex.ru

Архипова Виктория Александровна — аспирант, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: v.arkhipova95@mail.ru

Архипова Елена Борисовна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

Асадуллина Гузелия Рауфовна — доцент, Башкирский государственный университет (г. Уфа, Россия), e-mail: asadullina-guzeliya@yandex.ru

Багирова Анна Петровна — профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Баклагина Дарья Игоревна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: dasha_baklagina@mail.ru

Бакшеева Дарья Игоревна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: d.baksheeva@inbox.ru

Балахнина Александра Геннадьевна — аспирант, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: ecoferma13@mail.ru

Балясов Александр Анатольевич — старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.a.balyasov@urfu.ru

Банникова Людмила Николаевна — профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: l.n.bannikova@urfu.ru

Банных Галина Алексеевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: g.a.bannykh@urfu.ru

Беликова Екатерина Олеговна — доцент, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: eo_belikova@volsu.ru

Берзин Андрей Борисович — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: berzinandrey@gmail.com

Бирюкова Татьяна Сергеевна — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: birukova.tatyana@gmail.com

Бледнова Наталья Дмитриевна — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: natalia.blednova@mail.ru

Боронина Людмила Николаевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: l.n.boronina@urfu.ru

Бритвина Ирина Борисовна — профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: irina.britvina@urfu.ru

Бурнашева Анна Андреевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: burnasheva_98@mail.ru

Бушueva Татьяна Николаевна — доцент, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия), e-mail: bushueva.tn@mail

Валиахметов Рим Марсович — директор Башкирского филиала Института социологии РАН, декан факультета философии и социологии Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия) e-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

Вандышев Михаил Николаевич — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: m.n.vandyshv@urfu.ru

Васильева Елена Игоревна — доцент, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: vasilyeva-ekb@yandex.ru

Ваторопин Александр Сегаевич — завкафедрой теории и социологии управления Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: alexander.vatoropin@ui.ranepa.ru

Ваторопин Сергей Александрович — доцент Уральского института управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: sergeyvatoropin@yandex.ru

Веселкова Наталья Вадимовна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: vesselkova@yandex.ru

Власова Ольга Владимировна — доцент, БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (г. Сургут, Россия), e-mail: OVlasova@surgpu.ru

Воронина Людмила Ивановна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: l.i.voronina@urfu.ru

Ворошилова Анжелика Игоревна — старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru

Гавва Дана Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: gavva.dana@mail.ru

Гаврилюк Вера Владимировна — профессор, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: gavriiliuk@list.ru

Гаврилюк Татьяна Владимировна — старший научный сотрудник, Центр перспективных исследований и инновационных разработок Тюменского индустриального университета (г. Тюмень, Россия), e-mail: gavriiliuk@list.ru

Гараева Эльнара Ильфатовна — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: el.garaeva@bk.ru

Гилева Ирина Сергеевна — доцент, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: irina.gileva@ui.ranepa.ru

Головина Светлана Георгиевна — профессор, Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева (г. Курган, Россия), e-mail: kkrav84@mail.ru

Головихина Ольга Сергеевна — ведущий специалист, Госкорпорация «Росатом» (г. Москва, Россия), e-mail: OSGolovikhina@rosatom.ru

Голубкова Екатерина Александровна — старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: Ekaterina.golubkova@gmail.com

Гордеев Сергей Сергеевич — заведующий лабораторией моделей пространственного развития, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия), e-mail: sgordeev222@gmail.com

Горин Николай Владимирович — ведущий научный сотрудник, Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский НИИ технической физики имени академика Е. И. Забабахина (г. Снежинск, Россия), e-mail: n.gorin@vniitf.ru

Грошев Игорь Львович — профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (г. Тюмень, Россия), e-mail: grosh-tmn@rambler.ru

Грошева Ирина Александровна — доцент, Тюменский филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» (г. Тюмень, Россия), e-mail: grosh@nextmail.ru

Грошева Любовь Игоревна — доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (г. Тюмень, Россия), e-mail: malivia@rambler.ru

Гурарий Анна Дмитриевна — директор департамента политологии и социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: anna.gurariy@urfu.ru

Давыденко Владимир Александрович — начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Данилова Елена Павловна — доцент, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: e.p.danilova@utmn.ru

Дидковская Яна Викторовна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: I.V.Didkovskaia@urfu.ru

Дорохова Анастасия Олеговна — аспирант, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: anna.tpp-to@mail.ru

Дудина Маргарита Николаевна — профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: mn-dudina@yandex.ru

Дулина Надежда Васильевна — профессор, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: nv-dulina@yandex.ru

Дуран Татьяна Валентиновна — докторант, Льежский университет (г. Льеж, Бельгия), доцент, Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: tatyana.duran@hotmail.be

Егоров Иван Александрович — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: egorov@ia-egorov.ru

Екидин Алексей Акимович — ведущий научный сотрудник, Институт промышленной экологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: ekidin@esko.uran.ru

Елисева Софья Юрьевна — ассистент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия), e-mail: sonia.eliseeva@bk.ru

Заборова Елена Николаевна — заведующий кафедрой прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: ezaborova@yandex.ru

Зайцева Екатерина Васильевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: e.v.zaitceva@urfu.ru

Зерцанинова Татьяна Евгеньевна — доцент, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: tatiana_z@ui.ranepa.ru

Зырянов Сергей Григорьевич — профессор, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия), e-mail: director@chel.ranepa.ru

Иванов Олег Петрович — старший научный сотрудник, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия), e-mail: oliva77@yandex.ru

Ильина Илона Валерьевна — старший преподаватель, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: i.v.ilina@utmn.ru

Казакова Екатерина Федоровна — магистр, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут, Россия), e-mail: kkazakova19@gmail.com

Каримова Регина Мажитовна — научный сотрудник, Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия), e-mail: mregina@mail.ru

Каташинских Варвара Сергеевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: v.s.katashinskikh@urfu.ru

Катвицкая Юлия Сергеевна — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: kotser1A@mail.ru

Качанова Елена Анатольевна — профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: elena.kachanova@ui.ranepa.ru

Киенко Татьяна Сергеевна — доцент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: tatyanakienko@mail.ru

Кислов Александр Геннадьевич — завкафедрой философии, культурологии и искусствоведения, Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: akislov2005@yandex.ru

Клевакин Георгий Александрович — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: mr.gerbanii@mail.ru

Колесник Елена Андреевна — доцент, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: eakolesnik-10@mail.ru

Костина Наталья Борисовна — профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: natalya.kostyna@ui.ranepa.ru

Костина Светлана Николаевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: s.n.kostina@urfu.ru

Кох Иван Адамович — профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: kia4@mail.ru

Кузнецова Елена Владимировна — доцент, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: elena.kuznetsova@ui.ranepa.ru

Кузьминчук Анна Александровна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: amarilis1106@gmail.com

Кульминская Алина Владимировна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.v.kulminskaia@urfu.ru

Кульпин Сергей Владимирович — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: s.v.kulpin@urfu.ru

Курбатова Людмила Николаевна — доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (г. Пермь, Россия), e-mail: kurbatova-ln@mail.ru

Кухаренко Юлия Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: kuharenko0151@gmail.com

Лебедева-Несеера Наталья Александровна — профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, заведующий лабораторией методов анализа социальных рисков ФНЦ медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения (г. Пермь, Россия), e-mail: natnes@list.ru

Листопад Юлия Сергеевна — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: technologiz@mail.ru

Литвиненко Полина Александровна — студент, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: i.v.ilina@utmn.ru

Луночкин Андрей Валентинович — доцент, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: andrei.lunochkin@volsu.ru

Маютин Иван Михайлович — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: amega98@mail.ru

Масоров Станислав Дмитриевич — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: stas.masorov@mail.ru

Медведев Игорь Евгеньевич — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: imedvedev99@mail.ru

Микольчик Иван Николаевич — и.о. проректора по науке, Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева (г. Курган, Россия), e-mail: min_ksa@mail.ru

Мошьчак Елена Львовна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

Муртазина Анастасия Владиславовна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: nastenka_murtazina@mail.ru

Нархов Дмитрий Юрьевич — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: d.y.narkhov@urfu.ru

Немтина Мария Александровна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: mega.nemтина@mail.ru

Нечаева Светлана Владимировна — заместитель директора Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Челябинск, Россия), e-mail: pnechaeva@ganepa.ru

Нидергаус Елена Олеговна — старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru

Никовская Лариса Игоревна — гл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва, Россия), e-mail: nikovsky@inbox.ru

Николенко Наталья Александровна — доцент, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: nikolenko@volsu.ru

Новожилов Алексей Борисович — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: ural.soc@mail.ru

Нотман Ольга Валерьевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: o.v.notman@urfu.ru

Овчинникова Дарья Станиславовна — магистрант, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: d.s.ovchinnikova@utmn.ru

Одяков Сергей Вячеславович — заведующий кафедрой социологии, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия), e-mail: odiakovsv@susu.ru

Орешкина Татьяна Анатольевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: t.a.oreshkina@urfu.ru

Орлов Павел Алексеевич — доцент, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия), e-mail: orloff1@yandex.ru

Певная Мария Владимировна — завкафедрой социологии и ТГМУ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: m.v.pevnaa@urfu.ru

Петухов Максим Ильич — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: Maxpetukhov2001@gmail.com

Печеркина Ирина Феодоровна — доцент, Тюменский государственный университета (г. Тюмень, Россия), e-mail: i.f.pecherkina@utmn.ru

Пивоварова Марина Борисовна — магистр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия), e-mail: mp1995@mail.ru

Плетнев Дмитрий Юрьевич — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: dmitry_pletnev@mail.ru

Плешакова Анастасия Юрьевна — начальник управления международной деятельности, доцент кафедры управления персоналом, Уральский государственный горный университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: Pleshakova.A@m.ursmu.ru

Прямикова Елена Викторовна — директор института общественных наук, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: Pryamikova@yandex.ru

Ромашкина Гульнара Фатыховна — профессор, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

Румянцева Ольга Владимировна — старший преподаватель, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: olga_rum@mail.ru

Рыбакова Марина Владимировна — профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия), e-mail: RybakovaMV2005@yandex.ru

Савчук Галина Анатольевна — заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: galina.savchuk@urfu.ru

Садретдинова Эвелина Виноеровна — доцент, Башкирский государственный университет (г. Уфа, Россия), e-mail: golichev@mail.ru

Сазонова Анна Львовна — доцент, Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва, Россия), e-mail: an-netic@yandex.ru

Сеledко Марина Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: marina.seledko@gmail.com

Селезнев Андриан Анатольевич — старший научный сотрудник, Институт геологии и геохимии им. академика А. Н. Заварицкого УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: sandrian@rambler.ru

Симонова Людмила Михайловна — профессор, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: lsim@utmn.ru

Ситникова Яна Изоровна — главный специалист отдела по работе с негосударственными организациями комитета социальной защиты населения Волгоградской области (г. Волгоград, Россия), e-mail: jana3194@mail.ru

Смирнова Лидия Николаевна — ведущий сотрудник, НИИ «Изучение проблем АПК», Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева (г. Курган, Россия), e-mail: lidia-1311@mail.ru

Спирина Марина Павловна — профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: m.p.spirina@urfu.ru

Старшинова Алеетина Викторовна — заведующий кафедрой социальной работы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

Стегний Василий Николаевич — профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (г. Пермь, Россия), e-mail: socio@pstu.ru

Судьин Сергей Александрович — заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия), e-mail: sudjin@mail.ru

Сытых Елена Львовна — доцент, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия), e-mail: selena19-78@mail.ru

Талалаева Галина Владленовна — профессор, Уральского института ГПС МЧС России (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: gvtalal@mail.ru

Тарасова Анна Николаевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.n.tarasova@mail.ru

Тихонова Анастасия Олеговна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: tihonova.ao@mail.ru

Тужиков Евгений Николаевич — начальник учебно-научного комплекса управления комплексной безопасности Уральского института ГПС МЧС России (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: fireman87@bk.ru

Файзуллин Фаниль Саитович — главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа, Россия), e-mail: fayzullin.f@gmail.com

Фаткуллина Гульшат Рашитовна — младший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа, Россия), e-mail: gulshat475@yandex.ru

Федорова Екатерина Николаевна — преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: e.n.fedorova@urfu.ru

Филипповская Татьяна Владимировна — доцент, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: ftatyana@mail.ru

Франц Валерия Андреевна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: val-franc@yandex.ru

Фурман Екатерина Львовна — доцент, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: ekaterina_furman@mail.ru

Харисова Альбина Азамовна — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: alфинаaspirant@mail.ru

Хафизова Виктория Рауфовна — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: vikakhaf@mail.ru

Худякова Марина Владимировна — доцент, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: m.v.khudyakova@utmn.ru

Хузяметов Роман Ренатович — аспирант, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия), e-mail: r_o_m_a_n_14@mail.ru

Чевтаева Наталья Геннадьевна — заведующий кафедрой управления персоналом, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: che13641@gmail.com

Черешова Светлана Васильевна — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru

Чикова Евгения Викторовна — старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: putilova.evgenia@urfu.ru

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович — заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет (г. Уфа, Россия), e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru

Шапко Ирина Валерьевна — доцент, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: isharko@yandex.ru

Шаповалова Инна Сергеевна — заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия), e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Шепеленко Анна Юрьевна — магистрант, Институт когнитивных нейронаук НИУ Высшая школа экономики (г. Москва, Россия), e-mail: shepelenko.promo@gmail.com

Шестакова Елена Васильевна — заместитель директора, Областной центр реабилитации инвалидов (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: shestakova.ev68@yandex.ru

Шибанова Елена Климентьевна — доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал (г. Челябинск, Россия) e-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Шлыков Валерий Петрович — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: v.p.shlikov@urfu.ru

Штомпель Олег Михайлович — профессор, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: shtompel@donpac.ru

Шубат Оксана Михайловна — доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: o.m.shubat@urfu.ru

Шумилова Полина Андреевна — соискатель степени кандидата наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: polina_shumilova@mail.ru

Южакова Анастасия Ильинична — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.i.iuzhakova@urfu.ru

Южакова Эльмира Владиславовна — младший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: elmira.yuzhakova@mail.ru

Юферева Анастасия Сергеевна — ассистент кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: a.s.iufereva@urfu.ru

Яковлева Александра Александровна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: aleks24200@gmail.com

Якубова Эльвина Руслановна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: elvinaayak@mail.ru

Яновская Екатерина Александровна — магистрант, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: katezhda@yandex.ru

Яптарова Розалия Рависовна — заместитель директора, Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия), e-mail: yartarova@mail.ru

---

Information about the authors

Abramova S. B. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Adyukova O. A. — M.Sc., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Andrianova E. V. — head of Department of General and Economic Sociology, Tyumen state University, Senior Researcher, West-Siberian branch FCTAS RAS, Tyumen, Russia

Antip'yev K. A. — associate professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Antonova N. L. — professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Antropov I. D. — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Anufrieva E. V. — associate Professor, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Apakhova V. — post graduate student of the Ural institute of management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Arkipova E. B. — associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Arkipova V. A. — PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Armiyaninova D. A. — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Asadullina G. R. — associate Professor Bashkir state University, Ufa, Russia

Bagirova A. P., professor Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Baklagina D. I., — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Baksheeva D. I. — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Balakhnina A. G. — post-graduate student, University of Tyumen, Tyumen, Russia

Balyasov A. A. — senior lecturer Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Bannikova L. N. — professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Bannykh G. A. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Belikova E. O. — associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Berzin A. B. — graduate student, Ural Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia

Birukova T. S. — post-graduate student of Ural Institute of management, branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia

Blednova N. — master student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Boronina L. N. — associate Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Britvina I. B. — professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Burnasheva A. A. — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Bushueva T. N. — associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Russia

Chereshova S. V. — PhD applicant of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Chikova E. — senior Lecturer Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Danilova E. P. — associate Professor of Tyumen state University University, Tyumen, Russia

Davydenko V. A. — head of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia

Didkovskaya Y. V. — associate Professor Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Dorokhova A. O. — graduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Tyumen State University”, Tyumen, Russia

Dudina M. N. — professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Dulina N. V. — professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Duran T. V. — PhD candidate, University of Liège, Belgium, associat professor, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia

Ekidin A. A. — leading researcher, Institute of industrial ecology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Eliseeva S. Y. — assistant Perm State University, Perm, Russia

Fatkullina G. R. — junior researcher at the Institute of social and economic research of the Ufa scientific center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Fayzullin F. S. — chief researcher, Institute of social and Economic Research of the UFRC of the RAS, Ufa, Russia

Fedorova E. N. — lecturer Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Filippovskaya T. V. — associate professor, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Frants V. A. — associate Professor Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Furman E. L. — associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Garayeva E. — postgraduate student of Ural state University Institute of management — branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Gavriliuk V. V. — professor, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Gavrilyuk T. V. — senior researcher of Center for Advanced Research and Innovation Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Gavva D. S. — student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Gileva I. S. — associate professor of the Ural Institute of management — branch of Ranepa, Yekaterinburg, Russia

Golovikhina O. S. — leading Specialist, Public Council of the State Atomic Energy Corporation ROSATOM, Moscow, Russia.

Golovina S. G. — professor of Kurgan state agricultural Academy named after T. S. Maltsev, Kurgan, Russia. e-mail: kkrav84@mail.ru

Golubkova E. A. — senior lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Gordeev S. S. — head of the Laboratory of Spatial Development Models Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia

Gorin N. V. — leading Researcher, Federal State Unitary Enterprise «Russian Federal Nuclear Center — academician E. I. Zababakhin All-Russian Research Institute of Technical Physics», Snezhinsk, Chelyabinsk Region, Russia

Groshev I. L. — professor, Tyumen higher military engineering command school named after marshal of engineering forces A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia

Grosheva I. A. — associate professor, Branch ANO VO «IBC» in the Tyumen region, Tyumen, Russia

Grosheva L. I. — associate professor, Tyumen higher military engineering command school named after marshal of engineering forces A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia

Gurarii A. D. — director of Department of Political and Social Sciences Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ilina I. V. — senior lecturer, Tyumen state University, Tyumen, Russia

Ivanov O. P. — senior Researcher, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Kachanova E. A. — professor of the Department of Economics and management of the Ural Institute of management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration, Ekaterinburg, Russia

Karimova R. M. — research associate of the state educational institution Center for Humanities research of the Ministry of culture Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Katashinskikh V. S. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Karvietskaya Y. S. — post-graduate student of the of the Ural Institute of management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration, Ekaterinburg, Russia

Kazakova K. — master Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Khafizova V. R. — graduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Khudyakova M. V. — associate professor, Tyumen state University, Russia

Khuziakhmetov R. R. — postgraduate Student, University of Tyumen, Russia

Kienko T. S. — associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-don, Russia

Kislov A. G. — professor, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Klevakin G. A. — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Koch I. A. — Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Kolesnik E. A. — associate Professor of the Tyumen industrial University, Tyumen, Russia

Kostina N. B. — professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Kostina S. N. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Kukharensko Yu. S. — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Kulminkaia A. V. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Kulpin S. V. — associate Professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Kurbatova L. — associate professor Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Kuznetsova E. V. — associate professor of the Department of theory and sociology of management, Ural Institute of management — branch of Ranepa, Yekaterinburg, Russia

Kuz'minchuk A. A. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Lebedeva-Nesevrya N. A. — professor Perm State University, Perm, Russia Head of Social Risk Analysis Laboratory Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm, Russia

Listopad Y. S. — masters student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Litvinenko P. A. — student, Tyumen state University, Tyumen, Russia

Lunochkin A. V. — associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation.

Malyutin I. M. — undergraduate Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Masorov S. D. — master student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Medvedev I. E. — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Mikolaychik I. N. — acting Vice-rector for science Kurgan state agricultural Academy named after T. S. Maltsev, Kurgan, Russia

Mogilchak E. L. — associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Murtazina A. V. — student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Narkhov D. Yu. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Nechaeva S. V. — Associate Professor, Chelyabinsk Branch Deputy Director of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia

Nemtina M. — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Niedergaus E. O. — Senior Lecturer of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Nikolenko N. A. — associate professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Nikovskaya L. I. — doctor of sociological Sciences, chief researcher of the Institute of Sociology of FC-TAS RAS, Professor, Ranepa, Moscow, Russia

Notman O. V. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Novozhilov A. B. — master's Student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Odiakov S. V. — the chief of the Department of Sociology, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Oreshkina T. A. — associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Orlov P. A. — associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia

Ovchinnikova D. C. — master's student of Tyumen state University, Tyumen, Russia

Pecherkina I. F. — associate professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia

Petukhov M. I. — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Pevnaya M. V. — head of the Department of sociology and TSMA, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Pivovarova M. B. — master degree, Moscow state University, Moscow, Russia

Pleshakova A. Y. — head of International Office, associate professor of HR chamber Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia

Pletnev D. Y. — undergraduate Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Pryamikova E. V. — director Institute of social Sciences of the Ural state University pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Romashkina G. F. — professor, Tyumen state University (Tyumen, Russia) *Rumyantseva O. V.* — senior lecturer, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Rumyantseva O. — senior lecturer at the Ural state University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Rybakova M. V. — professor of the Moscow state University, chief research officer, Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Sadretdinova E. V. — associate Professor Bashkir state University, Ufa, Russia

Savchuk G. A. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Sazonova A. L. — associate Professor of the Russian University transport (MIIT), Moscow, Russia

Seledko M. S. — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Seleznev A. A. — senior researcher, The Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Shaikhislamov R. B. — professor Bashkir state University, Ufa, Russia

Shapko I. V. — associate professor, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Shapovalova I. — head of the Department of sociology and organization of work with youth, Belgorod state national research University University, Belgorod, Russia

Shepelenko A. — master's student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Shestakova E. V. — deputy Director of the State Autonomous Institution “Regional Center for the Rehabilitation of Persons with Disabilities”, Yekaterinburg, Russia

Shibanova E. K. — associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia

Shlikov V. P. — associate professor Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Shtompel O. M. — professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shubat O. M. — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Shumilova P. — the PhD applicant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Simonova L. M. — professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Tyumen State University”, Tyumen, Russia. e-mail: lsim@utmn.ru

Sitnikova Y. — main specialist, Committee of social protection of the population of the Volgograd region, Volgograd, Russia

Smirnova L. N. — presenter employee of the research Institute “Studying problems of agriculture” Kurgan state agricultural Academy named after T. S. Maltsev, Kurgan, Russia

Spirina M. P. — associate professor Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Starshinova A. V. — professor, Head of the Department of Social Work, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Stegny V. — professor, Department of Sociology and Political Science Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Sud'in S. A. — head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

- Syrykh E. L.* — associate Professor, RANEPa, Chelyabinsk, Russia
- Talalaeva G. V.* — professor, Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Ekaterinburg, Russia
- Tarasova A. N.* — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Tchevtayeva N. G.* — head of department, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa, N. G., Ekaterinburg, Russia
- Tikhonova A. O.* — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Tuzhikov E. N.* — head of the educational complex of integrated security management Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Ekaterinburg, Russia
- Valiakhmetov R. M.* — director of the Bashkir branch Of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, Dean of the faculty of philosophy and sociology of the Bashkir state University, Ufa, Russia
- Vandyshv M. N.* — associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Vasileva E. I.* — associate professor, RANEPa, Ekaterinburg, Russia
- Vatoropin A. S.* — head of department, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia
- Vatoropin S. A.* — associate professor, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia
- Veselkova N. V.* — associate Professor Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Vlasova O.* — associate professor Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
- Voronina L. I.* — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Voroshilova A. I.* — senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Yakovleva A. A.* — student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Yakubova E. R.* — student Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Yanovskaya E. A.* — master student of the Volgograd State University, Volgograd, Russia
- Yapparova R. R.* — deputy Director of the state educational Institution Center for Humanities research of the Ministry of culture Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
- Yegorov I. A.* — master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
- Yufereva A. S.* — teacher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
- Yuzhakova A. I.* — master of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
- Yuzhakova E. V.* — researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Zaborova E. N.* — head of the Department of applied sociology Ural state University of Economics, Yekaterinburg, Russia
- Zaitseva E. V.* — associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
- Zerchaninova T. E.* — associate professor, RANEPa, Ekaterinburg, Russia
- Zyryanov S. G.* — professor, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia

Научное издание

XXII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.

Корректурa О. В. Климова, И. Ю. Плотникова
Верстка Е. В. Ровнушкиной

Подписано в печать 27.04.2020. Формат 60×84 1/16.
Бумага писчая. Цифровая печать. Усл. печ. л. 29,8. Уч.-изд. л. 39,2.
Гарнитура *Newton*. Тираж 100 экз. Заказ 106.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: 8 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: 8 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: 8 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

